МОНТЕНЬ ❧ ОПЫТЫ

КНИГА III

МИШЕЛЬ
МОНТЕНЬ

ОПЫТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

MICHEL
DE MONTAIGNE

LES ESSAIS

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ

ОПЫТЫ

В ТРЕХ КНИГАХ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Издание подготовили

А. С. БОБОВИЧ, Ф. А. КОГАН-БЕРНШТЕЙН, Н. Я. РЫКОВА, А. А. СМИРНОВ

Второе издание

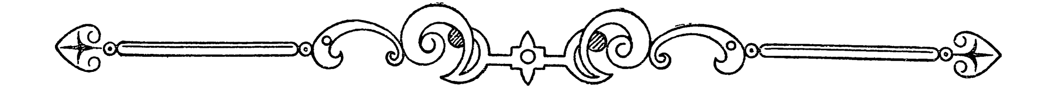
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1979

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Ю. Б. ВИППЕР

М $\frac{70304\text{-}292}{042(02)\text{-}79}$ 483-79. 4703000000

«Монтень в шляпе». *Портрет работы Этьена де Мартелланжа. Конец XVI в.*



Глава I

О ПОЛЕЗНОМ И ЧЕСТНОМ

Кому не случается сказать глупость? Беда, когда ее высказывают обдуманно.

Ne iste magno conatu magnas nugas dixerit *.

Но в этом я не повинен. Выпаливая свои, я трачу на них не больше усилий, чем они стоят. И это их счастье. Потребуй они от меня хоть чуточку напряжения — я бы тотчас же распрощался с ними. Я покупаю и продаю их только на вес. С бумагой я беседую, как с первым встречным. Лишь бы говорилась правда. Это важнее всего. Кому не отвратительно вероломство, раз даже Тиберий[2] отказался прибегнуть к нему, хоть оно и могло доставить ему великую выгоду? Ему дали знать из Германии, что если он пожелает, то с помощью яда его избавят от Арминия[3] (из всех врагов, какие были у римлян, он был самым могущественным; это он нанес войску Вара[4] столь постыдное поражение, и он один препятствовал распространению их владычества в тех краях). Тиберий ответил, что римский народ привык расправляться с врагами в открытую, с оружием в руках, а не тайком, прибегая к обману. Он отверг полезное ради честного. Это был, скажут мне, лицемер. Полагаю, что так: среди людей его ремесла это не диво. Но признание добродетели не обесценивается в устах ее ненавистника. Тем более, что оно вынуждено у него самой истиной, и если даже он отвергает его в своем сердце, то все же прикрывается им, чтобы приукрасить себя.

Наше устройство — и общественное и личное — полно несовершенств. Но ничто в природе не бесполезно, даже сама бесполезность. И нет во вселенной вещи, которая не занимала бы подобающего ей места. Наша сущность складывается из пагубных свойств: честолюбие, ревность, пресыщение, суеверие и отчаяние обитают в нас, и власть их над нами настолько естественна, что подобие всего этого мы видим и в животных: к ним добавляется и столь противоестественный порок, как жестокость, ибо, жалея кого-нибудь, мы при виде его страданий одновременно ощу-

* Этот человек с великими потугами собирается сказать великие глупости[1] (*лат.*).

щаем в себе и некое мучительно-сладостное щекотание злорадного удовольствия; его ощущают и дети;

> Suave mari magno, turbantibus aequora ventis,
> E terra magnum alterius spectare laborem *;

и кто истребил бы в человеке зачатки этих качеств, тот уничтожил бы основания, на которых зиждется наша жизнь. Так и во всяком государстве существуют необходимые ему должности, не только презренные, но и порочные; порокам в нем отводится свое место, и их используют для придания прочности нашему объединению, как используют яды, чтобы сохранить наше здоровье. И если эти должности становятся извинительными, поскольку они нужны, и общественная необходимость побуждает забыть об их подлинной сущности, то поручать их следует все же более стойким и менее щепетильным гражданам, готовым пожертвовать своей честью и своей совестью, подобно тем мужам древности, которые жертвовали для блага отечества своей жизнью; нам же, более слабым, подобает брать на себя и более легкие и менее опасные роли. Общее благо требует, чтобы во имя его шли на предательство, ложь и беспощадное истребление: предоставим же эту долю людям более послушным и более гибким.

Конечно, меня часто охватывала досада, когда я видел, как судьи, стараясь вынудить у обвиняемого признание, морочили его ложными надеждами на снисхождение или помилование, прибегая при этом к бесстыдному надувательству. И правосудие и Платон, поощрявший приемы этого рода, немало выиграли бы в моих глазах, предложи они способы, которые пришлись бы мне более по душе. Злобой и коварством своим такое правосудие, по-моему, подрывает себя не меньше, чем его подрывают другие. Не так давно я ответил, что едва ли мог бы предать государя ради простого смертного, ибо и простого смертного предать ради государя мне было бы крайне прискорбно. Мало того, что мне противно обманывать, — мне противно и тогда, когда обманываются во мне. Я не хочу подавать к этому ни оснований, ни повода.

В немногих случаях, когда мне доводилось в крупных и мелких разногласиях, разрывающих нас ныне на части, посредничать между нашими государями [6], я всегда старательно избегал надевать на себя маску и вводить кого бы то ни было в заблуждение. Кто набил в этом ремесле руку, тот держится возможно более скрытно и всячески притворяется, что исключительно доброжелателен и уступчив. Что до меня, то я выкладываю мое мнение сразу, без околичностей, на свой собственный лад. Совестливый посредник и новичок, предпочитающий скорее отступиться от дела, чем от самого себя! Так бывало со мной до последнего времени, и мне настолько везло (а ведь удача здесь безусловно самое главное), что мало кто, имея сношения с враждебными станами, вызывал меньше моего подозрений и снискивал столько ласки и дружелюбия. Я всегда откровенен,

---

* Сладостно наблюдать с берега за бедствиями, претерпеваемыми другими в открытом море, где бушуют гонимые ветром волны [5] (*лат.*).

а это производит благоприятное впечатление и с первого взгляда внушает доверие. Непосредственность и правдивость своевременны и уместны в любой век, каким бы он ни был. К тому же независимость тех, кто действует бескорыстно, не порождает ни особых подозрений, ни ненависти; ведь они с полным правом могут повторить ответ Гиперида[7] афинянам, жаловавшимся на резкость его речей: «Господа, незачем обсуждать, стесняюсь ли я в выражениях, но следует выяснить, говорю ли я, преследуя свою пользу и извлекая для себя выгоду». Моя независимость легко ограждала меня и от подозрений в притворстве; во-первых, я всегда проявляю твердость и не стесняюсь высказать все до конца, сколь бы дерзкими и обидными мои слова ни были, так что и за глаза я не мог бы высказать ничего худшего; во-вторых, независимость моя всегда выступает в обличье безыскусственности и простоты. Действуя, я не добиваюсь чего-либо сверх того, ради чего я действую; я не загадываю вперед и не строю далеко идущих предположений; всякое действие преследует какую-то определенную цель, — так пусть же, если возможно, оно достигнет ее.

Кроме того, меня не обуревает ни страстная ненависть, ни страстная любовь к великим мира сего, и воля моя не зажата в тиски ни нанесенным ей оскорблением, ни чувством особой признательности. Что касается наших государей, то я почитаю их лишь как подданный и гражданин, и мое чувство к ним свободно от всякой корысти. За это я приношу себе великую благодарность. Даже общему и правому делу я привержен не более чем умеренно, и оно не порождает во мне особого пыла. Я не склонен к всепоглощающим и самозабвенным привязанностям, а также к самопожертвованию: долг справедливости отнюдь не требует от нас гнева и ненависти; это страсти, пригодные только для тех, кто не способен придерживаться своего долга, следуя велениям разума; все законные и праведные намерения по своей сущности справедливы и умеренны, в противном случае они мятежны и незаконны. Это и позволяет мне ходить везде и всюду с высоко поднятой головой, открытым лицом и открытым сердцем.

Говоря по правде, — и я нисколько не боюсь в этом признаться, — я, не смущаясь, поставил бы при нужде одну свечу архангелу Михаилу, а другую — его дракону, как собиралась сделать одна старая женщина. За партией, отстаивающей правое дело, я пойду хоть в огонь, но только в том случае, если смогу. Пусть Монтень, если в этом будет необходимость, провалится вместе со всем остальным, но если в этом не будет необходимости и он уцелеет, я буду бесконечно благодарен судьбе, и поскольку мой долг вкладывает мне в руку веревку, я пользуюсь ею, помогая Монтеню выстоять. Разве Аттик[8], принадлежа к благонамеренной, но побежденной партии, не спасся при всеобщем крушении, среди стольких потрясений и перемен лишь благодаря своей умеренности?

Для частных лиц, каким он был, это легче, и в таком положении можно с достаточным основанием отбросить честолюбивые помыслы и не вмешиваться по собственной воле не в свое дело. Но колебаться и пребы-

вать в нерешимости, сохранять полнейшую безучастность и безразличие к смутам и междоусобицам в твоем отечестве — нет, этого я не нахожу ни похвальным, ни честным. Ea non media, sed nulla via est, velut eventum exspectantium quo fortunae consilia sua applicent *.

Такая вещь позволительна только по отношению к делам соседей: во время войны варваров с греками Гелон [10], тиран сиракузский, скрывая, кому он сочувствует, держал наготове посольство с подарками, которому повелел быть начеку и, установив, на чью сторону склоняется счастье, без промедления сойтись с победителем. Поступать так же по отношению к собственным и домашним делам, к которым невозможно отнестись безучастно и о которых нельзя не иметь суждения, было бы своего рода изменой. Но не вмешиваться в эти дела человеку, не занимающему никакой должности и не взявшему на себя поручений, которые побуждали бы его действовать, я нахожу более извинительным (и все же не прибегаю к этому извинению), чем в случае войн с чужеземцами, хотя в них по нашим законам принимают участие только желающие. Однако и те, кто полностью отдается междоусобицам, могут вести себя настолько благоразумно и с такою умеренностью, что грозе придется пронестись над их головой, не причинив им вреда. Не было ли у нас оснований предполагать то же и в отношении покойного епископа Орлеанского, сьера де Морвилье [11]? И среди тех, кто доблестно занимается этим делом и ныне, я знаю людей, чье поведение настолько безупречно и благородно, что они должны устоять на ногах, какие бы бедствия и превратности ни обрушило на нас небо. Я считаю, что лишь королям пристало распаляться гневом на королей, и потешаюсь над теми умниками, которые с готовностью устремляются в столь неравную борьбу; с государем не затевают личной ссоры, когда открыто и смело идут против него ради своей чести и в соответствии со своим долгом; если он не любит подобного человека, он поступает лучше, он уважает его. И в особенности отстаивание законов и защита установившегося порядка содержит в себе нечто такое, что побуждает даже посягающих на него в своих целях извинять, если не чтить, его защитников.

Но не следует называть долгом — а мы это постоянно делаем — внутреннюю досаду и недовольство, порождаемые корыстью и страстями личного свойства, как нельзя называть смелостью предательское и злобное поведение. Такие люди зовут рвением свою склонность к злобе и насилию; не сознание правоты своего дела движет ими, а корысть: они разжигают войну не потому, что она справедлива, но потому, что это — война.

Ничто не мешает поддерживать хорошие отношения с теми, кто враждует между собой, и вести себя при этом вполне порядочно; выказывайте к тому и другому дружеское расположение, пусть не совсем одинаковое, ибо оно допускает различную меру, и уж во всяком случае достаточно

* Это не средний путь, это — никакой путь, и таков путь тех, кто ожидает, к какому исходу судьба приведет их замыслы [9] (*лат.*).

сдержанное и не влекущее вас в одну сторону так сильно, чтобы она могла располагать вами по своему усмотрению; и еще: довольствуйтесь скромною мерою их благосклонности и, оказавшись в мутной воде, не норовите ловить в ней рыбку.

Другой способ, а именно: предлагать всего себя и тому и другому,— столь же неразумен, сколь и бессовестен. Уверен ли тот, кому вы предаете другого, равным образом благоволящего к вам, что вы не проделаете в свою очередь того же самого с ним? Он считает вас дурным человеком и, пока слушает ваши речи, использует вас в своих видах и с помощью вашей бесчестности обделывает свои дела, ибо двуличные люди полезны тем, что они могут дать, но надо стараться при этом, чтобы сами они получили как можно меньше.

Я не говорю одному того, чего не мог бы в свое время сказать другому, лишь слегка изменив ударение, и я сообщаю ему вещи либо несущественные, либо общеизвестные, либо такие, которые могут пойти на пользу обоим. Нет такой выгоды, ради которой я позволил бы себе обманывать их. Доверенное моему молчанию я свято храню про себя, но на хранение беру лишь самую малость; ведь беречь тайны государя, которые тебе ни к чему, докучное и тяжелое бремя. Я охотно иду на то, чтобы они доверяли мне только немногое, но безоговорочно верили всему, что бы я им ни принес. Я всегда знал больше, чем мне хотелось.

Откровенная речь, подобно вину и любви, вызывает в ответ такую же откровенность.

Филиппид, по-моему, мудро ответил царю Лисимаху[12], который спросил его: «Что из моего добра желал бы ты получить?» — «Все, что тебе будет угодно, лишь бы то не были твои тайны». Я вижу, что всякий досадует, если от него утаивают самую сущность дела, которое ему поручено, и скрывают какую-нибудь заднюю мысль. Что до меня, то я бываю доволен, когда мне сообщают не больше того, что поручают сделать, и вовсе не жажду, чтобы моя осведомленность лишала меня права говорить и затыкала мне рот. Если я предназначен служить орудием обмана, пусть это будет, по крайней мере, без моего ведома. Я не хочу, чтобы меня принимали за усердного и исполнительного слугу, готового предать все и всех. Кто недостаточно верен себе самому, тому простительно не соблюдать верности и своему господину.

Но ведь именно государи-то и не довольствуются преданностью наполовину и пренебрегают услугами, оказываемыми в определенных границах и на определенных условиях. Этой беде ничем не поможешь; я искренно объявляю им, до каких пределов я с ними, ибо я могу быть только рабом разума, да и то это не всегда мне удается. Что до них самих, то они неправы, требуя от свободного человека такого же подчинения и такой же покорности, как от того, кого они создали и купили и чья судьба теснейшим и неразрывным образом связана с их судьбой. Законы сняли с меня тягостную заботу: они сами избрали для меня партию и дали мне господина; любая другая власть и прочие обязательства не более чем относительны и должны отступить на второй план. Само собой разумеется, что

если чувства увлекут меня в противоположную сторону, я вовсе не должен за ними последовать: воля и желания создают себе собственные законы, но наши поступки должны подчиняться общественным установлениям.

Этот мой образ действий несколько расходится с общепринятым; он не может повести к далеко идущим последствиям и непригоден на длительный срок: даже сама невинность не сумела бы, живя среди нас, обойтись без притворства и вести дела, не прибегая ко лжи. Вот почему общественные обязанности мне не по нраву; все, что требуется от меня моим положением, я неукоснительно выполняю, стараясь делать это по возможности неприметнее. Еще в детстве меня приневолили заниматься делами этого рода, и я неплохо справлялся с ними, постаравшись, однако, избавиться от них как можно скорее. Впоследствии я не раз избегал браться за них, соглашаясь на это лишь изредка, и никогда не стремился к ним, повернувшись спиной к честолюбию; и если я повернул спину не совсем так, как гребцы, продвигающиеся к цели своего плаванья задом, то все же я сделал это настолько, что не погряз в них, хотя обязан этим в меньшей степени своей воле, чем благосклонной судьбе. Но существуют пути служения обществу, менее претящие мне и более соразмерные с моими возможностями, и я знаю, что, если бы судьба в свое время открыла мне эти пути ко всеобщему уважению, я пренебрёг бы доводами рассудка и последовал ее зову.

Те, кто вопреки моему мнению о себе имеют обыкновение утверждать, будто то, что я в своей натуре называю искренностью, простотою и непосредственностью, на самом деле — ловкость и тонкая хитрость и что мне свойственны скорее благоразумие, чем доброта, скорее притворство, чем естественность, скорее умение удачно рассчитывать, чем удачливость, — не столько бесчестят меня, сколько оказывают мне честь. Но они, разумеется, считают меня чересчур уж хитрым, и того, кто понаблюдал бы за мной вблизи, я охотно призна́ю победителем, если он не вынужден будет признать, что вся их мудрость не может предложить ни одного правила, которое научило бы воссоздавать такую же естественную походку и сохранять такую же непринужденность и беспечную внешность — всегда одинаковую и невозмутимую — на дорогах столь разнообразных и извилистых; если он не призна́ет также, что все их старания и уловки не сумеют научить их тому же. Путь истины — единственный, и он прост; путь заботящихся о своей выгоде или делах, которые находятся на их попечении, — раздвоен, неровен, случаен. Я нередко сталкивался с поддельной, искусственной непосредственностью, силившейся — чаще всего безуспешно — выдать себя за настоящую. Уж очень напоминает она осла Эзоповой басни [13], который, подражая собаке, положил от полноты чувств передние ноги на плечи своего хозяина, но в то время как собаку вознаградили за это приветствие ласками, бедному ослу досталось в награду двойное количество палок. Id maxime quemque decet quod est cuiusque suum maxime *. Я не пытаюсь отказывать обману в его правах — это означало бы плохо понимать

* Всякому больше всего подобает то, что больше всего ему свойственно [14] (*лат.*).

жизнь: я знаю, что он часто приносил пользу и что большинство дел человеческих существует за его счет и держится на нем. Бывают пороки, почитаемые законными; бывают хорошие или извинительные поступки, которые тем не менее незаконны.

Правосудие как таковое, естественное и всеобщее, покоится на других, более благородных основах, чем правосудие частное, национальное, приспособленное к потребностям государственной власти: Veri iuris germanaeque iustitiae solidam et expressam effigiem nullam tenemus; umbra et imaginibus utimur *, — так что мудрец Дандамис, выслушав прочитанные при нем жизнеописания Сократа, Пифагора и Диогена[16], счел их людьми великими во всех отношениях, но порабощенными своим чрезмерным преклонением перед законами; одобряя законы и следуя им, истинная добродетель утрачивает немалую долю своей изначальной твердости и неколебимости, и много дурного творится не только с их разрешения, но и по их настоянию. Ex senatusconsultis plebisquescitis scelera exercentur**. Я следую общепринятому между людьми языку, а он проводит различие между полезным и честным, называя иные естественные поступки, не только полезные, но и насущно необходимые, грязными и бесчестными.

Но остановимся на одном примере предательства. Два претендента на фракийское царство затеяли спор о своих правах на него. Император помешал им прибегнуть к оружию. Тогда один из них, делая вид, будто жаждет дружеского соглашения с соперником, которое может быть достигнуто при личном свидании, пригласил его к себе на пир и, когда тот прибыл к нему, повелел схватить его и убить. Справедливость требовала от римлян, чтобы они покарали столь гнусное злодеяние, но сделать это обычным путем им мешали препятствия всякого рода, и так как тут нельзя было обойтись без войны и без риска, они не побрезговали предательством. Ради полезного они пошли на нечестное. Подходящим человеком для этого оказался некий Помпоний Флакк; прикрываясь лживыми речами и уверениями, он завлек преступника в расставленные ему силки и, вместо обещанного почета и милостей, заковал его в цепи и отослал в Рим[18]. Один предатель предал другого, что случается не так уже часто, ибо они настолько исполнены недоверия ко всему и ко всем, что поймать их при помощи применяемых ими же уловок — дело нелегкое, и мы это испытали на печальном опыте недавнего прошлого.

Пусть, кто хочет, делается Помпонием Флакком — таких, кто захотел бы сделаться им, сколько угодно. Что до меня, то и моя речь и моя честность и все остальное во мне составляют единое целое; их высшее стремление — служить обществу; я считаю это непреложным законом. Но если бы мне приказали взять на себя обязанности судьи и заниматься разбором тяжб, я бы ответил: «Я ничего в этом не смыслю»; или обязанности начальника землекопов, роющих траншеи для войска, я бы сказал: «Я при-

---

* Мы не обладаем твердым и четким представлением об истинном праве и подлинном правосудии; мы довольствуемся тенью и призраками[15] (*лат.*).

** На основании постановлений сената и решений народа творятся преступления (*лат.*).

зван к более достойной роли»; равным образом, и тому, кто пожелал бы воспользоваться мною для лжи, предательства и вероломства, ожидая от меня какой-нибудь важной услуги, или для убийства и отравления неугодных ему людей, я бы сказал: «Если я кого-нибудь обокрал или ограбил, отправьте меня немедленно на галеры». Ибо честному человеку позволительно говорить в том же духе, в каком говорили лакедемоняне с нанесшим им поражение Антипатром, когда обсуждали с ним условия мира: «Ты можешь навязать нам любые, какие только ни пожелаешь, тяжелые и разорительные повинности, но навязывать постыдные и бесчестные — и не пытайся: ты зря потеряешь время» [19]. Всякий должен дать себе самому такую же клятву, какую египетским царям торжественно давали назначаемые ими судьи, а именно, что они не пойдут наперекор своей совести даже по царскому повелению [20]. Мы откровенно презираем и осуждаем поручения известного рода; кто возлагает на нас подобные поручения, тот тем самым выносит нам приговор и, если мы способны это понять, налагает на нас тяжкий груз и оковы. Насколько общественные дела улучшаются в таких случаях благодаря вашему участию в них, настолько же ухудшаются ваши; чем лучше вы выполняете подобное поручение, тем больший ущерб наносите самому себе. И вовсе не будет внове, а порой, пожалуй, в какой-то мере и справедливо, если вас покарает за ваши услуги тот же, кто использовал вас в своих целях. Вероломство может быть иногда извинительным; но извинительно оно только тогда, когда его применяют, чтобы наказать и предать вероломство.

Известно сколько угодно предательств, которые были не только отвергнуты, но и наказаны теми, в чьих интересах они предпринимались. Кто не знает приговора Фабриция врачу Пирра [21]? Но бывало и так, что повелевший совершить предательство сам же и расправлялся с тем, кого он использовал, ибо он перестал доверять предателю и не хотел оставлять за ним столь непомерной власти и ему становились омерзительны раболепие и покорность, столь безграничные и столь подлые.

Ярополк, великий князь Русский, подкупил одного венгерского дворянина, поручив ему предательски умертвить польского короля Болеслава или, по меньшей мере, предоставить русским возможность причинить ему какой-нибудь существенный вред. Этот дворянин, ведя себя, как подобает честному человеку, стал с еще большим усердием служить польскому королю и сделался членом его совета и одним из самых близких к нему людей. Добившись этого высокого положения, он дождался удобного случая и в отсутствие своего государя впустил русских в Вислицу, большой и богатый город, который они разграбили и сожгли дотла, перебив при этом без различия пола и возраста не только всех его обитателей, но и большое число окрестных дворян, вызванных в город предателем именно ради этого. Ярополк, утолив жажду мщения и удовлетворив гнев, который не был, впрочем, безосновательным (ибо и Болеслав нанес ему тяжкое оскорбление, сделав с ним приблизительно то же), и пресытившись плодами упомянутого предательства, увидел его ничем не прикрытую гнусность; рассмотрев его холодным и трезвым, не смущенным больше страстями взгля-

дом, он почувствовал такие угрызения совести и такое раскаяние, что приказал выколоть глаза и отрезать язык и срамные части тому, кто был непосредственным виновником происшедшего [22].

Антигон убедил воинов аргираспидов предать в его руки Евмена, их верховного военачальника и его противника; но едва они его выдали и он повелел его умертвить, как ему вздумалось стать вершителем божественного возмездия и покарать столь подлое преступление: отослав предателей к правителю этой провинции, он строго-настрого наказал ему погубить и истребить их любыми способами. И вышло так, что из большого числа этих воинов ни один не ступил больше на македонскую землю [23]. Чем лучше они ему послужили, тем отвратительнее в его глазах был их поступок и тем строже надлежало их наказать.

Раб, открывший убежище, где скрывался его господин Публий Сульпиций, немедленно получил свободу, как было предусмотрено в проскрипциях Суллы, но, став свободным, был тотчас же сброшен с Тарпейской скалы, что было предусмотрено законами государства [24]. Таких предателей вешали с кошельком на шее, в котором была их плата. Воздав должное частной и ограниченной справедливости, воздавали вслед за тем должное и справедливости как таковой.

Махмуд Второй, видя в своем младшем брате возможного соперника и желая по этой причине избавиться от него — дело в их роду обычное, — воспользовался услугами одного из своих приближенных военачальников, который и удушил Махмудова брата, заставив его проглотить сразу слишком много воды. После того как с этим было покончено, Махмуд во искупление столь предательского убийства выдал убийцу матери покойного (они были братьями только по отцу); она же, в его присутствии, собственными руками вспорола убийце живот и, нащупав сердце, вырвала его еще дымящимся и трепещущим и бросила на съедение псам [25].

И наш король Хлодвиг приказал повесить троих слуг Канакра, предавших ему своего господина и ради этого подкупленных им [26].

Да и отъявленным злодеям, после того как они извлекли выгоду из какого-нибудь бесчестного поступка, бывает очень приятно пристегнуть к нему с полной уверенностью в успехе что-нибудь свидетельствующее об их справедливости и доброте и о том, что их якобы мучит совесть и они хотят ее облегчить.

К этому нужно добавить, что сильные мира сего смотрят на исполнителей столь отвратительных злодеяний как на людей, изобличающих их в преступлении. И они стараются уничтожить их, чтобы устранить свидетелей против себя и замести, таким образом, следы своих происков.

Если при случае они все же вознаграждают вас за совершенное вами предательство, дабы общественная необходимость не была лишена этого отчаянного и крайнего средства, тот, кто делает это, не перестает считать вас — если только он сам не таков — законченным мерзавцем и висельником, и в его глазах вы еще больший предатель, чем в глазах вашей жертвы, ибо он измеряет низость вашей души по вашим рукам, а они беспрекословно ему повинуются и ни в чем не отказывают. Использует же он

вас совсем так же, как пользуются отпетыми негодяями при совершении казней, — их обязанности столь же полезны, сколь малопочтенны. Подобные поручения, не говоря уже об их гнусности, растлевают и развращают совесть. Дочь Сеяна, которую римские судьи не могли наказать смертью, так как она была девственница, сначала была обесчещена палачом, дабы законы не потерпели ущерба, и лишь после этого удавлена им [27]; не только руки его, но и его душа — рабы государственной власти, располагающей ими по своему усмотрению.

Когда Мурад Первый, желая усугубить тяжесть наказания тех из своих подданных, которые оказали поддержку его мятежному сыну, — а тот задумал не что иное, как отцеубийство, — повелел их ближайшим родственникам собственноручно совершить над ними казнь, некоторые предпочли быть несправедливо обвиненными в содействии чужому отцеубийству, чем стать орудиями убийства своих родичей [28], и я нахожу, что они поступили в высшей степени честно. И когда уже в мое время в кое-каких взятых приступом городишках мне доводилось встречать негодяев, которые, чтобы спасти свою жизнь, соглашались вешать своих друзей и товарищей, я неизменно считал, что судьба их — еще более жалкая, чем судьба тех, кого они вешали.

Рассказывают про Витовта, князя Литовского, что им некогда был издан закон, согласно которому осужденные на смерть преступники должны были самолично исполнять над собой приговор, ибо он не постигал, как это ни в чем не повинные третьи лица могут привлекаться и понуждаться к человекоубийству [29].

Если крайние обстоятельства или какое-нибудь чрезвычайное и непредвиденное событие, угрожающее существованию государства, заставляют государя изменить своему слову и обещаниям или как-нибудь по-иному нарушить свой долг, он должен рассматривать подобную необходимость как удар бича божьего; порока тут нет, ибо он отступается от своих принципов ради общеобязательного и высшего принципа, но это, конечно, несчастье, и столь большое несчастье, что тому, кто меня спрашивал: «Что же тут поделаешь?» — я ответил: «Ничего поделать нельзя. Если он и вправду оказался зажатым в тиски этими двумя крайностями (sed videat ne quaeratur latebra periurio *), ему следовало поступить именно так, как он поступил; но если он сделал это без горечи, если ему не был тягостен его шаг, это верный признак того, что он не в ладах со своей совестью».

Найдись среди государей кто-нибудь с такой щепетильной совестью, что даже полное исцеление от всех зол не могло бы примирить его со столь отчаянным средством, то и в этом случае я не стал бы его порицать. Он не мог бы погибнуть более извинительным и пристойным образом. Мы не всесильны; ведь так или иначе нам часто приходится препоручать наш корабль божественному промыслу, видя в нем якорь спасения. Что же более насущно необходимое может совершить государь? [31] Разве не наименее воз-

* Но пусть он не ищет оправданий для своего клятвопреступления [30] (*лат.*).

можное для него то, что он может сделать лишь ценою утраты доверия к его слову и за счет своей чести — а слово и честь должны быть ему, пожалуй, дороже его собственного благополучия, больше того — благополучия его подданных? И если, пребывая в полном бездействии, он попросту взовет к помощи бога, не будет ли у него оснований надеяться, что благость господня не откажется поддержать своей милостивой рукой руку праведную и чистую? [31]

Случаи, когда государям приходится нарушать свой долг, — дурные и гибельные примеры; они представляют собою редкие и печальные исключения из наших естественных правил. Здесь надо уступать обстоятельствам, но возможно умереннее и с оглядкою; никакая личная выгода не оправдывает насилия, совершаемого нами над нашей совестью; общественная — дело другое, но и то лишь тогда, когда она вполне очевидна и очень существенна.

Тимолеон [32] смыл чудовищность совершенного им слезами, которые пролил, вспоминая о том, что убитый его рукою тиран — родной брат ему; и его совесть была справедливо смущена тем, что общественная польза могла быть достигнута лишь ценою его бесчестия. Даже сенат, освобожденный Тимолеоном от рабства, и тот не осмелился вынести окончательное решение относительно этого высокого подвига и разделился в этом вопросе на два несогласных между собой и противостоящих друг другу стана. Случилось, однако, что как раз в это самое время прибыли послы от сиракузцев к коринфянам с мольбой о защите и покровительстве и с просьбой направить к ним полководца, способного возвратить их городу былое величие и очистить Сицилию от различных угнетавших ее мелких тиранов, и сенат отправил туда Тимолеона. Воспользовавшись этим новым предлогом, сенат заявил, что приговор по делу Тимолеона будет вынесен в соответствии с тем, хорошо или дурно он будет вести себя, выполняя свое поручение, и что его ждет либо милость, подобающая освободителю родины, либо немилость, подобающая братоубийце. При всей несообразности такого решения его можно в известной степени извинить ввиду опасности показанного Тимолеоном примера и важности возложенного на него дела. И сенат поступил правильно, отложив свой приговор и стремясь найти для него опору со стороны, в соображениях, не имеющих прямого касательства к самому делу. И что же! поведение Тимолеона во время этого путешествия вскоре пролило дополнительный свет на сущность его деяния — так достойно и доблестно вел он себя в любых обстоятельствах; да и удача, сопутствовавшая ему во всем, несмотря на трудности, которые ему пришлось преодолеть при выполнении своего благородного дела, была ниспослана, казалось, самими богами, сговорившимися споспешествовать его оправданию.

Цель Тимолеона, убившего брата-тирана, оправдывает его, если вообще такое деяние может быть оправдано. Но стремление увеличить государственные доходы, толкнувшее римский сенат принять то бессовестное решение, о котором я намерен сейчас рассказать, не настолько возвышенно, чтобы оправдать явную несправедливость.

Несколько городов, внеся денежный выкуп, с разрешения и по указу сената получили от Суллы свободу. Этот вопрос был подвергнут новому обсуждению, и сенат объявил, что они должны вносить налоги по-прежнему, деньги же, выплаченные ими в качестве выкупа, не подлежат возвращению [33]. Гражданские войны преподносят нам на каждом шагу столь же отвратительные примеры коварства, ибо мы наказываем ни в чем не повинных людей только за то, что они верили нам, когда мы сами были иными, и должностное лицо налагает наказание за перемену в своих взглядах на тех, кто в этом нисколько не виноват: учитель порет ученика за его покорность, поводырь — следующего за ним по пятам слепца. Гнуснейшее подобие правосудия! И философия также не свободна от правил ложных и уязвимых. Пример, который нам приводят в доказательство того, что личная выгода может брать порой верх над данным нами словом, не кажется мне достаточно веским, несмотря на примешивающиеся сюда обстоятельства. Вас схватили разбойники и затем отпустили на волю, связав предварительно клятвою, что вы заплатите им определенную мзду; глубоко неправ тот, кто утверждает, будто порядочный человек, вырвавшись из их рук, свободен от своего слова и может не платить обещанных денег. Он никоим образом от него не свободен. То, что я пожелал сделать, побуждаемый страхом, я обязан сделать и избавившись от него, и даже если он принудил к подобному обещанию мой язык, а не волю, я все равно должен соблюсти в точности мое слово. Что до меня, то я всегда совестился отрекаться от своего слова даже тогда, когда оно неосторожно слетало у меня с уст, опередив мысль. Иначе мы мало-помалу сведем на нет права тех, кому мы даем клятвы и обещания. Quasi vero forti viro vis possit adhiberi *. Личные соображения могут считаться законными и извинять нас при нарушении нами обещанного лишь в одном-единственном случае, а именно, если мы обещали что-нибудь само по себе несправедливое и постыдное, ибо права добродетели должны стоять выше прав, вытекающих из обязательств, которыми мы связали себя.

Я поместил когда-то Эпаминонда [35] в первом ряду лучших людей и не отступаюсь от этого. До чего же возвышенно понимал он свой долг, он, который ни разу не убил ни одного побежденного и обезоруженного им в схватке; который не позволял себе даже ради бесценного блага — возвращения свободы отчизне — предать смерти без соблюдения всех форм правосудия какого-нибудь тирана или его приспешника; который считал дурным человеком того, кто, будучи даже безупречным гражданином, не щадил в пылу битвы, среди врагов, своего друга или того, с кем его связывали узы гостеприимства! Вот душа, и впрямь отлитая из драгоценного сплава! Он вносил в самые жестокие и необузданные человеческие деяния доброту и человечность, притом доведенную до такой степени утонченности, какая известна лишь самым человечным из философских учений. От природы ли была так чувствительна его душа, суровая, гордая и несгибаемая в борьбе со страданием, смертью и бедностью, или ее смягчило са-

* Словно насилие может повлиять на подлинно храброго человека [34] (*лат.*).

мовоспитание, но она стала на редкость нежною и отзывчивой. Грозный, с мечом в руке и залитый кровью, он идет в бой, сокрушая и уничтожая мощь народа, непобедимого в схватке со всеми, кроме него[36], но старательно уклоняется в сумятице и гуще жестокой битвы от встречи с другом или с тем, с кем его связывали узы гостеприимства. И он был поистине достоин повелевать на войне, ибо в самом пылу ее, в самом яром пламени, в неистовстве кровопролития способен был ощущать укоры доброго сердца. Ведь это чудо — уметь вкладывать в такие дела хотя бы малую толику справедливости, и только самообладание Эпаминонда могло примешивать к ним кротость и снисходительность самых мягких нравов и душевную чистоту. И в то время как один полководец сказал мамертинцам[37], что статуты ни в какой мере не распространяются на вооруженных людей, а другой в разговоре с народным трибуном — что одно время для правосудия, а другое для войны[38], а третий — что звон оружия мешает ему слышать голос законов[39], Эпаминонду ничто никогда не мешало слышать голоса учтивости и безупречной любезности. Не позаимствовал ли он у своих врагов обычай совершать, идя на войну, жертвоприношения музам, дабы их прелесть и жизнерадостность смягчали присущую воину ярость и беспощадную жестокость?

Так не будем же, следуя в этом столь великому учителю и наставнику, опасаться отстаивать мысль, что есть кое-какие вещи, непозволительные даже в отношении наших врагов, и что общественные интересы отнюдь не должны требовать всего от всех в ущерб интересам частным, manente memoria etiam in dissidio publicorum foederum privati iuris *:

et nulla potentia vires
Praestandi, ne quid peccet amicus, habet **;

а также, что вовсе не все может позволить себе порядочный человек, служа своему государю, или общему благу, или законам. Non enim patria praestat omnibus officiis, et ipsi conducit pios habere cives in parentes ***. Это самое что ни на есть подходящее наставление для нашего времени; нам незачем прикрывать наши души стальными пластинами — довольно того, что ими прикрыты наши плечи, и достаточно обмакивать наши перья в чернила, незачем макать их в кровь. И если презирать дружбу, личные обязательства, данное тобой слово и узы родства, принося все это в жертву общественному благу и повиновению власти, означает выказывать величие души и проявлять редкостную и исключительную доблесть, то, весьма вероятно, — скажем это себе в извинение — такое величие не могло бы ужиться с душевным величием Эпаминонда.

---

* Даже при расторжении государственных договоров памятуя о правах частных лиц[40] (*лат.*).

** И никакая власть не в силах предотвратить, чтобы [твой] друг не совершил какого-нибудь проступка[41] (*лат.*).

*** Ведь родина не заслоняет от нас всех остальных наших обязанностей, и ей самой выгодно иметь граждан, почитающих родителей[42] (*лат.*).

Мне внушают глубокое отвращение яростные призывы, исходящие от некой совсем иной, лишенной всяких нравственных устоев души:

dum tela micant, non vos pietatis imago
Ulla, nec adversa conspecti fronte parentes
Commoveant; vultus gladio turbate verendos *.

Не дадим же душам от природы злобным, коварным и кровожадным прикрываться личиной разума; забудем о таком правосудии, неистовом, одержимом, и будем подражать в своих действиях тому, что более свойственно человеку. Но как, однако, различны являемые нами в разное время примеры! В одной из битв гражданской войны против Цинны некий воин Помпея [44] убил своего брата, не узнав его между врагами, и тут же от стыда и отчаяния наложил на себя руки [45]; а спустя несколько лет, во время новой гражданской войны, которую вел тот же народ, другой солдат, убив брата, потребовал от своих начальников награду за это [46].

Мерилом честности и красоты того или иного поступка мы ошибочно считаем его полезность и отсюда делаем неправильный вывод, будто всякий обязан совершать такие поступки и что полезный поступок честен для всякого:

Omnia non pariter rerum sunt omnibus apta **.

Обратимся к самому насущному и полезному из всего, что известно в человеческом обществе, — я имею в виду вступление в брак; но вот собор святых отцов находит, что не вступать в брак более честно, и запрещает его по этой причине наиболее почитаемому нами сословию; да и мы отдаем в табун только тех лошадей, которых считаем менее ценными.

Глава II

О РАСКАЯНИИ

Другие творят человека; я же только рассказываю о нем и изображаю личность, отнюдь не являющуюся перлом творения, и будь у меня возможность вылепить ее заново, я бы создал ее, говоря по правде, совсем иною. Но дело сделано, и теперь поздно думать об этом. Штрихи моего наброска нисколько не искажают истины, хотя они все время меняются, и эти изме-

---

* Пока сверкает обнаженное оружие, пусть вас не трогает ни воспоминание о милосердии, ни представший пред вами образ ваших родителей; отгоняйте своим мечом лица, внушающие вам благоговейную почтительность [43] (*лат.*).

** Не все одинаково пригодно для всех [47] (*лат.*).

нения необычайно разнообразны. Весь мир — это вечные качели. Все, что он в себе заключает, непрерывно качается: земля, скалистые горы Кавказа, египетские пирамиды, — и качается все это вместе со всем остальным, а также и само по себе. Даже устойчивость — и она не что иное, как ослабленное и замедленное качание. Я не в силах закрепить изображаемый мною предмет. Он бредет наугад и пошатываясь, хмельной от рождения, ибо таким он создан природою. Я беру его таким, каков он предо мной в то мгновение, когда занимает меня. И я не рисую его пребывающим в неподвижности. Я рисую его в движении, и не в движении от возраста к возрасту или, как говорят в народе, от семилетия к семилетию, но от одного дня к другому, от минуты к минуте. Нужно помнить о том, что мое повествование относится к определенному часу. Я могу вскоре перемениться, и не только непроизвольно, но и намеренно. Эти мои писания — не более чем протокол, регистрирующий всевозможные проносящиеся вереницей явления и неопределенные, а иногда и противоречащие друг другу фантазии, то ли потому, что я сам становлюсь другим, то ли потому, что постигаю предметы при других обстоятельствах и с других точек зрения. Вот и получается, что иногда я противоречу себе самому, но истине, как говорил Демад [1], я не противоречу никогда. Если б моя душа могла обрести устойчивость, попытки мои не были бы столь робкими и я был бы решительнее, но она все еще пребывает в учении и еще не прошла положенного ей искуса.

Я выставляю на обозрение жизнь обыденную и лишенную всякого блеска, что, впрочем, одно и то же. Вся моральная философия может быть с таким же успехом приложена к жизни повседневной и простой, как и к жизни более содержательной и богатой событиями: у каждого человека есть все, что свойственно всему роду людскому.

Авторы, говоря о себе, сообщают читателям только о том, что отмечает их печатью особенности и необычности; что до меня, то я первый повествую о своей сущности в целом, как о Мишеле де Монтене, а не как о филологе, поэте или юристе.

Если людям не нравится, что я слишком много говорю о себе, то мне не нравится, что они занимаются не только собой.

Но разумно ли, что при сугубо частном образе жизни я притязаю на общественную известность? И разумно ли преподносить миру, где форма и мастерство так почитаемы и всесильны, сырые и нехитрые продукты природы, и природы к тому же изрядно хилой? Сочинять книги без знаний и мастерства не означает ли то же самое, что класть крепостную стену без камней, или что-либо в этом же роде? Воображение музыканта направляется предписаниями искусства, мое — прихотью случая. Но применительно к науке, которая меня занимает, за мной, по крайней мере, то преимущество, что никогда ни один человек, знающий и понимающий свой предмет, не рассматривал его доскональнее, чем я — свой, и в этом смысле я самый ученый человек изо всех живущих на свете; во-вторых, никто никогда не проникал так глубоко в свою тему, никто так подробно и тщательно не исследовал всех ее частностей и существующих между ними свя-

зей и никто не достигал с большей полнотой и завершенностью цели, которую ставил себе, работая. Чтобы справиться с нею, мне потребна только правдивость; а она налицо, и притом самая искренняя и полная, какая только возможна. Я говорю правду не всегда до конца, но настолько, насколько осмеливаюсь, а с возрастом я становлюсь смелее, ибо обычай, кажется, предоставляет старикам бо́льшую свободу болтать и, не впадая в нескромность, говорить о себе. Здесь не может произойти то, что происходит, как я вижу, довольно часто, а именно, что сочинитель и его труд несоразмерны друг другу: как это человек, столь разумный в речах, написал столь нелепое сочинение? Или каким образом столь ученые сочинения вышли из-под пера человека, столь немощного в речах?

Если у кого-нибудь речь обыденна, а сочинения примечательны — это значит, что дарования его там, откуда он их заимствует, а не в нем самом. Сведущий человек не бывает равно сведущ во всем, но способный — способен во всем, даже пребывая в невежестве.

Здесь мы идем вровень и всегда в ногу — моя книга и я. В других случаях можно хвалить или, наоборот, порицать работу независимо от работника; здесь — это исключено: кто касается одной, тот касается и другого. Кто возьмется судить о работе, не зная работника, тот причинит больше ущерба себе, нежели мне; кто предварительно узнает его, тот сполна удовлетворит меня. Но я буду сверх меры счастлив, если получу общественное одобрение хотя бы только за то, что дал почувствовать мыслящим людям свое умение с толком употреблять мои знания — если таковые у меня есть, — доказал им, что я стою того, чтобы память служила мне лучше.

Прошу меня извинить за слишком частые упоминания о том, что я редко раскаиваюсь в чем бы то ни было и что моя совесть в общем довольна собой, не так, как совесть ангела или, скажем, лошади, но так, как может быть довольна собой человеческая совесть; я постоянно повторяю нижеследующие слова не как пустую формулу вежливости, а как нечто, идущее от непосредственного ощущения мною своей ничтожности: все, что я говорю, я говорю как ищущий и не ведающий, бесхитростно и с чистой душой опираясь на общераспространенные и законные верования. Я отнюдь не поучаю, я только рассказываю.

Настоящим пороком нужно считать только такой, который оскорбляет сознание человека и безоговорочно осуждается человеческим разумом, ибо его уродство и вредоносность до того очевидны, что правы, пожалуй, те, кто утверждает, будто он является порождением, в первую очередь, глупости и невежества. Трудно представить себе, чтобы, познакомившись с ним, можно было бы не возненавидеть его. Злоба чаще всего впитывает в себя свой собственный яд и отравляется им. Подобно тому, как язва на теле оставляет после себя рубец, так и порок оставляет в душе раскаяние, которое, постоянно кровоточа, не дает нам покоя. Ибо рассудок, успокаивая другие печали и горести, порождает горечь раскаяния, которая тяжелее всего, так как она точит нас изнутри; ведь жар и озноб, порожденные лихорадкой, более ощутительны, чем действующие на нас снаружи. Я считаю пороками (впрочем, каждый из них измеряется своей меркой)

не только то, что осуждается разумом и природой, но и то, что признается пороком в соответствии с представлениями людей, пусть даже ложными и ошибочными, если законы и обычай подтверждают такую оценку.

Нет, равным образом, ни одного проявления доброты, которое не доставляло бы радости благородному сердцу. Когда творишь добро, сам испытываешь некое радостное удовлетворение и законную гордость, сопутствующие чистой совести. Прочная, но смелая и решительная душа может, при случае, обеспечить себе спокойствие, но познать удовлетворение и удовольствие этого рода ей не дано. А это немалое наслаждение — чувствовать себя огражденным от заразы, распространяемой столь порочным веком, и говорить себе самому: «Кто заглянул бы мне в самую душу, тот и тогда не обвинил бы меня ни в несчастии и разорении кого бы то ни было, ни в мстительности и в зависти, ни в преступлении против законов, ни в жажде перемен или смуты, ни в нарушении слова; и хотя разнузданность нашего времени разрешает все это и учит этому каждого, я никогда не накладывал руку на имущество или на кошелек какого-либо француза, но всегда жил за счет своего собственного, как на войне, так и в мирное время, и никогда не пользовался ничьим трудом без должной его оплаты». Подобные свидетельства совести чрезвычайно приятны, и эта радость, эта единственная награда, которая никогда не минует нас, — великое благодеяние для души.

Искать опоры в одобрении окружающих, видя в нем воздаяние за добродетельные поступки, значит опираться на то, что крайне шатко и непрочно. А в наше развращенное, погрязшее в невежестве время добрая слава в народе, можно сказать, даже оскорбительна: ведь кому можно доверить оценку того, что́ именно заслуживает похвалы? Упаси меня бог быть порядочным человеком в духе тех описаний, которые, как я вижу, что ни день каждый сочиняет во славу самому себе. Quae fuerant vitia, mores sunt *.

Иные мои друзья по личному ли побуждению, или вызванные на это мною, не раз принимались с полною откровенностью журить и бранить меня, выполняя ту из своих обязанностей, которая благородной душе кажется не только полезнее, но и приятнее прочих обязанностей, возлагаемых на нас дружбою. Я всегда встречал эти упреки с величайшей терпимостью и искреннейшей признательностью. Но, говоря по совести, я частенько обнаруживал и в их порицаниях и в их восхвалениях такое отсутствие меры, что не допустил бы, полагаю, ошибки, предпочитая впадать в ошибки, чем проявлять благоразумие на их лад. Нашему брату, живущему частною жизнью, которая на виду лишь у нас самих, особенно нужно иметь перед собой некий образец, дабы равняться на него в наших поступках и, сопоставляя их с ним, то дарить себе ласку, то налагать на себя наказание. Для суда над самим собой у меня есть мои собственные законы и моя собственная судебная палата, и я обращаюсь к ней чаще, чем куда бы то ни было. Сдерживая себя, я руководствуюсь мерою, пред-

* Что было пороками, то теперь нравы [2] (*лат.*).

указанной мне другими, но, давая себе волю, руководствуюсь лишь своей мерою. Только вам одному известно, подлы ли вы и жестокосердды, или честны и благочестивы; другие вас вовсе не видят; они составляют себе о вас представление на основании внутренних догадок, они видят не столько вашу природу, сколько ваше умение вести себя среди людей; поэтому не считайтесь с их приговором, считайтесь лишь со своим. Tuo tibi iudicio est utendum *. Virtutis et vitiorum grave ipsius conscientiae pondus est: qua sublata, iacent omnia **.

Хотя и говорят, что раскаяние следует по пятам за грехом, мне кажется, что это не относится к такому греху, который предстает перед нами в гордом величии и обитает в нас, как в собственном доме. Можно отринуть и побороть пороки, которые иногда охватывают нас и к которым нас влекут страсти, но пороки, укоренившиеся и закосневшие вследствие долгой привычки в душе человека с сильной, несгибаемой волей, не допускают противодействия. Раскаяние представляет собой не что иное, как отречение от нашей собственной воли и подавление наших желаний, и оно проявляется самым различным образом. Так, оно может заставить человека сожалеть о своей былой добродетели и стойкости:

Quae mens est hodie, cur eadem non puero fuit?
Vel cur his animis incolumes non redeunt genae? ***

Великолепна та жизнь, которая даже в наиболее частных своих проявлениях всегда и во всем безупречна.

Всякий может фиглярствовать и изображать на подмостках честного человека; но быть порядочным в глубине души, где все дозволено, куда никому нет доступа, — вот поистине вершина возможного. Ближайшая ступень к этому — быть таким же у себя дома, в своих обыденных делах и поступках, в которых мы не обязаны давать кому-либо отчет и где свободны от искусственности и от притворства. И вот Биант[6], изображая идеальный семейный уклад, говорит, что глава семьи должен быть в лоне ее по своему личному побуждению таким же, каков он и вне ее из страха перед законами и людскими толками. А Юлий Друз[7] весьма достойно ответил работникам, предлагавшим за три тысячи экю переделать его дом таким образом, чтобы соседи не могли видеть, как прежде, что происходит за его стенами; он сказал: «Я не пожалею и шести тысяч, но сделайте так, чтобы всякий со всех сторон видел его насквозь». С уважением отмечают обыкновение Агесилая останавливаться во время разъездов по стране в храмах с тем, чтобы люди и самые боги наблюдали его частную жизнь[8]. Бывали люди, казавшиеся миру редкостным чудом, а между тем ни жены их, ни слуги не видели в них ничего замечательного. Лишь немногие вызывали восхищение своих близких.

---

* Тебе надлежит руководствоваться собственным разумом[3] (*лат.*).

** Собственное понимание добродетели и пороков — самое главное. Если этого понимания нет, все становится шатким[4] (*лат.*).

*** Почему у меня в детстве не было того же образа мыслей, что сейчас? Или почему при моем теперешнем умонастроении мои щеки не становятся снова гладкими[5] (*лат.*).

Как подсказывает опыт истории, никогда не бывало пророка не только у себя дома, но и в своем отечестве. То же и в мелочах. Нижеследующий ничтожный пример воспроизводит все то, что можно было бы показать и на примерах великих. Под небом моей Гаскони я слыву чудаком, так как сочиняю и печатаю книги. Чем дальше от своих родных мест, тем больше я значу в глазах знающих обо мне. В Гиени я покупаю у книгоиздателей, в других местах — они покупают меня. На подобных вещах и основано поведение тех, кто, живя и пребывая среди своих современников, таится от них, чтобы после своей смерти и исчезновения завоевать себе славу. Что до меня, то я не гонюсь за ней. Я жду от мира не больше того, что он мне уделил. Таким образом, мы с ним в расчете.

Иного восхищенный народ провожает с собрания до дверей его дома; но вместе с парадной одеждой он расстается и с ролью, которую только что исполнял, и падает тем ниже, чем выше был вознесен: в глубине его души все нелепо и отвратительно, и даже если в нем господствует внутренний лад, нужно обладать быстрым и трезвым умом, чтобы подметить это в его привычных и ничем не примечательных поступках, в его обыденной жизни. Добавим к тому же, что сдержанность — мрачная и угрюмая добродетель. Устремляться при осаде крепости в брешь, стоять во главе посольства, править народом — все эти поступки окружены блеском и обращают на себя внимание всех. Но бранить, смеяться, продавать, платить, любить, ненавидеть и беседовать с близкими и с собою самим мягко и всегда соблюдая справедливость, не поддаваться слабости, неизменно оставаться самим собой — это вещь гораздо более редкая, более трудная и менее бросающаяся в глаза. Жизни, протекающей в уединении, что бы ни говорили на этот счет, ведомы такие же, если только не более сложные и тягостные обязанности, какие ведомы жизни, не замыкающейся в себе. И частные лица, говорит Аристотель [9], служат добродетели с большими трудностями и более возвышенным образом, нежели те, кто занимает высокие должности. Мы готовимся к выдающимся подвигам, побуждаемые больше жаждою славы, чем своей совестью. Самый краткий путь к завоеванию славы — это делать по побуждению совести то, что мы делаем ради славы. И доблесть Александра, явленная им на его поприще, намного уступает, по-моему, доблести, которую проявил Сократ, чье существование было скромным и неприметным. Я легко могу представить себе Сократа на месте Александра, но Александра на месте Сократа я представить себе не могу. Если бы кто-нибудь спросил Александра, что он умеет делать, тот бы ответил: подчинять мир своей власти; если бы кто-нибудь обратился с тем же к Сократу, он несомненно сказал бы, что умеет жить, как подобает людям, то есть в соответствии с предписаниями природы, а для этого требуются более обширные, более глубокие и более полезные познания. Ценность души определяется не способностью высоко возноситься, но способностью быть упорядоченной всегда и во всем.

Ее величие раскрывается не в великом, но в повседневном.

Как те, кто судит о нас, проникая в глубины нашей души, не придают слишком большого значения блеску наших поступков на общественном

поприще, понимая, что это не более чем струйки и капли чистой воды, пробивающиеся наружу из топкой и илистой почвы, так и те, кто судит о нас по нашему внешнему великолепию, заключают, исходя из него, и о нашей внутренней сущности, ибо в их сознании никак не укладывается, что обычные людские свойства, такие же, как их собственные, совмещаются в нас с теми другими качествами, которые вызывают их удивление и так недостижимы для них. По этой причине мы и придаем бесам звериный облик. Кто же способен представить себе Тамерлана[10] иначе, как с нахмуренными бровями, раздувающимися ноздрями, грозным лицом и неправдоподобно могучим станом, таким станом, каким наделяет его наше потрясенное славою этого имени воображение. И если бы кто-нибудь доставил мне в прошлом случай увидеть Эразма[11], мне было бы трудно не счесть афоризмом и апофтегмой любую фразу, с которой он обратился бы к своему лакею или экономке.

Мы гораздо легче можем представить себе восседающим на стульчаке или взгромоздившимся на жену какого-нибудь ремесленника, нежели вельможу, внушающего почтение своею осанкой и неприступностью. Нам кажется, что с высоты своих тронов они никогда не снисходят до прозы обыденной жизни.

Нередко случается, что порочные души под влиянием какого-нибудь побуждения извне творят добро, тогда как души глубоко добродетельные — по той же причине — зло. Таким образом, судить о них следует лишь тогда, когда они в устойчивом состоянии, когда они в ладу сами с собой, если это порой с ними случается, или, по крайней мере, когда они относительно спокойны и ближе к своей естественной непосредственности. Природные склонности развиваются и укрепляются при помощи воспитания, но изменить и преодолеть их нельзя. Тысячи характеров в мое время обратились к добродетели или к пороку, хоть и были наставлены в противоположных правилах:

Sic ubi desuetae silvis in carcere clausae
Mansuevere feiae, et vultus posuere minaces,
Atque hominem didicere pati, si torrida parvus
Venit in ora cruor, redeunt rabiesque furorque,
Admonitaeque tument gustato sanguine fauces;
Fervet, et a trepido vix abstinet ira magistro *.

Эти врожденные свойства искоренить невозможно; их прикрывают, их прячут, но не больше. Латинский язык для меня как родной; я понимаю его лучше, чем французский, но вот уже сорок лет совершенно не пользуюсь им как языком разговорным и совсем не пишу на нем; и все же при сильных и внезапных душевных движениях, которые мне довелось пере-

* Дикие звери, отвыкшие от лесов и запертые в неволе, смиряются, теряют в своем облике черты свирепости и привыкают терпеть возле себя людей; но едва в их пересохшую пасть попадает хоть капля крови, в них просыпаются ярость и бешенство; под действием отведанной крови у них разбухает глотка, и они распаляются гневом, готовым вот-вот обрушиться на перепуганного хозяина[12] (*лат.*).

жить раза два-три за мою жизнь и особенно в тот раз, когда я увидел, что мой отец, перед тем совершенно здоровый, валится на меня, теряя сознание, первые вырвавшиеся из глубин памяти и произнесенные мною слова были латинскими: природа сама собой пробивается наружу и выражает себя, вопреки долгой привычке. И этот пример может быть подкреплен множеством других.

Те, кто пытался с помощью новых воззрений преобразовать в мое время нравы людей, искореняют лишь чисто внешние недостатки; что же касается настоящих пороков, они их не затрагивают, если только не усиливают и не умножают, и этого усиления и умножения нужно бояться; они охотно останавливаются на достигнутом и отказываются от других улучшений, ограничиваясь упомянутыми внешними и произвольными преобразованиями, которые не многого стоят, а между тем приносят им славу; таким образом, они за сходную плату оставляют в покое другие, подлинные, врожденные, глубоко укоренившиеся пороки. Обратитесь на миг к показаниям вашего опыта; нет человека, который, если только он всматривается в себя, не открыл бы в себе некоей собственной сущности, сущности, определяющей его поведение и противоборствующей воспитанию, а также буре враждебных ему страстей. Что до меня, то я не ощущаю никакого сотрясения от толчка; я почти всегда пребываю на своем месте, как это свойственно громоздким и тяжеловесным телам. Если я и оказываюсь порой вне себя самого, то все же нахожусь всегда где-то поблизости. Мои порывы не уносят меня чересчур далеко. В них нет ничего чрезмерного и причудливого, и мои увлечения, таким образом, нужно считать здоровыми и полноценными.

Но что действительно заслуживает настоящего осуждения — а это касается повседневного существования всех людей, — это то, что даже их личная жизнь полна гнили и мерзости, что их мысль о собственном нравственном очищении — шаткая и туманная, что их раскаяние почти столь же болезненно и преступно, как и их грех. Иные, связанные с пороком природными узами или сжившиеся с ним в силу давней привычки, уже не видят в нем никакого уродства. Других (я сам из их числа) порок тяготит, но это уравновешивается для них удовольствием или чем-либо иным, и они уступают пороку, предаются ему ценою того, что грешат пакостно и трусливо. И все же можно представить себе такую несоизмеримость удовольствия и греха, что первое — это можно сказать и относительно пользы — с полным основанием извиняет второй, и не только в том случае, когда удовольствие примешивается случайно и не имеет прямой связи с грехом, как при краже, но даже если оно неотделимо от греховного деяния, как при сближении с женщиной, когда вожделение безгранично, а порою, как говорят, и вовсе неодолимо.

Побывав недавно в Арманьяке и посетив поместье одного моего родственника, я видел там крестьянина, которого никто не называет иначе, как «вор». Он рассказывает о своей жизни следующее: родившись нищим и считая, что зарабатывать хлеб трудом своих рук — значит никогда не вырваться из нужды, он решил сделаться вором и всю моло-

дость безнаказанно занимался этим своим ремеслом, чему немало способствовала его огромная телесная сила; он жал хлеб и срезал виноград на чужих участках, проделывая это где-нибудь вдалеке от своего дома и перетаскивая на себе такое количество краденого, что никому и в голову не приходило, будто один человек способен унести на плечах все это в течение одной ночи; к тому же он старался распределять причиняемый им ущерб равномерно, так чтобы каждый в отдельности не испытывал слишком чувствительного урона. Сейчас он уже стар и для человека его сословия весьма состоятелен, чем обязан своему прошлому промыслу, в котором признается с полною откровенностью. Чтобы вымолить у бога прощение за подобный способ наживы, он, по его словам, что ни день оказывает всевозможные благодеяния потомкам некогда обворованных им людей, дабы возместить свои былые хищения; и если он не успеет закончить эти расчеты (ибо наделить разом всех он не в силах), то возложит эту обязанность на наследников, принимая во внимание то зло, которое он причинил каждому и размеры которого известны лишь ему одному. Если судить по его рассказу, правдивому или лживому — безразлично, он сам смотрит на воровство как на дело весьма бесчестное и даже ненавидит его, однако менее, чем нужду; он раскаивается в нем как таковом, но раз уж оно было уравновешено и возмещено описанным образом, он в нем отнюдь не раскаивается. В данном случае нет той привычки, что заставляет нас слиться с пороком и приноровлять к нему даже наше мышление; здесь нет и того буйного ветра, который время от времени проносится в нашей душе, смущая и ослепляя ее и подчиняя в это мгновение власти порока.

Всему, что я делаю, я, как правило, предаюсь всем своим существом и, пустившись в путь, прохожу его до конца: у меня не бывает ни одного душевного побуждения, которое таилось бы и укрывалось от моего разума; они протекают почти всегда с согласия всех составных частей моего «я», без раздоров, без внутренних возмущений, и если они бывают достойны порицания или похвалы, то этим обязаны только моему рассудку, ибо если он был достоин порицания хоть однажды, это значит, что он достоин его всегда, так как, можно сказать, от рождения он неизменно все тот же: те же склонности, то же направление, та же сила. А что касается моих воззрений, я и теперь пребываю в той же точке, держаться которой положил себе еще в детстве.

Существуют грехи, которые увлекают нас стремительно, неодолимо, внезапно. Оставим их в стороне. Но что до других грехов, тех, в которые мы беспрестанно впадаем, о которых столько думали и говорили с другими, или грехов, связанных с особенностями нашего душевного склада, нашими занятиями и обязанностями, то я не в силах постигнуть, как это они могут столь долгое время гнездиться в чьем-либо сердце без ведома и согласия со стороны совести и разума познавшего их человека; и мне трудно понять и представить себе раскаяние, охватывающее его, как он похваляется, в заранее предписанный для этого час [13].

Я не разделяю взгляда приверженцев Пифагора, будто люди, приближаясь к изваяньям богов, чтобы выслушать их прорицания, обретают но-

вую душу [14], разве только он хотел этим сказать, что она неизбежно должна быть какой-то иной, новой, на время обретенной, поскольку в собственной их душе не заметно того очищения и ничем не нарушаемого покоя, которые обязательны для совершающих священнодействие.

В этом случае учение пифагорейцев утверждает нечто прямо противоположное наставлениям стоиков, требующих решительно исправлять познанные нами в себе пороки и недостатки, но запрещающих огорчаться и печалиться из-за них. Пифагорейцы — те заставляют нас думать, что они в глубине души ощущают по той же причине сильную скорбь и угрызения совести, но что касается пресечения и исправления упомянутых пороков и недостатков, а также самоусовершенствования, то об этом они не упоминают ни словом. Однако нельзя исцелиться, не избавившись от болезни. Раскаяние только тогда возьмет верх над грехом, если перевесит его на чаше весов. Я считаю, что нет ни одного душевного качества, которое можно подделать с такою же легкостью, как благочестие, если образ жизни не согласуется с ним: сущность его непознаваема и таинственна, внешние проявления — общепонятны и облачены в пышный наряд.

Что до меня, то, вообще говоря, я могу хотеть быть другим, могу осуждать себя в целом и не нравиться сам себе и умолять бога о полном моем преображении и о том, чтобы он простил мне природную слабость. Но все это, по-моему, я могу называть раскаянием не более, чем мое огорчение, что я не ангел и не Катон [15]. Мои поступки по-своему упорядочены и находятся в соответствии с тем, что я есть, и с моими возможностями. Делать лучше я не могу. Раскаянье, в сущности, не распространяется на те вещи, которые нам не по силам; тут следует говорить только о сожалении. Я могу представить себе бесчисленное множество различных характеров, более возвышенных и упорядоченных, нежели мой, однако я не исправляю благодаря этому своих прирожденных свойств, как моя рука и мой ум не становятся более мощными оттого, что я рисую в своем воображении другую руку и другой ум, какими бы они ни были. Если бы, представляя себе более благородный образ действий, чем наш, и стремясь к нему всей душой, мы ощущали раскаянье, нам пришлось бы раскаиваться в самых невинных делах и поступках, — ведь мы хорошо понимаем, что человек с более выдающимися природными данными сделал бы то же самое лучше и благороднее, и мы постоянно желали бы поступить так же. И теперь, когда я на старости лет размышляю над своим разгульным поведением в молодости, я нахожу, что, принимая во внимание свойства моей натуры, оно было, в общем, вполне упорядоченным; на большее самообуздание я не был способен. Я нисколько не льщу себе: при сходных обстоятельствах я всегда был бы таким же самым. Это отнюдь не пятно, скорее это присущий мне особый оттенок. Мне незнакомо поверхностное, умеренное и чисто внешнее раскаяние. Нужно, чтобы оно захватило меня целиком, и лишь тогда я назову его этим словом, нужно, чтобы оно переворачивало мое нутро, проникало в меня так же глубоко и пронизывало насквозь, как божье око.

Что касается переговоров, которые мне приходилось вести [16], то из-за своего незадачливого поведения я не раз упускал благоприятные случаи. Мои советы, однако, бывали тщательно взвешены и отвечали потребностям обстоятельств: главная их черта — нужно избирать самый легкий и подходящий для себя путь. Полагаю, что на совещаниях, в которых я принимал когда-то участие, мои суждения о предметах, подвергавшихся рассмотрению, были, в соответствии с отмеченным правилом, неизменно благоразумными, — в подобных случаях я поступал бы в точности так же еще тысячу лет. Я имею в виду не нынешнее положение дел, а то, каким оно было тогда, когда я их обсуждал.

Всякий совет обладает действенностью лишь в течение определенного времени: обстоятельства и самая сущность вещей непрерывно в движении и бесконечно изменчивы. За свою жизнь я допустил несколько грубых и значительных промахов, и не потому, что у меня не хватило ума, но вследствие невезения. В предметах, которыми приходится заниматься, таятся самые невероятные неожиданности — особенно изобилует ими человеческая природа, — немые, никак не проявляющиеся черты, порою неведомые даже самим носителям их, и все это обнаруживается и пробуждается от случайных причин. Если мой разум не смог предвосхитить и заметить их, то я нисколько не виню его в этом; круг его обязанностей строго определен; меня одолевает случай, и если он покровительствует тому образу действий, от которого я отказался, то тут ничем не поможешь; я себя не корю за это, я обвиняю мою судьбу, но не свое поведение, а это вовсе не то, что зовется раскаяньем.

Однажды Фокион подал афинянам некий совет, которому те не последовали. Между тем, вопреки его мнению, дело протекало весьма успешно для них, и кто-то сказал ему: «Ну что, Фокион, доволен ли ты, что все идет так хорошо?» «Конечно, доволен, — ответил тот, — доволен, что это случилось так, а не иначе, но я ни чуточки не раскаиваюсь в том, что советовал поступить так-то и так-то» [17]. Когда мои друзья обращаются ко мне за советом, я излагаю его свободно и четко, не останавливаясь на полуслове, как поступают в рискованных случаях почти все, дабы оградить себя от возможных упреков, если дела обернутся наперекор их рассудку; меня это нисколько не беспокоит. Ведь упрекающие будут кругом неправы, мне же не подобало отказывать им в этой услуге.

Я никоим образом не стремлюсь возлагать вину за мои ошибки или несчастья на кого-либо, кроме себя. Ибо, по правде говоря, я редко прислушиваюсь к чужим советам — разве что подчиняясь правилам вежливости или тогда, когда я могу почерпнуть из них недостающие мне познания, а также сведения о том или ином факте. Но где требуется лишь поразмыслить, доводы со стороны могут лишь подкрепить мои собственные суждения, но чтобы они опровергли их — такого никогда не бывает. Все, что мне говорят, я выслушиваю благожелательно и учтиво, но, сколько мне помнится, вплоть до этого часа я верил только себе самому. На мой взгляд, эти высказывания — не более чем мушки и крапинки, скользящие по поверхности моей воли. Я не очень-то ценю свои мнения, но так же

мало ценю и чужие. Судьба воздает мне за это полною мерой. Если я не гонюсь за советами, то еще меньше я их расточаю. Их у меня почти и не спрашивают и еще реже им доверяют, и я не знаю ни одного общественного или частного дела, которое было бы начато или доведено до конца по моему настоянию. Даже те, чьими судьбами я в некоторой мере распоряжаюсь, — и они охотнее подчиняются чьей-нибудь чужой воле, нежели моей. И поскольку о влиянии своем я пекусь менее ревностно, чем о душевном покое, мне это гораздо приятнее: не обращая на меня внимания, люди предоставляют мне возможность жить в соответствии с моими желаниями, которые состоят в том, чтобы сосредоточиться и замкнуться в себе, и для меня великая радость пребывать в полном неведении относительно чужих дел и не чувствовать на себе обязанности устраивать их.

По своем завершении всякое дело, чем бы оно ни окончилось, перестает занимать мои мысли. Если его исход оказался печальным, меня примиряет с этим следующее соображение: он не мог быть иным, ибо таково его место в великом круговороте всего сущего и в цепи причин и следствий, о которых говорят стоики; ваше воображение, как бы вы ни старались и ни жаждали этого, не в состоянии сдвинуть с места ни одной точки, не нарушив при этом установленного порядка вещей, и это касается как прошлого, так и будущего.

И вообще, я не выношу тех приступов раскаяния, которые находят на человека с возрастом. Тот, кто заявил в древности [18], что он бесконечно благодарен годам, ибо они избавили его от сладострастия, держался на этот счет совсем иных взглядов, чем я: никогда я не стану превозносить бессилие за все его мнимые благодеяния. Nec tam aversa unquam videbitur ab opere suo providentia, ut debilitas inter optima inventa sit *. В старости мы лишь изредка предаемся любовным утехам, и после них нас охватывает глубокое пресыщение; тут совесть, по-моему, ни при чем; горести и слабость навязывают нам трусливую и хлипкую добродетель. Мы не должны позволить естественным изменениям брать верх над нами до такой степени, чтобы от этого страдали наши умственные способности. Молодость и ее радости не могли в свое время скрыть от меня печати порока на сладострастии; так и ныне пришедшая ко мне с годами пресыщенность не может скрыть от меня печати сладострастия на пороке. И теперь, когда оно больше не властвует надо мной, я сужу о нем точно так же, как тогда, когда пребывал в его власти. Энергично и тщательно стряхивая его с себя, я нахожу, что мой разум остался таким же, каким был в беспутные дни моей юности, — разве что ослабел и померк с приближением старости; и еще я нахожу, что, если он запрещает мне предаваться чувственным наслаждениям, заботясь о моем телесном здоровье, то и прежде он делал то же, заботясь о здоровье моего духа. Зная, что теперь он больше не борется за него, я не могу считать его более доблестным. Мои вожделения настолько немощны и безжизненны, что ему, в сущности, и не нужно обуздывать их.

---

* Провидение никогда не окажется настолько враждебным своему творению, чтобы слабость стала его лучшим свойством [19] (*лат.*).

Чтобы справиться с ними, мне достаточно, так сказать, протянуть руку. И случись ему столкнуться с былым моим вожделением, он, опасаюсь, справился бы с ним не в пример хуже, чем раньше. Я не вижу, чтобы он занимался чем-либо таким, чем не занимался тогда, как не вижу и того, чтобы он стал проницательнее. И если это — выздоровление разума, то как же оно для нас бедственно!

До чего ничтожно лекарство, исцеляющее посредством болезни!

Эту услугу должно было бы оказывать нам не несчастье, но наш собственный ум в пору своего расцвета. Напасти и огорчения не могут принудить меня ни к чему, кроме проклятий. Они полезны лишь тем, кто не просыпается иначе, как от ударов бича. Мой разум чувствует себя гораздо непринужденнее в обстановке благополучия. Переваривать несчастья ему гораздо труднее, чем радости: в этом случае его охватывает тревога и он начинает разбрасываться. При безоблачном небе я вижу много отчетливее. Здоровье подает мне советы и более радостные и более полезные, чем те, которые мне может подать болезнь. Я очистил и упорядочил мою жизнь, как только мог, еще в те времена, когда наслаждался всеми ее дарами. И мне было бы досадно и стыдно, если бы оказалось, что убожество и печали моего заката имеют право предпочесть себя тем замечательным дням, когда я был здоров, жизнерадостен, полон сил, и что меня нужно ценить не такого, каким я был, но такого, каким я сделался, перестав быть собой. Счастье человеческое состоит вовсе не в том, чтобы хорошо умереть, как говорит Антисфен [20], а в том, по-моему, чтобы хорошо жить. Я никогда не вынашивал в себе чудовищной мысли напялить на голову и тело того, кто, в сущности, уже мертв, — а что иное я представляю собой? — колпак и халат философа и никогда не стремился к тому, чтобы это жалкое рубище осудило и унизило самую яркую, лучшую и продолжительную часть моей жизни. Я хочу показать — и притом так, чтобы все это видели, — что всегда и везде я все тот же. Если бы мне довелось прожить еще одну жизнь, я жил бы так же, как прожил; я не жалею о прошлом и не страшусь будущего. И если я не обманываюсь, то как внутри, так и снаружи дело обстояло приблизительно одинаково. Больше всего я благодарен своей судьбе, пожалуй, за то, что всякое изменение в состоянии моего тела происходило в подобающее для моих лет время. Я видел себя в пору первых побегов, затем цветов и плодов, теперь наступила пора увядания. И это прекрасно, ибо естественно. Я гораздо легче переношу свои боли именно потому, что в мои годы они в порядке вещей, и потому, что, страдая от них, я с еще большей признательностью вспоминаю о долгом счастье прожитой мною жизни. И моя житейская мудрость равным образом остается, возможно, на том же уровне, что и прежде; впрочем, она была гораздо решительнее, изящнее, свежее, жизнерадостнее и непосредственнее, чем нынешняя, — закоснелая, брюзгливая, тяжеловесная.

Итак, я отказываюсь от всех улучшений, зависящих от столь печальных обстоятельств и от возможных случайностей.

Нужно, чтобы бог пребывал в нашем сердце. Нужно, чтобы совесть совершенствовалась сама собой благодаря укреплению нашего разума, а не

вследствие угасания наших желаний. Сладострастие как таковое не становится бесцветным и бледным, сколь бы воспаленными и затуманенными ни были созерцающие его глаза. Следует любить воздержание само по себе и из уважения к богу, который нам заповедал его, следует любить целомудрие. Что же касается воздержания, на которое нас обрекают наши катары и которым я обязан не чему иному, как моим коликам, то это не целомудрие и не воздержание. Нельзя похваляться презрением к сладострастию и победой над ним, если не испытываешь его, если не знаешь его, и его обольщений, и его мощи, и его бесконечно завлекательной красоты. Я знал и то и другое, и кому, как не мне, говорить об этом. Но в старости, как мне кажется, наши души подвержены недугам и несовершенствам более докучным, чем в молодости. Я говорил об этом совсем молодым, но тогда меня неизменно осаживали на том основании, что я безбородый юнец. Я говорю то же самое и сейчас, когда моя сивая борода придает моим словам вес. Мы зовем мудростью беспорядочный ворох наших причуд, наше недовольство существующими порядками. Но в действительности мы не столько освобождаемся от наших пороков, сколько меняем их на другие — и, как я думаю, худшие. Кроме глупой и жалкой спеси, нудной болтливости, несносных и непостижимых причуд, суеверий, смехотворной жажды богатств, когда пользоваться ими уже невозможно, я замечаю у стариков также зависть, несправедливость и коварную злобу. Старость налагает морщины не только на наши лица, но в еще большей мере на наши умы, и что-то не видно душ — или они встречаются крайне редко, — которые, старясь, не отдавали бы плесенью и кислятиной. Все в человеке идет вместе с ним в гору и под гору.

Принимая во внимание мудрость Сократа и кое-какие обстоятельства его осуждения [21], я решаюсь предполагать, что он сам некоторым образом способствовал совершившемуся, намеренно предоставляя всему идти своим чередом, — ведь он достиг семидесяти лет и знал, что его блестящему и деятельному уму предстоит в близком будущем ослабеть, а свойственной ему проницательности — померкнуть.

Каким только метаморфозам не подвергает каждодневно старость — можно сказать, у меня на глазах — многих моих знакомых! Она — могущественная болезнь, настигающая естественно и незаметно. Нужно обладать большим запасом знаний и большою предусмотрительностью, чтобы избегнуть изъянов, которыми она нас награждает, или, по крайней мере, чтобы замедлить развитие их. Я чувствую, что, несмотря на все мои оборонительные сооружения, она пядь за пядью оттесняет меня. Я держусь. сколько могу. Но я не знаю, куда, в конце концов, она меня заведет. Во всех случаях я хочу, чтобы знали, откуда именно я упал.

Глава III
О ТРЕХ ВИДАХ ОБЩЕНИЯ

Негоже всегда и во всем держаться своих нравов и склонностей. Наиважнейшая из наших способностей — это умение приспосабливаться к самым различным обычаям. Неуклонно придерживаться по собственной воле или в силу необходимости одного и того же образа жизни — означает существовать, но не жить. Лучшие души — те, в которых больше гибкости и разнообразия.

Вот поистине лестный отзыв о Катоне Старшем: Huic versatile ingenium sic pariter ad omnia fuit, ut natum ad id unum diceres, quodcumque ageret *.

Если бы мне было дано вытесать себя по своему вкусу, то нет такой формы, — как бы прекрасна она ни была, — в которую я желал бы втиснуться, с тем чтобы никогда уже с нею не расставаться. Жизнь — это неровное, неправильное и многообразное движение. Неукоснительно следовать своим склонностям и быть настолько в их власти, чтобы не мочь отступаться от них или подчинять их своей воле, означает не быть самому себе другом, а тем более господином; это значит быть рабом самого себя. Я сейчас вспомнил об этом, потому что мне не так-то легко отделаться от одного несносного свойства моей души: обыкновенно ее захватывает только то, что для нее трудно и хлопотно, и лишь этому она предается с горячностью и целиком. Сколь бы несложен ни был предмет, которым ей предстоит заниматься, она охотно усложняет его и придает ему такое значение, что ей приходится тратить на него все свои силы. По этой причине ее незанятость для меня крайне мучительна и вредно отзывается на моем здоровье. Большинству умов, чтобы встрепенуться и ожить, нужны новые впечатления; моему, однако, они больше нужны для того, чтобы прийти в себя и успокоиться, vitia otii negotio discutienda sunt **, ибо его главнейшее и наиболее ревностное занятие — самопознание. Книги для него своего рода отдых, отвлекающий его от этого всепоглощающего дела. Первые же явившиеся ему мысли сразу возбуждают его, он стремится самым различным образом проявить свою мощь: он старается блеснуть то остротой, то строгостью, то изяществом; он сдерживает, соразмеряет и укрепляет себя. В себе самом обретает он побуждения к деятельности. Природа дала ему, как и всем, достаточно поводов к полезным раздумьям и широкий простор для открытий и рассуждений.

Для всякого, кто умеет как следует оценить свои возможности и в полной мере использовать их, размышление — могущественный и полноценный способ самопознания; я предпочитаю самостоятельно ковать себе душу, а не украшать ее позаимствованным добром.

---

* Его гибкий ум был настолько разносторонен, что, чем бы он ни занимался, казалось, будто он рожден только для одного этого [1] (*лат.*).

** Пороки праздности необходимо преодолевать трудом [2] (*лат.*).

Нет занятия более пустого и, вместе с тем, более сложного, чем беседовать со своими мыслями, — все зависит от того, какова беседующая душа. Самые великие души делают это занятие своим ремеслом — quibus vivere est cogitare *. Природа настолько покровительствует этой нашей особенности, что нет ничего, чем могли бы мы заниматься более длительно, и нет дела, которому отдавались бы с бóльшим постоянством и большей готовностью. «В этом, — говорит Аристотель [4], — и состоит труд богов, созидающий и их счастье и наше». Чтение служит мне лишь для того, чтобы, расширяя мой кругозор, будить мою мысль, чтобы загружать мой ум, а не память.

Лишь немногие беседы увлекают меня и не требуют от меня напряжения и усилий. Правда, прелесть и красота захватывают и занимают меня не меньше, если не больше, чем значительность и глубина. И поскольку все прочие разговоры нагоняют на меня сон и я уделяю им лишь оболочку моего внимания, со мной нередко случается, что, присутствуя при подобном обмене словами, тягучем и вялом, поддерживаемом только ради приличия, я говорю или выпаливаю в ответ такой вздор и такие смешные глупости, которые не пристали бы даже детям, или упорно храню молчание, обнаруживая еще большую неловкость и нелюбезность. Часто я погружаюсь в мечтательность и углубляюсь в свои мысли; кроме того, мне свойственно непроходимое и совершенно ребяческое невежество во многих обыденных и общеизвестных вещах. По причине этих двух моих качеств я добился того, что обо мне могут рассказывать по меньшей мере пять или шесть забавных историй, выставляющих меня самым нелепым дурнем на свете.

Итак, возвращаясь к избранной мною теме, должен сказать, что эта неподатливость и негибкость моего душевного склада заставляет меня быть разборчивым по отношению к людям — мне приходится как бы просеивать их через сито — и делает меня малопригодным для дел, выполняемых сообща. Мы живем среди людей и вступаем с ними в разные отношения; если их повадки несносны для нас, если мы гнушаемся соприкасаться с душами низменными и пошлыми — а низменные и пошлые души часто бывают такими же упорядоченными, как самые утонченные (никчемна мудрость, не умеющая приноровиться к всеобщей глупости), — то нам нечего вмешиваться ни в наши собственные, ни в чужие дела: ведь и частные и общественные дела вершатся именно такими людьми. Самые прекрасные движения нашей души — это наименее напряженные и наиболее естественные ее движения. Господи боже! Сколь драгоценна помощь благоразумия для того, чьи желания и возможности оно приводит в соответствие между собой! Нет науки полезнее этой! «По мере сил» было излюбленным выражением и присловьем Сократа [5], и это его выражение исполнено глубочайшего смысла. Нужно устремлять наши желания на вещи легко доступные и находящиеся у нас под рукой и нужно уметь останав-

* Те, для кого жить — значит размышлять [2] (*лат.*).

ливаться на этом. Разве не глупая блажь с моей стороны чуждаться тысячи людей, с которыми меня связала судьба, без которых я не могу обойтись, и тянуться к одному, двум, пребывающим вне моего круга, или, больше того, упрямо жаждать какой-нибудь вещи, заведомо для меня недосягаемой. От природы я мягок, чужд всякой резкости и заносчивости, и это легко может избавить меня от зависти и враждебности окружающих — ведь никто никогда не заслуживал в большей мере, чем я, не скажу быть любимым, но хотя бы не быть ненавидимым. Однако свойственная мне холодность в обращении не без основания лишила меня благосклонности некоторых, превратно и в худшую сторону истолковавших эту мою черту, что, впрочем, для них извинительно.

А между тем я бесспорно обладаю способностью завязывать и поддерживать на редкость возвышенную и чистую дружбу. Так как я жадно хватаюсь за пришедшиеся мне по вкусу знакомства, оживляюсь, горячо набрасываюсь на них, мне легко удается сближаться с привлекательными для меня людьми и производить на них впечатление, если я того захочу. Я не раз испытывал эту свою способность и добивался успеха. Что касается обыкновенных приятельских отношений, то тут я несколько сух и холоден, ибо я утрачиваю естественность и сникаю, когда не лечу на всех парусах; к тому же судьба, обласкав меня в молодости дружбой неповторимой и совершенной и избаловав ее сладостью [6], и в самом деле отбила у меня вкус ко всем остальным ее разновидностям, прочно запечатлев в сознании, что настоящая дружба, как сказал один древний [7], — это «животное одинокое, вроде вепря, но отнюдь не стадное». Кроме того, мне по натуре претит общаться с кем бы то ни было, все время сдерживая себя, как претит и рабское, вечно настороженное благоразумие, которое нам велят соблюдать в разговорах с нашими полудрузьями или приятелями, и велят нам это особенно настоятельно в наше время, когда об иных вещах можно говорить не иначе, как с опасностью для себя или неискренне.

При всем том я очень хорошо понимаю, что каждому, считающему, подобно мне, своею конечною целью наслаждение жизненными благами (я разумею лишь основные жизненные блага), нужно бежать, как от чумы, от всех этих сложностей и тонкостей своенравной души. Я готов всячески превозносить того, чья душа состоит как бы из нескольких этажей, способна напрягаться и расслабляться, чувствует себя одинаково хорошо, куда бы судьба ее ни забросила, того, кто умеет поддерживать разговор с соседом о его постройке, охоте или тяжбе, оживленно беседовать с плотником и садовником; я завидую тем, кто умеет подойти к последнему из своих подчиненных и должным образом разговаривать с ним.

И я никоим образом не одобряю совета Платона [8], предписывающего нам обращаться к слугам неизменно повелительным тоном, не разрешая себе ни шутки, ни непринужденности в обращении, как с мужчинами, так и с женщинами.

Ибо, кроме того, о чем я говорил выше, бесчеловечно и крайне несправедливо придавать столь большое значение несущественному, даруемому судьбой преимуществу, и порядки, установленные в домах, где различие

между господами и слугами ощущается наименее резко, кажутся мне наилучшими.

Иные стараются подстегнуть и взбудоражить свой ум; я — сдержать и успокоить его. Он заблуждается лишь тогда, когда напряжен.

Narras et genus Aeaci,
  Et pugnata sacro bella sub Ilio:
Quo Chium pretio cadum
  Mercemur, quis aquam temperet ignibus,
Quo praebente domum, et quota
  Pelignis caream frigoribus taces *.

Как известно, доблесть лакедемонян нуждалась в обуздывании и в нежном и сладостном звучании флейт [10], укрощавших ее во время сражения, поскольку существовала опасность, как бы она не превратилась в безрассудство и бешенство, — а ведь другие народы используют пронзительные звуки и громкие выкрики, чтобы подстрекнуть и распалить храбрость солдат. Так и мы, как мне кажется вопреки общераспространенному мнению, большей частью нуждаемся при нашей умственной деятельности скорее в свинце, чем в крыльях, скорее в холодности и невозмутимом спокойствии, чем в горячности и возбуждении. И самое главное: изображать из себя высокоученого мужа, находясь среди тех, кто не блещет ученостью, и непрерывно произносить высокопарные речи — favellar in punta di forchetta ** — означает, по-моему, изображать из себя глупца. Нужно приспособляться к уровню тех, с кем находишься, и порой притворяться невеждой. Забудьте о выразительности и тонкостях; в повседневном обиходе достаточно толкового изложения мысли. Если от вас этого желают, ползайте по земле.

Ученым свойственно спотыкаться об этот камень. Они любят выставлять напоказ свою образованность и повсюду суют свои книги. В последнее время их писания настолько прочно обосновались в спальнях и ушах наших дам, что если последние и не усвоили их содержания, то, по крайней мере, делают вид, будто изучили его; о чем бы ни зашла речь, сколь бы ни был предмет ее низменным и обыденным, они пользуются в разговорах и в своих писаниях новыми и учеными выражениями,

Hoc sermone pavent, hoc iram, gaudia, curas,
Hoc cuncta effundunt animi secreta; quid ultra?
Concumbunt docte ***;

---

* Ты мне рассказываешь о родословной Эака и о битвах под стенами священного Илиона [Трои], но ты ничего не сообщаешь о том, сколько мы платим за бочку хиосского вина, кто будет греть воду для моей бани, кто и когда предоставит мне кров, чтобы я мог избавиться от холода, что ведом пелигнам [9] (*лат.*).

** Буквально: «говорить на кончике вилки» [11] (*ит.*).

*** В таких словах они выражают свой страх, гнев, радость, озабоченность; пользуясь ими, они открывают все тайны своей души. Чего больше? Они и в обморок падают по-ученому [12] (*лат.*).

и ссылаются на Платона и святого Фому[13], говоря о вещах, которые мог бы столь же хорошо подтвердить первый встречный и поперечный. Наука, которая не смогла проникнуть к ним в душу, осталась на кончике их языка. Если бы высокородные дамы соблаговолили поверить мне, им было бы совершенно достаточно заставить нас оценить их собственные и вложенные в них самою природой богатства. Они прячут свою красоту под покровом чужой красоты. А ведь это великое недомыслие — гасить свое собственное сияние, чтобы излучать свет, заимствованный извне; они погребли и скрыли себя под грудами ухищрений. De capsula totae *. Причина тут в том, что они недостаточно знают самих себя; в мире нет ничего прекраснее их; это они украшают собою искусства и румянят румяна. Что им нужно, чтобы быть любимыми и почитаемыми? Им дано и они знают больше, чем необходимо для этого. Нужно только немного расшевелить и оживить таящиеся в них способности. Когда я вижу, как они углубляются в риторику, юриспруденцию, логику и прочую дребедень, столь никчемную, столь бесполезную и ненужную им, во мне рождается опасение, что мужчины, побуждающие их к занятиям ею, делают это с намерением заполучить власть над ними и на этом основании держать их в своей власти. Ибо какое другое оправдание этому мог бы я подыскать? Хватит с милых дам и того, что они умеют без нашей помощи придавать своим глазам прелесть веселости, нежности и суровости, вкладывать в свое «нет» строгость, колебание и благосклонность и понимают без толмача страстные речи, обращенные к ним их поклонниками. Владея этой наукой, они повелевают всем миром, и выходит, что ученицы властвуют над своими учителями со всей их ученостью. Если им неприятно уступать нам хоть в чем-нибудь и любопытство толкает их к книгам, то самое подходящее для себя развлечение они могут найти в поэзии: это искусство лукавое и проказливое, многоликое, говорливое, все в нем тянется к наслаждению, все показное, короче говоря, оно такое же, как они. Наши дамы извлекут много полезного и из истории. В философии, в том разделе ее, где рассматриваются различные стороны жизни, они найдут рассуждения, которые научат их разбираться в наших нравах и душевных склонностях, препятствовать нашим изменам, умерять дерзость своих желаний, оберегать свою свободу от посягательств, продлевать радость жизни, с достоинством переносить непостоянство поклонника, грубость мужа и докучное бремя лет и морщин и многим другим тому подобным вещам.

Бывают характеры в высшей степени своеобразные, нелюдимые, ушедшие целиком в себя. Если говорить обо мне, то мое истинное призвание — общаться с людьми и созидать. Я весь обращен к внешнему миру, весь на виду и рожден для общества и для дружбы. Уединение, которое я люблю и которое проповедую, состоит, главным образом, в переносе моих привязанностей и мыслей на себя самого и в ограничении и сокращении не только моих усилий, но и моих забот и желаний; достигается это тем, что я слагаю с себя попечение о ком-либо, кроме как о себе, и бегу,

* Буквально: «Они [женщины] целиком из шкатулки»[14] (*лат.*).

словно от смерти, от порабощения и обязательств, и не столько от сонма людей, сколько от сонма обступающих меня дел. Что же касается физического уединения, то есть пребывания в одиночестве, то оно, должен признаться, скорее раздвигает и расширяет круг моих интересов, выводя меня за пределы моего «я», и никогда я с большей охотой не погружаюсь в рассмотрение дел нашего государства и всего мира, как тогда, когда я наедине сам с собой. В Лувре и среди толпы [15] я внутренне съеживаюсь и забиваюсь в свою скорлупу; толпа заставляет меня замыкаться в себе, и нигде я не беседую сам с собой так безудержно и откровенно, с таким увлечением, как в местах, требующих от нас сугубой почтительности и церемонного благоразумия. Наши глупости не вызывают у меня смеха, его вызывает наше высокомудрие. По своему нраву я не враг придворной сумятицы; я провел в самой гуще ее часть моей жизни и, можно сказать, создан для веселого времяпровождения в многолюдных собраниях, но при условии, чтобы они не были непрерывными и происходили в угодный для меня час. Однако повышенная раздражимость ума, которую я в себе отмечаю, обрекает меня на вечное уединение даже в кругу семьи и среди многочисленных слуг и навещающих меня посетителей, ибо мой дом принадлежит к числу весьма посещаемых. Я вижу вокруг себя достаточно много народа, но лишь изредка тех, с кем мне приятно общаться; вопреки принятому обыкновению я предоставляю как себе самому, так и всем остальным неограниченную свободу. Я не терплю церемоний — постоянной опеки гостя, проводов и прочих правил, налагаемых на нас нашей обременительной учтивостью (о подлый и несносный обычай!); всякий волен располагать собой по своему усмотрению, и кто пожелает, тот углубляется в свои мысли; я нем, задумчив и замкнут, и это нисколько не обижает моих гостей.

Люди, общества и дружбы которых я постоянно ищу, — это так называемые порядочные и неглупые люди; их душевный склад настолько мне по душе, что отвращает от всех остальных. Среди всего многообразия характеров такой, в сущности говоря, наиболее редок; это — характер, созданный, в основном, природой. Для подобных людей цель общения — быть между собой на короткой ноге, посещать друг друга и делиться друг с другом своими мыслями; это — соприкосновение душ, не преследующее никаких выгод. В наших беседах любые темы для меня равно хороши; мне безразлично, насколько они глубоки и важны; ведь в них всегда есть изящество и приятность; на всем заметна печать зрелых и твердых суждений, все дышит добросердечием, искренностью, живостью и дружелюбием. Не только в разговорах о новых законах наш дух раскрывает свою силу и красоту и не только тогда, когда речь идет о делах государей; он раскрывает те же самые качества и в непринужденных беседах на частные темы.

Я узнаю отвечающих моему вкусу людей даже по их молчанию и улыбке и успешнее нахожу их за пиршественным столом, чем в зале совета. Гиппомах утверждал, что, встречая на улице хороших борцов, он узнавал их по одной походке [16]. Если ученость изъявляет желание принять участие в наших дружеских разговорах, мы отнюдь не отвергаем ее — разумеется, при условии, что она не станет высокомерно и докучливо по-

учать, как это обычно бывает, а проявит стремление что-то познать и чему-то научиться. Нам нужно хорошо провести время — большего мы не ищем; когда же настанет наш час выслушать ее поучения и наставления, мы благоговейно припадем к ее трону. А пока пусть она снизойдет до нашего уровня, если захочет, ибо сколь бы полезной и желательной она ни была, я заранее убежден, что мы сможем при случае отлично обойтись без нее и сделаем свое дело, не прибегая к ее услугам. Благородная и повидавшая виды душа становится сама собой безупречно приятной. А наука — не что иное, как протокол и опись творений, созданных подобными душами.

Сладостно мне общаться также с красивыми благонравными женщинами. Nam nos quoque oculos eruditos habemus *. Если душа в этом случае наслаждается много меньше, чем в предыдущем, удовольствия наших органов чувств, которые при втором виде общения гораздо острее, делают его почти таким же приятным, как и первый, хотя, по-моему, все же не уравнивают с ним. Но это общение таково, что тут всегда нужно быть несколько настороже, и особенно людям вроде меня, над которыми плоть имеет большую власть. В ранней юности я пылал от этого, как в огне, и мне хорошо знакомы приступы неистовой страсти, которые, как рассказывают поэты, нападают порою на тех, кто не желает налагать на себя узду и не слушается велений рассудка. Правда, эти удары бича послужили мне впоследствии хорошим уроком,

Quicunque Argolica de classe Capharea fugit,
Semper ab Euboicis vela retorquet aquis **.

Безрассудно отдавать этому все свои помыслы и вкладывать в отношения с женщинами безудержное и безграничное чувство. Но с другой стороны, домогаться их без влюбленности и влечения сердца, уподобляясь актерам на сцене, исключительно для того, чтобы играть модную в наше время и закрепленную обычаем роль, и не вносить в нее ничего своего, кроме слов, означает предусмотрительно оберегать свою безопасность, делая это, однако, крайне трусливо, как тот, кто готов отказаться от своей чести, своей выгоды или своего удовольствия из страха перед опасностью; ведь давно установлено, что подобное поведение не может дать человеку ничего, что бы тронуло или усладило благородную душу. Нужно по-настоящему жаждать тех удовольствий, которыми хочешь по-настоящему наслаждаться: я имею в виду тот случай, когда судьба, вопреки справедливости, благоприятствует мужскому лицемерию, а это бывает достаточно часто, ибо нет такой женщины, сколь бы нескладной она ни была, которая не мнила бы себя достойной любви и не обладала бы обаянием юности, или улыбки, или телодвижений, ибо совершенных дурнушек между ними не больше, чем безупречных красавиц, и дочери брахманов, если они начисто лишены привлекательности, выходят на площадь к народу, собранному для этого, кри-

* Ибо и глаза у нас также ученые [17] (*лат.*).
** Кто из арголийского [греческого] флота избежал кафарейских скал, тот всегда направляет свои паруса прочь от эвбейских вод [18] (*лат.*).

ками городского глашатая, и выставляют напоказ свои детородные части, дабы попытаться хотя бы таким путем добыть себе мужа.

По этой причине нет такой женщины, которая не поверила бы с легкостью первой же клятве своего поклонника.

За этим общераспространенным и привычным для нашего века мужским вероломством не может не следовать то, что уже ощущается нами на опыте, а именно, что женщины теснее сплачиваются между собой и замыкаются в себе или в своем кругу, дабы избегать общения с нами, или, подражая примеру, который мы им подаем, в свою очередь лицедействуют и идут на такую сделку без страсти, без колебаний и без любви — neque affectui suo aut alieno obnoxiae*, — считая, согласно утверждению Лисия у Платона[20], что они могут отдаваться нам с тем большей легкостью и выгодой для себя, чем меньше мы в них влюблены.

И все тут пойдет, как в комедии, причем зрители будут испытывать столько же удовольствия, — а то и немного побольше, — сколько сами актеры.

Что до меня, то на мой взгляд Венера без Купидона[21] так же невозможна, как материнство без деторождения, — это вещи взаимоопределяющие и дополняющие друг друга. Таким образом, этот обман бьет в конечном итоге того, кто прибегает к нему. Правда, он ему ничего не стоит, но и не дает ничего стоящего. Те, кто сотворил из Венеры богиню, немало пеклись о том, чтобы главное и основное в ее красоте было бестелесное и духовное; но любовь, за которой гоняются люди, не только не может быть названа человеческой, ее нельзя назвать даже скотскою. Животных, и тех не влечет такая низменная и земная любовь! Мы видим, что воображение и желание зачастую распаляют и захватывают их прежде, чем разгорячится их тело; мы видим, как особи обоих полов отыскивают и выбирают в сумятице стада предметы своей привязанности и что знаются между собою те, кто проявлял друг к другу длительную склонность. Даже те из них, у кого старость отняла их былую телесную силу, и они также все еще продолжают дрожать, ржать и трепетать от любви. Мы видим, что перед совокуплением они полны упований и пыла, а когда их плоть сделает свое дело, они горячат себя сладостными воспоминаниями; и мы видим, что иных с той поры распирает гордость, а другие — усталые и насытившиеся — распевают песни победы и ликования. Кому требуется освободить свое тело от бремени естественной надобности и ничего больше не нужно, тому незачем угощать другого столь изысканными приправами: это не пища для утоления лютого и не знающего удержу голода.

Нисколько не заботясь о том, чтобы обо мне думали лучше, чем каков я в действительности, я расскажу нижеследующее о заблуждениях моей юности. Не только по причине существующей здесь опасности для здоровья (все же я не сумел уберечь себя от двух легких и, так сказать, предварительных приступов), но и вследствие своего рода брезгливости я никогда не имел охоты сближаться с доступными и продажными женщинами

* Ни по влечению своего чувства, ни отзываясь на чувство другого[19] (*лат.*).

Я стремился усилить остроту этого наслаждения, а ее придают ему трудности, неугасающее желание и немножко удовлетворенного мужского тщеславия; и мне нравилось вести себя подобно императору Тиберию[22], которого в его любовных делах в такой же мере воспламеняли скромность и знатность, как и все остальное, привлекающее нас в женщинах, и я одобрял разборчивость куртизанки Флоры[23], отдававшейся лишь тем, кто был никак не ниже, чем в ранге диктатора, консула или цензора, и черпавшей для себя усладу в высоком звании своих возлюбленных. Здесь, разумеется, кое-что значат и жемчуга, и парча, и титулы, и весь образ жизни. Впрочем, я отнюдь не пренебрегал духовными качествами, однако ж при том условии, чтобы и тело было, каким ему следует быть, ибо, по совести говоря, если бы оказалось, что надо обязательно выбирать между духовной и телесной красотой, я предпочел бы скорее пренебречь красотою духовной: она нужна для других, лучших вещей; но если дело идет о любви, той самой любви, которая теснее всего связана со зрением и осязанием, то можно достигнуть кое-чего и без духовных прелестей, но ничего — без телесных.

Красота — и впрямь могучая сила женщин. Она в такой же мере присуща им, как и нам; и хотя наша красота требует несколько иных черт, все же в пору своего цветения она мало чем отличается от их красоты: такая же отроческая — нежная и безбородая.

Говорят, что наложницы турецкого султана, услужающие ему своей красотой, — а их у него несметное множество — получают отставку самое большее в двадцать два года[24].

Разум, мудрость и дружеские привязанности чаще встречаются среди мужчин; вот почему последние и вершат делами нашего мира.

Эти оба вида общения зависят от случая и от воли других. Общение первого вида до того редко, что не может спасти от скуки; что же касается общения с женщинами, то оно с годами сходит на нет; таким образом, ни то, ни другое не смогло полностью удовлетворить потребности моей жизни. Общение с книгами — третье по счету — гораздо устойчивее и вполне в нашей власти. Оно уступает двум первым видам общения в ряде других преимуществ, но за него говорит его постоянство и легкость, с которой можно его поддерживать.

Книги сопровождают меня на протяжении всего моего жизненного пути, и я общаюсь с ними всегда и везде. Они утешают меня в мои старые годы и в моем уединенном существовании. Они снимают с меня бремя докучной праздности и в любой час дают мне возможность избавляться от неприятного общества. Они смягчают приступы физической боли, если она не достигает крайних пределов и не подчиняет себе все остальное.

Чтобы стряхнуть с себя назойливые и несносные мысли, мне достаточно взяться за чтение; оно легко завладевает моим вниманием и прогоняет их прочь. К тому же книги неизменно повинуются мне и не возмущаются тем, что я прибегаю к ним лишь тогда, когда не могу найти других развлечений — более существенных, живых и естественных; они всегда встречают меня с той же приветливостью.

Принято говорить, что кто ведет под уздцы свою лошадь, тому идти пешком — одно удовольствие, и наш Иаков, король Неаполя и Сицилии, — красивый, молодой и здоровый, — заставлявший носить себя по стране на носилках, в которых он лежал на жалкой перине, облаченный в серый суконный плащ и такую же шляпу, тогда как за ним следовала пышная королевская свита, состоявшая из дворян и придворных, с конными носилками и верховыми лошадьми всевозможных пород, являл собою пример половинчатого и еще неустойчивого самоуничижения [25]: незачем жалеть хворого, если у него под рукой целительное лекарство. Проверка на опыте справедливости этого поразительно мудрого изречения — вот, в сущности, и вся польза, извлекаемая мною из книг. Я и впрямь обращаюсь к ним почти так же часто, как те, кто их вовсе не знает. Я наслаждаюсь книгами, как скупцы своими сокровищами, уверенный, что смогу насладиться ими, когда пожелаю; моя душа насыщается и довольствуется таким правом на обладание. Я никогда не пускаюсь в путь, не захватив с собой книг, — ни в мирное время, ни на войне. И все же бывает, что я не заглядываю в них по нескольку дней, а то и месяцев. «Вот, возьмусь сейчас, — говорю я себе, — или завтра, или когда я того пожелаю». Между тем, время бежит и несется, и я не замечаю его. Ибо нет слов, чтобы высказать, насколько я отдыхаю и успокаиваюсь при мысли о том, что книги всегда рядом со мной, чтобы доставить мне удовольствие, когда наступит мой час, и ясно сознавая, насколько они помогают мне жить. Они — наилучшее снаряжение, каким только я мог бы обзавестись для моего земного похода, и я крайне жалею людей, наделенных способностью мыслить и не запасшихся им. И развлечениям любого другого рода, сколь бы незначительны они ни были, я предаюсь с тем большей охотой, что мои книги никуда от меня не уйдут.

Когда я дома, я немного чаще обращаюсь к моей библиотеке, в которой, к тому же, я отдаю распоряжения по хозяйству. Здесь я у самого въезда в мой замок и вижу внизу под собой сад, птичник, двор и бо́льшую часть моего дома. Тут я листаю когда одну книгу, когда другую, без всякой последовательности и определенных намерений, вразброд, как придется; то я предаюсь размышлениям, то заношу на бумагу или диктую, прохаживаясь взад и вперед, мои фантазии вроде этих.

Моя библиотека на третьем этаже башни. В первом — часовня, во втором — комната с примыкающей к ней каморкой, в которую я часто уединяюсь прилечь среди дня. Наверху — просторная гардеробная. Помещение, в котором я держу книги, было в прошлом самым бесполезным во всем моем доме. Теперь я провожу в нем бо́льшую часть дней в году и бо́льшую часть часов на протяжении дня. Ночью, однако, я тут никогда не бываю. Рядом с библиотекой есть довольно приличный и удобно устроенный нужник, который в зимнее время можно отапливать. И если бы я не страшился хлопот еще больше, чем трат, я мог бы легко добавить с обеих сторон на одном уровне с библиотекой по галерее длиной в сто и шириной в двенадцать шагов, ибо стены для них, возведенные до меня в других

целях, поднимаются до потребной мне высоты. Всякому пребывающему в уединении нужно располагать местом, где бы он мог прохаживаться.

Если я даю моим мыслям роздых, они сразу же погружаются в сон. Мой ум цепенеет, если мои ноги его не взбадривают. Кто познаёт не только по книгам, те всегда таковы. Моя библиотека размещена в круглой комнате, и свободного пространства в ней ровно столько, сколько требуется для стола и кресла; у ее изогнутых дугой стен расставлены пятиярусные книжные полки, и куда бы я ни взглянул, отовсюду смотрят на меня мои книги. В ней три окна, из которых открываются прекрасные и далекие виды, и она имеет шестнадцать шагов в диаметре. Зимой я посещаю ее менее регулярно, ибо мой дом, как подсказывает его название, стоит на юру[26], и в нем не найти другой комнаты, столь же открытой ветрам, как эта; но мне нравится в ней и то, что она не очень удобна и находится на отлете, так как первое некоторым образом закаляет меня, а второе дает мне возможность ускользать от домашней сутолоки и суеты.

Это — мое пристанище. Я стремлюсь обеспечить за собой безраздельное владение им и оградить его от каких бы то ни было посягательств со стороны тех, кто может притязать на него в силу супружеских, семейных или общественных отношений. Повсюду, кроме как в нем, власть моя в сущности номинальна и стоит немногого. Жалок, по-моему, тот, кто не имеет у себя дома местечка, где бы он был и впрямь у себя, где мог бы отдаться личным заботам о себе или укрыться от чужих взглядов! За тщеславие нужно расплачиваться немалыми жертвами, ибо тех, кто одержим этой страстью, она заставляет быть всегда на виду, точно они — статуя на рыночной площади: Magna servitus est magna fortuna *. Даже уединение не приносит им одиночества. В том суровом образе жизни, которому предаются наши монахи, нет, на мой взгляд, ничего более тягостного, чем порядок, ставший, как видно, правилом в некоторых орденах, — я имею в виду постоянное сожительство всех в одном месте и присутствие многих при любом действии каждого из них. И я нахожу более предпочтительным пребывать всегда в одиночестве, чем не иметь возможности иногда остаться наедине с собою самим.

Кто заявляет, что видеть в музах только игрушку и прибегать к ним ради забавы означает унижать их достоинство, тот, в отличие от меня, очевидно, не знает действительной ценности удовольствия, игры и забавы. Я едва не сказал, что преследовать какие-либо другие цели при обращении к музам смешно. Я живу со дня на день и, говоря по совести, живу лишь для себя; мои намерения дальше этого не идут. В юности я учился, чтобы похваляться своей ученостью; затем — короткое время — чтобы набраться благоразумия; теперь — чтобы тешить себя хоть чем-нибудь; и никогда — ради прямой корысти. Пустое и разорительное влечение к домашней утвари этого рода — я говорю о книгах, — направленное не только на удовлетворение потребности в знаниях, но на три четверти и на то, чтобы

---

* Великая судьба — великое рабство[27] (*лат.*).

принарядиться и приукраситься в глазах окружающих — такое влечение я уже давно поборол.

Книги (для умеющих их выбирать) обладают многими приятными качествами; но не бывает добра без худа; этому удовольствию столь же не свойственны чистота и беспримесность, как и всем остальным; у книг есть свои недостатки, и притом очень существенные; читая, мы упражняем душу, но тело, которое я также не должен оставлять своими заботами, пребывает это время в бездействии, расслабляется и поникает. Я не знаю излишеств, которые были бы для меня губительнее и которых на склоне лет мне следует избегать с большей старательностью.

Вот три моих излюбленных и предпочитаемых всему остальному занятия. Я не упоминаю о тех, которыми я служу обществу во исполнение моего гражданского долга.

Глава IV

ОБ ОТВЛЕЧЕНИИ

Однажды мне пришлось утешать одну и впрямь огорченную даму — ведь в большинстве случаев их горести искусственны и наигранны

Uberibus semper lacrimis, semperque paratis
In statione sua, atque exspectantibus illam,
Quo iubeat manare modo *.

Кто противодействует этой страсти, тот поступает весьма неразумно, ибо противодействие лишь раздражает их и усиливает их печаль; заводя спор, только обостряешь их горе. Мы замечаем на примере наших повседневных разговоров, что вздумай кто-нибудь возражать сказанному мной походя, тому, чему я сам не придавал никакого значения, я тотчас же становлюсь на дыбы и принимаюсь пылко отстаивать каждое мое слово; и я делаю это еще более горячо, когда речь идет о вещах, которые для меня и в самом деле важны. И потом, действуя подобным образом, вы начинаете рубить с плеча, с грубой неловкостью, а между тем врач, впервые приступая к лечению своего пациента, должен делать это изящно, весело и с приятностью для больного; и никогда безобразный и хмурый врач не преуспевает в своем ремесле. Итак, напротив, сначала нужно помочь страждущим излить свои жалобы, ласково выслушать их и выразить им свое сочувствие и полное понимание. С помощью этой уловки вы завоюете

* И женщина проливает обильные слезы, которые у нее всегда наготове по всякому поводу или в ожидании повода к тому, чтобы их проливать [1] (*лат.*).

их доверие и сможете пойти дальше и, легко и неприметно отклоняясь в сторону, перейти затем к речам и более твердым и более пригодным для исцеления тех, кто удручен своим горем.

Если вернуться ко мне, то, стремясь преимущественно к тому, чтобы не ударить лицом в грязь перед присутствующими, которые смотрели на меня в оба, я задумал немного прикрыть скорбь упомянутой дамы тонким слоем румян и белил. Ведь я хорошо знаю на опыте, насколько тяжела и неуклюжа у меня рука и как я беспомощен в увещаниях. Или мои доводы бывают слишком замысловатыми и слишком сухими, или я обрушиваю их слишком внезапно, или делаю это слишком небрежно. Разобравшись по истечении какого-то времени в сути ее страданий, я не предпринял попытки избавить ее от них при помощи веских и убедительных доводов, то ли потому, что их у меня не было, то ли потому, что рассчитывал на больший успех, действуя по-иному; при этом я не остановил своего выбора ни на одном из тех способов, которые предписывает нам философия, когда требуется доставить кому-нибудь утешение; я не утверждал, как Клеанф [2], что горе, на которое она жалуется, совсем не несчастье, или, как перипатетики [3], что это не такая уж большая беда, или, как Хрисипп [4], что жаловаться на это и несправедливо и отнюдь не похвально; я не советовал, как Эпикур, — хотя его способ крайне близок моему, — перенестись мыслью с вещей тягостных на приятные; я не следовал также Цицерону, полагавшему, что все эти доводы нужно свалить в одну кучу и пользоваться ими по мере надобности; но, отклоняя мало-помалу нашу беседу от ее основной темы и переводя постепенно на предметы сначала близкие, а затем, по мере того как я овладевал вниманием моей собеседницы, и на более отдаленные, я незаметно отвлек в сторону грустные мысли моей дамы, и она взяла себя в руки и оставалась спокойной, пока я был возле нее. Те, кто после меня приняли на себя те же заботы, не смогли обнаружить в ее состоянии никаких улучшений, и причина этого в том, что мой топор не добрался до корней ее скорби.

Я уже касался, пожалуй, одного вида отвлечений в общественной жизни. Что до использования отвлечений в борьбе с врагами, применявшихся Периклом в Пелопоннесской войне [5], а многими другими в иное время и при иных обстоятельствах, то в истории различных народов это вещь слишком частая.

Поистине хитроумной была уловка, с помощью которой сьер д'Эмберкур спас и себя и других в Льеже, куда его послал державший льежцев в осаде герцог Бургундский, чтобы он принял город на уже заключенных условиях капитуляции [6]. А льежцы, собравшись ночью для обсуждения этих условий, принялись роптать, недовольные достигнутым соглашением, и многие задумали расправиться с парламентерами, находившимися в их власти. Сьер д'Эмберкур, почуяв угрозу по первой волне людского потока, подступившей к дверям его дома и готовой обрушиться на него, тотчас же выслал к народу двух местных жителей (ибо при нем их было несколько), поручив им огласить в народном собрании новые и более мягкие предложения, придуманные им тут же на месте ввиду грозившей

опасности. Эти двое остановили первый шквал бури и повели за собой возбужденную толпу в ратушу, где бы их могли выслушать и обсудить принесенные ими вести. Обсуждение было кратким, и вот разражается второй шквал, столь же бешеный, как первый, и сьер д'Эмберкур опять шлет навстречу ему четырех новых столь же мнимых посредников, утверждавших, что на этот раз им поручено сообщить о более выгодных для льежцев условиях, которые им несомненно больше придутся по вкусу и которыми они будут довольны; благодаря этим посулам народ снова был завлечен на собрание. Короче говоря, теша горожан такими забавами, отвлекая их гнев и понуждая их расточать его в бесплодных спорах и обсуждениях, он, в конце концов, усыпил его и благополучно дождался наступления дня, что и было его главной задачей.

Нижеследующий вымысел повествует примерно о том же. Аталанта, дева выдающейся красоты и редких дарований, желая отделаться от множества поклонников, домогавшихся вступить с нею в брак, объявила, что возьмет в мужья только того, кто сравняется с нею в скорости бега, причем потерпевшие неудачу заплатят жизнью. Несмотря на рискованность столь жестокого договора, нашлось немало таких, которые сочли подобную цену соразмерной с обещанною наградой. Иппомен, которому предстояло испытать свои силы последним, обратился к богине — покровительнице любовной страсти — и воззвал к ее помощи, и она, вняв его просьбе, дала ему три золотых яблока и научила, как их использовать. Состязание началось, и Иппомен, почувствовав, что владычица его сердца, следующая за ним по пятам, вот-вот нагонит его, как бы нечаянно роняет одно из упомянутых яблок. Девушка, восхищенная красотой яблока, не может превозмочь искушение и задерживается, чтобы поднять его,

Obstupuit virgo, nitidique cupidine pomi
Declinat cursus, aurumque volubile tollit *.

То же самое сделал он в нужный момент и во второй раз и в третий, пока не добился, при помощи этого обмана и отвлечения, преимущества в беге.

Когда врачи не могут справиться с воспалением, они отвлекают его и отводят в какую-нибудь другую, менее опасную область нашего тела. Я заметил, что этот прием чаще всего применяется и при болезнях души. Abducendus etiam nonnumquam animus est ad alia studia, solicitudines, curas, negotia; loci denique mutatione, tanquam aegroti non convalescentes, saepe curandus est **. По ее недугам мало кто бьет сплеча; приступы их не поддерживают и не пресекают, их стараются отвести и сгладить.

Противоположный способ — слишком возвышенный и трудный. Только люди высшей породы способны постигать вещь во всей ее наготе, отчетливо видеть ее и исчерпывающе судить о ней. Лишь Сократу дано лице-

---

* Девушка обомлела: желание завладеть сверкающим яблоком задерживает ее бег, и она поднимает катящееся золото [7] (*лат.*).

** Иногда следует развлекать душу необычными для нее занятиями, волнениями, заботами, делами; наконец, нужно прибегать к перемене места, как поступают с больными, чей недуг не поддается исцелению [8] (*лат.*).

зреть смерть, не меняясь в лице, одному ему — приручить ее, шутить с нею. Он не ищет утешения вне самой смерти; она для него естественное и обычное явление; он останавливает свой взгляд прямо на ней и решается на нее, не озираясь по сторонам. Ученики Гегесия, вдохновляясь красивыми речами своего учителя, побуждали себя умирать голодною смертью, и они делали это так часто, что царь Птолемей запретил ему услаждать свою школу этими человекоубийственными речами [9], — так вот, эти ученики Гегесия жаждали смерти не самой по себе и нисколько не задумывались над ее сущностью; не на ней останавливали они свою мысль; они торопились, они стремились к иному, новому существованию. А бедняги, которых мы иногда видим на эшафоте! Эти полны пылкой набожности; они отдают ей, по мере возможности, все свои чувства; превратившись в слух, они жадно ловят обращенные к ним напутствия, и, воздев к небу глаза и руки, возвысив голос в громких молитвах, охваченные суровым и неослабным волнением, они, конечно, являют собою пример отменно похвальный и подобающий их горькой участи. Их следует хвалить за религиозное рвение, но отнюдь не за твердость духа. Они бегут от борьбы; они не хотят думать о смерти и во многом напоминают детей, которых всячески забавляют, чтобы тем временем вскрыть им нарыв. Я наблюдал осужденных на казнь и видел, как их взгляд, опускавшийся порою на расставленные рядом ужасные орудия смерти, тотчас же отвращался от них, и они в исступлении заставляли себя перенестись мыслью на любые другие предметы. Переправляющимся через грозную пропасть велят зажмуриваться или отводить от нее глаза.

Субрий Флав был осужден Нероном на смерть, и умертвить его должен был своей рукою Нигер — и тот и другой были римскими военачальниками. Когда Флава привели к месту казни, то, увидев безобразную яму с кривыми краями, вырытую для него по приказанию Нигера, он, повернувшись к присутствующим тут воинам, произнес: «Даже это сделано не по уставу», — а Нигеру, обратившемуся к нему с увещанием держать голову твердо, сказал: «Обо мне не заботься. Лишь бы ты поразил меня с такой же твердостью!» И он предугадал правильно, потому что у Нигера тряслись руки, и он отрубил Флаву голову лишь после нескольких повторных ударов [10]. Вот человек, который, как видно, и впрямь сосредоточенно думал о своей смерти и ни о чем больше.

Кто умирает в схватке, не выпуская из рук оружия, тот не присматривается заранее к смерти, не ощущает ее и не помышляет о ней: его увлекает боевой пыл. Один из моих знакомых, человек порядочный и правдивый, упав однажды во время поединка, зная, что его противник, пока он лежал на земле, нанес ему девять или десять ударов кинжалом, и слыша, как он сам впоследствии мне рассказывал, голоса окружающих, наперебой умолявших его позаботиться о своей душе, не придавал этим крикам никакого значения и думал только о том, как бы вскочить на ноги и отомстить за себя. И он убил своего противника в этом же поединке.

Большую услугу оказал Луцию Силану [11] тот, через кого ему была объявлена весть о его осуждении: услышав ответ Силана, что он готов уме-

реть, но только не от преступной руки, этот глашатай императорской воли вместе со своими воинами устремился к Силану, чтобы схватить его, и так как тот упорно сопротивлялся, пустив в ход кулаки и ноги, убил его в этой борьбе; вызвав в нем внезапно вспыхнувший бурный гнев, он избавил его, таким образом, от тягостной мысли об уготовленной ему медленной и мучительной смерти.

В таких обстоятельствах мы всегда думаем о чем угодно, но не о ней: нас тешат и поддерживают надежды на иную, лучшую жизнь, или надежды, возлагаемые нами на наших детей, или предвкушение будущей славы нашего имени, или мысль о том, что мир, который мы покидаем, — не более как юдоль скорби, или мечты о возмездии, угрожающем тем, кто причиняет нам смерть,

> Spero equidem mediis, si quid pia numina possunt,
> Supplicia hausurum scopulis, et nomine Dido
> Saepe vocaturum...
> Audiam, et haec manes veniet mihi fama sub imos *.

Когда Ксенофонту сообщили о гибели в битве при Мантинее [13] его сына Грилла, он, с венком на голове, приносил жертвы богам. Ошеломленный этим известием, он швырнул венок наземь, но затем, слушая повествование о происшедшем и постигнув, что эта смерть была поистине героической, поднял его и снова надел на голову.

Даже Эпикур — и он также — утешал себя перед своей кончиною мыслями о вечности и полезности написанных им сочинений [14]. Omnes clari et nobilitati labores fiunt tolerabiles **. И Ксенофонт говорит, что точно такая же рана и такие же трудности и лишения тяготят полководца не в пример меньше, чем воина [16]. Узнав, что победа осталась за ним, Эпаминонд воспрянул духом и принял смерть с поразительной твердостью [17]. Haec sunt solatia, haec fomenta summorum dolorum ***. И бесчисленные схожие с этими обстоятельства уводят, отвлекают и избавляют нас от размышлений о смерти как таковой.

Даже доводы философии лишь слегка прикасаются к ней, не добираясь до ее сущности и едва скользя по ее оболочке. Первейший мыслитель первейшей из всех философских школ, главенствующей над всеми другими, великий Зенон, понося смерть, сказал следующее: «Ни одно зло не заслуживает уважения; смерть заслуживает его; стало быть, она вовсе не зло»; а понося пьянство — следующее: «Никто не вздумает доверять свою тайну пьянице; всякий доверяет ее лишь разумному человеку; стало быть, разумный человек не может быть пьяницей» [19]. Бьют ли подобные доводы в цель? Мне приятно видеть, что эти образцовые души не могут отделаться от иных свойств, роднящих их с нами.

---

* Я надеюсь, если справедливые боги и в самом деле могущественны, что ты погибнешь, разбившись на скалах, не раз поминая имя Дидоны; я узнаю об этом, ибо слух о свершившемся дойдет и до меня в обиталище теней [12] (*лат.*).

** Трудности, доставляющие известность и славу, переносятся с легкостью [15] (*лат.*).

*** В этом утешение, в этом облегчение при величайших страданиях [18] (*лат.*).

Сколь бы совершенными людьми они ни были, это, однако ж, всего-навсего люди и ничего больше.

Жажда мщения — страсть в высшей степени сладостная; ей свойственно некоторое величие, и она вполне естественна; я очень хорошо это вижу, хотя личного знакомства мы с нею и не свели. Чтобы отвлечь от нее одного юного государя, — это случилось совсем недавно, — я не стал распространяться о том, что ударившему вас по одной щеке следует смирения ради подставить другую; не стал я ему пересказывать и всевозможные трагические события, изображаемые поэтами, как следствия этой страсти. Обо всем этом я не обмолвился ни словечком и стремился только к тому, чтобы научить его чувствовать красоту совершенно иной картины, рисуя ему почет, любовь и благожелательность, которых он может достигнуть, проявляя снисходительность и доброту; и я отвратил его от тщеславия[20]. Вот как делаются такие дела.

Если вас охватывает чрезмерно пламенная влюбленность, вам советуют рассеять ее; и советуют вполне правильно, в чем я не раз и с пользою для себя убеждался на опыте; распределите ее между несколькими желаньями, одно из которых, если вы того захотите, может быть главным и основным, но из опасения, как бы оно не заслонило все остальные и безраздельно не властвовало над вами, ослабляйте и сдерживайте это желание, деля и отвлекая его все снова и снова:

Cum morosa vago singultiet inguine vena,
Coniicito humorem collectum in corpora quaeque *.

И подумайте об этом заранее, чтобы не оказаться в беде, если оно еще раз нахлынет на вас,

Si non prima novis conturbes vulnera plagis,
Volgivagaque vagus venere ante recentia cures **.

Однажды в дни молодости мне пришлось пережить сильное, чрезмерное для моей души огорчение, и оно было не только сильным, но — что важнее всего — и глубоко обоснованным; положись я тогда попросту на свои силы, я бы, пожалуй, не выдержал. Нуждаясь, чтобы рассеяться, в каком-нибудь способном захватить меня отвлечении, я заставил себя, призвав на помощь рассудок и волю, влюбиться, чему немало помог мой возраст. Любовь облегчила меня и развеяла скорбь, причиненную дружбой. И повсюду мы наблюдаем все то же: меня одолевает какое-нибудь неприятное представление; я нахожу, что заменить его новым много проще, чем его побороть; и если я не могу заместить его представлением противоположного свойства, я все же замещаю его каким-либо другим. Разнообразие всегда облегчает, раскрепощает и отвлекает.

---

* Когда в тебе воспылает буйное и неудержимое желание, излей накопившуюся жидкость в любое тело[21] (*лат.*).

** Если ты не заглушишь свои первые раны новыми, если их, еще свежих, не излечишь легко доступной любовью[22] (*лат.*).

Если я не могу одолеть засевшее во мне неприятное представление, я стараюсь улизнуть от него и, убегая, петляю из стороны в сторону, пускаюсь на всевозможные хитрости; переезжая с места на место, меняя занятия, общество, я спасаюсь в сумятице иных развлечений и мыслей, и так несносное представление теряет мой след, и я окончательно ухожу от него.

Корни этого — во вложенном в нас самою природой благодетельном непостоянстве, ибо время, приставленное к нам ею в качестве врача-исцелителя наших страстей, достигает успеха в их лечении главным образом тем, что, давая нашему воображению все новую и новую пищу, расчленяет и нарушает наше первоначальное восприятие, сколь бы острым оно в свое время ни было. Мудрец по прошествии двадцати пяти лет столь же явственно видит своего друга в момент его смерти, как и в течение первого года после его кончины; и, согласно объяснению Эпикура [23], он видит его не менее явственно именно потому, что нисколько не смягчал горестности этой утраты ни тогда, когда предвидел ее, ни по прошествии многих лет после нее. Но столько прочих раздумий наслоилось на это воспоминание, что оно потускнело и, в конце концов, отошло вдаль.

Стремясь отвести от себя сплетни и пересуды, Алкивиад отсек своей великолепной собаке уши и хвост [24] и в таком виде выпустил ее на городской рынок, с тем чтобы народ, получив отличную тему для болтовни, оставил в покое прочие его действия и поступки. И я также видел, как некоторые женщины, с той же целью — отвести от себя всевозможные домыслы и догадки и сбить с толку судачащих на их счет, прикрывали свои истинные любовные чувства чувствами поддельными и наигранными. Но я знал среди них и такую, которая в притворстве своем зашла так далеко, что искренне увлеклась вымышленною страстью и забыла о своей истинной и изначальной любви ради притворной; и пример этой дамы воочию убедил меня, что когда те, кому повезло в любовных делах, соглашаются на подобную маскировку, они ведут себя не лучше отъявленных простаков. Неужели вы думаете, что после того, как встречи и разговоры на людях становятся исключительным правом такого мнимого воздыхателя, он окажется настолько неловким, что не займет, в конце концов, вашего места и не оттеснит вас на свое? Это не что иное, как кроить и тачать башмаки, чтобы их обул кто-то другой.

Любая безделица отвлекает и уводит в сторону наши мысли, ибо задерживает их на себе тоже безделица. Мы никогда не видим предмета полностью и в отдельности; наше внимание останавливают на себе окружающая его обстановка или его несущественные, приметные с первого взгляда особенности и та тончайшая оболочка, в которую он заключен и которую сбрасывает с себя точно так же,

Folliculos ut nunc teretes aestate cicadae
Linquunt *.

---

* Как цикады, сбрасывающие с себя летней порой гладкую кожицу [25] (*лат.*).

Даже Плутарх, — и он, — оплакивая умершую дочь, распространяется о ее детских проказах [26]. Нас печалят воспоминания о прощании, о каком-нибудь поступке умершего, поразительной его примиренности перед кончиной, о последнем его поручении. Тога Цезаря взволновала весь Рим, чего не сделала его смерть [27]. То же самое можно сказать и о горестных восклицаниях, которыми прожужжали нам уши: «О мой бедный учитель!», или «О бесценный друг мой!», или «Увы! мой любимый отец!», или «Моя милая дочь!», и когда моего слуха касаются все эти извечные повторения и я приглядываюсь к ним ближе, я прихожу к выводу, что это — стенания, можно сказать, грамматические и чисто словесные. Меня задевает слово и тон, которым оно произносится. И все это — совсем как те выкрики, которыми проповедники часто пронимают свою паству гораздо сильнее, нежели увещаниями и доводами, или как жалобный вой и визг убиваемого нам в пищу животного; во всех этих случаях я не оцениваю по-настоящему и не постигаю истинной сущности предмета или явления;

His se stimulis dolor ipse lacessit *.

Таковы основания наших горестей и печалей.

Упорство моих камней, особенно при их прохождении по детородному члену, не раз причиняло мне длительную задержку мочи на три, на четыре дня, и я бывал так близок к смерти, что надеяться улизнуть от нее или даже попросту желать этого было чистым безумием — настолько невыносимы боли, вызываемые этим недугом. До чего же великим докой в искусстве мучительства и истязаний был добрый тот император, который приказывал туго-натуго перевязывать детородный член осужденным на смерть, дабы они умирали от невозможности помочиться [29]. Пребывая в таком состоянии, я имел случай отметить, сколь легковесными доводами и какой чепухой пичкало меня мое воображение, побуждая сожалеть о расставании с жизнью; из каких мельчайших крупиц складывалось в моей душе представление о значительности и трудности этого переселения; сколькими вздорными мыслями занимаем мы наше внимание, готовясь к столь важному делу: собака, лошадь, книга, кубок — и чего, чего тут только не было! — включались мною в список моих потерь. Другие вносят в него свои честолюбивые чаянья, свой кошелек, свои знания, что, на мой взгляд, не менее глупо. Пока я рассматривал смерть отвлеченно, как конец жизни, я смотрел на нее довольно беспечно; в целом я не даю ей спуску, но в мелочах — она положительно подавляет меня. Слезы слуги, распределение остающихся после меня носильных вещей, прикосновение знакомой руки, всеобщие утешения расслабляют меня и приводят в отчаяние.

Вот почему волнуют нам душу и жалобы вымышленных героев, а стенания Дидоны и Ариадны трогают даже тех, кто, читая о них у Вергилия и Катулла, не верит тому, что они и вправду существовали на свете. Если мы вспомним даже о Полемоне, о котором рассказывают как о своего рода

* Этими уколами скорбь сама себе не дает покоя [28] (*лат.*).

чуде и которого называют в качестве примера полнейшей бесчувственности и душевной неуязвимости, то не побледнел ли также и Полемон, когда его всего-навсего укусила злая собака, вырвавшая у него на ноге кусок мяса[30]. И никакая мудрость не простирается так далеко, чтобы постигнуть рассудком причину столь живой и глубокой скорби, возрастающей в еще большей мере при непосредственном наблюдении того или иного горестного события: ведь наблюдают наши глаза и уши — органы, способные отзываться лишь на внешнее и, стало быть, наименее существенное в явлении.

Справедливо ли, что даже искусства используют вложенные в нас самою природою легковерие и слабоумие и извлекают из них свои выгоды? Оратор, как утверждает риторика, лицедействуя в фарсе, именуемом его судебною речью, будет тронут звучанием своего голоса и своим притворным волнением и, в конце концов, даст обмануть себя страсти, которую старается изобразить. Он проникнется подлинной и нешуточною печалью, порожденною в нем фиглярством, нужным ему, чтобы заразить ею и судей, которым до нее еще меньше дела, чем ему самому. Подобное творится и с теми, кого нанимают для участия в похоронах с целью усугубить горестность этой торжественной церемонии и кто продает свои слезы и скорбь мерой и весом; ведь несмотря на то, что в выражении своего горя эти люди ограничиваются простым подражанием установленным образцам, все же, как достоверно известно, приноравливаясь и понуждая себя к определенному поведению, они нередко с таким усердием предаются этому занятию, что впадают в неподдельную скорбь.

Мне пришлось в числе нескольких друзей господина де Граммона[31], убитого при осаде Ла-Фер, сопровождать его тело из лагеря осаждающих в Суассон. Во время этой поездки я заметил, что, где бы ни проходила наша процессия, народ повсюду встречал ее с причитаниями и плачем и что их вызывало лишь впечатление, производимое нашим печальным шествием, ибо в толпе не знали покойного даже по имени.

Квинтилиан говорит, что ему доводилось видеть актеров, настолько сживавшихся со своей ролью людей, охваченных безысходною скорбью, что они продолжали рыдать и возвратившись к себе домой; и о себе самом он рассказывает, что, задавшись целью заразить кого-нибудь сильным чувством, он не только заливался слезами, но и лицо его покрывала бледность, и весь его облик становился обликом человека, отягощенного настоящим страданием[32].

В одной местности у подножия наших гор деревенские женщины уподобляются тем священникам, которые одновременно исполняют свои обязанности и сами себе отвечают за певчего, ибо, бередя в себе тоску об умершем муже перечислением всех его добрых и приятных им качеств, они, вместе с тем, вспоминают и оглашают во всеуслышание и его пороки и недостатки, делая это как бы ради того, чтобы уравновесить вторыми первые и отвлечь себя от скорби к презрению; и они поступают не в пример лучше нас, когда мы стараемся изо всех сил в случае смерти едва известного нам человека воздать ему впервые пришедшие нам на ум и притом

фальшивые похвалы: не видя его больше среди живых, мы превращаем его в совершенно иное существо по сравнению с тем, каким он нам представлялся, когда мы его видели среди нас, как если бы сожаление открыло нам в нем нечто такое, чего мы прежде не знали, и слезы, омыв наш рассудок, просветили его. Я наперед отказываюсь от любых похвал, которыми пожелают осыпать меня не потому, что я их заслужил, но потому, что я буду мертв.

Если спросить кого-либо из осаждающих крепость: «Что вам в этой осаде?» — он, конечно, ответит: «Решительно ничего, но я должен подавать пример остальным и повиноваться, как все, моему государю. Я не ищу никакой личной выгоды; что же до славы, то я очень хорошо понимаю, сколь ничтожная крупица ее может выпасть на долю столь ничтожной особы, как я; и я не ощущаю в себе ни страсти, ни озлобления». Но взгляните на него следующим утром, и вы обнаружите, что перед вами совсем другой человек, что он весь кипит, бурлит и багровеет от гнева, стоя в своем ряду и готовый идти на приступ; это блеск повсюду сверкающей стали, и огонь, и грохот наших пушек и барабанов вселили в него такую непримиримость и ненависть. «Нелепейшая причина!» — скажете вы на это. Какая уж там причина! Чтобы возбудить нашу душу, и не требуется никаких причин: бесплотные и беспредметные образы безраздельно владеют ею и возбуждают ее. Едва я принимаюсь строить воздушные замки, как мое воображение преподносит мне радости и удовольствия, которые по-настоящему задевают и веселят мою душу. До чего же часто заволакивается наш ум гневом или печалью, которые насылает на нас какая-нибудь тень, и мы предаемся выдуманным страстям, действительно будоражащим нам и душу и тело! Какие только гримасы — удивления, смеха, смущения — не вызывают грезы на наших лицах! Какие судорожные движения в наших членах и какое волнение в голосе! Не кажется ли вам, что этот пребывающий в одиночестве человек видит перед собою призрачную толпу людей и ведет с ними какие-то разговоры, или что он одержим внутренним демоном, не оставляющим его ни на мгновенье в покое? Задайте себе вопрос, где же, собственно, то, что вызвало в нем эти изменения, и есть ли в природе еще что-нибудь, кроме нас, что питалось бы пустотой и над чем она была бы всесильна?

Камбиз велел умертвить своего брата лишь потому, что ему приснилось, будто тот должен стать персидским царем, — а это был брат, которого он любил и которому всегда доверял! [33] Аристодем, царь мессенцев, наложил на себя руки из-за сущего вздора, который он считал роковым предзнаменованием, — он совершил это лишь из-за того, что по какой-то невыясненной причине выли его псы. А царь Мидас сделал то же, встревоженный и испуганный неким тягостным сном, который ему привиделся [34]. Лишить себя жизни из-за сновидения — значит и вправду ценить ее ровно во столько, сколько она стоит в действительности!

А теперь выслушайте, пожалуй, как издевается наша душа над беспомощностью тела, над его немощностью, над тем, что оно подвержено всевозможным напастям и изменениям: она и впрямь имеет основание

говорить обо всем этом!

O prima infelix fingenti terra Prometheo!
Ille parum cauti pectoris egit opus.
Corpora disponens, mentem non vidit in arte;
Recta animi primum debuit esse via *.

Глава V
О СТИХАХ ВЕРГИЛИЯ

Чем отчетливее и обоснованней душеполезные размышления, тем они докучнее и обременительней. Порок, смерть, нищета, болезни — темы серьезные и нагоняющие уныние. Нужно приучить душу не поддаваться несчастьям и брать верх над ними, преподать ей правила добропорядочной жизни и добропорядочной веры, нужно как можно чаще тормошить ее и натаскивать в этой прекрасной науке; но душе заурядной необходимо, чтобы все это делалось с роздыхом и умеренностью, ибо от непрерывного и непосильного напряжения она теряется и шалеет.

В молодости, чтобы не распускаться, я нуждался в предостережениях и увещаниях; жизнерадостность и здоровье, как говорят, не слишком охочи до этих мудрых и глубокомысленных рассуждений. В настоящее время я, однако, совсем не таков. Старость со всеми своими неизбежными следствиями только и делает, что на каждом шагу предостерегает, умудряет и вразумляет меня. Из одной крайности я впал в другую: вместо избытка веселости во мне теперь избыток суровости, а это гораздо прискорбнее. Вот почему я теперь намеренно позволяю себе малую толику чувственных удовольствий и занимаю порой душу шаловливыми и юными мыслями, на которых она отдыхает. Ныне я чересчур рассудителен, чересчур тяжел на подъем, чересчур зрел. Мои годы всякий день учат меня холодности и воздержности. Мое тело избегает чувственных утех и боится их. Пришла его очередь побуждать разум исправиться. И тело, в свою очередь, одергивает его, и притом так грубо и властно, как он никогда не одергивал тело. Оно ни на час не оставляет меня в покое — ни во сне, ни наяву, — непрерывно напоминая о смерти и призывая к терпению и покаянию. И я обороняюсь от воздержности, как когда-то от любострастия. Она тянет меня назад, и притом так далеко, что доводит до отупения. Но я хочу быть сам себе господином, в полном и неограниченном смысле слова. Благоразумию также свойственны крайности, и оно не меньше нуждается

* О глина, столь неудачно изваянная Прометеем! Свое произведение он создал очень небрежно; соразмеряя члены, он не думал о духе, тогда как начать ему подобало с души [35] (*лат.*).

в мере, чем легкомыслие. И вот, опасаясь, как бы вконец не засохнуть, не иссякнуть и не закоснеть от рассудительности и благонравия, в перерывы между приступами болей,

Mens intenta suis ne siet usque malis *,

я чуть-чуть отворачиваюсь и отвожу взгляд от грозового и покрытого тучами неба, которое я вижу перед собой и на которое смотрю, благодарение богу, без страха, хоть и не без самоуглубленной задумчивости, и забавляю себя воспоминаниями о минувших днях моей молодости,

animus quod perdidit optat;
Atque in praeterita se totus imagine versat **.

Пусть детство смотрит вперед, старость — назад: не это ли обозначали два лица Януса? Пусть годы тащат меня за собой, если им этого хочется, но отступать я наметил не иначе, как пятясь. И пока мои глаза в состоянии различать картины этой чудесной, безвозвратно ушедшей поры, я то и дело устремляю их в ее сторону. И если молодость покинула мою кровь и мои жилы, все же, на худой конец, я не хочу вытравлять ее образ из моей памяти,

hoc est
Vivere bis, vita posse priore frui ***.

Платон велит старикам присутствовать при телесных упражнениях, плясках и играх юношества, с тем чтобы они могли радоваться гибкости и красоте тела других, утраченных ими самими, и оживлять в памяти благодать и прелесть этого цветущего возраста; хочет он также, чтобы честь победы в этих забавах они присуждали тому из юношей, который больше всего возвеселит и обрадует их сердца и наберет среди них большинство голосов [4].

Некогда я отмечал дни мрачности и уныния как необычные; теперь они у меня, пожалуй, вошли в обычай, а необычны хорошие и безоблачные. И если ничто не печалит меня, я готов ликовать всей душой, видя в этом вновь ниспосланную мне милость. Сколько бы ни щекотал я себя, мне не извлечь из этого жалкого тела даже подобия смеха. Я тешу себя лишь в выдумках и мечтах, чтобы с помощью этой уловки увильнуть от горестей старости. Но, разумеется, тут требуются другие лекарства, а не призрачные мечты: ведь они — бессильное ухищрение в борьбе с самою природой.

Большое недомыслие — продлевать и упреждать человеческие невзгоды, как поступает каждый; уж лучше я буду менее продолжительное время стариком, чем стану им до того, как меня в действительности постигнет старость [5]. Я хватаюсь за всякие, самые ничтожные возможности удоволь-

* Чтобы душа не была постоянно поглощена своими несчастьями [1] (*лат.*).
** Душа жаждет того, что утратила, и призраки прошлого волнуют ее [2] (*лат.*).
*** Уметь наслаждаться прожитой жизнью означает жить дважды [3] (*лат.*).

ствия, какие только мне представляются. Понаслышке я очень хорошо знаю, что существуют различные наслаждения — разумные, захватывающие и приносящие славу; но общераспространенные взгляды не имеют надо мной такой силы, чтобы я возжаждал вкусить наслаждения этого рода. Я ищу в них не столько величия, возвышенности и пышности, сколько приятности, доступности и бесхитростности. A natura discedimus; populo nos damus, nullius rei bono auctori *.

Моя философия в действии, в естественном и безотлагательном пользовании благами жизни и гораздо меньше — в фантазии. Я и сейчас с увлечением играл бы орешками и волчком!

Non ponebat enim rumores ante salutem **.

Наслаждению не знакомо тщеславие; оно ценит себя слишком высоко, чтобы считаться с молвой, и охотнее всего пребывает в тени. Розог бы тому юноше, который вздумал бы искать наслаждений во вкусе вина или подливок. Нет ничего, что в дни моей юности было бы мне столь же мало известно и чему я придавал бы столь же малую цену. А теперь я постигаю эту науку. Мне очень стыдно от этого, но ничего не поделаешь. Еще постыднее и досаднее обстоятельства, толкающие меня на подобные вещи. Это нам пристало грезить и лоботрясничать, а молодежи подобает думать о своей доброй славе и о том, чтобы завоевать себе положение; она идет в мир, к тому, чтобы вершить делами его, тогда как мы уходим от всего этого. Sibi arma, sibi equos, sibi hastas, sibi clavam, sibi pilam, sibi natationes et cursus habeant; nobis senibus, ex lusionibus multis, talos relinquant et tesseras ***. Законы — и те отсылают нас по домам. И принимая в расчет жалкое состояние, в которое ввергают меня мои годы, мне только и остается, что доставлять им игрушки и всяческие забавы, как в детстве; ведь в него-то мы и впадаем. И благоразумие и легкомыслие — и то и другое извлекут для себя немалую выгоду, попеременно подпирая и поддерживая меня в этом бедственном возрасте своими услугами:

Misce stultitiam consiliis brevem ****.

Я избегаю даже наилегчайших уколов, и те, что когда-то не оставили бы на мне и царапины, теперь пронзают меня насквозь; и я привыкаю безропотно сживаться с несчастьями. In fragili corpore odiosa omnis offensio est *****.

Mensque pati durum sustinet aegra nihil ******.

---

* Мы отходим от природы; мы следуем за толпой, а она не создает ничего, достойного подражания [6] (*лат.*).

** Он не ставил толки народные выше спасения [7] (*лат.*).

*** Пусть для них будет оружие, для них кони, для них копья, для них палицы, для них мяч, для них плавание и бег; а нам, старикам, из такого множества игр пусть они оставят лишь игральные кости [8] (*лат.*).

**** Примешивай к благоразумию немного глупости [9] (*лат.*).

***** Для хрупкого тела болезненно даже легкое прикосновение [10] (*лат.*).

****** Больная душа не может вынести ничего тягостного [11] (*лат.*).

Я всегда был необычайно восприимчив и очень чувствителен к напастям любого рода; теперь я стал еще менее стоек, и я уязвим отовсюду,

Et minimae vires frangere quassa valent *.

Мой разум не дозволяет мне огрызаться и рычать на неприятности, насылаемые на нас самою природой, но чувствовать их — воспрепятствовать этому он не может. Я бы обегал весь свет — с одного конца до другого, — чтобы найти для себя хоть один сладостный год приятного и заполненного радостями покоя, ибо нет у меня иной цели, как жить и радоваться. Унылого и тупого покоя вокруг меня сверхдостаточно, но он усыпляет и одурманивает меня и довольствоваться им не по мне. Найдись какой-нибудь человек или какое-нибудь приятное общество в деревенской глуши, в городе, во Франции или в иных краях, живущие оседло или кочующие с места на место, которые мне бы пришлись по вкусу и которым я сам был бы по нраву, — им стоило бы лишь свистнуть, и я полетел бы к ним, и перед ними предстали бы эти самые «Опыты» во плоти и крови.

Так как нашему духу дарована привилегия обретать на старости лет новую силу, я всячески поощряю его к этому возрождению; пусть он зеленеет, пусть цветет, если может, в эти последние дни — омела на стволе мертвого дерева. Опасаюсь, однако, что он ненадежен и способен предать; он до того побратался с телом, что не колеблясь покинет меня, дабы устремиться за ним, едва оно попадет в какую-нибудь беду. Я всячески подольщаюсь к моему духу, но мои старания тщетны. Я напрасно пытаюсь отвратить его от этого сообщества и содружества, напрасно занимаю его Сенекой и Катуллом, дамами и придворными танцами; если у его сотоварища рези, ему кажется, что они также и у него. И он тогда не справляется даже с той деятельностью, которая для него — дело привычное и, более того, свойственна лишь ему одному. В таких случаях от него веет ледяным холодом. В его творениях не остается и следа жизнерадостности, если она покинула тело.

Наши учителя допускают ошибку, когда, исследуя причины поразительных взлетов нашего духа и приписывая их божественному наитию, любви, военным невзгодам, поэзии или вину, забывают о телесном здоровье и не воздают ему должного, — здоровье пышущем, неодолимом, безупречном, беззаботном, таком, каким некогда наделяли меня по временам мои весенние дни и ничем не нарушаемая беспечность. Этот огонь веселья воспламеняет дух, и он вспыхивает порой с ослепительной яркостью, намного превосходящей обычную меру его возможностей и порождающей в нем безудержный, если не безграничный восторг. Вот и выходит, что нет ни малейшего чуда, если противоположное состояние, угнетая мой дух, заставляет его поникнуть, сковывает, словом оказывает на него противоположное действие.

Ad nullum consurgit opus, cum corpore languet **.

* И небольшой силы достаточно, чтобы разбить надломленное [12] (*лат.*).
** Он не берется ни за какое дело, когда его тело утомлено [13] (*лат.*).

А между тем он требует от меня, чтобы я был ему благодарен за то, что он якобы уделяет гораздо меньше внимания своему сотоварищу — телу, чем это принято у людей. Но пока между нами установлено перемирие, давайте устраним из нашего общения всяческие раздоры и несогласия:

Dum licet, obducta solvatur fronte senectus *:

tetrica sunt amoenanda iocularibus **. Я люблю мудрость веселую и любезную и бегу от грубости и суровости нравов; всякая отталкивающая черта в лице вызывает во мне подозрение:

Tristemque vultus tetrici arrogantiam ***.

Et habet tristis quoque turba cynaedos ****.

И я всем сердцем верю Платону, который считает, что простота или надменность в обхождении — вернейший признак душевной доброты или злобности [18].

У Сократа было всегда одно и то же лицо — как бы застывшее, но ясное и улыбающееся, а не такое, как у старшего Красса, которого никто не видел с улыбкой на устах [19].

Добродетель — вещь приятная и веселая.

Я очень хорошо знаю, что среди тех, кого возмутят иные непристойности в этих моих писаниях, найдутся лишь очень немногие, которым не подобало бы возмущаться непристойностью своих мыслей.

Я потрафляю их вкусу, но оскорбляю их зрение.

Принято придираться к Платону за то или иное в его сочинениях и умалчивать о приписываемых ему предосудительных отношениях с Федоном, Дионом, Стеллой и Археанассой [20]. Non pudeat dicere quod non pudet sentire *****.

Я ненавижу умы, всегда и всем недовольные и угрюмые, — они проходят мимо радостей жизни и цепляются лишь за несчастья, питаясь ими одними; они похожи на мух, которые не могут держаться на гладких и скользких телах и садятся отдыхать в местах шероховатых и испещренных неровностями, и еще похожи они на кровесосные банки, отсасывающие и вбирающие в себя только дурную кровь.

Впрочем, я поставил себе за правило безбоязненно говорить обо всем, чего не боюсь делать; и не подлежащие оглашению мысли мне глубоко неприятны. Наихудший из моих поступков и наихудшее из моих качеств кажутся мне не столь мерзкими, как мерзко, по-моему, и трусливо не сметь в них признаться. Всякий скромен в признаниях; так пусть же он будет скромен в поступках; готовность впасть в прегрешения некоторым образом

---

* Покуда можно, следует изгонять с омраченного лица старческую угрюмость [14] (*лат.*).

** Печальное нужно услащать шутками [15] (*лат.*).

*** Печальная надменность мрачного лица [16] (*лат.*).

**** И в этой печальной толпе есть развратники [17] (*лат.*).

***** Да не будет стыдно говорить то, о чем не стыдно думать [21] (*лат.*).

сдерживается и возмещается готовностью к признанию в них. Кто обяжет себя говорить все без утайки, тот обяжет себя и не делать того, о чем необходимо молчать. Да будет господу богу угодно, чтобы избыток моей откровенности позволил мне повести моих соотечественников к свободе, поставить их выше трусливых и мелочных добродетелей, порожденных нашими несовершенствами; и пусть ценой моей неумеренности мне будет дано повести их к разуму! Нужно увидеть и постигнуть свои недостатки, чтобы уметь рассказать о них. Кто таит их от другого, тот таит их и от себя.

А если он видит их, то они представляются ему недостаточно скрытыми, и он старается убрать и упрятать их от собственной совести. Quare vitia sua nemo confitetur? Quia etiam nunc in illis est; somnium narrare vigilantis est *. Усиливаясь, телесные недуги становятся явными. И мы убеждаемся, что почитавшееся нами прострелом или ушибом — на самом деле подагра. Недуги души, набираясь сил, напротив, делаются все более темными и непонятными. И больной, охваченный тягчайшим из них, менее всего чувствует это. Вот почему следует почаще вытаскивать их на свет божий и ворошить беспощадной рукой, выискивать их и извлекать из глубин нашего сердца. Удовлетворение как в добрых, так и в дурных делах — это порою только признание в них.

Существует ли прегрешение до такой степени мерзкое, чтобы это освобождало нас от нашего долга признаться в нем?

Притворство для меня мучительно, и, не имея расположения отрицать то, что в действительности мне достоверно известно, я избегаю брать на себя сохранение чужих тайн. Я могу молчать о них, но отпираться и изворачиваться без насилия над собой и крайне неприятного чувства я не могу. Чтобы быть по-настоящему скрытным, необходимо обладать соответствующей природной способностью, но сделаться скрытным по обязанности нельзя. Служа государям, мало быть скрытным, нужно быть, ко всему, еще и лжецом. Если бы спросивший Фалеса Милетского, должен ли он торжественно отрицать, что предавался распутству, обратился с тем же ко мне, я бы ответил ему, что он не должен этого делать, ибо ложь, на мой взгляд, хуже распутства. Фалес посоветовал ему совершенно иное, а именно, чтобы он подтвердил свои слова клятвой, дабы скрыть бóльший порок при помощи меньшего [23]. Этот совет, однако, был не столько выбором того или иного порока, сколько умножением первого на второй.

По этому поводу заметим себе, что человеку с чуткою совестью предоставляется приемлемый выход только в том случае, если в противовес порочному ему предлагается нечто для него трудное; но когда порочно и то и другое, он оказывается перед жестокой необходимостью, как это произошло с Оригеном, выбирать из того, что в одинаковой мере гадко: а Оригену было сказано: либо пусть переходит в язычество, либо допустит, чтобы от него вкусил плотское наслаждение огромный и отвратительный эфиоп, которого ему показали. Он принял первое из этих условий и,

* Почему никто не признается в своих недостатках? Потому, что они остаются и поныне при нем; чтобы рассказать о своем сновидении, нужно проснуться [22] (*лат.*).

как утверждают, поступил дурно [24]. Таким образом получается, что были бы правы те решительные дамы нашего времени, которые, будучи верны своим заблуждениям, заявляют, что они предпочли бы обременить свою совесть целым десятком насладившихся ими мужчин, чем одной единственной мессой [25].

Если оповещать таким способом о своих прегрешениях и проступках — нескромность, то нет все же большой опасности, что она найдет многочисленных подражателей, — ведь еще Аристон говорил, что люди больше всего боятся тех ветров, которые их выдают и разоблачают [26]. Нужно отбросить прочь нелепые тряпки, под которыми прячутся наши нравы. Люди отправляют свою совесть в дома терпимости, но блюдут внешнюю добропорядочность. Все до последнего человека — вплоть до предателей и убийц — свято придерживаются приличий и почитают своею обязанностью неуклонно следовать им; так что ни неправедность не имеет оснований жаловаться на нелюбезность, ни злоба — на назойливость и нескромность. До чего же прискорбно, когда дурной человек не бывает к тому же глупцом и когда напускная благопристойность прикрывает собой таящийся под нею порок. Подобная штукатурка впору лишь добротной и крепкой стене, которую стоит либо сохранить в прежнем виде, либо побелить заново.

На удовольствие гугенотам, осуждающим нашу исповедь с глазу на глаз и на ухо, я исповедуюсь во всеуслышание, до конца искренне и с чистой душой. Св. Августин, Ориген и Гиппократ [27] открыто сообщали о своих заблуждениях; что до меня, то я делаю то же применительно к моим нравам. Я жажду, чтобы люди знали меня; мне безразлично, каким образом это будет мною достигнуто, лишь бы все было чистою правдой; или, говоря точнее, я решительно ничего не жажду, но я смертельно боюсь быть в глазах тех, кому довелось знать мое имя, не таким, каков я в действительности, но чем-то иным, на меня не похожим.

На какие выгоды для себя надеется тот, кто помышляет лишь о почестях и о славе, если он появляется перед всем светом в личине, скрывает свое настоящее «я» и не дает познакомиться с ним честнóму народу. Попробуйте похвалить горбатого за его стан, и он вынужден будет счесть ваши слова оскорблением. Если вы трусливы, а вас превозносят за храбрость, то о вас ли в таком случае говорят? Нисколько, вас принимают за кого-то другого. Столь же забавным было бы для меня, если б кто-нибудь вздумал гордиться поклонами, расточаемыми ему по ошибке, как тому, о ком думают, что он начальник отряда, тогда как на самом деле он — последний из рядовых. Однажды, когда Архелай, царь македонский, проходил по улице, кто-то вылил на него воду; спутники царя сказали ему, что виновного надлежит наказать, на что он ответил им следующим образом: «Но ведь он лил воду не на меня, а на того, кого он признал во мне» [28]. И Сократ заметил тому, кто предупредил его о кривотолках, ходивших на его счет: «Тут нет никакой клеветы, ибо я не вижу в себе и крупицы того, о чем они говорят» [29]. Что до меня, то, если бы кто-нибудь стал восхвалять меня как искусного кормчего, или за то, что я якобы крайне

скромен, или за мое мнимое целомудрие, то я никоим образом не проникся бы к нему благодарностью. Равным образом я не счел бы себя оскорбленным, если бы кто-нибудь окрестил меня предателем, вором или пьянчужкой. Кто не знает себя, те могут кичиться незаслуженным одобрением, но со мною такого случиться не может, ибо я вижу себя насквозь, проникаю в себя, можно сказать, до самого нутра и очень хорошо знаю, что мне свойственно, а что нет. Я был бы более рад, если бы люди расточали мне меньше похвал, но знали меня лучше и основательнее. Ведь я мог бы быть признан мудрым в таком роде мудрости, который я сам считаю не чем иным, как отъявленной глупостью.

Меня злит, что мои «Опыты» служат дамам своего рода предметом обстановки, и притом для гостиной. Эта глава сделает мой труд предметом, подходящим для их личной комнаты. Я предпочитаю общение с дамами наедине. На глазах у всего света оно менее радостно и менее сладостно. При расставании с теми или иными вещами наши чувства к ним становятся более пылкими, чем обычно. Мне предстоит расстаться с утехами мирской жизни, и я посылаю им мои последние поцелуи. Но вернемся к моему предмету.

В чем повинен перед людьми половой акт — столь естественный, столь насущный и столь оправданный, — что все как один не решаются говорить о нем без краски стыда на лице и не позволяют себе затрагивать эту тему в серьезной и благопристойной беседе? Мы не боимся произносить: *убить, ограбить, предать*, — но это запретное слово застревает у нас на языке... Нельзя ли отсюда вывести, что чем меньше мы упоминаем его в наших речах, тем больше останавливаем на нем наши мысли. И очень, по-моему, хорошо, что слова наименее употребительные, реже всего встречающиеся в написанном виде и лучше всего сохраняемые нами под спудом, вместе с тем и лучше всего известны решительно всем. Любой возраст, любые нравы знают их нисколько не хуже, чем название хлеба. Не звучащие и лишенные начертаний, они запечатлеваются в каждом, хотя их не печатают и не произносят во всеуслышание. Хорошо также и то, что этот акт скрыт нами под покровом молчания и извлечь его оттуда даже затем, чтобы учинить над ним суд и расправу, — наитягчайшее преступление. Даже поносить его мы решаемся не иначе, как с помощью всевозможных описательных оборотов и словесных прикрас. Быть до того мерзким и отвратительным, что само правосудие считает предосудительным касаться и видеть его, — величайшее благодеяние для преступника; и он продолжает пребывать на свободе и наслаждаться безнаказанностью из-за того, что даже вынести ему приговор — противно.

Не обстоит ли тут дело положительно так же, как с запрещенными книгами, которые идут нарасхват и получают широчайшее распространение именно потому, что они под запретом? Что до меня, то я полностью разделяю мнение Аристотеля, который сказал, что стыдливость украшает юношу и пятнает старца [30].

Нижеследующими стихами древние наставляли свою молодежь, а их школа, по-моему, не в пример лучше нашей (ее достоинства мне представ-

ляются бóльшими, ее недостатки — меньшими):

И от Венеры кто бежит стремглав
И кто за ней бежит — равно неправ [31].

Tu, dea, tu rerum naturam sola gubernas,
Nec sine te quicquam dias in luminis oras
Exoritur, neque fit laetum nec amabile quicquam *.

Не знаю, задавался ли кто-нибудь целью разлучить Палладу [33] и муз с Венерою и отдалить их от бога любви; что до меня, то я не вижу других божеств, которые были бы настолько под стать дру́г другу и столь многим друг другу обязаны. Кто отнимет у муз любовные вымыслы, тот похитит у них драгоценнейшее из их сокровищ; а кто заставит любовь отказаться от общения с поэзией и от ее помощи и услуг, тот лишит ее наиболее действенного оружия; и сделавший это обвинил бы тем самым бога близости и влечения и богинь, покровительниц человечности и справедливости, в черной неблагодарности и в отсутствии чувства признательности.

Я не настолько давно уволен в отставку из штата и свиты этого бога, чтобы не помнить о его мощи и доблести,

agnosco veteris vestigia flammae **.

После лихорадки всегда остается немного жара и возбуждения.

Nec mihi deficit calor hic, hiemantibus annis ***.

Сколь бы я ни увял и ни высох, я все еще ощущаю кое-какое тепло — остатки былого пыла:

Qual l'alto Aegeo, per che Aquilone o Noto
Cessi, che tutto prima il vuolse e scosse,
Non s'accheta ei pero: ma'l sono e'l moto,
Ritien de l'onde anco agitate e grosse ****.

Но, насколько я в таких вещах разбираюсь, мощь и доблесть этого бога в поэтическом изображении живее и деятельнее, нежели в своей сущности,

Et versus digitos habet *****.

Поэзии как-то удается рисовать образы более страстные, чем сама страсть. И живая Венера — нагая и жаждущая объятий — не так хороша, как Венера здесь, у Вергилия:

Dixerat, et niveis hinc atque hinc diva lacertis
Cunctantem amplexu molli fovet. Ille repente

---

* Ты, богиня, одна правишь природою; помимо тебя ничто не рождается на свет божий и ничто не становится милым и радостным [32] (*лат.*).

** Я ощущаю в себе следы былого пламени [34] (*лат.*).

*** И в эту зиму моей жизни у меня не отсутствует этот жар [35] (*лат*).

**** Так в Эгейское море и после того, как стихнет Аквилон или Нот, которые его взволновали и всколыхнули до самых глубин, все же не успокаивается, но шумит и катит высокие и бурные волны [36] (*ит.*).

***** И у стиха есть пальцы, [чтобы ласкать] [37] (*лат.*).

Accepit solitam flammam, notusque medullas
Intravit calor, et labefacta per ossa cucurrit.
Non secus atque olim tonitru cum rupta corrusco
Ignea rima micans percurrit lumine nimbos.
Ea verba locutus,
Optatos dedit amplexus, placidumque petivit
Coniugis infusus gremio per membra soporem *.

Но особо отмечено должно быть, по-моему, то, что он рисует ее, пожалуй, чрезмерно пылкой для Венеры в замужестве. В этой благоразумной сделке желания не бывают столь неистовы; они пасмурны и намного слабее. Любовь не терпит, чтобы руководствовались чем-либо, кроме нее, и она с большой неохотой примешивается к союзам, которые установлены и поддерживаются в других видах и под другим наименованием; именно таков брак: при его заключении родственные связи и богатство оказывают влияние — и вполне правильно — нисколько не меньшее, если не большее, чем привлекательность и красота. Что бы ни говорили, женятся не для себя; женятся нисколько не меньше, если не больше, ради потомства, ради семьи. От полезности и выгодности нашего брака, будет зависеть благоденствие наших потомков долгое время после того, как нас больше не станет. Потому-то мне нравится, что браки устраиваются скорее чужими руками, чем собственными, и скорее разумением третьих лиц, чем своим. До чего же все это далеко от любовного сговора! Вот и выходит, что допускать, состоя в этом почтенном и священном родстве, безумства и крайности ненасытных любовных восторгов — своего рода кровосмешение, о чем я, кажется, уже где-то говорил. Нужно, учит Аристотель, сближаться с женой осторожно и сдержанно и постоянно помнить о том, что, если мы станем чрезмерно распалять в ней желание, наслаждение может заставить ее потерять голову и забыть о границах дозволенного. И то, что он говорит, имея в виду нравственные устои, подтверждается и врачами, толкующими о телесном здоровье, а они говорят следующее: слишком бурное наслаждение, жгучее и постоянно возобновляемое, портит мужское семя и тем самым затрудняет зачатие; с другой стороны, они указывают также на то, что при сближении, полном ласки и нежности, — а только такое и отвечает природе женщины, — чтобы вызвать в ней подлинную и плодоносную пылкость, нужно посещать ее редко и с изрядными перерывами,

Quo rapiat sitiens venerem interiusque recondat **.

---

* Она сказала, и так как он колеблется, богиня заключает его белоснежными руками в объятия. И он [Вулкан] тотчас ощутил в себе привычное пламя, и знакомый жар охватил его сердце и побежал по обомлевшим костям. Именно так, возникнув в грохоте грома, огненная трещина, вспыхивая, пробегает между тучами... И сказав это, он подарил ей желанные любовные ласки и, прильнув всем телом к супруге, погрузился в сладостный сон [38] (*лат.*).

** Чтобы, испытывая желание, она пылко отдавалась любовному наслаждению, и оно пронизывало ее насквозь [39] (*лат.*).

Мне неведомы браки, которые распадались бы с большей легкостью или были бы сопряжены с бо́льшими трудностями, нежели заключенные из-за увлечения красотой или по причине влюбленности. В этом деле требуются более устойчивые и прочные основания, и действовать тут нужно с неизменною осторожностью; горячность и поспешность здесь ни к чему.

Считающие, что вкладывать в брак любовь значит оказывать ему честь, поступают, по-моему, не иначе, чем те, кто, желая похвалить добродетель, твердят, будто благородное происхождение не что иное, как добродетель. Это — вещи и в самом деле некоторым образом соприкасающиеся, но они, вместе с тем, и значительно отличаются друг от друга; дело, однако, не ограничивается смешением их названий и сущностей: валя их в одну кучу, наносят ущерб им обеим. Благородное происхождение — великолепное качество, и отличие по этому признаку было установлено вполне правильно; но поскольку оно представляет собой качество, зависящее от воли другого и которое может достаться человеку порочному и ничтожному, его надлежит ценить много ниже, чем добродетель. Если знатность и впрямь добродетель, то это — добродетель искусственная и чисто внешняя, зависящая от века и от удачи, принимающая в разных странах различные формы, живая и смертная, без истоков, так же как река Нил [40], родовая и общая для всех принадлежащих к данному роду, покоящаяся на преемственности и уподоблении, выводимая в качестве следствия, и следствия явно необоснованного. Образованность, телесная сила, доброта, красота, богатство, все прочие качества общаются между собой и вступают друг с другом в сношения; что же касается знатности, то она печется лишь о себе, не оказывая ни малейших услуг чему-либо другому. Одному из наших королей предложили на выбор двух притязавших на некую должность, из которых один был дворянином, а другой им не был. Король приказал оставить без внимания это качество и назначить на должность того, кто больше подходит к ней, но если достоинства обоих окажутся в точности равными, то в этом случае подобало отдать предпочтение знатности; и это было справедливым воздаянием должного ей уважения. Антигон ответил одному неизвестному юноше, просившему о предоставлении ему должности, занятой прежде его недавно умершим отцом, мужем великой доблести: «Друг мой, в раздаче подобных милостей я руководствуюсь не столько знатностью моих воинов, сколько их личной отвагой» [41].

И в самом деле, негоже поступать по примеру спартанцев, у которых должности царских служителей — трубачей, флейтистов, кухарей — наследовали их дети, сколь бы несведущими они в этих ремеслах ни были и сколь бы ни уступали в умелости более опытным [42].

В Калькутте к людям знатным относятся как к своего рода неземным существам; вступать в брак им воспрещается, и из всех поприщ для них открыто только военное. Наложниц они могут иметь сколько пожелают, а женщины их — сколько угодно любовников, причем дело обходится без ре́вности со стороны тех и других; однако вступать в связь с женщинами другого сословия, кроме их собственного, — преступление непростительное, и оно карается смертью. Они почитают себя оскверненными, если кто-ни-

будь, проходя мимо, случайно притронется к ним, и так как их знатность подвергается в таких случаях тягчайшему оскорблению, — а они ее свято блюдут, — они убивают всякого, кто подойдет к ним слишком близко, так что незнатные вынуждены, идя по улице, предупреждать о себе криком, совсем как гондольеры в Венеции на перекрестках каналов, дабы не столкнуться друг с другом; и знатные по своему усмотрению велят им держаться определенных кварталов. Первые благодаря этому избегают упомянутого бесчестия, которое считается у них несмываемым, вторые же — верной смерти. Ни время, сколь бы продолжительным оно ни было, ни благоволение государя, ни заслуги, ни добродетели, ни богатство не могут превратить простолюдина в знатного человека. Этому способствует также и принятый здесь обычай, решительно воспрещающий браки между представителями родов, занимающихся неодинаковым ремеслом; никто из семьи сапожника не может сочетаться браком с кем-либо из семьи плотника, и родители обязаны обучать детей ремеслу, которым занимаются сами, и только ему и никакому другому, что приводит к сохранению между ними различий и к поддержанию на одном уровне их достатка [43].

Удачный брак, если он вообще существует, отвергает любовь и все ей сопутствующее; он старается возместить ее дружбой. Это — не что иное, как приятное совместное проживание в течение всей жизни, полное устойчивости, доверия и бесконечного множества весьма осязательных взаимных услуг и обязанностей. Ни одна женщина, которой брак пришелся по вкусу,

optato quam iunxit lumine taeda *,

не пожелала бы поменяться местами с любовницей или подругою своего мужа. Если он привязан к ней как к жене, то чувство это и гораздо почетнее и гораздо прочнее. Когда ему случится пылать и настойчиво увиваться возле какой-нибудь другой женщины, пусть тогда его спросят, предпочел бы он, чтобы позор пал на его жену или же на любовницу, чье несчастье опечалило бы его сильнее, кому он больше желает высокого положения; ответы, если его брак покоится на здоровой основе, не вызывают ни малейших сомнений. А то, что мы видим так мало удачных браков, как раз и свидетельствует о ценности и важности брака. Если вступать в него обдуманно и соответственно относиться к нему, то в нашем обществе не найдется, пожалуй, лучшего установления. Мы не можем обойтись без него и вместе с тем мы его принижаем. Здесь происходит то же, что наблюдается возле клеток: птицы, находящиеся на воле, отчаянно стремятся проникнуть в них; те же, которые сидят взаперти, так же отчаянно стремятся выйти наружу. Сократ на вопрос, что, по его мнению, лучше — взять ли жену или вовсе не брать ее, — ответил следующим образом: «Что бы ты ни избрал, все равно придется раскаиваться» [45]. Это — сговор, к которому точка в точку подходит известное изречение: homo homini или deus или lupus **. Для прочного брака необходимо сочетание многих качеств. В наши

* которую брачный факел соединил с любимым [44] (*лат.*).

** Человек человеку или бог или волк [46] (*лат.*).

дни он приносит больше отрады людям простым и обыкновенным, которых меньше, чем нас, волнуют удовольствия, любопытство и праздность. Вольнолюбивые души, вроде моей, ненавидящие всякого рода путы и обязательства, мало пригодны для жизни в браке,

Et mihi dulce magis resoluto vivere collo *.

Руководствуйся я своей волей, я бы отказался жениться даже на самой мудрости, если бы она меня пожелала. Но мы можем сколько угодно твердить свое, а обычай и общепринятые житейские правила тащат нас за собой. Большинство совершаемых мною поступков вызвано примером со стороны и не вытекает из моего выбора. Я никоим образом не жаждал этого шага; меня взяли и повели, и я был подхвачен случайными и посторонними обстоятельствами. Ибо не только вещи сами по себе стеснительные, но и любая вещь, какой бы отвратительной, мерзкой и отнюдь не неизбежной для нас она ни была, не может не стать в конце концов приемлемой в силу известных случайностей и условий, — вот до чего шатки человеческие устои! И, разумеется, я был подготовлен к браку гораздо хуже и менее пригоден к нему, чем теперь, когда испытал его на себе. И сколь бы развращенным меня ни считали, я в действительности соблюдал законы супружества много строже, чем обещал или надеялся в свое время. Поздно брыкаться, раз дал стреножить себя. Свою свободу следует ревниво оберегать, но, связав себя обязательствами, нужно подчиняться законам долга, общим для всех, или, во всяком случае, прилагать усилия к этому. Кто заключает подобную сделку с тем, чтобы привнести в нее ненависть и презрение, тот поступает несправедливо и недостойно. И пресловутое правило, которое, как я вижу, переходит из рук в руки от одних женщин к другим, словно некий священный девиз:

О муже как рабыня пекись
И как врага его берегись,

что означает: оказывай ему, вопреки своей воле, почтение, однако враждебное и полное недоверия, — правило, похожее на боевой клич и вызов на поединок, — равным образом и оскорбительно и прискорбно.

Я слишком ленив, чтобы вынашивать в себе столь злостные умыслы. По правде говоря, я все еще не достиг той поистине совершенной ловкости и изворотливости ума, которая позволяет наводить тень на правое и неправое и насмехаться над любыми порядками и правилами, если они мне не по нраву. Какую бы ненависть ни возбуждали во мне суеверия, я не впадаю из-за этого тотчас в безверие. Если не всегда выполняешь свой долг, то нужно, по крайней мере, всегда помнить о нем и стремиться блюсти его. Жениться, ничем не связывая себя, — предательство. Однако продолжим.

Наш поэт изображает супружество, полное согласия и взаимной привязанности, в котором, впрочем, не очень-то много обоюдного уважения.

---

* И мне много сладостнее жить без ярма на шее [47] (*лат.*).

Хотел ли он этим сказать, что вполне возможно предаваться неистовым утехам любви и, несмотря на это, сохранять должное почтение к браку и что можно наносить ему некоторый ущерб и все же не разрушить его? Иной слуга обкрадывает своего господина, хоть и не питает к нему ни малейшей ненависти. Красота, стечение обстоятельств, судьба (ибо и судьба прикладывает здесь руку),

fatum est in partibus illis
Quas sinus abscondit: nam, si tibi sidera cessent,
Nil faciet longi mensura incognita nervi *,

сблизили женщину с посторонним мужчиной, быть может, и не так прочно, чтобы в ней не оставалось кое-какой привязанности к законному мужу, которая и удерживает ее подле него. Это два совершенно различных чувства, пути которых расходятся и нигде не совпадают. Женщина может отдаться мужчине, за которого она не пожелала бы выйти замуж, и притом не в силу соображений, связанных с имущественной стороной дела, а просто потому, что он не вполне пришелся ей по душе. Лишь немногие из женившихся на своих прежних подругах не раскаивались в содеянном ими. И то же можно сказать об обитателях надзвездного мира. До чего же скверная пара вышла из Юпитера и его жены [49], которую он соблазнил до брака и которой досыта насладился, забавляясь с нею любовными шалостями!

Это, согласно пословице, не что иное, как сперва нагадить в корзину, а вслед за тем водрузить ее себе на голову.

В свое время я видел, — и, надо сказать, среди высокопоставленных лиц, — как бесстыднейшим и бесчестнейшим образом прибегали к браку ради исцеления от любви; однако сущность их слишком разная. Мы можем любить, не испытывая от этого никаких неудобств, две различные и друг другу противоположные вещи. Исократ говорил, что город Афины нравился посещавшим его подобно тому, как нравятся женщины, с готовностью расточающие свою любовь; всякий приезжал сюда, чтобы прогуливаться по этому городу и проводить здесь с приятностью время, но никто не любил его настолько, чтобы сочетаться с ним браком, то есть обосноваться в нем и избрать его местом своего жительства [50]. Я с чувством досады смотрел на мужей, которые ненавидят жен только лишь потому, что сами грешны перед ними; а их, по-моему, не следует меньше любить из-за нашей вины; хотя бы вследствие нашего раскаяния и сострадания они должны сделаться нам дороже, чем были.

Цели, преследуемые любовью и браком, различны, и все же, как говорит Исократ, они некоторым образом совместимы друг с другом. За браком остаются его полезность, оправданность, почтенность и устойчивость; наслаждение в браке вялое, но более всеохватывающее. Что до любви, то

* Судьба властвует над теми частями нашего тела, что сокрыты одеждой, ибо, если светила небесные откажут тебе в своей благосклонности, то сколь бы грозным на вид ни было твое мужское оружие, оно окажется ни на что не способным [48] (*лат.*).

она зиждется исключительно на одном наслаждении, и в ее лоне оно и впрямь более возбуждающее, более пылкое и более острое, — наслаждение, распаляемое стоящими перед ним преградами. А в наслаждении и нужна пряность и жгучесть. И в чем нет ранящих стрел и огня, то совсем не любовь. Щедрость женщин в замужестве чересчур расточительна, и она притупляет жало влечения и желаний. Поглядите, какие старания приложили в своих законах Ликург[51] и Платон, чтобы избежать этой помехи.

Женщины нисколько не виноваты в том, что порою отказываются подчиняться правилам поведения, установленным для них обществом, — ведь эти правила сочинили мужчины, и притом безо всякого участия женщин. Вот почему у них с нами естественны и неминуемы раздоры и распри, и даже самое совершенное согласие между ними и нами — в сущности говоря, чисто внешнее, тогда как внутри все бурлит и клокочет. По мнению нашего автора[52], мы ведем себя по отношению к женщинам до последней степени неразумно. Ведь мы хорошо знаем по личному опыту, до чего они ненасытней и пламенней нас в любовных утехах, — тут и сравнивать нечего! — Ведь мы располагаем свидетельством того жреца древности, который бывал поочередно то мужчиной, то женщиной,

Venus huic erat utraque nota *.

Ведь мы слышали, кроме того, из их собственных уст одобрительные отзывы об императоре, а также императрице римских, живших в разное время, но равно прославленных своими великими достижениями в этом деле (он в течение ночи лишил девственности десяток сарматских пленниц, а она за одну ночь двадцать пять раз насладилась любовью, меняя мужчин соответственно своим нуждам и своему вкусу)[54],

adhuc ardens rigidae tentigine vulvae,
Et lassata viris, nondum satiata, recessit **.

Ведь в связи с процессом, начатым в Каталонии одной женщиной, — она жаловалась на чрезмерное супружеское усердие своего мужа, к чему ее побудило, по моему разумению, не столько то, что оно было и вправду ей в тягость (я верую лишь в те чудеса, которые признает наша религия), сколько жажда свергнуть и обуздать под этим предлогом власть мужей над их женами даже в том, что есть первейшее и важнейшее в браке, и показать, что женской злобности и сварливости нипочем даже брачное ложе и они попирают все, что угодно, вплоть до радостей и услад Венеры; на каковую жалобу муж этой женщины (человек и впрямь распутный и похотливый) ответил, что даже в постные дни он не может обойтись самое малое без десятка сближений со своей женой, — ведь в связи с этим процессом последовал знаменательный приговор, вынесенный королевой Арагонской и гласивший, что после обстоятельного обсуждения этого

* Ему была ведома любовь и та и другая [мужская и женская][53] (*лат.*).
** Пока, наконец, все еще сгорающая от любовного вожделения, утомленная, но не насытившаяся, она не покинула ложе[55] (*лат.*).

вопроса Советом славная королева, дабы преподать четкие правила и показать впредь и навеки образец сдержанности и скромности, требующихся во всяком честном брачном союзе, повелела, имея в виду установить законный и необходимый предел, чтобы число ежедневных сближений между супругами ограничивалось шестью, ибо, значительно преуменьшая и урезывая истинные потребности и желания своего пола, она, по ее словам, тем не менее решилась навести в этом деле порядок и ясность, а стало быть, и достигнуть в нем устойчивости и неизменности [56]. Ведь о том же толкуют в своих сочинениях и ученые, обсуждая, каким должно быть влечение и любострастие женщин, поскольку их разум, нравственное самоусовершенствование и добродетели кроятся по той же мерке, и приводя разнообразнейшие суждения касательно их и нашего любострастия. И, наконец, нам также отлично известно, что глава законоведов Солон допускал самое большее три сближения в месяц, да и то, чтобы не последовало окончательного разрыва между супругами [57].

Лично удостоверившись в этом и прочитав все эти и подобные им наставления, мы все же назначили в удел женщинам какое-то особо строгое воздержание и к тому же под страхом наитягчайшего и беспощадного наказания.

Нет страсти более неистовой и неотвязной, чем эта; а мы хотим, чтобы они одни сопротивлялись ей не попросту как пороку, для которого существует своя определенная мера, но видели в ней предельную гнусность и святотатство, нечто еще более отвратительное, чем безверие или смертоубийство, тогда как мы сами предаемся ей, не впадая в грех и не заслуживая даже упрека. Иные из нашего брата пытались справиться с нею, и из их признаний достаточно ясно, насколько трудно или, правильнее сказать, невозможно, даже прибегая к различным вспомогательным средствам, смирить, ослабить и охладить плоть. Мы же, напротив, хотим, чтобы наши женщины были здоровыми, крепкими, всегда наготове нам услужить, упитанными и вместе с тем целомудренными, то есть, чтобы они были одновременно и горячими и холодными; а между тем, хотя мы утверждаем, что назначение брака — препятствовать женщинам пылать, он, вследствие принятых у нас нравов, дает им не очень-то много возможностей охладиться. Если они выходят замуж за человека, в котором еще кипят силы молодости, он пустится добывать себе славу, растрачивая их в другом месте:

Sit tandem pudor, aut eamus in ius:
Multis mentula millibus redempta,
Non est haec tua, Basse; vendidisti *.

Жена философа Полемона справедливо подала на него в суд за то, что он принялся засевать бесплодную ниву тем семенем, которым ему надлежало засевать плодоносную. Если же супруг — человек пожилой и рас-

* Нужно же иметь хоть немного стыда, или отправимся в суд; за много тысяч купила я твою силу, Басс, так что она не твоя: ты ее продал [58] (*лат.*).

слабленный, то жена, пребывая в замужестве, оказывается в положении не в пример худшем, чем девица или вдова. Мы считаем ее полностью обеспеченной всем, что ей нужно, раз возле нее — законный супруг, подобно тому как римляне сочли весталку Клодию Лету оскверненной и обесчещенной только лишь потому, что к ней приблизился Калигула, хотя и было доказано, что он к ней даже не прикасался [59]; между тем в действительности это лишь распаляет желания женщины, ибо прикосновение и постоянное присутствие рядом с нею мужчины, кем бы он ни был, возбуждает в ней чувственность, которая была бы спокойнее, оставайся она в одиночестве. Весьма возможно, что, стремясь возвысить посредством этого обстоятельства и всего сопряженного с ним заслугу жить в воздержании, польский король Болеслав и его жена Кинга и дали на брачном ложе в день своей свадьбы по обоюдному согласию обет целомудрия и ни разу его не нарушили вплоть до того времени, пока в них не угасло супружеское влечение [60].

Мы воспитываем наших девиц, можно сказать, с младенчества исключительно для любви: их привлекательность, наряды, знания, речь, все, чему их учат, преследует только эту цель и ничего больше. Их наставницы не запечатлевают в их душах ничего, кроме лика любви, хотя бы уже потому, что без устали твердят поучения, рассчитанные на то, чтобы внушить им отвращение к ней. Моя дочь (она у меня единственная) в таком возрасте, в каком законы допускают замужество для наиболее пылких из них; но она, что называется, развития запоздалого, тоненькая и хрупкая, и к тому же взращена матерью в полном уединении и под неослабным надзором, так что только-только начинает освобождаться от детской бесхитростности и непосредственности. Так вот, как-то при мне она читала вслух французскую книгу. В ней встретилось некое слово, которым называют широко известное дерево. Так как это слово похоже на одно непристойное, женщина, приставленная наблюдать за поведением моей дочери, внезапно и даже чересчур резко оборвала ее и заставила пропустить это опасное место. Я предоставил ей действовать по своему усмотрению, чтобы не нарушать принятых у них правил, — я никогда не вмешиваюсь в дела по их ведомству: женскому царству присущи свои таинственные особенности, которых нам лучше не касаться. Но, если не ошибаюсь, общение с двадцатью слугами в течение полугода не могло бы с такой четкостью запечатлеть в ее воображении и самое слово и понимание, что именно обозначают эти преступные слоги и какие следствия оно влечет за собой, как это сделала славная старая женщина своим окриком и запрещением.

Motus doceri gaudet Ionicos
Matura virgo, et frangitur artubus
Iam nunc, et incestos amores.
De tenero meditatur ungui *.

* Девушка, едва созрев, охотно учится ионийским пляскам и уже в эти годы извивается станом и с раннего детства грезит о бесстыдной любви [61] (*лат.*).

Пусть они отбросят стеснение и развяжут свои язычки, и сразу же нам станет ясно, что в познаниях этого рода мы по сравнению с ними сущие дети. Послушайте, как они судачат о наших ухаживаниях и о разговорах, которые мы с ними ведем, и вы поймете, что мы не открываем им ничего такого, чего бы они не знали и не переварили в себе без нас. Уж не потому ли, что они были в прежнем существовании, как объясняет Платон, развращенными юношами?[62] Моим ушам случилось однажды оказаться в таком укромном местечке, в котором они могли не пропустить ни одного слова из того, что говорили между собою наши девицы, не подозревая, что их кто-то подслушивает; но разве я могу это пересказать? Матерь божья! — подумал я, — если мы теперь начнем изучать похвальбу Амадиса и иные описания Боккаччо и Аретино[63], чтобы казаться людьми понаторевшими в подобных делах, это будет просто потеря времени! Нет таких слов, примеров, уловок, которых они не знали бы лучше, чем все наши книги: это — наука, рождающаяся у них прямо в крови,

Et mentem Venus ipsa dedit *,

и ее непрерывно нашептывают им и вкладывают в их душу такие искусные учителя, как природа, молодость и здоровье; им не приходится даже изучать, они сами ее творят.

Nec tantum niveo gavisa est ulla columbo
Compar, vel si quid dicitur improbius,
Oscula mordenti semper decerpere rostro,
Quantum praecipue multivola est mulier **.

Если бы это вложенное в них природой неистовство страсти не сдерживалось страхом и сознанием своей чести, которые им постарались внушить, то мы были бы опозорены ими. Всякое побуждение в нашем мире направлено только к спариванию и только в нем находит себе оправдание: этим влечением пронизано решительно все, это средоточие, вокруг которого все вращается. И посейчас еще мы можем ознакомиться с распоряжениями древнего мудрого Рима, составленными на потребу любви, а также с предписаниями Сократа касательно обучения куртизанок:

Nec non libelli Stoici inter sericos
Iacere pulvillos amant ***.

Зенон в составленных им законах поместил правила о положении ног и необходимых телодвижениях при лишении девственности. А что содержала в себе книга философа Стратона «О плотском соединении»? А о чем толковал Теофраст в своих сочинениях, озаглавленных им: одно — «Влюбленный», второе — «О любви»? А о чем Аристипп в своем «О наслажде-

* Сама Венера их просветила[64] (*лат.*).

** Ни одна подруга белоснежного голубя и никакая другая еще более сладострастная птичка не целуется своим цепким клювом с такою неутомимою жадностью, как женщина, отдавшаяся страсти[65] (*лат.*).

*** Книгам стоиков приятно нежиться посреди шелковых подушек[66] (*лат.*).

ниях древности»? А на что иное притязает Платон в своих пространных и столь живых описаниях самых изощренных любовных утех его времени? А книга «О влюбленном» Деметрия Фалерского? А «Клиний, или Поневоле влюбленный» Гераклида Понтийского? А сочинение Антисфена «О том, как зачинать детей, или О свадьбе» или еще «О повелителе или любовнике»? А Аристона «О любовных усилиях»? А Клеанфа: одно — «О любви» и другое — «Об искусстве любить»? А «Диалоги влюбленных» Сфера и «Сказка о Юпитере и Юноне» Хрисиппа, бесстыдная до невозможности, равно как и его «Пятьдесят писем», сплошь заполненных непристойностями? Не стану называть сочинения философов-эпикурейцев, о которых и говорить нечего. В былые времена насчитывалось до полусотни божеств, покровительствовавших этому делу и обязанных всячески его пестовать; а был и такой народ, который, чтобы смирять похоть тех, кто приходил помолиться, содержал при своих храмах девок и мальчиков, дабы ими мог насладиться всякий, и всем вменялось в обязанность сначала сблизиться с ними и лишь после этого можно было присутствовать при обряде богослужения [67].

Nimirum propter continentiam incontinentia necessaria est; incendium ignibus extinguitur *. В большинстве стран мира эта часть тела обожествлялась. В одной и той же области одни изрезывали ее, чтобы предложить богам в качестве посвятительной жертвы кусочек от ее плоти, другие в качестве такой же посвятительной жертвы предлагали им свое семя. А в другом краю молодые мужчины на глазах у всех протыкали ее и, проделав в разных местах отверстие между кожей и мясом, продевали в эти отверстия такие длинные и толстые прутья, какие только были в состоянии вытерпеть; позднее они складывали из этих прутьев костер, посвящая его своим божествам, и те юноши, которых подавляла эта невероятно жестокая боль, почитались малосильными и недостаточно целомудренными. В других местах верховного жреца чтили и узнавали по этим частям и при совершении многих религиозных обрядов с превеликой торжественностью несли в честь различных божеств изображение детородного члена.

Египтянки на празднике вакханалий также носили на шее его деревянное изображение, сделанное весьма искусно, большое и тяжелое, каждая по своим силам, и, кроме того, на статуе их главного бога он был настолько большим, что превосходил своими размерами его тело.

В нашей округе замужние женщины сооружают из своей головной повязки нечто весьма похожее на него, и эта вещь свисает у них на лбы; делают они это затем, чтобы прославить его за наслаждения, которые он им доставляет; овдовев, они помещают эту вещицу сзади и прячут ее под прической.

Честь подносить богу Приапу цветы и венки предоставлялась тем из римских матрон, которые отличались чистотой нравов и безупречным образом жизни, а на его срамные части сажали обыкновенно девственниц

---

* Наряду с воздержанностью, несомненно, нужна невоздержанность; пожар гасится огнем [68] (*лат.*).

при их вступлении в брак. Не знаю, не довелось ли и мне в свое время наблюдать нечто похожее на этот благочестивый обряд. А каково назначение той презабавной шишки на штанах наших отцов, которую мы еще и теперь видим у наших швейцарцев? И к чему нам штаны — а такие мы носим ныне, — под которыми отчетливо выделяются наши срамные части, частенько, что еще хуже, при помощи лжи и обмана превышающие свою истинную величину?

Мне хочется верить, что этот покрой одежды был придуман в лучшие и более совестливые века, с тем чтобы не вводить в заблуждение людей и чтобы каждый у всех на глазах честно показывал, чем именно он владеет. Более бесхитростные народы и посейчас еще в этом случае точно воспроизводят действительность. Тогда это было попросту меркою для портных, подобно тому как теперь им нужны размеры руки и ноги.

Тот простак [69], который в дни моей юности оскопил в своем великом и славном городе множество великолепнейших древних статуй, чтобы они не вводили в соблазн наши глаза, разделяй он полностью мнение другого простака, на этот раз древнего, —

> Flagitii principium est nudare inter cives corpora — *

должен был бы сообразить, — ведь на таинствах Доброй богини [71] все, даже отдаленно напоминавшее мужское начало, решительно устранялось, — что незачем было и браться за это дело, раз он не повелел оскопить также и жеребцов, и ослов, и, наконец, самое природу:

> Omne adeo genus in terris hominumque ferarumque,
> Et genus aequoreum, pecudes, pictaeque volucres,
> In furias ignemque ruunt **.

Боги, как говорит Платон, снабдили нас членом непокорным и самовластным, который, подобно дикому зверю, норовит, побуждаемый ненасытною жадностью, подмять под себя все и вся. Точно так же одарили они и женщин животным прожорливым и вечно голодным, которое, если ему не дать в положенный срок потребной для него пищи, приходит в ярость и, сгорая от нетерпения, а также заражая своим бешенством их тела, препятствует правильному движению соков, приостанавливает дыхание и вызывает тысячи всевозможных недугов, пока не проглотит плод, являющийся предметом общего им всем вожделения, и он, обильно оросив дно их матки, не оставит в ней семени.

Моему законодателю подобало бы догадаться, что было бы, пожалуй, более целомудренным и полезным знакомить женщин с тем, что у нас есть на деле, чем допускать их строить на этот счет всяческие догадки

---

* Обнажать тело на глазах у всех есть начало развращения [70] (*лат.*).

** Ведь все живущее на земле — и люди, и звери, и все живущее в море, и домашний скот, и пестроцветные птицы, — все жаждет любовного племени и неистовства любви [72] (*лат.*).

в меру смелости и живости их воображения. Не имея точного представления об этих вещах, они, подстрекаемые желанием и мечтами, рисуют себе нечто чудовищное, втрое большее против действительности. Один мой знакомый погубил себя тем, что позволил рассмотреть некую часть своего тела при таких обстоятельствах, которые не допускали ни малейшей возможности использовать ее настоящим и более существенным образом.

А мало ли зла приносят изображения, оставляемые мальчишками, снующими в проходах и на лестницах общественных зданий? Они-то и порождают то убийственное презрение, которое питают наши девицы к этой мужской принадлежности, если она обычной величины. Кто знает, не имел ли в виду Платон именно это, когда предписал, по примеру других благоустроенных государств, чтобы мужчины и женщины, старые и молодые, присутствовали в его гимнасиях на виду друг у друга совершенно нагими[73]. Индианок, которые всегда видят мужчин, что называется, в чем мать родила, это зрелище нисколько не распаляет и оставляет спокойными. Женщины великого царства Пегу спереди прикрываются лишь ниспадающим с пояса крошечным лоскутком, к тому же настолько узким, что, как ни стараются они ходить возможно пристойнее, их на каждом шагу видят такими, как если бы на них ничего не было. Они утверждают, что это придумано с тем, чтобы привлекать мужчин к женскому полу и отвлекать от их собственного, к чему этот народ чрезвычайно привержен. Но, по-моему, можно решительно утверждать, что женщины от этого остаются скорее в проигрыше, нежели в выигрыше, поскольку вовсе не утоленный голод ощущается острее, чем утоленный наполовину, хотя бы одними глазами[74]. Говорила же Ливия[75], что нагой мужчина для порядочной женщины не что иное, как статуя. Спартанские женщины, более целомудренные, чем наши девицы, каждодневно видели молодых людей своего города обнаженными, когда те проделывали телесные упражнения, да и сами не очень-то следили за тем, чтобы их бедра при ходьбе были надежно прикрыты, находя, как говорит Платон[76], что они достаточно прикрыты своей добродетелью и поэтому ни в чем другом не нуждаются. Но те, о которых говорит св. Августин[77], те и впрямь считали искушение, исходящее от наготы, наделенным поистине колдовской силой и выражали в связи с этим сомнение, воскреснут ли женщины, чтобы предстать на Страшном суде, сохраняя свой собственный пол, или же сменят его на наш, дабы не искушать нас в этом царстве блаженных.

Короче говоря, женщин соблазняют, их распаляют всеми возможными средствами: мы без конца горячим и будоражим их воображение, а потом жалуемся на их ненасытность. Так давайте признаемся в истине: каждый из нас без исключения сильней страшится позора, который навлекают на него пороки его жены, чем того, что ложится на него из-за его собственных; в большей мере заботится (поразительная самоотверженность!) о совести своей драгоценной супруги, чем о своей собственной; предпочитает стать вором и святотатцем, видеть свою жену убийцей и еретичкой, чем допустить, чтобы она не была скромней и чище своего мужа.

Да и они сами охотнее пошли бы в суд, чтобы заработать на жизнь, и на войну — за славою, чем, живя в праздности и посреди наслаждений, с превеликим трудом оберегать самих себя от соблазнов. Разве им невдомек, что нет такого купца, прокурора, солдата, который не бросил бы своего дела, чтобы погнаться за тем, другим, и что так же поступает и крючник, и чеботарь, как бы они ни были изнурены и истощены работой и голодом?

Num tu, quae tenuit dives Achoemenes,
Aut pinguis Phrygiae Mygdonias opes,
Permutare velis crine Licinniae
    Plenas aut Arabum domos,
Dum flagrantia detorquet ad oscula
Cervicem, aut facili saevitia negat,
Quae poscente magis gaudeat eripi,
    Interdum rapere occupet? *

До чего же несправедлива оценка пороков! И мы сами и женщины способны на тысячи проступков, которые куда гаже и гнуснее, чем любострастие; но мы рассматриваем и оцениваем пороки не соответственно их природе, а руководствуясь собственной выгодой, от чего и проистекает такая предвзятость в нашем отношении к ним. Суровость наших понятий приводит к тому, что приверженность женщин к названному пороку становится в наших глазах отвратительнее и гаже, чем того заслуживает его сущность, и ведет к последствиям еще худшим, чем причина, его породившая. Не знаю, превосходят ли подвиги Цезаря и Александра по части проявленной ими стойкости и решительности незаметный подвиг прелестной молодой женщины, воспитанной на наш лад, живущей посреди блеска и суеты света, подавляемой столькими примерами противоположного свойства и все же не поддающейся натиску тысячи непрерывно и неотступно преследующих ее молодцов. Нет дела более трудного и хлопотливого, чем это ничегонеделанье. Я считаю, что легче носить, не снимая, всю жизнь доспехи, чем тяжкое бремя девственности, а обет безбрачия, на мой взгляд, — самый благородный из всех, ибо он самый тягостный: diaboli virtus in lumbis est **, говорит св. Иероним.

Итак, наиболее мучительный и суровый долг, какой только можно придумать для человека, мы возложили на дам и честь выполнять его предоставили им одним. Это может служить им дополнительным побуждением упорно держаться его и достаточно веским основанием для пренебрежительного отношения к нам и для сведения на нет того преимущества

* Разве ты согласишься отдать за все богатства Ахемена или за сокровища Мигдона, властителя тучной Фригии, или за роскошно убранные дома арабов волосы Лицинии, когда она подставляет шею для пылких поцелуев, или с притворной суровостью от них отстраняется, радуясь, если тебе все же удается сорвать у нее поцелуй, еще больше, чем ты, его домогавшийся, и время от времени целует тебя сама [78] (*лат.*).

** Опора дьявола — в чреслах [79] (*лат.*).

в доблести и добродетели, которое мы, по нашему мнению, над ними имеем. Если они хорошенько поразмыслят над этим, то без труда обнаружат, что из-за этого мы не только их почитаем, но и гораздо сильнее любим. Порядочный человек, встретив отказ, не прекратит своих домогательств, если причина отказа — целомудрие, а не иной выбор. Мы можем сколько угодно клясться, и угрожать, и жаловаться — все ложь; мы любим их из-за этого пуще прежнего: нет приманки неотразимее, чем женская скромность, когда она не резка и не мрачна. Упорствовать, столкнувшись с ненавистью или презрением, — тупость и подлость; но упорствовать, столкнувшись с решительностью, исполненной добродетели и постоянства, к которым присоединяется немного благосклонности и признательности, — дело вполне подходящее для души открытой и благородной. Женщины могут допускать наши ухаживания лишь до определенных пределов и вместе с тем, нисколько не унижая своего достоинства, дать нам почувствовать, что отнюдь не гнушаются нами.

Ведь закон, требующий от них, чтобы они питали к нам отвращение за то, что мы поклоняемся им, и ненавидели нас за то, что мы любим их, разумеется, чрезмерно жесток, хотя бы уже потому, что его трудно придерживаться. Почему бы им не выслушивать наши предложения и мольбы, раз они не повинны в нарушении долга скромности? Зачем обязательно выискивать в наших словах якобы скрытый в них злонамеренный умысел? Одна королева, наша современница, заметила, что пресекать эти искательства — не что иное, как свидетельство слабости и признание собственной неустойчивости, и что дама, не испытавшая искушений, не вправе похваляться своим целомудрием.

Границы чести не так уж тесны: ей есть куда отступить, она может кое-чем поступиться, нисколько не умаляя себя. На окраине ее царства существует кое-какое пространство, на деле от нее независимое, для нее маловажное и предоставленное себе самому. Кто смог ее потеснить и принудить укрыться в ее убежище и твердыне и не удовлетворен своею удачей, тот поистине не блещет умом. Величие победы измеряется степенью ее трудности. Вы хотите знать, какое впечатление оставили в сердце женщины ваши ухаживания и ваши достоинства? Соразмеряйте свой успех с ее нравственностью. Иная, давая очень немного, дает очень много. Значительность благодеяний определяется только усилиями, которые требуются от воли того, кто их оказывает. Остальные сопутствующие благодеянию обстоятельства немы, мертвы и случайны. Дать это немногое стоит ей больше, чем ее подруге отдать всё. Если редкость вообще способствует ценности чего бы то ни было, то больше всего в данном случае; думайте не о том, как это немного, а о том, сколь немногие это имеют. Стоимость монеты меняется сообразно чекану и доверию или недоверию к месту, в котором она отчеканена.

Хотя досада и нескромное легкомыслие могут побуждать некоторых крайне неуважительно отзываться о той или иной женщине, все же добродетель и истина всегда берут верх над подобными толками. И я знаю таких, чье доброе имя в течение долгого времени подвергалось несправедли-

вым нападкам, но в конце концов они без всяких стараний и хитростей восстановили его и снискали всеобщее одобрение мужчин исключительно за свое постоянство; ныне всякий убеждается в том, что поверил лжи, и сожалеет об этом; в девичестве поведения несколько подозрительного, они стоят теперь в первом ряду наших наиболее почтенных и порядочных женщин. Некто сказал Платону: «Все поносят тебя». — «Пусть себе, — ответил Платон, — я буду жить таким образом, что заставлю их изменить свои речи»[80]. Кроме страха господня и награды, обретаемой в доброй славе, которые должны побуждать женщин блюсти себя в чистоте, их приневоливает к тому же и испорченность нашего века, и будь я на их месте, я скорее предпочел бы все, что угодно, чем отдавать свое доброе имя в столь опасные руки. В мое время удовольствие поверять свои любовные тайны (удовольствие, нимало не уступающее отрадам самой любви) мог позволить себе только тот, кто располагал верным и единственным другом; ныне же обычные разговоры в больших собраниях и за столом — это похвальба милостями, вырванными у дам, и тайными их щедротами. Поистине, эти неблагодарные, нескромные и до крайности ветреные люди проявляют величайшую гнусность и низость, позволяя себе так беспощадно терзать, топтать и разбрасывать столь нежные дары женской благосклонности.

Наша чрезмерная и несправедливая нетерпимость к разбираемому пороку вызывается самой глупой и беспокойной болезнью, какие только поражают людские души, а именно ревностью.

Quis vetat apposito lumen de lumine sumi?
Dent licet assidue, nil tamen inde perit *.

Она, равно как и зависть, ее сестра, кажутся мне са́мыми нелепыми из всех пороков. О последней мне сказать нечего: эта страсть, которую изображают такой неотвязной и мощной, не соблаговолила коснуться меня. Что же касается первой, то она мне знакома хотя бы с виду. Ощущают ее и животные: пастух Крастис воспылал любовью к одной из коз своего стада, и что же! ее козел, когда Крастис спал, боднул его в голову и размозжил ее[82]. Подобно некоторым диким народам, мы достигли крайних степеней этой горячки; более просвещенные также затронуты ею, — что правда, то правда, — но она их не захватывает и не подчиняет:

Ense maritali nemo confossus adulter
Purpureo Stygias sanguine tinxit aquas **.

Лукулл, Цезарь, Помпей, Антоний, Катон и другие доблестные мужи были рогаты и, зная об этом, не поднимали особого шума. В те времена нашелся лишь один дурень — Лепид, — умерший от огорчения, которое

* Кто мешает зажечь огонь от горящего огня? Пусть и они неутомимо расточают свои дары; ничего от этого не убудет[31] (*лат.*).
** Ни один прелюбодей, пронзенный супружеским мечом, не окрасил пурпурною кровью воды Стикса[33] (*лат.*).

ему причинила эта напасть [84].

Ah! tum te miserum malique fati,
Quem attractis pedibus, patente porta,
Percurrent mugilesque raphanique *.

И бог в рассказе нашего поэта, застав со своею супругой одного из ее дружков, ограничился тем, что пристыдил их обоих,

atque aliquis de diis non tristibus optat
Sic fieri turpis **;

и он не преминул воспылать от предложенных ею сладостных ласк, сетуя только на то, что она, видимо, перестала доверять горячности его чувства:

Quid causas petis ex alto, fiducia cessit
Quo tibi, diva, mei? ***

Больше того, она обращается с просьбой, касающейся ее внебрачного сына,

Arma rogo genitrix nato ****,

и он охотно выполняет ее; и об Энее Вулкан говорит с уважением:

Arma acri facienda viro *****.

Все это полно человечности, превышающей человеческую. Впрочем, это сверхъизобилие доброты я согласен оставить богам:

nec divis homines componier aequum est ******.

Хотя вопрос о брачном или внебрачном зачатии прижитых совместно детей и не затрагивает, в сущности, женщин, — не говорю уж о том, что самые суровые законодатели, умалчивая о нем в своих сводах, тем самым решают его, — все же они, неведомо почему, подвержены ревности больше мужчин, и она обитает в них, как у себя дома:

Saepe etiam Juno, maxima caelicolum,
Coniugis in culpa flagravit cotidiana *******.

И когда эти бедные души, слабые и неспособные сопротивляться, попадают в ее цепкие лапы, просто жалость смотреть, до чего беспощадно она завлекает их в свои сети и как помыкает ими; сначала она пробирается в них тихой сапой под личиною дружбы, но едва они окажутся в ее

* Берегись, негодяй! Конец твой страшен! Будут ноги расставлены, и в дверцу прогуляются и редьки и миноги [85] (*лат.*).
** И один из веселых богов не прочь покрыть себя позором этого рода [86] (*лат.*).
*** Что ты так далеко ищешь причин? Почему у тебя, богиня, иссякло ко мне доверие? [87] (*лат.*).
**** Я — мать, и прошу оружие для моего сына [88] (*лат.*).
***** Нужно выковать оружие для этого доблестного мужа [89] (*лат.*).
****** Не подобает сравнивать людей и богов [90] (*лат.*).
******* Часто сама Юнона, величайшая из небожительниц, досадовала на ежедневные провинности своего супруга [91] (*лат.*).

власти, те же причины, которые служили основанием для благосклонности, становятся основанием и для лютой ненависти. Для этой болезни души большинство вещей служит пищею и лишь очень немногие — целебным лекарством. Добродетель, здоровье, заслуги и добрая слава мужа — фитили, разжигающие их гнев и бешенство:

Nullae sunt inimicitiae, nisi amoris, acerbae *.

Кроме того, эта горячка уродует и искажает все, что в них есть красивого и хорошего, и все поведение ревнивой женщины, будь она хоть воплощением целомудрия и домовитости, неизменно бывает раздражающе несносным. Неукротимое возбуждение увлекает ревнивцев к крайностям, прямо противоположным тому, что их породило. Прелюбопытная вещь произошла с одним римлянином — Октавием: предаваясь любовным утехам с Понтией Постумией, он до того распалился страстью от обладания ею, что стал настойчиво домогаться ее согласия сочетаться с ним браком, и так как она не поддалась на его уговоры, возросшая в нем до последних пределов любовь толкнула его на действия, свойственные жесточайшей и смертельной вражде, — он убил ее[93]. И вообще обычные признаки этой разновидности любовной болезни, — укоренившаяся в сердце ненависть, жажда безраздельно владеть, мольбы и заклинания,

notumque furens quid femina possit **,

и непрерывное бешенство, тем более мучительное, что считается, будто единственное возможное для него оправдание — это любовное чувство.

Итак, долг целомудрия весьма многогранен и многолик. Хотим ли мы, чтобы женщины держали в узде свою волю? Она — вещь очень гибкая и подвижная и слишком стремительная, чтобы ее можно было остановить. Да и как это сделать, если грезы уносят женщин порою так далеко, что они не в силах от них отступиться? Как в них, так, пожалуй, и в целомудренной чистоте, — и в ней тоже, — поскольку она женского рода, — нет ничего, что могло бы их защитить от вожделений и желаний. Если мы посягаем лишь на их волю, то многого ли мы этим достигнем? Представьте себе сонмы таких желаний, наделенных способностью лететь, как оперенные стрелы, не глядя перед собой и ни о чем не спрашивая, и готовых вонзиться во всякую, кого только настигнут.

Скифские женщины выкалывали глаза своим рабам и военнопленным, чтобы свободнее и бесстыднее предаваться с ними наслаждениям[95].

Просто ужас, какое великое преимущество — действовать в подходящее время! Всякому, кто спросит меня, что всего важнее в любви, я отвечу: уметь выбрать мгновение; второе по степени важности — то же, и то же самое — третье. Ибо в этом случае все возможно. Мне часто недоставало удачи, но порою и предприимчивости; сохрани боже от беды тех, кто вздумает посмеяться над этим. В наш век нужно побольше напори-

---

* Нет вражды более злобной, чем та, которую порождает любовь[92] (*лат.*).
** Известно, на что способна разъяренная женщина[94] (*лат.*).

стости, которую молодые люди нашего времени извиняют свойственной им горячностью чувств, но если женщины ближе присмотрятся к ней, они обнаружат, что она проистекает скорей из презрения. Я суеверно боялся нанести им оскорбление, и я всей душой уважаю то, что люблю. Не говорю уж о том, что это такой товар, который теряет свой блеск и тускнеет, если не относиться к нему с должным почтением. Я люблю, чтобы сюда вносилось кое-что от юношеской застенчивости, от робкой и преданной влюбленности. Впрочем, не только в этом, я и в другом знаю за собой кое-какие проявления нелепой застенчивости, о которой вспоминает Плутарх[96] и которая омрачала и портила мне жизнь на всем ее протяжении. В общем свойство это не очень подходит к моему душевному складу, но разве внутри нас не сплошные мятежи и раздоры? Мне столь же неприятно встретить отказ, как отказать, и до того горестно причинять огорчение, что в тех случаях, когда долг обязывает меня приневолить кого-нибудь к выполнению чего-либо сомнительного и для него неприятного, мне дается это с превеликим трудом и крайнею неохотой. А если мне самому приходится попадать в подобное положение, то, сколь бы справедливо ни было сказанное Гомером, а именно, что стыдливость для бедняка — нелепая добродетель[97], я обычно стараюсь переложить свои обязанности на кого-нибудь еще, чтобы он краснел вместо меня. Но тем, кто навязывает мне неприятное дело, я также с трудом даю отпор, и потому со мною не раз случалось, что, желая произнести «нет», я не находил в себе достаточно сил для этого.

Итак, величайшая глупость пытаться обуздать в женщинах то желание, которое в них так могущественно и так естественно. И когда мне доводится слышать, как они похваляются тем, что их сердце исполнено девственной чистоты и холодности, я только посмеиваюсь над ними; они заходят, пожалуй, чересчур далеко. Если это беззубая и одряхлевшая женщина или молодая, но высохшая и чахоточного вида девица, то хотя им не очень-то веришь, их слова все же до некоторой степени правдоподобны. Но кто из них продолжает дышать и двигаться, те таким отпирательством немало вредят себе, ибо неразумные оправдания на пользу лишь обвинению. Так, например, один дворянин, мой сосед, которого подозревали в мужском бессилии,

Languidior tenera cui pendens sicula beta
Nunquam se mediam sustulit ad tunicam *,

по истечении трех или четырех дней после своей свадьбы, желая снять с себя давнее подозрение, пустился повсюду напропалую божиться, будто бы в минувшую ночь он двадцать раз насладился со своею супругой, что и послужило в дальнейшем к уличению его в полнейшем невежестве по мужской части и к расторжению его брака. Я не говорю уж о том, что кичиться своим целомудрием, как упомянутые мной дамы, в сущности,

---

* Чей бессильный кинжальчик свисал безобидным крючочком и никогда не поднимался до середины туники[98] (*лат.*).

нечего, ибо где же воздержанность и добродетель, если нет побуждений обратного свойства? В таких случаях нужно сказать: «Да, мне этого очень хочется, но, тем не менее, я не собираюсь сдаваться». Даже святые, и те говорят не иначе. Само собой разумеется, я имею в виду лишь таких женщин, которые намеренно похваляются своей бесчувственностью и холодностью и, сообщая об этом с серьезным лицом, хотят, чтобы им безоговорочно верили. Ибо, когда на их лицах вы без труда читаете, что они притворяются, когда произносимые ими слова опровергаются их глазами, когда они изъясняются на своем милом тарабарском наречии, где все шиворот-навыворот и шито белыми нитками, это мне и впрямь по душе. Я верный поклонник вольности в обращении и непосредственности; но тут не может быть серединки наполовинку: если в них нет настоящего простодушия и ребячливости, они просто нелепы, и дамам неуместно к ним прибегать: в такого рода общении они немедля переходят в бесстыдство. Уловки и хитрости способны обмануть только глупцов. Лжи в этих делах принадлежит почетное место — это окольный путь, ведущий нас к истине через заднюю дверь. Но если мы не можем сдержать женское воображение, чего же мы добиваемся? Внешне целомудренного поведения? Но бывают и такие поступки, которые совершаются без свидетелей, а между тем несут пагубу целомудрию,

Illud saepe facit quod sine teste facit *.

И те, которых мы меньше всего опасаемся, больше всего, пожалуй, и должны внушать нам опасение:

Offendor moecha simpliciore minus **.

Бывают вещи, которые, не являясь порочными, могут погубить беспорочность женщины, и притом даже без ее ведома и соучастия: Obstetrix, virginis cuiusdam integritatem manu velut explorans, sive malevolentia, sive inscitia, sive casu, dum inspicit, perdidit *** Иная лишила себя девственности нечаянно, желая в ней убедиться, иная потеряла ее, резвясь.

Мы не сумели бы дать нашим женщинам точного списка поступков, которые должны быть для них запретными. Наш закон пришлось бы изложить в общих и достаточно неопределенных выражениях и словах. Созданное нами самими представление об их целомудрии просто смешно, ибо наиболее совершенные его образцы, какими я только располагаю, это Фатуа, жена Фавна, которая, выйдя замуж, ни разу не дала взглянуть на себя ни одному мужчине [102], и жена Гиерона, не ощущавшая зловония, исходившего от ее мужа, считая, что это общее для всех мужчин свойство [103]. Чтобы удовлетворять нас и нравиться нам, нужно, чтобы женщины не видели и не чувствовали.

---

* Она часто делает то, что делается без свидетелей [99] (*лат.*).

** Меня меньше возмущает более бесхитростное распутство [100] (*лат.*).

*** Повивальная бабка, исследуя некую девушку, то ли умышленно, то ли по неумелости, то ли случайно, своею рукой лишила ее девственности [101] (*лат.*).

Итак, давайте признаем, что основа понимания этого долга заложена главным образом в нашей воле. Были мужья, которые претерпели неверность жен не только без единого обращенного к ним упрека и оскорбления, но с чувством глубочайшей признательности и глубочайшего уважения к их добродетели. Иная, дорожа своей честью больше, чем жизнью, отдала ее на поругание бешеной похоти смертельного врага ее мужа, дабы спасти ему жизнь, и сделала для него то, чего бы никогда не сделала для себя. Здесь не место умножать эти примеры: они слишком возвышенны и слишком прекрасны, чтобы попасть в этот перечень; сохраним их до рассуждений на более благородные темы.

Но что до примеров, подходящих для нашего перечня вещей более низменных, то не видим ли мы всякий день женщин, которые отдаются другим только ради выгоды, извлекаемой из этого их мужьями, по прямому их приказанию и при их посредничестве? В древности аргосец Фавлий предложил царю Филиппу свою жену из тщеславия; из любезности то же сделал и Гальба, пригласивший Мецената отужинать у него в доме; заметив, что гость и его жена принялись тайком переглядываться и объясняться знаками, он откинулся на подушки и сделал вид, будто его одолела дремота, дабы не мешать им столковаться друг с другом. И сам себя невольно разоблачил, ибо, увидев в это мгновение, что один из рабов осмелился запустить руку в стоявшее на столе блюдо, он крикнул ему: «Неужели ты не видишь, мошенник, что я сплю только для Мецената?»[104]

У одной нрав распутный, а воля благонамереннее, чем у другой, внешне придерживающейся правил приличия. И как мы встречаем таких, которые жалуются, что их обрекли на безбрачие прежде чем они вступили в сознательный возраст, точно так же я встречал и немало таких, кто жалуется, и вполне искренно, что, еще не достигнув сознательного возраста, они уже были обречены на разврат; причиною этого может быть порочность родителей, или насилие, или нужда, а она — злая советчица. В Восточных Индиях, где целомудрие чтут, как нигде, обычай, однако же, допускает, чтобы замужняя женщина отдалась всякому, кто подарит ей за это слона, — и она делает это даже не без некоторой гордости, что ее оценили так дорого[105].

Философ Федон, происходивший из хорошего рода, после захвата Элиды — его отечества — неприятелем, дабы прокормить себя, занялся тем, что стал за деньги продавать свою юность и красоту всякому, кто желал насладиться ими, и делал это, пока враги не ушли[106]. Солон, как говорят, был в Греции первым законодателем, предоставившим женщинам право открыто добывать для себя средства к существованию в ущерб своему целомудрию[107], — обыкновение, по словам Геродота[108], принятое и до Солона во многих других государствах.

Спрашивается к тому же, каковы плоды этой изнурительной заботы о целомудрии женщин? Ибо, сколь бы справедливой ни была наша страсть уберечь его, нужно выяснить, приносит ли она нам хоть чуточку

пользы? Найдется ли среди нас хоть один, кто рассчитывал бы, что при любых стараниях ему удастся связать женщин по рукам и ногам?

> Pone seram, cohibe; sed quis custodiet ipsos
> Custodes? Cauta est, et ab illis incipit uxor *.

Какими только возможностями не располагают они в наш просвещенный век!

Излишнее любопытство вредит повсюду, но тут оно просто пагубно. Не безумие ли жаждать узнать про беду, если против нее нет лекарства, которое не усугубляло бы и не усиливало ее; если связанный с нею позор увеличивается и разглашается главным образом из-за ревности; если отмщение больше задевает наших детей, чем способствует нашему исцелению? Да вы иссохнете и умрете, пытаясь докопаться до столь темной истины! До чего же жалким был удел тех мужей моего времени, которым удавалось распутать этот клубок до конца! Если осведомляющий об этом несчастье не предлагает одновременно лекарства и своей помощи, то его сообщение оскорбительно и не столько разоблачает обман, сколько заслуживает удара кинжалом. Над домогающимся улик смеются не меньше, чем над пребывающим в полнейшем неведении. Быть рогоносцем — пятно несмываемое: к кому оно пристало хоть раз, на том оно остается навеки; отмщение запечатлевает его прочнее, чем самый проступок. Забавно смотреть, как мы извлекаем из тьмы и области неопределенных догадок наши личные горести, дабы с трагических подмостков трубить о них, и притом горести, которые удручают нас лишь потому, что о них повсюду судачат. Ибо хорошей женой и хорошим браком называют не ту жену и тот брак, которые и впрямь таковы, но о которых молчат. Нужно как можно искуснее уклоняться от этой докучной и бесполезной осведомленности. И римляне, возвращаясь из путешествия, имели обыкновение посылать домой нарочного, чтобы предупредить о своем прибытии жен и не застать их врасплох; а один народ завел у себя обычай, состоящий в том, что в день свадьбы жрец лишает новобрачную девственности, и делает это затем, чтобы муж, познавая впервые жену, не испытывал никаких сомнений и не доискивался, досталась ли она ему девственной или же оскверненной какой-либо прежней любовью [110].

Но все только и делают, что толкуют о вашей напасти! Я знаю добрую сотню весьма почтенных людей, которых украшают рога и которые, тем не менее, с достоинством и без особого позора носят их на себе. Порядочного человека жалеют за это, а не поносят и не лишают уважения. Добейтесь того, чтобы ваша добродетель затмевала постигшую вас беду, чтобы честные люди проклинали случившееся, чтобы ваш оскорбитель содрогался при одной мысли о том, что он наделал. И затем, — о ком только не говорят того же, начиная с наиничтожнейшего и кон-

---

* Наложи засов, держи ее взаперти: но кто устережет самих сторожей? Твоя жена хитроумна и понесет от них [109] (*лат.*).

чая самым великим?

> Tot qui legionibus imperitavit
> Et melior quam tu multis fuit, improbe, rebus *.

Не видишь ли ты, на скольких честных людей выливают в твоем присутствии ушаты помоев, не задевая тебя? Неужели ты думаешь, что где-нибудь в другом месте тебя щадят больше, чем их? Но дамы, уж те не пожалеют насмешек! А что они в наши дни охотнее подвергают насмешкам, чем мирное и хорошо налаженное течение супружеской жизни? Каждый из нас сделал кого-нибудь рогоносцем, но природа только на том и держится, что уподобляет, уравновешивает и чередует. Широчайшее распространение случаев этого рода должно ослабить в дальнейшем их горечь — ведь они, можно сказать, стали почти обыденны.

Жалкая, однако же, страсть, носящая название ревности, и вдобавок ко всему остальному ею ни с кем не поделишься,

> Fors etiam nostris invidit questibus aures **.

Ибо какому другу решитесь вы доверить ваши печали? Ведь если он не посмеется над ними, то воспользуется протоstill проторенною дорожкой и своею осведомленностью, чтобы урвать дичины и на свою долю.

Как горести, так и услады супружества благоразумные люди таят про себя.

Среди прочих несносных докук, связанных с положением рогоносца, для людей говорливых, вроде меня, одна из главнейших состоит в том, что обычай считает мало пристойным и вредным рассказывать в таких случаях кому бы то ни было обо всем, что знаешь и чувствуешь.

Советовать женщинам то же, чтобы отбить у них вкус к ревности, было бы напрасной потерей времени: их существо настолько пропитано подозрительностью, тщеславием и любопытством, чтобы исцелить их обычными средствами — на это нечего и надеяться. Нередко они все же справляются с этим недугом и обретают здоровье. но это здоровье такого рода, что его следует бояться пуще самой болезни. Ибо подобно тому, как иные заговоры и заклинания не могут помочь беде иначе, как переложив ее на другого, так и они, освободившись от этой горячки, нередко заражают ею своих мужей. Как бы там ни было, по совести говоря, я не знаю, можно ли натерпеться от женщин чего-либо горшего, нежели ревность: это самое опасное из их качеств, подобно тому как в их естестве самое опасное — голова. Питтак говорил, что у всякого найдется своя напасть, а у него — дурная голова его женушки; не будь этого, он почитал бы себя счастливым во всех отношениях [113]. Это очень тяжелое бремя, и если столь справедливый, мудрый и доблестный человек находил, что

---

* Кто повелевал столькими легионами и был лучше тебя, бесстыдный, во многих отношениях [111] (*лат*.).

** Судьба отказывает даже в ушах, которые могли бы выслушать наши жалобы [112] (*лат*.).

оно ему портит жизнь, то что же тут делать нашему брату — мелким и жалким людишкам?

Сенат Марселя был вполне прав, удовлетворив ходатайство того горемыки, который просил разрешить ему покончить с собой, чтобы избавиться от грома и молний, низвергаемых на него женою[114]; с этим злом и впрямь не разделаться, пока не разделаешься с тем, в чем оно коренится, — и тут не найти другого решения, кроме бегства или многострадального существования, хотя и первое и второе — вещи весьма тягостные.

Тот, кто сказал, что удачные браки заключаются только между слепою женой и глухим мужем, поистине знал толк в этих делах[115].

Подумаем над тем, не порождают ли крайне стеснительные и суровые обязательства, насильственно возлагаемые нами на женщин, последствия двоякого рода, равно противоположные нашей цели, а именно: не распаляют ли они любителей прекрасного пола и не толкают ли женщин сдаваться с большею легкостью на их домогательства; ибо, что касается первого, то чем выше мы ценим крепость, тем сильнее жаждем овладеть ею и тем выше оцениваем победу. И не сама ли Венера хитроумно набила цену на свой товар, стакнувшись с законами, чтобы они объявили его запретным, хорошо зная, до чего пресны наслаждения тех, кто не умеет сдабривать их фантазией и придавать им пряность? В конце концов, лишь подливка разнообразит все ту же свинину, как говорил хозяин Фламиния[116]. Купидон — вероломный бог: он забавляется, совращая благочестие и справедливость; его слава на том и основывается, что его могущество сокрушает любое другое могущество и что никто не смеет противиться его законам.

Materiam culpae prosequiturque suae *.

Что до второго, то не носили ли бы мы меньше рогов, если бы меньше страшились их, раз уж женщины устроены таким образом, что запретное лишь разжигает и манит их?

Ubi velis, nolunt; ubi nolis, volunt ultro **;
Concessa pudet ire via ***.

Какое лучшее истолкование могли бы мы дать поведению Мессалины?[120] Вначале она наставляла своему супругу рога тишком и тайком, как это обычно проделывается. Но, заводя свои связи, вследствие его тупости, с чрезмерной легкостью и простотой, она вскоре прониклась презрением к своему образу действий. И вот она стала расточать свою любовь безо всякой опаски, не скрывать имена любовников, содержать их и оказывать им благосклонность на глазах всех и каждого. Ей хотелось расшевелить своего мужа. Но это животное, несмотря ни на что, не могло

* Он ищет случая согрешить[117] (*лат.*).
** Когда хочешь, они не хотят; когда не хочешь, они сами хотят[118] (*лат.*).
*** Они стыдятся идти дозволенным путем[119] (*лат.*).

пробудиться от своей спячки, и когда ее наслаждения на стороне сделались вялыми и потускнели из-за той постыдной беспечности, с какою, казалось, он им попустительствовал и узаконивал их, как же она поступила? Жена императора, при живом и здоровом муже, и притом в Риме, перед всем светом, во время торжеств по случаю народного празднества, она среди бела дня, в полуденный час, когда ее муж был вне города, сочеталась браком, и притом с Силием, с которым у нее давно была близость. Нельзя ли предположить, что из-за равнодушия мужа она в конце концов стала бы целомудренной или нашла бы другого мужа, который своей ревностью распалил бы в ней страсть к нему и, донимая ее, возбуждал? Но первое препятствие, которое она встретила, оказалось и последним. Это животное внезапно проснулось. Шутки с такими тугоухими бывают нередко плохими. Мне самому довелось видеть, как доведенное до столь крайних пределов терпение, когда оно лопается, сменяется необузданной мстительностью, ибо, вспыхивая в мгновенье ока, гнев и бешенство, сплетаясь в один клубок, обрушиваются всеми своими силами на первое, что попадается им на пути,

irarumque omnes effundit habenas *.

Он приказал ее умертвить, а вместе с нею и всех тех, с кем она зналась, и среди них даже такого, который перестал быть мужчиной и которого она загоняла к себе на ложе только хлыстом.

Рассказанное Вергилием о Венере и Вулкане рассказал в более благопристойных словах и Лукреций, повествующий о ее тайных любовных утехах с Марсом:

belli fera moenera Mavors
Armipotens regit, in gremium qui saepe tuum se
Reiicit, aeterno devinctus vulnere amoris:
Pascit amore avidos inhians in te, dea, visus,
Eque tuo pendet resupini spiritus ore.
Hunc tu, diva, tuo recubantem corpore sancto
Circumfusa super, suaves ex ore loquelas
Funde **.

Когда я перебираю в памяти эти reiicit, pascit, inhians, molli, fovet, medullas, labefacta, pendet, percurrit и это благородное circumfusa, мать прелестнейшего infusus [123], я испытываю презрение к тем мелочным выкрутасам и словесным намекам, которые появились позднее. Этим славным людям минувших времен не требовалось острых и изысканных выдумок;

---

* Он снял узду со своего гнева [121] (*лат.*).

** Жестокими воинскими трудами ведает всесильный своим оружием Марс, который часто склоняется на твое лоно, сраженный никогда не заживающей раной любви; не сводя с тебя глаз, богиня, он насыщает любовью свои жадные взоры, и на него, лежащего распростертым на спине, нисходит с твоих уст, богиня, твое дыхание; и вот тогда, прильнув к нему своим священным телом и обняв его сверху, излей из своих сладостных уст обращенную к нему речь [122] (*лат.*).

их язык полнится и переливается через край естественной и неиссякаемой мощью; все у них — эпиграмма; все, а не только хвост, — и голова, и желудок и ноги. Ничто здесь не притянуто за волосы, ничто не волочится, — все выступает размеренным шагом. Contextus totus virilis est; non sunt circa flosculos occupati *. Это не вялое красноречие, которое всего лишь терпимо, но могучее и убедительное, — оно не столько нас услаждает, сколько воодушевляет и увлекает, и больше всего увлекает умы наиболее сильные. Когда я присматриваюсь к столь примечательным способам выражаться так живо и глубоко, я не называю это «хорошо говорить», но называю «хорошо мыслить». Неукротимость воображения — вот что возвышает и украшает речь. Pectus est quod disertum facit **. Наши люди зовут голое суждение — речью и остроумием — плоские измышления. Но картины древних обязаны своей силой не столько ловкой и искусной руке, сколько тому, что изображаемые ими предметы глубоко запечатлелись в их душах. Галл говорит просто, потому что и мыслит просто [126]. Гораций никоим образом не довольствуется поверхностными, внешне красивыми выражениями; они предали бы его. Его взгляд яснее и проникает вещи насквозь; его ум обыскивает и перерывает весь запас слов и образов, чтобы облечься в них; и они ему нужны не обыденные, потому что не обыденны и творения его мысли. Плутарх говорил, что он видит латинский язык через вещи; здесь то же самое: разум освещает и порождает слова — не подбитые ветром, но облеченные плотью. Они обозначают больше того, что высказывают Даже самые заурядные люди имеют об этом кое-какое смутное представление; так, например, в Италии я говорил все, что мне вздумается, в обычных беседах по-итальянски; но что касается предметов глубокомысленных, тут я не решался довериться тому языку, которым я владел не настолько, чтобы выворачивать и сгибать его больше, чем нужно в обычном разговоре. Я хочу располагать возможностью вносить в свою речь кое-что и от себя.

Использование и применение языка великими умами придает ему силу и ценность; они не столько обновляют язык, сколько, вынуждая его нести более трудную и многообразную службу, раздвигают его пределы, сообщают ему гибкость. Отнюдь не внося в него новых слов, они обогащают свои, придают им весомость, закрепляют за ними значение и устанавливают, как и когда их следует применять, приучают его к непривычным для него оборотам, но действуя мудро и проницательно. Как редок подобный дар, можно убедиться на примере многих французских писателей нашего века. Они достаточно спесивы и дерзки, чтобы идти общей со всеми дорогой, но недостаток изобретательности и скромности безнадежно их губит. У них мы замечаем лишь жалкие потуги на вычурность и напыщенность, холодную и нелепую, которые, вместо того чтобы возвысить их тему, только снижают ее Гоняясь за новизной, они и не помышляют о выразительности и ради того, чтобы пустить в оборот

* Вся речь мужественна; они не занимаются украшательством [124] (*лат.*).
** Дух — вот что придает красноречие [125] (*лат.*)

новое слово, забрасывают обычное, порою более мужественное и хлесткое[127].

Я нахожу, что сырья у нашего языка вдосталь, хотя оно и не блещет отделкой; ведь чего только ни нахватали мы из обиходных выражений охоты и войны — этого обширного поля, откуда было что позаимствовать; к тому же, при пересадке на новую почву формы речи, подобно растениям, улучшаются и набираются сил. Итак, я нахожу наш язык достаточно обильным, но недостаточно послушливым и могучим. Под бременем сильной мысли, он, как правило, спотыкается. Когда, оседлав его, вы несетесь во весь опор, то все время ощущаете, что он изнемогает и засекается, и тогда на помощь вам приходит латынь, а иным — греческий. Среди слов, только что подобранных мной ради изложения этой мысли, найдутся такие, которые покажутся вялыми и бесцветными, так как привычка и частое обращение некоторым образом принизили и опошлили заложенную в них прелесть. Точно так же и в нашем обыденном просторечии попадаются великолепные метафоры и обороты, красота которых начинает блекнуть от старости, а краски тускнеть от слишком частого употребления. Но это не отбивает к ним вкуса у каждого, кто наделен острым чутьем, как не умаляет славу старинных писателей, которые, надо полагать, и придали этим словам их былой блеск.

Науки рассматривают изучаемые ими предметы чересчур хитроумно, и подход у них к этим предметам чересчур искусственный и резко отличающийся от общепринятого и естественного. Мой паж отлично знаком с любовью и кое-что разумеет в ней. Но почитайте ему Леона Еврея или Фичино[128]: у них говорится о нем, его мыслях, его поступках, но тут он решительно ничего не уразумеет. У Аристотеля я обычно не узнаю большинства свойственных мне душевных движений — их скрыли, перерядив применительно к потребностям школы. Да поможет им в этом бог! Но, занимайся я их ремеслом, я бы оприродил науку, как они онаучивают природу. Так оставим же в покое Бембо и Эквиколу![129]

Когда я пишу, то стараюсь обойтись без книг и воспоминаний о них, опасаясь, что они могут нарушить мой стиль изложения. Признаюсь к тому же, что хорошие авторы, можно сказать, отвлекают меня и отнимают у меня смелость. Я бы охотно последовал примеру того живописца, который, нарисовав как-то крайне неумело и беспомощно петухов, наказал затем своим подмастерьям не впускать в мастерскую ни одного живого представителя петушиного племени. И чтобы придать себе немного блеску, мне надлежало бы прибегнуть к уловке музыканта Антинонида, который, когда ему доводилось исполнять свою музыку, устраивал так, чтобы до него или после него собравшихся вдосталь потчевали пением скверных певцов[130].

Но отделаться от Плутарха мне гораздо труднее. Он до того всеобъемлющ и так необъятен, что в любом случае, за какой бы невероятный предмет вы ни взялись, вам не обойтись без него, и он всегда тут как тут и протягивает вам свою неоскудевающую и щедрую руку, полную сокровищ и украшений. Меня злит, что всякий обращающийся

к нему бесстыдно его обворовывает, да и я сам, когда бы его ни навестил, не могу удержаться, чтобы не стянуть хотя бы крылышка или ножки.

Исходя из этих моих намерений, мне легче всего писать у себя, в моем диком краю, где ни одна душа не оказывает мне помощи и не поддерживает меня, где я обычно не вижусь ни с кем, кто понимал бы латынь своего молитвенника, а тем более по-французски. В другом месте я мог бы написать лучше, но мой труд был бы меньше моим, а его главнейшая цель и его совершенство в том именно и состоят, чтобы быть моим, и только моим. Я с готовностью исправляю случайно вкравшуюся ошибку, которых у меня великое множество, так как я несусь вперед, не раздумывая; но что касается несовершенств, для меня обычных и постоянных, то отказываться от них было бы просто предательством. Допустим, что мне сказали бы или я сам себе сказал: «Ты слишком насыщен образами. Вот словечко, от которого так и разит Гасконью. Вот опасное выражение (я никоим образом не избегаю тех выражений, которые в ходу на французских улицах: силящиеся побороть с помощью грамматики принятое обычаем занимаются пустым и бесплодным делом). Вот невежественное суждение. А вот суждение, противоречащее себе самому. А вот слишком шалое (ты частенько дурачишься; сочтут, что ты говоришь в прямом смысле, тогда как ты шутишь)». На это я бы ответил: «Все это верно, но я исправляю лишь те ошибки, в которых повинна небрежность, но не те, что свойственны мне, так сказать, от природы. Разве я говорю тут иначе, чем всюду? Разве я изображаю себя недостаточно живо? Я сделал то, чего добивался: все узнали меня в моей книге и мою книгу — во мне».

Но у меня есть склонность обезьянничать и подражать: когда я силился писать стихи (а я никогда не писал других, кроме латинских), от них ясно отдавало последним поэтом, которого я читал, и кое-какие из моих первых опытов изрядно попахивают чужим. В Париже я говорю на несколько ином языке, чем в Монтене. Кого бы я пристально ни рассматривал, я неизбежно запечатлеваю в себе кое-что от него. Все, что я наблюдаю, то и усваиваю: нелепую осанку, уродливую гримасу, смешные способы выражаться. Так же пороки: и поскольку они, приставая ко мне, цепляются за меня, я бываю вынужден стряхивать их. И клятвенные выражения я употребляю чаще из подражания, чем по склонности.

Итак, мне свойственна эта пагубная черта, такая же, как у тех страшных своею величиной и силою обезьян, с которыми царь Александр столкнулся в одной из областей Индии. Избавиться от них было бы крайне трудно, если бы своей страстью перенимать все, что делалось перед ними, они сами не доставили удобного средства к этому. Открыв его, охотники принялись надевать у них на виду свою обувь, стягивая ее изо всей силы и завязывая ремешки глухими узлами, закреплять свои головные уборы множеством скользящих завязок и притворно мазать себе глаза клеем, который употребляют для ловли птиц. И вот обезьяньи повадки обрекли этих неразумных и несчастных тварей на гибель. Они

сами себя заклеили, сами себя взнуздали и сами себя удушили [131]. Что до способности намеренно воспроизводить чужие движения и чужой голос, — а это нередко доставляет удовольствие окружающим и вызывает их восхищение, — то ее во мне не больше, чем в любом полене.

Когда я клянусь на свой собственный лад, то не употребляю ничего, кроме «ей-богу», что, по-моему, самая сильная клятва изо всех существующих. Говорят, что Сократ клялся псом, а Зенон прибегал к тому самому выражению, которое и посейчас принято у итальянцев, — я имею в виду «Cappari!»; Пифагор клялся водою и воздухом [132].

Я до того восприимчив, совершенно не отдавая себе в этом отчета, к внешним и поверхностным впечатлениям, что если три дня подряд у меня не сходило с уст «ваше величество» или «ваше высочество», то еще с добрую неделю они будут срываться с них вместо «вашей светлости» или «вашей милости». И что я примусь говорить в шутку или ради забавы, то на следующий день я скажу совершенно всерьез. Вот почему я с большой неохотой пользуюсь в моих сочинениях простыми доводами и доказательствами — я страшусь, как бы они не были позаимствованы мной у других. Всякий довод для меня одинаково плодотворен. Я извлекаю их из любой безделицы — и да пожелает господь, чтобы и те, которыми я сейчас пользуюсь, не были подхвачены мною по внушению столь своенравной воли. И что из того, что я начинаю с тех доводов, которые мне почему-либо понравились; ведь все, о чем бы я ни говорил, связано друг с другом неразрывными узами.

Но я недоволен моею душой, потому что все свои наиболее глубокие мысли, наиболее дерзкие и больше всего захватывающие меня, она порождает, как правило, неожиданно и тогда, когда я меньше всего гоняюсь за ними; эти мысли приходят внезапно и в таких местах, где я не могу их закрепить; они настигают меня, когда я на коне, за столом, в постели, но больше всего, когда я еду верхом и веду сам с собой наиболее продолжительные беседы. Моя речь несколько щепетильна и нуждается во внимании и тишине, если я говорю о чем-либо важном: кто прерывает меня, тот вынуждает замолчать. В путешествии необходимость следить за дорогой пресекает беседу; к тому же я чаще всего путешествую без попутчиков, способных поддерживать связные разговоры; вот почему у меня в пути бывает сколько угодно досуга беседовать с собою самим. И тут происходит то же, что и с моими снами; видя сны, я препоручаю их моей памяти (я то и дело вижу во сне, что мне снится сон), но назавтра я могу представить себе не более, чем их краски — веселые, или грустные, или какие-то странные; но в чем, собственно, состояло содержание моих снов, сколько бы я ни силился установить, я все глубже погружаюсь в забвение. Так же обстоит дело и с этими случайными, западающими в мою фантазию мыслями; у меня в памяти запечатлевается лишь их расплывчатый образ, который только побуждает меня к тщетным попыткам восстановить забытое и бессильно досадовать на самого себя.

Итак, оставив в стороне книги и переходя к вещам более осязательным и простым, я нахожу, что любовь, в конце концов, не что иное, как

жажда вкусить наслаждение от предмета желаний, а радость обладания — не что иное, как удовольствие разгрузить свои семенные вместилища, и что оно делается порочным только в случае неумеренности или нескромности.

Для Сократа любовь — это стремление к продолжению рода при посредстве и с помощью красоты. Но если обдумать все: забавные содрогания, неотделимые от этого удовольствия, нелепые, дикие и легкомысленные телодвижения, на которые оно толкает даже Зенона или Кратиппа[133], непристойную одержимость, нашу ярость и жестокость, искажающие лицо человека в самые сладостные мгновения любви, и затем какую-то непреклонную, суровую, исступленную важность при выполнении столь пустых действий, а также то, что здесь вперемешку свалены и наши восторги и отбросы нашего тела и что высшее наслаждение связано с обмиранием и стонами, как при страдании, — я считаю, что Платон прав, утверждая, что человек — игрушка богов[134],

[quaenam] ista iocandi
Saevitia! *

и что природа, насмешки ради, оставила нам это самое шалое и самое пошлое из наших занятий, дабы таким способом сгладить различия между нами и уравнять глупого с мудрым и нас с животными. И когда я представляю себе за таким делом самого вдумчивого и благонравного человека, он начинает казаться мне наглым обманщиком, выдающим себя за вдумчивого и благонравного; это ноги павлина, принижающие его величие:

ridentem dicere verum
Quid vetat? **

Кто, предаваясь забавам, отметает от себя серьезные мысли, те, как сказал кто-то, похожи на боящихся приложиться к фигуре святого, если она не прикрыта набедренною повязкой.

Мы едим и пьем совсем как животные, однако это такие занятия, которые не препятствуют деятельности нашей души. В этом мы сохраняем преимущество перед ними; но что до занятия, являющегося предметом нашего рассмотрения, то оно сковывает всякую мысль, затемняет и грязнит данной ему над нами безграничною властью все высокоумное и возвышенное, что только ни есть у Платона в его теологии и философии, и тот все же ничуть на это не жалуется. Во всем другом вы можете соблюдать известную благопристойность; все прочие ваши занятия готовы подчиниться правилам добропорядочности, но это — его и представить себе нельзя иначе, как распутным или смешным. Попытайтесь-ка, ради проверки, найти в нем хоть что-нибудь разумное или скромное! Александр говаривал, что оно-то, главным образом, да еще потребность во сне

* Какая злая насмешка![135] (*лат.*).
** Что мешает, смеясь, говорить правду?[136] (*лат.*).

побуждают его признавать себя смертным: сон гасит и подавляет способности нашей души; половое сближение также рассеивает и поглощает их. И оно, разумеется, — свидетельство не только нашей врожденной испорченности, но и нашей суетности и нашего несовершенства.

С одной стороны, природа, связав с этим желанием самое благородное, полезное и приятное изо всех своих дел, толкает нас на сближение с женщинами; однако, с другой стороны, она же заставляет нас поносить его, и бежать от него, и видеть в нем нечто постыдное и бесчестное, и краснеть, и проповедовать воздержание.

Ессеи [137], как сообщает Плиний [138], обходились на протяжении многих столетий без кормилиц и без пеленок, что было, впрочем, возможно благодаря притоку к ним чужестранцев, которых привлекали их простые и благочестивые нравы и которые постоянно пополняли их численность. То был целый народ, предпочитавший скорее исчезнуть с лица земли, чем оскверниться в объятиях женщин, и скорее потерять сонмы людей, чем зачать хоть одного человека. Передают, что Зенон лишь один-единственный раз имел дело с женщиной, да и то, можно сказать, из вежливости, дабы о нем не подумали, что он упорный ненавистник этого пола [139]. Всякий избегает присутствовать при рождении человека, и всякий торопится посмотреть на его смерть. Чтобы уничтожить его, ищут просторное поле и дневной свет; чтобы создать его — таятся в темных и тесных углах. Почитается долгом прятаться и краснеть, чтобы создать его, и почитается славой — и отсюда возникает множество добродетелей — умение разделаться с ним. Одно приносит позор, другое — честь, и получается совсем как в том выражении, которое, как говорит Аристотель, существовало в его стране и согласно которому оказать кому-нибудь благодеяние означало убить его.

Афиняне, дабы подчеркнуть, что они испытывают равную неприязнь как к первому, так и к второму, и стремясь освятить остров Делос и оправдаться пред Аполлоном, воспретили в пределах этого острова и роды и погребения [140].

Nostri nosmet poenitet *.

Наше существование мы считаем порочным.

Известны народы, у которых принято есть, накрывшись [142]. Я знаю одну даму — и из самого высшего круга, — которая уверяет, что смотреть на жующих малоприятно и что при этом они очень теряют в привлекательности и красоте, так что на людях она крайне неохотно притрагивается к пище. И я знаю одного человека, который не выносит ни вида едящих, ни того, чтобы кто-нибудь видел его за едой, и он больше избегает чьего-либо присутствия, когда наполняет себя, чем когда облегчается.

В империи Султана можно встретить множество людей, которые, дабы возвыситься над остальными, насыщаются так, чтобы никто их при этом не видел, и они делают это всего раз в неделю; которые раздирают

* Мы стыдимся самих себя [141] (*лат.*).

и надрезывают себе лицо и другие части своего тела; которые никогда ни с кем не перемолвятся ни единым словом, — все это люди, считающие, что они воздают честь своему естеству, лишая его естественности, возвышаются, уничижаясь, и улучшаются, портя себе жизнь [143].

Но до чего же чудовищно животное, которое внушает ужас самому себе, которому его удовольствия тягостны и которое по собственной воле обрекает себя несчастьям!

Есть и такие, которые таят свою жизнь,

Exilioque domos et dulcia limina mutant *,

и прячут ее от других, которые бегут от здоровья и веселости, как от качеств злостных и пагубных. И не только немало сект, но и немало народов проклинает свое рождение и осыпает благословеньями смерть. Есть и такой народ, которому солнце представляется отвратительным и который поклоняется мраку [145].

Мы щедры на выдумки лишь в одном, а именно, как бы причинить себе зло, и оно, поистине, дичь, гонясь за которой, мы растрачиваем силы своего ума, этого опасного орудия нашей беспутности!

O miseri! quorum gaudia crimen habent **.

О несчастный человек! У тебя и так достаточно неотвратимых невзгод, а ты еще умножаешь их надуманными; ты и так достаточно жалок, незачем тебе умышленно делать свою участь еще более жалкой. У тебя более чем довольно ощутительных и самых что ни на есть настоящих уродств, чтобы создавать вдобавок и воображаемые. Ужели ты мнишь, что слишком благоденствуешь, если к твоему благоденствию не примешивается неудовольствие? Ужели ты мнишь, что выполнил все обязанности, которые на тебя возложила природа, и что она покинет тебя или перестанет тебя направлять, если ты не возьмешь на себя новых? Ты ничуть не страшишься преступать ее бесспорные и всеобъемлющие законы и цепляешься за свои собственные, фантастические и личные, и чем причудливее, туманнее и противоречивей эти законы, тем больше ты силишься следовать им. Непреклонные правила, которые ты сам изобрел, и правила, принятые в твоем приходе, владеют тобой и связывают тебя, но божественные установления и законы всего мироздания нисколько тебя не трогают. Окинь взглядом примеры, подтверждающие эти мои слова: в них — вся твоя жизнь.

Стихи двух поэтов, повествующих о любострастии со свойственной им сдержанностью и скромностью [147], раскрывают, как мне кажется, и освещают его с возможною полнотой. Дамы прикрывают грудь кружевами, священники набрасывают покровы на многие предметы священной утвари, художник накладывает тени на произведения, созданные его искусством, чтобы тем ярче заиграл на них свет, и, как говорят, лучи солнца и дуно-

* Меняют дома и милый порог на изгнание [144] (*лат.*).
** О несчастные! В радости видят они преступление [146] (*лат.*).

вения ветра наделены большей силою не тогда, когда они прямые, как нитка, но когда они преломляются. Один египтянин мудро ответил тому, кто спросил его: «Что ты прячешь там под плащом?» — «Потому-то оно и спрятано под плащом, чтобы ты не знал, что там такое» [148]. Но существуют иные вещи, которые только затем и прячут, чтобы их показать. Послушайте-ка вот этого: он не в пример откровеннее,

Exilioque domos et dulcia limina mutant *,

да я читаю эти слова, точно бесполое существо. Сколько бы Марциал ни задирал Венере подол, ему все равно не показать ее в такой наготе. Кто говорит все без утайки, тот насыщает нас до отвала и отбивает у нас аппетит; кто, однако, боится высказать все до конца, тот побуждает нас присочинять то, чего нет и не было. В скромности этого рода таится подвох, и он-то выводит нас, как эти двое [150], на упоительную дорогу воображения. И в делах любви и в изображении их должна быть легкая примесь мошенничества.

Мне нравится любовь у испанцев и итальянцев; она у них более почтительная и робкая, более чопорная и скрытная. Не знаю, кто именно заявил в древности, что ему хочется иметь глотку такую же длинную, как журавлиная шея, дабы он мог подольше наслаждаться тем, что глотает. Подобное желание, по-моему, еще уместнее, когда дело идет о столь бурном и быстротечном наслаждении, как любовное, и особенно у людей вроде меня, склонных к поспешности. Чтобы задержать и продлить удовольствие в предвкушении главного, испанцы и итальянцы используют все, что усиливает взаимную благосклонность и взаимное влечение любящих: взгляд, кивок головой, слово, украдкой поданный знак. Кто обедает запахом жаркого и ничем больше, не сберегает ли груду добра? Ведь это такая страсть, в которой существенного и осязательного самая малость, а все остальное — суетность и лихорадочный бред; отплачивать и служить ей следует тем же. Так давайте научим дам набивать себе цену, относиться к себе самим с уважением, доставлять нам развлечение и плутовать с нами. Мы начинаем с того, чему подобает быть завершением, и здесь, как повсюду, — причина в нашей французской стремительности. Затягивая милости дам и смакуя каждую такую милость в подробностях, любой из нас, вплоть до печальной и жалкой старости, будет располагать, в меру своих сил и достоинств, хоть каким-нибудь их лоскутком. Но кто не знает других наслаждений, кроме этого наслаждения, кто жаждет лишь сорвать банк, кто любит охоту лишь ради добычи, тому незачем идти в нашу школу. Чем больше пролетов и ступеней на лестнице, тем выше и почетнее место, которого вы достигаете, поднявшись по ней. Нам должно нравиться, когда нас ведут, как это бывает в великолепных дворцах, через всевозможные портики и переходы, длинные и роскошные галереи, делая множество поворотов. Это отвлечение идет нам на пользу; мы задерживаемся и любим дольше; без надежд и желаний

* Я прижал ее нагую к моему телу [149] (*лат.*).

мы не доберемся ни до чего стоющего. Нет для женщины ничего опаснее и страшнее, чем наше господство и безраздельное обладание ею: едва они отдают себя во власть нашей честности и нашего постоянства, как их доля делается сомнительной и незавидной. Это — добродетели редкие, и соблюдать их до крайности трудно; как только женщина становится нашей, мы перестаем ей принадлежать.

Postquam cupidae mentis satiata libido est
Verba nihil metuere, nihil periuria curant *.

И юноша-грек Фрасонид был настолько влюблен в свою собственную любовь, что, завоевав сердце возлюбленной, не пожелал насладиться ею из опасения убить, насытить и угасить наслаждением то беспокойное горение страсти, которым он так гордился и которое питало его [152].

Лакомствам придает вкус их цена. Заметьте, насколько ныне принятый способ здороваться, особенно распространенный в нашем народе, снизил, ввиду их доступности, значение и очарование поцелуев, о которых Сократ говорит, что они так всесильны и так легко похищают наши сердца [153]. Пренеприятный и наносящий оскорбление дамам обычай — подставлять свои губы всякому, кого сопровождает трое лакеев, как бы противен он ни был,

Cuius livida naribus caninis
Dependet glacies rigetque barba:
Centum occurrere malo culilingis **.

Да и мы, мужчины, ничего от него не выигрываем, ибо, — так уж устроен мир, — чтобы поцеловать трех красавиц, надо проделать то же самое с полусотней дурнушек. А для желудка нежного и чувствительного, каков он у людей моего возраста, невкусный поцелуй обходится много дороже вкусного.

В Италии находятся поклонники и воздыхатели даже у тех, кто торгует собою, и эти влюбленные в свое оправдание говорят следующее: в наслаждении может быть несколько степеней, и своими ухаживаниями они жаждут добиться той, где оно наиболее самозабвенно и целостно. Женщины эти торгуют только своим телом; волю их невозможно пустить в продажу, она для этого слишком независима и своенравна. Таким образом, их поклонники заявляют, что хотят завоевать волю, и их желание вполне обоснованно. Именно за волей нужно ухаживать, именно ее нужно пленять. Я не могу представить себе без содрогания свое тело свободным от всякого чувства влюбленности, и мне кажется, что подобное исступленное и голое вожделение мало чем отличается от вожделения юноши, набросившегося в любовном чаду на чудесное изваяние Венеры, созданное

* Удовлетворив вожделение нашей жадной души, мы не боимся нарушать свое слово и не помышляем о наших клятвах [151] (*лат.*).
** У кого из собачьих ноздрей свисает голубоватый лед, а борода — словно сосулька, того мне было бы во сто раз приятнее поцеловать в зад [154] (*лат.*).

Праксителем [155], или от вожделения того бешеного египтянина, который воспылал страстью к трупу, отданному ему для бальзамирования и облачения в погребальное одеяние, — последнее и дало повод к обнародованию закона, введенного позднее в Египте и содержавшего в себе предписание выдерживать трое суток трупы молодых и красивых женщин, а также женщин знатного рода и лишь после этого доверять их тем, кому будет поручено приготовить их к погребению [156]. А Периандр — его поступок еще чудовищнее, ибо, охваченный супружеским влечением (более упорядочным и правомерным), он наслаждался и со своей покойной женою Мелиссой [157].

Не является ли подлинно лунатической причудой Луны то, что она, не имея возможности наслаждаться с Эндимионом, своим милым, усыпила его на несколько месяцев, чтобы трепетать от счастья с юношей, содрогавшимся только во сне? [158]

Равным образом, я утверждаю, что любить тело без его согласия и желания — то же самое, что любить тело без души и без чувств. Наслаждение никоим образом не одинаково: бывают наслаждения, так сказать, чахоточные и чахлые: тысячи других причин, кроме благоволения, могут доставить нам эту снисходительность женщин. Она не может быть сочтена достаточным свидетельством их влечения; в ней может таиться предательство, как и во всем остальном; порою они участвуют в любовном соитии только своими бедрами и ничем больше,

tanquam thura merumque parent:
Absentem marmoreamve putes *.

Я знаю таких, которые предоставляют вам это охотнее, чем свою карету, и которые не знают других видов общения, кроме этого. Нужно выяснить, нравится ли им ваше общество еще чем-нибудь, или вы нужны им только для этого, как какой-нибудь здоровенный конюх, и как они к вам относятся, и насколько вас ценят,

tibi si datur uni,
Quo lapide illa diem candidiore notet **.

А что, если она насыщается вашим хлебом, сдабривая его вкусной подливкой, изготовленной ее воображением?

Te tenet, absentes alios suspirat amores ***.

Не видели ли мы в наши дни кое-кого, кто использовал любовные ласки, чтобы свершить ужасную месть, чтобы отравить и убить в эти мгновения, как он и сделал, честную и ни в чем не повинную женщину?

Кто знает Италию, те никогда не сочтут странным, если я не стану отыскивать для своей темы примеры в каком-нибудь ином месте, ибо в де-

---

* Словно они приготовляют благовония и вино: так что иная кажется тебе отсутствующей или мраморным изваянием [159] (*лат.*).

** Если она отдается тебе одному, то камешком побелее отмечает этот день [160] (*лат.*)

*** Обнимает тебя, но вздыхает от любви к кому-то отсутствующему [161] (*лат.*).

лах этого рода она ведет, можно сказать, за собою весь мир. Женщины Италии чаще всего хороши собою, и безобразных там меньше, чем среди нас; но что касается редкостных и совершенных красавиц, в этом отношении, по-моему, у нас с нею полное равенство. То же я думаю и об уме итальянцев. Умов, скроенных на обычный лад, у них много больше, да и грубости у них несомненно не в пример меньше нашего; но что касается душ необыденных и вознесенных высоко над всеми другими, то в этом мы им не уступим. Если б мне нужно было распространить это сравнение и на все остальное, я мог бы сказать, кажется, что доблесть, напротив, по их же оценке, у нас повсеместна и дана нам от природы; зато у них ее видишь порою такой законченной и неодолимой, что она превосходит все те примеры, которые мы могли бы найти у себя. Браки в этой стране, однако, прихрамывают, и вот в чем их слабость: итальянские нравы обычно предписывают женщинам законы такие суровые и до того рабские, что даже самое далекое знакомство с кем-нибудь посторонним карается у них так же строго, как и самое близкое. От этого проистекает, что всякое сближение поневоле становится у них любовною связью, и так как за все в равной мере нужно держать ответ, они не очень-то колеблются в выборе. И если такая-то преступила эти границы, то знайте, что она вся в огне: luxuria ipsis vinculis, sicut fera bestia, irritata, deinde emissa *. Нужно немножко ослабить поводья, на которых их держат:

Vidi ego nuper equum, contra sua frena tenacem,
Ore reluctanti fulminis ire modo **.

Жажда общения заметно ослабевает, если ей предоставить хоть некоторую свободу.

Мы подвергаемся почти такой же опасности, как итальянцы. Они доходят до крайностей в стеснении своих женщин, мы — в предоставлении им свободы. У нашего народа есть хороший обычай, состоящий в том, что наших детей принимают в богатые и знатные семьи пажами, дабы растить их там и воспитывать в своего рода школе знатности и благородства. И отказать дворянину в этом — как говорят, вопиющая нелюбезность и оскорбление. Я заметил (ибо в каждом доме свои порядки и нравы), что дамы, пожелавшие предписать состоящим в их свите девицам наиболее строгие правила, добились этим не очень-то многого. Здесь требуется умеренность; определяя, как им подобает себя вести, нужно во многом полагаться на их собственную скромность, ибо, как ни старайся, нет такой дисциплины, которая могла бы обуздать их во всем. Но верно и то, что девица, которой посчастливилось, пройдя свободное воспитание, ускользнуть от соблазнов и сохранить целомудрие, внушает гораздо

---

* Сладострастие подобно дикому зверю, которого держат в путах, чтобы вызвать в нем ярость, а затем выпускают [162] (*лат.*).

** Я недавно видел коня, который, злясь на свою узду и норовя ее перегрызть, летел словно молния [163] (*лат.*).

больше доверия, нежели та, которую такая же школа сделала суровой и неприступной.

Наши отцы стремились добиться благопристойного поведения своих дочерей, вселяя в них стыдливость и страх (впрочем, их сердца и желания были такими же), а мы — дерзость, ибо в этих вещах мы решительно ничего не смыслим. Это пристало каким-нибудь савроматам, у которых женщине дозволялось лечь вместе с мужчиною лишь после того, как она своими руками убьет на войне мужчину [164]. Что до меня, чьи права покоятся только на их добром желании выслушивать мое мнение, то я буду доволен, если женщины станут обращаться ко мне как к советчику, принимая во внимание привилегии моего возраста. И я посоветую им (как и нам) воздержность; но поскольку наш век с нею в таких неладах, пусть женщины не нарушают, по крайней мере, благопристойности и приличий. Ибо, как повествуется в рассказе об Аристиппе, он ответил тем юношам, которым стало за него стыдно, когда они увидели его входящим к гетере: «порок в том, чтобы не выходить отсюда, а не в том, чтобы сюда войти» [165]. Кто не хочет сохранять в чистоте свою совесть, пусть сохранит незапятнанным хотя бы имя: если сущность не заслуживает доброго слова, пусть стоит его хотя бы внешность.

Я одобряю тех женщин, которые жалуют нам свои милости постепенно и растягивая их на длительный срок. Платон говорит, что во всяком виде любви доступность и готовность не приличествуют тем, кого домогаются [166]. Если женщины сдаются с легкостью и поспешностью, не оказывая сопротивления, — это свидетельствует об их жадности к наслаждению, а им подобает скрывать ее со всем их искусством и ловкостью. Распределяя свои дары умеренно и последовательно, они гораздо успешнее распаляют наши желания и прячут свои. Пусть они всегда убегают от нас, и даже те среди них, кто не прочь позволить себя поймать, — они верней побеждают нас, убегая, как делали скифы. И действительно, в соответствии с теми особенностями, которыми их наделила природа, им не дано выражать свои чаянья и желания, — их доля терпеть, подчиняться и уступать; вот почему природа вложила в них никогда не угасающее влечение, у нас сравнительно редкое и достаточно смутное; их час бьет в любое мгновение, дабы они были неизменно готовы, когда бы ни пробил наш, — pati natae *. И пожелав, чтобы наше вожделение выказывало и явно выражало себя, природа сделала так, чтобы у них оно таилось внутри, и снабдила их ради этого органами, неспособными его обнаруживать и пригодными лишь к обороне.

Настойчивость в делах подобного рода подобает лишь свободе, царившей в племени амазонок. Александр, проходя по Гиркании, встретился с царицею амазонок Фалестрис, поспешившей к нему с тремястами воинов своего пола — на отличных конях и отлично вооруженных, — опередив все свое сильное войско, которое следовало за ней и находилось по ту сторону ближних гор. Она прямо и открыто сказала, что слух о его по-

* Рожденные для подчинения [167] (*лат.*).

бедах и доблести привел ее в эти места, чтобы увидеть его и предложить ему все, в чем он нуждается, а также свое могущество, и оказать ему таким образом помощь в его предприятиях; и что, увидев его столь прекрасным, юным и мощным, она, столь же совершенная, советует ему разделить с нею ложе, дабы от самой доблестной в мире женщины и самого доблестного из всех ныне живущих мужчин родилось для будущего нечто великое и поистине редкостное. Александр поблагодарил ее за все остальное и, согласившись исполнить последнюю из ее просьб, остановился тут на тринадцать дней, и пировал в течение этого срока так весело и беззаботно, как только мог, в честь столь смелой властительницы [168].

Мы почти во всем — несправедливые судьи совершаемых женщинами поступков, как они — наших. Я признаюсь в истине, когда она мне во вред, ничуть не меньше, чем когда она мне на пользу. Отвратительное распутство — вот что так часто заставляет женщин менять возлюбленных и мешает им сосредоточить свое чувство на ком-либо одном, кем бы он ни был, как мы это видим на примере той самой богини, которой приписывается столько измен и дружков [169]; но, с другой стороны, верно и то, что природа любви не терпит, чтобы она была лишена пылкости, а природа пылкости — чтобы любовь была прочной. И те, кто удивляется этому, сокрушается по этому поводу и выискивает причины этой болезни в женщинах, считая ее чем-то противоестественным и поразительным, почему-то не видят, до чего часто они сами заражаются ею, нисколько не пугаясь ее и не находя в ней ничего необычного! Было бы, пожалуй более странным, если бы любовь могла оставаться неизменною: ведь это не просто телесная страсть; если нет предела алчности и честолюбию, то точно так же нет предела и распутству. Оно не прекращается с пресыщением, и ему нельзя предписать, чтобы оно удовлетворилось раз навсегда, как нельзя положить ему навеки предел: оно неизменно влечется к тому, что вне его власти, и, пожалуй, женщинам оно в некоторой мере простительнее, чем нам. Они могут ссылаться в свое оправдание, наравне с нами, на свои склонности, такие же, как у нас, на потребности в разнообразии и новизне, но, кроме того, и на то, на что мы ссылаться не можем, а именно, что они, как говорится, покупают кота в мешке (Иоанна, неаполитанская королева, повелела удавить своего первого мужа Андреаццо на решетке окна своей спальни изготовленным ею собственноручно шнурком из золотых и шелковых нитей, и все из-за того, что не обнаружила в нем на супружеском ложе ни силы, ни усердия, которые отвечали бы упованиям, возникшим в ней при виде его прекрасного стана, красоты, молодости и прочих особенностей телосложения — всего того, что пленило и обмануло ее [170].) Наконец, они могут сказать, что действовать всегда много труднее, чем терпеть и оставаться в бездействии, и если их не пугают трудности, то это, по крайней мере, вызвано необходимостью, тогда как у нас дело может обстоять совсем по-иному. Именно по этой причине Платоновы законы мудро повелевают, чтобы судьи, заботясь о прочности браков, подвергали осмотру собирающихся жениться юношей раздетыми донага, а девушек обнаженными только до пояса [171].

Испытав наши объятия, женщины порою находят, что мы недостойны быть их избранниками,

> Experta latus, madidoque simillima loro
> Inguina, nec lassa stare coacta manu,
> Deserit imbelles thalamos *.

Не все зависит от воли, сколь бы добропорядочной она ни была. Мужское бессилие и недостаточность служат законными поводами к разводу:

> Et quaerendum aliunde foret nervosius illud,
> Quod posset zonam solvere virgineam **,

а почему бы и нет? Почему бы в соответствии со своими потребностями женщине не искать возлюбленного более проницательного, жадного и неутомимого,

> si blando nequeat superesse labori ***.

Но не величайшее ли бесстыдство приносить наши слабости и недостатки туда, где мы жаждем понравиться и оставить по себе хорошее мнение и добрые воспоминания? Несмотря на ничтожность того, что мне ныне нужно,

> ad unum
> Mollis opug ****,

я не хотел бы вызвать досаду в той, перед кем мне полагается благоговеть и чьего неудовольствия я должен страшиться:

> Fuge suspicari,
> Cuius undenum trepidavit aetas
> Claudere lustrum *****.

Природе надлежало бы ограничиться тем, что она сделала пожилой возраст достаточно горестным, и не делать его к тому же еще и смешным. Мне противно смотреть на того, кто, обретая трижды в неделю жалкую крупицу любовного жару, суетится и петушится в этих случаях с такою горячностью, как если бы ему предстоял целый день доблестных и великих трудов, — настоящий пороховой шнур, да и только. И я дивлюсь на его горение, столь бурное и стремительное, которое, однако, мгновенно сникает и гаснет. Этому безудержному влечению подобало бы быть принадлежностью лишь цветущей поры нашей неповторимой юности. Попытайтесь-ка ради проверки поддержать этот пылающий в вас неутомимый, яркий, ровный и жгучий огонь, и вы убедитесь, что он изменит вам посере-

---

* Испробовав все способы вызвать страсть в своем муже, она покидает безрадостное брачное ложе [172] (*лат.*).

** И приходится искать кого-то более мужественного, кто мог бы развязать девический пояс [173] (*лат.*).

*** Если он не в силах справиться со сладостным трудом [174] (*лат.*).

**** Едва способному сойтись с женщиной хотя бы разок [175] (*лат.*).

***** Не нужно остерегаться того, чей возраст близится к пятидесяти пяти годам [176] (*лат.*).

дине дороги и в самую решительную минуту! Лучше дерзко несите его к какой-нибудь хрупкой юной девице-полуребенку, испуганной и неопытной в этих делах и все еще дрожащей и краснеющей, лежа в ваших объятиях,

Indum sanguineo veluti violaverit ostro
Si quis ebur, vel mista rubent ubi lilia multa
Alba rosa *.

Но кто сможет дождаться рассвета и не умереть от стыда, прочитав презрение в этих прекрасных глазах — свидетелях вашей подлости и наглой самоуверенности,

Et taciti fecere tamen convicia vultus **,

тот никогда не ощущал удовлетворения и гордости собою самим от того, что его усердие и неутомимое рвение в минувшую ночь заставило их померкнуть и потускнеть. Когда я замечал, что та или иная моя подруга начинает мной тяготиться, я не торопился обвинять ее в легкомыслии; я принимался раздумывать, нет ли у меня оснований обижаться скорей на природу. Это, конечно, она обошлась со мной несправедливо и нелюбезно [179],

Si non longa satis, si non bene mentula crassa:
Nimirum sapiunt, videntque parvam
Matronae quoque mentulam illibenter,

и нанесла мне величайший ущерб.

Любая моя принадлежность в такой же мере является частичкою моего «я», как и все остальное. И никакая другая не делает меня мужчиною в подлинном смысле слова больше, чем эта.

Я должен нарисовать для читателей мой портрет во всех частностях и подробностях. Вся мудрость моих наставлений — в их правдивости, независимости, существенности; презирая мелочные, надуманные, обиходные и никчемные правила, она не находит их для себя обязательными; она целиком естественна, неизменна, всеобъемлюща; учтивость и церемонность — лишь побочные ее дочери. Мы легко одолеем внешние недостатки, если победим внутренние. А разделавшись с ними, примемся за какие-нибудь другие, если решим, что от них нужно избавиться. Ведь существует опасность, что, стремясь извинить наше пренебрежение своими естественными обязанностями, мы измыслим для себя новые и постараемся свалить те и другие в общую кучу. А что дело обстоит именно так, подтверждается тем, что в местах, где проступки считаются преступлениями, преступления считаются не более чем проступками и что народы, у которых законы благоприличия менее многочисленны и более снисходительны,

* Словно индийская слоновая кость, обрызганная кровавым пурпуром, или алые лилии, перемешанные с белыми розами [177] (*лат.*).

** И на ее лице был безмолвный укор [178] (*лат.*).

нежели принятые у нас, не в пример лучше нашего соблюдают законы естественные и всеобщие, ибо бесчисленное множество обременяющих нас обязанностей подавляет, изматывает и сводит на нет наше старание. Приверженность к малым делам отвлекает нас от насущно необходимых. До чего же путь, избранный этими безмятежными и бесхитростными людьми, легче и похвальнее нашего! Ведь все, чем мы прикрываемся и чем платим друг другу дань, — бесплотные тени. А ведь судье, великому и всесильному, срывающему с наших срамных мест тряпье и лохмотья и не брезгающему смотреть на нас в чем мать родила, как и на наши испражнения, мы не платим никакой дани и тем самым умножаем свой долг перед ним. Это проявление благопристойности, внушенной нам поистине девическою стыдливостью, могло бы быть очень полезным, если бы препятствовало ему обнаруживать наши мерзости. Короче говоря, отучив людей от излишней щепетильности в выборе выражений, мы не причиним миру большого вреда. Наша жизнь складывается частью из безрассудных, частью из благоразумных поступков. Кто пишет о ней почтительно и по всем правилам, тот умалчивает о большей ее половине. Я ни в чем сам перед собою не извиняюсь; если бы я когда-нибудь это делал, то извинялся бы скорее за свои извинения, чем за что-либо другое. Но извиняюсь я перед теми, кого, как мне сдается, больше, чем тех, кто на моей стороне. Имея в виду именно их, я еще скажу следующее (ибо мне хочется угодить всем и каждому, а это дело исключительно трудное, esse unum hominem accommodatum ad tantam morum ac sermonum et voluntatum varietatem *), чтобы они не бранили меня за приводимые мной на этих страницах слова общепризнанных и одобряемых всеми авторитетов; и еще я хочу добавить, что несправедливо лишать меня, только из-за того, что в моих сочинениях отсутствует рифма, той снисходительности, которою пользуется в наш век столько моих соотечественников, и среди них лица духовные, и притом занимающие очень высокое положение.

Вот два примера:

> Rimula, dispeream, ni monogramma tua est.
>
> Un vit d'ami la contente et bien traicte **.

А сколько других? Я люблю скромность и отнюдь не умышленно избрал этот рискованный способ изложения своих мыслей; он избран для меня самою природой. Я не восхваляю его, как не восхваляю и других форм обхождения, противоречащих общепринятым, но я его извиняю и, исходя как из общих, так и из частных соображений, нахожу для него целый ряд смягчающих обстоятельств. Но продолжим. Равным образом, откуда может проистекать то присвоение нами верховной власти, которое

---

* Быть человеком, приспособленным к такому многообразию нравов, речей и желаний [180] (*лат.*).

** Щелочка! Я поручусь — это твоя монограмма (*лат.*). Пестик друга и нежит ее и ласкает [181] (*фр.*).

мы позволяем себе по отношению к женщинам, расточающим нам милости за свой собственный счет? И почему,

Si furtiva dedit nigra munuscula nocte *,

мы тотчас же принимаемся проявлять по отношению к такой женщине своекорыстие, супружескую власть и супружеский холодок? Это ведь свободное соглашение; так на каком основании мы не считаем для себя обязательным выполнять его так же, как хотим, чтобы его выполняли женщины? Где все покоится на добровольных началах, там нет места для приказаний.

Хотя это и противоречит общему правилу, но, вступая в свое время в подобные сделки, я и вправду соблюдал, насколько это можно совместить с их природою, все вытекающие из них обязательства с честностью и добросовестностью, которой придерживался в других сделках, и притом не забывая о справедливости; и при таких отношениях с женщинами я всегда изображал им свою страсть такою, какою она представлялась мне самому, сообщая со всей искренностью и непосредственностью о ее ослаблении, ее пылкости, ее зарождении, ее приливах и ее отливах. Ведь не всегда идешь одной и той же походкой. Я был настолько скуп на обещания, что неизменно давал, как мне кажется, сверх того, что было мною обещано и что я должен был дать. И я был настолько верен моим возлюбленным, что порою даже содействовал их изменам. Я говорю об изменах, в которых они мне признавались и которые, случалось, совершали неоднократно. И никогда я с этими женщинами не рвал, если меня привязывала к ним хотя бы тончайшая ниточка; а в тех немногочисленных случаях, когда они вынуждали меня пойти на разрыв, я порывал с ними так, что не уносил с собой ни презрения к ним, ни ненависти, ибо близость этого рода, даже тогда, когда она дарується нам на самых постыдных для женщин условиях, заслуживает хотя бы крупицы признательности. Что касается гнева и нетерпения, хватавших у меня иногда несколько через край, то от них я не всегда мог удержаться; это бывало, когда меня донимали женские хитрости и отговорки и когда у нас разгорались ссоры, ибо по своему душевному складу я подвержен внезапным вспышкам, которые мне часто вредят в отношениях с людьми и в делах, хотя они кратковременны и не очень яростны. Если мои приятельницы выражали желание, чтобы я говорил о них со всей откровенностью, я никогда не вилял, не уклонялся от отеческих и нелицеприятных советов и пощипывал их там, где им было от этого больно. И если они впоследствии вспоминали обо мне с теплым чувством и сожалением, то это происходило главным образом потому, что они находили во мне — и особенно по сравнению с современными нравами — любовь на редкость и до нелепости совестливую. Я свято соблюдал свое слово и в таких случаях, когда меня от него легко могли бы освободить; в те времена женщины порою сдавались, не заботясь о своем добром имени и условиях, которые они легко позволяли нару-

* Если таясь, темною ночью она подарила тебе свои милости [132] (*лат.*).

шать победителю. Что до меня, то, заботясь об их чести, я не раз отказывался от наслаждения в самый разгар его; и когда меня побуждало к этому благоразумие, я сам вкладывал в руки женщин оружие против меня, и если они со всей искренностью следовали преподанным мною правилам, то вели себя и более рассудительно и более строго, чем если бы руководствовались своими собственными.

Я всегда принимал риск, связанный с нашими встречами, по возможности на себя одного, дабы полностью снять его с них. И я всегда устраивал наши свидания в местах, казалось бы, непригодных для этого и неожиданных, потому что это подает меньше поводов к подозрениям и, сверх того, по-моему, гораздо спокойнее и безопаснее. Чаще всего любовников накрывают именно там, где, по их мнению, им всего безопаснее. Чего меньше боятся, против того меньше принимают меры предосторожности и за тем меньше следят; и с большей решимостью можно отважиться на то, на что, по общему мнению, вы не отважитесь и что становится легким вследствие своей трудности.

Никто никогда не занимался любовью так несуразно, как я. Этот способ любить более добропорядочен, но кому, как не мне, знать, насколько он смешон для моих соотечественников и как малоуспешен. И все же я нисколько и ни в чем не раскаиваюсь; да и терять мне теперь больше нечего:

me tabula sacer
Votiva paries indicat uvida
Suspendisse potenti
Vestimenta maris deo *.

Пришла пора сказать об этом открыто. Но совсем так же, как я сказал бы при случае всякому: «Друг мой, ты бредишь; в твое время любовь имеет мало общего с искренностью и честностью».

haec si tu postules
Ratione certa facere, nihilo plus agas,
Quam si des operam, ut cum ratione insanias **;

если бы мне пришлось начинать сызнова, я бы пошел, наперекор всему, той же походкой и по той же дороге, сколь бы бесплодным это для меня ни было. Бездарность и глупость в том, что непохвально, — похвальны. Чем дальше я отхожу от общего взгляда на эти вещи, тем ближе я подхожу к своему.

И все же я не позволял себе погружаться в подобные дела с головой; я получал удовольствие, но не забывался; я полностью сохранял в себе ту малую толику здравого смысла и рассудительности, которыми меня наде-

---

* Эта вотивная табличка на священной стене указывает, что я посвятил мои влажные одежды могущественному богу моря [183] (*лат.*).

** Если ты стремишься делать это обдуманно, то добьешься только того, что будешь обдуманно безумствовать [184] (*лат.*).

лила природа, чтобы они всегда могли быть к услугам как женщин, так и моим; я бывал немного взволнован, но не впадал в беспамятство. Бывало, что я поступал вопреки своей совести и доходил до излишеств и до распутства, но что касается неблагодарности, предательства, злобы и жестокости — нет, в этом я неповинен. Я не покупал наслаждения любой ценой; я платил за него не больше, чем оно действительно стоило. Nullum intra se vitium est *. В почти равной мере мне ненавистны как сонная и оцепеневшая праздность, так и усеянная шипами, докучная занятость. Одна меня усыпляет, другая держит в тисках. По мне все равно — что раны, что побои; что порезы, что синяки. Когда я был пригоднее к этим делам, я умел держаться должной умеренности, пребывающей посередине между обеими крайностями. Любовь — бодрое, оживленное, веселое возбуждение; она никогда не вселяла в меня тревогу, и я никогда от нее не терзался; я бывал ею разгорячен, и она вызывала у меня жажду: на этой черте и следует останавливаться; любовь вредна лишь глупцам.

Один юноша спросил у философа Панэция, пристойно ли мудрецу влюбляться. Тот ответил: «Оставим мудреца; а вот ты да я, отнюдь не мудрецы, давай-ка лучше остережемся столь беспокойной и буйной страсти, порабощающей нас другому и внушающей нам презрение к себе» [186]. Он был прав, утверждая, что столь неукротимую по своей сущности страсть нельзя доверять душе, бессильной устоять перед ее натиском и лишенной средств опровергнуть на деле мнение Агесилая, считавшего, что благоразумие и любовь несовместимы [187]. Любовь — и вправду занятие непристойное, постыдное и недозволенное; но если не выходить из указанных мною рамок, она, по-моему, делается целительною, способной расшевелить отяжелевшие ум и тело; и будь я врачом, я бы с такой же готовностью, как и всякие другие лекарства, прописывал ее людям моего сложения и образа жизни, дабы возбуждать и поддерживать их в пожилом возрасте и тем самым замедлить наступление старости. И пока мы еще на окраине, пока у нас бьется пульс,

Dum nova canities, dum prima et recta senectus,
Dum superest Lachesi quod torqueat, et pedibus me
Porto meis, nullo dextram subeunte bacillo **,

необходимо, чтобы нас будоражило и подстегивало какое-нибудь сильное возбуждение, а его-то и приносит с собою любовь. Взгляните-ка, сколько молодости, мощи и бодрости вернула она мудрому Анакреонту! [189] А Сократ, когда он был старше меня, говоря о том, к кому его влекло любовное чувство, рассказывает: «Опершись плечом о его плечо и приблизив голову к его голове так, чтобы нам обоим можно было смотреть в ту же книгу, я внезапно почувствовал — и в этом нет ни капельки лжи, — как в мое плечо вонзилось острое жало, точно меня укусил

* Ничто не является пороком само по себе [185] (*лат.*).

** Пока седина лишь начинает у меня проступать, пока я в самом начале старости и еще не сгорбился, пока у Лахесис есть еще из чего прясть мою нить и я держусь на ногах, не опираясь рукою о палку [188] (*лат.*).

какой-нибудь зверь; после этого я в течение пяти дней ощущал в том же месте резкое жжение, вливавшее в мое сердце непрерывно мучившее меня желание»[190]. Прикосновение, и к тому же случайное, и не более чем плечом, разгорячило и опалило душу, успевшую с годами охладеть и увянуть, и притом душу, намного опередившую все остальные на стезе самоусовершенствования! А почему бы и нет? Сократ был человек и не хотел ни быть, ни казаться чем-либо иным.

Философия нисколько не ополчается против страстей естественных, лишь бы они знали меру, и она проповедует умеренность в них, а не бегство от них; ее усилия в борьбе с ними направлены лишь против тех страстей, которые чужды нашей природе и привносимы извне. Она говорит, что побуждения нашего тела не должно усиливать измышлениями ума, и мудро предостерегает нас от желания возбуждать в себе голод пресыщением, от желания набить свой живот вместо того, чтобы его наполнить; она увещевает избегать всякого наслаждения, заставляющего нас алкать еще больше, избегать еды и питья, обостряющих наши голод и жажду; так и в любви она предписывает нам избирать для себя предмет, утоляющий потребность нашей плоти, но не задевающий нашей души, которая должна оставаться невозмутимой, и единственное, что ей надлежит делать, это — следовать по пятам за плотью и ей соприсутствовать[191]. Но разве у меня нет достаточных оснований считать, что эти предписания философии, — к тому же, по-моему, слишком суровые, — относятся лишь к такой плоти, которая безотказно выполняет свои обязанности, и что, следовательно, изнуренную плоть, так же как и вялый желудок, извинительно согревать и поддерживать искусственно, усилием воображения возвращая ей бодрость и чувственное влечение, раз она их утратила?

Не можем ли мы сказать, что в нас, пока мы пребываем в этой земной темнице, нет ничего ни чисто плотского, ни чисто духовного и что мы беспощадно разрываем на части живого человека; и разве, как мне кажется, не было бы гораздо справедливее, если бы мы относились к принятым среди нас любовным утехам по крайней мере с таким же сочувствием, какое испытываем к страданию? Оно, например, доходило в душе у святых, всем своим существом предававшихся покаянию, можно сказать, до крайних пределов; и вследствие тесных уз, связывающих плоть с душою, плоть, разумеется, тоже несла при этом свою долю страдания, хотя могла быть и непричастной к причине, его породившей; и все же этим святым было мало, чтобы плоть лишь следовала за скорбящей душой и ей соприсутствовала; они подвергали ее жестоким и только ей одной предназначенным истязаниям, дабы и душа и плоть, соревнуясь друг с другом, погружали человека в страдание, тем более благотворное, чем оно было мучительней.

Подобным же образом справедливо ли отвращать нашу душу от плотских утех и говорить, что она должна вовлекаться в них как бы по обязанности, в силу неизбежной и рабской необходимости? Но ведь именно душе и подобает вынашивать их и пестовать, влечься к ним и управлять ими, ибо всем руководит только она; ведь как раз она и присущие ей наслаждения и должны, по-моему, внушать и передавать плоти все свой-

ственные их сущности ощущения и заботиться о том, чтобы они были для нее сладостными и благодетельными. Ибо если разумно утверждение тех, кто говорит, что плоть не должна удовлетворять свои желания и стремления в ущерб духу, то почему не разумно и обратное утверждение, то есть что дух не должен удовлетворять свои желания и стремления в ущерб плоти?

У меня нет другой страсти, которая могла бы меня захватить. То, что людям, не имеющим, как и я, постоянных занятий, дают алчность, честолюбие, ссоры, судебные тяжбы, — все это — и с большей приятностью — дала бы мне любовь; она вернула бы мне проницательность, трезвость, любезность, стремление заботиться о своей особе; она придала бы уверенность моей внешности, так что ее не искажали бы гримасы старости, жалкие и отвратительные черты; она побудила бы меня к занятиям здравым и мудрым, и я стал бы и более уважаемым и более любезным; она избавила бы мой дух от отчаянья в себе и своем одиночестве и примирила бы его с самим собою; она отвлекла бы меня от тысячи тягостных мыслей и тысячи печалей и огорчений, насылаемых на нас в пожилом возрасте праздностью и плохим здоровьем; она согрела бы по крайней мере во сне эту кровь, уже забываемую природой, она заставила бы меня выше держать голову и продлила бы хоть немного силу, и крепость, и бодрость души в том несчастном, который стремительно идет навстречу своему концу. Но я хорошо знаю, что вновь обрести подобное счастье — редкостная удача. Из-за немощности и чрезмерной опытности наш вкус стал более нежным и изысканным; мы требуем большего, тогда как сами приносим меньше, чем прежде; мы становимся прихотливее, тогда как возможностей для завоевания благосклонности у нас меньше, чем когда бы то ни было; зная за собой слабости, мы делаемся менее смелыми и более недоверчивыми: никто не в состоянии убедить нас, что мы, и в самом деле, любимы, — ведь нам отлично известно, каковы мы и каковы женщины. Я стыжусь бывать в обществе зеленой и кипучей молодежи,

Cuius in indomito constantior inguine nervus,
Quam nova collibus arbor inhaeret [192].

К чему среди такой жизнерадостности выставлять наше убожество?

Possint ut iuvenes visere fervidi,
Multo non sine risu
Dilapsam in cineres facem? *

На их стороне сила и справедливость; им честь и место; нам же только и остается, что потесниться.

К тому же этот росток расцветающей красоты не терпит прикосновения наших закоченевших рук; да и обладание им не достигается при помощи одних материальных средств. Ибо, как ответил некий древний фило-

* Могут ли пылкие и полные жизни юноши видеть без смеха наш превратившийся в пепел факел? [193] (*лат.*).

соф насмешнику, подтрунивавшему над ним за то, что он не сумел пленить сердце юной девицы, которую преследовал своими ухаживаниями: «За столь свежий сыр, друг мой, крючок не цепляется»[194].

Ведь это отношения, требующие взаимной приязни и сродства; все прочие доступные нам удовольствия можно испытывать за то или иное вознаграждение. Но это — оплачивается только той же монетой. И в самом деле, когда я предаюсь любовным восторгам, наслаждение, которое я дарю, представляется моему воображению более сладостным, нежели испытываемое мною самим. Таким образом, кто может срывать цветы удовольствия, ничего не давая взамен, в том нет ни капли благородства: это возможно только для человека с низкой душой, всегда берущего в долг, никогда не отдавая; ему нравится поддерживать отношения с теми, кому он в тягость. Нет такой чарующей и совершенной красоты, прелести, близости, которых порядочный человек домогался бы подобной ценой. Если женщины не могут оказывать нам благоволение иначе, как только из жалости, то, по мне, лучше вовсе не жить, чем жить подаянием. Я хотел бы иметь право требовать их любви, делая это, скажем, по образцу нищих в Италии: «Fate ben per voi» *; или так, как делал Кир, обращавшийся к своим воинам со словами: «Кто хочет себе добра, пусть идет за мной»[196].

— Раз так, — могут мне на это сказать, — сходитесь с женщинами вашего возраста; благодаря общности их и вашей судьбы вы с ними скорее поладите. О нелепая и жалкая связь!

Nolo
Barbam vellere mortuo leoni **;

Ксенофонт, понося и обвиняя Менона, выставляет в качестве довода и его исключительное пристрастие к перезревшим возлюбленным[198].

Я нахожу несравненно большее наслаждение в том, чтобы присутствовать как простой свидетель при естественном сближении двух юных и прекрасных существ или даже представлять себе его в моем воображении, нежели быть участником сближения грустного и безобразного. Я уступаю эту причудливую и дикую склонность императору Гальбе, который признавал только жесткое и старое мясо[199], и еще этому несчастному горемыке,

O ego di faciant talem te cernere possim
Caraque mutatis oscula ferre comis,
Amplectique meis corpus non pingue lacertis ***.

Но самое большое уродство в моих глазах — это красота поддельная и достигнутая насилием над природой. Эмон, юноша с Хиоса, считая, что ловкими ухищрениями ему удалось заменить природную красоту, которой

---

* Сделайте доброе дело ради себя самого[195] (*ит.*).
** Я не хочу дергать за бороду мертвого льва[197] (*лат.*).
*** О если бы боги дозволили мне увидеть тебя такой, какова ты теперь, о если бы они мне дозволили поцеловать твои поседевшие волосы и обнять твое высохшее тело[200] (*лат.*).

он был обделен, пришел к философу Аркесилаю и спросил его, может ли мудрец ощутить в своем сердце влюбленность. «Почему же, — ответил Аркесилай, — лишь бы его не пленила красота искусственная и лживая, вроде твоей» [201]. Откровенное уродство, по-моему, не так уродливо и откровенная старость не так стара, как они же, нарумяненные и молодящиеся.

Могу ли я сказать то, что хочу, не боясь, что меня огреют за это по голове? Естественная истинная пора любви, как мне кажется, — это возраст, непосредственно следующий за детством.

Quem si puellarum insereres choro
Mille sagaces falleret hospites
Discrimen obscurum, solutis
Crinibus ambiguoque vultu *.

И то же самое относится к красоте.

Если Гомер удлиняет время ее цветения вплоть до того момента, когда на подбородке начинает проступать первый пушок, то зато сам Платон находил, что об эту пору она — величайшая редкость.

Хорошо известна причина, по которой софист Дион остроумно прозвал непокорные вихры отрочества Аристогитонами и Гармодиями [203]. В зрелом возрасте любовь, по-моему, уже не та; ну, а про старость и говорить нечего:

Importunus enim transvolat aridas
Quercus **.

И Маргарита, королева Наваррская, сама женщина, намного преувеличивает к выгоде своего пола продолжительность женского века, заявляя, что только после тридцати лет им пора менять свой эпитет «прекрасная» на эпитет «добрая» [205].

Чем короче срок, отводимый нами владычеству любви над нашею жизнью, тем лучше для нас. Взгляните-ка на отличительную черту ее облика: это мальчишеский подбородок. Кто не знает, до чего же все в ее школе идет кувырком? Наше усердие в любовных делах, наш опыт, наша привычка — все это пути, ведущие нас к бессилию; властители любви — новички. Amor ordinem nescit ***. Конечно, она для нас более обольстительна, когда к ней примешиваются волнения и неожиданности; наши промахи и неудачи придают ей остроту и прелесть; лишь бы она была горячей и жадной, а благоразумна ли она, это неважно. Взгляните на ее поступь, взгляните, как она пошатывается, спотыкается и проказничает; наставлять ее уму-разуму и во всяческих ухищрениях — означает налагать на нее оковы; отдать ее в эти волосатые и грубые руки — значит стеснить ее божественную свободу.

---

* Если ты поместишь его в хоре девушек переодетым в женское платье, его распущенные волосы, неопределившиеся черты, скрывая различие, обманут проницательность целой толпы гостей [202] (*лат.*).

** Он [Купидон], несносный, пролетает мимо иссохших дубов [204] (*лат.*).

*** Любовь не знает порядка [206] (*лат.*).

Кстати, мне частенько приходится слышать, как женщины расписывают на все лады духовную связь, забывая при этом о чувствах и их доле участия в отношениях этого рода. Ведь здесь все идет в дело. Однако я могу засвидетельствовать, что нередко видел, как мы прощали женщинам немощность духа ради телесной их красоты; но я еще ни разу не видел, чтобы ради красоты духа, сколь бы возвышенным и совершенным он ни был, они пожелали снизойти к телу, которое хотя бы немного начало увядать. Почему ни одну из них не охватывает желание совершить тот благородный обмен тела на дух, который так превозносил Сократ, и купить ценой своих бедер, самой высокой ценой, какую они могут за них получить, философскую и духовную связь, а заодно и наделенное теми же качествами потомство? Платон в своих законах велит [207], чтобы, пока длится война, совершивший выдающийся и полезный подвиг, независимо от внешности этого человека и от его возраста, не получал отказа в поцелуе или какой-либо другой любовной усладе, от кого бы он ни захотел их вкусить. Почему бы то, что Платон считает столь справедливой наградой за воинские заслуги, не стало также наградою и за заслуги другого рода? И почему ни одной из женщин не вознестись над своими товарками этой целомудренной славой? Да, я умышленно говорю — целомудренной,

nam si quando ad proelia ventum est,
Ut quondam in stipulis magnus sine viribus ignis
Incassum furit *.

Пороки, которые не идут дальше мыслей, — не из числа наихудших.

Чтобы заключить эти пространные рассуждения, схожие с потоком болтовни, потоком стремительным и порой вредоносным,

Ut missum sponsi furtivo munere malum
Procurrit casto virginis e gremio,
Quod miserae oblitae molli sub veste locatum,
Dum adventu matris prosilit, excutitur,
Atque illud prono praeceps agitur decursu;
Huic manat tristi conscius ore rubor **,

я скажу, что мужчины и женщины вылеплены из одного теста; если отбросить воспитание и обычаи, то разница между ними невелика.

Платон в своем «Государстве» [210] призывает безо всякого различия и тех и других к занятиям всеми науками, всеми телесными упражнениями, ко всем видам деятельности на военном и мирном поприщах, к отправлению всех должностей и обязанностей.

---

* Ибо, когда дело доходит до битвы, впустую неистовствует яркий и бессильный огонь, как от горящей соломы [208] (*лат.*).

** Словно яблоко, тайный дар милого, соскользнувшее с целомудренной груди девушки, где оно было скрыто ею под мягкой одеждой, и упавшее, стремительно катясь, к ногам ее матери, при появлении которой поднялась со своего места забывчивая бедняжка, на чьем печальном лице разливается теперь краска стыда [209] (*лат.*).

А философ Антисфен не делает различия между добродетелями женщин и нашими[211].

Гораздо легче обвинить один пол, нежели извинить другой. Вот и получается, как говорится в пословице: потешается кочерга над сковородой, что та закоптилась.

Глава VI

О СРЕДСТВАХ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Нетрудно удостовериться, что большие писатели, перечисляя причины того или иного явления, не ограничиваются теми из них, которые они сами считают подлинными, но наряду с ними приводят также причины, не внушающие доверия и им самим, лишь бы они привлекали внимание и казались правдоподобными. Они говорят достаточно правдиво и с пользою, если говорят умно. Мы не имеем возможности установить главную и основную причину; мы сваливаем их в одну кучу в надежде, что, быть может, случайно в их числе окажется и она,

> namque unam dicere causam
> Non satis est, verum plures, unde una tamen sit *.

Вы спросите меня, откуда берет начало обычай желать здоровья чихающим? Мы производим три вида ветров: тот, который исходит низом, слишком непристоен; исходящий из нашего рта навлекает на нас некоторый упрек в чревоугодии; третий вид — это чихание; и так как оно исходит из головы и ничем не запятнано, мы и оказываем ему столь почетную встречу. Не потешайтесь над этими тонкостями; говорят, что они принадлежат Аристотелю[2].

Кажется, я прочел у Плутарха[3] (а он лучше всех известных мне авторов умеет сочетать искусство с природою и рассуждение с знанием), там, где он разъясняет причину тошноты, возникающей у путешествующих по морю, что она вызывается у них якобы страхом, ибо, опираясь на некоторые доводы, Плутарх доказывает, что страх может производить подобные действия. Что до меня, то, весьма подверженный ей, я хорошо знаю, что это объяснение на меня отнюдь не распространяется, и я знаю это не умозрительно, а по своему личному опыту. Не стану приводить здесь того, о чем мне рассказывали, а именно, что морскою болезнью так же часто

* Ибо указать одну-единственную причину недостаточно: нужно указать многие, из которых одна и окажется подлинной[1] (*лат.*)

страдают животные, и особенно свиньи, хотя они, разумеется, не имеют ни малейшего представления об опасности, не стану передавать и рассказ одного из моих знакомых, также очень подверженного этой болезни, о том, как у него раза два или три бесследно проходили позывы ко рвоте, подавленные обуявшим его во время разыгравшейся бури ужасом, совсем как у некоего древнего автора: Peius vexabar quam ut periculum mihi succurreret *, укажу лишь на то, что, находясь на воде, как, впрочем, и в любых других обстоятельствах, я никогда не испытывал страха (а у меня было немало случаев, когда он был бы вполне оправдан, если грозящая тебе гибель — достаточное для него оправдание), который хотя бы немного меня смутил или заставил потерять голову. Иногда он рождается столько же от недостатка благоразумия, сколько от недостатка мужества. Всем опасностям, с которыми я сталкивался лицом к лицу, я всегда открыто смотрел в глаза взглядом ясным, зорким и ничем не стесненным; чтобы бояться, тоже потребна храбрость. И однажды это мне очень помогло, когда я бежал, ведя за собой моих людей и сохраняя во время бегства порядок, не в пример лучший, чем у других; бежали мы, не то чтобы не зная боязни, но во всяком случае не объятые ужасом и не сломя голову; мы были, конечно, встревожены, но не ошалели от страха и не утратили способности соображать.

Люди великой души идут в этом гораздо дальше, и если им приходится обращаться в бегство, они проявляют при этом не только сдержанность и уравновешенность, но, сверх того, даже гордость. Приведем рассказ Алкивиада о бегстве Сократа, его товарища по оружию[5]: «Я увидел его, — говорит Алкивиад, — после поражения нашего войска, его и Лахеса, среди последних в толпе беглецов; я мог рассмотреть его спокойно и неторопливо, потому что был на хорошем коне, а он пешим, как мы и сражались в бою. Прежде всего я заметил, насколько в нем, по сравнению с Лахесом, больше рассудительности и решимости; затем я обратил внимание на непринужденность его походки, нисколько не отличавшейся от обычной, на его взор, твердый и сосредоточенный, на то, как он непрерывно наблюдал за происходившим вокруг и оценивал положение, обращая взгляд то на одних, то на других, на друзей и врагов, и ободряя им первых и предупреждая вторых, что он дорого продаст свою кровь и свою жизнь, если кому-нибудь вздумается на них посягнуть; так они и спаслись, ибо никто не жаждет напасть на подобного беглеца; гонятся только за обезумевшими от страха». Таково свидетельство этого великого полководца, и от него мы слышим о том же, в чем убеждаемся на каждом шагу, а именно, что наибольшие опасности навлекает на нас именно неразумное стремление поскорее от них уйти. Quo timoris minus est, eo minus ferme periculi est **. Наш народ неправ, когда говорит, что такой-то боится смерти, в то время как хочет выразить в этих словах, что такой-то размышляет о ней и ее предвидит. Предвидение может равно относиться и

---

* Я слишком мучился, чтобы мне приходила в голову мысль об опасности[4] (*лат.*).
** Чаще всего, чем меньше испытываешь страх, тем меньше опасности[6] (*лат.*).

к тому, что для нас зло, и к тому, что благо. Рассматривать и оценивать угрожающую опасность означает до некоторой степени не бояться ее.

Я не чувствую в себе достаточно сил, чтобы выдержать удары и натиск страсти, именуемой страхом, или какой-либо другой, столь же могущественной, как эта. Если бы она одолела меня и повергла наземь, я бы уже никогда не встал как следует на ноги. Кто сдвинул бы мою душу с того основания, на которое она опирается, тот никогда бы не смог водворить ее на прежнее место; она слишком рьяно исследует себя и в себе копается и никогда бы не дала зарубцеваться и зажить нанесенной ей ране. Какое счастье, что пока еще ни одна болезнь не проделала этого с моей душой! При всяком совершаемом на меня нападении я встречаю его и сопротивляюсь ему, облаченный во все доспехи; это значит, что, окажись я побитым, у меня не останется никаких средств к обороне. Я ничего не держу про запас, и в каком бы месте наводнение ни прорвало мою плотину, я окажусь беззащитным и утону окончательно и бесповоротно. Эпикур говорит, что мудрый не может превратиться в безмозглого[7]. Что до меня, то я считаю справедливой и изнанку этого изречения, а именно: кто хоть раз был по-настоящему глупым, тот никогда не станет по-настоящему мудрым.

Господь дает каждому крест по силам его, — а мне он дал страсти по моим возможностям справиться с ними. Природа, обнажив меня с одной стороны, прикрыла с другой; лишив меня оружия силы, она вооружила меня нечувствительностью и ограниченной или притупленной восприимчивостью.

Так вот, я плохо переношу (а в молодости переносил еще хуже) длительную поездку в карете, конных носилках или на судне; и я ненавижу всякий другой способ передвижения, кроме езды верхом, как в городе, так и среди полей. Впрочем, носилки для меня еще несноснее, чем карета, и по той же причине я легче переношу сильное волнение на воде, вселяющее в нас страх, чем небольшое покачивание, ощущаемое нами при тихой погоде. От легких толчков, производимых веслами и словно бы вырывающих из-под нас лодку, я начинаю ощущать какое-то замешательство в голове и желудке, и я не выношу этого так же, как когда подо мной шаткое кресло. Но если судно, на котором я нахожусь, плавно уносят паруса или течение, или его ведут на буксире, однообразное покачивание этого рода на меня совершенно не действует; раздражает меня только прерывистое движение, и тем больше, чем оно медленнее. Лучше и обстоятельнее обрисовать его я не могу. Врачи велели мне стягивать тугой перевязкой низ живота, уверяя, что в таких случаях это хорошее средство; однако я ни разу не воспользовался этим их указанием, так как привык бороться с присущими мне недостатками и справляться с ними, ни к кому не обращаясь за помощью.

Будь моя память не такой немощной, я бы не пожалел времени, чтобы пересказать здесь все то, что сообщает история о бесконечно разнообразном использовании боевых колесниц, у всякого народа и во всякий век имевших свои особенности в устройстве, и насколько они были полезны и,

как мне кажется, даже необходимы; так что просто диву даешься, что мы утратили о них всякое представление. Я опишу только ту их разновидность, что совсем недавно, на памяти наших отцов, была с большим успехом применена венграми против турок; в каждой из таких колесниц помещались один щитоносец и один стрелок, и в ней было известное количество установленных, изготовленных к стрельбе и заряженных аркебуз; вся она со всех сторон была покрыта щитами, как это делается на галиотах. Венгры выстраивали на поле сражения лицом к неприятелю тысячи таких колесниц и по пушечному сигналу высылали вперед, чтобы они обрушили на противника, прежде чем начнут действовать в его гуще, залп своих аркебуз, что бывало для него не очень-то приятным задатком; или бросали эти свои колесницы на эскадроны врага, чтобы прорвать их и сделать в них брешь, не говоря уже о той помощи, которую извлекали из них, прикрывая с флангов в уязвимых местах войска, передвигавшиеся по открытому полю, или обороняя и спешно укрепляя полевой лагерь [8]. В мое время некий дворянин, проживавший поблизости от одной из наших границ, калека и до того тучный, что для него нельзя было подобрать лошадь, способную выдержать его вес, опасался мести со стороны человека, с которым у него произошла ссора, и потому разъезжал по округе в повозке, похожей на колесницы описанного устройства, и находил ее очень удобной. Но довольно об этих боевых колесницах. Короли нашей первой династии ездили по стране в колымаге, которую тащили две пары быков.

Марк Антоний первым пожелал прокатиться по Риму вместе с сопровождавшей его флейтисткой в колеснице, влекомой четырьмя львами. Впоследствии то же повторил и Элагабал [9], утверждая, что он — Сивилла, праматерь богов, а в другой раз, когда в колесницу были впряжены тигры, он изображал бога Вакха; иногда он также запрягал в свою колесницу пару оленей; однажды его везли четыре собаки, а еще как-то раз он приказал, чтобы его, совсем голого, торжественно провезли четыре обнаженные женщины. Император Фирм [10] повелел впрячь в его колесницу страусов поразительной величины, так что казалось, будто она скорее летит по воздуху, чем катится по земле. Причудливость этих выдумок внушает мне следующую, не менее причудливую мысль: стремление монархов возвеличиться в глазах окружающих, постоянно приковывать к себе внимание непомерными тратами есть род малодушия и свидетельствует о том, что эти государи не ощущают по-настоящему, что́ именно они собой представляют. Это — вещь простительная для государя, пребывающего в чужих краях, но поступать таким образом, когда он среди своих подданных, где ему все подвластно и все позволено, — значит низводить свое достоинство с наивысшей ступени почестей, какая только ему доступна. Точно так же и дворянину незачем, по-моему, особенно тщательно одеваться, когда он в своем кругу; его дом, образ жизни, кухня достаточно говорят за него.

Мне кажется не лишенным основания тот совет, который Исократ преподал своему государю. А сказал он ему вот что: пусть у него будет великолепная домашняя утварь и соответствующая посуда, ибо потрачен-

ные на это средства не вылетают на ветер, — все эти вещи останутся в наследство его преемникам; но пусть он, вместе с тем, избегает расходов на такие роскошества, которые тотчас выходят из употребления и улетучиваются из памяти [11].

Пока я жил на положении младшего сына, я любил щегольнуть своими нарядами за невозможностью щеголять чем-либо другим, и это мне было на пользу: это бывает на пользу всем тем, кому идет красивое платье. Нам известны рассказы о поразительной бережливости наших королей в расходовании средств на себя и на подарки, — королей, великих своею славой, доблестью и удачливостью в делах. Демосфен с крайним ожесточением нападает [12] на тот закон своего города, которым предусматривалось использование общественных денег на устройство торжественных игр и празднеств; он хотел бы, чтобы величие его города находило свое выражение в многочисленности хорошо снаряженного флота и в сильном, хорошо вооруженном войске.

И Феофраста не без оснований порицают за то, что в своем сочинении о богатстве он выдвигает противоположное мнение и утверждает, что траты подобного рода — естественный и неизбежный плод изобилия [13]. Но эти удовольствия, говорит Аристотель, нравятся только самой низменной черни, и ни один положительный и здравомыслящий человек не придает им ни малейшей цены [14]. Расходование всех этих средств, как мне кажется, было бы более под стать королям и более полезным, действенным и оправданным, если бы они шли на постройку портов, гаваней, укреплений и городских стен, на роскошные здания, церкви, госпитали, учебные заведения, на благоустройство улиц и дорог; именно благодаря всему этому папа Григорий XIII [15] в мое время оставил по себе благодарную память, и на все это наша королева Екатерина [16] распространяла бы в течение долгих лет свою врожденную щедрость и свое стремление благотворительствовать, если бы ее средства были достаточны для удовлетворения ее пожеланий. Судьба преподнесла мне сильное огорчение, прервав работы над сооружением в нашей великой столице замечательного Нового моста [17] и отняв у меня надежду дожить до того времени, когда его откроют для общего пользования.

Кроме того, подданным, зрителям всех этих торжеств, кажется, что перед ними выставляют напоказ их же собственные богатства и что их потчуют празднествами за их собственный счет. Ибо народы смотрят в этом отношении на своих королей совсем так же, как мы — на услужающих нам, а именно: они должны взять на себя заботу о том, чтобы доставлять нам в изобилии все, что нам нужно, но никоим образом не должны уделять себе хотя бы крупицу изо всего этого. И император Гальба, получив во время ужина удовольствие от игры одного музыканта и повелев принести свой ларец, дал ему целую пригоршню извлеченных им оттуда золотых монет и сказал: «Это не государственное, это лично мое» [18]. Как бы там ни было, но чаще случается, что народ прав и что его глаза насыщают тем, чем ему полагалось бы насыщать свое брюхо. Щедрость в руках королей — не такое уж блестящее качество; частные лица имеют на нее

больше права, ибо, в сущности, у короля нет ничего своего: он сам принадлежит своим подданным.

Судье вручается судебная власть не ради его блага, а ради блага того, кто ему подсуден. Высшего назначают не ради его выгоды, а ради выгоды низшего; врач нужен больному, а не себе. Цели, преследуемые как всякою властью, так равно и всяким искусством, пребывают не в них, а вне их: nulla ars in se versatur *.

Вот почему наставники будущих государей, стараясь вложить в них с раннего детства пресловутую добродетель щедрости и внушая им, чтобы они никогда не отказывали в денежных просьбах и считали, что нет расходов полезнее, чем расходы на дары и раздачи (наставление, в мое время считавшееся чрезвычайно разумным), или думают больше о своей выгоде, чем о выгоде своего господина, или не понимают того, о чем говорят. Очень легко приучить к щедрости того, кто может проявлять ее за чужой счет, сколько бы ему ни заблагорассудилось. И поскольку ее ценность определяется не размерами дара, а размерами доходов дарителя, щедроты, расточаемые столь могущественными руками, стоят немногого. Юные принцы превращаются в расточителей прежде, чем становятся щедрыми. По сравнению с другими королевскими добродетелями от щедрости мало проку, и она, как говорил тиран Дионисий, — единственная из них, которая хорошо уживается с тиранией [20].

Я бы с большей охотой научил этих принцев следующему присловью земледельца:

Τῇ χειρὶ δεῖ σπείρειν ἀλλὰ μὴ ὅλῳ τῷ θυλάκῳ [21],

означающему, что кто хочет собрать урожай, тому нужно сеять руками, а не сыпать семена из мешка (нужно зерно разбрасывать, а не бросать), и еще я бы им прибавил, что, будучи в необходимости дарить или, правильнее сказать, платить и воздавать стольким людям по их заслугам, они должны беспристрастно и вдумчиво распределять эти блага. Если щедрость властителя прихотлива и чрезмерна, я предпочитаю, чтобы он был скупым.

Из всех добродетелей королям всего нужнее, по-моему, справедливость; а из всех частных ее проявлений — справедливость в пожаловании щедрот, ибо осуществление справедливости в этих случаях они полностью оставили за собой, тогда как во всем остальном охотно осуществляют ее с помощью других. Чрезмерная щедрость — плохое средство добиться расположения; она чаще отталкивает людей, чем их привлекает: Quo in plures usus sis, minus in multos uti possis. Quid autem est stultius quam quod libenter facias, curare ut id dautius facere non possis? ** И если кого-нибудь незаслуженно осыпают щедротами, тому становится от этого стыдно и

---

* Ни одно искусство не замыкается в себе самом [19] (*лат.*).

** Чем большему числу людей ты ее расточаешь, тем меньшему их числу сможешь ее расточать... Что может быть глупее старания лишить себя возможности делать то, что ты делаешь с такою охотой [22] (*лат.*).

они не порождают в нем благодарности. Сколько тиранов было отдано в жертву народной ненависти руками тех, кого они несправедливо возвысили! Ведь люди этой породы считают, что они закрепляют за собой владение неправедно нажитым, выказывая свое презрение и свою ненависть к тому, кому они им обязаны, и присоединяясь к негодующей и выносящей приговор толпе.

Подданные государя, не знающего меры в щедротах, теряют меру в своих требованиях к нему: они руководствуются не разумом, а примером. И нам полагалось бы частенько краснеть за наше бесстыдство; нас оплачивают более чем справедливо, когда вознаграждают соответственно нашей службе, ибо ужели мы все-таки ничего не должны государю в силу наших естественных обязательств пред ним? Если он покрывает наши расходы, он делает для нас больше, чем нужно; вполне достаточно, если он нам помогает; ну, а если мы получаем от него сверх наших трат, то очевидно, что это — благодеяние, которого нельзя требовать: ведь в нашем языке слова для обозначения щедрости и свободы образованы от одного корня [23]. У нас, однако, повелось совсем по-другому: полученное в счет не идет; любят лишь будущие щедроты. Вот почему, чем более тощей делается мошна государева из-за его щедрых раздач, тем беднее он становится и по части друзей.

Как же ему удовлетворить желания своих подданных, если эти желания возрастают по мере того, как они выполняются? Кто думает только о том, как бы побольше ухватить для себя, тот не думает об уже ухваченном. Неотъемлемая черта жадности — неблагодарность. Здесь, пожалуй, уместно вспомнить о том, что некогда сделал Кир; его пример мог бы послужить пробным камнем и для королей нашего времени, чтобы выяснить, с пользой или без пользы осыпáли они дарами своих приближенных, и они убедятся, что названный властелин раздавал их не в пример удачнее, чем они. А им из-за этого приходится обращаться за займами к своим подданным, которых они вовсе не знают и которым причинили скорее зло, чем добро. И в помощи, которую те им оказывают, нет ничего добровольного, кроме ее названия. А история с Киром заключается в следующем: однажды Крез упрекал его в расточительности и тут же прикинул, какой была бы его казна, если бы у того были бережливые руки. Кир пожелал доказать, что его щедрость вполне оправданна; разослав во все стороны гонцов к тем вельможам своей страны, которых он особенно облагодетельствовал, он попросил их помочь ему, кто сколько сможет, деньгами, так как у него в них большая нужда, и сообщить, на что он может рассчитывать. Когда их письма были доставлены, выяснилось, что друзья Кира, все как один, сочтя недостаточным предложить ему только то, что получили из его рук, добавили к этому крупные суммы из своих собственных средств и что общая сумма значительно превышает итог, подведенный Крезом. И тогда Кир сказал: «Я люблю богатства не меньше других государей, но распоряжаюсь ими разумнее, чем они. Ты видишь, при каких ничтожных затратах я собрал с помощью столь многих друзей казну поистине баснословной ценности и насколько они

более верные и надежные казначеи, нежели люди наемные, ничем мне не обязанные и не питающие ко мне ни малейшей любви; вот и получается, что мое добро помещено у них много лучше, чем если бы оно лежало в моих сундуках, навлекая на меня ненависть, зависть и презрение других государей» [24].

Римские императоры оправдывали излишества своих общественных пиров и представлений тем, что их власть в некоторой мере зависит (по крайней мере, формально) от воли римского народа, с незапамятных пор привыкшего к тому, что его привлекали на свою сторону подобными зрелищами и другими роскошными увеселениями. Ввели и закрепили этот обычай частные лица, чтобы ублажать сограждан и приближенных всем этим великолепием и изобилием, причем делали это главным образом за свой собственный счет; но когда им стали подражать в этом их повелители, дело обернулось совсем по-другому.

Pecuniarum translatio a iustis dominis ad alienos non debet liberalis videri *. Филипп, узнав о том, что его сын пытается подарками снискать благоволение македонян, отправил ему письмо, в котором следующим образом попенял ему: «Вот как! Тебе, стало быть, хочется, чтобы твои подданные считали тебя не своим царем, а своим казначеем. Если ты стремишься привлечь к себе благосклонность, привлекай ее благодеяниями твоих добродетелей, а не благодеяниями твоего сундука» [26].

И все же это было великолепно — доставить и посадить на арене множество взрослых деревьев, раскидистых и зеленых, изображавших огромный тенистый лес, разбитый с необычайным искусством, и в первый день выпустить в него тысячу страусов, тысячу оленей, тысячу вепрей и тысячу ланей, предоставив народу охотиться на этих животных и воспользоваться дичиной; назавтра перебить в его присутствии сто крупных львов, сто леопардов и триста медведей и на третий день заставить биться насмерть триста пар гладиаторов, как это было устроено императором Пробом [27]. А что за наслаждение было видеть этот громадный амфитеатр, снаружи облицованный мрамором и украшенный изваяниями и статуями, а внутри сверкающий редким по богатству убранством,

Balteus en gemmis, en illita porticus auro **;

и со всех сторон этого огромного пустого пространства заполняющие и окружающие его снизу доверху не то шестьдесят, не то восемьдесят рядов сидений, тоже из мрамора, покрытых подушками,

exeat, inquit,
Si pudor est, et de pulvino surgat equestri,
Cuius res legi non sufficit ***;

---

* Раздача другим лицам отнятого у законных владельцев не может рассматриваться как щедрость [25] (*лат.*).

** Вот капитель колонны, сверкающая драгоценными камнями, вот портик, сверкающий золотом [28] (*лат.*).

*** Пусть тот, — сказал он, — кому это не полагается, встанет со всаднической подушки, и, если не потерял совести, освободит ее [29] (*лат.*).

где могло разместиться со всеми удобствами сто тысяч человек, видеть, как сначала при помощи искусных приспособлений расступается самое дно амфитеатра, — где и даются игры, — и на нем образуются глубокие трещины и расщелины, изображающие пещеры, откуда появлялись дикие звери, назначенные к участию в представлении; как затем это же место заливают водой и оно превращается в глубокое море, которое бороздят бесчисленные морские чудовища, по которому плавают и вступают в сражения боевые суда; как после этого оттуда спускают воду, арена выравнивается и снова осушается для сражения гладиаторов и как напоследок ее вместо песка посыпают киноварью и росным ладаном, чтобы устроить на ней торжественное пиршество для этого бесконечного сонма людей; и это четвертая и последняя перемена в течение одного дня[30];

quoties nos descendentis arenae
Vidimus in partes, ruptaque voragine terrae
Emersisse feras, et iisdem saepe latebris
Aurea cum croceo creverunt arbuta libro.
Nec solum nobis silvestria cernere monstra
Contigit, aequoreos ego cum certantibus ursis
Spectavi vitulos, et equorum nomine dignum,
Sed deforme pecus *.

Иногда на той же арене вырастала высокая гора с посаженными на ней плодовыми и всевозможными другими деревьями, из чащи которых на самой вершине изливался ручей, как если б там было начало естественного источника. Иногда тут передвигался взад и вперед большой корабль, который сам собой раскрывался и разверзал свое чрево и, исторгнув из него четыреста или пятьсот диких зверей, назначенных к травле, так же самостоятельно, без чьей-либо помощи, закрывался и исчезал. Иногда снизу, с самого дна арены, начинали бить мощные фонтаны или тоненькие струйки воды, вздымавшиеся высоко вверх, чтобы, вознесясь на эту невероятную высоту, рассыпаться там мельчайшими благовонными капельками, освежающими несметную людскую толпу. Чтобы укрыться от палящего солнца или от непогоды, над всем этим огромным пространством растягивали то навесы из пурпурной ткани с богатою вышивкой, то навесы из шелка того или иного цвета и по своему усмотрению ставили их или снимали в одно мгновение:

Quamvis non modico caleant spectacula sole,
Vela reducuntur, cum venit Hermogenes **.

Сетка, отделявшая амфитеатр от арены, чтобы оградить зрителей от

* Сколько раз мы смотрели, как опускаются отдельные части арены, как из открывшейся в земле бездны появляются дикие звери и как из тех же недр земных вырастают золотые земляничные деревья с ярко-желтой корою. И нам довелось видеть не только лесных чудовищ, но наблюдал я и борьбу тюленей с медведями и прозываемых морскими конями, но безобразных животных[31] (*лат.*).

** Хотя театр обжигало палящее солнце, когда пришел Гермоген, навес тотчас раздвинули[32] (*лат.*).

ярости выпущенных на волю зверей, была выткана из чистого золота:

auro quoque torta refulgent
Retia *.

И если что во всех этих излишествах извинительно, так это вызывавшие всеобщее восхищение изобретательность и новизна, но отнюдь не издержки на них.

Даже на примере этих суетных и пустых забав мы видим, как много было в те времена умов, ничуть не похожих на современные. Подобное изобилие создается природой точно так же, как порою она создает изобилие во всем, что порождается ею. Я отнюдь не хочу сказать, что эти умы были наивысшим ее достижением. Мы не идем в одном направлении, мы скорее бродим взад и вперед, сворачивая то туда, то сюда. Мы топчем свои собственные следы. Боюсь, что наши познания крайне слабы во всех отношениях; мы ничего не видим ни перед собой, ни позади себя; наше познание обнимает очень немногое и видит очень немногое, оно крайне ограничено и во времени и в охвате явлений:

Vixere fortes ante Agamemnona
Multi, sed omnes illacrimabiles
Urgentur ignotique longa
Nocte **.
Et supera bellum Troianum et funera Troiae
Multi alias alii quoque res cecinere poetae ***.

И рассказ Солона о том, что ему сообщили египетские жрецы из истории длительного существования их государства и об их способе изучать и запечатлевать истории чужеземных народов, не кажется мне свидетельством, опровергающим только что высказанное мной мнение [36]. Si interminatam in omnes partes magnitudinem regionum videremus et temporum, in quam se iniiciens animus et intendens ita late longeque peregrinatur, ut nullam oram ultimi videat in qua possit insistere: in hac immensitate infinita vis innumerabilium appareret formarum ****.

Если бы все дошедшие до нас сведения о минувшем были действительно достоверными и какой-нибудь человек держал их все в своей голове, то и тогда это было бы меньше чем ничто по сравнению с тем, что нам не известно. До чего же ничтожно даже у людей наиболее любознательных знание того мира, который движется перед нами, пока мы про-

---

* Даже сетка блестит кручеными золотыми нитями [33] (*лат.*).

** Жили многие храбрецы и до Агамемнона, но все они, никому не ведомые и никем не оплаканные, скрыты от нас в непроглядном мраке забвения [34] (*лат.*).

*** До троянской войны и до гибели Трои много других поэтов воспевали другие подвиги [35] (*лат.*).

**** Если бы мы могли созерцать безграничность простирающихся во все стороны пространства и времени, к которой устремляясь и направляясь странствует наш дух, не обнаруживая, сколь бы долго эти блуждания ни продолжались, никаких берегов, где бы он мог задержаться; перед нами в этой бесконечной безмерности предстало бы бесчисленное множество форм [37] (*лат.*).

ходим свой жизненный путь! От нас ускользает во сто раз больше, нежели та малость, которую мы постигаем, и это относится не только к отдельным событиям, становящимся порой по воле судьбы первостепенными и важными по последствиям, но и к положению целых государств и народов. Мы кричим, словно о чуде, о таких изобретениях, как артиллерия или книгопечатание; а между тем другие люди в другом конце света, в Китае, пользовались ими уже за тысячу лет до нас. Если бы мы видели такую же часть нашего мира, какой не видим, мы бы, надо полагать, поняли, насколько бесконечно разнообразие и многоразличие форм. И если взглянуть на сущее глазами природы, то окажется, что на свете нет ничего редкого и неповторимого; оно существует только для нашего знания, которое является весьма ненадежной отправной точкой наших суждений и которое то и дело внушает нам крайне ложное представление о вещах. И подобно тому, как мы ныне приходим к нелепым выводам о дряхлости и близком конце мира, опираясь на доводы, которые извлекаем из картины нашей собственной слабости и нашего собственного упадка,

Iamque adeo affecta est aetas, affectaque tellus *;

точно так же к нелепым выводам о его недавнем рождении и его юности пришел и древний поэт, видевший столько мощи и живости в умах своего времени, щедрых на новшества и изобретения разного рода:

Verum, ut opinor, habet novitatem summa, recensque
Natura est mundi, neque pridem exordia coepit;
Quare etiam quaedam nunc artes expoliuntur,
Nunc etiam augescunt, nunc addita navigis sunt
Multa **.

Наш мир только что отыскал еще один мир (а кто поручится, что это последний из его братьев, раз демоны, сивиллы и, наконец, мы сами до сих пор не имели понятия о существовании этого нового мира?), мир не меньший размерами, не менее плодородный, чем наш, и настолько свежий и в таком нежном возрасте, что его еще обучают азбуке; меньше пятидесяти лет назад он не знал ни букв, ни веса, ни мер, ни одежды, ни злаков, ни виноградной лозы. Он был наг с головы до пят и жил лишь тем, что дарила ему мать-кормилица, попечительная природа. Если мы пришли к правильным выводам о конце нашего века и не менее правильны выводы цитированного поэта о юности того века, в который он жил, то вновь открытый мир только-только выйдет на свет, когда наш погрузится во тьму. Вселенная впадет в паралич; один из ее членов станет безжизненным, другой — полным силы. Я очень боюсь, как бы мы не ускорили упадка и гибели этого юного мира, продавая ему по чрезмерно высокой цене и наши воззрения и наши познания. Это был мир-

* И настолько обессилен век и истощена земля [38] (*лат.*).

** Но, как я думаю, вселенная еще совсем новая, и мир только-только возник, и ранее он не возникал; вот почему некоторые искусства все еще развиваются и совершенствуются, и вот почему много улучшений достигнуто в мореплавании [39] (*лат.*).

дитя. И все же нам до сих пор не удалось, всыпав ему порцию розог, подчинить его нашим порядкам, хотя мы и располагаем перед ним преимуществом в доблести и природной силе, не удалось покорить справедливостью и добротой, не удалось привлечь к себе великодушием. Бóльшая часть ответов тамошних жителей и их речи во время переговоров, которые с ними велись, свидетельствуют о том, что они нисколько не уступают нам в ясности природного ума и в сообразительности[40]. Потрясающее великолепие городов Куско и Мехико и среди прочих диковинок сад их короля, где все деревья, все плоды и все травы, расположенные так же, как они обычно произрастают в садах, и с соблюдением их натуральной величины, были поразительно искусно выполнены из золота, каковыми были в его приемной и все животные, которые водились на его землях и в водах его морей, и, наконец, красота их изделий из камня, перьев и хлопка, а также произведения их живописи наглядно показывают, что они нисколько не ниже нас и в ремеслах. Но что касается благочестия, соблюдения законов, доброты, щедрости, честности, искренности, то нам оказалось весьма и весьма кстати, что всего этого у нас не в пример меньше, чем у них; из-за этого преимущества перед нами они сами себя погубили, продали и предали. Что до смелости и отваги, до твердости, стойкости, решительности перед лицом страданий, голода, смерти, то я не побоюсь сопоставить находимые мной среди них образцы с наиболее прославленными образцами античности, все еще бережно хранимыми памятью нашего мира по эту сторону океана. Но что касается тех, кто подчинил их своей власти, то пусть они примут во внимание хитрости и фиглярство, которые были ими использованы для обмана обитателей вновь открытых земель, и естественное изумление этих народов при виде нежданно-негаданно явившихся к ним бородатых существ, отличавшихся от них языком, верованиями, телосложением, всем своим обликом, явившихся к тому же из столь отдаленных мест, что они никогда и представить себе не могли, будто и там могут существовать кáкие-нибудь поселения, и притом верхом на огромных, неведомых им чудовищах, к ним, не только никогда не видевшим лошади, но и не знавшим никакого иного животного, приученного носить на себе человека или другие тяжести; так вот, повторяю, пусть они примут во внимание их изумление при виде людей, облаченных в блестящую кожу и вооруженных сверкающим и разящим оружием и действующих им против тех, кто, потрясенный таким невиданным чудом, как зеркало или блестящий нож, отдавал за них целое богатство в золоте и жемчугах, против тех, кто не имел ни знаний, ни средств, чтобы пробивать по своему желанию нашу сталь; добавьте сюда также громы и молнии наших пушек и аркебуз, которые нагнали бы ужас на самого Цезаря, если бы он столкнулся с ними, так же не имея о них понятия и так же врасплох, как эти народы, и которые были пущены в ход против них, ходящих совсем нагишом, если не считать, что к этому времени они уже научились ткать кое-что из хлопковой пряжи, и к тому же не располагавших никаким другим вооружением, кроме лука, камней, копьев и деревянных щитов; к тому же народы эти были введены в за-

блуждение притворным простодушием и дружелюбием белых пришельцев и охвачены любопытством и жаждой увидеть вещи, для них чуждые и неизвестные. Так вот, говорю я, отнимите у победителей все эти благоприятствующие им обстоятельства, и вы лишите их всякой возможности одерживать столько побед.

Наблюдая неукротимый пыл, с каким тысячи мужчин, женщин и детей столько раз выходили и устремлялись навстречу неизбежным опасностям, отстаивая своих богов и свою свободу; наблюдая их благородную стойкость в претерпевании всевозможных бедствий и трудностей и даже смерти, лишь бы не подпасть владычеству тех, кем они были так бесстыдно обмануты, причем некоторые, будучи захвачены в плен, предпочитали скорее умереть от голода и истощения, чем принять жизнь из рук врага, столь подлым образом добившегося над ними победы, я предвижу, что любому, кто пойдет на них при равных условиях — в смысле вооружения, боевой опытности и численности, — придется испытать все те же опасности, которыми, как мы видим, чревата всякая другая война.

Какая жалость, что это столь благородное приобретение не было сделано при Александре или при древних греках и римлянах и столь великие преобразования и перемены в судьбе стольких царств и народов не произошли при тех, кто мог бы бережно смягчить и сгладить все, что тут было дикого, и вместе с тем поддержать и вырастить добрые семена, брошенные здесь самою природой, не только привнося в обработку земли и украшение городов искусство Старого Света, но также привнося в добродетели туземцев добродетели греческие и римские! Каким это было бы улучшением и каким усовершенствованием нашей планеты, если бы первые образцы нашего поведения за океаном вызвали в этих народах восхищение добродетелью и подражание ей и установили между ними и нами братское единение и взаимопонимание! До чего же легко было бы ей завоевать души столь девственные, столь жадные к восприятию всего нового, в большинстве своем с прекраснейшими задатками, вложенными в них природою! Мы же поступили совсем по-иному, воспользовались их неведеньем и неопытностью, чтобы тем легче склонить их к предательствам, роскоши, алчности и ко всякого рода бесчеловечности и жестокости по образу и подобию наших собственных нравов. Кто когда-нибудь покупал такою ценой услуги, доставляемые торговлей и обменом товарами? Столько городов разрушено до основания, столько народов истреблено до последнего человека, столько миллионов людей перебито беспощадными завоевателями, и богатейшая и прекраснейшая часть света перевернута вверх дном ради торговли перцем и жемчугом: бессмысленная победа! Никогда честолюбие, никогда гражданские распри, толкавшие людей друг на друга, не приводили их к столь непримиримой вражде и не причиняли им столь ужасающих бедствий.

Плывя вдоль побережья в поисках золотых копей и серебряных рудников, несколько испанцев высадились на сушу в области плодородной и приятной. Здесь они представились местным жителям, как это делают обычно, а именно, заявляя, что они люди мирные, прибывшие из даль-

них стран, посланные по повелению и от имени короля кастильского, самого могущественного государя обитаемой земли, которому папа, наместник бога на земле, отдал во владение всю Индию, и что если местные жители пожелают стать его данниками, с ними будут хорошо обращаться. Затем испанцы попросили съестных припасов и золота, якобы необходимого им для некоторых лекарств; они рассказали также о вере в единого бога и говорили об истинности нашей религии, которую советовали поскорее принять; ко всему этому они присовокупили и кое-какие угрозы. Выслушанный ими ответ был таков: что касается их заявления о том, что они люди мирные, то, если бы они и впрямь были такими, то выглядели бы совсем по-другому; что до их короля, то раз он обращается с просьбами, значит он беден и терпит нужду; что до сделавшего ему этот подарок, то это человек, любящий сеять раздоры, ибо, отдавая третьему лицу то, что ему отнюдь не принадлежит, он вовлекает его в ссоры с давними собственниками; что до съестных припасов, то их они предоставят; золота у них очень мало, и это вещь совсем не ценимая ими, так как она бесполезна и не нужна им для жизни, ибо вся их забота заключается в том, чтобы прожить счастливо и приятно; тем не менее все, что пришельцы смогут найти, кроме того, что требуется им самим для служения их богам, пусть смело забирают с собой; что до единого бога, то речи о нем пришлись им по душе, но они не желают менять религию, поскольку она столь долгое время служила им с такой пользою; ну, а что до угроз, то угрожать тем, чей характер и чьи средства защиты неведомы, — признак нерассудительности; итак, пусть пришельцы поторопятся очистить их землю, ибо они не привыкли доверять любезности и посулам людей вооруженных и им неизвестных; в противном случае с ними обойдутся так же, как со всеми другими. И пришельцам показали несколько человеческих голов, объяснив, что это — головы казненных в их городе. Вот образец их якобы детского лепета. Но как бы там ни было, ни здесь, ни в других местах, где испанцы не находили того, что искали, их не задержали и на них не напали, какие бы возможности к их истреблению ни представлялись, и свидетели этому — мои каннибалы [41].

Из двух наиболее могущественных монархов Нового Света, а может быть и Старого, двух владык над владыками, двух последних государей из многих свергнутых испанцами с тронов, государь Перу был захвачен ими в плен в одном из сражений, и за него был назначен настолько несоразмерный выкуп, что даже трудно поверить, который все же был полностью и честно внесен, и этот государь обнаружил в беседах и разговорах прямодушное, снисходительное и стойкое мужество и ум ясный и здравый. Однако, получив с него один миллион триста двадцать пять тысяч пятьсот золотых безамов [42], кроме серебра и других вещей, стоивших самое малое столько же, так что после этого испанцы подковали своих лошадей тяжелыми золотыми подковами, победители возымели желание выяснить, не останавливаясь ни перед какими бесчестными средствами, каковы же оставшиеся у этого государя сокровища, и получить

в свое распоряжение все, что ему удалось сохранить. Ради этого против него было выдвинуто лживое обвинение и собраны лжесвидетельства, якобы уличавшие его в том, что он собирается возмутить свои земли и вырваться на свободу. На этом основании по справедливому и нелицеприятному приговору тех же самых, кто состряпал этот поклеп, его присудили к публичному повешению и удавлению, заставив сожжение заживо на костре купить ценою крещения, которое и было совершено над ним на месте казни. Ужасный, неслыханный случай, но он вытерпел все эти муки, не унизив себя ни выражением лица, ни единым словом, и держался все время с поистине королевским достоинством. По совершении этой казни испанцы, чтобы успокоить оцепеневший от столь небывалой вещи и потрясенный народ, притворились, будто глубоко скорбят о его смерти, и устроили ему пышные похороны.

Другой государь, король Мексики, после того как долго защищал свой осажденный город и выказал во время этой осады упорство и твердость, какие едва ли были когда-нибудь выказаны другими государями и другими народами, на свое несчастье живым отдался в руки врагов при условии, что с ним будут обращаться по-королевски (и, пребывая в тюрьме, он не сделал ничего не достойного этого титула); не обнаружив после этой победы всего того золота, которое они сами себе обещали в мечтах, и перерыв и перекопав все на свете, испанцы принялись добывать желательные им сведения при помощи жесточайших пыток, какие только могли придумать, над томившимися у них узниками. Но, ничего от них не добившись, так как их мужество оказалось сильнее пыток, они впали в такую ярость, что в нарушение своего слова и международного права порешили подвергнуть пытке на глазах друг у друга самого короля и одного из его виднейших придворных. Этот придворный, чувствуя, что ему не устоять перед болью, окруженный со всех сторон жаровнями с раскаленным углем, обратил на своего господина опечаленный взор, как бы прося у него прощения за то, что больше не может терпеть. Король, вперив в него надменный и строгий взгляд, чтобы бросить ему упрек в трусости и малодушии, сказал всего несколько слов, произнеся их жестким и твердым голосом: «А я? или, быть может, я в бане? Или мне легче, чем тебе?» Этот придворный вскоре после этого был сломлен болью и умер тут же на месте. Короля же, наполовину изжаренного, унесли оттуда — не из сострадания (ибо какое сострадание трогало когда-нибудь души людей, способных смотреть, как поджаривается у них на глазах человек, больше того — король, в сомнительной надежде выведать от него, где находится золотая ваза, которую они жаждут присвоить), но потому, что его стойкость все больше и больше вгоняла в стыд их жестокость. Впоследствии они его все же повесили, так как он предпринял отчаянную попытку с оружием в руках освободиться от длительного плена и рабства; он умер, как подобает умереть государю со столь возвышенною душой.

В другой раз они решили сжечь заживо на огромном костре четыреста шестьдесят человек — четыреста из простого народа и шестьдесят из наиболее знатных сановников той области, где это произошло, — самых обы-

кновенных военнопленных. Мы знаем об этом от самих испанцев, ибо они не только признаются во всех этих зверствах, но и похваляются ими и всячески их превозносят. Было ли это свершением правосудия или проявлением религиозного рвения? Разумеется, подобный путь совершенно не совместим со столь священной целью и, больше того, уводит от нее в прямо противоположную сторону. Если бы они действительно стремились распространить нашу веру, они бы сообразили, что способствует этому не завоевание новых земель, а завоевание душ человеческих; они бы довольствовались теми убийствами, которые по необходимости приносит война, и не добавляли к ним истребления всех без разбора, словно перед ними — дикие звери. Они уничтожили столько людей, сколько можно было уничтожить огнем и мечом, намеренно сохраняя в живых только тех, кого они хотели превратить в своих жалких рабов для работы на рудниках. В конце концов дело дошло до того, что несколько испанских военачальников, справедливо возмущенных и пришедших в ужас от чинимых ими насилий по повелению королей Кастилии были преданы смерти в местах, где они одерживали победы [43], и почти все другие военачальники подверглись немилости и опале. И, воздавая им по заслугам, господь попустил, чтобы эти награбленные ими сокровища неисчислимой ценности при перевозке были поглощены океанской пучиной и погибли в междоусобных войнах, в которых завоеватели безжалостно истребляли друг друга; и бóльшая часть испанцев полегла в этих заморских землях, так и не вкусив плодов от своих побед.

Что же касается поступлений оттуда, то даже в руках столь бережливого и благоразумного государя [44], как нынешний, они не отвечают надеждам, которые обольщали его предшественников и основывались на первоначальном изобилии всевозможных богатств, сразу же обнаруженных на этих вновь найденных землях (ибо, хотя и сейчас из них извлекается достаточно много, все же это так ничтожно по сравнению с тем, чего можно было ожидать). Причина же в том, что народам Нового Света были совершенно неизвестны употребление и чеканка денег и вследствие этого все их золото собиралось где-нибудь в одном месте — ведь оно использовалось лишь для того, чтобы выставляться напоказ, как утварь, наследуемая от отца к сыну на протяжении многих поколений могущественных государей, опустошавших свои рудники исключительно с целью накапливать всю эту груду сосудов и статуй для украшения дворцов и храмов, тогда как наше золото находится в обращении и в торговле. Мы его расточаем и портим в тысячах изделий, мы его разбрасываем и рассеиваем. Попробуем же представить себе, что получилось бы, если бы и наши короли так же в течение многих веков занимались накоплением золота, где бы они его ни находили, и так же сохраняли его без всякого употребления.

Жители мексиканского королевства были в некоторой мере цивилизованнее и искуснее, чем все остальные народы за океаном. Вот и они, подобно нам, полагали, что вселенная близится к своей гибели, и видели предзнаменование этого в опустошениях, которые мы им принесли. Они верили, что существование мира подразделяется на пять периодов и это

связано с жизнью пяти последовательно сменявших друг друга солнц, из которых четыре уже прожили свои сроки, а то, что их освещает, — пятое. Первое погибло вместе со всем сущим при всеобщем потопе; второе — из-за падения на нас неба, раздавившего все живое, и этот век они отводят гигантам, чьи кости они показывали испанцам (исходя из пропорций нашего тела, можно предполагать, что рост этих людей достигал двадцати пядей); третье — от огня, охватившего и пожравшего все; четвертое — от движения воздуха и от ветра, опрокинувшего даже многие горы, — на этот раз люди не умерли, а превратились в обезьян (каких только нелепостей не принимает за истину человеческое легковерие!); после гибели этого четвертого солнца мир в течение двадцати пяти лет был погружен в непрерывную тьму, причем на пятнадцатый год были созданы мужчина и женщина, восстановившие род человеческий, а спустя десять лет, в определенный по их счету день, появилось вновь сотворенное солнце, и с этого дня они и ведут свое летосчисление. На третий день по его сотворении умерли древние боги; новые появились позднее, рождаясь каждый день один за другим. Каким образом, по их мнению, погибнет последнее солнце, этого мой автор не выяснил. Но принятая у них дата гибели четвертого солнца совпадает по времени с тем сочетанием небесных светил, которое, как полагают наши астрологи, приблизительно восемьсот лет назад принесло миру великие и многочисленные новшества и изменения.

Что касается пышности и роскоши, с чего я и начал рассмотрение моего предмета, то ни Греция, ни Рим, ни Египет не могут сравнить ни одно из своих творений — ни в смысле полезности, ни в отношении трудности выполнения, ни в благородстве — с большой дорогой, которую можно увидеть в Перу и которую проложили прежние владыки этой страны от города Кито до города Куско (ее протяженность — триста лье), прямою, гладкой, мощеной, огражденной с обеих сторон прекрасными и высокими стенами, с текущими вдоль них с внутренней стороны двумя никогда не иссякающими ручьями, обсаженными красивыми деревьями, которые на их языке называются «молли».

Где они встречали на своем пути горы и скалы, они пробивали их и выравнивали, а где им попадались ямы, они закладывали их камнями, скрепленными известью. В начале каждого дневного перегона у них были большие дворцы, где хранились съестные припасы, одежда и оружие как для нужд путешественников, так и для проходящего войска. Воздавая должное этой работе, я принимаю в расчет трудности ее исполнения, которых в этих местах было особенно много. Они строили из камней размером не менее десяти квадратных футов; и у них не было других средств перемещения строительных материалов, кроме их собственных рук, и они тащили свои грузы волоком; и не было у них также способов поднимать тяжести, кроме единственного приема, состоявшего в том, чтобы возле возводимого ими строения по мере его возрастания насыпать землю, а затем убирать ее прочь.

Коснемся вопроса об их средствах передвижения. Вместо всяких колесниц и повозок они пользовались для своих переездов людьми, которые

и носили путешественников на плечах. Упомянутого выше короля Перу в тот день, когда он был захвачен испанцами, носили на золотых носилках, и, находясь в гуще сражения, он сидел на золотом кресле. По мере того как убивали его носильщиков, чтобы он упал наземь, — ибо его хотели захватить живым, — их место по собственному желанию занимали другие, так что его никак не могли ссадить с кресла, пока один всадник-испанец не схватил его и не опустил на землю.

Глава VII
О СТЕСНИТЕЛЬНОСТИ ВЫСОКОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Не имея возможности достичь высокого положения, давайте в отместку его очерним. Впрочем, найти в чем-либо известные недостатки не значит очернить; их можно найти в любой вещи, как бы хороша и вожделенна она ни была, тем более что у высокого положения есть то преимущество, что с ним можно по собственному желанию расстаться, и почти всегда есть возможность выбора более высокой или более низкой ступени: ведь не со всякой высоты непременно падаешь, гораздо чаще можно благополучно опуститься. Сдается мне, что мы вообще склонны переоценивать высокое положение, равно как и давать непомерную оценку решимости тех, кто на наших глазах презрел его, или же уверяет, что полон к нему презрения, или же добровольно от него отказался. Само по себе оно вовсе не так приятно, чтобы всякий отказ от него рассматривать как чудо.

Я считаю тягостными усилия, необходимые для того, чтобы перенести страдание, но не усматриваю никакой доблести в удовлетворенности скромной долей и в бегстве от величия. По-моему, это добродетель, которой и я, не бог весть кто, достиг без особого напряжения. Что же сказать о тех, кто примет во внимание и славу, сопутствующую такому отказу, с которым может быть связано больше честолюбивых помыслов, чем со стремлением к высокому положению и с радостью от того, что оно достигнуто? Ведь честолюбие для удовлетворения своего часто избирает пути обходные и необычные.

Мужеством я вооружаюсь преимущественно для терпения, а не для достижения каких-либо желаний. Их у меня не меньше, чем у кого-либо другого, и предоставляю я им не меньше свободы и самостоятельности. Однако же мне и в голову не приходило мечтать ни о державе и престоле, ни о величии, которое обретаешь в столь высоком положении. Я на это не

зарюсь, ибо слишком люблю себя. Если я и стремлюсь к росту, то не в высоту, и применяюсь ко всему, что ему препятствует: я хочу расти в том, что мне доступно, достигая большей решимости, рассудительности, привлекательности и даже богатства. Но всеобщий почет, но могущество власти подавляющим образом действуют на мое воображение. И, в противоположность одному великому человеку [1], я предпочту быть вторым или третьим в Перигё, чем первым в Париже, или, во всяком случае, не кривя душой, — занимать в Париже скорее третье, чем самое первое место. Я не хочу быть ни таким жалким и никому не известным существом, чтобы мне приходилось вступать в споры с привратниками, ни с трудом пробивать себе дорогу среди обступившей меня с великим обожанием толпы. Я и самой судьбой и личными склонностями предназначен к некоему среднему положению. И всем своим жизненным поведением и начинаниями своими я показал, что всегда скорее отступлюсь, чем стану перепрыгивать через ступень, определенную мне господом богом от рождения.

Всякое естественное состояние есть тем самым и справедливое и наиболее удобное.

Будучи от природы осмотрительным, я, в погоне за счастьем, ищу не столько высоты, сколько легкости достижения.

Но если сердцу моему недостает мужества, то зато оно искренно, что и заставляет меня прямо говорить о его слабости. Если бы мне пришлось провести следующее сравнение: с одной стороны, жизнь Луция Тория Бальба [2], человека благородного, красивого, образованного, здорового, который мог и умел пользоваться всеми радостями и наслаждениями жизни, вел существование спокойное и независимое, укрепив душу против страха смерти, суеверия, страдания и всех забот, неизбежно выпадающих на долю человека, и в конце концов встретил смерть в бою, с оружием в руках защищая отечество; с другой — жизнь Марка Регула [3], всем известная своим величием и доблестью, — и ее достославный конец; одна — не отмеченная людской молвой и хвалами; другая — озаренный славой пример людям. Я без сомнения сказал бы о них так же, как Цицерон, если бы обладал в той же степени искусством слова. Но, мерь я их по своей мерке, я добавил бы также, что первая настолько же подходит мне и моим стремлениям, которые я соразмеряю со своей природой, насколько вторая от них далека, что ко второй я могу отнестись лишь с величайшим восхищением, а первой охотно подражал бы на деле. Примем же ту свою величину, которая нам дана в жизни и из которой мы исходим.

Противны мне и владычество и покорность.

Отан, один из семи, имевших право притязать на трон Персии, принял решение, которое и мне было бы по сердцу: он передал сотоварищам свое право достичь верховной власти путем избрания или же волей судьбы с тем лишь условием, что ему и его близким предоставлена будет возможность жить в персидской державе, не пользуясь властью, но и не подчиняясь ничему, кроме древних обычаев, и обладая всею той свободой, которая не нарушает их, — так, чтобы и не повелевать, и не выполнять никаких повелений [4].

Самое, на мой взгляд, тягостное и трудное на свете дело — это достойно царствовать. Ошибки, совершаемые королями, я сужу более снисходительно, чем это вообще принято, ибо со страхом думаю о тяжком бремени, лежащем на властителях. Трудно соблюдать меру в могуществе столь безмерном. И надо сказать, что для добродетели тех из них, кто от природы менее благороден, величайшее испытание — занимать место, где нельзя сделать ничего хорошего так, чтобы это сразу же не было учтено и взвешено, где малейшее доброе дело, совершенное вами, касается стольких людей зараз и где своим поведением вы воздействуете прежде всего на народ, судью недостаточно справедливого, которого легко и обморочить и ублажить.

Мало есть на свете вещей, о которых мы способны высказать нелицемерное суждение, ибо среди них мало таких, которые так или иначе не вызывали бы в нас корысти. Более высокое или более низкое положение, владычество или подчиненность естественным образом вынуждаются к соперничеству и спору, неизбежно и неизменно противостоят друг другу. Ни тому ни другому не могу я верить, когда они судят о правах соперника: пусть же говорит разум, ибо он непоколебим и беспристрастен, когда мы ему доверяемся. Без малого месяц назад я просмотрел две книги шотландских авторов, споривших по этому поводу. Сторонник народовластия считает, что король — ниже ломового извозчика; поклонник монархической власти возносит его по могуществу власти на несколько саженей над самим господом богом [5].

Между тем тягостность высокого положения, в которой я мог убедиться воочию, так как недавно мне представился для этого случай, состоит в следующем. В отношениях между людьми нет, может быть, ничего увлекательнее, чем то соревнование в чести и доблести, в которое мы вступаем друг с другом, упражняя свои физические и духовные силы, и в котором никогда не могут по-настоящему принять участие носители верховной власти. По правде сказать, мне часто казалось, что при этом именно от великого почтения к ним относятся с обидным пренебрежением. Ибо в детстве, например, мне было всего оскорбительнее, если соревнующиеся со мною в чем-либо делали это вполсилы, считая меня не достойным их соперником; нечто подобное постоянно происходит с королями — никто не осмеливается вступать с ними в настоящее соревнование. Если становится заметным, что своей победе они придают большое значение, каждый старается им поддаться и, чтобы не нанести ущерба их славе, всегда готов поступиться своей, прилагая лишь столько усилий, сколько нужно для того, чтобы оказать им честь. Какое же участие принимают они в борьбе, где все — за них? Это напоминает мне паладинов былых времен, которые на состязания и битвы являлись наделенные волшебной силой или вооруженные заколдованным мечом. Брисон, состязавшийся в беге с Александром, поддался; Александр выбранил его за это, а следовало всыпать ему плетей [6]. Карнеад говорил, что дети царей лишь верховой езде учатся по-настоящему, ибо в любых других упражнениях им все уступают, чтобы они могли быть первыми, а конь, не будучи придворным льстецом, сбро-

сит с себя царского сына так же просто, как сына какого-нибудь грузчика[7]. Для того, чтобы столь нежной богине, как Венера, придать черты мужества и храбрости, свойств, которые присущи лишь тем, кто может подвергнуться опасности, Гомер вынужден был изобразить, как в битве за Трою она была ранена[8]. Богов заставляют испытывать гнев, страх, заставляют их обращаться в бегство, жаловаться, подпадать человеческим страстям, чтобы можно было наделить их доблестью, которую порождают в нас все эти несовершенства. Тот, кто не подвержен случайностям и трудностям, не может также притязать на честь и радость, вознаграждающие за смелый поступок. Жалостная участь — обладать такой властью, что все перед вами склоняется. Высокая доля слишком далеко отбрасывает от вас других людей, препятствует их общению с вами, и вы оказываетесь в стороне от всех. Легкая, безо всяких усилий дающаяся возможность все себе подчинять враждебна какому бы то ни было удовольствию: это означает скользить, а не ходить, дремать, а не жить. Представьте себе человека, наделенного всемогуществом: оно бы умалило его; ведь он должен был бы, как милости, просить у вас, чтобы вы ставили ему препятствия и оказывали сопротивление; он обделен — и всем существом своим и благами жизни.

Добрые качества земных владык мертвы, не могут проявиться: ведь о них можно судить лишь по сравнению с чем-либо, а сравнение-то как раз и делают невозможным. Подлинного одобрения они почти вовсе не знают, постоянно осыпаемые одними и теми же неизменными хвалами. Даже имея дело с самым глупым из своих подданных, они не имеют возможности по-настоящему превзойти его в чем-либо. Тот скажет: «Ведь это же мой государь», — и, по его мнению, всем уже ясно, что он дал себя одолеть. Верховная власть — качество, которое подавляет все прочие, существенные и подлинные качества: они в ней растворяются, и им дано проявляться лишь в действиях, с ней непосредственно связанных и ей служащих, — в делах царствования и правления. Так велико королевское достоинство, что облеченный им — только государь. Окружающее его, извне идущее сияние скрывает от нас человека: взор наш ничего не различает, — наполненный и отягощенный этим слишком ярким светом, он оказывается как бы отброшенным назад. Римский сенат присудил Тиберию первую награду за красноречие; тот отказался от нее, полагая, что, даже если она им заслужена, присуждение не было сделано по свободному волеизъявлению и никакой чести оно ему не принесет[9].

Уступая государям во всем, что касается чести и славы, утверждают и укрепляют также их недостатки и пороки не только простым одобрением, но и подражанием. Каждый из свиты Александра старался держать, подобно ему, голову склоненной на сторону. А льстецы Дионисия в его присутствии натыкались друг на друга, толкали и опрокидывали все, что попадалось им под ноги, чтобы показать, будто они так же близоруки, как он. Иногда рекомендацией и средством войти в милость служила грыжа. Я наблюдал, как люди из лести изображали глухоту, а Плутарх рассказывает, что у властителя, возненавидевшего жену, придворные раз-

водились со своими женами, хотя и любили их [10]. Более того, по временам в моду входили разврат и всяческая распущенность, а также вероломство, кощунство, жестокость, а также ересь, а также суеверие, безверие, изнеженность и еще худшие пороки, если такие имеются. Можно привести пример гораздо более пагубный, чем тот, что явили льстецы Митридата, которые давали своему владыке, притязавшему на честь считаться хорошим врачом, резать и прижигать их члены [11]: я имею в виду тех, кто позволяет калечить себе душу, орган гораздо более благородный и нежный.

Но, дабы кончить тем же, с чего начал, приведу еще кое-что. Когда император Адриан спорил с философом Фаворином о значении некоторых слов, тот очень скоро с ним во всем согласился. Друзья его вознегодовали по этому поводу, но он ответил: «Смеетесь вы надо мной, что ли? Как может он, начальствуя над тридцатью легионами, не быть ученее меня?» [12] Август писал эпиграммы на Азиния Поллиона: «А я, — сказал Поллион, — буду молчать. Неблагоразумно писать против того, кто может предписать мне отправиться в ссылку» [13]. И оба они были правы. Ибо Дионисий, не будучи в состоянии сравняться в искусстве поэзии с Филоксеном и в красноречии с Платоном, одного приговорил к работам в каменоломнях, а другого велел продать в рабство на остров Эгину [14].

Глава VIII

ОБ ИСКУССТВЕ БЕСЕДЫ

У нашего правосудия существует обычай осуждать одних в пример другим.

Осуждать их за то, что они провинились, было бы, как говорит Платон, нелепым [1], ибо того, что сделано, переделать нельзя. Но осуждают затем, чтобы они больше не совершали тех же провинностей, или же затем, чтобы другим неповадно было делать то же самое.

Когда человека вешают, его этим не исправишь, но другие на этом примере исправляются. Так же поступаю и я. Заблуждения мои порою свойственны самой природе моей и неисправимы. Но как люди достойные представляют всем другим пример для подражания, так и я окажу им известную услугу, показав, чего следует избегать.

Nonne vides Albi ut male vivat filius, utque
Barrus inops? magnum documentum, ne patriam rem
Perdere quis velit *.

* Разве ты не видишь, как дурно живет сын Альба и как нищ Барр? Отличное предупреждение всякому, чтобы не расточал отцовское добро [2] (*лат.*).

Выставив напоказ и осудив свои собственные недостатки, я научу когонибудь опасаться их. По свойствам своей натуры, на мой взгляд наиболее ценным, я склонен скорее себя обвинять, чем превозносить. Вот почему я постоянно возвращаюсь к этому и останавливаюсь на этом. Но, рассказывая про себя, поступаешь в ущерб себе: самообвинениям твоим всегда охотно верят, самовосхвалениям — никогда.

Есть, может быть, и другие люди, вроде меня, которые полезный урок извлекут скорее из вещей неблаговидных, чем из примеров, достойных подражания, и скорее отвращаясь от чего-то, чем следуя чему-то. Этот род науки имел в виду Катон Старший, когда говорил, что мудрец большему научится от безумца, чем безумец от мудреца [3], а также упоминаемый Павсанием древний лирик, у которого в обычае было заставлять своих учеников прислушиваться к игре жившего напротив плохого музыканта, чтобы на его примере учились они избегать неблагозвучия и фальши. Отвращение к жестокости увлечет меня по пути милосердия гораздо дальше, чем удалось бы любому образцу мягкосердечия. Отличнейший наездник не так искусно научит меня хорошо сидеть в седле, как судейский чиновник или моряк-венецианец верхом на коне. А чтобы блюсти чистоту языка, неправильную речь мне слушать полезнее, чем правильную. Нелепое поведение глупца постоянно служит мне предупреждением и советом. То, что вызывает возмущение, больше волнует и будоражит, чем то, что нравится. Нашему времени гораздо свойственнее исправлять людей дурными примерами, разладом больше, чем слаженностью, противоположным больше, чем сходным. Не видя кругом хороших примеров, я пользуюсь дурными, ибо их сколько угодно. Наблюдая людей докучных, я старался быть тем приятнее, наблюдая слабых, воспитывал в себе бо́льшую твердость и у резких учился быть как можно снисходительнее. Однако той же меры, что они, я достичь не мог.

Самое плодотворное и естественное упражнение нашего ума — по-моему, беседа. Из всех видов жизненной деятельности она для меня наиболее приятный. Вот почему, если бы меня принудили немедленно сделать выбор, я наверно предпочел бы скорее потерять зрение, чем слух или дар речи. Афиняне, а вслед за ними и римляне придавали в своих Академиях высокое значение этому искусству. В наше время итальянцы сохранили в нем некоторые навыки к большой для себя выгоде, если сравнить их способность суждения с нашей. Учась чему-либо по книгам, движешься вперед медлительно, слабо, безо всякого пыла; живое же слово и учит и упражняет. Если я веду беседу с человеком сильной души, смелым соперником, он нападает на меня со всех сторон, колет и справа и слева, его воображение разжигает мое. Дух соревнования, стремление к победе, боевой пыл увлекают меня вперед и возвышают над самим собой. Полное согласие — свойство для беседы весьма скучное.

Так как ум наш укрепляется общением с умами сильными и ясными, нельзя и представить себе, как много он теряет, как опошляется в каждодневном соприкосновении и общении с умами низменными и ущербными. Это самая гибельная зараза. По опыту своему я знаю, чего это стоит.

Я люблю беседы и споры. но лишь с немногими и в тесном кругу. Ибо выставлять себя напоказ перед сильными мира сего, щеголять своим умом и красноречием я считаю делом, недостойным порядочного человека.

Глупость — свойство пагубное, но неспособность переносить ее, терзаясь раздражением, как это со мною случается, — тоже недуг, не менее докучный, чем глупость, и я готов признать за собою этот недостаток.

В беседу и спор я вступаю с легкостью, тем более что общепринятые мнения не находят во мне благоприятной почвы, где они могли бы укорениться. Никакое суждение не поразит меня, никакое мнение не оскорбит, как бы они ни были мне чужды. Нет причуды столь легкомысленной и странной, которую я не счел бы вполне допустимым порождением человеческого ума. Мы, не признающие за суждением своим права выносить приговоры, должны снисходительно относиться к самым различным мнениям, и если мы с ними не согласны, будем их все же спокойно выслушивать. Если одна чаша весов совсем пуста, пусть на другую, колебля ее, лягут хотя бы сонные грезы какой-нибудь старушки. Полагаю также вполне извинительным предпочитать нечетные числа, четверг, а не пятницу, стараться быть за столом не тринадцатым, а двенадцатым или четырнадцатым, охотнее наблюдать, как заяц бежит вдоль дороги, по которой путешествуешь, чем как он перебегает ее, и при обувании протягивать слуге сперва правую ногу. Все эти выдумки, которым верят окружающие, заслуживают хотя бы того, чтобы их выслушивать: по мне, это бабьи сказки, но и бабьи сказки уже кое-что. Народные приметы и гадания все же не ничто, а нечто. Тот же, кто думает иначе, стремясь избежать суеверия, впадает в порок бессмысленного упрямства.

Противные моим взглядам суждения не оскорбляют и не угнетают меня, а только возбуждают и дают толчок моим умственным силам. Мы не любим поучений и наставлений; однако надо выслушивать их и принимать, особенно когда они преподносятся в виде беседы, а не какой-нибудь нотации. При малейшем возражении мы стараемся обдумать не основательность или неосновательность его, а каким образом, всеми правдами или неправдами, его опровергнуть. Вместо того, чтобы раскрыть объятия, мы сжимаем кулаки. Я же готов выслушать от друзей самую резкую отповедь: ты дурак, ты городишь вздор. Я люблю, чтобы порядочные люди смело говорили друг с другом и слова у них не расходились с мыслями. Нам следует иметь уши более стойкие и выносливые и не изнеживать их, слушая одни только учтивые слова и выражения. Я люблю общество людей, у которых близкие отношения основаны на чувствах сильных и мужественных, я ценю дружбу, не боящуюся резких и решительных слов, так же как любовь, которая может кусаться и царапаться до крови.

Ей не хватает пыла и великодушия, если она не задириста, если она так благовоспитанна и изысканна, что боится резких толчков и все время старается сдерживаться.

Neque enim disputari sine reprehensione potest *,

* Ведь нельзя спорить, не опровергая противника [4] (*лат.*).

Тот, кто возражает мне, пробуждает у меня не гнев, а внимание: я предпочитаю того, кто противоречит мне и тем самым учит меня. Общим делом и его и моим должна быть истина. Что сможет он ответить, если ярость уже помутила ему рассудок, а раздражение вытеснило разум? Было бы полезно биться в наших спорах об заклад, чтобы за ошибки мы платились чем-то вещественным, вели им счет и чтобы слуга мог сказать нам: в прошлом году вы потеряли сотню экю на том, что двадцать раз проявили невежество и упрямство. Кто бы ни преподносил мне истину, я радостно приветствую ее, охотно сдаюсь ей, протягиваю ей свое опущенное оружие, даже издалека видя ее приближение. Если, критикуя мои писания, принимают не слишком высокомерный и наставительный тон, я охотно прислушиваюсь и многое меняю в написанном мною скорее из соображений учтивости, чем для того, чтобы действительно произвести какие-то улучшения. Даже в ущерб себе я готов легко уступать критикам, чтобы поддерживать и поощрять в них желание свободно выражать свои мнения. Однако современников моих крайне трудно вовлечь в такой спор: у них нет мужества указывать собеседнику на его ошибки; не хватает у них духу и на то, чтобы самим принимать его замечания, и друг с другом они всегда говорят неискренно. Я настолько люблю, чтобы люди обо мне судили и узнавали мою подлинную сущность, что мне почти безразлично, идет ли речь о том или о другом. В воображении своем я так склонен противоречить самому себе и осуждать самого себя, что мне все равно, если это делает кто другой: главное ведь то, что я придаю его мнению не больше значения, чем это мне в данный момент угодно. Но я прекращаю спор с тем, кто уж слишком заносится: я знавал одного человека, который обижается за свое мнение, если ему недостаточно верят, и считает оскорблением, если собеседник колеблется, последовать ли его совету. То, что Сократ весело принимал все возражения, которые ему делали, может быть, происходило потому, что он хорошо сознавал свою силу и, будучи уверен, что окажется прав, усматривал в этих возражениях лишнюю возможность утвердить свою славу. Напротив, мы видим, что больше всего задевает нас сознание превосходства нашего противника и его презрение, а между тем именно слабому следует, по справедливости, со всей готовностью стать на правильный путь. И я, действительно, больше ищу общества тех, кто меня поучает, чем тех, кто меня побаивается. Иметь дело с людьми, которые восхищаются нами и во всем нам уступают, — удовольствие весьма пресное и даже вредное для нас. Антисфен наставлял своих детей никогда не выражать ни малейшей благодарности тому, кто их хвалит [5]. Я гораздо больше горжусь победой, которую одерживаю над самим собою, когда в самом пылу спора заставляю себя склониться перед доводами противника, чем радуюсь, одолевая противника из-за его слабости. Одним словом, я готов принимать и парировать все удары, которые наносят мне по правилам поединка, даже самые неумелые, но не переношу ударов неправильных. Суть дела меня трогает мало, высказываемые мнения безразличны, и я более или менее равнодушен к исходу спора. Я готов хоть целый день спокойно вести спор, если в нем соблюдается порядок.

Я требую не столько силы и тонкости аргументов, сколько порядка, того порядка, который всегда соблюдают в своих словесных распрях пастухи или молодцы, стоящие за прилавками, но никогда не соблюдаем мы. Если беспорядок и возникает, то потому, что спор переходит в перебранку, а это случается и у нас. Но пыл и раздражение не уводят их от сути спора: речь идет все о том же. Если они перебивают друг друга, не выслушивают до конца, то во всяком случае все время понимают, о чем идет речь. По-моему, любой ответ хорош, если он к месту. Но когда спор превращается в беспорядочную свару, я отхожу от сути дела и увлекаюсь формой, злюсь, раздражаюсь и начинаю проявлять в споре упрямство, недобросовестность, высокомерие, а потом мне приходится за все это краснеть.

Невозможно вести честный и искренний спор с дураком.

Воздействие такого неистового советчика, как раздражение, губительно не только для нашего разума, но и для совести. Брань во время споров должна запрещаться и караться, как другие словесные преступления. Какого только вреда не причиняет и не нагромождает она, неизменно порождаемая злобным раздражением!

Враждебное чувство вызывают в нас сперва доводы противников, а затем и сами люди. Мы учимся в споре лишь возражать, а так как каждый только возражает и выслушивает возражения, это приводит к тому, что теряется, уничтожается истина. Вот почему Платон в своем государстве лишал права на спор людей с умом ущербным и неразвитым [6].

Зачем отправляться на поиски истины со спутником, не умеющим идти так ровно и быстро, как надо? Предмету не наносится никакого ущерба, если от него отступают, чтобы найти правильный способ рассуждать о нем. Я имею в виду не приемы схоластических силлогизмов, а естественный путь здравого человеческого разумения. К чему это все может привести? Один из спорщиков устремляется на запад, другой — на восток, оба они теряют из виду самое главное, плутая в дебрях несущественных частностей. После часа бурного обсуждения они уже сами не знают, чего ищут: один погрузился на дно, другой залез слишком высоко, третий метнулся в сторону. Тот цепляется за одно какое-нибудь слово или сравнение; этот настолько увлекся своей собственной речью, что не слышит собеседника и отдается лишь ходу своих мыслей, не обращая внимания на ваши. А третий, сознавая свою слабость, всего боится, все отвергает, с самого начала путает слова и мысли или же в разгаре спора вдруг раздраженно умолкает, напуская на себя горделивое презрение от досады на свое невежество либо из глупой ложной скромности уклоняясь от возражений. Одному важно только наносить удары и все равно, что при этом он открывает свои слабые места. Другой считает каждое свое слово, и они заменяют ему доводы. Один действует только силой своего голоса и легких. Другой делает выводы, противоречащие его же собственным положениям. Этот забивает вам уши пустословием всяческих предисловий и отступлений в сторону. Тот вооружен лишь бранными словами и ищет любого пустякового предлога, чтобы рассориться и тем самым уклониться от беседы с человеком, с которым он не может тягаться умом. И, наконец, еще

один меньше всего озабочен разумностью доводов, зато он забивает вас в угол диалектикой своих силлогизмов и донимает формулами своего ораторского искусства.

Кто же, видя, какое употребление мы делаем из наук, этих nihil sanantibus litteris *, не усомнится в них и в том, что они могут принести какую-нибудь пользу в жизни? Кого логика научила разумению? Где все ее прекрасные посулы? Nec ad melius vivendum nec ad commodius disserendum **. Разве рыночные торговки сельдью городят в своих перебранках меньше вздора, чем ученые на своих публичных диспутах? Я предпочел бы, чтобы мой сын учился говорить в каких-нибудь кабачках, чем в этих школах для говорения. Наймите магистра свободных искусств, побеседуйте с ним. Пусть бы он дал нам почувствовать весь блеск своего искусства, пусть бы он восхитил женщин и жалких невежд вроде нас основательностью своих доводов и стройной логичностью рассуждений, пусть бы он покорил нас, убедил, как ему будет угодно! Для чего человеку, обладающему такими преимуществами как в предмете своей науки, так и в умении рассуждать, пользоваться в словесной распре оскорблениями, нескромными, гневными выпадами? Сбрось он с себя свою ермолку, мантию, свою латинскую ученость, не забивай он вам слух самыми чистыми, беспримесными цитатами из Аристотеля, и вы найдете, что он не лучше любого из нас грешных, а пожалуй и хуже. Мне кажется, что с их витиеватыми и путаными речами, которыми они нас морочат, обстоит так же, как с искусством фокусников; их ловкость действует на наши ощущения, завладевает ими, но убедить нас ни в чем не может; кроме этого фиглярства, все у них пошло и жалко. Учености у них больше, а глупости ничуть не меньше.

Я люблю и почитаю науку, равно как и тех, кто ею владеет. И когда наукой пользуются, как должно, это самое благородное и великое из достижений рода человеческого. Но в тех (а таких бесчисленное множество), для кого она — главный источник самодовольства и уверенности в собственном значении, чьи познания основаны лишь на хорошей памяти (sub aliena umbra latentes) ***, кто все черпает только из книг, в тех, осмелюсь сказать, я ненавижу ученость даже несколько больше, чем полное невежество. В нашей стране и в наше время ученость может быть полезной для кармана, но душе она редко что-либо дает. Для слабой души она является тяжелым и трудноперевваримым материалом, отягощает и губит ее. Души возвышенные она еще больше очищает, просветляя и утончая их до того, что в них уже как бы ничего не остается. Ученость как таковая, сама по себе, есть нечто безразличное. Для благородной души она может быть добавлением очень полезным, для какой-нибудь иной — вредоносным и пагубным. Вернее было бы сказать, что она вещь драгоценная для того, кто умеет ею пользоваться, но за нее надо платить настоя-

* Ничего не исцеляющих наук [7] (*лат.*).
** Ни лучше жить, ни толковее рассуждать [8] (*лат.*).
*** Скрывающиеся в чужой тени [9] (*лат.*).

щую цену: в одной руке это скипетр, в другой — побрякушка. Но пойдем дальше.

Какой еще можно желать победы, когда вы убедили противника, что ему нет смысла продолжать с вами борьбу? Если побеждает то положение, которое вы защищали, в выигрыше истина. Если побеждает ясность и стройность вашего рассуждения, в выигрыше вы сами. Мне сдается, что у Платона и Ксенофонта Сократ ведет спор скорее ради пользы своих противников, чем ради самого предмета спора, скорее ради того, чтобы Эвридем и Протагор[10] прониклись сознанием своего собственного ничтожества, чем порочности своего учения. Он обращается с предметом так, словно ставит себе более важную цель, чем истолкование такового, то есть стремится просветить умы тех, с кем беседует и кого учит. Во время охоты ловкость и целесообразность наших действий и является в сущности той дичью, за которой мы охотимся: если мы ведем охоту плохо, неумело — для нас нет извинения. А уж поймаем ли мы дичь или не поймаем — дело совсем другое. Ибо мы рождены для поисков истины. Обладание же ею дано лишь более высокому и мощному духу. Истина вовсе не скрыта, как это утверждал Демокрит[11], в глубочайших безднах, — вернее будет считать, что она царит высоко над нами и владеет ею мысль божества. Мир наш — только школа, где мы учимся познавать. Самое важное не взять приз, а проявить больше всего искусства в состязании. Тот, кто вещает истину, может быть таким же дураком, как и тот, кто городит вздор: ибо дело у нас не столько в том, что именно сказано, сколько в том, как сказано. Я склонен уделять форме не меньше внимания, чем сути, защитнику дела не меньше, чем самому делу, как считал нужным Алкивиад.

Мне всегда доставляет удовольствие читать произведения различных писателей, не заботясь о том, много ли они знают: меня занимает не самый предмет их, а то, как они его трактуют. Точно так же стараюсь я завязать знакомство с тем или иным из прославленных умов не для того, чтобы он меня учил, но для того, чтобы узнать его самого.

Любой человек может сказать нечто, соответствующее истине, но выразить это красиво, разумно, немногословно смогут не столь уж многие. Вот почему меня раздражает не сказанное неверно по незнанию, а неумение сказать это хорошо. Я прервал многие полезные для меня связи из-за того, что те, с кем я был связан, проявляли полную неспособность к беседе. Даже раз в год я не выскажу возмущения ошибками тех, кто от меня зависит, но ежедневно у нас происходят стычки из-за глупости и упрямства, которые они проявляют в своих тупых, ослиных объяснениях, извинениях и оправданиях. Они не понимают, что и почему им говоришь, и точно так же отвечают, доводя меня прямо до отчаяния. Самый для меня болезненный удар по голове — тот, который мне наносит другая голова, я готов скорее примириться с пороками моих людей, чем с их нахальством, докучностью и глупостью. Пусть уж лучше они меньше делают, лишь бы проявили способность что-то делать. Живешь в надежде пробудить их добрую волю, но от чурбана не на что надеяться и нечего ждать.

Но что если я считаю вещи не тем, чем они на самом деле являются? Это вполне возможно. И потому я готов осудить свое нетерпение и сразу же сказать, что оно так же порочно в правом, как и в неправом; кто не выносит не свойственных самому себе повадок, тот не в меру раздражителен. И, кроме того, сказать по правде, нет глупости больше, назойливее и диковиннее, чем возмущаться и оскорбляться глупостями, творящимися вокруг. Ибо эта глупость обращается против нас же. И у некоего философа древности никогда не было недостатка в поводах для слез, коль скоро он приглядывался бы к самому себе. Мисон, один из семи мудрецов, во многом сходный с Тимоном и Демокритом, на вопрос, над чем это он смеется, сидя в одиночестве, ответил: «Да как раз над тем, что смеюсь про себя» [12].

Сколько глупостей, что ни день, говорю я сам в ответ на другие и насколько же этих глупостей больше по мнению других! Если из-за этого я сам себе кусаю губы, что же делают другие? Одним словом, надо жить среди живых людей и не заботиться о том, а тем паче не вмешиваться в то, как вода течет под мостом. И правда, почему мы без всякого раздражения видим человека кривобокого, косолапого — и не можем не прийти в ярость, встретившись с человеком, у которого ум вкривь и вкось? Источник этого неправедного гнева — не столько провинность, сколько сам судья. Будем всегда помнить изречение Платона: «Если что-нибудь по-моему не здорово, то не потому ли, что это я не здоров? Не сам ли я в этом виноват? Нельзя ли мой упрек обратить против меня самого?» [13] Слова — божественно мудрые, бичующие самое общераспространенное из человеческих заблуждений. Не только упреки, которые мы делаем друг другу, но и наши доводы, и наши аргументы в спорах большей частью можно обратить против нас же и поразить нас нашим же оружием. У древних я нахожу этому достаточно яркие примеры. Очень удачно и весьма к месту сказал нижеследующее словцо тот, кто его придумал:

Stercus cuique suum bene olet *.

На затылке у нас нет глаз. Сто раз на день смеемся мы над самими собой по поводу того, что подмечаем у соседа, в другом осуждаем те недостатки, которые еще нагляднее в нас самих, где мы ими же восхищаемся с удивительным бесстыдством и непоследовательностью.

Еще вчера я был свидетелем того, как один человек, рассудительный и любезный, весьма забавно и справедливо высмеивал глупость другого, который всем надоедает разговорами о своей родословной и аристократических родственных связях, — притом и то и другое в достаточной мере не подлинно (охотнее всего пускаются в подобные разговоры как раз те, чей аристократизм всего сомнительнее). Но если бы насмешник взглянул на себя со стороны, он заметил бы, что и он сам не менее назойливо и докучно выставляет всем напоказ знатность и родовитость своей супруги.

* Свое дерьмо не воняет [14] (*лат.*).

О докучное самомнение, которым жену вооружает ее собственный муж! Если бы они понимали латынь, им бы следовало процитировать:

Age! si haec non insanit satis sua sponte, instiga *.

Я не утверждаю, что осуждать может только человек безупречный, ибо тогда никто никого не осуждал бы. Не считаю я даже, что осуждающий должен быть обязательно непричастен к тому же греху. Я имею в виду, что, осуждая недостатки другого человека, о котором сейчас идет речь, мы тем самым отнюдь не избавляем самих себя от внутреннего суда. Со стороны того, кто не в силах справиться со своим собственным пороком, я считаю человеколюбивым стремление излечить от него другого человека, в котором дурное семя, может быть, не так глубоко и зловредно укоренилось. Не считаю я также правильным в ответ на упреки обвинять собеседника в том же грехе. Не все ли это равно? Упрек остается справедливым и полезным. Если бы у нас было хорошее обоняние, наши собственные нечистоты должны были бы казаться нам еще зловоннее. Сократ полагал, что когда какой-нибудь человек, его сын и кто-то ему посторонний оказываются одинаково повинны в каком-то насилии или оскорблении, виновный должен требовать у правосудия справедливой кары прежде всего самому себе, затем своему сыну и, наконец, третьему, постороннему для него человеку [16]. Если это предписание, пожалуй, уж чересчур сурово, то во всяком случае каждый, кто в чем-либо виновен, должен судить судом личной совести в первую очередь себя самого.

Ощущения наши являются для нас непосредственными, первоначальными судьями, воспринимающими все окружающие вещи по внешнему впечатлению. Нечего и дивиться тому, что во всех областях общественной жизни наблюдается такое непрерывное многообразное смешение всевозможных церемоний и чисто внешних форм поведения и что именно в них наиболее полным и действенным образом проявляется всякий общественный порядок. Ведь мы всегда имеем дело с человеком, а всего примечательнее, что природа человеческая в основе своей — телесна. Пусть те, кто за последние годы стремились утвердить религию созерцательную и безобрядную [17], не удивляются, что есть люди, считающие, что эта религия растаяла бы и растеклась у них между пальцев, если бы она не держалась среди нас больше потому, что стала знаком, именем и орудием общественного разлада и разделения на партии, чем по своим внутренним качествам. То же самое и в наших диспутах: важный вид, облачение и высокое положение говорящего часто заставляют верить словам пустым и нелепым. Никому и в голову не придет, что у человека столь уважаемого и почитаемого нет за душой ничего, кроме этого уважения толпы, и что человек, которому поручается столько дел и должностей, такой высокомерный и надменный, не более искусен, чем какой-то другой, издали низко кланяющийся ему и ничьим доверием не облеченный. Не только слова, но и

* Валяй, если она недостаточно безумствует по своему побуждению, подстегни ее [15] (*лат.*).

ужимки таких людей принимают во внимание, считаясь с ними, и каждый старается истолковать их самым лучшим и основательным образом. Если они снисходят до собеседования с обыкновенными людьми и им приходится выслушать что-либо, кроме выражений почтительного одобрения, они сокрушают вас авторитетом своего личного опыта: они, мол, слышали, видели, делали то-то и то-то. Вы просто раздавлены количеством примеров. Я охотно возразил бы им, что, например, ценность опыта, вынесенного врачом, состоит вовсе не в удачной практике, не в простом учете четырех излеченных чумных и трех подагриков, и что опыт его ничего не доказывает, если он не сумел извлечь из него никакой общей мысли и не может убедить нас в том, что стал лучше разуметь свое дело. Так, в концерте мы слышим не лютню, спинет [18] или флейту, а созвучие этих инструментов вместе взятых, то, что создается их взаимодействием. Если путешествия, совершенные важными лицами, и отправление ими должностей пошли им на пользу, пусть они докажут это нам развитием своей способности суждения. Недостаточно накопить опыт, надо его взвесить и обсудить, надо его переварить и обдумать, чтобы извлечь из него все возможные доводы и выводы. Никогда не было столько историков, как в наше время. Слушать их всегда хорошо и полезно, так как в складе их памяти мы найдем для себя много прекрасных и нужных сведений, поучений. В жизни это, конечно, большая нам подмога. Но не к тому мы сейчас стремимся, — мы хотим убедиться, достойны ли похвалы сами по себе эти рассказчики и летописцы событий.

Мне ненавистна всякая тирания — и в речах и в поступках. Я всегда восстаю против суетности, против того, чтобы внешние впечатления затуманивали нам рассудок, а так как необыкновенное величие некоторых людей всегда вызывает у меня известные сомнения, я обычно убеждаюсь, что они в сущности такие же, как все.

Rarus enim ferme sensus communis in illa
Fortuna *.

Случается, что их уважают и ценят даже меньше, чем они того на самом деле заслуживают, именно потому, что они за слишком многое берутся и слишком выставляют себя напоказ, без достаточных оснований. В человеке, взваливающем на себя ношу, должно быть больше силы и мощи, чем требует его груз. У того, кто не использовал своих сил до предела, можно еще предполагать любые возможности. Тот же, кто пал под непосильным бременем, всем показывает, как слабы его плечи. Вот почему именно среди ученых мы так часто видим умственно убогих людей, из которых вышли бы отличные земледельцы, торговцы, ремесленники: такой род деятельности вполне соответствовал бы их природным силам. Наука — дело очень нелегкое, оно их сокрушает. Механизм, которым они являются, и недостаточно мощен и недостаточно тонок, чтобы обрабаты-

* При столь высокой судьбе редко когда встречается простой здравый смысл [19] (*лат.*).

вать и перерабатывать столь сложное и благородное вещество. Наука пригодна лишь для сильных умов; а они весьма редки. Слабые же умы, по словам Сократа [20], берясь за философию, наносят только ущерб ее достоинству. Оружие это в худых ножнах кажется и никчемным и даже опасным. Вот как они сами себе портят дело и вызывают смех.

Humani qualis simulator simius oris,
Quem puer arridens pretioso stamine serum
Velavit, nudasque nates ac terga reliquit,
Ludibrium mensis *.

Точно так же и тем, кто нами повелевает и правит, кто держит в руках своих судьбы мира, недостаточно обладать разумением среднего человека, мочь столько же, сколько можем мы; и если они не превосходят нас в достаточной мере, то уже тем самым оказываются гораздо ниже нашего уровня. От них ожидаешь большего, они и должны делать больше. Молчаливость приносит им зачастую большую пользу не только тем, что придает внушающую почтение важность, но и тем, что порою является для них весьма выгодной и удобной. Так, Мегабиз, посетив Апеллеса в его мастерской, долгое время пребывал в безмолвии, а затем принялся рассуждать о его творениях, на что получил следующую резкую отповедь: «Пока ты молчал, ты в своем роскошном наряде и золотых украшениях казался нам чем-то весьма значительным. Теперь же, после того как мы тебя послушали, над тобой потешается мой самый последний подмастерье» [22]. Из-за своего высокого положения, из-за окружавшего его великолепия он не имел права проявлять невежество простолюдина и нести вздор о живописи: ему следовало, не нарушая молчания, сохранять такой вид, будто он в этой области знаток. А скольким из моих нищих духом современников напускная холодная молчаливость помогла прослыть мудрыми и понимающими людьми!

Чины и должности, — так уж повелось — даются человеку чаще по счастливой случайности, чем по заслугам. И большей частью за это совершенно напрасно упрекают королей. Напротив, надо изумляться, как часто удается им сделать удачный выбор при недостаточном уменье разбираться в людях.

Principis est virtus maxima nosse suos **.

Ибо природа отнюдь не наделила их ни способностью обнять взором столь большое количество людей, чтобы остановиться на достойнейших, ни даром заглядывать в душу, дабы получить представление о нашем взгляде на вещи и наших качествах. Им приходится выбирать нас как бы наугад, в зависимости от обстоятельств, от нашей родовитости, богатства,

---

* Как обезьяна с подобием человеческого лица, которую, когда она постарела, мальчик потехи ради обрядил в роскошную ткань, оставив ей голую спину и голый зад, — забава для пиршеств [21] (*лат.*).

** Величайшая добродетель государя — знать подвластных ему людей [23] (*лат.*).

учености, репутации — оснований весьма слабых. Тот, кто сумел бы найти способ всегда судить о людях по достоинству и выбирать их согласно доводам разума, уже одним этим установил бы самую совершенную форму государственности.

Отлично! Допустим, что ему удалось совершить это великое дело. Это уже нечто, но еще не все. Ибо справедливо изречение, что о данном совете нельзя судить только по исходу предприятия. Карфагеняне взыскивали со своих полководцев за неправильные решения, даже если по счастливой случайности дело обернулось хорошо. А народ римский нередко отказывал в триумфе полководцам, одержавшим крупные и очень выгодные государству победы, только за то, что успех достигнут был не благодаря их искусству, а лишь потому, что им повезло. Обычно приходится наблюдать, что во всех жизненных делах судьба, которая всегда стремится показать нам свое могущество и унизить нашу самонадеянность, но не может сделать неспособных людей мудрецами, дарует им вместо разума и доблести — удачу. И благосклоннее всего она к тем именно предприятиям, где успех зависит исключительно от нее. Вот почему мы постоянно видим, что самые ограниченные люди доводят до благополучного разрешения важнейшие дела, как общественные, так и частные. Недаром перс Сирам, отвечая людям, удивившимся, почему это его дела так плохи, когда он рассуждает так умно, сказал, что рассуждения зависят только от него самого, а успех в делах — от судьбы [24]; удачливые простаки могут сказать то же самое, только в обратном смысле. В нашей жизни почти все совершается как-то само по себе:

Fata viam inveniunt *.

Успехом может зачастую увенчаться самое неосмысленное поведение. Наше участие в каком-либо предприятии — почти всегда дело навыка, и руководствуемся мы гораздо чаще обычаем и примером, чем разумными соображениями. Пораженный в свое время важностью одного дела, я узнал о тех, кто привел его к удачному концу, как они действовали и на каком основании, и обнаружил во всем этом лишь самую обычную посредственность. Может быть, действовать наиболее обычным и общепринятым образом в жизненных делах всего полезнее и удобнее, хотя это и производит несравненно меньшее впечатление.

Как! Самые пошлые побуждения — наиболее основательны? Самые низменные и жалкие, самые избитые — больше всего приносят пользы делу? Для того, чтобы поддерживать уважение к королевским предначертаниям, нет необходимости, чтобы к ним были причастны простые смертные, которые при этом стали бы слишком далеко заглядывать. Кто хочет сохранить к ним должное почтение, пусть доверится полностью и безоговорочно. Мое рассуждение о том или ином деле лишь слегка затрагивает его, поверхностно касается на основании первого впечатления. Что же до

* Судьбы находят путь [25] (*лат.*).

главного и основного, то в этом я привык полагаться на провидение:

Permitte divis cetera *.

Две величайшие, на мой взгляд, силы — счастье и несчастье. Неразумно считать, будто разум человеческий может заменить судьбу. Тщетны намерения того, кто притязает обнять причины и следствия и за руку вести свое предприятие к вожделенному концу. Особенно же тщетны они при обсуждении операций на военном совете. Никогда еще люди не проявляли столько предусмотрительности и осмотрительности в делах военных, как зачастую проявляем теперь мы. Не из страха ли сбиться с пути, не из стремления ли благополучно прийти к развязке?

Скажу даже больше: и сама наша мудрость, наша рассудительность большей частью подчиняется воле случая. Мои воля и рассудок покоряются то одному дуновению, то другому, и многие из их движений совершаются помимо меня. Разум мой подвержен воздействиям, зависящим от случайных, временных обстоятельств:

Vertuntur species animorum, et pectora motus
Nunc alios, alios dum nubila ventus agebat,
Concipiunt **.

Посмотрите, кто в наших городах наиболее могуществен и лучше всего делает свое дело, — и вы найдете, что обычно это бывают наименее способные люди. Случалось, что женщины, дети и безумцы управляли великими государствами не хуже, чем самые одаренные властители. И обычно, отмечает Фукидид, грубым умам дело управления давалось лучше, чем утонченным [28]. Мы же удачу их приписываем разумению.

Ut quisque fortuna utitur
Ita praecellet, atque exinde sapere illum omnes dicimus ***.

Вот почему я всегда прав, утверждая, что ход событий — плохое доказательство нашей ценности и наших способностей.

Говорил я также, что нам надо только обратить внимание на какое-нибудь лицо, достигшее высокого положения: если за три дня до этого мы знали его как человека незначительного, в нашем представлении возникает образ величественный, полный благородных свойств, и вот мы уверены, что человек этот, возвысившийся в общественном положении и во мнении людей, возвысился также и по своим заслугам. Мы судим о нем не по его подлинным качествам, для нас он — как игральная фишка, ценность которой зависит от того, куда она ляжет. Если переменится счастье, если он падет и вновь смешается с толпой, каждый станет выражать удивление: как это удалось ему сперва так высоко забраться. «Тот ли это чело-

---

* Предоставь остальное богам [26] (*лат.*).

** Меняется облик души, и сердце порождает то одни побуждения, то другие, пока ветер не успел разогнать тучи [27] (*лат.*).

*** Каждый возвышается в меру того, как ему благоволит судьба, а мы на основании этого говорим, — что он — умница [29] (*лат.*).

век? — скажут все. — Неужто он ни о чем понятия не имел, когда занимал свой пост? Неужто короли так плохо выбирают себе слуг? В хороших же руках мы находились!» Сколько раз приходилось мне это видеть. Ведь и личины великих людей, изображенных на сцене, могут нас взволновать и обморочить. Больше всего заставляют меня преклоняться перед королями толпы преклоненных перед ними людей. Все должно подчиняться и покоряться им, кроме рассудка. Не разуму моему подобает сгибаться, а лишь коленям.

Когда Мелантия спросили, что он думает о трагедии, сочиненной Дионисием, он ответил: «Я ее даже и не видел, так она затуманена велеречием» [30]. Точно так же большинство из тех, кто судит о речах властителей, могут сказать: «Я не слышал того, что он сказал, так это все было затуманено превыспренностью, важностью и величием».

Антисфен, посоветовав однажды афинянам распорядиться, чтобы их ослов применяли для пахоты так же, как лошадей, получил ответ, что эти животные для такой работы не годятся. «Все равно, — возразил он, — достаточно вам распорядиться. Ведь даже самые невежественные и неспособные люди, которые у вас командуют на войне, сразу же становятся подходящими для этого дела, как только вы их назначили» [31].

Сюда же относится обычай многих народов обожествлять избранного ими властителя: им мало почитать его, они хотят ему поклоняться. Жители Мексики после коронования своего владыки уже не смеют смотреть ему в лицо. Он же, раз они его обожествили, наделив царской властью, клянется им не только защищать их веру, законы, свободу, быть доблестным, справедливым и милостивым, но также заставлять солнце светить и совершать свой путь в небе, тучи — изливать в должное время дождь, реки — струиться по течению, землю — приносить все нужные народу плоды [32].

Я не придерживаюсь этого общепринятого взгляда на вещи, и высокие достоинства человека вызывают у меня подозрение, если им сопутствуют величие, удача и всеобщий почет. Надо всегда иметь в виду, какое значение имеет возможность сказать то-то и то-то в подходящий момент, выбрать отправную точку, прервать свою речь или властным решением изменить предмет ее, отвергнуть возражение собеседника одним лишь движением головы, улыбкой или просто своим молчанием перед аудиторией, трепещущей от благоговейного почтения.

Некий человек, обладатель неслыханного богатства, вмешавшись в легкую, ни к чему не обязывающую беседу, которая велась за его столом, начал буквально так: «Только лжец или невежда могут не согласиться с тем, что. . .» и т. д. Острый зачин столь философического свойства можно развивать и с кинжалом в руках.

Вот и другое соображение, которое я считаю весьма полезным: во время бесед и споров нельзя сразу же соглашаться с каждым словом, которое кажется нам верным. Люди большей частью богаты чужой мудростью. Каждый может употребить ловкое выражение, удачно изречь что-нибудь или удачно ответить и, выступив со всем этим, даже не отдавать себе от-

чета в подлинном значении своих слов. Я и на своем личном примере мог бы показать, что не всегда полностью владеешь тем, что заимствовано у другого. Какой бы верной и красивой ни казалась чужая мысль, не всегда следует ей поддаваться. Надо или разумно противопоставить ей другую или же отступить и, сделав вид, что не расслышал собеседника, основательно, со всех сторон прощупать, что он в сущности имел в виду. Может случиться также, что мы слишком остро отзовемся на удар, которым нас вовсе не собирались сильно затронуть. В свое время мне случалось в пылу спора давать такие ответы, которые попадали гораздо дальше, чем я намечал. Я старался, чтобы они были только числом побольше, а давили на собеседников они всем своим весом. Когда я спорю с сильным противником, то стараюсь предугадать его выводы, освобождаю его от необходимости давать мне разъяснения, силюсь досказать за него то, что в речах его лишь зарождается и потому не вполне выражено (ведь он так ладно и правильно рассуждает, что я уже заранее чувствую его силу и готовлюсь к обороне). С противниками слабыми я поступаю совершенно противоположным образом: их слова надо понимать именно так, как они сказаны, и ничего дальнейшего не предугадывать. Если они употребляют общие слова: то хорошо, это плохо, — а суждение их получается верным, надо посмотреть, не случайно ли они оказались правы. Пусть они приведут более обстоятельные доводы и объяснят, почему именно, каким образом это так, а не иначе. Общепринятые мнения, с которыми постоянно сталкиваешься, ничего мне не говорят. Высказывающие их люди как бы приветствуют целую толпу народа, не различая в ней никого. Тот же, кому она хорошо знакома, обращается к каждому в отдельности, называя его по имени. Но дело это нелегкое.

По нескольку раз в день приходилось мне замечать, что умы неосновательные, желая сделать вид, будто они хорошо разбираются в красотах какого-нибудь литературного произведения, выражают свое восхищение по столь неудачному поводу, что убеждают нас не в достоинствах автора, а в своем собственном невежестве. Прослушав страницу из Вергилия, можно безошибочно воскликнуть: «Как прекрасно!» Этим обычно и отделываются хитрецы. Но обстоятельно разобрать данный отрывок, подробно и обоснованно отметить, в чем выдающийся писатель превзошел сам себя, как он достиг высшего мастерства, взвесить отдельные слова, фразы, образы, одно за другим — от этого лучше откажитесь. Videndum est non modo quid quisque loquatur, sed etiam quid quisque sentiat, atque etiam qua de causa quisque sentiat *. Постоянно слышу я, как глупцы держат речи вовсе не глупые. Говорят они верные вещи. Но посмотрим, насколько хорошо они их знают, откуда идет их разуменье. Мы помогаем им воспользоваться умным словом, правильным доводом, которые не им принадлежат, которыми они только завладели. Они привели их нам случайно, на ощупь, мы же относим все это на их личный счет. Вы им оказываете помощь. А зачем?

* Нужно обращать внимание не только на то, что каждый говорит, но также и на то, что каждый чувствует и по какой причине он чувствует именно так [33] (*лат.*).

Они нисколько не благодарны и становятся лишь невежественнее. Не помогайте им, предоставьте их самим себе. Они станут обращаться с предметом, о котором идет речь, как люди, опасающиеся обжечься; они не решатся подойти к нему с какой-то другой стороны, углубить его. Вы же повертите его туда и сюда, и он сразу выпадет у них из рук, они уступят вам его, как бы прекрасен и достоин он ни был. Оружие это хорошее, но с неудобной для них рукоятью. Сколько раз бывал я тому свидетелем! Но если вы начнете учить их и просвещать, они тотчас же присвоят себе все преимущества, которые можно получить от ваших разъяснений: «Это я и хотел сказать, так я именно и думал, только не нашел сразу подходящих слов». Подскажите им, как поступить. Чтобы справиться с их чванливой глупостью, нередко приходится поступать круто. Гегесий говорил, что никого не следует ненавидеть и осуждать, надо лишь учить [34], — это правило хорошо и разумно в других случаях. Здесь же несправедливо и даже бесчеловечно давать помощь и совет тому, кому они не нужны и кто от них становится только хуже. Пусть они запутаются еще крепче, завязнут еще глубже, — так, по возможности, глубоко, чтобы их положение стало им, наконец, понятно.

Глупость и разброд в чувствах — не такая вещь, которую можно исправить одним добрым советом. О такого рода исцелении можно сказать то же, что царь Кир ответил человеку, советовавшему ему обратиться к войскам с речью перед самой битвой: что людям не проникнуться воинственностью и мужеством на поле боя от одной хорошей речи, так же как нельзя сразу стать музыкантом, прослушав одну хорошую песню [35]. Этим можно овладеть только после длительного и основательного обучения.

Близким своим мы обязаны оказывать такую помощь, прилежно учить их и наставлять. Но проповедовать любому прохожему, исправлять невежество и тупость первого встречного — вот обычай, которого я никак не одобряю. Редко соглашаюсь я заниматься подобным делом, даже когда случайная беседа меня на это вызывает, и скорее готов стушеваться в споре, чем выступать в скучной роли учителя и наставника. Нет у меня также ни малейшей склонности писать или говорить для начинающих. Какие бы неверные и нелепые, на мой взгляд, вещи ни говорились публично или в присутствии посторонних, я не стану опровергать их ни словами, ни знаками нетерпения. Вообще же ничто в глупости не раздражает меня так, как то, что она проявляет куда больше самодовольства, чем это с полным основанием мог бы делать разум.

Беда в том, что разум-то и не дает вам проявлять самоудовлетворенность и самоуверенность, и вы всегда бываете охвачены сомнением и тревогой там, где упрямство и самонадеянность преисполняют тех, кому они свойственны, радостью и верой в себя. Самым несмышленым людям удается иногда взглянуть на других сверху вниз, с победой и славой выйти из любой схватки. А еще чаще их похвальбы и горделивая внешность производят самое благоприятное впечатление на окружающих, которые обычно недалеки и неспособны разбираться в подлинных качествах человека. Упрямство и чрезмерный пыл в споре — вернейший признак

глупости. Есть ли на свете существо более упорное, решительное, презрительное, самоуглубленное, важное и серьезное, чем осел?

Разве не можем мы приправлять взаимное общение и беседу краткими остроумными замечаниями, которые сами собою рождаются в веселом и тесном кругу друзей, с полным взаимным удовольствием перебрасывающихся живыми и забавными шутками? По природной своей вялости я весьма склонен к такому времяпрепровождению. И если в нем нет значительности и серьезности того другого времяпрепровождения, о котором я только что говорил, то в нем можно проявить не меньше изобретательности и остроты и оно не менее полезно, как это полагал и Ликург [36]. Что до меня, то в нем я проявляю больше непосредственности, чем остроумия, и я более удачлив, чем искусен. Зато я безукоризнен в терпении, ибо без малейшей досады встречаю отпор не только резкий, но даже обидный. И если мне не удается тут же на месте найти удачный ответ на выпад противника, я не стану долго топтаться на одном месте, проявляя ненужное упрямство в скучных и неубедительных возражениях: я умолкаю, с веселой покорностью склоняя голову, и дожидаюсь более благоприятного случая доказать свою правоту. Тот, кто всегда в выигрыше, не настоящий игрок. У большинства людей, чувствующих свою слабость, изменяются выражение лица и голос, и, распаляясь бесполезным гневом, вместо того чтобы дать настоящий отпор, они только доказывают свое бессилие и нетерпение. В подобных схватках мы невзначай касаемся наиболее потаенных струн, самых скрытых своих недостатков, которые в спокойном состоянии не могли бы обнажить без мучительного чувства. И таким образом мы в самих себе получаем полезный урок и предупреждение.

Есть у нас и другие игры, на французский манер, когда дают волю рукам, — их я до смерти ненавижу. За свою жизнь я дважды видел, как в таком деле погибли два принца нашего королевского дома [37]. Гнусное дело — настоящая драка во время игры.

Вообще, когда я хочу составить себе о ком-либо мнение, я спрашиваю его, насколько он доволен собою, по нраву ли ему то, что он делает и говорит. Я не желаю слышать такого рода оправданий, как «я сделал это играючи»,

Ablatum mediis opus est incudibus istud *,

«я на это и часа не потратил; этого я с тех пор и в глаза не видел». — «Хорошо, — говорю я в таких случаях, — оставим все эти вещи, покажите мне то, что вас целиком представляет, то, по чему, как вы сами считаете, о вас можно справедливо судить!» И еще: «Что вы считаете в своем произведении самым лучшим? Вот это или, может быть, то? Изящество исполнения, или самый предмет, изобретательность вашу, или уменье рассуждать, или познания?» Ибо, как я замечаю, люди обычно так же ошибаются в оценке своего труда, как и чужого. И не только из-за пристрастности, которая сюда примешивается, но и по неуменью хорошо разо-

* Это произведение было взято [у меня] в разгар работы над ним [38] (*лат.*).

браться в своем же деле. Творение человека, имея собственное значение и судьбу, может оказаться для него удачей большей, чем он имел оснований на то рассчитывать по своим знаниям и способностям, может оказаться значительней, чем он сам. Что до меня, то о ценности чужого труда мне гораздо легче высказать определенное мнение, чем о ценности моего собственного. И эти свои «Опыты» я расцениваю то низко, то высоко, проявляя непоследовательность и неуверенность.

Существует много книг, полезных по своему содержанию, но ничего не говорящих об искусстве автора, и много хорошо написанных книг, как и других хорошо выполненных работ, которых создателю их следовало бы стыдиться. Я могу написать об обычаях нашего общества, о нашем способе одеваться, но я сделаю это коряво и неумело; я могу опубликовать указы, изданные в мое время, письма государей, ставшие всем известными; я могу сделать сокращенное изложение хорошей книги (а всякое сокращенное изложение хорошей книги — вздор), а затем сама книга будет утеряна, и тому подобное. Потомство извлечет из подобных сочинений немалую пользу. Но мне-то какая выпадет честь, кроме случайной удачи? Значительная часть самых прославленных книг — именно такого рода.

Когда, несколько лет назад, я прочитал Филиппа де Коммина — писателя, разумеется, превосходного, — меня поразила у него одна не совсем обычная мысль: надо остерегаться оказывать своему повелителю столько услуг, что он уже не может вознаградить за них подобающим образом. Я должен был хвалить самую мысль, а не писателя, ибо недавно обнаружил ее у Тацита: Beneficia eo usque laeta sunt dum videntur exsolvi posse; ubi multum antevenere, pro gratia odium redditur *. Также и у Сенеки — выраженную с большой силой: Nam qui putat esse turpe non reddere, non vult esse cui reddat **.

Квинт Цицерон говорит о том же, хотя и менее выразительно: Qui se non putat satisfacere, amicus esse nullo modo potest ***.

Человек, обладающий знаниями и памятью, может изложить любой подходящий для него предмет. Но для того, чтобы судить, что именно в данной книге принадлежит автору, что в ней наиболее примечательно, как проявились здесь красота и сила его души, нужно распознать, что вложено им самим, а что заимствовано, и рассмотреть также, как в заимствованном сказалось его умение выбрать, составить план, проявить изящество в стиле и языке. А что, если содержание он заимствовал, а форму ухудшил, как это часто бывает? Мы, мало занимающиеся книгами, попадаем в затруднительное положение, ибо, найдя у какого-нибудь нового поэта яркий образ, у проповедника — сильный довод, не решаемся

---

* Благодеяния приятны только тогда, когда знаешь, что можешь за них отплатить; когда же они непомерны, то вместо благодарности воздаешь за них ненавистью [39] (*лат.*).

** Кто считает, что позорно не отплачивать, тот не хочет, чтобы было кому платить [40] (*лат.*).

*** Кто считает, что он перед тобой в долгу, тот никоим образом не может быть твоим другом [41] (*лат.*).

хвалить их, не узнав сперва у сведущего человека, им ли все это принадлежит или у кого-нибудь заимствовано. Я лично всегда проявляю должную осмотрительность.

Я недавно прочел от доски до доски все сочинения Тацита (а это со мной редко случается: вот уже лет двадцать, как я не могу читать подряд одну и ту же книгу даже в течение какого-нибудь часа) и прочел по совету одного дворянина, весьма уважаемого во Франции как за свои личные достоинства, так и за свойственные ему и всем его братьям ум и добросердечие. Я не знаю писателя, который, излагая исторические факты, уделял бы при этом столько внимания нравам и склонностям отдельных личностей. И мне кажется, в противоположность его собственному мнению, что, изучая с особенным вниманием судьбы императоров своего времени, столь разнообразные и по всем своим проявлениям необычные, а также те благородные деяния, к которым побуждала многих их подданных именно их жестокость, он имел дело с предметом гораздо более волнующим и привлекательным для обсуждения и повествования, чем если бы рассказывал о битвах и общественных неурядицах. Я даже нередко находил его способ изложения чрезмерно скупым, когда он так бегло говорил о многих примерах доблестной кончины, словно боялся наскучить нам их обилием и длительным о них рассказом.

Такой способ писать историю является наиболее полезным. Движение общественной жизни в большей мере зависит от судьбы, частной — от нашего собственного поведения. Сочинения Тацита скорее рассуждение, чем повествование о событиях: они больше поучают нас, чем осведомляют. Это книга не для развлекательного чтения, а для того, чтобы изучать жизнь и черпать полезные уроки. В ней столько изречений, что их находишь повсюду, куда ни бросишь взгляд: это какой-то питомник рассуждений по вопросам этики и политики на потребу и в поучение тем, кто держит в руках своих судьбы мира. Тацит неизменно орудует сильными и обоснованными доводами, остро и тонко пользуясь ученым стилем своего времени. Римляне так любили тогда приподнятость, что если в самом предмете они не находили возможности проявить остроумие и изысканность, то прибегали для этого к слову как таковому. Манера Тацита в немалой степени напоминает манеру Сенеки: только у него преобладает насыщенность, а у Сенеки — острота. Он более подходит для того состояния — смятенного и недужного, — в каком мы сейчас пребываем: часто кажется, что это нас он изображает и обличает. Те, кто сомневается в его добросовестности, тем самым выдают свою досаду и раздражение на него. Но воззрения его — здравые, а в римских делах он на стороне блага. Не очень нравится мне только то, что он судил о Помпее строже, чем следовало бы, исходя из мнения достойных людей, живших во времена Помпея и общавшихся с ним, что он во всем уподоблял Помпея Марию и Сулле, считая, впрочем, его более скрытным. Общепризнанно, что стремление Помпея стать у кормила власти не было свободно от честолюбивых и мстительных расчетов, и даже друзья его опасались, что победа может вскружить ему голову, однако не настолько, чтобы он стал прибегать

к таким же необузданным мерам, как Марий и Сулла: он не совершил в своей жизни ничего, что давало бы повод опасаться такой же предельно жестокой тирании. К тому же, подозрению нельзя придавать такого же веса, как очевидности. Вот почему я не верю оценке, которую Тацит дает Помпею. Если в повествованиях его мы находим естественность и правдивость, то, может быть, объясняется это именно тем, что они не всегда точно соответствуют выводам из его же положений, развиваемых им согласно заранее установленному плану и часто вне всякой зависимости от предмета, который он изображает, ни в малейшей степени не стараясь подогнать под свое задание. Ему незачем оправдываться в том, что, повинуясь законам своего времени, он защищал языческую религию и понятия не имел об истинной. Это беда его, а не порок.

Я особенно пристально вникал в суждения Тацита, и не все в них мне вполне ясно. Так, например, я не понимаю, почему письмо, которое старый и больной Тиберий отправил сенату («Что мне написать вам, господа, и как вам писать, и чего бы я мог не написать вам в эти дни? Да нашлют на меня боги и богини еще худшие страдания, чем те, что я каждодневно испытываю, если я смогу ответить на этот вопрос»), он так уверенно связывает с какими-то жестоко терзающими Тиберия угрызениями совести? [42] Во всяком случае, читая Тацита, я не мог уразуметь его оснований. Довольно мелким представляется мне Тацит и в том месте, где, упоминая о высокой должности в Риме, которую он одно время занимал, он считает нужным присовокупить в порядке извинения, что говорит об этом отнюдь не из тщеславия [43]. Черта эта для столь высокой души, по-моему, неподобающая. Ибо тот, кто не осмеливается говорить о себе прямо, проявляет малодушие. Если он судит о вещах решительно и независимо, здраво и уверенно, то, не раздумывая, станет приводить примеры из своей личной жизни, как нечто постороннее, и о себе самом говорить так же беспристрастно, как о любом другом человеке. Нужно во имя истины и свободы быть выше всех этих общепринятых правил учтивости. Я же осмеливаюсь говорить не просто о себе, но даже исключительно о себе. Писать о других вещах означает для меня—сбиваться с пути и уклоняться от своего предмета. Я не настолько неразумно люблю себя и не так уж крепко к себе привязан, чтобы не быть в состоянии бросить на себя взгляд со стороны: как на соседа, как на дерево. Пороком является также неспособность правильно оценить собственные возможности и говорить о себе больше, чем сам видишь. Бога мы должны любить больше, чем самих себя, и хотя мы знаем его гораздо меньше, но говорим о нем сколько нашей душе угодно.

Если творения Тацита дают о нем правильное представление, он, по всей видимости, был большой человек, благородный и мужественный, обладающий разумом, чуждым суеверия, философическим и великодушным. Свидетельства его кажутся порою слишком уж смелыми, как, например, рассказ о солдате, который нес вязанку дров: руки солдата якобы настолько окоченели от холода, что кости их примерзли к ноше да так и остались на ней, оторвавшись от конечностей [44]. Однако в подобных ве-

щах я имею обыкновение доверять столь авторитетному свидетельству. Такого же рода и рассказ его о том, что Веспасиан по милости бога Сераписа исцелил в Александрии слепую, помазав ей глаза своей слюной[45]. Сообщает он и о других чудесах, но делает это по примеру и по долгу всех добросовестных историков: они ведь летописцы всех значительных событий, а ко всему происходящему в обществе относятся также толки и мнения людей. Историки должны рассказывать, чему верили окружающие их люди, но это отнюдь не означает одобрения этих верований. Оценкой по праву занимаются теологи и философы — наши духовные руководители. Между тем один из сотоварищей его, человек не менее великий, мудро говорит: Equidem plura transcribo quam credo; nam nec affirmare sustineo, de quibus dubito, nec subducere quae accepi *, другой ему вторит: Haec neque affirmare, neque refellere operae pretium est; famae rerum standum est **. Тацит творил в эпоху, когда вера в чудеса начала ослабевать, однако же он пишет, что не может не дать в своих «Анналах» места вещам, которые с верою принимали многие достойные люди и столь благоговейно почитали предки. Отлично сказано. Пусть историки будут щедрее на рассказы о том, что они слышали, чем на свои собственные соображения об этом. Да и я сам, полновластный владыка предмета, о котором веду речь, никому не обязанный отчетом, вовсе не считаю себя непогрешимым. Часто я позволяю себе различные выходки, которых отнюдь не принимаю всерьез, и словесные выверты, после которых сам покачиваю головой. Тем не менее я даю им волю, ибо вижу, что они нередко приносят славу. Я ведь не единственный судья в этом деле.

Я предстаю перед читателем стоя и лежа, спереди и сзади, поворачиваясь то правым, то левым боком, во всех своих естественных положениях. Умы одинаковой силы не всегда сходны по склонностям и вкусам. Вот все, что в целом и довольно неопределенно подсказывает мне память. Все наши общие суждения неясны и несовершенны.

* По правде говоря, я сообщаю и о том, чему сам не верю, ибо я не хочу утверждать того, в чем сомневаюсь, и не хочу умалчивать о том, что мне известно[46] (*лат.*).

** Утверждать или отрицать это не стоит труда; нужно придерживаться традиции[47] (*лат.*).

Глава IX
О СУЕТНОСТИ

Пожалуй, нет суетности более явной, чем так суетно о ней писать. Люди разумные должны были бы усердно и тщательно размышлять надо всем, что так божественно было высказано об этом самим божеством [1].

Кто же не видит, что я избрал себе путь, двигаясь по которому безостановочно и без устали, я буду идти и идти, пока на свете хватит чернил и бумаги? Я не могу вести летопись моей жизни, опираясь на свершенные мною дела: судьба назначила мне деятельность слишком ничтожную; я занимаюсь ею, опираясь на вымыслы моего воображения. Знавал же я одного дворянина, который оповещал о своей жизни не иначе, как отправлениями своего желудка; у него вы видели выставленные напоказ горшки за последние семь-восемь дней; в этом состояли его занятия, только об этом он говорил; любая другая тема казалась ему зловонной. И здесь (лишь чуточку попристойнее) — такие же испражнения стареющего ума, страдающего то запорами, то поносом и всегда несварением. Где же смогу я остановиться, воспроизводя непрерывную сумятицу и смену моих мыслей, чего бы они ни касались, раз Диомед заполнил целых шесть тысяч книг только одним предметом — грамматикой? [2] И чего только не породит болтливость, если даже лепет и едва заметные движения языка придавили мир столь ужасающей грудой томов? Столько слов ради самих слов! О Пифагор, что же ты не заклял эту бурю! [3]

Некогда Гальбу осуждали за то, что он живет в полной праздности. Он ответил, что каждый обязан отчитываться в своих поступках, а не в своем бездействии [4]. Он заблуждался: правосудие преследует и карает также и тех, кто бездельничает.

Следовало бы иметь установленные законами меры воздействия, которые обуздывали бы бездарных и никчемных писак, как это делается в отношении праздношатающихся и тунеядцев. В этом случае наш народ прогнал бы взашей и меня и сотни других. Я не шучу. Страсть к бумагомаранию является, очевидно, признаком развращенности века. Писали ли мы когда-нибудь столько же до того, как начались наши беды? [5] А римляне до того, как начался их закат? Помимо того, что в любом государстве утонченность умов никоим образом не равнозначна их умудренности, пустое это занятие становится возможным лишь потому, что всякий начинает нерадиво отправлять свою должность и отбивается по этой причине от рук. В развращении своего века каждый из нас принимает то или иное участие: одни вносят свою долю предательством, другие — бесчестностью, безбожием, насилием, алчностью, жестокостью; короче говоря, каждый тем, в чем он сильнее всего; самые слабые добавляют к этому глупость, суетность, праздность, — и я принадлежу к числу этих последних. И когда нас гнетет нависшая над нами опасность, тогда, видимо, и наступают сроки для вещей суетных и пустых. В дни, когда злонамеренность в действиях становится делом обыденным, бездеятельность превра-

щается в нечто похвальное. Я тешу себя надеждой, что окажусь одним из последних, против кого понадобится применить силу. И пока будут принимать меры против наиболее злокозненных и опасных, у меня хватит времени, чтобы исправиться. Ибо мне представляется, что было бы безрассудным обрушиваться на меньшие недостатки, когда нас одолевает столько больших. И прав был врач Филотим, сказавший тому больному, который протянул ему палец, чтобы он сделал ему перевязку, и у которого он по лицу и дыханию распознал язву в легких: «Сейчас не время, дружок, заниматься твоими ногтями»[6].

И все же я знал одного человека, чью память я высоко чту, который, несмотря ни на что, посреди величайших наших несчастий, когда у нас так же, как ныне, не было ни законности, ни правосудия, ни должностных лиц, честно выполняющих свои обязанности, носился с мыслью обнародовать некоторые свои предложения касательно пустячных нововведений в одежде, на кухне и в ходе судебного разбирательства. Все это — не более как забавы, которыми пичкают дурно руководимый народ, чтобы показать, что о нем не совсем забыли. Ничем иным не занимаются также и те, которые на каждом шагу запрещают погрязшему в гнуснейших пороках народу те или иные выражения, танцы и игры. Не время мыться и чиститься, когда тебя треплет беспощадная лихорадка. И одним спартанцам было по плечу причесываться и прихорашиваться перед тем, как броситься навстречу угрожающим жизни опасностям[7].

Что до меня, то мне свойственно противоположное и дурное обыкновение: если у меня искривилась туфля, то я так же криво застегиваю и рубашку и плащ; я ненавижу приводить себя в порядок наполовину. Когда я оказываюсь в плохом положении, то ухожу с головой в мои горести, предаюсь отчаянию и, даже не пытаясь устоять на ногах, падаю, согласно пословице, как топорище за топором; я убеждаю себя, что все идет как нельзя хуже и что бороться бессмысленно: все должно быть хорошо или все — дурно.

Мое счастье, что опустошение нашего государства совпадает по времени с опустошениями, производимыми во мне моим возрастом; если бы общественные несчастья омрачали радости моей юности, они были бы мне не в пример тягостнее, чем теперь, когда они только усугубляют мои печали. Вопли, которыми я разражаюсь в беде, — это вопли, внушенные мне досадой; мое мужество вместо того, чтобы съежиться, становится на дыбы. В противоположность всем остальным, я гораздо благочестивее в хороших, чем в дурных обстоятельствах, следуя в этом наставлениям Ксенофонта[8], хотя и не разделяя его оснований; и я охотнее обращаю умиленные взоры к небу, чтобы воздать ему благодарность, чем для того, чтобы выпросить себе его милости. Я больше забочусь об укреплении здоровья, когда оно мне улыбается, чем о том, чтобы его вернуть, когда оно мною утрачено. Меня дисциплинирует и научает благополучие, подобно тому как других — невзгоды и розги. Люди обычно обретают честность в несчастье, словно счастье не совместимо с чистой совестью. Удача — вот что сильнее всего побуждает меня к умеренности и скром-

ности. Просьба меня завоевывает, угроза отталкивает; благосклонность вьет из меня веревки, страх делает меня непреклонным. Среди человеческих черт широко распространена следующая: нам больше нравится непривычное и чужое, чем свое, и мы обожаем движение и перемены.

Ipsa dies ideo nos grato perluit haustu
Quod permutatis hora recurrit equis *.

Эту склонность разделяю и я. Кто придерживается противоположной крайности, а именно — довольствоваться самим собой, превыше всего ценить то, чем владеешь, и не признавать ничего прекрасного сверх того, что видишь собственными глазами, те если не прозорливее нас, то бесспорно счастливее. Я ничуть не завидую их премудрости, но что касается безмятежности их души, то тут, признаюсь, меня берет зависть.

Эта жажда нового и неведомого немало способствует поддержанию во мне страсти к путешествиям; впрочем, здесь действуют на меня и другие причины. Я очень охотно отвлекаюсь от управления моими хозяйственными делами. Конечно, есть известное преимущество в том, чтобы распоряжаться, будь то даже на риге, и держать в повиновении всех домашних, но такого рода удовольствие слишком однообразно и утомительно. И, кроме того, с ним непрерывно связаны многочисленные и тягостные заботы: то вас гнетет нищета и забитость ваших крестьян, то ссора между соседями, то посягательства с их стороны на ваши права:

Aut verberatae grandine vineae,
Fundusque mendax, arbore nunc aquas
Culpante, nunc torrentia agros
Sidera, nunc hiemes iniquas **:

и к тому же, едва ли в полгода раз господь ниспошлет погоду, которая вполне бы устраивала вашего земледельца, и притом, если она благоприятна для виноградников, то как бы не повредила лугам:

Aut nimiis torret fervoribus aetherius sol,
Aut subiti perimunt imbres, gelidaeque pruinae,
Flabraque ventorum violento turbine vexant ***.

Добавьте к этому «новый и красивый башмак» человека минувших времен, немилосердно жмущий вам ногу [12], и еще то, что посторонний не понимает, чего вам стоит и до чего хлопотно поддерживать, хотя бы внешне, порядок, наблюдаемый всеми в ваших домашних делах и покупаемый вами слишком дорогой ценой.

Я поздно принялся за хозяйство. Те, кого природа сочла нужным про-

---

* И даже дневной свет обдает нас ласковою струей лишь потому, что каждый час прилетает к нам, сменив коней [9] (*лат.*).

** Или виноградники, побитые градом; земля коварна, и деревья страдают то от обилия влаги, то от солнца, иссушающего поля, то от суровых зим [10] (*лат.*).

*** Или небесное солнце иссушает поля чрезмерным зноем, или их губят внезапные ливни и студеные росы, или опустошают свирепые вихри и порывы ветров [11] (*лат.*).

извести на свет передо мной, долгое время избавляли меня от этой заботы. Я уже успел привыкнуть к другой деятельности, более подходившей к моему душевному складу. И все же на основании личного опыта я могу заявить, что это занятие — скорее докучное, нежели трудное: всякий, способный к другим делам, легко справится также и с этим. Если бы я стремился разбогатеть, такой путь мне показался бы чересчур долгим; я предпочел бы служить королям, ибо это ремесло прибыльнее любого другого. Так как единственное, чего я хочу, — это приобрести репутацию человека, хотя и не сделавшего никаких приобретений, но вместе с тем и ничего не расточившего, и так как в оставшиеся мне немногие дни я не в состоянии совершить ни чего-либо очень хорошего, ни чего-либо очень дурного и стремлюсь лишь к тому, чтобы как-нибудь их прожить, я могу, благодарение богу, достигнуть этого без особого напряжения сил.

На худой конец ускользайте от разорения, урезывая свои расходы. Я это и делаю, одновременно стараясь поправить свои дела, прежде чем они заставят меня взяться за них. А пока я установил для себя различные ступени самоограничения, имея в виду довольствоваться меньшим, чем то, что у меня есть; и хотя я говорю «довольствоваться», это вовсе не означает, что я обрекаю себя на лишения. Non aestimatione census, verum victu atque cultu, terminatur pecuniae modus *. Мои действительные потребности не таковы, чтобы поглотить без остатка мое состояние, и судьба — разве что она подомнет меня под себя — не найдет на мне такого местечка, где бы ей удалось меня укусить.

Мое присутствие, сколь бы несведущ и небрежен я ни был, все же немало способствует благополучному течению моих хозяйственных дел: я занимаюсь ими, хотя и не без досады. К тому же в моем доме так уж заведено, что, когда я расходую деньги где-нибудь на стороне, траты моих домашних от этого нисколько не уменьшаются.

Путешествия обременительны для меня лишь по причине связанных с ними издержек, которые велики и для меня непосильны. И так как я привык путешествовать не только с удобствами, но и с известной роскошью, мне приходится сокращать сроки своих поездок и предпринимать их не так уж часто, употребляя для этого только излишки и сбережения, выжидая и откладывая отъезд, пока не накопятся нужные средства. Я не хочу, чтобы удовольствие от путешествий отравляло мне душевный покой дома; напротив, я забочусь о том, чтобы они взаимно поддерживали и питали друг друга. Судьба мне в этом благоприятствовала, и так как мое главнейшее житейское правило состояло в том, чтобы жить спокойно и беспечно и скорее в лености, чем в трудах, она избавила меня от нужды приумножать богатство ради обеспечения кучи наследников. А если моей единственной наследницей кажется недостаточным то, чего мне было достаточно сверх головы, то тем хуже для нее: ее безрассудство не заслуживает того, чтобы я сгорал от желания оставить ей побольше.

---

* Размеры состояния определяются не величиною доходов, а привычками и образом жизни [13] (*лат.*).

И кто по примеру Фокиона обеспечивает своих детей так, чтобы они жили не хуже его, тот обеспечивает их вполне достаточно [14].

Я никоим образом не одобряю поступка Кратеса. Он оставил свои деньги на сохранение ростовщику, оговорив следующие условия: если его дети окажутся дураками, пусть он им отдаст его вклад; если они окажутся рассудительными и деловыми, пусть распределит эти деньги среди самых несмышленых в народе [15]. Словно дураки, меньше других умеющие обходиться без денег, лучше других сумеют ими распорядиться.

Как бы то ни было, пока я в состоянии выдержать проистекающий от моего отсутствия ущерб, он, по-моему, не стоит того, чтобы не воспользоваться возможностью отвлечься на время от докучных хлопот по хозяйству, где всегда найдется что-нибудь идущее вкривь и вкось. Постоянно вас треплют заботы то об одном из ваших домов, то о другом. Все, что вы видите, — слишком близко от вас; ваша зоркость в таких случаях вам только вредит, как, впрочем, она вредит и во многом другом. Я закрываю глаза на многие вещи, которые могут меня рассердить, и не хочу знать о том, что обстоит дурно; и все же я не в силах устроить свои дела таким образом, чтобы не натыкаться на каждом шагу на то, что мне явно не нравится. Плутни, которые от меня утаиваются особо усердно, я понимаю лучше, чем любые другие, и вижу их насквозь. И получается, что я сам должен помогать прятать их концы в воду, если хочу, чтобы они меня меньше раздражали. Все это — ничтожные уколы, подчас сущие пустяки, но это все же всегда уколы. Мельчайшие и ничтожнейшие помехи — чувствительнее всего; и как мелкий шрифт больше, чем всякий другой, режет и утомляет глаза, так и любое дело: чем оно незначительней, тем назойливее и хлопотнее. Тьма крошечных неприятностей досаждает сильнее, чем если бы на вас навалилась какая-нибудь одна, сколь бы большой она ни оказалась. И чем многочисленнее и тоньше эти подстерегающие нас в нашем доме шипы, тем болезненнее и неожиданнее их уколы, застающие нас чаще всего врасплох.

Я не философ: несчастья меня подавляют, каждое в зависимости от своей тяжести, а она зависит как от их формы, так и от их сущности и часто представляется мне больше действительной; я это знаю лучше других и поэтому терпеливее, чем они. Наконец, если иные несчастья не затрагивают меня за живое, все же они так или иначе меня задевают. Жизнь — хрупкая штука, и нарушить ее покой — дело нетрудное. Лишь только я поддался огорчению (nemo enim resistit sibi cum coeperit impelli *), как бы нелепа ни была вызвавшая его причина, я принимаюсь всячески сгущать краски и бередить себя, и в дальнейшем мое мрачное настроение начинает питаться за свой собственный счет, хватаясь за все, что придется, и громоздя одно на другое, лишь бы найти себе пищу.

Stillicidi casus lapidem cavat **,

Эти непрестанно падающие капли точат меня.

* Кто начал тревожиться, тому себя не сдержать [16] (*лат.*).
** Капля точит камень [17] (*лат.*).

Повседневные неприятности никогда не бывают мелкими. Они нескончаемы, и с ними не справиться, в особенности если их источник — ваши домашние, неизменно все те же, от которых никуда не уйдешь.

Когда я рассматриваю положение моих дел издали и в целом, то нахожу — возможно, из-за моей не слишком точной памяти, — что до сих пор они процветали сверх моих расчетов и ожиданий. Впрочем, я вижу в таких случаях, как кажется, больше существующего на деле: их успешность вводит меня в заблуждение. Но когда я погружен в свои хлопоты, когда наблюдаю в моем хозяйстве каждую мелочь,

Tum vero in curas animum diducimur omnes *,

тысяча вещей вызывает во мне неудовольствие и тревогу. Отстраниться от них очень легко, но взяться за них, не испытывая досады, очень трудно. Сущая беда находиться там, где все, что вы видите, не может не занимать ваших мыслей и вас не касаться. И мне представляется, что в чужом доме я вкушаю больше радостей и удовольствий, чем у себя, и смакую их не в пример непосредственнее. И когда Диогена спросили, какой сорт вина, по его мнению, наилучший, он ответил совсем в моем духе: «Чужой» [19].

Страстью моего отца было отстраивать Монтень, где он родился, и во всем ходе моих хозяйственных дел я люблю следовать его примеру и правилам и, насколько смогу, приучу к тому же моих преемников. И я сделал бы для него много больше, располагай я такою возможностью. Я горжусь, что его воля и посейчас оказывает через меня воздействие и неукоснительно выполняется. Да не дозволит господь, чтобы в Монтене, пока он в моих руках, я по нерадивости упустил хоть что-нибудь из того, чем мог бы возвратить подобие жизни столь замечательному отцу. И если я взял на себя труд достроить какой-нибудь кусок старой стены или привести в порядок часть плохо отделанного фасада, то это было предпринято мной скорее из уважения к его замыслам, чем ради собственного удовольствия. Я виню себя за бездеятельность, за то, что не осуществил большего, не завершил прекрасных его начинаний в доме, и я тем более виню себя в этом, что, вернее всего, я последний из моего рода владею им и должен был бы закончить начатое. А что касается моих личных склонностей, то ни удовольствие строиться, которое считают таким завлекательным, ни охота, ни разведение плодовых садов, ни все остальные удовольствия уединенной жизни не имеют для меня притягательной силы. За это я зол на себя, как и за те из моих воззрений, которые мешают мне жить. Я забочусь не столько о том, чтобы они были у меня выдающимися и основанными на глубокой учености, сколько о том, чтобы они были необременительными и удобными в жизни: если они полезны и приятны, они в достаточной мере истинны и здравы.

Кто в ответ на мои сетования о полной моей неспособности заниматься хозяйственными делами нашептывает мне, что дело не в этом,

---

* Тогда мы ввергаем нашу душу в заботы [18] (*лат.*).

а в моем пренебрежении к ним и что я и поныне не знаю сельскохозяйственных орудий, сроков полевых работ, их последовательности, не знаю, как делают мои вина, как прививают деревья, не знаю названий и вида трав и злаков, не имею понятия о приготовлении кушаний, которыми я питаюсь, о названиях и цене тканей, идущих мне на одежду, лишь потому, что у меня в сердце некая более возвышенная наука, — те просто меня убивают. Нет, это — глупость моя, вернее тупость, а не нечто достойное прославления. И я скорее предпочел бы видеть себя порядочным конюхом, чем знатоком логики:

Quin tu aliquid saltem potius quorum indiget usus,
Viminibus mollique paras detexere iunco? *

Мы забиваем себе голову отвлеченностями и рассуждениями о всеобщих причинах и следствиях, отлично обходящихся и без нас, и оставляем в стороне наши дела и самого Мишеля, который нам как-никак ближе, чем всякий другой. Теперь я чаще всего сижу безвыездно у себя дома, и я был бы доволен, если бы тут мне нравилось больше, чем где бы то ни было.

Sit meae sedes utinam senectae,
Sit modus lasso maris, et viarum
Militiaeque **.

Не знаю, выпадет ли это на мою долю. Я был бы доволен, если бы покойный отец взамен какой-нибудь части наследства оставил мне после себя такую же страстную любовь к своему хозяйству, какую на старости лет питал к нему сам. Он был по-настоящему счастлив, ибо соразмерял свои желания с дарованными ему судьбою возможностями и умел радоваться тому, что имел. Сколько бы философия, занимающаяся общественными вопросами, ни обвиняла мое занятие в низости и бесплодности, может статься, и мне оно когда-нибудь так же полюбится, как ему. Я держусь того мнения, что наиболее достойная деятельность — это служить обществу и приносить пользу многим. Fructus enim ingenii et virtutis omnisque praestantiae tum maximus accipitur, cum in proximum quemque confertur ***. Что до меня, то я отступаю от этого, частью сознательно (ибо, хорошо понимая, сколь великое бремя возлагает деятельность подобного рода, я так же хорошо понимаю, сколь ничтожные силы я мог бы к ней приложить; ведь даже Платон, величайший мастер во всем, касающемся политического устройства, — и он не преминул от нее уклониться[23]), частью по трусости. Я довольствуюсь тем, что наслаждаюсь окружающим миром, не утруждая себя заботой о нем; я живу жизнью, которая всего-навсего лишь извинительна и лишь не в тягость ни мне, ни другим.

* Почему ты не предпочтешь заняться тем, что полезно? почему не плетешь корзин из прутьев и гибкого тростника? [20] (*лат.*).

** О если бы нашлось место, где бы я мог провести мою старость, о если бы мне, уставшему от моря, странствий и войн, обрести, наконец, покой! [21] (*лат.*).

*** Плоды таланта, доблести и всякого нашего дарования кажутся нам наиболее сладкими, когда они приносят пользу кому-либо из близких [22] (*лат.*).

Никто с большей охотой не подчинился бы воле какого-нибудь постороннего человека и не вручил бы себя его попечению, чем это сделал бы я, когда бы располагал таким человеком. И одно из моих теперешних чаяний состоит в том, чтобы отыскать себе зятя, который смог бы покоить мои старые годы и убаюкивать их и которому я передал бы полную власть над моим имуществом, чтобы он им управлял, и им пользовался, и делал то, что я делаю, и извлекал из него, без моего участия, доходы, какие я извлекаю, при условии, что он приложит ко всему этому душу поистине признательную и дружественную. Но о чем толковать? Мы живем в мире, где честность даже в собственных детях — вещь неслыханная.

Слуга, ведающий в путешествиях моею казной, распоряжается ею по своему усмотрению и бесконтрольно: он мог бы плутовать, и отчитываясь передо мной; и если это не сам сатана, мое неограниченное доверие обязывает его к добросовестности. Multi fallere docuerunt, dum timent falli, et aliis ius peccandi suspicando fecerunt *. Свойственная мне уверенность в моих людях основывается на том, что я их не знаю. Я ни в ком не подозреваю пороков, пока не увижу их своими глазами, и я больше полагаюсь на людей молодых, так как считаю, что их еще не успели развратить дурные примеры. Мне приятнее раз в два месяца услышать о том, что мною издержано четыре сотни экю [25], чем каждый вечер услаждать свой слух докучными сообщениями о каких-нибудь трех, пяти или семи экю. При всем этом я потерял от хищений такого рода не больше, чем всякий другой. Правда, я сам способствую своему неведению: я в некоторой мере сознательно поддерживаю в себе беспокойство и неизвестность относительно моих денег, и в какой-то степени я даже доволен, что у меня есть простор для сомнений. Следует оставлять немного места и нечестности и неразумию вашего слуги. Если нам, в общем, хватает на удовлетворение наших нужд, то не будем мешать ему подбирать эти разбросанные после жатвы колосья, этот излишек от щедрот нашей фортуны. В конце концов, я не столько рассчитываю на преданность моих людей, сколько не считаюсь с причиняемым ими уроном. О гнусное или бессмысленное занятие — без конца заниматься своими деньгами, находя удовольствие в их перебирании, взвешивании и пересчитывании! Вот, поистине, путь, которым в нас тихой сапой вползает жадность.

На протяжении восемнадцати лет я управляю моим имуществом и за все это время не смог заставить себя ознакомиться ни с документами на владение им, ни с важнейшими из моих дел, знать которые и позаботиться о которых мне крайне необходимо. И причина этого не в философском презрении к благам земным и преходящим; я вовсе не отличаюсь настолько возвышенным вкусом и ценю их, самое малое, по их действительной стоимости; нет, причина тут в лени и нерадивости, непростительных и ребяческих. Чего бы я только ни сделал, лишь бы уклониться от чтения какого-нибудь контракта, лишь бы не рыться в пыльных бумагах,

---

* Многие подали мысль обмануть их, ибо обнаружили страх быть обманутыми, и, подозревая другого, предоставили ему право на плутни [24] (*лат.*).

я, раб своего ремесла, или, еще того хуже, в чужих бумагах, чем занимается столько людей, получая за это вознаграждение. Единственное, что я нахожу поистине дорого стоящим, — это заботы и труд, и я жажду лишь одного: окончательно облениться и проникнуться ко всему равнодушием.

Я думаю, что мне было бы куда приятнее жить на иждивении кого-либо другого, если бы это не налагало на меня обязательств и ярма рабства. Впрочем, рассматривая этот вопрос основательнее и учитывая мои склонности, выпавший на мою долю жребий, а также огорчения, доставляемые мне моими делами, слугами и домашними, я, право, не знаю, что унизительнее, мучительнее и несноснее, — все это вместе взятое или подневольное положение при человеке, который был бы выше меня по рождению и располагал бы мной, не слишком насилуя мою волю. Servitus obedientia est fracti animi et abiecti, arbitrio carentis suo *. Кратес поступил гораздо решительнее: чтобы избавиться от пакостных хозяйственных мелочей и хлопот, он избрал для себя убежищем бедность. На это я никогда бы не пошел (я ненавижу бедность не меньше, чем физическое страдание), но изменить мой нынешний образ жизни на более скромный и менее занятóй — этого я страстно желаю.

Пребывая в отъезде, я сбрасываю с себя все мысли о моем доме; и случись в мое отсутствие рухнуть одной из моих башен, я бы это переживал не в пример меньше, чем, находясь у себя, падение какой-нибудь черепицы. Вне дома моя душа быстро и легко распрямляется, но когда я дома, она у меня в беспрерывной тревоге, как у какого-нибудь крестьянина-виноградаря. Перекосившийся у моей лошади повод или плохо закрепленный стремянной ремень, кончик которого бьет меня по ноге, на целый день портят мне настроение. Перед лицом неприятностей я умею укреплять мою душу, но с глазами это у меня не выходит.

Sensus, o superi, sensus **.

Когда я у себя дома, я отвечаю за все, что у меня не ладится. Лишь немногие землевладельцы (говорю о людях средней руки вроде меня; и если эти немногие действительно существуют, они гораздо счастливее остальных) могут позволить себе отдых хотя бы на одну-единственную секунду, чтобы их не обременяла добрая доля лежащего на них груза обязанностей. Это в некоторой мере уменьшает мое радушие (если мне иногда и случается удержать у себя кого-нибудь несколько дольше, то, в отличие от назойливо любезных хозяев, я бываю этим обязан скорее моему столу, нежели обходительности), лишая одновременно и большей части того удовольствия, которое я должен был бы испытывать в их кругу. Самое глупое положение, в какое может поставить себя дворянин в своем доме, — это, когда он явно дает понять, что нарушает установлен-

* Рабство — это покорность души слабой и низменной, не умеющей собой управлять [26] (*лат.*).
** Чувства, о всевышние боги, чувства [27] (*лат.*).

ный у него порядок, когда он шепчет на ухо одному из слуг, грозит глазами другому; все должно идти плавно и неприметно, так, чтобы казалось, будто все обстоит, как всегда. И я нахожу отвратительным, когда к гостям пристают с разговорами о приеме, который им оказывают, независимо от того, извиняются ли при этом или же хвалятся. Я люблю порядок и чистоту

et cantharus et lanx
Ostendunt mihi me *

больше чрезмерного изобилия; а у себя я забочусь лишь о самом необходимом, пренебрегая пышностью. Если вам приходится видеть, как чей-нибудь слуга мечется взад и вперед или как кто-нибудь из них вывернет блюдо, это вызывает у вас улыбку; и вы мирно дремлете, пока ваш гостеприимный хозяин совещается со своим дворецким относительно угощения, которым он вас попотчует на следующий день.

Я говорю лишь о моих вкусах; вместе с тем я очень хорошо знаю, сколько развлечений и удовольствий доставляет иным натурам мирное, преуспевающее, отлично налаженное хозяйство; я вовсе не хочу объяснять мои промахи и неприятности в деятельности этого рода существом самого дела, как не хочу и спорить с Платоном, полагающим, что самое счастливое занятие человека — это праведно делать свои дела [29].

Когда я путешествую, мне остается думать лишь о себе и о том, как употребить мои деньги; а это легко устраивается по вашему усмотрению. Чтобы накапливать деньги, нужны самые разнообразные качества, а в этом я ничего не смыслю. Но в том, чтобы их тратить, — в этом я кое-что смыслю, как смыслю и в том, чтобы тратить их с толком, а это, поистине, и есть важнейшее их назначение. Впрочем, я вкладываю в это занятие слишком много тщеславия, из-за чего мои расходы очень неровны и несообразны и выходят, сверх того, за пределы разумного, как в ту, так и в другую сторону. Если они придают мне блеску и служат для достижения моих целей, я, не задумываясь, иду на любые траты — и, так же не задумываясь, сокращаю себя, если они мне не светят, не улыбаются.

Ухищрения ли человеческого ума или сама природа заставляет нас жить с оглядкою на других, но это приносит нам больше зла, чем добра. Мы лишаем себя известных удобств, лишь бы не провиниться перед общественным мнением. Нас не столько заботит, какова наша настоящая сущность, что́ мы такое в действительности, сколько то, какова эта сущность в глазах окружающих. Даже собственная одаренность и мудрость кажутся нам бесплодными, если ощущаются только нами самими, не проявляясь перед другими и не заслуживая их одобрения. Есть люди, чьи подземелья истекают целыми реками золота, и никто об этом не знает; есть и такие, которые превращают все свое достояние в блестки и побрякушки; таким образом, у последних лиар [30] представляется ценностью

* И чаша и кубок мне показывают меня [28] (*лат.*).

в целый экю, тогда как у первых — наоборот, ибо свет определяет издержки и состояние, исходя из того, что именно выставляется ему напоказ. От всякой возни с богатством отдает алчностью; ею отдает даже от его расточения, от чрезмерно упорядоченной и нарочитой щедрости; оно не стоит такого внимания и столь докучной озабоченности. Кто хочет расходовать свои средства разумно, тот постоянно должен себя останавливать и урезывать. Бережливость и расточительность сами по себе — ни благо, ни зло; они приобретают окраску либо того, либо другого в зависимости от применения, которое им дает наша воля.

Другая причина, толкающая меня к путешествиям, — отвращение к царящим в нашей стране безобразным нравам. Я легко бы смирился с их порчей, если бы они наносили ущерб только общественным интересам,

peioraque saecula ferri
Temporibus, quorum sceleri non invenit ipsa
Nomen et a nullo posuit natura metallo *,

но так как они затрагивают и мои интересы, смириться с ними я не могу. Уж очень они меня угнетают. Вследствие необузданности длящихся уже долгие годы гражданских войн мы мало-помалу скатились в наших краях к такой извращенной форме государственной власти,

Quippe ubi fas versum atque nefas **,

что, поистине, просто чудо, что она смогла удержаться.

Armati terram exercent, semperque recentes
Convectare iuvat praedas et vivere rapto ***.

Короче говоря, я вижу на нашем примере, что человеческие сообщества складываются и держатся, чего бы это ни стоило. Куда бы людей ни загнать, они, теснясь и толкаясь, в конце концов как-то устраиваются и размещаются, подобно тому, как разрозненные предметы, сунутые кое-как, без всякого порядка, в карман, сами собой находят способ соединиться и уложиться друг возле друга, и притом иногда лучше, чем если бы их уложили туда даже наиболее искусные руки. Царь Филипп собрал однажды толпу самых дурных и неисправимых людей, каких только смог разыскать, и поселил их в построенном для них городе, которому присвоил соответствующее название [34]. Полагаю, что и они из самих своих пороков создали политическое объединение, а также целесообразно устроенное и справедливое общество.

Предо мной не какое-нибудь единичное злодеяние, не три и не сотня,

---

* Времена хуже железного века, и их преступлению сама природа не находит названия, и она не создала металла, которым можно было бы их обозначить [31] (*лат.*).

** Где понятия о дозволенном и запретном извращены [32] (*лат.*).

*** Они обрабатывают землю вооруженные и все время жаждут новой добычи и жаждут жить награбленным [33] (*лат.*).

предо мной повсеместно распространенные, находящие всеобщее одобрение нравы, настолько чудовищные по своей бесчеловечности и в особенности бесчестности, — а для меня это наихудший из всех пороков, — что я не могу думать о них без содрогания, и все же я любуюсь ими, пожалуй, не меньше, чем ненавижу их. Эти из ряда вон выходящие злодеяния в такой же мере отмечены печатью душевной мощи и непреклонности, как и печатью развращенности и заблуждений. Нужда обтесывает людей и сгоняет их вместе. Эта случайно собравшаяся орда сплачивается в дальнейшем законами; ведь бывали среди подобных орд и такие свирепые, что никакое человеческое воображение не в силах измыслить что-либо похожее, и тем не менее иным из них удавалось обеспечить себе здоровое и длительное существование, так что потягаться с ними было бы впору разве что государствам, которые были бы созданы гением Платона и Аристотеля.

И, конечно, все описания придуманных из головы государств — не более чем смехотворная блажь, непригодная для практического осуществления. Ожесточенные и бесконечные споры о наилучшей форме общественного устройства и о началах, способных нас спаять воедино, являются спорами, полезными только в качестве упражнения нашей мысли; они служат тому же, чему служат многие темы, используемые в различных науках; приобретая существенность и значительность в пылу диспута, они вне него лишаются всякой жизненности. Такое идеальное государство можно было бы основать в Новом Свете, но мы и там имели бы дело с людьми, уже связанными и сформированными теми или иными обычаями; ведь мы не творим людей, как Пирра или как Кадм [35]. И если бы мы добились каким-либо способом права исправлять и перевоспитывать этих людей, все равно мы не могли бы вывернуть их наизнанку так, чтобы не разрушить всего. Солона как-то спросили, наилучшие ли законы он установил для афинян. «Да, — сказал он в ответ, — наилучшие из тех, каким они согласились бы подчиняться» [36].

Варрон приводит в свое извинение следующее: если бы он первым писал о религии, он высказал бы о ней все, что думает; но раз она принята всеми и ей присущи определенные формы, он будет говорить о ней скорее согласно обычаю, чем следуя своим естественным побуждениям [37].

Не только предположительно, но и на деле лучшее государственное устройство для любого народа — это то, которое сохранило его как целое. Особенности и основные достоинства этого государственного устройства зависят от породивших его обычаев. Мы всегда с большой охотой сетуем на условия, в которых живем. И все же я держусь того мнения, что жаждать власти немногих в государстве, где правит народ, или стремиться в монархическом государстве к иному виду правления — это преступление и безумие.

> Уклад своей страны обязан ты любить:
> Чти короля, когда он у кормила,
> Республику, когда в народе сила,
> Раз выпало тебе под ними жить,

Это сказано нашим славным господином Пибраком[38], которого мы только что потеряли, человеком высокого духа, здравых воззрений, безупречного образа жизни. Эта утрата, как и одновременно постигшая нас утрата господина де Фуа[39], весьма чувствительны для нашей короны. Не знаю, можно ли найти в целой Франции еще такую же пару, способную заменить в Королевском Совете двух этих гасконцев, наделенных столь многочисленными талантами и столь преданных трону. Это были разные, но одинаково высокие души, и для нашего века особенно редкие и прекрасные, скроенные каждая на свой лад. Но кто же дал их нашему времени, их, столь чуждых нашей испорченности и столь не приспособленных к нашим бурям?

Ничто не порождает в государстве такой неразберихи, как вводимые новшества; всякие перемены выгодны лишь бесправию и тирании. Когда какая-нибудь часть займет неподобающее ей место, это дело легко поправимое; можно принимать меры и к тому, чтобы повреждения или порча, естественные для любой вещи, не увели нас слишком далеко от наших начал и основ. Но браться за переплавку такой громады и менять фундамент такого огромного здания — значит уподобляться тем, кто, чтобы подчистить, начисто стирает написанное, кто хочет устранить отдельные недостатки, перевернув все на свете вверх тормашками, кто исцеляет болезни посредством смерти, non tam commutandarum quam evertendarum rerum cupidi *. Мир сам себя не умеет лечить; он настолько нетерпелив ко всему, что его мучает, что помышляет только о том, как бы поскорее отделаться от недуга, не считаясь с ценой, которую необходимо за это платить. Мы убедились на тысяче примеров, что средства, применяемые им самим, обычно идут ему же во вред; избавиться от терзающей в данное мгновение боли вовсе не значит окончательно выздороветь, если при этом общее состояние не улучшилось.

Цель хирурга не в том, чтобы удалить дикое мясо; это только способ лечения. Он стремится к тому, чтобы на том же месте возродилась здоровая ткань и чтобы тот же участок тела снова зажил нормальной жизнью. Всякий, кто хочет устранить только то, что причиняет ему страдание, недостаточно дальновиден, ибо благо не обязательно идет следом за злом; за ним может последовать и новое зло, и притом еще худшее, как это случилось с убийцами Цезаря[41], которые ввергли республику в столь великие бедствия, что им пришлось раскаиваться в своем вмешательстве в государственные дела. С того времени и вплоть до нашего века со многими произошло то же самое. Мои современники французы могли бы на этот счет многое порассказать. Все крупные перемены расшатывают государство и вносят в него сумятицу. Кто, затевая исцелить его одним махом, предварительно задумался бы над тем, что из этого воспоследует, тот, конечно, охладел бы к подобному предприятию и не пожелал бы приложить к нему руку. Пакувий Колавий покончил с по-

---

* Стремясь не столько к изменению существующего порядка, сколько к его извращению[40] (*лат.*).

рочными попытками этого рода[42] следующим весьма примечательным способом. Его сограждане поднялись против своих правителей. Ему же, человеку весьма могущественному в городе Капуе, удалось запереть во дворце собравшийся туда в полном составе сенат, и, созвав на площадь народ, он сообщил ему, что пришел день, когда они без всякой помехи могут отмстить тиранам, которые так долго их угнетали и которые теперь в его власти, безоружные и лишенные всякой охраны. Он предложил, чтобы их выводили по жребию одного за другим, и народ принимал решение о каждом из них в отдельности, исполняя на месте вынесенный им приговор, — с тем, однако, чтобы на должность, которую занимал осужденный, они тут же назначали кого-нибудь из добропорядочных граждан, дабы она не оставалась незамещенной. Едва был вызван первый сенатор, как поднялись крики, выражавшие всеобщую ненависть к этому человеку. «Вижу, — сказал Пакувий, — этого необходимо сместить, он бесспорный злодей; давайте заменим его кем-нибудь более подходящим». Внезапно воцарилась полнейшая тишина: всякий затруднялся, кого же назвать. Наконец, кто-то осмелился выдвинуть своего кандидата, но в ответ на это последовали еще более громкие и единодушные крики, отказывавшие ему в избрании. Было перечислено множество присущих ему недостатков и были приведены сотни веских причин, по которым его следовало отвергнуть. Между тем, страсти разгорались все сильнее и неукротимее, и дело пошло еще того хуже при появлении второго сенатора, а затем и третьего: столько же было разногласий при выборах, сколько согласия при отстранении от обязанностей. В конце концов, устав от этой бесплодной распри, народ стал мало-помалу — кто сюда, кто туда — разбегаться с собрания, унося в душе убеждение, что застарелое и хорошо знакомое зло всегда предпочтительнее зла нового и неизведанного. Чего мы только ни делали, чтобы дойти до столь прискорбного положения?

Eheu cicatricum et sceleris pudet,
Fratrumque: quid nos dura refugimus
Aetas? quid intactum nefasti
Liquimus? unde manus iuventus
Metu deorum continuit? quibus
Pepercit aris? *

И все же я не решаюсь сказать:

ipsa si velit Salus
Servare prorsus non potest hanc familiam **.

Мы, пожалуй, еще не дошли до последней черты. Сохранность государств — это нечто такое, что находится за пределами нашего разумения.

* Увы! Наши рубцы, наши преступления, наши братоубийственные войны покрывают нас позором. На что только не посягнул наш жестокий век? Оставили ли мы, нечестивые, хоть что-нибудь нетронутым? Удержал ли страх перед богами нашу молодежь хоть от чего-нибудь? Пощадила ли она хоть какие-нибудь алтари? [43] (*лат.*).

** Даже если бы сама богиня Спасения пожелала сохранить этот род, то и она не смогла б это сделать [44] (*лат.*).

Государственное устройство, как утверждает Платон, — это нечто чрезвычайно могущественное и с трудом поддающееся распаду [45]. Нередко оно продолжает существовать, несмотря на смертельные, подтачивающие его изнутри недуги, несмотря на несообразность несправедливых законов, несмотря на тиранию, несмотря на развращенность и невежество должностных лиц, разнузданность и мятежность народа.

Во всех наших превратностях мы обращаем взоры к тому, что над нами, и смотрим на тех, кому лучше, чем нам; давайте же сравним себя с тем, что под нами; нет такого горемычного человека, который не нашел бы тысячи примеров, способных доставить ему утешение. Наша вина, что мы больше думаем о грядущей беде, чем о минувшей. «Если бы, — говорил Солон, — все несчастья были собраны в одну груду, то не нашлось бы ни одного человека, который не предпочел бы остаться при своих горестях, лишь бы не принимать участия в законном разделе этой груды несчастий и не получить своей доли» [46]. Наше государство занемогло; но ведь другие государства болели, бывало, еще серьезнее и тем не менее не погибли. Боги тешатся нами словно мячом и швыряют нас во все стороны:

Enimvero dii nos homines quasi pilas habent *.

Светила роковым образом избрали римское государство, дабы показать на его примере свое всемогущество. Оно познало самые различные формы, прошло через все испытания, каким только может подвергнуться государство, через все, что приносит лад и разлад, счастье и несчастье. Кто же может отчаиваться в своем положении, зная о потрясениях и ударах, которые оно претерпело и которые все-таки выдержало? Если господство на огромных пространствах есть признак здоровья и крепости государства (с чем я никоим образом не могу согласиться, и мне нравятся слова Исократа, советовавшего Никоклу не завидовать государям, владеющим обширными царствами, но завидовать тем из них, которые сумели сохранить за собой то, что выпало им в удел [48]), то Рим никогда не был здоровее, чем в то время, когда он был наиболее хворым. Худшая из его форм была для него самой благоприятною. При первых императорах в нем с трудом прослеживаются какие-либо признаки государственного устройства: это самая ужасающая и нелепая мешанина, какую только можно себе представить. И все же он сохранил и закрепил это свое устройство, остался не какой-нибудь крошечной монархией с ограниченными пределами, но стал властителем многих народов, столь различных, столь удаленных, столь враждебно к нему настроенных, столь неправедно управляемых, столь коварным образом покоренных:

nec gentibus ullis
Commodat in populum terrae pelagique potentem
Invidiam fortuna suam **.

---

* Ведь боги обращаются с людьми словно с мячами [47] (*лат.*).

** И ни одному племени не предоставляет судьба покарать за нее народ, властвующий над сушей и морем [49] (*лат.*).

Не все, что колеблется, падает. Остов столь огромного образования держится не на одном гвозде, а на великом множестве их. Он держится уже благодаря своей древности; он подобен старым строениям, из-за своего возраста потерявшим опору, на которой они покоились, без штукатурки, без связи, и все же не рушащимся и поддерживающим себя своим весом,

> nec iam validis radicibus haerens,
> Pondere tuta suo est *.

К тому же никак нельзя одобрить поведение тех, кто обследует лишь внешние стены крепости и рвы перед ними; чтобы судить о ее надежности, нужно взглянуть, кроме того, откуда могут прийти осаждающие и каковы их силы и средства. Лишь немногие корабли тонут от своего веса и без насилия над ними со стороны. Давайте оглядимся вокруг: все распадается и разваливается; и это во всех известных нам государствах, как христианского мира, так и в любом другом месте; присмотритесь к ним, и вы обнаружите явную угрозу ожидающих их изменений и гибели:

> Et sua sunt illis incommoda, parque per omnes
> Tempestas **.

Астрологи ведут беспроигрышную игру, предвещая, по своему обыкновению, великие перемены и потрясения; их предсказания толкуют о том, что и без того очевидно и осязаемо; за ними незачем отправляться на небеса.

И если это сочетание бедствий и вечной угрозы наблюдается повсеместно, то отсюда мы можем извлечь для себя не только известное утешение, но и некоторую надежду на то, что и наше государство устоит, как другие; ибо где падает все, там в действительности ничто не падает. Болезнь, присущая всем, для каждого в отдельности есть здоровье; единообразие — качество, противоборствующее распаду. Что до меня, то я отнюдь не впадаю в отчаянье, и мне кажется, что я вижу перед нами пути к спасению;

> deus haec fortasse benigna
> Reducet in sedem vice ***.

Кому ведомо, не будет ли господу богу угодно, чтобы и с нами произошло то же самое, что порою случается с иным человеческим телом, которое очищается и укрепляется благодаря длительным и тяжелым болезням, возвращающим ему более полное и устойчивое здоровье, нежели то, какое было ими у него отнято?

Но больше всего меня угнетает то, что, изучая симптомы нашей болезни, я нахожу среди них столько же естественных и ниспосланных са-

---

* Этот дуб уже не стоит на прочных корнях, но держится благодаря своему весу [50] (*лат.*).

** И у них свои беды; и над всеми бушует одинаково сильная буря [51] (*лат.*).

*** Быть может, бог восстановит в прежнем виде то, что мы расточили [52] (*лат.*).

мим небом и только им, сколько тех, которые привносятся нашей распущенностью и человеческим безумием. Кажется, что даже светила небесные — и они считают, что мы просуществовали достаточно долго и уже перешли положенный нам предел. Меня угнетает также и то, что наиболее вероятное из нависших над нами несчастий — это не преобразование всей совокупности нашего еще целостного бытия, а ее распадение и распыление, — и из всего, чего мы боимся, это самое страшное.

Предаваясь этим раздумьям, я опасаюсь также предательства со стороны моей памяти: не заставляет ли она меня дважды говорить по рассеянности об одном и том же. Я не люблю себя перечитывать и никогда не копаюсь по доброй воле в том, что мною написано. Я не вношу сюда ничего такого, чему научился позднее. Высказанные здесь мысли обыденны: они приходили мне в голову, может быть, сотню раз, и я боюсь, что уже останавливался на них. Повторение всегда докучает, даже у самого Гомера; но оно просто губительно, когда дело идет о вещах малосущественных и преходящих. Меня раздражает всякое вдалбливание даже в тех случаях, когда оно касается вещей безусловно полезных, например у Сенеки, как раздражает и обыкновение его стоической школы повторять по всякому поводу, и притом от доски до доски, все те же общие положения и предпосылки и приводить снова и снова общеизвестные, привычные доводы и основания. Моя память что ни день ужасающим образом ухудшается,

Pocula Lethaeos ut si ducentia somnos
Arente fauce traxerim *.

И впредь — ибо до настоящего времени, слава богу, больших неприятностей от нее не было — мне, в отличие от других, стремящихся высказывать свои мысли в подходящее время и хорошо их обдумав, придется избегать какой бы то ни было подготовки из страха обременить себя известными обязательствами, от которых я буду всецело зависеть. Я путаюсь и сбиваюсь, когда меня что-нибудь связывает и ограничивает и когда я завишу от такого ненадежного и немощного орудия, как моя память.

Я не могу читать следующую историю, не возмущаясь и не переживая ее всею душой. Когда некоего линкеста, обвиненного в злокозненном умысле на Александра, поставили по обычаю перед войском, чтобы оно могло выслушать его оправдания, он, припоминая заранее составленную им речь, невнятно и запинаясь, пробормотал из нее лишь несколько слов. Пока он бился со своей памятью, стараясь собраться с мыслями, его волнение все возрастало, и воины, стоявшие поблизости от него, сочтя, что он полностью себя уличил своим поведением, бросились на него и убили его ударами копий. Его оцепенение и безмолвие были восприняты ими как признание в предъявленном ему обвинении: ведь в темнице у него было довольно досуга, чтобы подготовиться к этому дню, и, на их взгляд,

---

* Словно, погибая от жажды, я выпил чашу с водою из Леты, наводящею сны [53] (*лат.*).

дело тут не в том, что ему изменила память, а в том, что совесть сковала ему язык и отняла у него последнее мужество[54]. Вот поистине замечательный вывод! А между тем, самое место, скопление стольких людей, ожидание вселяют в душу смятение, особенно если все помыслы направлены только на то, чтобы говорить красноречиво и убедительно. Что тут поделаешь, если от этой речи зависит жизнь твоя или смерть?

Что до меня, то у меня земля уходит из-под ног при мысли о том, что на мне путы и я могу говорить только о том-то и том-то. Когда я вверяю и препоручаю себя моей памяти, я цепляюсь за нее с такой силой, что чрезмерно отягощаю ее, и она пугается своего груза. Пока я неотступно следую за нею, я выхожу из себя, и настолько, что едва не теряю самообладание, и мне не раз приходилось с превеликим трудом скрывать, что я раб моей памяти, причем это случалось со мной именно там, где для меня было необычайно важно произвести впечатление, что я говорю с полной непринужденностью, что выражения моих чувств случайны и заранее не продуманы, но порождены нынешними обстоятельствами. По-моему, не высказать ничего стоящего нисколько не хуже, чем обнаружить пред всеми, что явился сюда, подготовившись красно говорить, — вещь совершенно неподобающая, и тем более для людей моего ремесла, да и вообще возлагающая чрезмерные обязательства, непосильные для того, кто не в состоянии на себя положиться: от подготовки ждут большего, чем она может дать. Часто по глупости надевают на себя короткий камзол, чтобы прыгнуть не лучше, чем в обычном плаще.

Nihil est his qui placere volunt tam adversarium quam expectatio *. Существует письменное свидетельство об ораторе Курионе, что, хотя он и разбивал свою речь на три или четыре части и определял количество своих основных положений и доводов, с ним все же нередко случалось, что он что-нибудь забывал или добавлял новое[56]. Я всегда остерегался стеснений этого рода, ненавидя всяческие ограничения и предписания, и не только из недоверия к моей памяти, но также и потому, что все это слишком надуманно и искусственно. Simpliciora militares decent **. Хватит с меня и того, что я дал себе обещание никогда больше не выступать в почтенных собраниях. Если же читать свою речь по написанному, то помимо того, что этот способ просто чудовищен, он вдобавок крайне невыгоден всякому, кто благодаря своим данным мог бы кое-чего достигнуть и при помощи жестов. Еще меньше могу я рассчитывать в настоящее время на собственную находчивость: моя мысль тяжела на подъем и лишена гибкости, и мне не найтись в обстоятельствах сложных и значительных.

Прими же, читатель, и эти мои писания, и это третье восполнение к написанной мною картине. Я добавляю, но никоим образом не исправляю. Во-первых, потому, что тот, кто отдал в заклад всему свету свое

* Ничто так не вредит желающим произвести хорошее впечатление, как возлагаемые на них надежды[55] (*лат.*).
** Военным людям к лицу простота[57] (*лат.*).

сочинение, по-моему, начисто потерял на него права. Пусть, если может, говорит более складно где-нибудь в другом месте, но не искажает работы, которую продал. Покупать у таких людей нужно только после их смерти. Пусть они прежде хорошенько подумают и лишь потом берутся за дело. Кто их торопит?

Моя книга неизменно все та же. И если ее печатают заново, я разве что позволяю себе вставить в нее лишний кусочек, дабы покупатель не ушел с пустыми руками: ведь она не более чем беспорядочный набор всякой всячины. Это всего лишь довески, нисколько не нарушающие ее первоначального облика, но придающие с помощью какой-нибудь существенной мелочи дополнительную и особую ценность всему последующему. Отсюда легко может возникнуть кое-какое нарушение хронологии, но мои побасенки размещаются как придется и не всегда в зависимости от своего возраста.

Во-вторых, если дело идет обо мне, я боюсь потерять при обмене; мой ум не всегда шагает вперед, иногда он бредет и вспять. Я ничуть не меньше доверяю своим измышлениям от того, что они первые, а не вторые или третьи, или потому, что они прежние, а не нынешние. Нередко мы исправляем себя столь же нелепо, как исправляем других. Впервые мое сочинение увидело свет в 1580 г. За этот длительный промежуток времени я успел постареть, но мудрости во мне, разумеется, не прибавилось даже на самую малость. Я тогдашний и я теперешний — совершенно разные люди, и какой из нас лучше, я, право, не взялся бы ответить. Если бы мы шли прямым путем к совершенству, старость была бы и лучшей порой человеческой жизни. Но наше движение — скорее движение пьяницы: шаткое, валкое, несуразное, как раскачивание тростинки, колеблемой по прихоти ветра.

Антиох с великой горячностью превозносил Академию[58]; однако он же на старости лет примкнул к стану ее врагов; за каким из этих двух Антиохов я бы ни последовал, разве это не означало бы, что в любом случае я все же последовал за Антиохом? Внести во взгляды людей сомнение и затем пытаться внести в них же определенность — не означает ли, в конце концов, все же внести сомнение, а не определенность, и не предвещает ли также, что, буде этому человеку было бы предоставлено прожить еще один век, он и тогда бы неизменно проявлял склонность к какому-нибудь новому увлечению, не столько лучшему, сколько другому.

Благосклонность читателей придала мне несколько больше смелости, чем я от себя ожидал. Но ничего я так не боюсь, как наскучить; я предпочел бы скорее навлечь на себя гнев, но только, упаси боже, не опостылеть, как сделал один ученый моего времени. Похвала всегда и везде приятна, откуда б она ни исходила и что бы ее ни вызывало, но чтобы по-настоящему насладиться ею, нужно знать, чем она вызвана. Даже недостатки находят себе поклонников. Признание со стороны невежественной толпы редко бывает обоснованным, и я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что писания, превыше всего поднятые в мое время на щит народ-

ной молвой, — наихудшие. Конечно, я глубоко благодарен почтенным и порядочным людям, отметившим своей благосклонностью мои немощные усилия. Погрешности в отделке никогда не сказываются так явственно, как тогда, когда материал не может сам за себя постоять. Не вини же меня, читатель, за те их них, которые сюда просочились по прихоти и по небрежности кого-либо другого: каждый, кто прикасался к моему сочинению, вносил сюда свои собственные. Я не вмешиваюсь ни в орфографию — единственное мое желание, чтобы не отступали от общепринятой, — ни в пунктуацию: я мало сведущ как в той, так и в другой. Когда меня лишают всякого смысла, я не очень-то об этом печалюсь, ибо тут с меня снимается, по крайней мере, ответственность; но где его искажают или выворачивают на свой собственный лад, как это часто случается, там меня, можно сказать, окончательно губят. Во всяком случае, если то или иное суждение скроено не по моей мерке, порядочный человек должен считать его не моим. Узнав, до чего я ленив и своенравен, всякий легко поверит, что я охотнее продиктую еще столько же опытов, лишь бы не закабалять себя пересмотром этих ради внесения в них мелочных исправлений.

Я уже говорил, что, сойдя в глубочайший рудник, чтобы добывать этот новый металл, я не только лишен близкого общения с людьми другого склада, нежели мой собственный, и других взглядов, сплачивающих их в особую группу и отделяющих от всех остальных, но и подвергаюсь также опасности со стороны тех, кому решительно все позволено и кто в таких дурных отношениях с правосудием, хуже которых и представить себе невозможно, что и делает их до последней степени наглыми и распущенными. Если иметь в виду все касающиеся меня особые обстоятельства, я не вижу никого среди нас, кому бы отстаивание законности обходилось дороже, чем мне, принимая во внимание и потерю возможных выгод и прямые убытки, как говорят наши юристы. И хотя иные делают в этом смысле несомненно гораздо меньше моего, они все же корчат из себя храбрецов, похваляясь своей резкостью и горячностью.

Являясь домом, сохранявшим во все времена независимость, широко посещаемым и открытым для всех (ибо я не позволил себя совратить и поставить его на службу войне, в которую я охотнее всего вмешиваюсь тогда, когда она дальше всего от меня), дом мой заслужил общую любовь и признательность, и было бы трудно поносить меня на моей же навозной куче; и все же я считаю подлинным и редкостным чудом, что он все еще сохраняет, так сказать, свою девственность, — ведь в нем ни разу не лилась кровь и он ни разу не был отдан на поток и разорение, несмотря на столь продолжительную грозу, столькие перемены и волнения по соседству со мной. Говоря по правде, человек моего душевного склада мог бы изменить своей твердости и непреклонности, какими бы они ни были; но набеги, и вражеские вторжения, и перемены, и превратности военного счастья рядом со мною больше ожесточали до последнего времени, чем смягчали нравы моих земляков, и они по-прежнему угрожают мне всяческими опасностями и неодолимыми трудностями. Я изворачи-

ваюсь, но мне не по нраву, что это удается скорее по счастливой случайности или даже благодаря моему собственному благоразумию, а не благодаря защите со стороны правосудия, и мне не по нраву, что я живу не под сенью законов, и под иною охраной, чем та, которую они должны обеспечивать. Положение во всяком случае таково, что я на добрую половину, если не больше, существую благодаря чужой благосклонности, а это для меня тягостная зависимость. Я не хочу быть обязанным своей безопасностью ни доброте и благодеяниям сильных мира сего, которым угодно ограждать меня от насилий и предоставить мне свободу действий, ни простоте нравов моих предшественников или лично моих. Ну, а будь я другим? Если мои поступки и безупречность моего поведения налагают на моих соседей и родичей в отношении меня известные обязательства, то просто ужасно, что они вправе считать себя в расчете со мной, сохраняя мне жизнь, и вправе сказать: «Мы оставляем ему возможность свободно отправлять богослужение в его домашней часовне, хотя все остальные церкви в округе мы разорили или разрушили; мы оставляем ему возможность распоряжаться его имуществом и его жизнью, раз и он, когда это необходимо, оберегает наших жен и наших быков». В нашем доме так повелось уже издавна, и похвалы, расточавшиеся когда-то Ликургу, который был у своих сограждан чем-то вроде главного казначея и хранителя их кошельков [59], в некоторой мере распространяются и на нас.

Между тем, по-моему, нужно, чтобы мы жили под защитою права и власти, а не благодаря чьей-то признательности или милости. Сколько смелых людей предпочло распрощаться с жизнью, чем быть ею кому-то обязанными. Я избегаю брать на себя какие бы то ни было обязательства, и особенно те, которые связывают меня долгом чести. Для меня нет ничего драгоценнее, чем полученное мною как дар; вот почему моя воля попадает в заклад ко всякому, кто располагает моей благодарностью, и вот почему я охотнее пользуюсь такими услугами, которые можно купить. Мой расчет вполне правилен; за последние я отдаю только деньги, за все остальное — самого себя. Узы, налагаемые на меня честностью, кажутся мне намного стеснительнее и тяжелее, чем судебное принуждение. Мне не в пример легче, когда меня душат при посредстве нотариуса, чем при моем собственном. Разве не справедливо, что моя совесть чувствует себя более скованной в тех случаях, когда мне оказывается безоговорочное доверие? В других условиях моя добропорядочность никому ничего не должна, потому что никто ей ничего не одалживал; пусть обращаются ко всевозможным обеспечениям и гарантиям, предоставляемым помимо меня. Мне было бы значительно проще вырваться из плена казематов и законов, чем из того плена, в котором держит меня мое слово. В отношении своих обещаний я щепетилен до педантизма и поэтому, чего бы то ни касалось, стараюсь, чтобы они были, насколько возможно, неопределенными и условными. Даже тем из них, которые сами по себе не важны, я придаю несвойственную им важность из ревностного стремления неизменно следовать моему правилу; оно мне мешает и обременяет меня, и притом ради себя самого, а не во имя чего-либо иного. Больше того, если, затевая те

или иные дела, даже сугубо личные, в которых я волен действовать всецело по своему усмотрению, я рассказываю кому-нибудь о моем замысле, то мне начинает казаться, что отныне я уже не вправе от него отступиться и что сообщить о нем кому-либо другому — означает сделать его своим непреложным законом; мне кажется, что, говоря, я тем самым даю обещание. Вот почему я редко делюсь моими намерениями.

Приговор, выносимый мною самому себе, гораздо строже и жестче судебного приговора, ибо судья применяет ко мне ту же мерку, что и ко всем, тогда как тиски моей совести крепче и беспощаднее. Я не очень-то рьяно исполняю обязанности, к которым меня бы принудили, если бы я их не нес. Hoc ipsum ita iustum est quod recte fit, si est voluntarium *. Поступки, которых не озаряет отблеск свободы, не доставляют ни чести, ни удовольствия.

Quod me ius cogit, vix voluntate impetrent **.

К чему меня побуждает необходимость, того мне не хочется, quia quicquid imperio cogitur, exigenti magis quam praestanti acceptum refertur ***. И я знаю таких, которые доходят в этом до явной несправедливости: они охотнее дарят, чем возвращают, охотнее ссужают, чем платят, и всего расчетливее по отношению к тем, с кем связаны теснее всего. Я не иду этим путем, но не слишком далек от этого.

Я настолько люблю сбрасывать с себя бремя каких бы то ни было обязательств, что порою почитал прибылью различные проявления неблагодарности, нападки и недостойные выходки со стороны тех, к кому, по склонности или в силу случайного стечения обстоятельств, испытывал кое-какое дружеское расположение, ибо я рассматриваю их враждебные действия и их промахи как нечто такое, что целиком погашает мой долг и позволяет мне считать себя в полном расчете с ними. И хотя я продолжаю платить им дань внешнего уважения, возлагаемую на нас общественною благопристойностью, все же я немало сберегаю на этом, так как, делая по принуждению то же самое, что делал и раньше, движимый чувством, я тем самым несколько ослабляю напряженность и озабоченность моей внутренней воли (est prudentis sustinere ut cursum, sic impetum benevolentiae ****), которая у меня чрезмерно настойчива и беспокойна, во всяком случае для человека, не желающего, чтобы его беспокоили; и эта экономия до некоторой степени возмещает ущерб, причиняемый мне несовершенствами тех, с кем мне приходится соприкасаться. Мне, разумеется, неприятно, что они теряют в моих глазах, но зато и я не очень в накладе, так как уже не считаю себя обязанным расточать им в такой мере свою

---

* Праведный поступок по-настоящему праведен только тогда, когда он доброволен [60] (*лат.*).

** Едва ли я стал бы по своей воле заниматься делами, которые вменяются мне в обязанности [61] (*лат.*).

*** Ибо всякое приказание доставляет больше удовольствия тому, кто его отдает, чем тому, кто его выполняет [62] (*лат.*).

**** Мудрому надлежит сдерживать порывы своей приязни, как сдерживают бег коня [63] (*лат.*).

внимательность и преданность. Я не порицаю того, кто меньше любит своего ребенка, потому что он покрыт паршою или горбат, и не только тогда, когда тот коварен и злобен, но и тогда, когда он попросту несчастлив и жалок (сам господь этим способом обесценил его и определил ему место ниже естественного), лишь бы при этом охлаждении чувств соблюдалась мера и должная справедливость. По мне, кровная близость не сглаживает недостатков, напротив, она их, скорее, подчеркивает.

Итак, насколько я знаю толк в искусстве оказывать благодеяния и платить признательностью за те, что тебе оказаны, — а это искусство тонкое и требующее большого опыта, — я не вижу вокруг себя никого, кто до последнего времени был бы независимее, чем я, и менее моего в долгу перед кем бы то ни было. Да и вообще, нет никого, кто был бы в этом отношении так же чист перед людьми, как я.

nec sunt mihi nota potentum
Munera *.

Государи с избытком одаряют меня, если не отнимают моего, и благоволят ко мне, когда не причиняют мне зла; вот и все, чего я от них хочу. О сколь признателен я господу богу за то, что ему было угодно, чтобы всем моим достоянием я был обязан исключительно его милости, и также еще за то, что он удержал все мои долги целиком за собой. Как усердно молю я святое его милосердие, чтобы и впредь я не был обязан кому-нибудь чрезмерно большой благодарностью!

Благодатная свобода, так долго ведшая меня по моему пути! Пусть же она доведет меня до конца!

Я стремлюсь не иметь ни в ком настоятельной надобности.

In me omnis spes est mihi **. Это вещь, доступная всякому, но она легче достижима для тех, кого господь избавил от необходимости бороться с естественными и насущными нуждами.

Тяжело и чревато всевозможными неожиданностями зависеть от чужой воли. Мы сами — а это наиболее надежное и безопасное наше прибежище — не слишком в себе уверены. У меня нет ничего, кроме моего «я», но и этой собственностью я как следует не владею, и она, к тому же, мною частично призанята. Я стараюсь воспитать в себе крепость духа, что важнее всего, и равнодушие к ударам судьбы, чтобы у меня было на что опереться, если бы все остальное меня покинуло.

Гиппий из Элиды, водя дружбу с музами, запасся не только ученостью, чтобы, в случае необходимости, с радостью прекратить общение со всеми другими, и не только знанием философии, чтобы приучить свою душу довольствоваться собой и, если так повелит ее участь, мужественно обходиться без радостей, привносимых извне; он, кроме того, был настолько предусмотрителен, что научился стряпать для себя пищу, стричь свою бороду, шить себе одежду и обувь и изготовлять все необходимые

---

* И мне неведомы дары могущественных [64] (*лат.*).
** Вся моя надежда только на себя [65] (*лат.*).

ему вещи, дабы, насколько это возможно, рассчитывать лишь на себя и избавиться от посторонней помощи[66].

Гораздо свободнее и охотнее пользуешься благами, предоставленными тебе другим, в том случае, если пользование ими не вызывается горестною и настоятельною необходимостью и если в твоей воле и в твоих возможностях достаточно средств и способов обойтись и без них.

Я хорошо себя знаю. И все же мне трудно себе представить, чтобы где-нибудь на свете существовали щедрость столь благородная, гостеприимство столь искреннее и бескорыстное, которые не показались бы мне исполненными чванства и самодурства и были бы свободными от налета упрека, если бы судьба заставила меня к ним обратиться. Если давать — удел властвующего и гордого, то принимать — удел подчиненного. Свидетельство тому — выраженный в оскорбительном и глумливом тоне отказ Баязида от присланных ему Тимуром подарков[67].

А те подарки, которые были предложены от имени султана Сулеймана султану Калькутты, породили в последнем столь великую ярость, что он не только решительно от них отказался, заявив, что ни он, ни его предшественники не имели обычая принимать чьи-либо дары, а, напротив, почитали своею обязанностью щедро их раздавать, но и бросил в подземную темницу послов, направленных к нему с упомянутой целью[68].

Когда Фетида, говорит Аристотель, заискивает перед Юпитером, когда лакедемоняне заискивают перед афинянами, они не освежают в их памяти то хорошее, что они для них сделали, напоминание о чем всегда неприятно, но вспоминают благодеяния, которые те оказали им самим[69]. Люди, которые, как я вижу, пользуются без зазрения совести услугами всех и каждого, оставаясь тем самым в долгу перед ними, этого бы, конечно, не делали, если бы понимали, как все, кто не лишен рассудка, что значит связывать себя обязательством: его, пожалуй, можно иногда оплатить, но рассчитаться по нему невозможно. Это — мучительные оковы для каждого, кто любит всегда и везде класть локти так, как ему удобно. Моим знакомым — тем, кто выше меня по своему положению, и тем, кто ниже, — отлично известно, что они еще не видели человека менее назойливого, чем я. Если я не подхожу под современную мерку, то это — не великое чудо, так как его основа — многочисленные свойства моего характера: немножко природной гордости, боязнь столкнуться с отказом, ограниченность желаний и намерений, неприспособленность к ведению каких бы то ни было дел и, наконец, излюбленные мои качества: приверженность к праздности и к свободе. Из-за всего этого я питаю смертельную ненависть и к тому, чтобы от кого-либо зависеть, и к тому, чтобы искать у кого-либо поддержки, если этот кто-либо не я сам. Прежде чем я позволю себе прибегнуть к чужой благосклонности, я прилагаю усилия, на какие только способен, чтобы обойтись без нее — и в пустяках и в чем-либо важном. Мои друзья нестерпимо докучают мне, когда просят, чтобы я попросил за них кого-либо третьего. И для меня не менее затруднительно использовать и таким образом освободить от обязательств того, кто мне должен, чем обязаться ради них перед тем, кто у меня ни с какой

стороны не в долгу. Если пренебречь этим — и еще при одном условии, а именно, чтобы от меня не хотели чего-нибудь слишком хлопотного и сложного (ибо я объявил беспощадную войну всяким заботам), — я, в общем, охотно готов помочь в нужде каждому. Впрочем, я всегда в большей мере избегал брать, чем старался давать, — ведь, по Аристотелю, это гораздо приятнее[70]. Моя судьба не очень-то позволяла мне благодетельствовать другим, но и то малое, что она мне позволила, пало на неблагодарную почву. Если бы она назначила меня родиться с тем, чтобы занять среди людей высокое положение, я бы стремился к тому, чтобы заставить себя полюбить, а не к тому, чтобы внушать страх и поражать воображение. Позволительно ли мне выразить это с еще большей самонадеянностью? Я бы столько же проявлял заботу о том, чтобы нравиться, как и о том, чтобы приносить пользу. Кир устами своего превосходного полководца и еще более выдающегося философа весьма мудро оценивает свою доброту и свои благодеяния не в пример выше, нежели свою доблесть и свои обширные завоевания[71]. И Сципион Старший всюду, где хочет возвысить себя в людском мнении, ставит свою мягкость и человечность выше своей храбрости и побед, и у него всегда на устах прославленные слова о том, что он принудил своих врагов полюбить его так же, как его любят друзья[72].

Итак, я хочу сказать, что если уж нужно быть всегда связанным каким-то долгом, то это должно иметь более твердые основания, нежели та зависимость, о которой я сейчас говорю и в которую меня ставят обстоятельства этой ужасной войны, а также, что мои обязательства не должны быть настолько тягостны, чтобы от них зависели моя жизнь и моя смерть: такая зависимость меня подавляет. Я тысячу раз ложился спать у себя дома с мыслью о том, что именно этой ночью меня схватят и убьют, и единственное, о чем я молил судьбу, так это о том, чтобы все произошло быстро и без мучений. И после своей вечерней молитвы я не раз восклицал:

Impius haec tam culta novalia miles habebit! *

Ну, а где против этого средство? Здесь — место, где родился и я и большинство моих предков; они ему отдали и свою любовь и свое имя. Мы лепимся к тому, с чем мы свыклись. И в столь жалком положении, как наше, привычка — благословеннейший дар природы, притупляющий нашу чувствительность и помогающий нам претерпевать всевозможные бедствия. Гражданские войны хуже всяких других именно потому, что каждый из нас у себя дома должен быть постоянно настороже,

Quam miserum porta vitam muroque tueri,
Vixque suae tutum viribus esse domus **,

* И все эти столь тщательно возделанные пашни захватит какой-нибудь нечестивый воин![73] (*лат.*).

** Какая жалкая участь оберегать свою жизнь с помощью стен и ворот и не быть по-настоящему в безопасности, несмотря на прочность своего дома[74] (*лат.*).

Величайшее несчастье ощущать вечный гнет даже у себя дома, в лоне своей семьи. Местность, в которой я обитаю, — постоянная арена наших смут и волнений; тут они раньше всего разражаются и позже всего затихают, и настоящего мира тут никогда не видно,

> Tum quoque cum pax est, trepidant formidine belli *,

> quoties pacem fortuna lacessit
> Hac iter est bellis. Melius, fortuna, dedisses
> Orbe sub Eoo sedem, gelidaque sub Arcto
> Errantesque domos **.

Чтобы уйти от этих горестных размышлений, я впадаю порой в безразличие и малодушие; ведь и они некоторым образом прививают человеку решительность. Мне нередко случается, и притом не без известного удовольствия, представлять себе со всею наглядностью свою гибель и ждать своего смертного часа; опустив голову, в полном оцепенении, погружаюсь я в смерть, не рассматривая и не узнавая ее, словно в мрачную и немую пучину, которая тотчас смыкается надо мной и сковывает меня неодолимым, беспробудным, бесчувственным сном. И то, что последует, как я предвижу, за быстрой и насильственной смертью, утешает меня в большей мере, чем страшат обстоятельства, при которых она постигнет меня. Говорят, что если не всякая долгая жизнь — хорошая жизнь, то всякая быстрая смерть — хорошая смерть. Я не столько боюсь умереть, сколько свожу знакомство с тем, что предшествует смерти, — с умиранием. Я таюсь и съеживаюсь посреди этой грозы, — она должна меня ослепить и похитить стремительным и внезапным порывом, которого я даже не почувствую.

Если розы и фиалки, как утверждают некоторые садовники, произрастая поблизости от лука и чеснока, и вправду пахнут приятнее и сильнее, потому что те извлекают из земли и всасывают в себя все, что ни есть в ней зловонного[77], то почему бы и закоснелым в преступлениях людям моей округи также не всосать в себя всего яда из моего воздуха и моего неба и своим соседством со мной не сделать меня настолько чище и лучше, чтобы я не погиб окончательно и бесповоротно? В целом это не так, но кое-что в этом роде все же возможно: например, доброта прекраснее и привлекательнее, когда она — редкость, а враждебность и несхожесть всего окружающего усиливает и укрепляет стремление делать добро, воспламеняя душу и необходимостью бороться с препятствиями, и жаждою славы.

Грабители сами по себе не проявляют ко мне особой враждебности. А разве я не отвечаю им тем же? Вздумай я взяться за них, и мне бы пришлось иметь дело со множеством людей. Те, у кого одинаково злая воля, каково бы ни было различие в их положении, таят в себе одинако-

---

* Даже когда царит мир, люди дрожат от страха перед войной[75] (*лат.*).

** Всякий раз, когда судьба нарушает мир, здесь разражаются войны. О судьба, лучше бы ты назначила мне жить в стране Эос или в кочующем доме под студеной Медведицей[76] (*лат.*).

вую жестокость, бесчестность, грабительские наклонности, и все это в каждом из них тем отвратительнее, чем он трусливее, чем увереннее в себе и чем ловчее умеет прикрываться законами. Я в меньшей степени ненавижу преступление явное, совершенное в пылу борьбы, чем содеянное предательски, тихою сапой. Наша лихорадка напала на тело, которому она нисколько не повредила; в нем тлел огонь, и вот вспыхнуло пламя; больше шуму, чем настоящей беды.

Обращающимся ко мне с вопросом, что именно побуждает меня к путешествиям, я имею обыкновение отвечать: «Я очень хорошо знаю, от чего бегу, но не знаю, чего ищу». Если мне говорят, что и среди чужестранцев, быть может, так же мало истинного здоровья, как среди нас, и что их нравы не стоят большего, нежели наши, я отвечаю: во-первых, маловероятно, чтобы существовали

Tam multae scelerum facies *,

и во-вторых, что изменить дурное положение на положение неопределенное — как-никак выигрыш и что чужие беды никогда не задевают нас так же, как наши.

Я никогда не забываю о том, что сколько бы я ни ополчался на Францию, Париж мне по-прежнему мил; я отдал ему свое сердце еще в дни моего детства. И с ним произошло то, что всегда происходит с замечательными вещами: чем больше прекрасных городов я с той поры видел, тем больше красóты этого города властвуют надо мной и овладевают моей любовью. Я люблю его самого по себе, и больше в его естественном виде, чем приукрашенным чужеземною пышностью[79]. Я люблю его со всей нежностью, даже его бородавки и родимые пятна. Ведь я француз только благодаря этому великому городу: великому — численностью своих обитателей, великому — своим на редкость удачным местоположением, но сверх всего великому и несравненному своими бесчисленными и разнообразнейшими достоинствами: это слава Франции, одно из благороднейших украшений мира. Да отвратит от него господь наши раздоры! Целостный и единый, он огражден, по-моему, от всяких других напастей. Я убежден, что из всех наших партий наихудшей окажется именно та, которая ввергнет его в наши распри. И никакой враг, на мой взгляд, ему не опасен, кроме него самого. И я боюсь за него столько же, сколько за всякую другую часть нашего государства. Пока он стоит, я не буду иметь недостатка в убежище, где бы я мог испустить последний мой вздох, убежище, способном вознаградить меня с лихвою за потерю любого другого.

Не потому, что так когда-то сказал Сократ, но потому, что и вправду таковы мои чувства, в чем я дохожу, пожалуй, иногда до чрезмерности, все люди, по мне, мои соотечественники, и я обнимаю поляка столь же искренне, как француза, отдавая предпочтение перед национальными связями связям всечеловеческим и всеобщим. Я не нахожу мой родной воздух самым живительным на всем свете. Знакомства, завязываемые впервые и чисто личные, стоят, по-моему, нисколько не меньше, чем случайные

* Столь многочисленные лики преступлений[78] (*лат.*).

и обыденные, поддерживаемые мною с моими соседями. Бескорыстная дружба, возникающая по нашему побуждению, обычно на голову выше дружеских отношений, которыми связывают нас соседство или общность крови. Природа произвела нас на свет свободными и независимыми; это мы сами запираем себя в тех или иных тесных пределах, уподобляясь в известном смысле персидским царям, давшим обет не пить никакой воды, кроме, как из реки Хоасп: отказавшись, по неразумию, от своего права употреблять любую другую воду, они обезводили для себя весь мир[80].

Что же касается совершенного Сократом под конец его жизни, когда приговор об изгнании он счел более тягостным, чем смертный, то я, как кажется, никогда не дойду до такой расслабленности и никогда не буду настолько привязан к моему отечеству, чтобы поступить так же, как он. В житиях высоких духом людей много такого, что я скорее ценю, чем люблю.

И среди них бывают до того возвышенные и беспримерные, что я не могу как следует оценить их, ибо они для меня совершенно непостижимы.

Для человека, считавшего весь мир своим родным городом, отмеченные выше соображения были проявлением слабости. Правда, он презирал странствия, и его нога ни разу не переступила пределов Аттики. Как же рассматривать то, что он пожалел денег своих друзей, чтобы спасти себе жизнь, и отказался выйти с чужой помощью из темницы, чтобы не преступить законы, и притом в то время, когда эти законы были так чудовищно извращены[81]? Эти образцы для меня превыше всего. Есть и другие, которые я помещаю на втором месте, и их я также могу отыскать в жизни и деяниях этого человека. Многие из этих редкостных образцов превосходят мои возможности, и подражать им я был бы не в силах, но иные из них превосходят и возможности моего понимания.

Кроме этих причин, путешествия, как мне кажется, — дело очень полезное. Душа непрерывно упражняется в наблюдении вещей для нее новых и доселе неведомых, и я не знаю, — о чем уже не раз говорил, — ничего более поучительного для человеческой жизни, как непрестанно показывать ей во всей их многоликости столько других человеческих жизней и наглядно знакомить ее с бесконечным разнообразием форм нашей природы. При этом тело не остается праздным, но вместе с тем и не напрягается через силу, и это легкое возбуждение оказывает на него бодрящее действие. Несмотря на мои колики, я не схожу с лошади по восемь-десять часов сряду и все же не ощущаю чрезмерной усталости,

Vires ultra sortemque senectae *.

Никакое время года не бывает мне в тягость; только палящий зной отвесно стоящего солнца невыносим для меня, ибо зонтики, которыми со времен древних римлян пользуется Италия, больше мучают руку, чем облегчают мучения головы. Хотел бы я знать, с помощью каких ухищрений

* Сверх сил и удела старости[82] (*лат.*).

в столь давнюю пору, когда роскошь только начала зарождаться, персы умели поднимать по желанию свежий ветер и создавать тень, о чем рассказывает Ксенофонт[83]. Я люблю дождь и грязь, как утка. Перемена воздуха и климата на мне совершенно не отражается; любое небо для меня равно хорошо. Меня тревожат лишь те перемены, что происходят внутри меня, да и они в путешествиях приключаются со мной много реже.

Я тяжел на подъем, но, пустившись в дорогу, могу ехать сколько угодно. Мелкие дела утомляют меня столько же, сколько большие, и собраться в непродолжительную поездку, чтобы побывать у соседа, составляет для меня не меньше труда, чем приготовиться к настоящему путешествию. Я привык совершать мои дневные прогоны на испанский лад, одним махом: это длительные и вполне оправдывающие себя прогоны; если днем слишком жарко, я проделываю их по ночам, от захода и до восхода солнца. Принятое некоторыми обыкновение останавливаться в пути, чтобы покормить лошадей и пообедать в спешке и суете, никуда не годится, особенно когда стоят короткие дни. Моим лошадям это идет только впрок. Меня ни разу не подвела ни одна лошадь, коль скоро она выдерживала первый из подобных прогонов. Зато я пою моих лошадей повсюду, где только возможно, и слежу лишь за тем, чтобы между двумя водопоями они прошли достаточный отрезок пути и выпитая ими вода вышла мочой. Моя нелюбовь вставать слишком рано доставляет возможность сопровождающим меня слугам пообедать, не торопясь, перед выездом. Что до меня, то я с едой не спешу: аппетит приходит ко мне во время еды и никак не иначе; я испытываю голод лишь за столом.

Некоторые упрекают меня за то, что я все еще не утрачиваю охоты к упражнениям этого рода, хотя женат и уже в летах. Они неправы. Ведь наилучшая пора для отлучек из дому тогда только и наступает, когда домашние могут обойтись и без вас, ибо в доме установлен твердый порядок, который ни в чем не будет нарушен. Гораздо легкомысленнее уезжать из дому, оставляя его на менее надежные руки, которые не станут особенно себя утруждать, чтобы заботиться о ваших делах.

Самая полезная и почетная наука для женщины — это наука, носящая название домоводства. Мне приходилось видеть женщин скупых и жадных, но хозяйственных — очень редко. А между тем этому качеству подобает быть у них основным, и его следует искать в женщине прежде других, видя в нем единственное приданое, которое может как разорить, так и сохранить наши дома. Пусть и не пытаются мне возражать; в соответствии с тем, чему меня научил опыт, я требую от замужней женщины, кроме всех других добродетелей, и хозяйственности, которая тоже есть добродетель. Я устраиваю ей испытание, оставляя на ее руки, пока нахожусь в отсутствии, управление всей моей собственностью. С досадой наблюдаю я во многих домах, как муж, угрюмый и измученный целой кучей дел, возвращается около полудня к себе, в то время как жена все еще причесывается и прихорашивается на своей половине. Вести себя так позволительно лишь королеве, да и то как сказать. Нелепо и несправедливо, что праздность наших жен оплачивается нашим трудом и потом. И я ни-

когда не позволю, чтобы кто-нибудь пользовался моими средствами с большей свободой, чем я сам, более беспечно и бесконтрольно. Если муж занят существом дела, то сама природа велит, чтобы жены взяли на себя его форму.

Что же касается супружеских отношений, то, хотя и считается, что они страдают от этих отлучек, я с этим решительно не согласен. Напротив, эта близость такого рода, что непрерывное общение лишь охлаждает чувства и привычка их убивает. Всякая женщина, которая с нами не связана, кажется нам безупречной. И каждый познал на опыте, что постоянное пребывание вместе не доставляет того удовольствия, какое испытываешь, то разлучаясь, то снова встречаясь. Эти перерывы наполняют меня обновленной любовью к моим домашним и делают для меня пребывание дома более сладостным и заманчивым; чередование усиливает мое влечение как к одному, так и к другому. Я знаю, что руки у дружбы достаточно длинные, чтобы касаться друг друга и сплетаться друг с другом, протягиваясь с одного конца света в другой; и это в особенности относится к супружеской дружбе, в которой имеет место непрестанный обмен услугами, порождающими привязанность и признательные воспоминания. По меткому слову стоиков, между мудрецами существует настолько тесная связь и такая родственность, что если один из них закусывает во Франции, то тем самым насыщает своего собрата в Египте, и что если кто-нибудь, где бы он ни был, протянет хотя бы палец, то все мудрецы, какие только ни существуют в обитаемом мире, ощущают от этого помощь [84]. Наслаждение и обладание опираются главным образом на воображение. А оно с бо́льшим пылом влечется к тому, чего жаждет, чем к тому, что находится в наших руках. Припомните, как вы провели время в течение дня, и вы увидите, что дальше всего вы были от вашего друга, когда он был возле вас; его присутствие расслабляет ваше внимание и предоставляет вашим мыслям неограниченную свободу отвлекаться по каждому поводу и в любое мгновение.

Находясь в Риме, я не теряю власти над моим домом и управляю им и своим имуществом, которое в нем оставил: я вижу, как растут мои стены, мои деревья, мои доходы или как они понизились приблизительно на два пальца с тех пор, как я уехал:

Ante oculos errat domus, errat forma locorum *.

Если бы мы наслаждались лишь тем, что находится в наших руках, то прощай наши экю, как только мы заперли их в шкатулку, и прощай наши дети, если они на охоте. Мы хотим, чтобы они были поближе. А если они в саду, это далеко или нет? А на расстоянии полудневного перегона? А десять лье — это далеко или близко? Если близко, то как же обстоит дело с одиннадцатью, двенадцатью или тринадцатью? И так шаг за шагом. Поистине, я полагаю, что та жена, которая вздумала бы предписать своему мужу: «на таком-то шагу кончается „близко", а вот на этом начи-

---

* Перед моими глазами встает дом, витают образы покинутых мест [85] (*лат.*).

нается „далеко"», — должна была бы остановить его как раз посередине,

excludat iurgia finis.
Utor permisso, caudaeque pilos ut equinae
Paulatim vello, et demo unum, demo etiam unum,
Dum cadat elusus ratione ruentis acervi *;

и пусть эта женщина смело обратится за помощью к философии, если кто-нибудь пожелает бросить ей упрек в том, что, не видя ни того ни другого кончика связующей нити между чрезмерным и малым, между длинным и коротким, легким и тяжелым, близким и далеким, не умея распознавать, где начало и где конец, она крайне неопределенно судит и о середине: Rerum natura nullam nobis dedit cognitionem finium **. А разве нет женщин, остающихся женами и подругами своих покойных мужей и возлюбленных, которые не где-нибудь на другом конце света, а в ином мире? Мы можем любить и тех, кого уже нет, и тех, кого еще нет, а не то что отсутствующих. Вступая в брак, мы не брали на себя обязательства быть такими же неразлучными, как некоторые букашки, которых нам случается видеть, или как бесноватые из Карентии, сцепившиеся друг с другом в совокуплении, подобно собакам [88].

Если жены и любят созерцать своих мужей спереди, то не должны ли они, если потребуется, столь же охотно смотреть им и в спину?

И не будет ли здесь уместно, чтобы показать истинную причину их жалоб, привести следующие слова поэта, так великолепно изображающего женские чувства и мысли:

Uxor, si cesses, aut te amare cogitat,
Aut tete amari, aut potare, aut animo obsequi,
Et tibi bene esse soli, cum sibi sit male ***.

Разве не похоже на истину, что сопротивление и противоречие сами по себе их поддерживают и занимают и что они бывают довольны, когда вызывают ваше неудовольствие?

В истинной дружбе — а она мне известна до тонкостей [90] — я отдаю моему другу больше, чем беру у него. Мне больше по душе, когда я сам делаю ему добро, чем когда он делает его мне; и больше всего добра он делает мне тогда, когда делает его самому себе. И если ему приятно или полезно куда-нибудь отлучиться, его отсутствие для меня еще сладостней, чем присутствие. Да и какое же это отсутствие, если располагаешь средствами с ним сноситься? Порою наша разлука бывала для меня не без приятности и не без пользы. Разлучаясь, каждый из нас жил более заполненной жизнью и видел ее шире и глубже: он жил, он наслаждался, он

* Пусть установленный предел исключит споры... Я пользуюсь разрешением и, словно из конского хвоста волос за волосом, вытяну то одно, то другое, пока он [мой противник] не проиграет, одураченный, так как «куча» — исчезает [86] (*лат.*).
** Природа не дала нам познания предела вещей [87] (*лат.*).
*** Твоя жена, когда ты отсутствуешь, либо полагает, что ты любишь другую, или что тебя любит другая, или что ты пьешь вино, или что как-нибудь развлекаешься и что тебе одному хорошо, когда ей самой плохо [89] (*лат.*).

наблюдал для меня, я наблюдал для него, делая это с такой полнотой, как если бы он был со мною. Когда мы бывали вместе, какая-то наша часть оставалась праздной: мы сливались в единое целое. Разъединение в пространстве обогащало нашу духовную связь. Жажда непосредственной близости говорит о недостатке способности к духовному общению.

Что касается моего пожилого возраста, на который мне также указывают, то я думаю об этом совершенно иначе; это юности подобает считаться с общественным мнением и ограничивать себя ради другого. Ее хватает на все: и на людей и на себя; а у нас полно хлопот и забот и о самих себе. По мере того, как мы лишаемся естественных удовольствий, мы возмещаем их удовольствиями искусственными. Несправедливо прощать молодости ее погоню за наслаждениями и мешать старости искать в них отраду. В юности я сдерживал свои бурные страсти благоразумием; в старости я добавляю к моим печальным утехам чуточку озорства. Да и законы Платона запрещают отлучаться за пределы страны до сорока или пятидесяти лет, дабы эти отлучки были полезнее и поучительнее; и еще больше сочувствия вызывает у меня второй пункт тех же законов, воспрещающий их после шестидесяти лет.

«Но в ваши лета вам не вернуться из дальнего путешествия». — «А что мне до этого?» Я предпринимаю его не для того, чтобы непременно вернуться, и не для того, чтобы его завершить; я предпринимаю его лишь затем, чтобы встряхнуться, пока это встряхивание мне нравится. И я езжу для того, чтобы ездить. Кто бегает за доходным местом или за зайцем, тот, можно сказать, не бегает; бегает только тот, кто бегает взапуски и для того, чтобы поупражняться в беге.

Мои желания таковы, что их можно считать осуществившимися в любое мгновение и в любом месте; они не сопряжены с особенными надеждами. Да и мое путешествие через жизнь происходит точно так же. Впрочем, я видел на чужбине достаточно мест, в которых был бы непрочь остаться. А почему бы и нет, если Хрисипп, Клеанф, Диоген, Зенон, Антипатр и столько других мудрецов того же наиболее сурового философского направления покинули свою родину, не имея никаких оснований на нее жаловаться и единственно из желания подышать другим воздухом[91]. И, конечно, самое большое неудовольствие, какое мне приносят мои поездки, — это невозможность принять решение поселиться навсегда там, где мне это было бы по сердцу, ибо, приспособляясь к общепринятым нравам, я всегда должен думать о возвращении.

Если бы я боялся умереть где-нибудь в другом месте, чем место моего рождения, если б я думал, что умирать вдали от домашних мне будет труднее, я бы едва отважился выезжать за пределы Франции, я бы не выезжал без душевного содрогания и за пределы моего прихода. Смерть всечасно дает мне о себе знать; она непрерывно сжимает мне грудь или почки. Но я скроен на иной лад; она для меня одна и та же повсюду. И если бы мне предоставили выбор, я бы, надо полагать, предпочел умереть скорее в седле, чем в постели, вне дома и вдалеке от домашних. В прощании с друзьями гораздо больше муки, чем утешения. Я охотно

забываю об этом требовании наших приличий, ибо из всех обязанностей, налагаемых на нас дружбой, эта единственная для меня неприятна, и я так же охотно забыл бы произнести напоследок величавое «прощай навсегда». Если присутствие близких людей и доставляет умирающему коекакие удобства, то оно же причиняет ему тьму неприятностей. Мне пришлось видеть умирающих, безжалостно осаждаемых всей этой толпой; множество присутствующих было им невмоготу. Считается нарушением долга и свидетельством недостаточной любви и заботы предоставить вам спокойно испустить дух; один терзает и мучает ваши глаза, другой — уши, третий — рот; нет такого чувства или такой части тела, которую нам бы при этом не теребили. Ваше сердце переполняет жалость к себе самому, когда вы слышите горестные стенания ваших друзей, и досада, когда вам доводится порою услышать другие стенания, лживые и лицемерные. Кто всегда был изнеженным и чувствительным, для того это еще мучительнее. В столь решительный час ему нужна ласковая, приноровившаяся к его чувствительности рука, чтобы почесать ему именно там, где у него зудит, или даже вовсе его не касаться. Если для того, чтобы мы появились на свет, нужно содействие повитухи, то для того, чтобы его покинуть, мы нуждаемся в человеке еще более умелом, чем она. Вот такого-то человека, и вдобавок ко всему расположенного к вам, и следует, не считаясь с расходами, нанимать для услуг этого рода.

Я отнюдь не дорос до той горделивой и презрительной твердости, которая, черпая силы сама в себе, обходится без чьей-либо помощи и которую ничто не может поколебать; я стою ступенькою ниже. Я попытаюсь улизнуть, словно кролик, и уклониться от этой публичной сцены — не из безотчетного страха пред ней, а совершенно сознательно. Я вовсе не намерен делать из этого акта испытание или доказательство моей стойкости. К чему? Ведь, перейдя этот порог, я утрачу и права на добрую славу и всякую заинтересованность в ней. Я удовольствуюсь смертью сосредоточенной, одинокой, спокойной, полностью моей, и только моей, соответствующей образу жизни, уединенному и обособленному, которого я придерживаюсь. Вопреки предрассудкам римлян, почитавших несчастным того, кто умирал, не произнеся речи, и у кого не было близких, которые закрыли б ему глаза, у меня хватит чем занять мое время, утешая себя и без того, чтобы заниматься еще утешением других, хватит мыслей в моей голове и без того, чтобы обстоятельства внушали мне новые, хватит тем для беседы с собой и без того, чтобы заимствовать их извне. Обществу здесь не уготовлено никакой роли; в этом акте лишь одно действующее лицо. Давайте жить и смеяться перед своими, умирать и хмуриться перед посторонними. Всегда можно сыскать за плату кого-нибудь, кто поправит вам голову или разотрет ваши ноги, но кто, вместе с тем, не станет беспокоить вас, когда вам не до этого, и с равнодушно-спокойным лицом предоставит вам беседовать с самим собою и жаловаться на свой собственный лад.

Побуждаемый доводами рассудка, я упорно стараюсь отделаться от ребяческой и бесчеловечной прихоти, в силу которой мы стремимся вы-

звать своими страданиями сочувствие и скорбь у наших друзей. Мы сверх всякой меры расписываем свои недуги, чтобы заставить наших друзей проливать о нас слезы. И ту самую сдержанность, которая так восхваляется в каждом, кто стойко переносит свое несчастье, мы поносим и осуждаем и ставим в упрек нашим близким, когда они проявляют ее по отношению к нам. Нам недостаточно, что они попросту соболезнуют нашим бедам, если при этом они по-настоящему не удручены ими. Нужно преувеличивать свою радость и по возможности преуменьшать свои огорчения. Кто без причины жалуется, тот не встретит отклика на свои жалобы и тогда, когда они не будут беспричинными. Жаловаться всегда — значит никогда не встречать отклика на свои жалобы; часто изображать страдание — значит ни в ком не пробуждать сострадания. Кто, полный жизни, изображает из себя умирающего, тому угрожает, что его сочтут полным жизни и тогда, когда он и впрямь будет при смерти. Я видел таких, которым словно вожжа под хвост попадала, если кто-нибудь находил, что у них недурной цвет лица и размеренный пульс, и таких, что сдерживали улыбку, потому что она указывала бы, что они выздоравливают, и таких, кто лютой ненавистью ненавидел здоровье, так как здоровье не может вызывать жалость. Но всего любопытнее, что это не были женщины.

Я изображаю мои болезни, самое большее, такими, каковы они есть, и избегаю выражать озабоченность своим состоянием и сетовать на него. Если не веселость, то, на худой конец, спокойная сдержанность окружающих — вот что требуется рассудительному больному. Видя себя занемогшим, он не объявляет войны здоровым: ему приятно смотреть на того, кто пышет здоровьем и в ком оно нисколько не пошатнулось, и наслаждаться хотя бы его лицезрением. Чувствуя, что движется под уклон, он не отбрасывает начисто мыслей о жизни и не избегает привычных разговоров. Я хочу изучать болезнь пока здоров, но когда я болен, она полностью завладевает мною и без помощи моего воображения. Мы заранее приготовляемся к путешествию, которое задумали предпринять и решили осуществить; но последний час перед тем, как сесть на коня, мы предназначаем для окружающих, а порой ради них и удлиняем его.

Из этого предаваемого гласности повествования о моих нравах я неожиданно для себя извлекаю некоторым образом выгоду, так как обретаю в нем своего рода правило. Я нередко подумываю о том, что мне никоим образом не подобает приукрашивать историю моей жизни. Этот публичный рассказ обязывает меня не сходить с прямого пути и не искажать своей натуры и своих мыслей, как правило, менее извращенных и сбивчивых, чем это свойственно злобным и болезненным суждениям нашего времени. Устойчивость и простота моих нравов должны, казалось бы, ограждать их от толкования вкривь и вкось, но поскольку они немного по-новому скроены и необычны, здесь открывается широкий простор для злословия. Пожелай кто-нибудь под личиной внешнего беспристрастия смешать меня с грязью, у него было бы более чем достаточно поводов куснуть меня за сознаваемые и признаваемые мною самим недостатки, он мог бы вдосталь натешиться, попадая, что называется, в самую точку.

Если бы, однако, ему показалось, что, обличая и обвиняя самого себя, я лишаю жала его укусы, то ему было бы проще простого воспользоваться своим правом преувеличения и сгущения (право нападающего — пренебрегать справедливостью). Корни пороков, которые я открываю в себе, пусть он превратит в раскидистые деревья; пусть обрушится не только на те пороки, которые держат меня в своей власти, но и на угрожающие мне в будущем — пороки постыдные и сами по себе, и потому, что их великое множество; этим оружием пусть он меня и побьет.

Я бы охотно последовал примеру философа Диона. Антигон хотел его уколоть низким происхождением; тот, однако, дал ему сдачи: «Я, — сказал он, — сын раба, мясника, заклейменного, и потаскухи, которую мой отец смог взять себе в жены только благодаря гнусности ее промысла. И отец и мать были наказаны за какое-то преступление. Один оратор, которому я понравился, купил меня малым ребенком; умирая, он завещал мне все свое состояние, которое я переправил в Афины, где и посвятил себя изучению философии. Пусть историки не трудятся выискивать обо мне сведения; я сообщу им все, как есть»[92]. Благородно и независимо высказанное признание ослабляет силу упрека и выбивает оружие из рук оскорбителя.

Так или иначе, но, взвесив все, я склонен считать, что нередко меня хвалят и порицают сверх меры. Мне также кажется, что с самого детства я занимаю положение — и в отношении знатности, и в отношении оказываемых мне почестей — скорее выше того, которое мне причитается.

Я бы чувствовал себя лучше в тех странах, в которых эти различия были бы упорядочены или ничего бы не значили. Лишь только спор о праве первенства в какой-либо процессии или при рассаживании по местам затягивается сверх троекратного обмена разъяснениями и замечаниями, он становится неприличным. Я не боюсь ни уступать, ни преступать существующие на этот счет правила, лишь бы избегнуть столь недостойного препирательства; и всякому, выражавшему желание выказать передо мной свое превосходство, я всегда тотчас же уступал.

Кроме пользы, которую я для себя извлекаю, описывая самого себя, я также ласкаю себя надеждой, что, если моим нравам и взглядам еще при моей жизни доведется прийтись по душе какому-нибудь порядочному и достойному человеку, он не преминет меня разыскать, и мы с ним сойдемся, чтобы больше не расставаться; я даю ему немалую фору, так как то, что он смог бы узнать обо мне лишь после длительного знакомства и близости в течение многих лет, станет ему известно из этих моих протокольных записей за какие-нибудь три дня, и к тому же с большею достоверностью и большей точностью. Забавная причуда: многие вещи, которые я не захотел бы сказать ни одному человеку, я сообщаю всему честному народу и за всеми моими самыми сокровенными тайнами и мыслями даже своих ближайших друзей отсылаю в книжную лавку.

Excutienda damus praecordia *.

* Мы даем исследовать глубины нашего сердца[93] (*лат.*).

Знай я так же досконально кого-нибудь, кто был бы мне близок по духу, я бы непременно отправился на его розыски, будь то хоть на край света, ибо удовольствие от подходящего и приятного общества ни за какие деньги, по-моему, не купить. Ах, друг! До чего же справедливо древнее изречение, гласящее, что дружба еще насущнее и еще сладостнее, чем вода и огонь [94]!

Возвращаюсь к моему рассуждению. Итак, не такое уж страшное зло умирать вдали от своих и наедине с собой. Считаем же мы совершенно необходимым уединяться для отправления наших естественных нужд, куда менее неприятных, чем эта, и менее отвратительных. Да и тем, кто значительную часть своей жизни проводит в медленном угасании, также, пожалуй, не подобает, чтобы их несчастье мешало жить целой семье. И индусы в одной из своих провинций считали вполне справедливым умерщвлять всякого, кому досталась столь печальная доля; а в другой — они же оставляли его в одиночестве, предоставляя ему спасаться, как может [95]. Кому эти несчастные под конец не наскучивают и кому они не становятся нестерпимыми? Обычно наши обязанности не простираются так далеко. В своих лучших друзьях вы насильственно воспитываете жестокость, вы прививаете черствость и вашей жене и детям, привыкающим не замечать ваших страданий и не сочувствовать им. Стоны, которые я издаю во время одолевающих меня колик, никого больше не трогают. И если порой мы испытываем известное удовольствие от общения с нашими близкими, что, впрочем, бывает далеко не всегда, так как различие в условиях существования вызывает в нас досаду и зависть к любому человеку, то допустимо ли злоупотреблять этим удовольствием целый век? Чем больше я вижу, как ради меня они, по своей доброте, стесняют себя во всем, тем больше меня должны огорчать их мучения. Мы имеем право опираться иногда на другого, но вовсе не наваливаться на него всей своей тяжестью и поддерживать себя ценой его гибели, как тот, кто велел зарезать младенцев, чтобы исцелиться от своей болезни их кровью [96]. Или как тот другой, к которому приводили молодых девушек, чтобы они согревали по ночам его стынущее старое тело и смешивали свое сладостное дыхание с его зловонным и прерывистым [97]. И если бы я оказался в положении такого расслабленного, я бы скорее всего удалился в Венецию, которую и избрал бы своим убежищем до конца дней.

Преклонному возрасту подстать одиночество. Я общителен до крайности. И тем не менее я считаю для себя обязательным избавить отныне мир от лицезрения моей немощи, таить ее про себя, съежиться и укрыться в своей скорлупе, как черепаха под своим панцирем. Я учусь видеть людей, удалившись от них; соваться к ним, когда твоя жизнь на волоске, означало бы оскорблять их чувство. Пришла пора повернуться спиною к обществу.

«Но в таком длительном путешествии вы можете на свою беду застрять в какой-нибудь жалкой лачуге, где будете лишены всяких удобств». Большая часть того, что мне может понадобиться, всегда со мной; и потом, нам все равно не уйти от судьбы, если она задумала нас настигнуть;

когда я болею, мне не требуется ничего сверх обычного; и раз сама природа бессильна прийти мне на помощь, я не хочу, чтобы это сделала какая-нибудь пилюля. В самом начале моих недомоганий или болезней, которые на меня накидываются, еще не осиленный ими и, можно сказать, почти здоровый, я примиряюсь с господом, исполняя последний долг христианина, и чувствую себя после этого легко и свободно, точно с меня свалилось тяжелое бремя, так что мне начинает казаться, что теперь я уж справлюсь с моим недугом. Нотариус и стряпчий мне нужны еще меньше врачей. Пусть от меня не ждут, чтобы я больной занимался теми делами, которые не наладил, находясь в полном здравии. Все распоряжения, которые я наметил сделать на случай смерти, уже давно сделаны, — я бы не посмел отложить их хотя бы на один день; ну, а если что мной и не сделано, то причина этого или в том, что колебания задержали мое решение, — ведь иногда лучшее решение не принимать никакого решения, — или в том, что я и вовсе не хотел этого делать.

Я пишу свою книгу для немногих и на немногие годы. Будь ее содержание долговечнее, его нужно было бы изложить более твердым и четким языком. Принимая во внимание непрерывные изменения, которым наш язык подвергался до самого последнего времени, может ли кто рассчитывать, что и через полсотни лет его будут употреблять в том же виде, в каком употребляют сейчас? Он безостановочно течет через наши руки и уже при моей жизни стал наполовину другим. Мы говорим, что ныне он достиг совершенства. Но ведь каждый век говорил о своем языке то же самое. Я отнюдь не склонен находить его совершенным, пока он продолжает нестись без оглядки вперед и сам себя искажает. Закрепить язык бывает дано лишь полезным и выдающимся сочинениям, которые становятся для него образцами; ну, а его значение среди других языков зависит от судеб нашего государства.

И все же я, не обинуясь, привношу сюда кое-какие отдельные выражения, исчезающие из обихода моих современников и вполне понятные только тем из них, кому они хорошо известны. Постоянно наблюдая, как тревожат память покойников, я решительно не хочу, чтобы после меня предавались спорам: он думал и жил так-то и так-то; он хотел того-то; если бы он говорил об этом под конец своей жизни, он сказал бы то-то и то-то, он дал бы то и то; ведь я знал его лучше, чем всякий другой.

Итак, я здесь откровенно рассказываю, насколько позволяет благопристойность, о моих склонностях и пристрастиях, хотя свободнее и охотнее делаю это в беседах с теми, кто изъявляет желание узнать об этом подробнее. Как бы там ни было, заглянув в мои записи, каждый сможет удостовериться, что я сказал обо всем или, по крайней мере, всего коснулся. А чего я не мог произнести во весь голос, на то я указал пальцем:

Verum animo satis haec vestigia parva sagaci
Sunt, per quae possis cognoscere cetera tute *.

---

* Но для проницательного ума достаточно этих слабых следов, чтобы по ним достоверно узнать остальное [98] (*лат.*).

В том, что я написал о себе, нет никаких недомолвок и ничего загадочного. Но если обо мне все-таки найдут нужным поговорить, я хочу, чтобы говорили только голую правду. Я охотно возвратился бы из потустороннего мира, чтобы изобличить во лжи всякого, кто стал бы изображать меня иным, чем я был, хотя бы он делал это с намерением воздать мне хвалу. Ведь даже живых, как я вижу, рисуют совсем иными, чем они есть. И если бы я не отстаивал изо всех сил одного моего умершего друга, его бы растерзали на тысячу совершенно несхожих образов [99].

Дабы покончить с перечнем моих слабостей, призна́юсь, что я никогда не останавливаюсь в гостинице без того, чтобы не обратиться к себе с вопросом, а такое ли это место, где я мог бы болеть и умирать в приемлемых для меня условиях. Я стремлюсь располагаться в помещении, которое было бы отведено мне одному, было бы не шумным, не грязным, не дымным и не душным. Заботясь об этом, я стремлюсь облегчить себе смерть или, лучше сказать, избавиться от дополнительных неприятностей и сосредоточиться в ожидании ее часа, а это, надо думать, ляжет на меня достаточным грузом и безо всяких довесков. Пусть и ей достанется ее доля от удобств и приятностей моей жизни. Она — большая и важная часть нашего бытия, и я надеюсь, что не посрамлю ею всего остального.

Бывают разновидности смерти, которые легче других; впрочем, степень их легкости определяется каждым по-своему. Между естественными смертями наиболее милостивой и беспечальной кажется мне наступающая от слабости и изнурения. Из насильственных смертей — упасть в пропасть, по-моему, более страшно, чем остаться под развалинами рухнувшего строения, и погибнуть от разящего удара меча страшнее, чем от выстрела из аркебузы. Я скорее проглотил бы питье Сократа, чем закололся бы так, как это сделал Катон [100]. И хотя, в конце концов, все едино, моему воображению представляется, что между тем, брошусь ли я в пещь огненную или в воды спокойной реки, различие нисколько не меньшее, чем между жизнью и смертью. Вот до чего нелепа основа нашего страха, обращающего внимание не столько на результат, сколько на способ. Это всего лишь мгновение, но оно так существенно, что я бы охотно отдал немало дней моей жизни, лишь бы провести его по своему усмотрению.

Поскольку воображению каждого та или иная смерть рисуется более или менее тягостной и каждый в некоторой мере располагает свободой выбора определенной ее разновидности, давайте и мы приищем себе такую, которая была бы для нас наименее неприятной. Можно ли причинить себе смерть более сладостную, нежели та, которую приняли приближенные Антония и Клеопатры, пожелавшие умереть вместе с ними [101]? Величавых и мужественных примеров, явленных нам философией и религией, я не касаюсь. Но, оказывается, и среди людей среднего уровня можно указать еще на одну такую же замечательную, как уже упомянутая, — я имею в виду смерть Петрония и Тигеллина во времена древнего Рима. Вынужденные покончить с собой, они приняли смерть, как бы предварительно усыпленную роскошью и изяществом, с какими они приготовились ее встретить. И они принудили ее неприметно подкрасться к ним

в самый разгар привычного для них разгульного пира, окруженные девками и добрыми своими приятелями; тут не было никаких утешений, никаких упоминаний о завещании, никаких суетных разглагольствований о том, что ожидает их в будущем; тут были только забавы, веселье, острословие, общий и ничем не отличающийся от обычного разговор, и музыка, и стихи, прославляющие любовь[102]. Почему бы и нам не проникнуться такой же решительностью, придав ей более благопристойную внешность? Если бывают смерти, которые хороши для глупцов и которые хороши для мудрых, давайте найдем и такие, что были бы хороши для находящихся посередине между первыми и вторыми. Мое воображение рисует мне облик легкой и, раз все равно предстоит умереть, то, стало быть, и желанной смерти.

Римские тираны, предоставляя осужденным избирать для себя род смерти, считали, что тем самым как бы даруют им жизнь. Но не решился ли Феофраст, философ столь тонкий, скромный и мудрый, сказать по внушению разума нижеследующие слова, сохраненные нам в латинском стихе Цицероном:

Vitam regit fortuna, non sapientia *.

И насколько же судьба облегчает мне расставание с жизнью, доведя ее до черты, у которой она становится никому не нужной и никому не мешает! Такого же положения дел я хотел бы для любого возраста моей жизни, но когда пора сворачиваться и убираться отсюда, испытываешь особое удовлетворение при мысли, что никому своей смертью не доставляешь ни радости, ни печали. Поддерживая безупречное равновесие везде и всюду, судьба установила его и здесь, и те, кто извлечет из моей смерти известную материальную выгоду, с другой стороны, понесут вместе со всеми и материальный ущерб.

Подыскивая себе удобное помещение, я нисколько не думаю о пышности и роскоши меблировки; больше того, я их, можно сказать, ненавижу; нет, я забочусь только о простой чистоте, чаще всего встречающейся в местах, где все бесхитростно, и которые природа отмечает своей особенной, неповторимою прелестью: Non ampliter sed munditer convivium **. Plus salis quam sumptus ***.

И, наконец, всякие дорожные затруднения и опасности постигают лишь тех, кто, побуждаемый своими делами, пускается в разгар зимы через швейцарские горы. Что до меня, то я чаще всего путешествую ради своего удовольствия и неплохо справляюсь с обязанностями проводника. Если небезопасно двигаться вправо, я забираю влево; если мне трудно держаться в седле, я останавливаюсь. И, поступая подобным образом, я, по правде говоря, никогда не сталкиваюсь с чем-либо таким, что казалось бы мне менее приятным и менее привлекательным, чем мой собственный дом. Правда, излишества я неизменно считаю излишними и в изы-

* Жизнью управляет не мудрость, но судьба[103] (*лат.*).
** Пир не роскошный, но пристойный[104] (*лат.*).
*** Больше веселья, чем роскоши[105] (*лат.*).

сканности и изобилии даже усматриваю для себя нечто стеснительное. Я миновал что-то такое, на что следовало взглянуть? Прекрасно, я туда возвращаюсь: ведь и тут проходит моя дорога. Я не провожу для себя никакой точно обозначенной линии, ни прямой, ни кривой. А что, если там, куда я направился, я не обнаруживаю того, о чем мне говорили? Ну что ж! Очень часто случается, что мнения других не совпадают с моими, и чаще всего я находил их ошибочными; но я никогда не жалею потраченных мною трудов, — я узнал, что того, о чем мне говорили, в действительности там нет.

Мое тело выносливо, и мои вкусы неприхотливы, как ни у кого другого на свете. Различия в образе жизни народов не вызывают во мне никаких других чувств, кроме удовольствия, доставляемого разнообразием. Всякий обычай имеет свое основание. Будут ли тарелки оловянными, деревянными или глиняными, будут ли меня потчевать жареным или вареным, будет ли масло сливочным, оливковым или ореховым, мне безразлично, и до того безразлично, что, старея, я поругиваю это благородное свойство, и для меня было бы, пожалуй, полезнее, если бы разборчивость и прихотливость пресекали нескромность моего аппетита, предохраняя желудок от переполнения. Когда я бываю за пределами Франции и у меня спрашивают, желая оказать мне любезность, не хочу ли я, чтобы мне подали французские блюда, я неизменно отшучиваюсь и усаживаюсь за стол, уставленный исключительно чужеземными кушаньями.

Мне стыдно за моих соотечественников, охваченных глупой привычкой пугаться всего, что им непривычно; едва они выберутся за пределы своей деревни, как им начинает казаться, что они перенеслись в другой мир. Всюду, куда бы они ни попали, они держатся на свой собственный лад и гнушаются чужестранцев. Наткнись они на француза где-нибудь в Венгрии, это радостное событие тотчас же отмечается пиршеством; они с ним тут же сходятся и, дружески облобызавшись, совместно принимаются поносить варварские нравы, наблюдаемые ими вокруг себя. А почему бы им и не быть варварскими, раз они не французские? И это еще самые смышленые между ними, ибо они все же познакомились с этими нравами, хотя бы чтобы позлословить о них Большинство же французов предпринимает поездку, чтобы вернуться с тем, с чем уехали. Они путешествуют, прикрытые и зажатые в тиски непроницаемым и молчаливым благоразумием, оберегаясь от заразы, носящейся в незнакомом им воздухе.

Только что сказанное о моих соотечественниках напоминает мне еще об одной черте, которую я нередко подмечал в молодых людях из числа наших придворных. Они считают людьми только тех, кто принадлежит к их узкому кругу, смотря на нас, всех остальных, как на существа из совершенно другого мира, с презрением или со снисходительной жалостью. Отнимите у них их придворные сплетни, и они окажутся ни при чем, с пустыми руками, такие же неловкие и невежественные, какими представляемся им мы сами. Правильно говорят, что порядочный человек — человек разносторонний.

Что до меня, то, отправляясь в странствия, сытый по горло нашим образом жизни, и, конечно, не для того, чтобы искать гасконцев в Сицилии (их довольно у меня дома), я ищу скорее, если угодно, греков или же персов; я с ними знакомлюсь, я их изучаю; вот к кому стараюсь я приспособиться и примениться. И что самое любопытное: я, кажется, ни разу не сталкивался с обычаями, которые хоть в чем-нибудь уступали бы нашим. Впрочем, я на своем не настаиваю, ведь, можно сказать, я не терял из виду флюгера на моей крыше.

Впрочем, случайные компании, образующиеся в пути, чаще всего доставляют скорее неудобства, чем удовольствие; я никогда к ним не тянулся и еще меньше льну к ним теперь, когда старость обособляет меня от всех остальных и дарует мне кое-какие льготы по части следования общепринятым правилам вежливости. Вы страдаете из-за другого, или из-за вас страдает другой; и то и это стеснительно и тягостно, но последнее, по-моему, более неприятно. Редкая удача, но и необыкновенное облегчение — иметь возле себя порядочного во всех отношениях человека, с ясным умом и нравами, сходными с вашими, и с охотою вам сопутствующего. Во всех моих путешествиях мне этого крайне недоставало. Но такого спутника надо подыскивать и подбирать, еще не выезжая из дому. И всякий раз, как мне приходит в голову какая-нибудь славная мысль, а поделиться ею мне не с кем, меня охватывает сожаление, что я породил ее в одиночестве. Si cum hac exceptione detur sapientia, ut illam inclusam teneam nec enuntiem, reiiciam *. А этому подавай еще выше: si contigerit ea vita sapienti ut, omnium rerum affluentibus copiis, quamvis omnia quae cognitione digna sunt summo otio secum ipse consideret et contempletur, tamen si solitudo tanta sit ut hominem videre non possit, excedat e vita **. Я одобряю мнение, высказанное Архитом, утверждавшим, что ему было бы не по душе даже на небе и на великих и божественных небесных телах, попади он туда без спутника [108].

Но лучше быть одному, чем среди докучных и глупых людей. Аристипп любил жить, чувствуя себя всегда и везде чужим [109].

Me si fata meis paterentur ducere vitam
Auspiciis ***,

то я бы избрал для себя следующее: провести ее с задницею в седле;

visere gestiens
Qua parte debacchantur ignes,
Qua nebulae pluviique rores ****.

---

* Если бы мудрость дарилась природою с обязательным условием держать ее про себя и ни с кем не делиться ею, я бы от нее отказался [106] (*лат.*).

** Если бы мудрецу досталась в удел жизнь такого рода, что, живя среди полного изобилия и наслаждаясь безмятежным досугом, он имел бы возможность созерцать все достойное изучения и обдумывать про себя познанное, но при этом не мог бы нарушить свое одиночество и повидать хотя бы одного человека, то ему только и оставалось бы, что расстаться с жизнью [107] (*лат.*).

*** Если бы судьба разрешила мне жить по моему усмотрению [110] (*лат.*).

**** Охваченный жаждой повидать те места, где царит сжигающий зной и где постоянно бывают туманы и изморось [111] (*лат.*).

«Неужели у вас нет менее утомительных развлечений? Не стоит ли ваш дом в прелестной, здоровой местности? Не достаточно ли он обставлен и не более ли чем достаточно просторен? Ведь не раз пышность его обстановки вполне удовлетворяла его величество короля[112]? Не занимает ли ваш род почетного положения, и не больше ли тех, кто ниже его, нежели тех, кто выше? Или вас гложет какая-нибудь чрезвычайная и неустранимая забота о домашних делах?

Quae te nunc coquat et vexet sub pectore fixa? *

Или вы предполагали прожить без помех и волнений? Nunquam simpliciter fortuna indulget **. Присмотритесь — и вы увидите, что единственно кто вам мешает — это вы сами, а куда бы вы ни отправились, вы всюду последуете за собою и всюду будете жаловаться на свою участь. Ведь на нашей бренной земле нет удовлетворения никому, кроме душ низменных или божественных. Кто не довольствуется столь благоприятными обстоятельствами, где же он думает найти лучшие? Тысячи и тысячи людей считали бы пределом своих мечтаний благосостояние, равное вашему. Изменитесь сами, ибо это вполне в вашей власти, а что до всего остального, то там вы обладаете единственным правом — терпеливо склоняться перед судьбой. Nulla placida quies est, nisi quam ratio composuit» ***.

Я сознаю всю справедливость этого увещания, и сознаю весьма хорошо; впрочем, было бы и короче и проще сказать то же самое в двух словах: «Будьте благоразумны». Но та душевная твердость, которой от меня требуют, ступенью выше благоразумия: она им порождается и выковывается. Точно так же поступает и врач. который докучает несчастному угасающему больному, требуя, чтобы он был веселым и бодрым; его совет был бы не намного разумнее, говори он ему: «Будьте здоровым». Ну, а я из обыкновенного теста. Вот благодетельное, ясное и понятное изречение: «Будьте довольны своим», то есть тем, что в пределах ваших возможностей. Но и для более мудрых, чем я, это так же невыполнимо, как для меня. Это — общераспространенное изречение, но оно обнимает воистину необъятное. К чему только оно ни относится. Все на свете переживает себя и подвержено изменениям.

Я очень хорошо знаю, что если подойти к делу с формальной меркой, то страсть к путешествиям говорит о внутреннем беспокойстве и нерешительности. Ничего не скажешь, таковы наши важнейшие качества и к тому же главенствующие. Да, признаюсь, я не вижу вокруг себя ничего такого — разве что во сне и в мечтах, — к чему бы я мог прилепиться душой; меня занимает только разнообразие и постижение его бесчисленных форм, если вообще меня что-нибудь может занять. В путешествиях меня именно то и влечет, что я могу останавливаться повсюду, где мне вздумается, не руководясь никакими заранее определенными целями, и

* ...которая тебя терзает и мучит, затаившись в груди[113] (*лат.*).
** Судьба никогда не благоволит открыто[114] (*лат.*).
*** Один только разум может обеспечить безмятежный покой[115] (*лат.*).

так же свободно отступать от только что принятого решения. Я люблю частную жизнь потому, что устраиваю ее по своему усмотрению, а не потому, что общественная жизнь не по мне; и к ней я был бы, пожалуй, не меньше пригоден. Я с большей охотой служу своему государю из-за того, что делаю это по собственному избранию и убеждению моего разума, а не в силу каких-то особых, лежащих на мне обязательств или потому, что, нежелательный ни в какой другой партии и всеми отвергнутый, я был вынужден примкнуть к его стану. Так и со всем остальным. Я ненавижу куски, которые мне выкраивает необходимость. И любое преимущество комом стало бы у меня в горле, если бы я зависел исключительно от него:

Alter remus aquas, alter mihi radat arenas *.

Чтобы связать меня накрепко, нужна не одна веревка, а несколько. Вы скажете, что к такому развлечению, как путешествия, примешалась суетность. А почему бы ей и не быть? Ведь и прославленные и превосходные наставления — суетность, и суетность — всякое мудрствование. Dominus novit cogitationes sapientium, quoniam vanae sunt **. Эти едва ощутимые тонкости годны лишь для проповедей; это все — речи, которые тщатся переправить нас в иной мир совсем готовенькими к нему. Жизнь — движение телесное и вещественное, всякая деятельность — несовершенна и беспорядочна по самой своей сущности; и я стремлюсь служить жизни в соответствии с ее требованиями.

Quisque suos patimur manes ***.

Sic est faciendum ut contra naturam universam nihil contendamus; ea tamen conservata, propriam sequamur ****.

К чему эти высоко вознесенные вершины философии, если ни одному человеческому существу все равно до них не добраться, и к чему эти правила, которым не подчиняются наши обычаи и которые людям не по плечу? Я часто вижу, как нам предлагают такие образцы жизни, следовать которым не имеют ни малейшей надежды — и, что еще хуже, охоты — ни тот, кто их предлагает, ни его слушатели. От того же листа бумаги, на котором он только что начертал обвинительный приговор по делу о прелюбодеянии, судья отрывает клочок, чтобы написать любовное письмецо жене своего сотоварища, и та, к кому вы придете, чтобы насладиться с нею запретной любовью, вскоре затем, в вашем же присутствии, обрушится на точно такие же прегрешения какой-нибудь из своих товарок, да еще с таким возмущением, что куда до нее самой Порции [120]. И такой-то осуждает на смерть за преступления, которые считает в душе не более чем

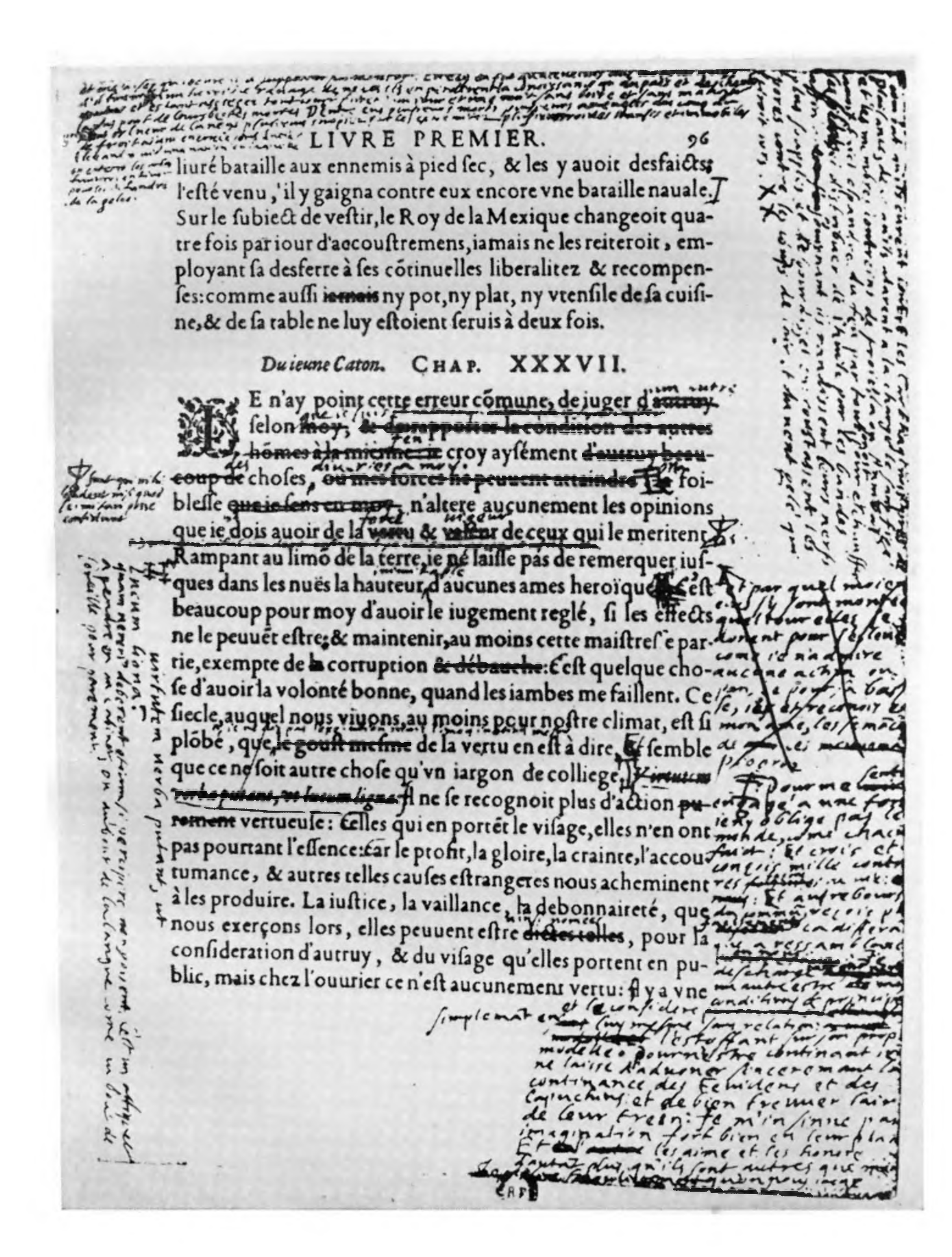
---

* Пусть одно весло у меня задевает воду, а другое песок [116] (*лат.*).

** Господь знает умствования мудрецов, что они суетны [117] (*лат.*).

*** Каждый из нас претерпевает свои особые страдания [118] (*лат.*).

**** Мы должны действовать таким образом, чтобы не идти наперекор всеобщим законам природы, но, соблюдая их, следовать, вместе с тем, своим склонностям [119] (*лат.*).



LIVRE PREMIER. 96

liuré bataille aux ennemis à pied sec, & les y auoit desfaicts; l'esté venu, il y gaigna contre eux encore vne bataille nauale. Sur le subiect de vestir, le Roy de la Mexique changeoit quatre fois par iour d'accoustremens, iamais ne les reiteroit, employant sa desferre à ses cótinuelles liberalitez & recompenses: comme aussi iamais ny pot, ny plat, ny vtensile de sa cuisine, & de sa table ne luy estoient seruis à deux fois.

Du ieune Caton. CHAP. XXXVII.

Ie n'ay point cette erreur cómune, de iuger d'autruy selon moy, & de rapporter la condition des autres hómes à la mienne. Ie croy aysément d'autruy beaucoup de choses, où mes forces ne peuuent atteindre. La foiblesse que ie sens en moy, n'altere aucunement les opinions que ie dois auoir de la vertu & valeur de ceux qui le meritent. Rampant au limó de la terre, ie ne laisse pas de remerquer iusques dans les nuës la hauteur d'aucunes ames heroïques. C'est beaucoup pour moy d'auoir le iugement reglé, si les effects ne le peuuét estre; & maintenir, au moins cette maistresse partie, exempte de la corruption & débauche: C'est quelque chose d'auoir la volonté bonne, quand les iambes me faillent. Ce siecle, auquel nous viuons, au moins pour nostre climat, est si plóbé, que le goust mesme de la vertu en est à dire, & semble que ce ne soit autre chose qu'vn iargon de colliege, *Virtutem verba putant, vt lucum ligna.* Il ne se recognoit plus d'action purement vertueuse: celles qui en portét le visage, elles n'en ont pas pourtant l'essence: car le profit, la gloire, la crainte, l'accoustumance, & autres telles causes estrangeres nous acheminent à les produire. La iustice, la vaillance, la debonnaireté, que nous exerçons lors, elles peuuent estre dictes telles, pour la consideration d'autruy, & du visage qu'elles portent en public, mais chez l'ouurier ce n'est aucunement vertu: il y a vne

Страница из так называемого «Бордоского» издания

Потолок библиотеки Монтеня с латинскими изречениями

Библиотека Монтеня. Внутренний вид.

Башня — библиотека Монтеня. Современное фото.

Надгробие Монтеня в Бордо

SEPTEMBER 13 ΜΑΙΜΑΚΤΗΡΙΩΝ

ID. SEPT. ἕκτη ἐπὶ δέκα

ΘΩΘ 16 21 אלול

ANNO *post nat. Chr. 83, Titus, Imp. Fl. Vespasiani filius, in eadem villa Campaniæ, qua ante biennium pater obierat, decessit, anno ætatis 42, Imperii anno 2 mense 3. Suetonius.*

ANNO *post nat. Chr. 259, Tusco & Basso Coss. Cyprianus Episcopus Carthaginensis, pro Christianæ religionis confessione, mortem oppetiit.* *.

ANNO *post nat. Chr. 1125, Lotharius Saxo Imp. Aquisgrani ab Archiepiscopo Coloniensi coronatus est.* *.

cest annee 1592 mourut
michel seigneur de montaigne
age de 59 ans e demy
~~il mourut~~ a montaigne son
coeur fut mis dans leglise St michel ~~la chapelle~~
et franfoise de la chassagne
dame de montaigne sa veufve
fit porter son corps a bourdeaux
et le fit enterrer an leglise
des feuillens ou elle luy fit
faire un tombeau eslevé
et acheta pour cela la fondation
de lesglise

Лист календаря с записью о смерти Монтеня

проступками. В моей юности мне довелось видеть, как некий дворянин в одно и то же мгновение протянул народу одной рукой стихи, выдающиеся как своей прелестью, так и распущенностью, а другою — самое горячее обличение в безбожии и разврате, какого уже давно не доводилось выслушивать миру [121].

Таковы люди. Законам и заповедям предоставляется жить своей жизнью, мы же живем своею; и не только вследствие развращенности нравов, но зачастую и потому, что придерживаемся других взглядов и смотрим на вещи иными глазами. Послушайте какое-нибудь философское рассуждение — богатство мысли, красноречие, точность высказываний потрясают ваш ум и захватывают вас, но в нем вы не обнаружите ничего такого, что бы всколыхнуло или хотя бы затронуло вашу совесть, — ведь обращаются не к ней. Разве не так? Аристон говорил, что и баня и урок — бесполезны, если они не смывают грязи и после них человек не становится чище [122]. Отчего же! Можно грызть и самую кость, но сначала из нее следует высосать мозг: ведь и мы, лишь влив в себя доброе вино из превосходного кубка, принимаемся рассматривать вычеканенный на нем рисунок и судить о работе мастера.

Во всех философских сообществах древности всегда можно найти такого работника, который в поучении всем оглашает свои правила воздержности и умеренности и вместе с тем предает гласности свои сочинения, воспевающие любовь и распутство. И Ксенофонт, предаваясь любовным утехам с Клинием, написал против аристиппова учения о наслаждении [123]. Это происходило с упомянутыми философами не потому, что они переживали какие-то чудесные превращения, находящие на них волнами. Нет, это то самое, из-за чего Солон предстает перед нами то самим собой, то в облике законодателя; то он говорит для толпы, то для себя; и для себя он избирает правила естественные и не стеснительные, ибо уверен в крепости и незыблемости заложенных в нем добрых начал.

Curentur dubii medicis maioribus aegri *.

Антисфен разрешает мудрому любить, как он того пожелает, и делать все, что бы он ни счел полезным, не связывая себя законами; ведь он прозорливее, чем они, и ему лучше ведомо, что́ есть настоящая добродетель [125]. Его ученик Диоген говорил, что страстям следует противопоставлять разум, судьбе — твердость, законам — природу [126].

Желудки, подверженные расстройству, нуждаются в искусственных ограничениях и предписаниях. Что до здоровых желудков, то они попросту следуют предписаниям своего естественного влечения. Так и поступают наши врачи, которые едят дыню, запивая ее молодым вином, между тем как держат своих пациентов на сахарной водице и хлебном супе.

«Я не знаю, какие они пишут книги, — говорила куртизанка Лаиса, — в чем их мудрость, какие философские взгляды они проповедуют, но эти молодцы столь же часто стучатся ко мне, как и все остальные» [127]. Так как

* Пусть опасно больные лечатся у лучших врачей [124] (*лат.*).

наша распущенность постепенно уводит нас за пределы дозволенного и допустимого, нашим житейским правилам и законам была придана, и во многих случаях без достаточных оснований, излишняя жестокость.

Nemo satis credit tantum delinquere quantum
Permittas *.

Было бы желательно установить более разумное соотношение между требуемым и выполнимым; ведь цель, достигнуть которой невозможно, и поставлена, очевидно, неправильно. Нет ни одного честного человека, который, сопоставив свои поступки и мысли с велениями законов, не пришел бы к выводу, что на протяжении своей жизни он добрый десяток раз заслуживал виселицы, и это относится даже к тем, карать и казнить которых было бы и очень жалко, принимая во внимание приносимую ими пользу, и крайне несправедливо.

Olle, quid ad te
De cute quid faciat ille, vel illa sua? **

А иной, может статься, и не нарушает законов, и все же недостоин похвалы за свои добродетели, и философия поступила бы вполне справедливо, если бы его как следует высекла. Взаимоотношения тут крайне сложные и запутанные. Мы не можем и помышлять о том, чтобы считать себя порядочными людьми, если станем исходить из законов, установленных для нас господом богом; мы не можем притязать на это и исходя из наших законов. Человеческое благоразумие еще никогда не поднималось до такой высоты, которую оно себе предписало; а если бы оно ее и достигло, то предписало бы себе нечто высшее, к чему бы всегда тянулось и чего жаждало; вот до чего наша сущность враждебна всякой устойчивости. Человек сам себя заставляет впадать в прегрешения. Отнюдь не умно выкраивать для себя обязанности не по своей мерке, а по мерке кого-то другого. Кому же предписывает он то, что по его же собственному разумению никому не под силу? И неужели он творит нечто неправое, если не совершает того, чего не в состоянии совершить?

Законы обрекают нас на невозможность выполнять их веления, и они же судят нас за невыполнение этих велений.

Если безобразная наша свобода выказывать себя с разных сторон — действовать по-одному, рассуждать по-другому — и простительна, на худой конец, тем, кто говорит о чем угодно, но только не о себе, то для тех, кто говорит исключительно о себе, как я, она решительно недопустима; моему перу подобает быть столь же твердым, как тверда моя поступь. Общественная жизнь должна отражать жизнь отдельных людей. Добродетели Катона были для его века чрезмерно суровыми, и, берясь наставлять других, как человек, предназначенный для служения обще-

---

* Никто не считает, что он грешит сверх или хотя бы в меру дозволенного [128] (*лат.*).
** Что тебе, Олл, до того, как поступили со своей кожей такой-то или такая-то? [129] (*лат.*).

ству, он мог бы сказать себе, что его справедливость если и не окончательно несправедлива, то по меньшей мере слишком суетна и несвоевременна. И мои нравы, которые отличаются от общепринятых всего на какой-нибудь волосок, нередко восстанавливают меня против моего века и препятствуют моему сближению с ним. Не знаю, обоснована ли моя неприязнь к обществу, в котором я должен вращаться, но зато я очень хорошо знаю, насколько с моей стороны было бы необоснованно жаловаться на то, что оно относится ко мне неприязненнее, чем я к нему.

Добродетель, потребная для руководства мирскими делами, есть добродетель с выпуклостями, выемками и изгибами, чтобы ее можно было прикладывать и пригонять к человеческим слабостям, добродетель не беспримесная и не безыскусственная, не прямая, не беспорочная, не устойчивая, не незапятнанная. Одного из наших королей упрекают за то, что он слишком бесхитростно следовал добрым и праведным увещаниям своего исповедника [130]. Государственные дела требуют более смелой морали:

exeat aula
Qui vult esse pius *.

Как-то раз я попытался руководствоваться при исполнении моих служебных обязанностей воззрениями и набором жизненных правил — строгих, необычных, жестких и беспорочных, придуманных мною в моем углу или привитых мне моим воспитанием, которые я применяю в моей частной жизни если не без некоторых затруднений, то все же уверенно; короче говоря, я попытался руководствоваться добродетелью отвлеченной и весьма ревностной. И что же! Я обнаружил, что мои правила совершенно неприемлемы и, больше того, даже опасны. Кто затесывается в толпу, тому бывает необходимо пригнуться, прижать к своему телу локти, податься назад или, напротив, вперед, даже уклониться от прямого пути в зависимости от того, с чем он столкнется; и ему приходится жить не столько по своему вкусу, сколько по вкусу других, не столько в соответствии со своими намерениями, сколько в соответствии с намерениями других, в зависимости от времени, от воли людей, в зависимости от положения дел.

Платон говорит, что кому удается отойти от общественных дел, не замарав себя самым отвратительным образом, тот, можно сказать, чудом спасается [132]. И он же говорит, что, веля своему философу стать во главе государства, он имеет в виду не какое-нибудь развращенное государство вроде Афин [133] — и тем более вроде нашего, в котором сама мудрость, и та потеряла бы голову. Ведь и растение, пересаженное в совершенно непривычную и непригодную для него почву, скорее само приспособляется к ней, чем приспособляет ее к себе.

Я чувствую, что если бы мне пришлось полностью отдаться подобным занятиям, я был бы вынужден во многом изменить себя и ко многому

---

* Кто хочет остаться честным, тот должен покинуть двор [131] (*лат.*).

примениться. Даже если бы я смог это сделать (а почему бы и нет, будь только у меня достаточно времени и старания), я бы ни за что этого не захотел; небольшого опыта, который я имею в этих делах, оказалось достаточно, чтобы я проникся к ним отвращением. Правда, я ощущаю, как в душе у меня копошатся смутные искушения, порождаемые во мне честолюбием, но я одергиваю себя и не даю им над собой воли:

At tu, Catulle, obstinatus obdura *.

Меня не призывают к подобной деятельности, и я нисколько этим не огорчаюсь. Свободолюбие и приверженность к праздности — мои основные свойства, а эти свойства совершенно несовместимы с упомянутым занятием.

Мы не умеем распознавать человеческие способности; их оттенки и их границы с трудом поддаются определению и едва уловимы. На основании пригодности кого-либо к частной жизни заключать о его пригодности к исполнению служебных обязанностей — значит делать ошибочное заключение: такой-то прекрасно себя ведет, но он не умеет вести за собой других, такой-то творит «Опыты», но не очень-то горазд на дела; такой-то отлично руководит осадой, но не мог бы руководить сражением в поле; такой-то превосходно рассуждает в частной беседе, но он плохо говорил бы перед народом или перед лицом государя. И если кто-нибудь отлично справляется с тем-то и тем-то, то это говорит скорее всего о том, что с чем-либо другим ему, пожалуй, не справиться. Я нахожу, что души возвышенные не меньше способны на низменные дела, чем низкие — на возвышенные.

Можно ли поверить, что Сократ неизменно подавал афинянам повод к насмешкам на его счет из-за того, что никогда не умел правильно сосчитать черепки при голосовании своей филы и соответствующим образом доложить о результатах Совету [135]?

Восхищение, с каким я отношусь к совершенствам Сократа, заслуживает того, чтобы судьба этого человека явила столь великолепный пример, извиняющий главнейшие мои недостатки.

Способности наши раздроблены, и каждая из них приурочена к чему-либо строго определенному. Мои отнюдь не многообразны и ничтожны числом. Сатурнин заявил передававшим ему верховное начальствование над войском: «Друзья, вы лишились хорошего полководца и приобрели дурного главнокомандующего» [136]. Кто похваляется, что в наше занемогшее столь тяжким недугом время он отдает на служение обществу добродетель бескорыстную и искреннюю, тот или вовсе ее не знает, так как воззрения извращаются вместе с нравами (и в самом деле, послушайте, какою они рисуют свою добродетель, послушайте, как большинство из них хвастается своим мерзостным поведением и как они определяют свои житейские правила: вместо того, чтобы изобразить добродетель, они рисуют самую очевидную неправедность, а также явный порок, и в таком искаженном

* Но ты, Катулл, продолжай упорствовать [134] (*лат.*).

виде преподносят в поучение государям), или, если он все же имеет о ней понятие, то похваляется ею безо всяких к тому оснований и, что бы он об этом ни говорил, делает тысячи вещей, за которые его укоряет совесть.

Я охотно поверил бы Сенеке, обладавшему большой опытностью в делах этого рода, если бы он пожелал говорить со мною вполне чистосердечно и искренне. Наивысшая степень добропорядочности в таком сложном и затруднительном положении — это смело обнаруживать как свои собственные ошибки, так и ошибки другого; противодействовать, используя свое влияние и могущество, дурным наклонностям государя и сдерживать их, насколько это возможно; уступать им лишь скрепя сердце; уповать на лучшее и желать лучшего. Я замечаю, что среди раздирающих Францию междоусобиц и распрей, в которые мы себя ввергли, каждый хлопочет только о том, чтобы отстоять свое дело, и что при этом даже самые лучшие лицемерят и лгут. И тот, кто стал бы писать о нем с полною откровенностью, написал бы что-нибудь дерзкое и безрассудное. Но и наиболее чистая наша партия — не что иное как часть некоего тела, насквозь изъеденного червями и кишмя кишащего ими. Впрочем, наименее больную часть подобного тела называют здоровой — и с достаточным правом, ибо о наших качествах можно судить лишь путем сравнения с другими. Гражданская безупречность определяется в зависимости от места и времени. Я считал бы вполне справедливым, если бы Ксенофонт похвалил Агесилая за следующее: некий соседний царь, с которым Агесилай прежде сражался, попросил его позволить ему пройти на свои земли; Агесилай ответил на это согласием и предоставил ему свободный проход через Пелопоннес; и он не только не бросил его в темницу и не поднес ему яду, хотя тот и был в его власти, но оказал ему любезный прием и ничем его не обидел [137]. При воззрениях того времени в этом не было ничего особенного; но в другие времена и в другом месте на благородство и великодушие такого поступка обратили бы несомненно больше внимания. А наши прожженные молодцы без чести и совести подняли бы его насмех — вот до чего далеко спартанское простодушие от французских нравов!

И у нас не перевелись добродетельные мужи — правда, по нашей мерке. Если чья-нибудь нравственность подчинена правилам, возвышающимся над общим уровнем века, то пусть такой человек либо в чем-нибудь урежет и смягчит эти правила, либо, и это я бы ему скорее всего посоветовал, забьется в свою конуру и не толчется среди нас. Что он мог бы от этого выиграть?

> Egregium sanctumque virum si cerno, bimembri
> Hoc monstrum puero, et miranti iam sub aratro
> Piscibus inventis, et foetae comparo mulae *.

---

* Если я замечаю выдающегося и непорочного мужа, я сравниваю это чудо с двуголовым ребенком, или с рыбами, вдруг на удивлению пахарю оказавшимися под плугом, или с беременным мулом [138] (*лат.*).

Можно сожалеть о лучших временах, но нельзя уйти от своего времени; можно мечтать о других правителях, но повиноваться, несмотря ни на что, приходится существующим. И, пожалуй, бо́льшая заслуга повиноваться дурным, чем хорошим. Пусть хоть какой-нибудь уголок нашего королевства озарится светом своих исконных и привычных законов, и я тотчас же устремлюсь туда. Но если эти законы начнут на беду противоречить себе самим и мешать друг другу и на этой почве возникнут две враждебные партии, выбор между которыми затруднителен и внушает сомнения, мое решение, вернее всего, будет состоять в том, чтобы как-нибудь улизнуть и укрыться от этой бури; а тем временем за мною, быть может, протянут руку сама природа или превратности гражданской войны. Я мог бы без околичностей высказаться, за кого я, за Цезаря или Помпея. Но при тех трех мошенниках[139], которые пришли вслед за ними, только и оставалось, что скрыться или отдаться на волю волн; и я это считаю вполне позволительным, если разум больше не в состоянии руководить государством,

Quo diversus abis? *

Начинка, которую я сюда напихал, отвлекла меня от моей темы. Я блуждаю из стороны в сторону, но скорее по собственной прихоти, чем по неумелости. Мои мысли следуют одна за другой, — правда, иногда не в затылок друг другу, а на некотором расстоянии, — но они все же всегда видят друг друга хотя бы краешком глаза. Я пробегаю взглядом некий диалог Платона, представляющий собой причудливую и пеструю смесь: начало его о любви, конец посвящен риторике. Древние ничуть не боялись такого переплетения и с невыразимым изяществом позволяли увлекать себя дуновениям ветра или, что тоже возможно, притворялись, будто дело обстоит именно так. Названия моих глав не всегда полностью охватывают их содержание; часто они только слегка его намечают, служа как бы вехами, вроде следующих заглавий, данных своим произведениям древними: «Девушка с Андроса», «Евнух»[141], — или таких заглавий-имен, как «Сулла», «Цицерон», «Торкват».

Я люблю бег поэзии, изобилующий прыжками и всякого рода курбетами. Это — искусство, как говорит Платон[142], легкокрылое, стремительное, лукавое. У Плутарха есть сочинения, в которых он забывает о своей теме, где предмет его рассуждения, погребенный под целой грудой побочного материала, появляется на поверхности лишь от случая к случаю; посмотрите, как он рассказывает о сократовом «демоне»[143]! О боже, до чего пленительны эти внезапные отклонения в сторону, это неиссякаемое разнообразие, и они тем больше поражают нас своей красотой, чем более случайной и непредумышленной она представляется. И если кто теряет нить моих мыслей, так это нерадивый читатель, но вовсе не я; он всегда сможет найти где-нибудь в уголке какое-нибудь словечко, которого совершенно достаточно, чтобы все стало на свое место, хотя такое словечко и не сразу разыщешь. Всегда и везде я домогаюсь разнообразия, притом

* Куда же ты отклоняешься?[140] (*лат.*).

шумно и навязчиво. Мой стиль и мой ум одинаково склонны к бродяжничеству. Лучше немного безумия, чем тьма глупости, говорят наставления наших учителей и еще убедительнее — оставленные ими примеры.

Тысячи поэтов проходят свой путь, уныло плетясь, и их поэзия насквозь прозаична: зато лучшая античная проза (а я рассыпаю ее здесь наравне со стихами) блещет поэтической силой и смелостью и проникнута той же вдохновенною одержимостью, которая отличает поэзию. Поэзии, и только поэзии, должно принадлежать в искусстве речи первенство и главенство.

Это — исконный язык богов. Поэт, по словам Платона [144], восседая на треножнике муз, охваченный вдохновением, изливает из себя все, что ни придет к нему на уста, словно струя родника; он не обдумывает и не взвешивает своих слов, и они истекают из него в бесконечном разнообразии красок, противоречивые по своей сущности, и не плавно и ровно, а порывами. Сам он с головы до пят поэтичен, и, как утверждают ученые, древняя теогоническая поэзия — это и есть первая философия.

Я считаю, что предмет изложения сам за себя говорит: хорошо видно, где начинается его рассмотрение, где заканчивается, где оно изменяется или возобновляется, и вовсе не нужно переплетать излагаемое всевозможными вставками, швами и связками, включенными в него только затем, чтобы помочь слабому и небрежному слуху, как не нужно и на каждом шагу пояснять себя самого. Кто бы не предпочел, чтобы его лучше совсем не читали, чем читали, засыпая над ним или бегло проглядывая? Nihil est tam utile, quod in transitu prosit *.

Если бы подержать книги в руках означало удержать их в голове, если бы взглянуть на них означало рассмотреть все, что в них заключается, если бы поверхностно ознакомиться с ними означало бы охватить их во всей полноте, то мне бы действительно не следовало выставлять себя, как я это делаю, круглым невеждой.

Раз я не могу привлечь внимания читателя своими достоинствами, manco male **, если его привлекут мои запутанность и неясность. — Вот как! А если он потом пожалеет о потраченном времени? — Возможно, но время на меня он все же потратит. И потом встречаются души, глубоко презирающие все, что доступно их разумению; и они оценят меня тем выше, чем непонятнее для них будут мои слова; они заключат о глубине моих мыслей, исходя из их смутности, которую, по совести говоря, я ненавижу всем сердцем и которой я бы с радостью избегал, если бы умел ее избежать. Аристотель где-то похваляется тем, что питает к ней слабость; вот уж, поистине, порочная слабость [147]!

Так как дробление текста на чересчур короткие главы — чем я поначалу широко пользовался — отвлекает внимание, как мне кажется, прежде, чем оно успевает сосредоточиться, и оно рассеивается, не желая себя утруждать и задерживаться ради такой безделицы, я решил нарастить им длины с тем, чтобы за них принимались, лишь настроясь на чте-

---

* Что приносит нам пользу походя, то не так уж полезно [145] (*лат.*).
** Не так уж плохо [146] (*ит.*).

ние и отводя ему известное время. Если какому-нибудь занятию не хотят уделить и часа, это значит, что ему вообще ничего не хотят уделить. Если для кого-либо делают что-нибудь попутно и между прочим, это значит, что для него вообще ничего не делают.

Кроме того, в силу особых причин иногда я бываю вынужден говорить только наполовину, говорить только обиняками, говорить сбивчиво.

Я хотел сказать, что проклинаю тот разум, который убивает всякую радость, и что сумасбродные выдумки, которые усложняют жизнь, и необыкновенно тонкие мысли, даже если в них есть зерно истины, обходятся, на мой взгляд, слишком дорого и причиняют слишком много хлопот. Что до меня, то я, например, стараюсь извлечь пользу даже из суетности и ослиной глупости, если они доставляют мне удовольствие, и следую вложенным в меня природою склонностям, не очень-то их стесняя и не придираясь к ним по мелочам.

И в других местах я видел развалины зданий, и статуи, и землю, и небо, и везде и всюду — людей. Все это так, но, тем не менее, как бы часто я ни посещал гробницу некогда столь великого и могучего города, я неизменно в восхищении от него и благоговею пред ним. Не забывать мертвых похвально. А с этими мертвыми я знаком с детства, вырос бок о бок с ними; я познакомился с историей Рима намного раньше, чем с историей моего рода. Я знал Капитолий и его план прежде, чем узнал Лувр, и Тибр — прежде, чем Сену. У меня в голове было больше сведений об образе жизни и богатствах Лукулла, Метелла и Сципиона [148], чем о ком-либо из моих соотечественников. Это покойники. Но ведь покойник и мой отец, и точно такой же, как эти. За восемнадцать лет [149] он удалился от меня и от жизни на точно такое же расстояние, как они за шестнадцать столетий. А между тем, чтя его память и постоянно вспоминая о нем, я продолжаю пользоваться его дружбой и обществом, и у меня с ним на редкость близкие отношения и исключительное единомыслие.

Что до моих личных склонностей, то я охотнее всего оказываю услуги умершим: они не могут себе помочь и тем больше, мне кажется, нуждаются в моей помощи. Это проявление благодарности, и притом в ее наиболее чистом виде. В благодеянии тем меньше истинного великодушия и благородства, чем больше вероятность, что оно будет возмещено. Аркесилай, посетив больного Ктесибия и застав его в крайней бедности, незаметно сунул под его изголовье деньги; сделав это украдкой, он, сверх того, как бы выдал ему расписку, подтверждающую, что они в полном расчете [150]. Люди, заслужившие с моей стороны дружеское расположение и признательность, никогда не бывали в накладе от того, что их больше нет возле меня; с ними, отсутствующими и ничего не подозревающими, я всегда расплачивался и с большей щедростью и с большей тщательностью, чем со всеми другими. И о своих друзьях я говорю с особой теплотою и любовью лишь тогда, когда у них больше нет ни малейшей возможности узнать об этом.

Я сотни раз затевал жаркие споры, защищая Помпея и вступаясь за Брута [151]. Наши близкие отношения продолжаются и посейчас; ведь даже

события современности мы представляем себе не иначе, как при посредстве нашего воображения. Считая, что моему веку я совершенно не нужен, я мысленно переношусь в далекое прошлое, и я настолько им покорен и пленен, что меня увлекает и страстно интересует решительно все, относящееся к древнему городу Риму — свободному, справедливому и находящемуся в расцвете сил (ибо я не люблю ни его младенчества, ни его старости). Вот почему, как бы часто мне ни доводилось смотреть на места, где были проложены его улицы и где стояли его дома, и на эти развалины, уходящие так глубоко в землю, точно они простираются до антиподов, я неизменно испытываю все то же волнение. И внушено ли это нам самою природой или, быть может, прихотью нашего воображения, но только вид площадей, на которых собирались и где обитали те, чьи славные имена сохраняются в нашей памяти, волнует нас значительно больше, чем если бы нам рассказывали об их деяниях или мы сами читали их собственные творения.

Tanta vis admonitionis inest in locis. Et id quidem in hac urbe infinitum; quacunque enim ingredimur, in aliquam historiam vestigium ponimus *. Мне нравится всматриваться в их лица, изучать их манеру держаться, их одежду. Я снова и снова твержу про себя их великие имена, и они непрерывно отдаются в моих ушах. Ego illos veneror et tantis nominibus semper assurgo **. И если что-либо хоть какой-нибудь частичкой своей величественно и замечательно, я восхищаюсь в нем всем, даже тем, что не представляет собой ничего выдающегося. С каким наслаждением наблюдал бы я этих людей за беседой, за трапезой, на прогулке! Было бы черной неблагодарностью относиться с пренебрежением к останкам и теням стольких доблестных и достойных мужей, которые жили и умирали, можно сказать, у меня на глазах и которые всей своей жизнью могли бы преподать нам столько полезного и поучительного, если бы мы умели следовать их примеру.

И потом тот Рим, который мы теперь видим, заслуживает нашей любви также и потому, что он в течение столь долгого времени и столькими узами связан с нашей державою. Это единственный город, общий для всех и всесветный. Правящий им верховный владыка в одинаковой мере почитаем повсюду; этот город — столица всех христианских народов; испанец и француз — всякий в нем у себя дома. Чтобы быть подданным его государя, достаточно быть христианином, независимо от того, откуда ты родом и где находится твое государство. На нашей бренной земле нет другого такого места, которому небо дарило бы с таким постоянством свою благосклонность. Даже развалины этого города величавы и овеяны славой,

Laudandis pretiosior ruinis ***.

---

* Настолько сильное впечатление производят на нас самые места. А в этом городе таких мест бесчисленное множество, ведь куда бы мы ни направились, мы всюду вступаем в какое-либо место, отмеченное молвой [152] (*лат.*).

** Я благоговею перед ними и встаю, когда называют их имена [153] (*лат.*).

*** Еще более драгоценный благодаря своим достославным развалинам [154] (*лат.*).

Даже в гробнице он сохраняет отличительные черты и облик времен империи. Ut palam sit uno in loco gaudentis opus esse naturae *. Иной мог бы себя обругать и возмутиться собой самим, заметив, что и он не остается бесчувственным к столь суетным удовольствиям. Но наши склонности, если они даруют нам приятные ощущения, не так уже суетны. И какими бы они ни были, если они доставляют удовлетворение человеку, не лишенному здравого смысла, я не стану его жалеть.

Я бесконечно обязан судьбе, до последнего времени не причинившей мне особенно больших горестей, по крайней мере таких, вынести которые мне было бы не под силу. Не значит ли это, что она оставляет в покое тех, кто ничем ей не досаждает?

Quanto quisque sibi plura negaverit
A diis plura feret. Nil cupientium
Nudus castra peto...
...multa petentibus
Desunt multa **.

Если и впредь она будет вести себя не иначе, я уйду из этого мира вполне довольным и удовлетворенным,

nihil supra
Deos lacesso ***.

Но берегись толчка у причала! Тысячи людей погибают уже по прибытии в гавань.

Я заранее мирюсь со всем, что свершится, когда меня больше не будет; мне хватает забот, причиняемых событиями нашего времени,

fortunae cetera mando ****.

И к тому же я свободен от тех прочных уз, которыми, как говорят, человека связывают с будущим дети, наследующие его имя и его честь; ну что ж! Значит, мне тем более не к чему их желать, если они вообще так уж желательны. Я и через себя самого слишком крепко привязан к этому миру и к этой жизни. С меня совершенно достаточно, что я в руках у судьбы и мое существование всецело зависит от обстоятельств, находящихся в ее воле; а раз так, то я не хочу, чтобы она властвовала надо мной и в другом; и я никогда не считал бездетность несчастьем, обязательно лишающим человека радости и полноты жизни. Бесплодие также имеет свои преимущества. Дети — из числа тех вещей, которых не приходится так уж пламенно жаждать, и особенно в наши дни, когда столь

* Только в одном этом месте природа явно осталась довольна своим творением [155] (*лат.*).
** Чем больше будет каждый себе отказывать, тем больше ему дадут боги. Ничего не имея, я, тем не менее, тянусь в стан ничего не желающих... Кто стремится ко многому, у того и многого недостает [156] (*лат.*).
*** Ни о чем больше я не прошу богов [157] (*лат.*).
**** Прочее я препоручаю судьбе [158] (*лат.*).

трудно воспитать их добропорядочными. Bona iam nec nasci licet, ita corrupta sunt semina *; а вот оплакивать их потерю тем, у кого они были, приходится, и даже очень приходится.

Тот, кто оставил на мое попечение дом и поместье, неоднократно предсказывал, что я доведу их до полного разорения; он исходил из того, что во мне нет хозяйственной жилки. Он ошибся. Я такой же, каким вступил во владение ими, если только не стал чуточку побогаче; и это — без государственной должности и без сторонних доходов от бенефиция.

Если судьба не обрушила на меня никаких из ряда вон выходящих и особо сильных ударов, то вместе с тем она меня и не баловала. У меня нет ничего по-настоящему значительного и стóящего, за что я должен был бы благодарить ее щедрость. Если я и мои домашние и обласканы иными ее дарами, то все это приобретено более чем за век до меня. Впрочем, она мне подарила кое-какие легковесные милости, каковы, например, титулы и почет, не представляющие собой ничего существенного; да и их, по правде говоря, она мне не пожаловала, а всего-навсего предложила; господи боже! — и это мне, человеку с головы до пят земному и телесному, находящему для себя удовольствие только в вещественном и осязаемом, и притом лишь весомом и основательном, и считающему, если позволительно в этом признаться, жадность не менее извинительной, чем честолюбие, страх перед физической болью не менее уважительным, чем страх перед позором, здоровье не менее драгоценным, чем ученость, и богатство не менее желанным, чем знатность.

Среди ее суетных милостей я могу назвать единственную, которая и впрямь тешит одну из моих нелепых причуд; я говорю о грамоте, жалующей меня римским гражданством и выданной мне в мое последнее посещение этого города; нарядная, с золотыми печатями и выведенными золотом буквами, она была пожалована мне с милостивейшей щедростью. И так как подобные грамоты составляются в разном стиле, с выражением большей или меньшей благосклонности, и так как я сам был очень непрочь ознакомиться с ее текстом прежде, чем она будет мне вручена, я хочу привести ее здесь слово в слово, чтобы удовлетворить любопытство тех, кто — если такие найдутся — страдает этой болезнью не меньше моего:

Quod Horatius Maximus, Martius Cecius, Alexander Mutus, almae urbis conservatores, de Illustrissimo viro Michaele Montano, equite sancti Michaelis et a Cubiculo Regis Christianissimi, Romana civitate donando, ad senatum retulerunt, S. P. Q. R. de ea re ita fieri censuit:

Cum veteri more et instituto cupide illi semper studioseque suscepti sint, qui, virtute ac nobilitate praestantes, magno Reip. nostrae usui atque ornamento fuissent vel esse aliquando possent, Nos, maiorum nostrorum exemplo atque auctoritate permoti, praeclaram hanc Consuetudinem nobis imitandam ac servandam fore censemus. Quamobrem, cum Illustrissimus Michael Montanus, Eques sancti Michaelis et a Cubiculo Regis Christianissimi,

* Уже не может родиться ничто хорошее, настолько испортились семена[159] (*лат.*).

Romani nominis studiosissimus, et familiae laude atque splendore et propriis virtutum meritis dignissimus sit, qui summo Senatus Populique Romani iudicio ac studio in Romanam Civitatem adsciscatur, placere Senatui P. Q. R. Illustrissimum Michaelem Montanum, rebus omnibus ornatissimum atque huic inclyto populo carissimum, ipsum posterosque in Romanam Civitatem adscribi ornarique omnibus et praemiis et honoribus quibus illi fruuntur qui Cives Patriciique Romani nati aut iure optimo facti sunt. In quo censere Senatum P. Q. R. se non tam illi Jus Civitatis largiri quam debitum tribuere, neque magis beneficium dare quam ab ipso accipere qui, hoc Civitatis munere accipiendo, singulari Civitatem ipsam ornamento atque honore affecerit. Quam quidem S. C. auctoritatem iidem Conservatores per Senatus P. Q. R. scribas in acta referri atque in Capitolii curia servari, privilegiumque huiusmodi fieri, solitoque urbis sigillo communiri curarunt. Anno ab urbe condita MMCCCXXXI, post Christum natum M. D. LXXX, III Idus Martii. Horatius Fuscus, sacri S. P. Q. R. scriba. Vincen. Martholus, sacri S. P. Q. R. scriba *.

Не являясь гражданином ни одного города, я был весьма рад сделаться гражданином самого благородного из всех, какие когда-либо были или когда-либо будут. Если бы и другие всматривались в себя так же пристально, как это делаю я, то и они нашли бы себя такими же, каков я, то есть заполненными всякой тщетой и всяким вздором. Избавиться от этого я не могу иначе, как избавившись от себя самого. Все мы проник-

---

* По докладу о даровании прав римского гражданина преславному мужу Мишелю Монтеню, кавалеру ордена святого Михаила и придворному кавалеру христианнейшего короля, представленному в Сенат блюстителями города Рима Орацио Массини, Марцо Чечо и Алессандро Мути, Сенат и народ Римский определяют:

«Поскольку, следуя давнему обычаю и установлению, мы всегда с благожелательностью и готовностью принимали тех, кто, отличаясь добродетелями и знатностью, оказывали значительные услуги нашему городу и служили ему украшением или могли бы стать таковым, то и теперь, побуждаемые примером и заветами наших предков, мы находим, что это похвальное обыкновение должно быть нами сохранено и поддержано. Посему; поскольку преславный Мишель Монтень, кавалер ордена святого Михаила и придворный кавалер христианнейшего короля, известный своей ревностною приверженностью к римскому народу, безусловно достоин, как благодаря славе и блеску своего рода, так и по личным своим заслугам, предоставления ему римского гражданства, Сенату и Римскому народу было угодно, чтобы вышеупомянутый достославный Мишель Монтень, наделенный выдающимися достоинствами и глубоко чтимый нашим славным народом, как лично, так и в лице потомков своих, был пожалован римским гражданством и располагал всеми правами и преимуществами, которыми пользуются исконные римские граждане или те, кто на законном основании стали таковыми. Принимая это решение, Сенат и народ Римский считают, что они не столько даруют вышеуказанному Мишелю Монтеню римское гражданство, сколько воздают ему должное, и не столько оказывают ему благодеяние, сколько сами благодетельствуемы с его стороны, ибо, принимая от них звание римского гражданина, он оказывает их городу честь и именем своим послужит к его украшению. Вышеуказанные блюстители города повелели, чтобы через секретарей Сената и народа Римского настоящее решение Сената города Рима было внесено в протоколы и хранилось в Капитолийском архиве, а также, чтобы был составлен надлежащий акт и этот акт скреплен обычною городской печатью.

Дано от основания Рима в году 2331, а от Рождества Христова 1580 в тринадцатый день месяца марта. Орацио Фуско, секретарь священного Сената и народа Римского, Винченцо Мартоли, секретарь священного Сената и народа Римского». (*лат.*).

нуты суетой, но кто это чувствует, тот все же менее заблуждается; впрочем, может быть, я и неправ.

Всеобщее обыкновение и стремление всматриваться во что угодно, но только не в самих себя, в высшей степени благодетельно для нашего брата. Ведь мы представляем собой не очень-то приятное зрелище: суетность и убожество — вот и вся наша сущность. Чтобы не отнять у нас бодрости духа, природа направила — и, надо сказать, весьма кстати — деятельность нашего органа зрения лишь на пребывающее вне нас. Мы плывем по течению, а повернуть в обратную сторону и возвратиться к себе — дело исключительно трудное; ведь и море злится и препятствует себе самому, когда, встретив преграду, отходит назад. Посмотрите, говорит каждый, как разыгрывается ненастье, посмотрите на окружающих, посмотрите на иск, предъявленный тем-то, посмотрите на цвет лица того-то, на завещание, оставленное таким-то; короче говоря, посмотрите вверх или вниз, или вбок, или перед собой, или оглянитесь назад. Но повеление дельфийского бога, полученное нами от него в стародавние времена, предъявляет нам требования, идущие наперекор всем нашим повадкам: «Всмотритесь в себя, познайте себя, ограничьтесь самими собой; ваш разум и вашу волю, растрачиваемые вами вовне, направьте, наконец, на себя; вы растекаетесь, вы разбрасываетесь; сожмитесь, сосредоточьтесь в себе; вас предают, вас отвлекают, вас похищают у вас самих. Разве ты не видишь, что этот мир устремляет свои взоры внутрь себя и его глаза созерцают лишь себя самого? Суетность — вот твой удел и в тебе самом и вне тебя, но, заключенная в тесных границах, она все-таки менее суетна. О, человек, кроме тебя одного, — говорит этот бог, — все сущее прежде всего познаёт самого себя и в соответствии со своими потребностями устанавливает пределы своим трудам и своим желаниям. И нет ни одного существа, которое было бы столь же нищим и одолеваемым нуждами, как ты, человек, жаждущий объять всю вселенную. Ты — исследователь без знаний, повелитель без прав и, в конце концов, всего-навсего шут из фарса».

Глава X

О ТОМ, ЧТО НУЖНО ВЛАДЕТЬ СВОЕЙ ВОЛЕЙ

По сравнению с другими людьми меня задевают или, правильнее сказать, захватывают только немногие вещи; что задевают, это вполне естественно, лишь бы они не держали нас в своей власти. Я прилагаю всяческие старания, чтобы с помощью упражнения и размышления усилить в себе

душевную неуязвимость, к чему я в немалой мере приуготовлен самой природой и что является большим преимуществом для человека. Меня увлекает и, стало быть, волнует очень немногое. Взгляд у меня острый, но я останавливаю его лишь на немногих предметах; чувства у меня тонкие и сильные. Но что касается восприимчивости и внимательности, то тут я глух и туп: меня трудно пронять. Насколько это у меня получается, я занимаюсь только собой; но и любовь к себе я бы охотно обуздывал и укрощал, чтобы она не поглотила меня целиком и полностью, потому что и она направлена на предмет, которым я владею по чужой милости и на который судьба имеет больше прав, нежели я. Таким образом, даже здоровья, которое я так высоко ценю, — и его я не должен желать и отдаваться заботам о нем с таким пылом, чтобы болезни стали казаться мне чем-то совершенно невыносимым. Следует держаться между ненавистью к страданию и любовью к наслаждению; и Платон советует избирать средний жизненный путь между этими двумя чувствами [1].

Но чувствам, отвлекающим меня от себя и привязывающим к чему-либо другому, — им я противлюсь изо всех сил. Я считаю, что хотя и следует одалживать себя посторонним, отдавать себя нужно только себе самому. Если бы моя воля с легкостью предоставляла себя в распоряжение кого-то другого, я бы не выдержал этого, — слишком уж я изнежен и от природы и вследствие давних моих привычек,

fugax rerum, securaque in otia natus *.

Ожесточенные и упорные прения, в которых мой противник, в конце концов, взял бы надо мной верх, их исход, делающий постыдной мою горячность в отстаивании своей правоты, нанесли бы мне, по всей вероятности, очень жестокий удар. Если бы я уходил в мои дела с головой, как это бывает с другими, моя душа никогда бы не смогла справиться с тревогами и треволнениями, неотступно следующими за теми, кто всегда и везде увлекается и горит: этим внутренним возбуждением она была бы немедленно подавлена и разбита. В тех случаях, когда меня все-таки заставляют браться за чужие дела, я обещаю, что возьму их в свои руки, но не в легкие и не в печень; что возложу их на себя; что буду о них радеть — это так, — но не стану ради них расшибаться в лепешку; я за ними присматриваю, но я их не высиживаю, как курица яйца. У меня достаточно забот с налаживанием и приведением в порядок моих собственных дел, которые сидят у меня в печенках и тянут из меня жилы, чтобы принимать и взваливать на себя еще и чужие, и я достаточно поглощен моими делами — существенными, сугубо личными и навязанными мне самою природой, чтобы обременять себя, вдобавок, и посторонними. Кто хорошо видит, в каком он долгу пред собою и сколько обязан для себя сделать, тот понимает, что природа возложила на него достаточно сложное и отнюдь не допускающее праздности поручение. У тебя сколько угодно дела с самим собой; так не отдаляйся же от себя.

* Бегущий от дел, рожденный для безмятежного досуга [2] (*лат.*).

Люди предоставляют себя внаймы. Их способности служат не им, но тем, к кому они идут в кабалу; в них обитают их наниматели, но не они сами. Это всеобщее поветрие не по мне; нужно оберегать свободу нашей души и ущемлять ее только в тех случаях, когда это безусловно необходимо; а таких случаев, если рассудить здраво, очень немного. Взгляните на людей, которым свойственно вечно гореть и вмешиваться во все на свете; они делают это всегда и везде, как в малом, так и в большом, как в том, что их касается, так и в том, что их ни с какой стороны не касается; и они суются во все, что им сулит хлопоты и обязанности, и не чувствуют, что живут, если не исполнены тревоги и возбуждения. In negotiis sunt negotii causa *. Они ищут себе занятий лишь для того, чтобы себя занять.

И это вовсе не потому, что им хочется двигаться, а потому, что они не в состоянии остаться на месте; ни дать ни взять, как падающий с высоты камень, которому никак не остановиться, пока он не шлепнется на землю. Занятость для известного сорта людей — доказательство их собственных дарований и их достоинств. Их дух успокаивает встряхивание, подобно тому как младенцев — люлька. Они могли бы себе сказать, что столь же услужливы для других, как несносны самим себе. Никто не раздает всех своих денег другим, а вот свое время и свою жизнь раздает каждый; и нет ничего, в чем бы мы были настолько же расточительны и в чем скупость была бы полезнее и похвальнее.

Что до меня, то я совершенно другого склада. Я цепко держусь за себя и обычно вяло желаю того, чего желаю, а желаю я малого; то же относится и к моим занятиям и трудам; я предаюсь им редко и не теряя спокойствия. А иные люди, чего бы ни желали и чего бы ни домогались, рвутся к этому всеми своими помыслами и изо всех сил. Но ведь бывает столько ложных шагов, что для большей уверенности и безопасности следовало бы ступать по этому миру полегче и едва касаясь его поверхности. Следовало бы скользить по нему, а не углубляться в него. Даже наслаждение в глубинах своих мучительно.

incedis per ignes
Suppositos cineri doloso **.

Горожане Бордо избрали меня мэром их города, когда я был далеко от Франции и еще дальше от мысли об этом[5]. Я отнекивался, но мне принялись доказывать, что я поступаю неправильно, и к тому же дело было решено повелением короля. Эта должность должна казаться тем привлекательнее, что она никак не оплачивается и не приносит никаких иных выгод, кроме почета, связанного с ее исполнением. Срок пребывания в ней — два года; впрочем, он может быть удлинен повторным избранием, что случается чрезвычайно редко. Это произошло и со мной;

* Занятия ради занятия[3] (*лат.*).
** Ты ступаешь по огню, прикрытому обманчивым пеплом[4] (*лат.*).

а до меня происходило лишь дважды: несколько лет тому назад с господином де Лансаком, а совсем недавно с господином де Бироном[6], маршалом Франции, место которого я и занял, освободив свое для господина де Матиньона[7], также маршала Франции. Я горжусь столь знатными сотоварищами,

uterque bonus pacis bellique minister *.

Судьба захотела особо отметить мое возвышение, привнеся от себя это частное обстоятельство. Однако оно вовсе не маловажно. Александр с пренебрежением выслушал коринфских послов, предложивших ему звание гражданина их города; когда же они сослались на то, что Вакх и Геракл также были гражданами Коринфа, он с благодарностью принял их предложение[9].

По возвращении я честно и добросовестно рассказал городским советникам, каков я на мой собственный взгляд: у меня нет ни памяти, ни усердия, ни опыта, ни настойчивости, но вместе с тем нет и ненависти к кому бы то ни было, нет честолюбия, жадности, жажды насилия; я это сделал ради того, чтобы они были полностью обо мне осведомлены и знали, чего могут ожидать от меня в этой должности. И так как к моему избранию их побудило исключительно то, что им был хорошо известен мой покойный отец и они продолжали высоко чтить его память, я добавил с полною откровенностью, что мне было бы крайне прискорбно, если бы что-нибудь поглотило меня так же сильно, как его поглощали дела их города в те времена, когда он управлял ими, занимая ту самую должность, на которую они меня призывают[10]. Мне вспомнилось, как в дни моего детства я видел его, уже старика, постоянно в жестоких волнениях и тревогах, связанных с этими многотрудными общественными обязанностями; он забывал о том, что дышит сладостным воздухом своего дома, к которому его за много лет перед тем приковали естественные для его возраста недуги и слабость, о своем хозяйстве, своем здоровье; и, ставя под угрозу самую жизнь, — он считал, что все это для него гибельно, — пускался, побуждаемый городскими делами, в дальние и утомительные поездки. Таков он был; и эта свойственная ему черта объясняется бесконечной его добротой, вложенной в него самою природой; никогда еще не бывало души более благожелательной и милосердной. И хотя я не склонен придерживаться схожего образа жизни, на что у меня найдутся свои оправдания, все же я считаю его достойным всяческой похвалы. От кого-то мой отец слышал, что ради ближнего нужно забывать о себе и что личное не идет ни в какое сравнение с общим.

Большинство распространенных в мире правил и наставлений ставит себе задачей извлечь нас из нашего уединения и выгнать на площадь, дабы мы трудились на благо обществу. Они задуманы с тем, чтобы, оказав на людей благотворное действие, принудить их отвернуться и отвлечься

* Оба — выдающиеся деятели в мирное и в военное время[8] (*лат.*).

от своего «я»; при этом они исходят из представления, что мы слишком за себя держимся и что в этом повинна чрезмерная, хотя и естественная привязанность к самому себе; и в них не упущено ничего, что может быть сказано с этой целью. Ведь мудрецам вовсе не внове изображать вещи не такими, каковы они в действительности, а такими, чтобы они могли сослужить известную службу. Истина иногда бывает для нас затруднительна, неудобна и непригодна. Нам нередко необходимо обманывать, чтобы не обмануться, щуриться и забивать себе мозги, чтобы научиться отчетливее видеть и понимать. Imperiti enim iudicant, et qui frequenter in hoc ipsum fallendi sunt, ne errent*. Когда правила эти велят нам любить три, четыре, пятьдесят разрядов вещей сильнее, чем самих себя, они идут по стопам искусного лучника, который целит, чтобы попасть в нужную ему точку, намного выше своей мишени. Чтобы выпрямить изогнутый кусок дерева, нужно гнуть его в противоположную сторону.

Думаю, что в храме Афины-Паллады, как и в остальных известных нам культах, были таинства явные, предназначенные для всех, и таинства более возвышенные и более сокровенные, предназначенные только для посвященных. Весьма вероятно, что именно здесь закладывались корни учения о той дружбе к себе, которой подобает жить в каждом из нас. Это — не та мнимая дружба, что заставляет нас любить славу, науку, богатство и тому подобные вещи такой же всеохватывающей и безграничной любовью, какую мы питаем к членам нашего тела; это — и не та расслабленная и неразумная дружба, с которой случается то же, что бывает, как мы наблюдаем, с плющом, портящим и разрушающим обвиваемую им стену; нет, речь идет о дружбе благодетельной и упорядоченной, как полезной, так равно и приятной. Кто знает ее обязанности и исправно их выполняет, тот, поистине, в обиталище муз: он достиг вершин человеческой мудрости и доступного для нас счастья. Зная в точности, в чем его долг пред собой, он находит в списке предъявленных к нему требований, что ему надлежит придерживаться обыкновения, принятого другими людьми и всем миром, и в силу этого — служить обществу, выполняя обязанности, которые оно на него возлагает. Кто в некоторой мере не живет для других, тот совершенно не живет для себя. Qui sibi amicus est, scito hunc amicum omnibus esse**. Главнейшая обязанность каждого — это вести себя подобающим образом; и только благодаря этому мы существуем. Кто забывает о том, что ему следует жить свято и праведно, и думает, что, подталкивая и направляя других, тем самым рассчитывается по лежащему на нем долгу, тот — глупец и тупица; а кто отказывает себе в удовольствии жить здраво и весело и полностью отдается служению на благо другим, тот, по-моему, также избирает себе плохой и противоестественный путь.

Этим я отнюдь не хочу сказать, что, взяв на себя должность, кто-нибудь вправе затем отказывать ей во внимании, заботе, словах и поте и

---

* Судят люди невежественные, и часто их нужно обманывать, чтобы они не заблуждались [11] (*лат.*).

** Знай, что кто друг тебе, тот друг и всем [12] (*лат.*).

крови, если это понадобится:

non ipse pro caris amicis
Aut patria timidus perire *.

Последнее, однако, не правило, а исключение: нужно, чтобы дух был неизменно уравновешенным и спокойным; чтобы он не был бездеятелен, но вместе с тем и не чувствовал гнета и оставался бесстрастным. Обычная деятельность ему нипочем; он деятелен даже у спящего. Но встряхивать его нужно с умом, ибо, в то время как тело ощущает возложенный на него груз в полном соответствии с его действительным весом, дух, нередко в ущерб самому себе, усугубляет и преувеличивает его тяжесть, определяя ее, как ему заблагорассудится. Одно и то же совершается нами с неодинаковыми усилиями и неодинаковым напряжением воли. Прямой связи тут нет. Какое множество людей ежедневно рискуют жизнью, участвуя в войнах, до которых им, в сущности говоря, нет ни малейшего дела, сколь многие бросаются в самую гущу опасностей на полях битв, а случись им понести поражение, они и не подумают спать от этого хоть чуточку хуже. А иной, сидя у себя дома, вдали от всякой опасности, на которую не решился бы даже взглянуть, с бо́льшим нетерпением ожидает исхода войны и переживает ее гораздо сильнее, чем солдат, отдающий ей свою кровь и самую жизнь. Я умел выполнять общественные обязанности, не отдаляясь от себя ни на одну пядь, и отдавать себя на службу другим, ничего не отнимая от самого себя.

Напряженность и неукротимость желаний скорее препятствуют, чем способствуют достижению поставленной цели: они вселяют в нас нетерпение, если события развиваются медленнее, чем мы рассчитывали, и вопреки нашим предположениям, а также недоверие и подозрительность в отношении тех, с кем нам приходится иметь дело. Мы никогда не руководим тем, что безраздельно над нами властвует и само нами руководит;

male cuncta ministrat
Impetus **.

Кто прибегает только к расчету и своей ловкости, тот достигает большего; он притворяется, изворачивается, в зависимости от обстоятельств откладывает и отступает; если он обманулся в своих ожиданиях, это его не огорчает и не волнует; он неизменно готов к новой попытке и неизменно во всеоружии; и он всегда держит себя в узде. Но кто поглощен своим тираническим и неукротимым стремлением, в том неизбежно бывает много безрассудства и несправедливости; неудержимость его желания берет над ним верх и подчиняет его себе; он несется вперед, закусив удила, и если ему не улыбнется удача, плоды его стараний ничтожны. Философия хочет, чтобы, собираясь отмстить за понесенные нами обиды, мы предварительно побороли свой гнев, и не для того, чтобы наша месть была мягче,

---

* Он не боится умереть за дорогих друзей и за родину [13] (*лат.*).
** Страсть всегда плохо руководит делами [14] (*лат.*).

а напротив, для того, чтобы она была лучше нами обдумана и стала тем чувствительней для обидчика; а этому, как представляется философии, неудержимость наших порывов только препятствует. Мало того, что гнев вносит в душу смятение; он, сверх того, сковывает руки карающего. Это пламя их расслабляет, и они делаются бессильными. Во всем, что бы ни взять, festinatio tarda est *, и торопливость сама себе ставит подножку, сама на себя надевает путы и сама себя останавливает. Ipsa se velocitas implicat **. Так, например, для алчности, судя по моим наблюдениям над повседневною жизнью, нет большей помехи, чем сама алчность: чем она беспредельнее и ненасытнее, тем меньшего достигает. И обычно она гораздо быстрее скапливает богатства, когда прикрывается личиною щедрости.

Некий дворянин, весьма порядочный человек и мой добрый знакомый, опасался, что может повредиться в рассудке из-за того, что, занимаясь с чрезмерным вниманием делами одного государя, своего господина, вносил в это излишнюю страстность. А этот его господин сам себя обрисовал следующим образом: он видит значение того или иного события совершенно так же, как всякий другой, но в отношении тех из них, против которых нет средств, он тут же на месте решает, что нужно смириться; в остальном же, отдав необходимые распоряжения, — а он это делает поразительно быстро благодаря живости своего ума, — он спокойно ждет, что затем последует. И действительно, мне приходилось видеть его в такие моменты, когда у него на руках были дела исключительной важности и к тому же весьма щекотливые, но он, тем не менее, сохранял полную невозмутимость и в своих действиях и в своем облике. Я нахожу, что он более велик и более находчив в несчастье, чем при благоприятствовании судьбы: поражения приносят ему больше славы, чем победы, и скорбь — больше, чем торжество.

Заметьте, что даже в таких пустячных и легковесных делах, как игра в шахматы, в мяч и другие, подобные им, всепоглощающее пылкое увлечение, пробуждаемое в нас неукротимым желанием, тотчас приводит в смятение и расстройство и наш разум и наше тело: человек забывает все, даже самого себя. Но в ком ни выигрыш, ни проигрыш не порождают горячки, тот всегда остается самим собой; чем меньше волнений и страсти он вкладывает в игру, тем увереннее и успешнее он играет.

И вообще, перегружая душу множеством впечатлений, мы мешаем ей познавать и запечатлевать в себе познанное. Есть вещи, с которыми ее нужно лишь поверхностно познакомить; с другими — связать; третьи в нее вложить. Она обладает способностью видеть и ощущать все, что угодно, но пищу для себя ей должно черпать только в себе; и она должна быть осведомлена обо всем том, что имеет к ней прямое касательство и что так или иначе является ее достоянием и частицею ее сущ-

---

* Торопливость задерживает [15] (*лат.*).
** Поспешность сама себе препятствует [16] (*лат.*).

ности. Законы природы определяют наши истинные потребности. Мудрецы говорят, что бедняков, если исходить из этих потребностей, нет и не может быть и что всякий, считающий себя таковым, исходит лишь из собственного суждения; основываясь на этом, они весьма тонко подразделяют наши желания на внушенные природой и на те, что внушены нам нашим необузданным воображением; те, конечная цель которых ясна, — от природы; те, которые опережают нас и за которыми нам не угнаться, — от нас. Нищете материальной нетрудно помочь, нищете души — невозможно.

Nam si, quod satis est homini, id satis esse potesset,
Hoc sat erat: nunc, cum hoc non est, qui credimus porro
Divitias ullas animum mi explere potesse *?

Сократ, видя, как торжественно проносят по городу бесчисленные сокровища, драгоценности и богатую домашнюю утварь, воскликнул: «Сколько вещей, которых я совсем не желаю!» [18]. Ежедневный паек Метродора весил двенадцать унций, Эпикура — еще того меньше [19]; Метрокл зимой ночевал вместе с овцами, летом — во дворах храмов [20]. Sufficit ad id natura, quod poscit **.

Клеанф жил трудом своих рук и хвалился, что, если того пожелает, Клеанф сможет прокормить еще одного Клеанфа [22].

Если то, что требуется от нас природой (речь идет лишь о безусловно необходимом и ни о чем большем), — сущий пустяк (сколько же это в действительности и как немного нужно для сохранения нашей жизни, лучше всего может быть доказано следующим соображением: это такой пустяк, что, неприметный судьбе, он ускользает от ее ударов по причине своей ничтожности), то давайте тратить кое-что и сверх этого, давайте назовем природою наши привычки и условия, в которых каждый из нас живет; давайте ограничим себя, будем держаться этого уровня; пусть наше достояние и наше корыстолюбие не переступают этих пределов. В таких границах они, как мне представляется, извинительны. Привычка — вторая природа и равна ей в могуществе. Если я чего-либо лишен, я считаю, что испытываю лишения. И для меня, пожалуй, невелика разница, отнимут ли у меня жизнь или только ограбят и тем самым ухудшат мое положение, к которому я успел за долгие годы привыкнуть.

Я не в том возрасте, когда нам нипочем резкие перемены, и мне не сжиться с новым и неизведанным образом жизни. Даже если он дал бы мне больше свободы и всяких возможностей, у меня нет времени становиться другим, и как любая большая удача, свались она сейчас в мои руки, вызвала бы во мне сожаление, что пришла с опозданием, а не

---

* Если бы то, чего человеку достаточно, удовлетворяло его, он был бы вполне обеспечен; но раз дело обстоит по-иному, как мы можем поверить, что какое-либо богатство способно насытить мои желания [17]? (*лат.*).

** Природа дает достаточно, чтобы удовлетворить природные потребности [21] (*лат.*).

тогда, когда бы я мог насладиться ею по-настоящему,

Quo mihi fortuna si non conceditur uti *,

— так его вызвало бы во мне и любое душевное приобретение. В некотором смысле лучше так и не стать порядочным человеком и не научиться праведно жить, чем постигнуть это тогда, когда жизни уже не осталось. Собираясь уйти из этого мира, я бы с радостью отдал всякому, кто в него только вступает, все то из мудрости, что я накопил, общаясь с людьми. Горчица после обеда. Мне нечего делать с добром, с которым я уже ничего не в состоянии сделать. К чему наука тому, у кого больше нет головы? Предлагать нам подарки, наполняющие нас справедливой досадой, почему они не были предложены нам в свое время, — это не что иное, как издевательство злобной судьбы. Меня больше не нужно поддерживать: я больше не в силах идти. Из достаточно большого количества человеческих свойств нам теперь достаточно лишь одного — терпения. Подарите замечательный тенор певчему, у которого поражены легкие, а красноречие — отшельнику, удалившемуся в пустыни Аравии. Чтобы упасть, не нужно искусства; по завершении всякого дела сам собою приходит конец. Мой мир от меня отдаляется; моя оболочка стала пустой; я полностью в прошлом; мне следует принять это как должное и сообразно с этим убраться отсюда. Я хочу привести следующий пример: недавнее исчезновение десяти дней, исключенных из календаря повелением папы [24], застало меня в таких летах, что я к нему никак не привыкну. Я принадлежу тем годам, когда их считали совсем по-иному. Столь давняя и устойчивая привычка до того в меня въелась, что мне от нее не отделаться. Вследствие этого я принужден быть в некотором отношении еретиком, неспособным воспринять новшество, даже если оно исправляет ошибку; мое воображение, вопреки моим добрым намерениям, неизменно убегает на десять дней вперед или назад, и его воркотня постоянно звучит у меня в ушах. Это преобразование касается только тех, у кого вся жизнь в будущем. И если здоровье, которое для меня так сладостно и заманчиво, навещает меня с перерывами, то оно скорее приносит мне огорчение, чем хорошее самочувствие. Я больше не знаю, куда мне его девать. Время покидает меня, а без него и радость не в радость. До чего же ничтожна в моих глазах ценность тех высоких должностей, которые у нас приняты и которые обычно дают только тем, кто накануне ухода из этого мира, и, давая их, думают не о том, сможет ли такой-то подобающим образом отправлять свою должность, а о том, как долго он будет ее отправлять; с часа ее замещения начинают загадывать, когда же она снова освободится.

Короче говоря, я здесь для того, чтобы покончить с тем человеком, который не кто иной, как я сам, а не для того, чтобы его переделать. Вследствие давней привычки моя оболочка сделалась моей сущностью, а моя судьба — моею природой.

---

* К чему мне удача, если я не могу ею воспользоваться [23] (*лат.*).

Итак, я говорю, что поскольку мы существа слабые, каждому из нас извинительно тянуться к тому, что не превышает названной меры. Ну, а тянуться к находящемуся за ее пределами — чистейшее безумие. Это — самое большее, что мы вправе себе позволить. Чем больше наши потребности и наше имущество, тем больше опасность подставить себя под удары судьбы и подвергнуться всевозможным невзгодам. Область наших желаний должна быть строго очерчена; пределом их должно быть некоторое, весьма незначительное количество жизненных благ, обеспечивающих нам насущно необходимое; эти желания должны к тому же располагаться не по прямой, конец которой был бы где-то вне нас, а по кругу, смыкаясь крайними точками внутри нас и образуя фигуру небольшого размера. Поступки, совершаемые вопреки этому соображению, крайне важному и существенному, как например поступки скупцов, честолюбцев и многих других, которые, сломя голову, бегут вперед и вперед и которых их бег увлекает все дальше и дальше, — поступки порочные и ошибочные.

Большинство наших занятий — лицедейство. Mundus universus exercet histrioniam *. Нужно добросовестно играть свою роль, но при этом не забывать, что это всего-навсего роль, которую нам поручили. Маску и внешний облик нельзя делать сущностью, чужое — своим. Мы не умеем отличать рубашку от кожи. Достаточно посыпать му́кою лицо, не посыпая ею одновременно и сердца. Я знаю людей, которые, получив повышение в должности, тотчас изменяют и преобразуют себя в столь новые обличия и столь новые существа, что становятся важными господами вплоть до печенки и до кишок и продолжают отправлять свою должность, даже сидя на стульчаке. Я не могу их научить отличать поклоны, отвешиваемые их положению, свите, мулу, на котором они восседают, от тех поклонов, что предназначены непосредственно им. Tantum se fortunae permittunt, etiam ut naturam dediscant **. Они чванятся и пыжатся и тщатся вытянуть свою душу и данный им от природы ум до высоты своего служебного кресла. Господин мэр и Мишель Монтень никогда не были одним и тем же лицом, и между ними всегда пролегала отчетливо обозначенная граница. Будучи адвокатом или банкиром, нельзя закрывать глаза и не видеть плутней, которые весьма часто свойственны этим профессиям. Порядочный человек не может отвечать за пороки или нелепости своего ремесла и из-за них не должен его бросать; так принято у него в стране, и он имеет от этого выгоду. Приходится извлекать средства к жизни из окружающего нас мира, приходится добывать из него свое пропитание, каков бы он ни был. Но мысль императора должна витать над подвластной ему империей. Смотря на нее, он должен в ней видеть явление, пребывающее вне его сущности; и должен уметь отличать себя одного от себя другого, беседуя с собою самим, как какой-нибудь Жак с каким-нибудь Пьером.

---

* Весь мир занимается лицедейством [25] (*лат.*).
** Они настолько упоены своим счастьем, что забывают даже природу [26] (*лат.*).

Я не умею увлекаться ни особенно глубоко, ни безраздельно. Когда мои чувства привлекают меня к какой-нибудь партии, это вовсе не означает, что моя привязанность к ней настолько сильна, чтобы захватить также и мой рассудок. В нынешних раздорах, терзающих нашу страну, мои взгляды не затмевают в моих глазах ни похвальных качеств наших противников, ни того, что заслуживает порицания в тех, за кем я последовал. Люди обычно бывают восхищены всем, что находится по их сторону; я же отнюдь не склонен снисходительно относиться к большей части того, что я вижу в избранном мною стане.

Хорошее сочинение не утрачивает для меня присущих ему достоинств и в том случае, если оно нападает на дело, которое я защищаю. Вне существа спора я сохраняю душевное равновесие и полную беспристрастность. Neque extra necessitates belli praecipuum odium gero *, с чем я себя и поздравляю, тем более что обычно, как я постоянно вижу, люди впадают в противоположную крайность. Utatur motu animi qui uti ratione non potest **. Кто выносит свой гнев и свою ненависть за пределы деловых разногласий, — а это свойственно большинству, — тот сам себя обличает в том, что они у него из какого-то другого источника и вызваны какой-то особой причиной; тут все обстоит совсем так же, как у того, кто, излечившись от язвы, не избавился тем не менее от горячки, и это доказывает, что его горячка коренится где-то гораздо глубже. Происходит же это из-за того, что люди, как правило, не питают вражды ко всему делу в целом и им непонятно, что оно затрагивает интересы всех вместе взятых и всего государства, а видят в нем только то, что ущемляет их частные интересы. Вот почему они, вопреки справедливости и общественной целесообразности, так упорно мстят за свои личные обиды. Non tam omnia universi quam ea quae ad quemque pertinent singuli carpebant ***. Я хочу, чтобы победа осталась за нами, но я не безумствую, если выходит иначе. Я крепко держусь за наиболее здравую из существующих у нас партий, но я нисколько не жажду прослыть заклятым врагом всех остальных и в том, в чем разум на их стороне. Я решительно порицаю порочные выводы вроде следующего: он восхищается любезностью герцога Гиза — значит он приверженец Лиги; неутомимость короля Наваррского его поражает — стало быть, он гугенот; он позволил себе осудить нравы нашего короля — значит в душе он мятежник. И я никоим образом не стал бы оправдывать действия наших властей, если бы они осудили целую книгу только из-за того, что среди лучших поэтов нашего века в ней оказался один еретик. Неужели мы не посмеем сказать о ловком грабителе, что у него хорошая хватка?

И неужели распутная женщина всенепременно должна быть уличной девкой?

---

* Я не питаю ненависти сверх той, которую требует от меня война [27] (*лат.*).

** Кто не может следовать велениям разума, тот пусть следует за движениями души [28] (*лат.*).

*** Они не столько нападали на все в совокупности, сколько каждый нападал на то, что имело к нему прямое отношение [29] (*лат.*).

Если адвоката встретили неприязненно, то на следующий день людям начинает казаться, что он утратил свое красноречие. Я уже упоминал в другом месте о рвении, толкавшем вполне честных людей на заблуждения подобного рода. Что до меня, то я всегда умею сказать: вот тут он поступил дурно, а тут замечательно хорошо. Равным образом, люди хотят, чтобы всякий, принадлежащий к их партии, был слеп и глух к зловещим предсказаниям на ее счет и ко всем ее неудачам; они хотят, чтобы наши убеждения и наш разум служили не раскрытию истины, а поддержанию в нас наших надежд. Я склонен скорей к другой крайности, ибо боюсь, как бы эти мои надежды не увлекли меня за собой. К тому же я не вполне себе доверяю, когда мне чего-нибудь очень хочется. Я повидал в свое время немало чудес: я видел совершенно непостижимое и безрассудное легкомыслие целых народов, позволявших себя вести и собою руководить своим избранникам и вождям, которые вселяли в них надежду и веру, как им самим было выгодно и угодно, хотя и громоздили сотни ошибок одну на другую и гнались за мечтами и призраками. И я больше нисколько не дивлюсь тем, кого обольстили обезьяньи ужимки Аполлония Тианского[30] и Магомета. И здравый смысл и разум подавлены в них страстями. Им не остается другого выхода, как устремляться за тем, что им улыбается и подкрепляет в них уверенность в своей правоте. Особенно явственно я это заметил на примере той из наших лихорадящих партий, которая сложилась у нас раньше других[31]. Создавшаяся позднее вторая партия, подражая первой, во многом ее превзошла[32]. Отсюда я делаю вывод, что это неизбежное свойство всех общественных заблуждений. Достаточно кому-нибудь высказаться по тому или иному животрепещущему вопросу, как начинается столкновение взглядов, мятущихся, словно волны морские по воле ветра. Если ты решаешься иметь свое мнение, если не отбиваешь шага вместе со всеми, значит дух товарищества тебе чужд. Но помогать плутням даже тех партий, чье дело правое, означает наносить им ущерб. Я всегда противился этому. Таким способом можно воздействовать лишь на глупые головы; а чтобы поддержать дух людей здравомыслящих и объяснить им причины случившихся неудач, существуют пути не только более честные, но и более верные.

Небу не приходилось видеть другой столь же глубокой распри, как распря между Цезарем и Помпеем; ничего похожего оно не увидит и в будущем. И все же мне кажется, что я обнаруживаю в этих великих душах поразительную терпимость друг к другу. Это было соперничество в борьбе за почет и за первенство, не приведшее их, однако, к яростной и слепой ненависти, соперничество, не прибегавшее к коварству и поношениям. Даже в их наиболее резких выпадах я открываю следы какого-то взаимного уважения и какой-то доброжелательности и прихожу к выводу, что, если бы это было для них достижимо, и тот и другой предпочли бы добиться своего, не обрекая на гибель соперника. А насколько по-другому дела обстояли у Мария с Суллой; примите же и это в расчет.

Нельзя слепо отдаваться своим страстям и нестись сломя голову в погоню за выгодой. Подобно тому как в дни моей молодости я противился своему любовному чувству, если видел, что оно во мне разгорается, и прилагал всяческие старания, чтобы сделать его для себя менее сладостным и чтобы оно не могло меня окончательно подчинить своей власти и превратить в своего покорного пленника, так и теперь, в совершенно несходных случаях, когда мои желания становятся слишком настойчивыми, я пользуюсь тем же самым приемом: если я вижу, что они пропитываются и охмеляются собственным хмелем, я отклоняюсь в сторону, противоположную той, куда они меня увлекают; я избегаю доводить свое удовольствие до такой полноты, чтобы оно меня одолело и я был бы не в силах расстаться с ним, не понеся при этом кровавых потерь.

Души, по своему неразумию видящие вещи только наполовину, извлекают из этого то преимущество, что и неприятные вещи воспринимаются ими не так болезненно, как всеми другими; это духовная скудость, напоминающая в некоторой мере здоровье, и такое здоровье отнюдь не презирается философией. И все же нет ни малейшего основания называть ее мудростью, что тем не менее мы частенько делаем. И в древности некто следующим образом насмеялся над Диогеном, который, пожелав испытать собственное терпение, разделся донага и в самый разгар зимы заключил в объятия снежную бабу. Застав Диогена за этим делом, он обратился к нему с вопросом: «Тебе сейчас очень холодно?» — «Нисколько», — ответил ему Диоген. — «В таком случае, — продолжал его собеседник, — неужели ты полагаешь, что делаешь нечто трудное и исключительное?» [33]. Для того чтобы измерять душевную стойкость, нужно знать, каково истинное страдание.

Но душам, которые воспринимают несчастья и нападки судьбы во всей их глубине и жестокости, которые взвешивают и переживают их соответственно подлинному их весу и подлинной горечи, — этим душам следует направлять все свое умение и способности на то, чтобы устранить причины всех этих невзгод и закрыть для них все и всяческие пути. Как поступил царь Котис? Он щедро заплатил за доставленный ему превосходный и роскошный сосуд, но так как этот сосуд был исключительно хрупким, Котис тут же собственноручно разбил его вдребезги, дабы лишить себя столь вероятного повода для гнева на своих слуг [34]. И я равным образом неизменно стараюсь избегать неясности и запутанности в моих делах и стремлюсь к тому, чтобы мои земли никоим образом не примыкали к владениям моих родственников или тех, с кем меня связывает тесная дружба; ведь такое соседство обычно приводит к ссорам и взаимному неудовольствию. Некогда я любил азартные игры — карты и кости; но уже давно заставил себя от них отказаться, и притом только из-за того, что как бы я ни изображал в случае проигрыша полнейшее равнодушие, все же мне не удавалось отделаться от какой-то беспокоившей меня изнутри занозы. Человеку чести, которому подобает до глубины души чувствовать изобличение в какой бы то ни было лжи и самое что ни на есть ничтожное оскорбление, который не может допустить по отно-

шению к себе глупых шуток, преподносимых ему в утешение и возмещение проигрыша, — такому человеку следует всячески уклоняться от сомнительных дел и никогда не ввязываться в крикливые споры. От мрачных характеров и от сварливых людей я бегу, как от чумы, и не вмешиваюсь в беседу, которую не могу вести бесстрастно и хладнокровно, разве только что меня обязывает к ней мой долг. Melius non incipient, quam desinent *. Итак, лучше всего подготовить себя заранее, не дожидаясь, когда в этом окажется надобность.

Мне хорошо известно, что иные из мудрецов избрали для себя другой путь, что они не страшились ввязываться в жаркие споры на самые разнообразные темы. Эти люди уверены в своих силах, под прикрытием которых могли не бояться, что их противники нанесут им поражение; они противопоставляли несчастьям неодолимость своего терпения:

velut rupes vastum quae prodit in aequor
Obvia ventorum furiis, expostaque ponto,
Vim cunctam atque minas perfert coelique marisque
Ipsa immota manens **.

Не будем гнаться за этими образцами; нам их все равно не нагнать. Эти люди с решимостью и спокойствием в сердце могли взирать на гибель своей родины, которая владела всеми их помыслами и приковывала к себе все их чувства. Для наших обыденных душ это было бы чрезмерным усилием, ибо для этого нужна не наша закалка. Катон оставил нам в назидание память о наиболее благородной жизни, какая когда-либо была прожита. Что до нас, меньших братьев, то нам нужно бежать от грозы, и как можно дальше; нам нужно принимать в расчет нашу чувствительность, а не наше терпение, и нам нужно ускользать от ударов, отразить которые мы не в силах. Зенон, видя, что к нему приближается Хремонид, юноша, которого он любил, чтобы сесть рядом с ним, внезапно поднялся со своего места. Присутствовавший при этом Клеанф спросил у него, по какой причине он это сделал. «Сколько я знаю, — ответил Зенон, — врачи велят не касаться опухолей и вообще предоставлять им полный покой» [37]. Сократ не говорил: «Будьте непоколебимы перед соблазнами красоты, боритесь с нею, старайтесь противиться ей». Но он говорил: «Бегите ее, бегите очей ее и встреч с нею, как могучего яда, который нападает на вас и поражает вас издали» [38]. А его верный ученик и последователь, выдумывая или передавая правду — по-моему, скорее передавая правду, а не выдумывая, — про редкие совершенства Кира Великого, рассказывает, что он не считал себя достаточно сильным, чтобы устоять перед соблазнами божественной красоты знаменитой Панфеи, его пленницы, и поручил навещать ее и заботиться о ней другому лицу, менее свободному в своих действиях, нежели он [39]. Да и святой дух глаголет нам то же

* Им легче не начинать, чем остановиться на полпути [35] (*лат.*).

** Словно утес, выступающий в открытое море навстречу ярости ветров и открытый для волн, выдерживает натиск и угрозы воды и неба, сам оставаясь недвижным [36] (*лат.*).

самое: ne nos inducas in tentationem *. Мы молим не только о том, чтобы наш разум не был повержен в прах и побежден вожделением, мы молим также о том, чтобы он даже не подвергался подобному испытанию, о том, чтобы мы не дошли до столь жалкого состояния, когда нам только и оставалось бы, что претерпевать натиск, уговоры и искус греха; и мы молим господа, чтобы совесть наша пребывала в спокойствии и была полностью и навсегда ограждена от соприкосновения со злом. Те, кто оправдывают свою мстительность или какую-нибудь другую дурную страсть, часто правдиво изображают положение дел, каково оно есть, но не каким оно было. Они говорят нам об этом тогда, когда причины их заблуждений ими облагорожены и возвеличены, но отойдем немного назад, вспомним, как выглядели эти причины в своем изначальном виде, и мы поймаем этих людей с поличным. Неужто они хотят, чтобы их проступок казался меньшим, потому что совершен ими давно, и чтобы неправедно начатое имело праведные последствия?

Кто желает своей родине блага так же, как я, то есть без того, чтобы предаваться скорби о ней и худеть от этого, тот будет огорчен, но не станет отчаиваться, видя, что ей грозит гибель или существование, равнозначное гибели. Несчастный корабль: его стремятся подчинить своей власти — и с такими несхожими целями — волны, ветры и кормчий;

in tam diversa magister
Ventus et unda trahunt [41].

Кто не алчет милостей государевых, как вещи, без которой не может прожить, того не слишком заденет ни холодность оказанного королями приема, ни холодное выражение их лиц, ни шаткость их благосклонности. Кто не дрожит, как наседка, над своими детьми или своими почестями и не находится у них в рабстве, тот не перестанет жить в свое удовольствие и после того, как их потеряет. Кто творит добро главным образом с тем, чтобы доставить себе удовлетворение, тот не изменит своего образа действий, видя, что люди не ценят его поступков. Чтобы справиться с подобными неприятностями, достаточно запастись каплей терпения. Этот рецепт приносит мне огромную пользу; я сразу выкупаю себя из рабства, и притом по исключительно дешевой цене, и тем самым избавляюсь от множества трудностей и хлопот. Затрачивая крайне незначительные усилия, я пресекаю еще в зародыше возникающие во мне душевные переживания и ухожу от того, что начинает меня тяготить, прежде чем этот гнет станет по-настоящему обременительным. Кто не отменяет отплытия, тому уже не отменить плаванья. Кто не умеет захлопнуть дверь перед своими бурными чувствами, тот не изгонит их, когда они вторгнутся внутрь. У кого нейдет дело с началом, у того оно не пойдет и с концом. Кто не смог помешать их зарождению, тот не сможет помешать им и обрушиться на него. Etenim ipsae se impellunt ubi semel a ratione discessum est; ipsaque sibi imbe-

* И не введи нас во искушение [40] (*лат.*).

cillitas indulget in altumque provehitur imprudens nec reperit locum consistendi *. По временам я ощущаю в себе какие-то легкие дуновения, с шелестом овевающие меня изнутри; эти дуновения — предвестники бури: animus, muilo antequam opprimatur, quatitur **.

...ceu flamina prima
Cum deprensa fremunt silvis, et caeca volutant
Murmura, venturos nautis prodentia ventos ***.

Сколько раз я совершал в отношении себя явную несправедливость, лишь бы избегнуть опасности узнать еще худшую со стороны судей, и к тому же после целого века нудной возни и гнусных и отвратительных происков, которые для меня хуже костра и пытки. Convenit a litibus quantum licet, et nescio an paulo plus etiam quam licet, abhorrentem esse. Est enim non modo liberale, paululum nonnumquam de suo iure decedere, sed interdum etiam fructuosum ****. Если бы мы были и вправду мудрыми, то, потерпев неудачу в суде, мы бы ликовали и хвастали, подобно тому ребенку, которого я как-то видел в одном знатном доме и который с прелестною непосредственностью сообщал всем и каждому, что у его мамы нет больше тяжбы, потому что она ее проиграла; и он сообщал об этом с таким восторгом, точно у нее нет больше кашля, горячки или чего-нибудь другого, столь же неприятного. Следуя велениям моей совести, я всегда пренебрегаю теми милостями, которыми могла бы меня осыпать судьба, одарившая меня родством и знакомствами с лицами, располагающими высшей властью в делах этого рода; и я упорно отказывался употребить их влияние в ущерб кому-либо другому и, опираясь на них, придавать моим правам силу большую, чем предусмотрено законом. Короче говоря, всю жизнь я вел себя таким образом, — да будет это сказано в добрый час, — что и поныне остаюсь совершеннейшим девственником по части судебных процессов, хотя у меня было немало поводов к их возбуждению и я мог бы, если бы того пожелал, сделать это с достаточным основанием, и таким же девственником я остаюсь и по части распрей и ссор. Итак, не нанося и не испытывая сколько-нибудь значительных оскорблений, я прожил довольно долгую жизнь и ни разу не слышал, чтобы, обращаясь ко мне, меня называли каким-нибудь ругательным словом, а не по имени. Редкое благоволение неба!

Причины и пружины наших даже самых жестоких волнений смехотворно ничтожны. Сколько бедствий навлек на себя наш последний герцог Бургундский [46] вследствие ссоры из-за тележки с овчинами! А разве

* Ведь страсти сами себя возбуждают, лишь только перестаешь следовать разуму; слабость снисходит к самой себе и, неразумная, идет все дальше и дальше и больше не в силах остановиться [42] (*лат.*).

** Душа, прежде чем поддаться страстям, содрогается [43] (*лат.*).

*** Когда первые дуновения ветра начинают шуметь в лесах и повсюду носятся неясные шумы, возвещающие морякам, что идет буря [44] (*лат.*).

**** Нужно сделать все возможное и, больше того, невозможное, чтобы избежать тяжбы. Ведь не только красиво и благородно, но порой и выгодно поступиться ради этого кое-каким из своих прав [45] (*лат.*).

изготовление какой-то печатки не было первейшей и главнейшей причиной наиболее страшного потрясения, какое когда-либо постигало нашу землю? Ибо Помпей и Цезарь — всего-навсего ростки и отпрыски своих двух предшественников [47]. И в свое время я видел, как мудрейшие умы нашего королевства были собраны на совет, обставленный пышными церемониями и сопряженный с тратою государственных средств, якобы для заключения союзов и договоров, в действительности зависевших только от решения всесильной дамской гостиной и прихотей какой-нибудь досужей бабенки. Поэты хорошо это поняли и из-за одного яблока ввергли Грецию вместе с Азией в море огня и крови [48]. Поглядите, из-за какого вздора такой-то вверяет свою честь и самую жизнь своей шпаге или кинжалу; пусть он поведает вам, что повело к этой ссоре; ему не сделать этого, не покрывшись краской стыда, до того все это выеденного яйца не стоит.

Не велика хитрость взойти на корабль, но раз уж взошел на него, смотри в оба! Тут уж приходится думать о множестве различных вещей, а это потруднее и посложнее. Разве не много проще совсем не входить, чем войти, чтобы выйти? Словом, никоим образом не следует подражать тростнику, который поначалу выбрасывает прямой длинный стебель, но затем, как бы устав и выдохшись, начинает завязывать частые и плотные узелки, точно делает в этих местах передышки, свидетельствующие о том, что у него не осталось ни былого упорства, ни былой силы. Гораздо правильнее начинать спокойно и хладнокровно, сберегая свое дыхание и свой порыв для преодоления возможных препятствий и для завершения начатого. Приступив к нашим делам, мы на первых порах управляем ими и держим их в своей воле, но позднее, когда они уже сдвинуты с места, они управляют нами и тащат нас за собой, так что нам только и остается, что идти следом.

Означает ли это, что я утверждаю, будто мои житейские правила неизменно избавляли меня от всех и всяческих затруднений и я с легкостью одергивал и обуздывал свои страсти? Не всегда эти страсти соразмерны с вызвавшими их обстоятельствами и уже при своем пробуждении нередко бывают жестокими и неистовыми. И все же мои правила сберегают немало сил и приносят плоды и бесполезны лишь тем, кто, творя добро, не довольствуется никакими плодами, если его имя не снискивает славы. Впрочем, по правде говоря, выгоды, приносимые этими правилами, каждый подсчитывает на свой лад. Вы достигнете большего, хоть это и доставит вам меньшую славу, если основательно поразмыслите, прежде чем уясните себе сущность дела и пуститесь во все тяжкие. Во всяком случае, не только в этом одном, но и во всех возлагаемых на нас жизнью обязанностях путь тех, кто домогается почестей, значительно отличается от пути, которого держатся равняющиеся на порядок и разум.

Я сплошь да рядом вижу людей, которые рьяно, но нерасчетливо устремляются вперед на ристалище и вскоре замедляют свой бег. Плутарх говорит, что кто по застенчивости или из ложного стыда чрезмерно податлив и с легкостью обещает все, о чем его ни попросят, тот с такою же легкостью нарушает слово и от него отказывается; равным образом, кто

легко ввязывается в ссору, непрочь так же легко пойти и на мировую [49], тогда как твердость, препятствующая мне затевать ссоры, должна побуждать меня упорствовать в них, коль скоро я буду выведен из равновесия и распалюсь гневом. То, о чем упоминает Плутарх, — дурное обыкновение: пустившись в путь, нужно идти до последнего вздоха. «Начинайте с прохладцей, — говорит Биант, — продолжайте с горячностью» [50]. Нерассудительность приводит к нестойкости, а она еще несноснее.

В большинстве случаев наши примирения после ссоры бывают лживыми и постыдными; мы стремимся только к соблюдению внешней благопристойности и вместе с тем отрекаемся от наших истинных побуждений и совершаем по отношению к ним предательство. Мы приукрашиваем действительность. Мы очень хорошо знаем, что́ именно мы сказали и в каком смысле сказали, и это так же хорошо знают и присутствовавшие и наши друзья, перед которыми мы хотим выказать свое превосходство. Поступаясь нашей искренностью и честью нашего мужества, мы отрекаемся от своих мыслей и ищем в искажении истины лазейку, лишь бы, несмотря ни на что, помириться. Мы сами изобличаем себя во лжи, чтобы извинить изобличения такого же рода, которые исходили от нас самих. Негоже доискиваться, нельзя ли как-нибудь по-иному истолковать наши поступки или наши слова; нужно твердо держаться своего собственного толкования свершенного нами и держаться его, чего бы это ни стоило. Речь идет о нашей порядочности и нашей совести, а это вещи, не терпящие личины. Предоставим же такие низменные уловки и отговорки ябедам и крючкотворам из Дворца Правосудия. Извинения и объяснения, на которые, как я ежедневно вижу, никто не скупится, чтобы загладить ту или иную неловкость, кажутся мне хуже самой неловкости. Было бы лучше нанести врагу еще одно оскорбление, чем наносить его себе самому, налагая на себя подобное наказание. Вы задели своего противника в пылу гнева, а подольщаетесь к нему и успокаиваете его хладнокровно и обдуманно; вот и получается, что вы отступаете за черту, которую преступили. Я не знаю слов столь же предосудительных для дворянина, как слова, в которых он отказывается от своих прежних слов, когда это — отказ, вырванный у него принуждением; и они, по-моему, тем больше должны вгонять его в стыд, что упрямство ему простительнее, чем малодушие.

Мне настолько же легко избегать страстей, как трудно их умерять. Abscinduntur facilius animo quam temperantur *. Кто не в силах возвыситься до благородной бесстрастности стоиков, пусть ищет спасения в присущей мне низменной черствости. Чего те достигали с помощью добродетели, того я стараюсь достичь, опираясь на свойства моего характера. Область, лежащая посередине, — средоточие бурь; обе крайние — философов и деревенского люда — могут между собой поспорить, какая из них спокойнее и счастливее:

Felix qui potuit rerum cognoscere causas,
Atque metus omnes et inexorabile fatum

---

* Их легче вырвать из души, чем умерить [51] (*лат.*).

Subiecit pedibus, strepitumque Acherontis avari.
Fortunatus et ille deos qui novit agrestes,
Panaque, Silvanumque senem, Nymphasque sorores *.

Все на свете рождается слабым и нежным. Тем не менее с самого начала следует глядеть в оба, ибо подобно тому как вследствие незначительности какого-нибудь явления мы не находим в нем ни малейшей опасности, точно так же, когда оно наберет силы, мы не найдем против него средства. Дав волю своему честолюбию, я бы наткнулся на миллионы препон, и справляться с ними мне бы всякий день стоило гораздо больше труда, нежели затраченный мною на обуздание этой естественной склонности, которая ставила бы меня перед такими препонами:

iure perhorrui
Late conspicuum tollere verticem **.

Всякая деятельность на общественном поприще подвергается крайне противоречивому и произвольному истолкованию, потому что о ней судит слишком много голов. Некоторые считают, что, пребывая в должности мэра (я рад сказать несколько слов и об этом, и не потому, что речь пойдет о чем-то заслуживающем внимания, а потому, что они помогут полнее обрисовать, как я веду себя в подобных делах), так вот, некоторые считают, что, пребывая в названной должности, я показал себя человеком, который с трудом раскачивается и у которого холодное сердце; и они, возможно, не так уж далеки от истины. Я всегда стараюсь хранить спокойствие и в душе и в мыслях. Cum semper natura, tum etiam aetate iam quietus ***. И если под воздействием какого-нибудь неожиданного и сильного впечатления они все же иногда распускаются и безобразничают, то, по правде говоря, это у меня получается не намеренно. Такая врожденная вялость не может, однако, служить доказательством умственной немощности (ведь нерадивость и неразумие — вещи, конечно, разные) и еще меньше — бесчувственности и неблагодарности по отношению к жителям нашего города, которые сделали все, что только было в их силах, дабы почтить меня этим высоким постом, и тогда, когда я был им совсем не известен, и позже, переизбрав меня на второй срок, сделали для меня еще больше, чем когда избрали впервые. Я желаю им всего самого наилучшего, и будь в этом настоятельная нужда, я бы, разумеется, ничего не пожалел, служа им. За них я тревожился не меньше, чем за самого себя. Это славный народ, воинственный и благородный, готовый, однако, к повиновению и дисциплине и способный совершить много хорошего, если им соответствующим образом руководят. Говорят и о том, что

---

* Счастлив, кто мог познать причины вещей и пренебречь всевозможными страхами и неумолимой судьбой и рокотом жадного Ахерона; счастлив и тот, кто знает сельских богов, и Пана, и старца Сильвана, и сестер Нимф [52] (*лат.*).

** Я с достаточным основанием опасаюсь поднимать голову и обращать на себя внимание [53] (*лат.*).

*** Всегда спокойный по природе, а теперь и вследствие моего возраста [54] (*лат.*).

мое пребывание в должности мэра не отмечено ничем сколько-нибудь значительным и не оставило заметных следов. Ну что ж, это неплохо; меня обвиняют в бездеятельности в такое время, когда почти все одержимы зудом делать чересчур много.

Если мне что-нибудь по сердцу, я горячо берусь за это. Но такое напряжение не в ладу с постоянством. Кто хочет меня использовать соответственно моим склонностям, пусть поручит дела, требующие силы характера и свободолюбия, такие дела, которые можно выполнить, идя прямою дорогой, и за короткий срок: тут я кое-что смогу сделать; но если дело предстоит затяжное, щепетильное, хлопотливое, для которого обязательны ловкость и изворотливость, и к тому же запутанное, то этот человек поступит гораздо правильнее, обратившись к кому-либо другому.

Всякая крупная должность не так уж трудна. Я готов был бы работать несколько напряженнее, если бы в этом была действительная необходимость. Ибо в моих возможностях сделать кое-что сверх того, что я делаю и чего не люблю делать. Насколько мне известно, я не упустил ничего такого, что, по моему разумению, составляло мой долг. Я забывал совершать лишь те поступки, которые честолюбие примешивает к нашему долгу и прикрывает его именем. Обычно это то, что дает пищу глазам и ушам и нравится людям, привлекая их не самой сущностью, а внешностью. Если до них не доносится шум, им кажется, что тут сонное царство. Мои склонности противоположны склонностям любителей шума. Я предпочел бы пресечь волнение, не волнуясь, и покарать беспорядки, не впадая в тревогу. Если мне нужно выказать гнев и горячность, я прибегаю к притворству, надевая на себя маску. Характер у меня вялый, и я скорее равнодушен, чем черств. Я не обвиняю высших должностных лиц, дремлющих на своих постах, если дремлют также и их подчиненные; да что там — дремлют и сами законы. Что до меня, то я поклонник жизни как бы скользящей, малоприметной, немой, neque summissam et abiectam, neque se efferentem *. Так хочет моя судьба. Я происхожу из рода, который струился из поколения в поколение без блеска и без треволнений и испокон века горд главным образом своею порядочностью.

Мои соотечественники до того тщеславны и суетливы, что даже не замечают таких неярких и не бросающихся в глаза человеческих качеств, как доброта, умеренность, уравновешенность, постоянство и другие тому подобные. Шероховатые предметы мы хорошо ощущаем, а вот что касается гладких, то, прикасаясь к ним, мы их, можно сказать, не чувствуем; болезнь также ощущается нами, а здоровье или вовсе или почти вовсе не ощущается; и так со всем, что елеем нас поливает, в отличие от того, что за горло хватает. Выносить на площадь исполнение дела, которое можно выполнить в канцелярии, совершить его в полдень на ярком свету, хотя оно могло быть выполнено предыдущею ночью, ревниво стремиться делать все самолично, хотя сослуживец может сделать то же самое нисколько не хуже, означает действовать ради собственной славы и личных выгод, а не

---

* Не подчиненной и не низменной, но и не бросающейся в глаза [55] (*лат.*).

ради общего блага. Так, например, поступали греческие хирурги, производившие операции на помостах, на глазах у прохожих, дабы увеличить приток пациентов и свою выручку [56]. Иные люди считают, что разумные распоряжения могут быть поняты только под звуки фанфар.

Честолюбие — порок не для мелких людишек и не для усилий такого размаха, как наши. Александру говорили: ваш отец оставит вам могущественную державу, благоденствующую и мирную. Но этот мальчик завидовал победам своего отца и справедливости его управления. Он не пожелал бы властвовать и надо всем миром, достанься ему такое владычество спокойно и без войны [57]. Алкивиад у Платона — молодой, красивый, богатый, знатный, превосходный ученый — предпочитает умереть, чем остановиться на том, что у него есть [58]. Эта болезнь, пожалуй, простительна душе столь сильной и столь одаренной. Но когда жалкие, карликовые душонки пыжатся и лопаются от спеси и думают, что, решив правильно какое-нибудь судебное дело или поддерживая порядок среди стражников у каких-нибудь ворот города, они покрывают славою свое имя, то чем выше они надеются на этом основании задрать голову, тем больше выставляют напоказ свою задницу. Эти малые подвиги лишены плоти и жизни; рассказ о них замрет на первых устах и не уйдет дальше перекрестка двух улиц. Поговорите об этом, не стесняясь, с вашим сыном и вашим слугой, как тот древний, который, за неимением иного слушателя своей похвальбы, чванился перед служанкой, восклицая: «О Перетта, до чего же у тебя доблестный и умелый хозяин!» [59]. На худой конец поговорите о том же с самим собой, как один мой знакомый советник, который, излившись целым морем параграфов своей речи, бесконечно тягучей и столь же бездарной, удалился в отхожее место Дворца Правосудия и там, как слышали, в здравом уме и полной памяти бормотал: Non nobis, domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam *. Кто не может сделать иначе, тот пусть сам себе платит из своего же кошелька. Слава не покупается по дешевке. Деяния редкостные и образцовые, которые ею по справедливости вознаграждаются, не потерпели бы общества бесчисленной толпы мелочных повседневных дел и делишек. Мрамор вознесет ваши заслуги, если вы починили кусок городской стены или расчистили общественную канаву, на такую высоту, на какую вам будет угодно, но здравомыслящие люди не сделают этого. Молва не следует по пятам за всяким хорошим поступком, если с ним не сопряжены трудности и он не выделяется своей исключительностью. Даже простого уважения, по мнению стоиков, заслуживают далеко не все добросовестные поступки, и они не хотят, чтобы одобрительно отзывались о человеке, который, соблюдая воздержанность, отказывается от старой распутницы с гноящимися глазами [61]. Люди, хорошо знавшие, какими блестящими качествами отличался Сципион Африканский, отнимают у него похвалы, расточаемые ему Панэцием за то, что он не принимал подношений, так как похвалы этого рода относятся не столько к нему, сколько ко всему его веку [62].

* Не нам, господи, не нам, но имени твоему дай славу [60] (*лат.*).

Наши наслаждения под стать нашей судьбе; так давайте же не будем зариться на чужие, на те, что подобают величию. Наши для нас естественнее, и чем они низменнее, тем они основательнее и надежнее. Раз мы не можем отказаться от честолюбия по велению совести, давайте откажемся от него хотя бы из честолюбия. Давайте презрим эту жажду почета и славы, низменную, заставляющую нас выпрашивать их у людей всякого сорта, — Quae est ista laus quae possit e macello peti? * — прибегая к способам мерзким и отвратительным и платя за них любой ценой. Пребывать в подобной чести — бесчестие. Давайте научимся жаждать не большей славы, чем та, что для нас достижима. Раздуваться от восхищения собою самим после всякого полезного, но ничем не выдающегося поступка пристало лишь тем, для кого и такой поступок — нечто редкое и необычное и которые норовят получить за него цену, в какую он им самим обошелся. И чем больше шума поднимают вокруг того или иного хорошего дела, тем меньшего оно стоит в моих глазах, так как во мне рождается подозрение, что оно совершено скорее ради того, чтобы вокруг него поднялся шум, чем из-за того, что оно хорошее: выставленное напоказ, оно уже наполовину оплачено. Но поступки, которые, выскользнув из рук того, кто их совершает как бы совсем невзначай и безо всякой шумихи, будут впоследствии выделены каким-нибудь порядочным человеком и, извлеченные им из тьмы, выставлены на свет единственно по причине своих достоинств, — такие поступки гораздо чище и привлекательнее: Mihi quidem laudabiliora videntur omnia, quae sine venditatione et sine populo teste fiunt **, говорит самый прославленный человек на свете [65].

От меня требовалось лишь сохранять и поддерживать, а это — дела довольно незначительные и незаметные. Вводить новшества — в этом, действительно, много настоящего блеска, но отваживаться на них — вещь в наши дни совершенно запретная; ведь они и без того одолевают нас со всех сторон, и нам только и остается, что защищаться от них. Воздерживаться от действий — подчас столь же благородно, как действовать, но такое поведение менее на виду; и то немногое, чего я и вправду стою, я стою только благодаря заслугам по этой части. Короче говоря, события, имевшие место во время моего пребывания в должности, соответствовали моему складу характера, и за это я им приношу превеликую благодарность. Существует ли кто-нибудь, страстно желающий заболеть, чтобы доставить своему врачу практику, и не заслуживает ли порки врач, который страстно желал бы нашествия на нас моровой язвы, чтобы пустить в ход свое лекарское искусство? Я никогда не склонялся к такой недозволительной, но тем не менее постоянно встречающейся игре воображения, как, например, страстно желать, чтобы разразившаяся в нашем городе смута и неурядицы в городских делах возвеличили и прославили мое управление ими: я от всей души и изо всех сил пекся о том, чтобы они

* Чего стоит слава, которая может быть приобретена на рынке? [63] (*лат.*).

** Мне представляется более похвальным все то, что совершается без хвастовства и не на глазах у народа [64] (*лат.*).

процветали и ничто не могло замутить спокойное их течение. Кто не захочет воздать мне благодарность за порядок, за благословенное и ничем не нарушаемое спокойствие, царившее при мне в городе, тот все же не сможет лишить меня причитающейся мне в этом доли, которая зовется моим везением. И я уж так сотворен, что мне столько же по душе быть счастливым, как мудрым, и столько же — быть обязанным всеми своими успехами только милости божьей, как своему собственному вмешательству в них. Я достаточно красноречиво расписал людям мою неспособность к руководству общественными делами. Но во мне есть и нечто худшее, чем эта моя неспособность, и это худшее — то, что она меня вовсе не огорчает и я вовсе не жажду от нее исцелиться, принимая во внимание образ жизни, к которому я себя предназначил. Я нисколько не удовлетворен своей деятельностью, но я добился, по крайней мере, того, что сам себе обещал, и намного превзошел свои обещания тем, кому я был обязан служить, ибо в моих правилах обещать несколько меньше, чем я могу и надеюсь исполнить. Я убежден, что никого не обидел и не оставил по себе ненависти. Ну, а оставить по себе сожаления и пылкие чувства, этого я — могу сказать с полной ответственностью — никогда и не жаждал:

mene huic confidere monstro,
Mene salis placidi vultum fluctusque quietos
Ignorare? *

Глава XI
О ХРОМЫХ

Года два или три тому назад во Франции календарный год сократили на десять дней. Сколько перемен должно было последовать за этой реформой! Казалось, и земля и небо должны были бы перевернуться. Однако же ничто со своего места не сдвинулось; для моих соседей время посева и жатвы, время, подходящее для их дел, счастливые и несчастливые дни — все это падает как раз на те сроки, которые были от века установлены. Как ошибка в календаре нами не ощущалась, так не ощущается и исправление: ведь все кругом так недостоверно, а способность наша замечать то или иное так несовершенна, так слаба, так притуплена. Говорят, что это исправление можно было произвести гораздо менее хлопотным способом, отменив на протяжении ряда лет добавочные дни висо-

* Мне ли верить в подобное чудо? Мне ли не знать, что таится за гладкой поверхностью моря и обликом спокойно катящихся волн? [66] (*лат.*).

косных годов, всегда связанные с неудобством и неурядицей, до той поры, пока вся эта задолженность не будет погашена (что введенным сейчас исправлением достигнуто не было, так что мы и теперь на несколько дней отстаем). Тот же способ оказался бы весьма действенным и на будущее время, если было бы установлено, что по прошествии стольких-то лет добавочный день отменяется: тогда наша ошибка ни при каких обстоятельствах не превышала бы одних суток. У нас нет иного исчисления времени, как по годам. Весь мир употребляет этот способ уже много веков, и тем не менее он еще не окончательно упорядочен прежде всего потому, что мы постоянно пребываем в неведении — какую форму придали ему на свой лад другие народы и как они им пользуются. А может быть, как утверждают некоторые, светила небесные, старея, опускаются ниже к нашей земле и повергают нас в сомнения насчет длительности дней и годов? А насчет месяцев еще Плутарх говорил, что наука о звездах в его время не могла точно определить движение луны[1]. Как удобно нам при таких условиях вести летопись минувших событий и дел!

В данном случае я, как это со мной часто бывает, размышлял о том, какое прихотливое и неосновательное орудие — человеческий разум. Мне постоянно приходится наблюдать, что когда людей знакомишь с чем-либо, они задумываются не над тем, насколько это само по себе верно, а забавляются отыскиванием его основы: они пренебрегают вещами и увлекаются рассуждениями о причинах. Забавные рассуждения! Подлинное понятие о причинах может иметь лишь тот, кто направляет движение всех вещей, а не мы, которым дано лишь испытывать то или иное, которым дано лишь пользоваться вещами по мере надобности, не проникая в их происхождение и сущность. Тем, кому известны главнейшие свойства того или иного вина, оно не становится вкуснее. Напротив: наши тело и дух нарушают и ослабляют данное им право пользоваться миром вещей, когда присовокупляют сюда еще свои мнения и рассуждения. Определять и знать — дело правящего и господствующего; низшим, подчиненным, научающимся дано лишь принимать и пользоваться. Но возвратимся к вопросу о том, что нам привычно. Люди отмахиваются от явлений как таковых и принимаются дотошно исследовать их причины и следствия. Обычно они начинают так: «Как это происходит?». А надлежало бы выяснить: «Да происходит ли это на самом деле?». Ум наш способен вообразить сотни других миров, изыскать их начала и способ их устройства. Для этого не требуется никакого вещества, никакой основы. Пусть воображение действует: на зыбком основании оно строит так же искусно, как на твердой почве, из ничего — так же ловко, как из подлинно сущего,

dare pondus idonea fumo *.

Я полагаю, что почти на всякий вопрос надо отвечать: не знаю. И я бы часто прибегал к такому ответу, да не решаюсь: тотчас же подымается крик, что так отвечают лишь по слабости ума и невежеству. И мне прихо-

---

* Способное придать тяжесть дыму[2] (*лат.*).

дится обычно заниматься болтовней вместе со всеми, рассуждать о всяких пустяках, в которые я нисколько не верю. К этому следует добавить, что действительно трудно просто-напросто отрицать то, что считается фактом, если не хочешь прослыть записным спорщиком. А ведь немногие люди, особенно когда речь идет о вещах, убедить в которых трудно, не станут утверждать, что они сами это видели, или же ссылаться на таких свидетелей, чей авторитет заставляет умолкнуть возражающего. Ведя себя таким образом, мы якобы знаем основы и причины вещей, никогда не существовавших. Так и спорит весь мир по поводу тысячи вещей, коих все за и против одинаково ложны. Ita finitima sunt falsa veris, ut in praecipitem locum non debeat se sapiens committere *. Истина и ложь сходны обличием, осанкой, вкусом и повадками: мы смотрим на них одними и теми же глазами. Я нахожу, что мы не только малодушно поддаемся обману, но и сами стремимся и жаждем попасть в его сети. Мы очень охотно даем себя опутать тщеславию, столь свойственному нашей природе.

За свою жизнь я неоднократно видел, как рождались чудеса. Даже в том случае, если они, едва успев родиться, снова превращаются в ничто, мы имеем возможность предугадывать, что получилось бы, если бы они выжили. Ибо нужно лишь ухватиться за свободный конец нити, и тогда размотаешь, сколько понадобится. Между ничем и ничтожнейшей из существующих в мире вещей расстояние большее, чем между этой ничтожнейшей и величайшей. Так вот, те, кто первыми прослышали о некоем удивительном явлении и начинают повсюду трезвонить о нем, отлично чувствуют, встречая недоверие, где в их утверждениях слабое место, и всячески стараются заделать прореху, приводя ложные свидетельства. Кроме того, insita hominibus libidine alendi de industria rumores **, мы, естественно, считаем долгом совести вернуть то, что нам ссудили, без каких-либо изъятий, а также и не без добавлений со своей стороны. Сперво-начала чье-то личное заблуждение становится общим, а затем уж общее заблуждение становится личным. Вот и растет эта постройка, к которой каждый прикладывает руку так, что самый дальний свидетель события оказывается осведомленным лучше, чем непосредственный, а последний человек, узнавший о нем, — гораздо более убежденным, чем первый. Все это происходит самым естественным образом, ибо каждый, кто во что-то поверил, считает актом великодушия убедить в том же другого человека и ради этого, не смущаясь, добавляет кое-что собственного сочинения, если, по его мнению, это необходимо, чтобы во всеоружии встретить сопротивление другого и справиться с непониманием, которое тому, по ему мнению, свойственно.

Даже я сам, считающий долгом совести не лгать и не очень заботящийся о том, чтобы придавать особый вес и авторитет своим словам, замечаю, однако же, когда о чем-либо рассказываю, что достаточно мне

---

* Ложное до того близко соседствует с истиной, что мудрец должен остерегаться столь опасной близости [3] (*лат.*).

** Из-за свойственной людям страсти умышленно распространять слухи [4] (*лат.*).

распалиться от возражений или даже от своего собственного увлечения рассказом, — и я начинаю украшать и раздувать то, о чем у меня идет речь, повышая голос, жестикулируя, употребляя сильные и впечатляющие выражения и даже кое-что преувеличивая и добавляя, не без ущерба для первоначальной истины. Но делаю я это, соблюдая все же одно условие: первому, кто меня отрезвит и потребует лишь голой и чистой правды, я, презрев все свои усилия, скажу ее без малейших преувеличений, без каких-либо украшений велеречивости. Речь моя, обычно очень живая и громкая, охотно впадает в гиперболы.

Люди обычно ни к чему так не стремятся, как к тому, чтобы возможно шире распространить свои убеждения. Там, где нам это не удается обычным способом, мы присовокупляем приказ, силу, железо, огонь. Беда в том, что лучшим доказательством истины мы склонны считать численность тех, кто в нее уверовал, огромную толпу, в которой безумцы до такой степени превышают — количественно — умных людей. Quasi vero quicquam sit tam valde, quam nil sapere vulgare *.

Sanitatis patrocinium est, insanientium turba **. Трудное дело — сохранить в неприкосновенности свое суждение, когда общепринятые взгляды оказывают такое давление на него. Сперва предмет разговора убеждает простаков, после них убежденность, поддержанная численностью уверовавших и древностью свидетельств, распространяется и на людей весьма умных. Я же лично если в чем-либо не поверю одному, то и сто одного не удостою веры и не стану также судить о воззрениях на основании их древности.

Недавно один из наших принцев, которого подагра лишила приятной наружности и веселого расположения духа, прослышал о чудесах некоего священника, словами и движениями рук исцелявшего все болезни, и дал себя убедить настолько, что предпринял дальнее путешествие, чтобы до него добраться. Силой воображения он так воздействовал на свои ноги, что на несколько часов боль утихла, и они стали служить ему, как давно уже не служили. Произойди то же самое еще пять или шесть раз, и все признали бы, что чудо это стало несомненным фактом. Впоследствии чудотворец оказался таким простаком, а действия его столь безыскусственными, что он был признан недостойным какой-либо кары. Так поступали бы при подобных обстоятельствах в большинстве случаев, если бы проникали в самую их сущность. Miramur ex intervallo fallentia ***. Часто взгляду нашему предстают издали удивительные образы, которые исчезают, едва к ним приблизишься. Nunquam ad liquidum fama perducitur ****.

Диву даешься, как незначительны основания и легковесны причины, производящие столь глубокое впечатление. Именно потому и трудно отдать себе в них отчет. Ибо, ища причин и следствий, достаточно существенных и весомых для столь важного дела, теряешь из виду его действи-

* Словно есть что-то несомненнее, чем невежество толпы [5] (*лат.*).
** Благоразумию должно руководить, ибо неразумных — толпы [6] (*лат.*).
*** Смотря на обманчивую вещь издали, мы часто восхищаемся ею [7] (*лат.*).
**** Слава никогда не склоняется к бесспорному [8] (*лат.*).

тельные причины и следствия: они кажутся слишком ничтожными. И, по правде сказать, для подобных изысканий необходим исследователь крайне осторожный, внимательный и тонкий, беспристрастный и незаинтересованный. До настоящего времени всякие чудеса и сверхъестественные явления для меня оставались скрытыми. На этом свете я не видел чудища более диковинного, чем я сам. К любой странности привыкаешь со временем и благодаря постоянному с ней общению; но чем больше я сам с собою общаюсь и себя познаю, тем больше изумляюсь своей диковинности, тем меньше разбираюсь в том, что же я, собственно, такое.

Право порождать и производить всякого рода необычайные явления принадлежит случаю. Оказавшись позавчера в одной деревне в двух лье от моего имения, я обнаружил, что ее жители все еще взбудоражены чудом, которое здесь недавно произошло и уже в течение нескольких месяцев волнует всю округу и молва о котором доходит до соседних провинций, откуда начинают стекаться сюда многочисленные толпы людей всякого состояния и положения. Один молодой человек из местных однажды ночью у себя дома стал забавляться тем, что вещал таким загробным голосом, будто был не человек, а некий дух; при этом он не имел никакой иной цели, как только подшутить над односельчанами. Так как это ему удалось сверх ожидания, он пожелал дать своей проказе больший размах и для этого привлек в качестве помощницы одну из деревенских девок, совершенную дурочку и тупицу. В конце концов, их оказалось трое, одинаково юных и в равной степени нахальных. От вещаний в домашней обстановке они перешли к публичным, прячась в церкви под алтарем, говоря только ночью и не допуская, чтобы в это время зажигали свет. Сперва они говорили о покаянии и грозили страшным судом (ибо этот предмет, всем внушающий уважение и благоговение, особенно удобен для всяческих обманщиков). Затем принялись устраивать явления духов и всевозможной чертовщины, притом так нелепо и смехотворно, что вряд ли малые дети в играх своих бывают столь неискусны. И однако же, прояви к ним хоть немного благосклонности судьба — неизвестно, как далеко могли бы зайти эти шутовские выходки. Сейчас бедняги в тюрьме, и по всей вероятности им одним придется искупить всеобщую глупость. Кто знает, как выместит на них свою собственную какой-нибудь судья! Этот обман раскрылся, и все увидели, в чем тут дело, но я полагаю, что относительно многих подобных вещей, превосходящих наше разумение, мы в равной мере склонны и сомневаться и верить.

В мире зарождается очень много злоупотреблений, или, говоря более смело, все в мире злоупотребления возникают оттого, что нас учат боязни открыто заявлять о нашем невежестве и что мы якобы должны принимать все, что не в состоянии опровергнуть. Обо всем мы говорим наставительно и уверенно. По римскому праву требовалось, чтобы свидетель, даже рассказывая о том, что он видел собственными глазами, и судья, даже вынося постановление о том, что он доподлинно знал, употребляли формулу: «Мне кажется». Начинаешь ненавидеть все правдоподобное, когда его выдают за нечто непоколебимое. Я люблю слова, смягчающие сме-

лость наших утверждений и вносящие в них некую умеренность: «может быть», «по всей вероятности», «отчасти», «говорят», «я думаю» и тому подобные. И если бы мне пришлось воспитывать детей, я бы так усердно вкладывал им в уста эти выражения, свидетельствующие о колебании, а не о решимости: «что это значит?», «я не понимаю», «может быть», «возможно ли это?», — что они и в шестьдесят лет стали бы держаться, как ученики, вместо того чтобы изображать, как это у них в обычае, докторов наук, едва достигнув десятилетнего возраста. Если хочешь излечиться от невежества, надо в нем признаться. Ирида — дочь Фавманта [9]. В начале всяческой философии лежит удивление, ее развитием является исследование, ее концом — незнание. Надо сказать, что существует незнание, полное силы и благородства, в мужестве и чести ничем не уступающее знанию, незнание, для постижения которого надо ничуть не меньше знания, чем для права называться знающим.

В детстве я был свидетелем процесса по поводу одного необыкновенного случая. Данные об этом процессе опубликовал Корас, советник тулузского парламента, и речь шла о том, что два человека выдавали себя за одно и то же лицо [10]. Помнится (ничего другого я не помню), мне тогда показалось, что обман, совершенный тем из них, кого Корас признал виновным, выглядел так удивительно, настолько превосходил наше понимание и понимание самого судьи, что я нашел слишком смелым постановление суда, приговаривавшее обвиняемого к повешению. Предпочтительнее было бы, чтобы формула судебного заключения гласила: «Суд в этом деле разобраться не может». Это было бы и прямодушнее и честнее, чем решение ареопагитов, которые, будучи вынужденными вынести заключение по делу, для них совершенно неясному, постановили, чтобы обе стороны явились для окончательного разбора через сто лет [11].

Ведьмы всей нашей округи оказываются в смертельной опасности каждый раз, как какой-нибудь новый автор выскажет мнение, признающее их бред за действительность. Для того чтобы несомненные и неопровержимые примеры подобных явлений, преподносимые Священным Писанием, приспособить к нам и связать с событиями нашего времени, причины и ход которых нам непонятны, необходимо иное разумение, чем у нас. Может быть, лишь этому всемогущему свидетельству дано сказать нам: «Вот это есть ведовство, и это, а вон то — нет». Богу мы в этих делах должны верить — и с полным основанием, но не кому-либо из нас, дивящемуся своим собственным россказням (если сам он разума не утратил, они и должны вызывать у него удивление), сообщает ли он о чужом опыте или о своем собственном.

Я человек с умом грубоватым, со склонностью ко всему материальному и правдоподобному, стремящийся избежать упрека древних: Majorem fidem homines adhibent iis quae non intelligunt *. Cupidine humani ingenii libentius obscura creduntur **. Я понимаю, что это вызывает гнев, что мне

* Люди охотно верят тому, чего они не могут понять [12] (*лат.*).
** Человеческому уму свойственно охотнее верить непостижимому [13] (*лат.*).

запрещают сомневаться в чудесах, грозя в противном случае самыми ужасными оскорблениями. Вот вам и новый способ убеждения. Но, славу богу, верой моей нельзя руководить с помощью кулачной расправы! Пусть люди эти обрушиваются на тех, кто объявляет их убеждения ложными. Я считаю эти мнения лишь трудно доказуемыми и слишком смелыми и даже осуждаю противоположные утверждения, хотя и не столь властным тоном: Videantur sane, ne affirmentur modo *. Те, кто подкрепляет свои речи вызывающим поведением и повелительным тоном, лишь доказывают слабость своих доводов. Когда ведется спор чисто словесный и схоластический, пусть у них будет такая же видимость правоты, как у их противников. Но когда дело доходит до вещественных следствий, которые из этого спора можно извлечь, у последних есть несомненное преимущество. Если речь идет о том, чтобы лишить кого-то жизни, необходимо, чтобы все дело представало в совершенно ясном и честном освещении. И жизнь наша есть нечто слишком реальное и существенно важное, чтобы ею можно было расплачиваться за какие-то сверхъестественные и воображаемые события. Что же касается отравления ядовитым зельем, то его я не имею в виду: это ведь человекоубийство, и притом самое гнусное. Однако говорят, что и в этих делах не всегда можно полагаться только на признание такого рода людей, ибо бывали случаи, когда они заявляли, что ими убиты люди, которые потом оказывались живыми и здоровыми.

Относительно же других необычайных обвинений я со всей прямотой сказал бы так: каким бы безупречно правдивым ни казался человек, ему можно верить лишь в том, что касается дел человеческих. Во всем же, что вне его разумения, что сверхъестественно, ему следует верить лишь в том случае, если слова его получают и некое сверхъестественное подтверждение. Богу угодно было удостоить им некоторые наши свидетельства, но не должно опошлять его и легкомысленно распространять на все решительно. У меня уши вянут от бесчисленных россказней вроде следующего: такого-то человека в такой-то день трое свидетелей видели на востоке, трое других на следующий день — на западе, в такой-то час, в таком-то месте, одетым так-то. Разумеется, я и себе самому в этом не поверил бы! Насколько естественней и правдоподобней допустить, что двое из этих свидетелей лгут, чем поверить, что какой-то человек мог за двенадцать часов с быстротою ветра перенестись с востока на запад! Насколько естественнее считать, что разум наш помутился от причуд нашего же расстроенного духа, чем поверить, будто один из нас в своей телесной оболочке вылетел на метле из печной трубы по воле духа потустороннего! И для чего нам, постоянным жертвам воображаемых домашних и житейских тревог, поддаваться обману воображения по поводу явлений сверхъестественных и нам неведомых. Мне кажется, что вполне простительно усомниться в чуде, если во всяком случае достоверность его можно испытать каким-либо не чудесным способом. И я согласен со святым Августином, что относи-

---

* Допустим, что это правдоподобно, но настаивать на этом недопустимо [14] (*лат.*).

тельно вещей, которые трудно доказать и в которые опасно верить, следует предпочитать сомнение [15].

Несколько лет назад я проезжал через земли одного владетельного принца, который из внимания ко мне и для того, чтобы посрамить мое недоверие, был так милостив, что в некоем месте и в своем присутствии показал мне десять или двенадцать обвиняемых в колдовстве, среди которых была одна старуха, доподлинно, можно сказать, ведьма по уродливой своей внешности, издавна весьма знаменитая в колдовских делах. Я получил и всяческие доказательства, и добровольные признания, мне показаны были какие-то незаметные для непосвященных признаки ведовства у этой злосчастной старухи, я свободно расспрашивал ее и вдосталь наговорился с нею, вооружившись предельным вниманием и здравомыслием, как человек, который не позволит никакой предвзятой мысли ввести себя в заблуждение. И должен со всей прямотой заявить, что этим людям я прописал бы скорее чемерицу, чем цикуту [16]. Captisque res magis mentibus, quam consceleratis similis visa *. Но у правосудия для таких болезней есть свое врачевание.

Что же до возражений и доводов, которые приводились мне разными вполне достойными людьми и там и в других местах, то я не слышал таких, которые убедили бы меня и из которых нельзя было бы сделать выводов гораздо более правдоподобных, чем заключения моих противников. Правда и то, что нить доказательств и доводов, основанных на опыте и на фактах, я разматывать не стал бы: у нее нет конца, за который можно ухватиться. Этот клубок я часто разрубаю, как Александр — Гордиев узел [18]. Во всяком случае, заживо поджарить человека из-за своих домыслов — значит придавать им слишком большую цену. Приводят немало примеров такого рода, как рассказ Престанция о своем отце, которому, когда он был погружен в очень глубокий и тяжелый сон, пригрезилось будто он вьючная лошадь, везущая пожитки его же солдат [19]. А он и был тем, что ему привиделось. Если колдуны так же реально грезят наяву, если сны подобным образом могут порою превращаться в действительность, я все же не считаю, что воля наша за это ответственна. Говорю я это, как человек, не являющийся ни судьей, ни королевским советником и отнюдь не считающий себя достойным притязать на это, как обыкновенный человек, рожденный и предназначенный для того, чтобы и поступками своими и словами оказывать всяческое уважение общественным установлениям. Тот же, кто воспользуется этими моими размышлениями, чтобы нанести ущерб даже самому незначительному закону, или господствующему мнению, или обычаю своей деревни, причинит величайший вред самому себе, а кроме того, нисколько не меньший и мне. Ибо для обоснования того, что я говорю, я не могу добавить ничего, кроме заявления, что это мысли, которые тогда у меня возникли, а мысли мои — зачастую нетвердые и путаные.

Я говорю о чем угодно, ведя беспритязательную болтовню, а не за-

* Было больше похоже, что это — дело тронувшихся умом, а не преступников [17] (*лат.*).

нимаясь поучениями. Nec me pudet, ut istos, fateri nescire quod nesciam *. И я не говорил бы так смело, если бы считал себя человеком, чьим словам полагается верить. Такой ответ дал я одному из сильных мира, жаловавшемуся на резкость и горячность моих суждений. Когда я вижу, как прочно вы связаны с одной стороной и как упрямо ее держитесь, я показываю вам усерднейшим образом и другую — для того, чтобы просветить ваше разумение, а не для того, чтобы принудить вас с чем-то согласиться. Сердце ваше и ум в руках божьих, и бог внушит вам правильный выбор. Я не так самоуверен и вовсе не желаю, чтобы лишь мои мнения склоняли чашу весов в столь существенном вопросе: судьба моя отнюдь не предопределила их выражать решения столь возвышенные и важные. По правде сказать, у меня есть много не только таких черт характера, но и таких взглядов, от которых я желал бы отвадить своего сына, будь он у меня. Ведь человек по природе своей так упрям, что даже самые правильные суждения не всегда являются для него наиболее удобными.

К месту будь это сказано или не к месту, но есть в Италии распространенная поговорка: тот не познает Венеры во всей ее сладости, кто не переспал с хромоножкой. По воле судьбы или по какому-либо особому случаю словцо это давно у всех на устах и может применяться как к мужчинам, так и к женщинам. Ибо царица амазонок недаром ответила скифу, домогавшемуся ее любви: ἄριστα χωλὸς οἰφεῖ — «хромец это делает лучше» [21]. Амазонки, стремясь воспрепятствовать в своем женском царстве господству мужчин, с детства калечили им руки, ноги и другие органы, дававшие мужчинам преимущества перед ними, и те служили им лишь для того, для чего нам в нашем мире служат женщины. Я сперва думал, что неправильные телодвижения хромоножки доставляют в любовных утехах какое-то новое удовольствие и особую сладость тому, кто с нею имеет дело. Но недавно мне довелось узнать, что уже философия древних разрешила этот вопрос [22]. Она утверждает, что так как ноги и бедра хромоножек из-за своего убожества не получают должного питания, детородные части, расположенные над ними, полнее воспринимают жизненные соки, становясь сильнее и крепче. По другому объяснению, хромота вынуждает пораженных ею меньше двигаться, они расходуют меньше сил и могут проявлять больше пыла в венериных утехах. По этой же причине греки считали ткачих более пылкими, чем других женщин: из-за сидячего образа жизни, к которому вынуждает их это ремесло, не требующее расхода сил на ходьбу. Но к каким только выводам не придем мы, рассуждая подобным образом? О ткачихах я мог бы с таким же основанием сказать, что, сидя за своей работой, они вынуждены все время ерзать на месте, что возбуждает их и горячит, как знатных дам, разъезжающих в каретах, тряска их экипажей.

Не доказывают ли примеры эти того, с чего я начал: что доводы наши часто притягиваются к выводам и притязают на такой охват явлений, что в конце концов мы начинаем судить и рядить о всевозможных нелепостях

* Я не стыжусь, подобно этим людям, признаваться в незнании того, чего я не знаю [20] (*лат.*).

и небылицах? Кроме удивительной податливости нашего мышления, изобретающего доводы в пользу любой выдумки, и воображение наше с легкостью воспринимает ложные впечатления от весьма поверхностной видимости вещей. Ибо, доверившись тому, что упомянутая выше поговорка — старинная и общераспространенная, я в свое время убедил себя, будто получил особое наслаждение от близких отношений с одной женщиной, не ходившей прямо, и особенность эту отнес к ее прелестям.

Проводя сравнение между Францией и Италией, Торквато Тассо утверждает, будто он заметил, что ноги у нас более щуплые, чем у итальянских дворян, и причину этого он усматривает в том, что мы постоянно ездим верхом [23]. Но из той же причины Светоний вывел совершенно противоположное следствие, ибо он, наоборот, говорит, что у Германика ноги стали гораздо мускулистее также из-за постоянной верховой езды [24]. Нет ничего более гибкого и податливого, чем наше разумение: это туфля Ферамена, которая каждому по ноге [25]. Оно двусмысленно и постоянно меняет значения, так же как двусмысленны и самые вещи. «Дай мне серебряную драхму», — сказал некий философ-киник Антигону. — «Это подарок, недостойный царя», — ответил тот. — «Ну, так дай мне талант». — «Это подарок, неподходящий для киника» [26].

Seu plures calor ille vias et caeca relaxat
Spiramenta, novas veniat qua succus in herbas;
Seu durat magis et venas astringit hiantes,
Ne tenues pluviae, rapidive potentia solis
Acrior, aut Boreae penetrabile frigus adurat *.

Ogni medaglia ha il suo riverso **. Вот почему Клитомах говорил в древности, что Карнеад превзошел труды Геркулеса, ибо доказал, что люди неспособны познавать истину, и тем самым отнял у них право на смелость и непререкаемость суждений [29]. Эта смелая мысль возникла у Карнеада, по-моему, из-за бесстыдства тех, кто воображает, будто им все известно, и их непомерной заносчивости. Эзопа выставили на продажу вместе с двумя другими рабами. Покупатель спросил у одного из них, что он умеет делать. Тот, желая набавить себе цену, наговорил с три короба, что он и то умеет, и это. Второй сказал о себе столько же, если не больше. Когда же настала очередь Эзопа, и у него спросили, что умеет делать он, Эзоп ответил: «Ничего, ведь все уже забрали те двое: они все умеют» [30]. Так произошло и с философскими школами. Гордость тех, кто приписывает человеческому разуму способность познавать все, заставила других, вызывая в них досаду и дух противоречия, проникнуться убеждением, что разум совершенно бессилен. В утверждении невежества одни держатся

* Или это тепло открывает многочисленные пути и скрытые поры, по которым к молодым растениям могла бы поступать влага, или оно придает растениям крепость и сжимает их чрезмерно раскрывшиеся жилки, оберегая нежные стебли и листья от моросящих дождей, зноя палящего солнца или пронизывающей стужи Борея [27] (*лат.*).

** Всякая медаль имеет оборотную сторону [28] (*ит.*).

такой же крайности, какой другие — в утверждении знания. Да не решится кто-либо отрицать, что человек ни в чем не знает меры и останавливается лишь по необходимости, когда у него уже нет сил идти дальше.

Глава XII
О ФИЗИОГНОМИИ

Почти все наши мнения опираются на некий авторитет и на веру. В этом нет беды: ибо в наш слабый духовно век мы, руководствуясь лишь своим разумением, сделали бы самый плачевный выбор. Поучения Сократа, сохраненные в писаниях его друзей [1], восхищают нас лишь потому, что их чтят и уважают все, а не потому, что мы ими прониклись: в жизни мы их не применяем. Возникни что-либо подобное в наши дни, весьма немногие одобрили бы его.

Красоту и изящество мы замечаем лишь тогда, когда они предстают искусственно заостренными, напыщенными и надутыми. Если же они скрыты за непосредственностью и простотой, то легко исчезают из поля столь грубого зрения, как наше. Прелесть их — неброская, потаенная: лишь очень ясный и чистый взор может уловить это тихое сияние. Разве непосредственность, по-нашему, не родственна глупости и не является пороком? Душевным движениям Сократа свойственны естественность и простота. Так говорит крестьянин, так говорит женщина. На устах у него одни возчики, плотники, сапожники и каменщики. Формулы и сравнения свои он заимствует из простейших, повседневнейших человеческих действий. Каждому они понятны. Мы никогда не распознали бы в столь жалкой оболочке благородства и великолепия его философских построений, мы, считающие пошлым и низменным все не сдобренное ученостью, мы, способные усмотреть богатство лишь в показной пышности. Наш мир создан словно лишь для чванства: людей, надутых воздухом, кто-то подбрасывает вверх, как воздушные шары. Сократ же не тешит себя суетными выдумками; цель его состояла в том, чтобы дать нам поучения и предписания, которые самым непосредственным и действенным образом послужили бы нам в жизни,

servare modum, finemque tenere
Naturamque sequi *.

Он оставался всегда цельным, верным себе и поднимался до предельных высот силы духовной не случайными скачками, а неуклонным ростом

* Сохранять меру, исполнять свой долг, следовать природе [2] (*лат.*).

всего своего существа. Или, лучше сказать, он вовсе не поднимался, а скорее спускался и возвращался к своему врожденному и естественному душевному складу, ставя его превыше силы, препятствий, трудностей. Ибо на примере Катона мы ясно видим стремление ввысь, за пределы общедоступного: подвиги его жизни, его кончина показывают нам, как высоко он парил. Сократ же не покидает земли; нетороплив, размерен шаг его на путях мудрого философствования, и тем же шагом идет он к смерти по терниям самых тяжких испытаний, какие могут встретиться в человеческой жизни.

Как хорошо, что о человеке, наиболее достойном известности и того, чтобы служить для всех примером, мы все знаем достоверно. Нам поведали о его жизни самые мудрые и проницательные люди, которые когдалибо существовали: свидетельства о нем, дошедшие до нас, удивительны по своей правдивости и точности

Большое это дело — так направить ничем не запятнанное воображение ребенка, не угнетая его и не напрягая, чтобы оно могло порождать самые прекрасные душевные движения. Душу человеческую Сократ не изображает возвышенной и особо щедро одаренной. В его представлении основное качество ее — здоровье, но здоровье, полное силы и ясности. Пользуясь самыми обычными и естественными средствами, всем понятными и доступными образами, раскрыл он перед нами не только наиболее свойственные природе человека, но и наиболее возвышенные взгляды, основы поведения и нравы, какие только известны от начала времен. Это Сократ вернул разум человеческий с неба, где ему нечего было делать, на землю, чтобы он вновь стал достоянием людей и действовал в положенной ему области наиболее прилежным и полезным образом[3]. Посмотрите, как Сократ защищает себя перед своими судьями, какими доводами укрепляет он свое мужество в превратностях войны и какими воспитывает в себе терпенье перед лицом клеветы, угнетения, смерти и, наконец, даже перед злонравием своей жены[4]. Ничего не заимствует он у искусства или науки, самые простые люди видят, что учит он посильному и возможному для них, доходит до самых темных, опускается до самых малых. Величайшее благо оказал он природе человеческой, показав, как много может она сама по себе.

Любой из нас гораздо богаче, чем ему кажется, но мы приучены жить займами или подаянием, мы воспитаны так, чтобы охотнее брать у других, чем извлекать нечто из самих себя. Ни в чем не умеет человек ограничиться лишь тем, что ему необходимо. Любовных утех, богатства, власти — всего этого он хочет получить больше, чем в состоянии насладиться ими. Алчность его не знает удержу. Я полагаю, что то же самое налицо и в стремлении к знанию. Человек притязает на то, чтобы сделать больше, чем ему по силам и чем это вообще нужно, считая в науке полезным для себя все без исключения, что она охватывает. Ut omnium rerum sic litterarum quoque intemperantia laboramus *.

* В изучении наук мы отличаемся такою же невоздержанностью, как и во всем остальном * (лат.).

И Тацит прав, когда хвалит мать Агриколы за то, что она обуздывала у своего сына чрезмерно кипучую жажду знания [6]. Если к последней отнестись трезво, то убедишься, что к ней, как и к прочим благим устремлениям, примешивается немало тщеславия, а также свойственной всем нам естественной слабости, и что обходится она порою весьма дорого.

Питаться ею гораздо более рискованно, чем каким-либо другим яством или питьем. Ибо то, что нами куплено, мы относим к себе домой в каком-нибудь сосуде и там обязательно разбираемся в ценности приобретенного, в том, какое количество этой пищи мы примем и когда именно. Но что касается наук, их-то мы не можем заключить с самого начала в сосуд иной, чем наша душа: мы поглощаем эти яства, как только приобрели их, и из рынка выходим уже или отравленными, или насыщенными, как должно. А среди них есть такие, которые не питают нас, а лишь отягощают нам желудок и препятствуют пищеварению, и такие, которые отравляют нас под видом излечения.

Я не без удовольствия наблюдал, как кое-где люди из благочестия давали обет невежества, как дают обет целомудрия, бедности, покаяния. Точно таким же укрощением необузданных желаний является способность смирять жадное увлечение книжной наукой и отказывать душе своей в тех сладостных утехах, которыми соблазняет ее чрезмерно высокое мнение об этой науке. Обет нищеты еще полнее, когда к нему добавляется нищета духовная. Для благополучного существования ученость совершенно не нужна. Сократ наставляет нас, что она — в нас самих и что от нас зависит извлечь ее из себя и пользоваться ею. Ученость же, которая за пределами естественности, всегда более или менее суетна и излишня. Хорошо еще, если она не отягощает нас и не сбивает с толку в еще большей степени, нежели приносит нам пользу. Paucis opus est litteris ad mentem bonam *. Все это — ненужная лихорадка ума, орудие, создающее лишь путаницу и беспокойство. Сосредоточтесь мыслями, и в самом себе обретете вы доводы против страха смерти, доводы истинные и наиболее способные послужить вам в нужде: именно благодаря им простой крестьянин, да и целые народы, умирают столь же мужественно, как философы. Разве для того, чтобы примириться со смертью, мне необходимо было прочесть «Тускуланские беседы» [8]? Полагаю, что нет. И если я призадумаюсь, то увижу, что язык мой обогатился, но сердце — нисколько: оно осталось таким, каким создала его природа, и в предстоящей борьбе пользуется лишь теми средствами защиты, которыми владеют все.

Книги не столько обучили меня чему-то, сколько послужили мне для упражнения моих умственных способностей. А что, если наука, вооружая нас новыми защитными средствами против неизбежных жизненных превратностей, тем самым представляет превратности эти нашему воображению гораздо более существенными и грозными, чем те доводы и ухищрения, которыми она пытается нас защитить? Ибо это действительно ухищрения, и нередко ученость наша тревожит нас ими совершенно зря.

* Для хорошей души не требуется много науки [7] (*лат.*).

Обратите внимание, как писатели, даже самые осторожные и мудрые, окружают некое истинное положение многими легковесными и, если приглядеться, даже бессодержательными доводами. Вот это лишь обманчивые плетения словес. Но так как среди них попадаются и полезные, я не стану больше заниматься их разоблачением. Ими у нас увлекаются повсюду, либо заимствуя, либо подражая. Поэтому пусть каждый сам остерегается называть сильным то, в чем есть лишь приятность, крепким то, что является лишь острым, и благим то, что лишь красиво: quae magis gustata quam potata delectant *. Не все золото, что блестит. Ubi non ingenii sed animi negotium agitur **.

Видя, каких усилий стоило Сенеке подготовиться к смерти, как он обливался кровавым потом, стараясь держаться крепче, увереннеи и как можно дольше на своей жердочке, я усомнился бы в его славе, если бы в смертный час он не оправдал ее столь блистательно [11]. Страстное возбуждение, так часто находившее на него, показывает лишь, как пылок и неукротим он был по своей природе. Magnus animus remissius loquitur et securius *** Non est alius ingenio, alius animo color ****. Победа далась ему дорого, и видно, что противник едва не одолел его. Рассуждения Плутарха, более спокойные и бесстрастные, на мой взгляд мужественнее и убедительнее: я склонен считать, что душевные движения у него увереннеи и гармоничней. Первый острее, и, внезапно поражая нас, он более волнует нашу душу. Второй хладнокровнее, он учит. обосновывает свои положения и тем самым постоянно укрепляет нас, обращаясь скорее к разуму. Первый покоряет наш рассудок, второй убеждает его.

Точно так же в других, еще более чтимых творениях усмотрел я, что, рисуя борьбу души с плотскими соблазнами, они изображают последние столь жгучими, властными и неодолимыми, что нам, людям простым, приходится изумляться необычности и силе искушения не меньше, чем сопротивлению подвижников.

Для чего нам призывать себе в помощь силу науки? Обратим взор свой к земле, на бедных людей, постоянно склоненных над своей работой, не ведающих ни Аристотеля, ни Катона, никаких примеров, никаких философских поучений: вот откуда сама природа каждодневно черпает примеры твердости и терпения, более чистые и более ясные, чем те, которые мы так любознательно изучаем в школе. Сколько приходится мне видеть бедняков, не боящихся своей бедности! Сколько таких, что желают смерти или принимают ее без страха и скорби! Человек, работающий у меня в саду, похоронил нынче утром отца или сына. Даже слова, которыми простой человек обозначает болезни, словно смягчают и ослабляют их тяжесть. О чахотке он говорит «кашель», о дизентерии — «расстройство желудка», о плеврите — «простуда», и, именуя их более мягко, он и переносит их легче. Болезнь для него по-настоящему тяжела тогда, когда из-

* ... что приятнее отведать, чем выпить [9] (*лат.*).
** ... где важен не ум, а душа [10] (*лат.*).
*** Великая душа изъясняется спокойнее и увереннее [12] (*лат.*),
**** И ум и душа окрашены одинаково [13] (*лат.*).

за нее приходится прекращать работу. Эти люди ложатся в постель лишь для того, чтобы умереть. Simplex illa et aperta virtus in obscuram et sollertem scientiam versa est *.

Я писал это в то время, когда на меня всей тяжестью навалились беды, связанные с нашей смутой. С одной стороны у дверей моих стоял неприятель, с другой донимали меня мародеры, враги еще более зловредные — non armis sed vitiis certatur **, — и я терпел одновременно всевозможные невзгоды военного положения.

> Hostis adest dextra levaque a parte timendus,
> Vicinoque malo terret utrumque latus ***.

О чудовищная война! Другие войны врываются к нам извне. эту мы ведем сами против себя, калеча свое собственное тело и отравляя себя своим же ядом. По природе своей она так мерзостна и губительна, что как бы сама себя уничтожает вместе со всем прочим сама себя раздирает в исступленной ярости. И чаще всего мы видим, что она выдыхается сама по себе, а не из-за недостатка в необходимых припасах или из-за силы врага. Какая бы то ни была воинская дисциплина ей совершенно чужда. Она стремится справиться с мятежом, но мятеж в ней самой, она хочет покарать неповиновение и сама же дает пример его, ведущаяся в защиту законов — превращается в восстание против них же. К чему мы пришли? Лечебные средства наши только распространяют заразу:

> Хвораем мы и нет спасенья —
> Мы помираем от леченья [17]
> Exsuperat magis aegrescitque medendo ****

> Omnia fanda, nefanda malo permixta furore,
> Iustificam nobis mentem avertere deorum *****

В этих общественных недугах поначалу еще можно разобрать, кто здоров, кто болен: но когда болезнь затягивается, как это произошло у нас, то она охватывает все тело, с головы до пят: ни один орган не остается незатронутым. Ибо нет дуновения, которое вдыхалось бы людьми с такой жадностью, которое распространялось бы так быстро и широко, как всяческая разнузданность. Для наших войск единственным скрепляющим раствором являются теперь иноземцы: из французов нельзя набрать ни одной упорядоченно действующей регулярной воинской части. Какой позор! Дисциплина существует только у иностранных наемников.

---

* Эта простая и понятная добродетель превратилась в таинственную и мудреную науку [14] (*лат.*).
** Сражаются не оружием, а пороками [15] (*лат.*).
*** Страшный враг подходит и слева и справа, и близкая беда угрожает с обеих сторон [16] (*лат.*)
**** От лечения болезнь только усиливается [18] (*лат.*)
***** Добро и зло — все смешалось из-за нашей преступной ярости, и боги отвратили от нас свою благосклонность [19] (*лат.*).

Что до нас самих, то мы ведем себя по случайной прихоти, и притом не по прихоти начальника, а именно как кому взбредет в голову. И бороться нам приходится не столько с внешним врагом, сколько с внутренним. Командиру только и приходится, что тащиться в хвосте, льстить и уступать, только он должен подчиняться: все остальные свободны и разнузданны. Мне даже забавно видеть, как много подлости и малодушия в честолюбце, какими гнусными и низменными способами он пользуется, чтобы достичь цели. Но горько наблюдать, как люди, по природе своей великодушные и справедливые, все время развращаются от того, что в этой смуте им приходится быть вождями и начальниками. Длительно перенося что-либо, начинаешь привыкать, а привычка порождает примирение со злом и даже подражание ему. И без того хватало нам низменных душ, — теперь растление коснулось благонамеренных и благородных. Если так пойдет дальше, некому будет руководить государством, коль скоро по воле судьбы мы обретем его вновь.

Hunc saltem everso iuvenem succurrere saeclo
Ne prohibite *.

Что сталось со старинным правилом, по которому солдаты должны бояться своего начальника больше, чем врага? И с поучительнейшим примером яблони, случайно оказавшейся в центре лагерной стоянки римского войска и, после того как на другой день солдаты ушли, возвращенной владельцу со всеми своими спелыми сочными плодами [21]? Я предпочел бы, чтобы наша молодежь, вместо того чтобы без толку скитаться по городам и весям да обучаться бог знает чему, тратила половину своего времени на участие в морских походах под началом какого-нибудь хорошего капитана, командора родосских рыцарей [22], а другую половину на изучение дисциплины, принятой в турецком войске, как имеющей большие преимущества по сравнению с нашей. У нас солдаты становятся в походе разнузданней, там — смирней и сдержанней. Ибо если обиды, чинимые обывателям, и мародерство караются в мирное время палочными ударами, то в военное время это очень серьезные проступки: за одно яйцо, взятое без уплаты, положено пятьдесят ударов, за любую другую вещь, даже пустяковую, если это не съестные припасы, виновного сажают на кол или обезглавливают на месте преступления. В истории Селима, самого жестокого из завоевателей, я с удивлением прочел, что, когда он шел походом на Египет, замечательные сады, окружающие Дамаск, густые, искусно возделанные, остались не тронутыми его воинами, хотя стояли ничем не огороженные и доступ в них был открыт [23].

Но можно ли в управлении каким-либо государством усмотреть такие недостатки, которые допустимо было бы излечивать столь смертоносным лекарством? Нет, говорит Фавоний, узурпация власти в государстве и в этом случае недопустима [24]. Платон также не соглашается, чтобы мир

---

* По крайней мере не мешайте этому юноше прийти на помощь извращенному веку [20] *(лат.)*.

в его стране нарушался ради того, чтобы усовершенствовать ее управление, и не принимает никаких улучшений, если цена их — кровопролитие и разорение граждан. Он полагает, что человек доброй воли должен в этом случае все оставить, как оно есть, и только молить бога о чудодейственном спасении [25]. Похоже, что он не одобрял и своего любимого друга Диона, когда тот поступил по-иному [26]. В этом смысле я был платоником еще до того, как узнал, что на свете был Платон. А если мы не можем считать своим даже Платона, человека, который благородством своих помыслов заслужил милость божию — провидеть свет христианского учения сквозь духовный сумрак своего времени, — то, по-моему, нам тем более не подобает учиться у настоящего язычника. До чего же нечестиво предполагать, что господь не поможет нам, если мы не окажем ему содействия. Часто дивлюсь я, может ли среди стольких людей, вмешивающихся в подобные дела, найтись глупец, способный искренне поверить, что он идет к переустройству через всеобщее расстройство, что он обеспечивает душе своей спасение средствами, которые бесспорно навлекают на нас вечное проклятие, что, разрушая государственное управление, свергая власти предержащие, уничтожая законы, которые сам бог повелел ему защищать, рассекая на части тело матери-родины и бросая их на съедение былым врагам, наполняя отцеубийственной ненавистью сердца своих братьев, призывая на помощь чертей и фурий, он споспешествует всесвятейшей любви и правде слова божия. Честолюбие, стяжательство, жестокость, мстительность сами по себе еще недостаточно яростны: раздуем же пламень как можно жарче, присвоив им славные имена праведности и благочестия. Худшее обличье принимают вещи тогда, когда зло объявляется законным и с согласия власть имущих облекается в мантию добродетели. Nihil in speciem fallacius quam prava religio ubi deorum numen praetenditur sceleribus *. По Платону, неправда достигает предела, когда несправедливое почитается справедливым [28].

Народу пришлось тогда немало выстрадать, и не только от настоящих бедствий,

undique totis
Usque adeo turbatur agris **,

но и от грядущих. Страдали живые, страдали и те, кто еще не родился. У народа — и в частности у меня — отнимали все вплоть до надежды, ибо он лишался того, чем собирался жить долгие годы.

Quae nequeunt secum ferre aut abducere perdunt,
Et cremat insontes turba scelesta casas ***.
Muris nulla fides, squallent populatibus agri ****.

---

* Нет ничего более лживого, чем порочное суеверие, оправдывающее преступления волей богов [27] (*лат.*).

** Повсюду разоряют поля [29] (*лат.*).

*** Чего не могут унести или увести с собой, то беспощадно уничтожают, и преступная толпа сжигает ни в чем не повинные хижины [30] (*лат.*).

**** Стены не дают никакой защиты, и поля из-за опустошений остаются невозделанными [31] (*лат.*).

Кроме этого потрясения, претерпел я и другие. На меня посыпались неприятности, которые при всяких общественных неустройствах выпадают на долю людей умеренных. Притесняли меня со всех сторон: гибеллин считал меня гвельфом, гвельф — гибеллином [32]. Один из любимых моих поэтов хорошо об этом говорит, да сейчас не припомню, где именно. Дом мой и связи с соседями придавали мне один облик, жизнь моя и поступки — другой. Никто не мог предъявить мне определенных обвинений — не за что было уцепиться. Я всегда соблюдаю законы и сумел бы постоять за себя, пожелай кто-нибудь преследовать меня по суду. Все это были безмолвные подозрения, наветы исподтишка. В смутное время им всегда хватает правдоподобия, как хватает в такое время людей завистливых и тупых. Обычно я содействую оскорбительным предубеждениям на мой счет, которыми донимает меня злой рок, ибо всегда избегаю оправдываться, извиняться и объясняться, считая, что защищать свою совесть — значит вступать относительно ее в недостойную сделку. Perspicuitas enim argumentatione elevatur *. И, словно каждый видит мою душу насквозь не хуже меня самого, я, вместо того чтобы опровергать обвинение, иду ему навстречу и только усиливаю его своим ироническим, насмешливым признанием, если не попросту отмалчиваюсь, как на нечто не достойное ответа. Но те, кто расценивает такое поведение как высшую степень самоуверенности, возмущаются им не меньше, чем те, кто видит в нем признание моей слабости и невозможности защищать безнадежное дело: таковы прежде всего сильные мира сего, считающие неподчинение себе высшим преступлением и беспощадные ко всякому, кто, сознавая свою правоту, не намерен смиренно и покорно молить о прощении. Я нередко натыкался на эту стену. Из-за того, что мне в таких случаях выпадало, честолюбец повесился бы, равно как и стяжатель. Но я меньше всего жажду обогащения.

Sit mihi quod nunc est, etiam minus, ut mihi vivam
Quod superest aevi, si quid superesse volent dii **.

Однако потери, которые я терплю от воровства или разбоя, по чьей-то злой воле, для меня так же мучительны, как для человека, страдающего скупостью, ибо обида бесконечно горше простой утраты.

Тысячи различных бедствий обрушивались на меня одно за другим; легче мне было бы перенести их все сразу. Часто возникала у меня мысль, на кого из моих друзей смог бы я рассчитывать в старости, немощный и нищий, — но, поглядев вокруг себя, я убеждался, что наг и бос. Чтобы уцелеть, падая камнем с большой высоты, надо попасть в объятия настоящего друга, притом человека сильного и благополучного. А такие друзья если и бывают, то очень редко. И в конце концов я убедился, что самое верное — рассчитывать в нужде на самого себя и, если

---

* Очевидность умаляется доказательствами [33] (*лат.*).

** Пусть я располагаю тем, чем располагаю сейчас, и даже меньшим, лишь бы я мог прожить в свое удовольствие тот срок, что мне осталось прожить, если боги захотят подарить меня этой отсрочкой [34] (*лат.*).

фортуна поглядит на меня немилостиво, довериться своим собственным силам, в себе самом обрести опору и своими глазами присматривать за собой. Люди же всегда склонны прибегать к чужой помощи, щадя собственные силы, единственные подлинно надежные, если умеешь ими пользоваться.

Каждый бежит от себя, надеясь на будущее, и никто еще не стремился к самому себе. И я пришел к выводу, что бедствия бывают полезны. Во-первых, плохих учеников наставляют розгой, когда не помогают увещания, а кривую деревяшку для выпрямления обжигают и обстругивают. Давно уже я внушаю себе держаться лишь себя самого, отвращаться от вещей посторонних и тем не менее продолжаю глядеть по сторонам: доброжелательность, благосклонное слово вельможи, ласковая улыбка соблазняют меня. Один бог знает, дорого ли все это по нынешним временам стоит и что за этим кроется! Не хмурясь, выслушиваю я льстивые речи тех, кто хочет задешево купить меня, и так вяло обороняюсь, что может показаться, будто я готов уже поддаться им. Так вот, натура столь ленивая нуждается в хорошей встряске, бочку, которая разваливается на части, надо заново сбить крепким молотом, чтобы из нее ничего не брызгало и не растекалось. Во-вторых, беда может послужить мне для того, чтобы подготовить к еще худшим испытаниям на тот случай, если я, рассчитывающий благодаря своим хорошим обстоятельствам и мирному нраву быть одним из последних, кого заденет буря, оказался бы вдруг одним из первых: тогда я заблаговременно научусь всячески ограничивать себя в жизни и приспосабливаться к невзгодам. Подлинная свобода состоит в том, чтобы иметь над собою полную власть. Potentissimus est qui se habet in potestate *.

Во времена мирные и спокойные человек готовится к случайностям, не выходящим за пределы обычного. Но в нашей смуте, длящейся вот уже тридцать лет, все французы вообще и каждый в отдельности должны быть в любой миг готовы к полному перевороту в своей судьбе. Тем крепче следует нам закалить и вооружить свое сердце. Возблагодарим же рок, судивший нам жить в такое время, когда нельзя быть мягким, изнеженным и бездеятельным: тот, кто не достиг бы славы иным путем, прославится своим несчастьем.

Читая в истории о смутах в других государствах, я всегда жалел, что не мог наблюдать их собственными глазами. Вот и теперь настолько велико мое любопытство, что я радуюсь возможности созерцать гибель нашего государства, наблюдать признаки ее и формы, какие она принимает. И раз я не в силах воспрепятствовать ей, то доволен хотя бы тем, что могу, присутствуя при этих событиях, извлечь из них полезный урок.

Недаром так жадно стараемся мы в образах, появляющихся пред нами в театре, познать подлинную трагедию человеческих судеб. Необычайность жалостных событий, происходящих на сцене, вызывает в нас волнение и сочувствие, от которых мы испытываем наслаждение. Что

---

* Наиболее могуществен тот, кто имеет над собой власть [35] (*лат.*).

щекочет, то и щиплет. И хорошие историки избегают повествований о мирной жизни, словно стоячей воды или мертвого моря, и постоянно обращаются к смутам, к войнам, ибо знают, что этого-то мы от них и требуем. Более половины своей жизни провел я среди бедствий родной страны и уже не знаю, пристойно ли будет признаться, как мало пришлось мне при этом поступиться своим покоем. По правде сказать, не много стоит мне терпеливо переносить события, которые не затрагивают меня лично. Прежде чем сожалеть о своей горькой участи, я стараюсь разобраться не столько в том, что у меня отнято, сколько в том, что у меня — и внешне и внутренне — сохранилось. Есть некое утешение в том, чтобы, избегая то одного, то другого из обрушивающихся на нас бедствий, наблюдать, как они свирепствуют кругом. Точно так же и в делах общественных: чем шире распространяется затронувшая меня беда, тем меньше я ее ощущаю.

К тому же почти с полным правом можно сказать, что tantum ex publicis malis sentimus, quantum ad privatas res pertinet *.

А здоровье, которого мы лишились, было такого рода, что оно само облегчает сожаления, которые мы должны были ощущать от его утраты. Это было здоровье, но лишь по сравнению с последовавшим недугом. Не с такой уж большой высоты мы пали. Хуже всего, на мой взгляд, — растление и разбой находящихся в чести и при должности. Гораздо обиднее, когда тебя обирают в безопасном месте, чем в темном лесу. Наш мир представлял какую-то совокупность органов, один немощнее другого, и гнойники большей частью настолько застарели, что их нельзя было излечить, да они и не желали этого. Вот почему всеобщее крушение скорее воодушевило меня, чем пришибло; ведь совесть моя была не только спокойна, но даже горда и не могла меня ни в чем упрекнуть. К тому же, так как господь бог никогда не посылает людям одни только бедствия, как не посылает одних только благ, здоровье мое в то время было на редкость крепкое, а хотя, не будучи здоровым, я не способен ни к чему, мало есть вещей, которых я не мог бы сделать, когда я здоров. Оно дало мне возможность собрать все свои силы и собственной рукой излечить язвы, которые иначе распространились бы по всему телу. Тогда я убедился, что у меня хватает выдержки и я могу противостоять ударам судьбы и что выбить меня из седла можно лишь очень уж мощным ударом. Говорю я это не для того, чтобы искушать судьбу, не для того, чтобы бросить ей вызов. Я — слуга ее и с мольбой протягиваю к ней руки: пусть, во имя божие, она будет довольна! Чувствую ли я удары ее? Конечно. Как те, кто, будучи охвачен тяжкой скорбью, иногда поддаются соблазнам какого-либо удовольствия и способны улыбнуться, так и я достаточно владею собой, чтобы сохранять обычно мирное состояние духа и отгонять от себя докучные помыслы. Тем не менее порою я испытываю внезапные укусы этих пагубных мыслей, которые нападают на

* Мы ощущаем общественные бедствия лишь настолько, насколько они отражаются на наших личных делах [36] (*лат.*).

меня как раз тогда, когда я вооружаюсь, чтобы одолеть их и отогнать.

Но вот, после всех обрушившихся на меня зол, претерпел я нечто еще худшее. И во внешнем мире и у себя дома стал я жертвой чумы, а беда эта покруче всех других [37]. Здоровое тело подвержено гораздо более тяжким болезням, ибо только они могут с ним справиться; так животворный воздух моего окружения, куда не проникало никакое, даже очень близкое поветрие, оказавшись вдруг зараженным, причинил нам множество неслыханных бед.

Mixta senum et iuvenum densantur funera, nullum
Saeva caput Proserpina fugit *.

Мне пришлось очутиться в таком приятном положении, когда вид собственного дома внушает ужас. Все, что в нем было, осталось безо всякой защиты, так что любой человек мог присвоить себе любую приглянувшуюся ему вещь. Я, всегда отличавшийся гостеприимством, оказался вынужденным искать крова для себя и своей семьи, несчастной растерянной семьи, внушавшей страх и своим друзьям, и себе самой, внушавшей отвращение всюду, где она пыталась найти убежище, и вынужденной поспешно сниматься с места всякий раз, как у кого-либо из ее членов начинал болеть хоть кончик пальца. Все болезни принимают за чуму: никто не дает себе труда разобраться в них. Лучше же всего то, что, по правилам врачебного искусства, вы после соприкосновения с больным должны в течение сорока дней выжидать, не заразились ли, а в это время воображение ваше работает вовсю и может даже здорового человека довести до болезни.

Все это гораздо меньше тронуло бы меня, если бы мне не пришлось страдать за других и в течение полугода самым злосчастным образом быть вожаком этого каравана. Ибо при мне всегда находятся средства защиты — твердость и терпеливость. Ожидание и боязнь заразы, которых в этом случае особенно опасаются, не могли бы меня смутить. Если бы я был одинок и заразился, то считал бы болезнь лишь довольно легким и быстрым способом уйти из этого мира. По-моему, такая смерть не из худших: обычно она скорая, теряешь сознание без мучений, причем утешением тебе может служить то, что это общая беда, все происходит без торжественных обрядов, без траура, без похоронной сутолоки. Но что касается окрестного люда, то спаслась едва ли сотая часть.

videas desertaque regna
Pastorum, et longe saltus lateque vacantes **.

Основное имущество мое — труд крестьян: поле, на котором работали сто человек, теперь надолго осталось под паром.

---

* Смешиваются похоронные процессии юношей и стариков; никому не убежать от безжалостной Прозерпины [38] (*лат.*).

** Ты мог бы увидеть покинутые пастухами земли и везде и повсюду пустынные пастбища [39] (*лат.*).

И каких только примеров твердости духа не давал нам в этих обстоятельствах простой народ! Почти все отказывались от какой-либо заботы о своем существовании. Неубранные гроздья висели на виноградных лозах, главном богатстве нашего края, ибо все ожидали смерти, если не нынче вечером, так назавтра, но лицо их и голос выражали так мало страха, что казалось — эти люди осознали необходимость своей гибели и приняли ее как неизбежный приговор, одинаково касающийся всех. Но как мало нужно, чтобы человек проникся решимостью умереть! Расстояние, разница во времени на несколько часов, одна мысль, что ты не один, и смерть принимает совсем иное обличье. Взгляните на наших людей: видя, сколько детей, молодежи, стариков умерло за один месяц, они уже не поражаются, не плачут. Я знал таких, которые даже боялись выжить, чтобы не остаться в ужасном одиночестве, и мне приходилось заботиться лишь о погребении умерших: людям горько было видеть трупы, лежащие прямо в поле, оставшиеся добычей диких зверей, которые в то время сильно расплодились. (Как различны у людей представления обо всем этом! Неориты, один из покоренных Александром народов, бросали тела мертвецов в самую глубь лесной чащи, на съедение зверям — единственный, по их взглядам, достойный способ погребения! [40]) Можно было видеть, как совсем здоровый еще человек роет себе могилу. Другие живьем укладывались в ямы. А один из моих крестьян, умирая, старался руками и ногами набросать на себя побольше земли: не так ли человек натягивает на себя одеяло, чтобы ему удобнее было спать? И разве деяние это нельзя по величию сравнить с тем, как поступили римские воины после битвы при Каннах, когда они вырыли ямы, засунули туда головы и сами засыпали их землей, чтобы таким образом задохнуться [41]. Словом, целый народ за самое короткое время приучился к поведению, которое по твердости и мужеству не уступало никакой заранее обдуманной и взвешенной решимости.

В тех уроках мужества, которые мы черпаем из книг, больше видимости, чем подлинной силы, больше красивости, чем настоящей пользы. Мы отошли от природы, которая так удачно и правильно руководила нами, и притязаем на то, чтобы учить ее. И все же кое-что из того, чему она нас учила, сохраняется; не совсем стерся у людей, чуждых нашей учености, и образ ее, отпечатлевшийся в той жизни, которую ведут сонмы простых крестьян. И ученость вынуждена постоянно заимствовать у природы, создавая для своих питомцев образцы стойкости, невинности и спокойствия. Даже радуешься, видя, как эти питомцы, напичканные самыми расчудесными познаниями, вынуждены подражать глупой простоте, и притом подражать в самых основах добродетельной жизни. Радуешься, видя, как наша наука даже от животных получает полезнейшие в самых важных и существенных жизненных делах уроки: в том, как нам жить и умирать, как нам обращаться со своим добром, как любить и воспитывать детей, как соблюдать справедливость. Изумительное свидетельство человеческой слабости, а также того, что разум, который мы приспосабливаем к своим потребностям и который всегда изобретает что-нибудь

особенное, новое, не оставляет в нашей жизни никаких ощутительных следов природы. Люди обращаются с разумом, как составители духо́в с оливковым маслом: они насыщают его таким количеством всевозможных аргументов и домыслов, привлеченных извне, что он становится противоречивым и начинает приспосабливаться к каждому отдельному человеку, утратив свою постоянную всеобщую сущность. Вот и приходится нам искать примеров у животных, которые не знают предвзятости, испорченности и противоречий во взглядах. Ибо хотя звери тоже не всегда и не во всем точно следуют природе, их отклонения от нее так незначительны, что всегда можно заметить правильную колею. Так же и лошади, когда ведешь их на поводу, прыгают, рвутся в разные стороны, но не дальше, чем позволяет длина повода, и все же при этом идут туда, куда идешь ты. Так же и птица на шнуре может летать, но только по радиусу шнура. Exilia, tormenta, bella, morbos, naufragia meditare, ut nullo sis malo tiro *. Для чего мы с таким усердием изучаем все препятствия развитию нашей человеческой природы и так усиленно готовимся к борьбе даже с теми из них, которые, по всей вероятности, не встанут у нас на пути? Parem passis tristitiam facit, pati posse **. Нас поражает не только нанесенный нам удар, но даже резкий порыв ветра или громкий треск. Или какой смысл, поддавшись порыву безумия (ибо это самое настоящее безумие), напрашиваться на порку только потому, что когда-нибудь нам, может быть, придется ее перенести, или же с Иванова дня [44] доставать шубу, потому что она понадобится на Рождество? Старайтесь заранее познакомиться с бедами, которые могут вас постигнуть, даже с самыми тяжкими, говорят эти безумцы, испытывайте себя, укрепляйте свои силы. Напротив, естественнее и проще всего даже не помышлять об этом. Для нас же они как бы недостаточно рано приходят и недостаточно долго одолевают нас в подлинном своем существе. Ум наш стремится увеличить их, удлинить и еще до того, как они возникнут, впитать в себя и все время занимать себя ими, как будто они и так недостаточно тяготят наши чувства. Когда настанет их час, они себя покажут, говорит один из мудрецов, принадлежащий к секте отнюдь не изнеженной, а наоборот — к одной из самых суровых [45]. Но до того — щади себя, верь в то, что тебе больше по сердцу. Для чего предвосхищать беду и терять настоящее из страха перед будущим и быть несчастным сейчас, потому что должен стать им со временем? Так учит этот мыслитель. Наука часто оказывает нам хорошую услугу тем, что весьма точно определяет истинные размеры наших бед,

Curis acuens mortalia corda ***.

Жаль было бы, если бы наши чувства и разум не полностью отдавали себе отчет в том, насколько они могущественны.

---

* Размышляй об изгнании, пытках, войнах, болезнях, кораблекрушениях, чтобы не быть новичком ни при каком бедствии [42] (*лат.*).

** Предчувствие страдания повергает тех, кто страдал, в такую же скорбь, какую они испытали, страдая [43] (*лат.*).

*** ...совершенствуя заботами человеческие сердца [46] (*лат.*).

Нет сомнения, что большинству людей приуготовление себя к смерти было мучительнее самих страданий. Правильно сказал в свое время некий весьма рассудительный автор: minus afficit sensus fatigatio quam cogitatio *.

Ощущение близости смерти часто само по себе преисполняет нас внезапной решимостью идти навстречу неизбежному. В древности многие гладиаторы, трусливо бившиеся в поединке, мужественно встречали смерть, подставляя горло под меч врага и призывая его нанести последний удар. Предвидение же смерти еще не столь близкой требует мужества длительного и потому весьма редкого. Не беспокойтесь, что не сумеете умереть: сама природа, когда придет срок, достаточно основательно научит вас этому. Она сама все за вас сделает, не занимайте этим своих мыслей.

Incertam frustra, mortales, funeris horam
Quaeritis, et qua sit mors aditura via **.

Poena minor certam subito perferre ruinam,
Quod timeas gravius sustinuisse diu ***.

От мыслей о смерти более тягостной становится жизнь, а от мыслей о жизни — смерть. Первая нам не дает покоя, а вторая нас страшит. Не к смерти мы подготовляем себя, это ведь мгновение. Каких-нибудь четверть часа страданий, после чего все кончается и не воспоследует никаких новых мук, не стоят того, чтобы к ним особо готовиться. По правде говоря, мы подготовляемся к ожиданию смерти. Философия предписывает нам постоянно иметь перед глазами смерть, предвидеть ее и созерцать еще до наступления смертного часа, а затем внушает нам те правила предосторожности, благодаря которым предвидение смерти и мысль о ней нас уже не мучат. Так поступают врачи, ввергающие человека в болезнь, чтобы получить возможность испытать свое искусство и свои зелья. Если мы не сумели по-настоящему жить, несправедливо учить нас смерти и усложнять нам конец всего. Если же мы способны были прожить свою жизнь стойко и спокойно, то сумеем и умереть точно так же. Философы могут хвалиться этим, сколько пожелают. Tota philosophorum vita commentatio mortis est ****. Но я остаюсь при том мнении, что смерть действительно конец, однако не венец жизни. Это ее последняя грань, ее предел, но не в этом же смысл жизни, которая должна ставить себе свои собственные цели, свои особые задачи. В жизни надо учиться тому, как упорядочить ее, должным образом прожить, стойко перенося все жизненные невзгоды. Среди многих других обязанностей, перечисленных в главном разделе науки о жизни, находим мы и положение о том, как надо уми-

* Усталость изнуряет чувства меньше, чем размышление [47] (*лат.*).

** Напрасно, смертные, хотите вы узнать час своих похорон и какой дорогой к вам явится смерть [48] (*лат.*).

*** Менее мучительно претерпеть внезапную гибель, чем пребывать в длительном страхе [49] (*лат.*).

**** Вся жизнь философов есть приуготовление к смерти [50] (*лат.*).

рать, которое является одним из самых легких, когда мы не отягощаем его страхом.

С точки зрения пользы и бесхитростной правды простые уроки ни в чем не уступают тем, которые преподносит нам ученость; напротив. Люди отличаются друг от друга и способностями и склонностями. Их следует вести ко благу различными путями, исходя из их нрава. Quo me cunque rapit tempestas, deferor hospes *. Никогда не видел я, чтобы кто-либо из крестьян моей округи задумывался о том, сколько твердости и терпения понадобится ему в смертный час. Природа учит его думать о смерти лишь тогда, когда приходит время умирать. И тогда ему лучше, чем Аристотелю, которому смерть вдвойне тягостна — и сама по себе, и из-за столь длительного ее предвидения. А ведь недаром Цезарь высказывал мнение, что самая блаженная и легкая смерть — та, о которой меньше всего думалось [52]. Plus dolet quam necesse est, qui ante dolet quam necesse est **.

Мучительное это предвосхищение возникает у нас от нашего любопытства. И всегда мы все сами себе усложняем, стремясь опережать природу и законы ее заменяя своими правилами. Предоставим ученым мужам терять охоту к еде, даже когда они здоровы, и с угрюмым видом размышлять о смерти. Простые люди нуждаются в лекарствах и утешениях лишь тогда, когда гром уже грянул, и о беде они думают лишь в той мере, в какой ощутили ее. Разве это не то, о чем мы и говорим всегда: тупость и невежество простонародья помогают ему терпеливо переносить навалившиеся на него испытания и с глубочайшим безразличием относиться к тому, что может грозить в будущем; душа его, более грубая, неотесанная, менее уязвима и чувствительна. Ей богу же, если это так, будем учиться в школе глупости! Вот последняя цель, которую обещает нам наука, вот куда она полегоньку ведет своих питомцев.

У нас не окажется недостатка в хороших руководителях, способных преподать нам простую мудрость природы. Один из них — Сократ. Ибо, насколько мне помнится, он приблизительно в таком смысле говорил своим судьям: «Если бы я стал, господа, просить вас пощадить мою жизнь, то боюсь, что тем самым подтвердил бы наветы моих обвинителей, будто я изображаю себя человеком, знающим больше, чем все другие, ведающим о том, что скрыто от нас в небесах и в преисподней. Могу сказать, что со смертью я не знаком, что ничего о ней мне не известно и что я не видел ни одного человека, который на собственном опыте познал бы ее и мог бы просветить меня на этот счет. Те, кто боятся смерти, полагают, видимо, что знают ее. Что до меня, то я не ведаю, что она собою представляет и что делается на том свете. Смерть может быть безразличной, а может быть и желанной. (Можно, впрочем, предполагать, что если это переселение из одного места в другое, то есть даже некое преимущество в том, чтобы существовать в общении со всеми ушедшими из этого мира вели-

* Где ни застанут меня обстоятельства, я тот же самый повсюду [51] (*лат.*).
** Кто страдает раньше, чем это необходимо, тот страдает больше необходимого [53] (*лат.*).

кими людьми и быть избавленным от произвола неправедных и нечестивых судей. Если же смерть есть уничтожение нашего существа, то вечный ненарушимый покой тоже является благом. Ведь в жизни для нас нет ничего сладостнее отдыха, глубокого, спокойного сна без всяких видений.) Я стараюсь избегать того, что, как мне ведомо, дурно, — например, обижать ближнего или не подчиняться тому, кто выше тебя, будь то бог или человек. Но того, о чем я не знаю, хорошо оно или дурно, я не страшусь. Если я умру, а вы останетесь среди живых, то одни боги ведают, кому из нас будет лучше. Поэтому решайте, как вам заблагорассудится. Но, следуя своему обыкновению давать советы о том, что справедливо и полезно, я сказал бы, что вам по совести своей лучше было бы оправдать меня, если в моем деле вы разбираетесь не лучше, чем я сам. Судя обо мне на основании моей прежней деятельности, и общественной и частной, на основании моих намерений и на основании той пользы, которую ежедневно извлекают из бесед со мною многие наши граждане, и молодые и старые, той пользы, которую я приношу вам всем, вы могли бы воздать мне по заслугам, лишь распорядившись, чтобы меня, ввиду моей бедности, кормили на общественный счет в Пританее, — милость, которую, как мне случалось видеть, вы с гораздо меньшим правом жаловали другим. Не считайте упорством и высокомерием с моей стороны, если я не следую обычаю умолять вас о пощаде и стараться растрогать ваши сердца. У меня есть друзья и родичи (ибо, как говорит Гомер, я, подобно всем прочим людям, рожден не от камня и не от дерева), которые могут предстать перед вами в слезах и в трауре, есть у меня и трое плачущих детей, способных вызвать у вас жалость. Но я опозорил бы свой родной город, если бы в моем возрасте, и к тому же слывущий мудрецом, сам опустился до столь недостойного поведения. Что стали бы говорить о других афинянах? Всех собиравшихся, чтобы слушать меня, я всегда наставлял не жертвовать честью ради сохранения жизни. И во время войн, которые вела моя родина, при Амфиполисе, при Потидее, при Делии и в других сражениях, где я принимал участие, мне случалось всем поведением своим доказывать, как далек был я от того, чтобы покупать безопасность ценой позора. Вдобавок, обращаясь к вам с мольбами, я пытался бы склонить вас к измене своему долгу и к совершению весьма непохвального дела, ибо не мольбам моим подобало убедить вас, а беспорочным и крепким доводам справедливости. Вы же клялись богам судить по правде: значит, выходило бы, что я подозреваю и укоряю вас в том, будто вы в них не верите. Да и сам я свидетельствовал бы против себя, обнаружив, что не верю в них, как должно, раз сомневаюсь в их промысле и не желаю просто-напросто вручить им свою судьбу. Между тем я во всем полагаюсь на них и твердо верю, что они совершат все к лучшему и для вас и для меня. Людям благонамеренным — и на этом и на том свете — нечего бояться богов»[54]. Вот, не правда ли, защитительная речь, немногословная и здравая, но в то же время полная простоты и непосредственности, необычайно возвышенная, правдивая, искренняя, беспримерно справедливая и к тому же произнесенная в столь роковой

час? Сократ имел полное основание предпочесть ее той, которую написал для него великий оратор Лисий[55], отлично составленной по всем правилам судебного красноречия, но недостойной такого благородного узника. Можно ли было бы услышать из уст Сократа голос, звучащий мольбой? Могла ли в полном своем блеске унизиться столь высокая добродетель? Мог ли человек, по природе своей такой великодушный и сильный, прибегнуть для защиты к ораторскому искусству и в час величайшего испытания отказаться от непосредственной правдивости, лучшего украшения своих речей, ради витиеватых и ловких приемов речи, написанной кем-то другим и заученной наизусть? Он поступил мудро и согласно своей природе, не изменив поведению, которого придерживался в течение всей своей безупречной жизни, и не осквернив столь святого человеческого облика ради того, чтобы на какой-нибудь год продлить свое старческое существование и запятнать неумирающую память о своей славной кончине. Жизнь Сократа принадлежала не ему, она должна была служить примером для всего мира. Разве не было бы ущербом для человечества, если бы она завершилась неприглядным и малодушным образом? И, конечно, его безразличие и презрение к своей смерти заслужили того, чтобы потомство придало ей за то особое значение, как на самом деле и произошло. Среди самых справедливых воздаяний нет ничего справедливее посмертной славы Сократа. Ибо афинянам стали так ненавистны виновники его гибели, что все стали избегать их, как людей отверженных: все, к чему они прикасались, считали нечистым, в общественных банях никто вместе с ними не мылся, никто не приветствовал их и не заговаривал с ними, так что в конце концов, не в силах будучи выносить этого всеобщего отвращения, они повесились[56].

Если кто найдет, что в поисках примеров для своего рассуждения об учении Сократа я остановился на примере неудачном и что эта речь слишком уж возвышенна по сравнению с воззрениями большинства людей, я отвечу, что сделал это намеренно. Ибо я придерживаюсь совершенно иного мнения и полагаю, что речь эта по своей непосредственности находится на уровне даже как бы более низком, чем воззрения большинства: в своей безыскусственной, простоватой смелости, в своей детской уверенности она раскрывает нам первичные, чистые впечатления бездумного естества. Ибо вполне можно представить себе, что врожденной является у нас боязнь страданий, но не боязнь смерти самой по себе: ведь это такая же необходимая сторона нашего бытия, как и жизнь. Почему бы стала природа наделять нас отвращением и ужасом перед смертью, если та ей столь полезна для порождения и взращивания новых поколений, если в устройстве вселенной она больше служит рождению и прибавлению вещей, чем их разрушению и утрате?

Sic rerum summa novatur *.

Mille animas una necata dedit **.

---

* Так обновляется совокупность вещей[57] (*лат.*).
** Одна пресекшаяся жизнь породила тысячу других[58] (*лат.*).

Гибель одной жизни есть источник тысячи других жизней. Природа вложила в животных свойство заботиться о себе и своем благополучии. Животные опасаются того зла, которое они причиняют себе в своих столкновениях, боятся они также неволи у людей и насилий, которые мы чиним над ними. Но они не могут испытывать страха быть убитыми, не могут иметь и никакого представления о смерти. Говорят, что они порою с радостью принимают ее (лошади, умирая, большей частью ржут, лебеди — поют) и даже ищут смерти, испытывая в ней потребность, как это бывает у слонов.

Вдобавок ко всему этому, разве не изумительны простота и одновременно пылкость, с которыми Сократ старается убедить своих судей? Поистине, легче говорить, как Аристотель, и жить, как Цезарь, чем говорить и жить, как Сократ. Здесь именно предел трудности и совершенства: никакое искусство ничего сюда не прибавит. Нашим же способностям не хватает такой выучки. Мы их не знаем и не умеем ими пользоваться, стараемся усвоить чужие и оставляем в пренебрежении свои собственные.

Кто-нибудь, пожалуй, скажет, что и я здесь только собрал чужие цветы, а от меня самого — лишь нитка, которой они связаны. И правда, подчиняясь вкусам общества, выступил я в этих заимствованных уборах, но при этом отнюдь не допускаю, чтобы они заслоняли и скрывали меня самого. Это совершенно противно моим намерениям, ибо я хочу показать лишь свое, лишь то, что свойственно моей натуре, и если бы я с самого начала поступил, как мне хотелось, то говорил бы только от себя. И, несмотря на первоначальный свой замысел и способ изложения, я каждый раз взваливаю на себя все больший груз, уступая причуде своего времени и различным побуждениям со стороны. Если меня самого эти ссылки не украшают, как я и думаю, — пускай: другие могут извлечь из них пользу. Есть люди, которые цитируют Платона и Гомера, а между тем творений их и в глаза не видели. Да и сам я нередко черпаю отнюдь не из первоисточника. Обложенный тут, где я пишу, бесчисленными томами, я мог бы, если бы захотел, без труда и без особых познаний надергать у доброй дюжины этих начетчиков, которых даже не перелистываю, сколько угодно цитат, чтобы разукрасить свой трактат о физиогномии. Достаточно мне прочесть предисловие какого-нибудь ученого немца, и я уже буду весь напичкан цитатами. Многие из нас любят лакомиться славой, которую добывают таким способом, мороча дураков.

Эти заимствованные у других общие фразы, из которых составляется вся ученость очень многих людей, служат лишь для выражения самых обыденных мыслей и, кроме того, не для настоящего полезного наставления, а лишь для красивого пустословия — смехотворный плод учености, который был так забавно использован Сократом против Эвтидема[59]. На моих глазах люди писали книги о вещах, которых они никогда не изучали и даже не могли бы понять. При этом автор поручал кое-кому из своих ученых друзей изыскания в той или иной области для своего труда, а сам довольствовался только тем, что набрасывал общий план и ловко соединял в одну связку различные наброски о вещах ему неведомых. Чер-

нила и бумагу он, на худой конец, для всего этого давал. Но, по совести говоря, это значит не создать труд, а купить его или позаимствовать. Это значит не доказать людям свою способность написать книгу, а обнаружить перед ними полнейшую неспособность сделать что-либо подобное, если они паче чаяния в этом сомневались. Некий председатель парламента хвастался в моем присутствии тем, что в одном из своих постановлений использовал более двухсот чужих мнений. Выбалтывая это всем и каждому, он, по-моему, сам у себя отнимал славу, которую ему воздавали: хвастовство это для такого лица и по поводу таких вещей, на мой взгляд, — крайне ребяческое и нелепое. Я же если и заимствую многое, то радуюсь каждой возможности скрыть это, всячески переряжая и переиначивая заимствованное для нового употребления. Даже идя на то, что могут подумать, будто я плохо понял чужой текст, я стараюсь видоизменить его таким образом, чтобы он не слишком резко выделялся из всего прочего. А есть такие люди, которые хвалятся своим воровством и гордятся им; судят о них поэтому гораздо благожелательней, чем обо мне. Мы, сторонники природы, полагаем, что слава изобретателя несравненно выше славы ловкого начетчика.

Если бы я стремился говорить как ученый, я заговорил бы раньше: я начал бы писать в годы, более близкие к годам моего учения, когда ум мой был изощреннее, а память лучше, и если бы труд писателя я пожелал сделать своим ремеслом, то задача эта была бы моему юному возрасту более по силам, чем теперешнему. И кроме того, если бы благодаря моему труду мне улыбнулось счастье, оно бы выпало в гораздо более благоприятное для меня время. Двое моих знакомых, люди в этой области выдающиеся, наполовину, по-моему, потеряли, не выступив со своими произведениями, когда им было сорок лет, а предпочтя дожидаться шестидесятилетнего возраста.

Зрелость имеет свои темные стороны, как и юность, и даже худшие. И для этого рода деятельности старость так же неблагоприятна, как и для любого другого. Тот, кто рассчитывает выжать что-нибудь из своей дряхлости, — безумец, если надеется, что полученное им масло не будет затхлым, заплесневелым и безвкусным. Ум наш к старости коснеет и тяжелеет. О невежестве я рассуждаю велеречиво и красно, о знании — мелко и убого. Одно я как бы случайно, мимоходом затрагиваю, о другом говорю всерьез и по существу. Ничто я не обсуждаю так основательно, как Ничто, и единственное знание, о котором я говорю, — это неведение. Я выбрал время, когда жизнь моя, которую я стремлюсь изобразить, вся у меня перед глазами. Все, что мне остается прожить, уже больше касается смерти. И если, умирая, я окажусь таким же болтливым, как многие другие, то и о смерти своей охотно сообщу людям все, что только смогу.

Как жаль мне, что Сократ, являющийся величайшим примером всех добродетелей, был, как утверждают, безобразен лицом и фигурой, — это так не соответствовало красоте его души: ведь он был до безумия влюблен во все прекрасное. Природа оказалась несправедливой к нему. Ибо вероятнее всего, что между духом и плотью существует некое соответст-

вие. Ipsi animi magni refert quali in corpore locati sint: multa enim e corpore existunt quae acuant mentem, multa quae obtundant *. В данном случае речь идет о противоестественном уродстве, об искажении членов человеческого тела. Но мы называем безобразием и те недостатки, которые заметны с первого взгляда, портят прежде всего лицо и очень часто вызваны малосущественными причинами: плохим цветом лица, родимым пятном, грубостью лепки, наконец — каким-нибудь неуловимым недостатком в соотношении отдельных черт лица, даже если они в общем правильны и не искалечены. Такого именно рода была некрасивость Ла Боэси, скрывавшая полную красоты душу. Это поверхностное безобразие, хотя оно и очень бросается в глаза, может меньше всего соответствовать состоянию души, и люди могут быть о ней различного мнения. Другое, которое гораздо правильнее называть уродством, значительно более существенно и чаще затрагивает глубины нашего существа. Не всякая обувь, будь она даже из тонкой кожи, хорошо облегает ногу, а вот всякая ловко скроенная приходится впору.

Сократ говорил о своем безобразии, что оно отражает пороки его души, от которых он избавился благодаря самовоспитанию [61]. Но я полагаю, что в данном случае он по обыкновению шутил и никогда душа человека не обретала своей собственной волей более совершенной красоты.

Я без конца готов повторять, что чрезвычайно ценю красоту, силу могучую и благородную. Сократ называл ее благостной тиранией [62], Платон — величайшим преимуществом, которым может наделить природа [63]. Среди свойств человеческих нет ни одного, которое бы так ценилось всеми. Она имеет первостепенное значение во взаимоотношениях между людьми: ее замечают раньше всего; производя на нас неотразимое впечатление, она властно завладевает нашими помыслами. Фрина проиграла бы свое дело, хотя оно находилось в руках отличного адвоката, если бы, сбросив одежды, не покорила судей блеском своей красоты [64].

И я убедился, что Кир, Александр, Цезарь, эти три повелителя вселенной, не пренебрегали ею, творя свои великие дела. Не пренебрегал ею и Сципион.

По-гречески два понятия — красота и добро — обозначаются одним словом [65]. И в Писании святой дух часто называет благими тех, кого он хочет назвать прекрасными.

Я готов принять иерархию ценностей, содержащуюся в одной песне некоего древнего поэта, которую еще Платон считал общеизвестной: здоровье, красота, богатство [66]. Аристотель говорил, что красивым принадлежит право повелевать, а тем из них, чья красота уподобляется ликам богов, подобает оказывать такое же поклонение, как богам [67].

Тому, кто его спросил, почему с красивыми людьми общаются чаще и дольше, чем с другими, Аристотель ответил: такой вопрос подобало бы задать только слепому [68]. Большинство великих философов могли оплачи-

* Для самих душ весьма важно, в каком теле они заключены; ведь от тела исходит много такого, что либо возвышает, либо притупляет душу [60] (*лат.*).

вать свое учение и приобретать мудрость благодаря своей красоте и через ее посредство. Не только в людях, которые мне служат, но и в животных красота, на мой взгляд, почти так же важна, как доброта.

Однако я полагаю, что не следует по чертам и выражению лица определять внутреннюю сущность человека и предугадывать его судьбу; это вещи, не зависящие прямо и непосредственно от красоты или безобразия, точно так же как не всякий благоуханный и чистый воздух обязательно хорош для здоровья и не всякий тяжелый и зловонный непременно вызывает заразу во время какого-либо поветрия. Те, кто считает, что у некоторых дам красота вступает в противоречие с безнравственным поведением, нередко ошибаются: ибо и лицо не слишком привлекательное может порою быть открытым и честным, как и наоборот, — мне случалось видеть красивые глаза, взглядом своим выдававшие натуру коварную и злонамеренную. Есть лица, внушающие доверие, и в толпе победоносных врагов вы сразу же выберете среди неизвестных вам людей того, которому сдадитесь и доверите свою жизнь скорее, чем кому-либо другому, отнюдь не руководствуясь при этом соображениями о красоте.

Внешний облик сам по себе мало что доказывает, хотя некоторое значение ему придавать все же можно. И если бы мне пришлось кого-то бичевать, я бы гораздо сильнее хлестал тех злодеев, которые своим поведением нарушают обещания, начертанные, казалось бы, природой на их лицах: я бы жесточе карал зло, скрывающееся за привлекательной внешностью.

По-видимому, есть лица располагающие и есть отталкивающие. И думается мне, что нужно уметь разбираться, где доброе выражение лица, а где глупое, где строгое, а где жестокое, где злое, а где скорбное, где высокомерное, а где задумчивое — и так далее в отношении других свойств характера, которые легко спутать. Бывают красивые лица не только гордые, но и надменные, не только кроткие, но и маловыразительные. Делать на этом основании какие-либо предположения о дальнейшей судьбе этих людей я бы не решился.

Я уже имел случай говорить, что для себя лично принял просто и без обиняков древнее правило: мы никогда не ошибемся, следуя природе; высшая мудрость в том, чтобы ей повиноваться. Я никогда не исправлял, подобно Сократу, силою разума своих природных склонностей, никогда ни в чем не ставил им искусственных преград. Я плыву по течению, ни с чем не борюсь, обе мои главные страсти живут между собою в мире и согласии, но с молоком моей кормилицы, слава богу, я впитал здравомыслие и умеренность. Скажу между прочим: по-моему, мы слишком высоко оцениваем некий весьма распространенный среди нас тип честного ученого, раба правил и предписаний, придавленного надеждой и страхом. Такого рода ученость я одобряю в том случае, если законы и религиозные догматы не ограничивают ее, а совершенствуют и возвышают, если она умеет поддерживать себя без помощи извне, если она естественно укоренилась в нас, зародившись от семени всеобщего разума, которое таится в душе каждого не извращенного человека. Это тот разум, который

сгладил в душе Сократа последние складки порочности, заставил его покориться людям и богам, властвующим в его родном городе, и мужественно встретить смерть, притом не потому, что душа его бессмертна, а именно потому, что он смертен.

Учение, убеждающее народы, что божественному правосудию от нас ничего не надо, кроме веры, даже без добрых нравов, для любого государства вредно, и тем вреднее, чем оно изощреннее и утонченнее. В делах человеческих отчетливо проявляется, как бесконечно мало общего имеют между собой благочестие и совесть.

Внешность моя и сама по себе недурна и производит благоприятное впечатление,

Quid dixi, habere me? Imo habui, Chreme! *

Heu tantum attriti corporis ossa vides **.

Вследствие этого для меня все обстоит иначе, чем для Сократа. Часто случалось, что лишь благодаря моему присутствию и моей наружности люди, совершенно меня не знавшие, полностью доверялись мне во всем, что касалось их собственных дел или же моих. И в чужих странах мне поэтому выпадала необыкновенная, редкая удача.

Но два примера из многих стоят того, чтобы о них рассказать особо.

Некий человек задумал ограбить мой дом, застигнув меня врасплох. С этой целью он один подъехал к моему дому и принялся настойчиво колотить в дверь. Я знал его по имени и полагал, что могу доверять ему, как соседу и даже до некоторой степени родичу. Я велел впустить его, как делаю обычно для всех. Он перепуган, конь его задыхается, весь в мыле. Рассказывает он мне следующую небылицу: на расстоянии полумили от нас ему повстречался один его враг, о котором я тоже знал, а также слыхал об их ссоре. Враг этот вынудил его пришпорить коня, и он, подвергшись внезапному нападению и имея под своим началом численно гораздо более слабый отряд, устремился к моему дому искать у меня спасения. При этом он добавил, что очень обеспокоен судьбой своих людей, считая, что все они перебиты или захвачены в плен. Я по простоте душевной старался утешить его, успокоить и накормить с дороги. Но вот вскоре появляются четверо или пятеро его солдат, изображающие такой же испуг, и тоже просятся в дом, затем еще и еще другие, все исправно одетые и в полном вооружении, в количестве двадцати пяти — тридцати человек, с таким видом, будто за ними по пятам гонятся враги. Таинственная эта история уже начала возбуждать во мне подозрения. Я хорошо понимал, в какое время мы живем, как можно позариться на мой дом, и мне было известно, что кое с кем уже случались подобные злоключения. Как бы то ни было, но я решил, что ничего не выиграю,

* Что я сказал? Я сказал, что имею? Да, я имел, Хремес, так будет правильнее![69] (*лат.*).

** Увы! Ты видишь лишь кости изнуренного тела[70] (*лат.*).

если, начав проявлять гостеприимство, стану в нем отказывать, и что мне невозможно идти на попятный без решительного разрыва. Поэтому я избрал самый естественный и простой выход, как всегда делаю, и велел впустить всех. Должен признаться, что вообще я доверчив и подозрительностью не отличаюсь, всегда готов оправдать человека и истолковать его действия в хорошую сторону, считаю большинство людей ни слишком добрыми, ни слишком злыми и, если не вынужден к тому очевидностью, верю в какие-то особо злодейские наклонности человека не более, чем в чудовищ и чудеса. К тому же я из тех людей, что охотно полагаются на судьбу и без оглядки предаются на ее волю. До настоящего времени я от этого больше выигрывал, чем проигрывал, убеждаясь, что судьба устраивает мои дела гораздо умнее и лучше, чем мог бы устроить я сам. За всю мою жизнь мне приходилось несколько раз выпутываться из сложных обстоятельств, по справедливости говоря, с трудом — или, если угодно, с умом. Но и тут, если успехом я на одну треть обязан самому себе, то две трети уж наверно приходятся на долю счастливой случайности. Я считаю ошибкой с нашей стороны, что мы недостаточно полагаемся на провидение и рассчитываем на свои силы больше, чем имеем на то право. Потому-то начинания наши так редко венчаются успехом.

Судьба ревниво относится к тому, что мы чрезмерно расширяем права человеческого разумения за счет ее прав, и урезывает их тем сильнее, чем обширнее наши притязания. Упомянутые выше солдаты расположились со своими лошадьми во дворе, начальник их сидел со мною у меня в зале. Он не захотел, чтобы его лошадь поставили в конюшню, заявляя, что уедет сейчас же после того, как узнает о судьбе своих солдат. Теперь он был хозяином положения, оставалось только осуществить злодейский замысел. Впоследствии он часто говорил (ибо рассказывал мне об этом без малейшего стыда), что мое лицо и мое чистосердечное обращение так поразили его, что кулаки у него разжались сами собой и коварные намерения отступили. Он снова вскочил в седло, а солдаты между тем не спускали с него глаз, ожидая, какой знак он им подаст, и с удивлением видя, что он уезжает, не воспользовавшись своим преимуществом.

В другой раз, доверившись очередному перемирию, о котором сообщили нашим войскам, я отправился в поездку по местности, где было еще в высшей степени неспокойно. Я не успел далеко отъехать, как три-четыре конных отряда устремились с разных сторон за мною в погоню. Один из них нагнал меня на третий день, и я подвергся нападению со стороны пятнадцати—двадцати замаскированных дворян, за которыми следовал отряд солдат с ружьями. Меня захватили, увели в чащу ближайшего леса, стащили с коня, отняли мои вещи, стали рыться в моих сундуках, забрали шкатулку с деньгами, а лошадей и слуг поделили между собой новые хозяева. Долгое время спорили мы в этом лесу насчет моего выкупа: не зная, по-видимому, кто я такой, они назначили очень большую сумму. Много спорили и о том, оставлять ли меня в живых. И правда, несколько раз дело оборачивалось так, что нависшая надо мною опас-

ность уже грозила гибелью.

Tunc animis opus, Aenea, tunc pectore firmo *.

Я же твердо стоял на своем условии: им остается все, что было у меня отнято, не такая уж малая толика, но никакого другого выкупа они у меня не требуют. Так прошли два или три часа. Они велели мне сесть верхом на лошадь, на которой я не смог бы от них бежать, и поручили стеречь меня пятнадцати или двадцати солдатам с аркебузами, а людей моих распределили между другими солдатами и приказали им везти нас в качестве пленников по разным дорогам. Я удалился уже на расстояние двух-трех аркебузных выстрелов,

Iam prece Pollucis, iam Castoris implorata **,

как вдруг в настроении моих похитителей произошла неожиданная и резкая перемена. Ко мне подъехал предводитель этой банды с гораздо более мирными речами, принялся собирать у своих людей мои уже растащенные пожитки и возвращать мне все, что можно было найти, вплоть до шкатулки. Лучшим даром с их стороны была, однако, моя свобода: остальное по тем временам для меня весьма мало значило. До сих пор я не ведаю истинных причин этой внезапной, как будто бы ничем не вызванной перемены, этого столь чудесного раскаянья в такое время, в деле, заранее обдуманном, обсужденном и даже оправданном тогдашними обычаями (ибо я с самого начала открыто признался, к какой партии принадлежу и куда направляюсь). Предводитель этих людей, который снял маску и назвал свое имя, повторил мне тогда несколько раз, что освобождением я обязан выражению моего лица и тому, что говорил с ним так твердо и так свободно, ибо все это свидетельствовало, что я не заслужил подобного злоключения. Расставаясь со мной, он просил меня при случае отплатить ему тем же. Быть может, милость божия употребила это ничтожное орудие для моего спасения. Она же защитила меня и на другой день от еще большей опасности, насчет которой эти самые люди меня предупредили. Второй из них еще жив и может подтвердить мои слова, первый был не так давно убит.

Если бы лицо мое не свидетельствовало в мою пользу, если бы по глазам моим и по голосу нельзя было убедиться в чистоте моих намерений, я не прожил бы так долго без раздоров и обид, принимая во внимание полнейшую свободу, с которой я направо и налево говорю все, что мне взбредет на ум, и высказываю самые дерзкие суждения о вещах. Такой способ вести себя может с полным основанием считаться неучтивым и не соответствующим принятому у нас обычаю. Однако я не встретил пока никого, кто считал бы его злонамеренным и оскорбительным, а также никого, кто обиделся бы на свободные речи, услышанные из моих уст. Слова же, переданные от одного человека к другому, имеют и иное звучание, и иной смысл. К тому же я ни к кому не испытываю ненави-

* Тогда, Эней, нужна отвага и душевная твердость [71] (*лат.*).
** Уже воззвав в молитве к Кастору и Поллуксу [72] (*лат.*).

сти, и мне так тягостно кого-нибудь оскорбить, что я не могу этого сделать даже во имя правды. Ut magis peccari nolim, quam satis animi ad vindicanda peccata habeam*. Говорят, что Аристотеля как-то упрекали за излишнее мягкосердечие к одному злодею. «Верно, — ответил он, — я проявил мягкосердечие, но к человеку, а не к злодейству»[74]. Обычно люди со всем пылом помышляют о возмездии из отвращения к совершенному преступлению. Но именно это охлаждает мой пыл: отвращение к одному убийству заставляет меня бояться другого, ненависть к жестокому поступку — ненавидеть подражание ему. Ко мне, хоть я не король, а всего-навсего трефовый валет[75], можно отнести то, что говорилось о спартанском царе Харилае: «Его нельзя считать добрым, ибо он не суров со злыми»[76]. Можно, впрочем, сказать и по-другому, ибо Плутарх дает оба варианта, как он это очень часто делает, высказывая об одних и тех же вещах самые различные и даже противоположные суждения: «Он уж наверно добрый человек, раз он добр и к злодеям»[77]. Мне претит совершать вполне законные деяния, если они неприятны людям, которых затрагивают, но, по правде говоря, совесть не позволяет мне творить беззакония, даже когда они идут кому-то на пользу.

Глава XIII
ОБ ОПЫТЕ

Нет стремления более естественного, чем стремление к знанию Мы прибегаем к любому средству овладеть им. Когда для этого нам недостает способности мыслить, мы используем жизненный опыт,

Per varios usus artem experientia fecit:
Exemplo monstrante viam**,

средство более слабое и менее благородное, но истина сама по себе столь необъятна, что мы не должны пренебрегать никаким способом, могущим к ней привести. Существует столько разнообразных форм мышления, что мы затрудняемся, какую избрать. Столь же многочисленны виды опыта. Выводы, к которым мы пытаемся прийти, основываясь на сходстве явлений, не достоверны, ибо явления всегда различны: наиболее общий для всех вещей признак — их разнообразие и несходность. Стараясь привести

* Я хотел бы, чтобы люди были виноваты передо мной лишь настолько, насколько у меня хватит духу их покарать[73] (*лат.*).

** Благодаря всевозможным поискам опыт создал искусство, путь к которому указывают примеры[1] (*лат.*).

самый яркий пример сходства между вещами, и греки, и латиняне, и мы вспоминаем о яйцах. Однако же находились люди, и, между прочим, был один такой в Дельфах, которые обнаруживали различие между яйцами: этот человек никогда не принимал одно яйцо за другое и, имея несколько кур, умел разбираться, какое яйцо снесено той или иной курицей[2]. Произведения же наших рук в основе своей несходны: в искусстве ничто никогда не бывает одинаково. Ни Перрозе, ни любой другой фабрикант игральных карт не в состоянии так отполировать и выбелить их рубашку, чтобы хоть некоторые игроки не сумели обнаружить различие между этими картами, увидев их в руках своих партнеров.

Сходность между вещами, с одной стороны, никогда не бывает так велика, как несходность между ними — с другой. Природа словно поставила себе целью не создавать ничего, что было бы тождественно ранее созданному.

Тем не менее я не одобряю мнения того человека, который рассчитывал при помощи дробности законов обуздать произвол судей, назначив каждому сверчку свой шесток: он не понимал, что возможностей свободно и широко толковать любой закон столько же, сколько самих законов. И насмешкой звучат притязания людей, рассчитывающих уменьшить или даже вовсе прекратить наши споры, приводя нам те или иные слова Библии. Тем более, что ум наш для опровержения чужих взглядов находит поле не менее широкое, чем для изложения своих собственных, и что толкование старых текстов вызывает такие же острые и гневные споры, как появление новых трудов. Мы видим, как ошибался человек, рассчитывавший на дробность законов. Ибо у нас во Франции законов больше, чем во всем остальном мире, и больше даже, чем понадобилось бы, чтобы навести порядок во всех мирах Эпикура[3]: ut olim flagitiis, sic nunc legibus laboramus *. И нашим судьям приходится прибегать к столь разнообразным толкованиям и решениям, что, кажется, ни у кого никогда не было такой свободы и такой возможности для произвола. Чего достигли наши законодатели, когда выбрали сто тысяч каких-то примеров и отдельных фактов и к ним пристегнули сотню тысяч законов? Это количество ни в какой мере не соответствует бесконечному разнообразию человеческих деяний. Сколько бы новых суждений и взглядов у нас ни вырабатывалось, жизнь породит еще большее разнообразие явлений. Добавьте еще в сто раз больше: все равно в числе событий и дел будущего не найдется ни одного, которое среди тысяч уже отобранных и классифицированных нами явлений нашло бы себе настолько полное соответствие, что между ними не обнаружилось бы таких различий, которые потребовали бы и особого суждения. Наши всегда различные и переменчивые действия не имеют почти никакого отношения к твердо установленным и застывшим законам. Наиболее подходящи для нас — и наиболее редки — самые из них простые и общие. Да и то я считаю, что

* Подобно тому как когда-то мы страдали от преступлений, так страдаем теперь от законов[4] (*лат.*).

лучше обходиться совсем без законов, чем иметь их в таком изобилии, как мы.

Природа всегда рождает законы гораздо более справедливые, чем те, которые придумываем мы. Доказательство тому — золотой век, каким он изображается у поэтов, а также то состояние, в котором живут народы, не ведающие иных законов, кроме естественных. Среди этих народов есть такие, которые не имеют никаких постоянных судей и за решением возникающих у них споров обращаются к любому страннику, путешествующему в их горах. А другие в дни торга назначают кого-либо из своей среды, и тот на месте разбирает их споры. Разве плохо было бы, если бы и у нас самые мудрые решали все споры в зависимости от обстоятельств, на глаз, без непременной оглядки на уже бывшие случаи и без того, чтобы их решение стало примером для будущего? Обувь должна быть каждому по ноге. Король Фердинанд, посылая колонистов в Индию, мудро предусмотрел, чтобы среди них не было ученых законников, опасаясь, что и в Новом Свете расплодятся суды, ибо юриспруденция как наука естественно порождает споры и разногласия. Король, как в свое время Платон, полагал, что любая страна только терпит от юристов и медиков[5].

Почему наш язык, которым мы говорим в обыденной жизни, столь удобный во всех других случаях, становится темным и малопонятным в договорах и завещаниях, и почему человек, умеющий ясно выражаться, что бы он ни говорил и ни писал, не находит в юридических документах такого способа изложить свои мысли, который не приводил бы к сомнениям и противоречиям? Единственно потому, что великие мастера этого искусства, особенно прилежно стараясь отбирать торжественно звучащие слова и изысканно формулировать оговорки, так тщательно взвесили каждый слог, так основательно обработали все виды литературного стиля, что завязли и запутались в бесчисленных риторических фигурах и в таких мелких подразделениях юридических казусов, которые уже не подпадают ни под какие нормы и правила и разобраться в которых нет возможности. Confusum est quidquid usque in pulverem sectum est *. Кто не видел, как дети пытаются собрать в крупные капли некоторое количество ртути? Чем больше они ее давят, сжимают, стараются подчинить своему желанию, тем настойчивее рвется на свободу этот своевольный металл: он не поддается их стараниям, дробится на мельчайшие капельки, которых и не сосчитать. Так же и с языком юриспруденции: чем больше в нем тонкостей, тем больше сомнений порождают они в умах людей. Нас толкают на то, чтобы мы увеличивали и разнообразили возникающие затруднения: их удлиняют, их сеют повсюду. Создавая все новые и новые вопросы, перетасовывая их и так и этак, приводят к тому, что колебания и споры множатся, кишат: так почва становится плодороднее, если ее глубоко вспахивать, дробя при этом крупные комья. Difficultatem facit doctrina **. Ульпиан порождал в нас сомнения; читая Бартоло и Бальдо[8], мы

---

* Все, что размельчено в порошок, — перемешано[6] (*лат.*).
** Ученость создает трудности[7] (*лат.*).

станем еще больше сомневаться. Надо было всячески сглаживать следы этого бесконечного разнообразия мнений, а не хвалиться ими и не морочить голову потомкам.

Не знаю, право, что можно сказать по этому поводу, но сам опыт показывает, что от множества толкований истина как бы раздробляется и рассеивается. Аристотель писал так, чтобы быть понятным. Если ему это не удалось, то какой-то другой человек, которому не сравняться с Аристотелем, или третий, наверное, достигнут еще меньшего успеха, чем тот, кто излагает свои собственные мысли. Раскрывая содержание предмета, мы льем столько воды, что он словно растекается у нас из-под рук. Из одного делаем тысячу и, беспрестанно дробя его, превращаем в бесконечные рои эпикуровых атомов. Никогда не бывает, чтобы два человека одинаково судили об одной и той же вещи, и двух совершенно одинаковых мнений невозможно обнаружить не только у двух разных людей, но и у одного и того же человека в разное время. Обычно меня одолевают сомнения как раз по поводу того, на что комментатор не соизволил обратить внимание. Я чаще спотыкаюсь на гладком месте, подобно тем лошадям, которые, как мне известно, начинают хромать на ровной дороге.

Кто усомнится, что глоссы лишь увеличивают сомнения и невежество, когда никакие толкования не облегчили понимания ни одной написанной человеком или боговдохновенной книги, важной и нужной для всех? Сотый комментатор отсылает нас к своему продолжателю, а у того узел оказывается запутанным еще сложнее и хитрее, чем у первого.

Бывает ли, чтобы мы решили: для этой книги хватит, о ней уже все сказано? В судебных тяжбах это еще очевиднее. Нет числа ученым юристам, их определениям и толкованиям, которым придают авторитет и силу закона. Но способны ли мы положить конец охоте нагромождать толкования? Приближаемся ли мы хоть немного к спокойному взаимопониманию? Нуждаемся ли мы теперь в меньшем числе адвокатов и судей, чем тогда, когда весь этот тяжкий груз законов едва начинал накапливаться? Напротив, мы затемняем, погребаем свое разумение; мы обретаем его вновь, лишь совладав с бесчисленными замками и засовами. Люди не замечают естественного недуга, терзающего их разум: он все рыщет да ищет, колобродит, что-то строит и путается в собственных построениях, как шелковичные черви, и под конец задыхается в них. Mus in pice *. Ему кажется, что он усмотрел вдалеке свет некоей воображаемой истины, но пока он стремится туда, путь ему преграждают такие препятствия, трудности и новые задачи, что он шалеет и сбивается с дороги. Совершенно то же самое произошло с собаками из басни Эзопа, которые, увидев, что в море плавает нечто похожее на мертвое тело, и будучи не в состоянии до него добраться, задумали вылакать отделявшую их от добычи воду и захлебнулись. Сюда же относятся и слова Кратеса о произведениях Гераклита, что для них нужен читатель, умеющий хорошо пла-

* Мышь в смоле [9] (*лат.*).

вать, дабы глубина и сложность гераклитова учения не поглотила и не доконала их [10].

Если мы бываем довольны тем, что другие или же мы сами добыли в этой погоне за знанием, то лишь по слабости своих способностей: человек более пытливого ума не будет доволен. За ним пойдет кто-то другой (пойдем и мы сами), открывая новые пути. Пытливости нашей нет конца: конец на том свете. Удовлетворенность ума — признак его ограниченности или усталости. Ни один благородный ум не остановится по своей воле на достигнутом: он всегда станет притязать на большее, и выбиваться из сил, и рваться к недостижимому. Если он не влечется вперед, не торопится, не встает на дыбы, не страдает — значит он жив лишь наполовину. Его стремления не знают четкой намеченной цели и строгих рамок, пища его — изумление перед миром, погоня за неизвестным, дерзновение. То же было и в оракулах Аполлона, всегда двусмысленных, темных, уклончивых; они не давали настоящего удовлетворения, а только заполоняли и тревожили сознание. Все это — беспорядочное, но непрерывное движение вперед, по неизведанным путям и к неясной цели. Мысли наши воспламеняются, бегут друг за другом, одна порождает другую.

Так видим мы, склонившись у ручья:
Струю сменяет новая струя,
Друг с другом слиты, вдаль они текут,
Но друг от друга без конца бегут.
Одна другую мчаться заставляет,
Другая третью в беге обгоняет.
Погоня их и бегство — труд напрасный:
Ручей един, хоть струи вечно разны [11].

Гораздо больше труда уходит на перетолкование толкований, чем на толкование самих вещей, и больше книг пишется о книгах, чем о каких-либо иных предметах; мы только и делаем, что составляем глоссы друг на друга.

Комментаторы повсюду так и кишат, а настоящих писателей — самая малость.

Разве самая первая и самая славная ученость нашего времени не в том, чтобы уметь понимать ученых? Разве это не общая и последняя цель обучения наукам?

Мнения наши нарастают одно на другое: первое служит стеблем для второго, второе для третьего. Так мы и поднимаемся со ступеньки на ступеньку. И получается, что тому, кто залез выше всех, часто выпадает больше чести, чем он заслужил, ибо, взобравшись на плечи предыдущего, он лишь чуточку возвышается над ним.

Как часто я глупейшим, может быть, образом говорил в своей книге о ней самой! Глупейшим хотя бы по той причине, что должен же был я помнить, как отзывался о тех, кто поступает точно так же, а именно: эти столь частые оглядки на собственный труд свидетельствуют, что

сердце их трепещет от любви к нему и что даже самые резкие и презрительные слова, которыми они его бичуют, не что иное, как жеманное притворство материнской нежности. Ведь, по Аристотелю, самовосхваление и самоуничижение часто бывают порождены одною и той же гордыней [12]. Ибо мое извинение, что в этом случае я имею право на большую свободу, чем другие, так как пишу ведь о себе и о своих произведениях, как о прочих своих делах, и что моя тема — это я сам, — это мое извинение, может быть, примут далеко не все.

В Германии я убедился, что после Лютера его учение вызвало не меньше и даже больше раздоров и споров, чем сам он высказал сомнений насчет истин Священного Писания. Наши разногласия чисто словесные. Я спрашиваю: что есть природа, сладострастие, круг, субстанция? Вопрос выражен словами, и в словах же дается ответ. «Камень есть тело». Но тот, кто станет спрашивать дальше: «А что такое тело?» — «Субстанция». — «А субстанция?» — в конце концов припрет отвечающего к стене. Одно слово разменивают на другое, часто еще менее известное. Я лучше разумею, что такое человек, чем что такое животное, смертное ли, разумное ли. Чтобы разрешить одно мое сомнение, мне предлагают три новых: это же головы гидры [13]. Сократ спросил у Мемнона, что есть добродетель. «Существует, — ответил Мемнон, — добродетель мужская и добродетель женская, добродетель должностного лица и частного человека, ребенка и старца». «Вот хорошо! — вскричал Сократ. — Мы искали одну добродетель, а у тебя их оказывается уйма» [14]. Мы задаем один вопрос, а вместо ответа получаем их целый рой. Как ни одно событие и ни один предмет не бывают совершенно похожи на другое событие и другой предмет, так не может быть между ними и полного различия. Природа в этом смешении проявила необычайную мудрость. Если бы во внешности у нас не было ничего общего, человека нельзя было бы отличить от животного; если бы мы были во всем схожи, нас нельзя было бы отличить друг от друга. Все вещи взаимосвязаны некими общими признаками, никакое подобие не бывает полным, отношения, познающиеся из опыта, всегда не вполне достоверны и совершенны, и однако же сравнению всегда есть за что уцепиться. Вот почему можно пользоваться законами, которые в какой-то мере подходят к любому нашему делу, благодаря различным окольным, притянутым за волосы и сомнительным толкованиям.

Поскольку моральные предписания, относящиеся к личному долгу каждого человека, устанавливаются, как мы видим, с таким трудом, удивительно ли, что законы, упорядочивающие отношения между людьми, вырабатывать еще труднее? Поразмыслите о юридических нормах, которым мы подчиняемся: это же подлинное свидетельство человеческого неразумия — столько в них противоречий и ошибок. В нашем праве обнаруживается так много несправедливости и в смысле мягкости и в смысле строгости, что я, право, не знаю, часто ли можно найти правильный средний путь между ними. И все это больные органы и уродливые члены самого тела, самого существа правосудия. Вот приходят ко мне

крестьяне, торопясь сообщить, что они только что нашли в принадлежащем мне лесу человека, избитого до смерти, но еще дышащего, который попросил их сжалиться над ним, дать ему напиться и поднять его. При этом они добавляют, что не решились подойти к нему и поскорее убежали, боясь, как бы слуги закона не увидели их на этом месте и как бы им не пришлось, подобно всем тем, кого застают у тела убитого, отвечать за это дело и окончательно погибнуть: у них ведь нет ни денег, ни иных средств защитить себя от обвинения. Что я мог им сказать? Несомненно им пришлось бы пострадать, прояви они человечность.

Сколько было случаев, когда невиновного постигала кара, и притом не по вине судей? А сколько было таких же случаев, никем никогда не обнаруженных? На моих глазах произошел такой случай. Несколько человек были присуждены к смертной казни за убийство, причем приговор этот не был еще объявлен, но о нем вынесли твердое согласное решение. И вот судьи получают от чиновников одной находящейся по соседству низшей судебной инстанции извещение, что у них есть заключенные, добровольно сознавшиеся в этом преступлении и пролившие ясный свет на все дело. Тем не менее судьи начинают совещаться, следует ли отложить приведение в исполнение приговора, вынесенного первым обвиняемым. Высказывают разные соображения о необычности данного случая, о том, что он может явиться прецедентом для отсрочек в других случаях, что обвинительный приговор вынесен по всем юридическим правилам и судьям не в чем себя упрекать. Одним словом, бедняги были принесены в жертву юридической формуле. Филипп или кто-то другой разрешил подобную же задачу следующим способом. После того, как он весьма решительно присудил одного человека к уплате другому очень большого штрафа, обнаружилось, что это его решение было неправильным. С одной стороны, приходилось считаться с доводами справедливости, с другой — с доводами юридических норм. Он принял и те и другие, оставив приговор в силе и из своих средств вернув осужденному уплаченный им штраф [15]. Но тут дело оказалось поправимым; люди же, о которых я говорю, были самым непоправимым образом повешены. Мало ли приходилось мне видеть приговоров более преступных, чем само преступление?

Все это вызывает у меня в памяти мнение древних: тот, кто стремится к некоей общей правде, вынужден допускать неправду в частностях, и тому, кто хочет справедливости в делах великих, приходится совершать несправедливость в мелочах [16], а правосудие человеческое действует на манер медицины [17], с точки зрения которой все полезное тем самым правильно и честно. Припоминается мне и положение стоиков о том, что в своем творчестве природа большей частью попирает справедливость, и учение киренаиков, что не существует вещей, которые были бы справедливы сами по себе, ибо правосудие создают обычаи и законы [18], и воззрения феодорян, полагающих, что для мудрого воровство, святотатство и всякого рода разврат вполне допустимы, если он убежден, что они ему на пользу [19].

Тут ничем не поможешь. Я, подобно Алкивиаду, никогда, насколько это было бы в моих силах, не вручил бы свою судьбу одному человеку, так чтобы жизнь моя и честь зависели от ума и ловкости моего защитника больше, чем от моей невиновности [20]. Я скорее доверился бы трибуналу, способному отдать должное и моим добрым делам и моим проступкам, на который я могу надеяться, даже опасаясь его решения. Безнаказанность — недостаточное воздаяние человеку, который делает больше, чем просто не совершает преступления. Наше правосудие протягивает нам лишь одну руку, да и то левую. Кем ты ни будь, без ущерба не обойдешься.

Китайское царство, не имевшее с нами общения и не ведавшее наших законов и наших искусств, тем не менее во многом их превзошло: история его учит, насколько мир обширнее и разнообразнее, чем древние и даже мы сами полагали. Так вот в Китае чиновники, которых государь посылает обследовать состояние провинций, не ограничиваются наказанием тех, кто недобросовестно выполняет свои обязанности, но и весьма щедро раздают награды тем, кто делает возложенное на него дело особенно ревностно и с бо́льшим тщанием, чем того требует простой долг. Люди являются к этим посланцам государя не только чтобы защищаться, но и чтобы получать поощрение, не только за вознаграждением, но и за подарком [21].

Слава богу, еще ни один судья не говорил со мною в качестве именно судьи по какому бы то ни было делу — моему лично или другого лица, уголовному или гражданскому. Не бывал я и ни в какой тюрьме — даже хотя бы из любопытства. Воображение у меня так развито, что даже один вид тюрьмы мне неприятен. Моя потребность в свободе так велика, что если бы мне вдруг запретили доступ в какой-то уголок, находящийся где-нибудь в индийских землях, я почувствовал бы себя в некоторой степени ущемленным. И я не стал бы прозябать там, где вынужден был бы скрываться, если бы где-то в другом месте можно было обрести свободную землю и вольный воздух. Боже мой, как трудно было бы мне переносить участь стольких людей, прикованных к какому-то определенному месту в нашем государстве, лишенных доступа в главные города и королевские замки и права путешествовать по большим дорогам за то, что они не желали повиноваться нашим законам! Если бы те законы, под властью коих я живу, угрожали мне хоть кончиком мизинца, я немедленно постарался бы укрыться под защиту других законов, куда угодно, в любое место. В наше время, когда кругом свирепствуют гражданские распри, все мое малое разумение уходит на то, чтобы они не препятствовали мне ходить и возвращаться куда и когда мне заблагорассудится.

Однако законы пользуются всеобщим уважением не в силу того, что они справедливы, а лишь потому, что они являются законами. Таково мистическое обоснование их власти, и иного у них нет. Впрочем, этого им вполне достаточно. Часто законы создаются дураками, еще чаще людьми, несправедливыми из-за своей ненависти к равенству, но всегда людьми — существами, действующими суетно и непоследовательно.

Ничто на свете не несет на себе такого тяжелого груза ошибок, как законы. Тот, кто повинуется им потому, что они справедливы, повинуется им не так, как должен. Наши французские законы по своей неупорядоченности и нечеткости весьма содействуют произволу и коррупции у тех, кто их применяет. Сформулированы они так темно и неопределенно, что это некоторым образом даже оправдывает и неподчинение им, и все неправильности в их истолковании, применении и соблюдении. Поэтому можно сказать, что как ни полезен для нас опыт вообще, не много пользы принесет нашему жизнеустройству тот, который мы черпаем у иноземцев, если мы оказываемся не способными извлечь выгоду из нашего собственного: ведь свое нам все-таки ближе и, конечно, в достаточной мере может научить нас тому, что нам насущно необходимо.

Тот предмет, который я изучаю больше всякого иного, — это я сам. Это моя метафизика, это моя физика.

Qua deus hanc mundi temperet arte domum,
Qua venit exoriens, qua deficit, unde coactis
Cornibus in plenum menstrua luna redit;
Unde salo superant venti, quid flamine captet
Eurus, et in nubes unde perennis aqua.
Sit ventura dies mundi quae subruat arces *.

Quaerite quos agitat mundi labor **.

В этом университете я, невежественный и беспечный, всецело подчиняюсь общему закону, управляющему вселенной. Я знаю о нем достаточно, если чувствую его. Сколько бы я ни познавал, он не отклонится от своего пути, он не изменится ради меня. Безумием было бы надеяться на это, а еще худшим безумием — огорчаться, ибо закон этот по необходимости единообразен, всеобщ и очевиден.

Благонамеренность и одаренность правящего должны начисто освободить нас от забот о делах управления. Философские изыскания и помышления служат лишь пищей нашей любознательности. С полным основанием отсылают нас философы к законам природы, но им самим эта высокая наука не очень-то по плечу. Они ложно толкуют их и лик ее являют нам слишком уж ярко расписанным, слишком искаженным, отчего единый предмет и предстает перед нами в столь различных видах.

Природа наделила нас ногами для хождения, она же с умом руководит нами на жизненном пути. Разум ее не столь искусный, тяжеловесный и велеречивый, как тот, что изобрели философы, но зато он легок и благо-

* Каким образом бог управляет мирозданием, как появляется новая луна, как она убывает, как, соединив вместе свои половинки, ежемесячно вырастает в полную: каким образом ветры властвуют над морем, за чем гонится порывистый Эвр, откуда в тучах неиссякаемая вода, и придет ли день, когда рухнут своды вселенной [22] (*лат.*).

** Ищите на это ответ, вы, кого занимает устройство мира [23] (*лат.*).

датен и во всем, что обещает разум философов на словах, хорошо помогает на деле тому, кто, к счастью своему, умеет подчиниться природе бесхитростно и безмятежно, иначе говоря — естественно.

Самый мудрый способ ввериться природе—сделать это как можно более просто. О, какой сладостной, мягкой, удобной подушкой для разумно устроенной головы являются незнание и нежелание знать! Я предпочел бы хорошо понимать самого себя, чем Цицерона. Если я буду прилежным учеником, то мой собственный опыт вполне достаточно умудрит меня. Кто восстановит у себя в памяти все неистовство своей недавней гневной вспышки, припомнит, куда она его завела, тот уразумеет лучше, чем из творений Аристотеля, как безобразна эта страсть, и с более глубоким основанием отвратится от нее. Кто вспоминает о постигавших его бедствиях, о тех, что ему угрожали, о незначительных случайностях, так резко изменивших его жизненные обстоятельства, тот подготовляется к будущим переменам в своей судьбе и к осознанию своего истинного положения. В жизни Цезаря мы не найдем большего числа поучительных примеров, чем в нашей собственной. И жизнь правителя и жизнь простолюдина — это всегда человеческая жизнь, полная обычных для нее превратностей. Не будем упускать этого из вида. Мы всегда говорим друг с другом о наших самых насущных нуждах. Разве со стороны того, кто помнит, как часто он ошибочно судил о вещах, не глупо доверять постоянно и неизменно своему суждению? Когда доводы другого человека убеждают меня в ложности моего мнения, я не столько узнаю от него нечто новое, узнаю, что проявил невежество именно в данной области (это было бы не такое уж ценное приобретение), сколько убеждаюсь в своей слабости вообще и в шаткости своего рассудка, вследствие чего и стараюсь исправить все в целом. Так же точно поступаю я и в отношении других своих заблуждений, и следование этому правилу приносит мне большую пользу. Каждый данный случай и все, к чему он относится, я рассматриваю не просто как камень, о который споткнулся: я понимаю, что в походке моей не все вообще ладно, и стараюсь выправлять свой шаг. Уразуметь, что сказал или сделал какую-то глупость, — это еще пустяки: надо понять, что ты по сути своей глуп, — вот наука куда более значительная и важная. Ложные шаги, на которые наталкивала меня моя память, даже когда она была особенно уверена в себе, не остались без пользы: теперь в ответ на все ее клятвы и заверения я затыкаю уши. Первые же возражения, которые встречает ее свидетельство, настораживают меня, и я уже не решаюсь слепо довериться ей в чем-либо существенно важном и положиться на нее в деле, где замешан кто-то другой. И хотя другие, может быть, гораздо чаще совершают по недобросовестности те ошибки, в которых я повинен из-за недостатка памяти, все же в том или ином деле я охотнее поверю словам, исходящим из уст другого человека, чем своим собственным. Если бы каждый так же пристально изучал последствия и воздействия страстей, которым он подвластен, как я поступал в отношении тех, которым поддавался сам, он мог бы предвидеть их прилив и несколько умерять его бурное неистовство. Не всегда

они внезапно обрушиваются на нас, вцепляясь нам в глотку: тут наблюдается и отдаленная угроза, и постепенное нарастание.

Fluctus uti primo coepit cum albescere vento,
Paulatim sese tollit mare, et altius undas
Erigit, inde imo consurgit ad aethera fundo *.

В душевной жизни моей рассудок занимает важнейшее место, во всяком случае он всячески старается его занять. Он не препятствует свободному развитию моих влечений, моим враждебным и дружеским чувствам, даже моей любви к самому себе, но они не задевают и не замутняют его. Если он не способен исправить прочие мои душевные свойства по своему подобию, то во всяком случае он не поддается их вредному влиянию: он живет сам по себе.

Призыв «познай самого себя» имеет, видно, существеннейшее значение, если бог знания и света начертал его на фронтоне своего храма [25] как всеобъемлющий совет, который он мог нам дать. Платон говорит, что осуществление этой заповеди и есть следование разуму [26], и Сократ у Ксенофонта подтверждает это различными примерами [27]. Трудности и темные места любой науки заметны лишь тем, кто ею овладел. Ибо нужно обладать некоей степенью разумения, чтобы заметить свое невежество, и надо толкнуть дверь, чтобы удостовериться, что она заперта. Отсюда и хитроумное платоновское положение, что знающим незачем познавать, раз они уже знают, а незнающим тоже незачем, ибо для того, чтобы познать, надо разуметь, что именно познаешь [28]. Точно так же обстоит с познанием самого себя. Каждый уверен, что в этом отношении у него все в полном порядке, каждый думает, что отлично сам себя понимает, но это-то и означает, что решительно никто о самом себе ничего не знает, как показал Сократ Эвтидему у Ксенофонта [29]. Я, не занимающийся ничем иным, нахожу в этой науке такую глубину и столь бесконечное разнообразие, что все мои изыскания приводят меня лишь к ощущению того, как много мне еще надо узнать. Своей многократно признававшейся мною слабости обязан я склонностью к скромной самооценке, к подчинению предписанным мне верованиям, обязан моим неизменным хладнокровием, умеренностью во взглядах и отвращением к докучной и бранчливой наглости самодовольных всезнаек — главным врагам истины и подлинной учености. Послушайте-ка их речи: любую чепуху городят они торжественным слогом заповедей и законов. Nil hoc est turpius quam cognitioni et perceptioni assertionem approbationemoque praecurrere **. Аристарх сказал, что в древние времена с трудом можно было насчитать семь мудрецов, а в его время трудно было найти семь невежд [31]. Разве мы в наше время можем сказать это не с большим основанием, чем он? Самоуверенность и упрямство —

* Подобно тому как на морской поверхности появляются белые гребни, а затем море постепенно вздувается и вздымает все выше волны, пока, наконец, от самых глубин не возносится к небу [24] (*лат.*).

** Нет ничего постыднее, чем предварять утверждением и одобрением познание и восприятие [30] (*лат.*).

явные признаки глупости. Такой-то сто раз на дню зарывался носом в землю, но вот он опять в седле, столь же решительный и невозмутимый, как и прежде. Можно подумать, что в него вселили новую душу, силу разумения и что с ним произошло то же, что с древним сыном земли, который, падая и соприкасаясь с землею, обретал новую мощь[32],

> cui, cum tetigere parentem,
> Iam defecta vigent renovato robore membra *.

Уж не рассчитывает ли этот неугомонный упрямец заново воодушевиться для новой словесной распри? На основании собственного опыта говорю я так о людском невежестве: оно, на мой взгляд, и есть самое точное знание, какое можно получить в школе жизни. Те, кто не хочет признать этого, исходя из столь жалкого примера, как мой или их собственный, могут опереться на Сократа, учителя учителей. Ибо философ Антисфен сказал своим ученикам: пойдемте, послушаем Сократа, вместе с вами стану я у него учиться[34]. И, утверждая положение стоической школы о том, что одной добродетели достаточно, чтобы сделать жизнь счастливой и ничего больше не желать, он добавлял: кроме сократовой силы духа[35].

Неустанное внимание, с которым я сам себя изучаю, научило меня довольно хорошо разбираться и в других людях, и мало есть на свете вещей, о которых я говорил бы более успешно и удачно. Часто случается, что жизненные обстоятельства своих друзей я вижу и понимаю лучше, чем они сами. Правильность моего изложения изумила кое-кого из них и заставила их обратить внимание на многое в их собственных обстоятельствах. Приучившись с детства созерцать свою жизнь в зеркале других жизней, я приобрел в этом деле опытность и искусство, и когда я думаю над этими вещами, от меня ускользает очень немногое из того, что к ним относится, — из человеческого поведения, настроений, речей. Я изучаю все: и то, чего мне надо избегать, и то, чему я должен следовать. Так и друзьям своим на основании их дел и поступков объясняю я их внутренние склонности, и не просто для того, чтобы распределить эти бесконечно разнообразные действия по определенным видам и рубрикам, а затем четко распределить все, что приведено мною в порядок, по существующим типам и классам.

> Sed neque quam multae species, et nomina quae sint,
> Est numerus **.

Ученые находят для своих построений гораздо более дробные и детальные обозначения. Я же, не проникающий во все эти вещи глубже, чем мне нужно в данный момент, не руководствуюсь никакими правилами и свои построения формулирую лишь в общих чертах и, так сказать, на

* ...у которого, когда он прикасался к родительнице, исполнялись новою силою истомленные мышцы[33] (*лат.*).

** Но невозможно исчислить, сколь много видов и каковы их названия[36] (*лат.*).

ощупь. Так же обстоит дело и с этой книгой: я высказываю свои взгляды в отдельных фразах, как если бы речь шла о чем-то таком, что не может рассматриваться как единое целое. Взаимосвязанности и единообразия не найти в душах столь обычных и низменных, как наши. Мудрость есть здание прочное и цельное, каждая часть которого занимает строго определенное место и имеет свой признак. Sola sapientia in se tota conversa est *. Я предоставляю художникам распределять по клеткам все бесконечное многообразие обликов, закреплять и упорядочивать нашу переменчивость, но не знаю, удастся ли им справиться с предметом столь сложным, состоящим из такого количества случайных мелочей. Я считаю крайне затруднительным не только увязывать наши действия одно с другим, но и правильно обозначать каждое из них по одному главному признаку, настолько двусмысленны они и пестры и пребывают в зависимости от освещения.

То, что в царе македонском Персее [38] считали странностью, а именно, что дух его, никогда не пребывая в некоем определенном состоянии, стремился проявить себя в различных образах жизни, в необычных и переменчивых нравах и благодаря этому ни сам Персей, ни другие не в состоянии были понять, что же он за человек, — эти черты представляются мне свойственными всем людям. Особенно хорошо знаю я другого такого же человека, к которому, по-моему, с еще большим правом можно отнести нижеследующее заключение: ему чужд какой бы то ни было средний путь, он по самому неожиданному поводу бросается из одной крайности в другую, он, даже двигаясь куда-то, беспрестанно сворачивает в сторону или возвращается обратно, все его свойства противоречивы, так что наиболее правильное мнение сведется когда-нибудь к тому, что он старался и стремился стать известным из-за того, что его невозможно познать.

Надо иметь очень чуткие уши, чтобы выслушивать откровенные суждения о себе. И так как мало таких людей, которые могут выносить это, не оскорбляясь, те, кто решаются высказывать нам, что они думают о нас, проявляют тем самым необыкновенно дружеские чувства. Ибо ранить и колоть для того, чтобы принести пользу, — это и есть настоящая любовь. Мне тягостно судить человека, у которого дурных свойств больше, чем хороших. Платон говорит, что у того, кто хочет познать чужую душу, должны быть три свойства: понимание, благожелательность и смелость [39].

Меня иногда спрашивали, к какой деятельности я считал бы себя наиболее способным, если бы кому-нибудь пришло в голову применить к чему-либо мои силы, когда я был еще в подходящем для этого возрасте.

> Dum melior vires sanguis dabat, aemula necdum
> Temporibus geminis canebat sparsa senectus **.

---

* Лишь одна мудрость полностью обращена на себя [37] (*лат.*).

** Пока более быстрая кровь давала мне силы и пока завистливая старость не посеребрила мне виски [40] (*лат.*).

— Ни к какой, — отвечал я. И я даже рад, что не умею делать ничего, что бы могло превратить меня в раба другого человека. Но я сумел бы высказать моему господину всю правду о нем и ясно обрисовать ему его нрав, если бы он этого захотел. Не в общих суждениях, по схоластическому способу, чего я делать не умею (впрочем, уменье это не приносит никакой пользы тем, у кого оно есть), но наблюдая его шаг за шагом, поскольку для этого у меня имелась бы полная возможность, и внимательным взглядом оценивая их во всех подробностях; и я излагал бы ему это просто и естественно, разъясняя, что о нем думают на самом деле люди, и всячески опровергая его льстецов. Каждый из нас стоил бы куда меньше, чем короли, если бы его постоянно портили лестью, как портит властителей окружающая их сволочь. Да что говорить, если даже Александр, этот великий государь и великий мыслитель, был беззащитен перед лестью! У меня хватило бы и верности, и разума, и внутренней свободы для того, чтобы говорить правду. Это была бы служба, не дающая славы: иначе она утратила бы всю свою действенность, все свои благодатные свойства. И подобную роль может сыграть не каждый человек. Ибо даже истине не дано преимущество быть высказываемой в любое время и при любых обстоятельствах: как ни благородно быть ее глашатаем, и это дело требует определенных условий, определенных рамок. Мир так устроен, что нередко ее доводят до слуха властителя не только без всякой пользы, но даже с дурными последствиями и к тому же неоправданно. И меня никто не убедит в том, что даже самый справедливый укор не может оказаться несвоевременным и что суть дела не должна порою уступать форме. Я полагаю, что такая деятельность больше всего подобала бы человеку, довольному своей участью,

Quod sit esse velit, nihilque malit *,

и рожденному в среднем состоянии. Ибо, с одной стороны, он не побоялся бы слишком глубоко затронуть сердце властителя и тем самым повредить своей карьере, а с другой, как человек среднего состояния, находился бы в постоянном общении со всякого рода людьми. Я считаю, что в подобной роли должен был бы выступать лишь один человек, ибо даровать право на такую свободу и близость к государю многим людям означало бы породить весьма пагубное неуважение к верховной власти. И кроме того, от такого человека я потребовал бы прежде всего верности и молчания.

Нельзя верить королю, хвалящемуся тем, что ради славы своей он стойко дожидался нападения неприятеля, если он не способен ради своей пользы и назидания выслушать откровенные речи друга, которые могли бы лишь оскорбить его слух, так как всякое другое их действие зависит только от его доброй воли. А между тем из всех людей именно облеченные властью более всего нуждаются в правдивом и свободном слове. Жизнь их протекает на глазах у всех, и им приходится домогаться

* ...который хочет быть тем, что он есть, и не хочет ничего другого[41] (*лат.*).

симпатии огромного количества зрителей. Но так как принято скрывать от них все, что может заставить их свернуть с предначертанного пути, они, даже не сознавая того, становятся порою ненавистными своим народам по причинам, которых они часто могли бы избежать, не пожертвовав при этом ни одним из своих удовольствий, если бы их вовремя предупредили и подали им добрый совет. Обычно их любимцы заботятся больше о себе, чем о своем повелителе, и ничего на этом не теряют, ибо, говоря по правде, подлинно дружеские чувства к государю подвергаются всегда суровым и опасным испытаниям, так что такая дружба требует не только привязанности и искренности, но и мужества.

В общем же все состряпанное мною здесь кушанье есть лишь итог моего жизненного опыта, который для всякого здравомыслящего человека может быть полезен как призыв действовать совершенно противоположным образом. Но что до здоровья телесного, то ничей опыт не будет полезнее моего, ибо у меня он предстает в чистом виде, не испорченном и не ущемленном никакими ухищрениями, никакой предвзятостью. В отношении медицины опыт — как петух, роющийся в своем же помете: разумное он обретает в самом себе. Тиберий говорил, что каждый, проживший двадцать лет, должен сам понимать, что для него вредно, а что полезно, и уметь обходиться без врачей [42]. Эту мысль он мог позаимствовать у Сократа, который, советуя своим ученикам прилежно изучать, как важнейшую вещь, свое здоровье, добавлял, что было бы невероятно, если бы рассудительный человек, следящий за тем, чтобы правильно упражнять свое тело, есть и пить, сколько нужно, не понимал бы лучше всех врачей, что для него хорошо, что плохо [43]. Да и медицина всегда заявляет, что во всех своих предписаниях исходит из опыта. Следовательно, Платон был прав, когда говорил, что настоящему врачу, стремящемуся усовершенствоваться в своем искусстве, следовало бы испытать все болезни, которые он намеревается лечить, все случаи и обстоятельства, на основании которых он должен принимать решения [44]. И правильно: если они хотят лечить сифилис, пусть переболеют им. Такому врачу я бы доверился, ибо все прочие, руководя нами, уподобляются тому человеку, который рисует моря, корабли, гавани, сидя за своим столом и в полной безопасности водя перед собою взад и вперед игрушечный кораблик. А когда им приходится взяться за настоящее дело, они ничего не могут и не знают. Они описывают наши болезни, как городской глашатай, выкрикивающий приметы сбежавшей лошади или собаки: такой-то масти шерсть, такой-то рост, такие-то уши, — но покажите им настоящего больного, и они не распознают болезни.

Дал бы бог, чтобы медицина хоть раз в жизни оказала мне настоящую ощутимую помощь, и я с открытой душой вскричал бы:

Tandem efficaci do manus scientiae! *

Искусства, сулящие нам телесное и душевное здоровье, обещают много, но именно они реже всего исполняют свои обещания. И в наше время те,

* Наконец-то я подаю руку этой могущественной науке [45] (*лат.*).

кто считает врачевание своей профессией, действуют в этой области хуже, чем любой другой человек. Самое большее, что о них можно сказать, — это, что они продают лекарственные средства, но сказать, что они врачи, никак нельзя.

Я прожил достаточно долго, чтобы оценить те навыки, которые обеспечили мне столь продолжительное существование. Так как они мною уже испробованы, на меня могут опираться все, кто захотел бы к ним прибегнуть. Вот кое-что из них, насколько мне помнится. У меня не было таких навыков, которые не изменялись бы в зависимости от обстоятельств, но здесь я указываю наиболее постоянные и свойственные мне до настоящего времени. И здоровый, и больной, я веду один и тот же образ жизни: сплю на одной и той же кровати, придерживаюсь того же распорядка дня, ем и пью одно и то же. Ничего к этому не добавляется, я меняю только количество пищи и часов сна, в зависимости от своих сил и аппетита. Я блюду свое здоровье, следуя без изменений привычному жизненному распорядку. Болезнь выбила меня из него с одной стороны? Если я доверюсь врачам, они выбьют меня из него и с другой, так что и волею обстоятельств и из-за медицинского искусства я окажусь вне своей обычной колеи. А между тем больше всего я верю в то, что мне никак не могут повредить вещи, к которым я издавна привык.

Именно привычка сообщает нашей жизни ту форму, какая ей заблагорассудится. Здесь она всемогуща: это волшебный напиток Цирцеи, придающий существу нашему любой облик [46]. Многие народы, в трех шагах от нас, считают нелепостью бояться столь явно мучительной для нас вечерней прохлады; наши моряки и крестьяне тоже над этим смеются. Немец плохо себя чувствует, лежа на матраце, итальянец — на перине, а француз — если он спит без штор и без огня в камине. Желудок испанца не выносит нашего способа питаться, а наш — швейцарской манеры пить.

Один немец, к великому моему удовольствию, поносил неудобство наших каминов, используя те же доводы, какими мы осуждаем их печи. И правда, жар в замкнутом пространстве и запах раскаленного кирпича, из которого сложены печи, тягостны для большинства тех, кто к этому не приучен. Для меня, впрочем, нет. Вообще же это устойчивое и равномерно распределенное всюду тепло, без пламени, без дыма, без ветра, задувающего через широкие зевы наших каминов, вполне выдерживает сравнение с нашим способом обогревания комнат. Но почему мы не подражаем архитектуре римлян? Ибо говорят, что в древности дома их обогревались снаружи и снизу, откуда тепло распространялось по всему жилью с помощью труб, проложенных внутри стен и проходящих через все помещения, которые надо было обогревать: обо всем этом очень ясно говорится где-то у Сенеки [47]. Вышесказанный немец, слыша, как я нахваливаю удобства и красоты его города, вполне заслуживающего похвал, принялся жалеть меня по поводу моего отъезда: одним из первых неудобств, с которыми мне, по его мнению, пришлось бы столкнуться, явилась бы тяжесть в голове из-за каминного угара во Франции. Говорил он с чьих-то чужих

слов и, не имея случая столкнуться с этим неприятным явлением у себя, считал его характерной чертой нашего обихода. Всякий жар от горящего пламени действительно вызывает у меня слабость и тяжесть в голове. Хотя Эвен и говорил, что лучшая утеха жизни — огонь [48], я предпочитаю любой другой способ избегать холода.

Мы не любим пить вино со дна бочки. Для португальцев же винный осадок — наслаждение, царский напиток. В общем, каждый народ имеет свои обычаи и привычки не только не известные другим народам, но диковинные и странные с их точки зрения.

Что сказать о народе, который уважает лишь печатное свидетельство, доверяет только тем людям, о которых можно прочесть в книге, и верит только в истины очень почтенного возраста? Отливая свои глупости в металлическом шрифте, мы как бы придаем им некое благородство. Когда говоришь «я прочел», кажется, что это звучит более веско, чем «я слышал». Но я, придающий устам человеческим не меньшее значение, чем рукам, знающий, что писать можно так же легкомысленно, как говорить, я, уважающий наш век не менее, чем любой из минувших, так же охотно сошлюсь на кого-либо из своих друзей, как на Авла Геллия или Макробия, и на то, что я видел, как на то, что они написали. И как принято считать, что добродетель отнюдь не выше от того, что ей предавались дольше, так и я полагаю, что та или иная истина не становится мудрее от своего возраста. Я часто говорю, что погоня наша за примерами чужеземными и книжными — чистейшее недомыслие. Опыт нашего времени так же плодотворен, как опыт времен Гомера или Платона. Но разве не правда, что звонкая цитата соблазняет нас больше, чем правдивая речь? Как будто доказательства, которые можно почерпнуть в книжной лавке Васкосана или Плантена [49], стоят больше, чем те, которые приводит нам жизнь нашего села? Или, может быть, нам не хватает ума, чтобы исследовать то, что происходит у нас перед глазами, дать ему правильную оценку и составить о нем решительное суждение, чтобы извлечь некий пример? Ибо, когда мы утверждаем, что мнения наши недостаточно вески, чтобы люди придавали веру нашему свидетельству, говорится это впустую. Тем более, что на мой взгляд, если пролить настоящий свет на самые обыкновенные, общеизвестные и всем привычные вещи, они могут предстать как величайшие чудеса мира и из них можно извлечь удивительнейшие примеры, в особенности касательно дел человеческих.

Но вернемся к моему предмету. Оставив в стороне книжные свидетельства и то, что Аристотель говорит об Андроне, аргийце, который пересекал пески ливийской пустыни и при этом ничего не пил [50], хочу упомянуть об одном дворянине, достойным образом отправлявшем различные должности, который рассказывал в моем присутствии, что он в самый разгар лета ездил из Мадрида в Лиссабон и ничего не пил в дороге. Он отличается превосходным для своего возраста здоровьем и ведет самый обычный образ жизни — за исключением того, что в течение двух-трех месяцев, а иногда и года, ничего не пьет, как он мне сам говорил. Он испытывает жажду, но ждет, чтобы она прошла, считая, что

это ощущение само по себе ослабевает, и вообще он пьет лишь по случайному побуждению, а не по нужде или ради удовольствия[51].

А вот еще пример. Недавно я видел, как один из ученейших мужей Франции, и притом один из наиболее состоятельных, занимается у себя в углу залы, отделенном от остального помещения портьерой. Кругом совершенно беззастенчиво кричали и суетились его слуги. Он же сказал мне — до него это говорил и Сенека[52], — что весь этот шум ему даже полезен, ибо, оглушенный им, он еще глубже погружается в созерцание: громкие голоса помогают ему сосредоточиться. Будучи студентом в Падуе, он занимался в помещении, куда с площади доносился звон колоколов и уличный гвалт, и не только приучился переносить шум, но у него даже выработалась привычка к шуму в часы занятий. Когда Алкивиад спрашивал Сократа, как это он выносит беспрестанную сердитую воркотню своей жены, тот отвечал: «Привыкают же к скрипу колес, с помощью которых вытягивают из колодца ведра с водой»[53]. Для меня все обстоит иначе. Дух мой чувствителен и легко возбудим: когда он погружен в себя, даже жужжание мухи для него мучительно.

Сенека с молодых лет увлекся примером Секстия[54], который никогда не ел мяса убитых или умерших животных, и уже через год Сенека с удовольствием обходился без мясной пищи. Он отказался от этой привычки лишь потому, что опасался, как бы его не заподозрили в склонности к новой религии, проповедовавшей такое воздержание. Одновременно он следовал совету Аттала[55] не спать на мягких матрацах и до самой старости пользоваться твердыми, не сгибающимися под тяжестью человеческого тела. И если нравы его времени побуждали Сенеку искать сурового образа жизни, то обычаи наших дней заставляют нас стремиться к удобствам.

Обратите внимание на образ жизни мой и моих слуг: даже скифы и индийцы не более отличаются от меня силой и обликом, чем они. Я брал к себе на службу нищенствующих детей, которые вскоре покидали меня и мою кухню, сбрасывали с себя мою ливрею, чтобы возвратиться к своему прежнему существованию. Среди них был один, который, уйдя от меня, питался ракушками, разысканными среди отбросов, и ни уговорами, ни угрозами я не добился, чтобы он отверг радости и блага полуголодной жизни. У нищих бродяг есть и своя роскошь и свои наслаждения, как у богатых, и даже, говорят, свое особое общественное устройство с должностями и званиями. Все зависит от привычки. Она может не только отливать нас в любую форму (но мудрецы говорят, что нам все же следует выбирать лучшую, и привычка облегчит нам это дело), но даже приучить к любым переменам, что является благороднейшей и полезнейшей из ее наук. Лучшее из моих природных свойств — гибкость и податливость: я обладаю некоторыми склонностями, более для меня подходящими, привычными и приятными, чем другие, но без особых усилий могу отказаться от них и с легкостью перейти к навыкам совершенно противоположным. Молодой человек должен нарушать привычный для него образ жизни: это вливает в него новые силы, не дает ему закоснеть и опош-

литься. Самые нелепые и жалкие жизненные навыки — те, что целиком подчиняют человека каким-то неизменным правилам и жестокой дисциплине.

Ad primum lapidem vectari cum placet, hora
Sumitur ex libro; si prurit frictus ocelli
Angulus, inspecta genesi collyria quaerit *.

На мой взгляд, юноша должен порою быть невоздержанным: иначе для него окажется губительной любая буйная шалость и в веселой беседе он окажется неудобным и неприятным обществу. Самое неблаговидное для порядочного человека свойство — это чрезмерная щепетильность и приверженность к какой-то особой манере держаться: неподатливость и негибкость и составляют ее особенность. Постыдно, когда человек отказывается от чего-то из-за своего бессилия или не осмеливается делать то, что делают его товарищи. Пусть подобные люди плесневеют у себя на кухне. Такое поведение неприлично для каждого человека, но особенно пагубно и недопустимо оно для воина, который, по словам Филопемена, должен приучаться к любым жизненным превратностям и переменам [57].

В свое время я был в достаточной мере приучен к свободе и готовности менять свои привычки, но, старея, поддался слабости и стал усваивать определенные постоянные навыки (в моем возрасте переучиваться уже не приходится, надо думать лишь о том, чтобы сохранить себя в какой-то форме). Теперь уже привычка к некоторым вещам незаметным образом так властно завладела мною, что нарушение ее представляется мне просто разгулом. Без тягостного для себя ощущения я не могу ни засыпать среди бела дня, ни есть что-нибудь в неустановленные для трапез часы, ни лишний раз позавтракать, ни ложиться спать раньше, чем пройдет по крайней мере три часа после ужина, ни делать детей иначе как только перед сном и только лежа, ни ходить вспотевшим, ни пить одну воду или же неразбавленное вино, ни оставаться долгое время с непокрытой головой, ни бриться после обеда. Обходиться без перчаток мне теперь так же трудно, как без рубашки, трудно не помыть рук после обеда и, встав ото сна, трудно обходиться без полога и занавесок на кровати, как вещей совершенно обязательных. Пообедать без скатерти я могу, но на немецкий манер, без чистой салфетки — очень неохотно. Я пачкаю салфетки гораздо больше, чем немцы или итальянцы, и редко пользуюсь ложкой и вилкой. Жаль, что у нас не привился обычай, принятый при дворе: менять салфетки вместе с тарелками, с каждым блюдом. О таком суровом воине, как Марий, известно, что с возрастом он стал очень брезглив в питье и пользовался только своей собственной чашей. Я тоже предпочитаю особой формы стаканы и неохотно пью из любого, так же как и из поданного любой рукой. Я не признаю ме-

* Если она собирается выехать куда-нибудь неподалеку за город, то время отъезда устанавливается по книге астрологии; если у нее зачешется уголок глаза, который она только что потерла, то она не приложит примочки, пока не заглянет в свой гороскоп [56] (*лат.*).

талла — прозрачное, ясное стекло мне приятнее. Пусть глаза мои наслаждаются, как могут, когда я пью.

Кое-какими чертами изнеженности я обязан привычке, но постаралась тут со своей стороны и природа. Так, я не могу основательно поесть дважды в день, не отягчив желудка, но не могу и всю дневную порцию съедать в один присест, иначе меня начинает пучить, пересыхает во рту, нарушается аппетит. Не могу я и проводить долгое время на воздухе в ночную пору, ибо если в походе — как это нередко бывает — приходится всю ночь бодрствовать под открытым небом, с некоторых пор у меня в таких случаях часов через пять или шесть начинается расстройство желудка, сильные головные боли, а к утру — обязательно рвота. Когда другие идут завтракать, я заваливаюсь спать, а выспавшись, встаю как ни в чем не бывало. Я всегда слыхал, что вредоносная сырость распространяется лишь с ночной темнотой. Но за последние годы мне пришлось близко и длительно общаться с одним господином, проникнутым уверенностью в том, что сырость особенно въедлива и опасна под вечер, за час или два до захода солнца. Господин этот старательно избегает выходить именно в это время, а ночной сырости совсем не боится, и на меня он тоже повлиял в этом смысле — не столько, правда, своими доводами, сколько силой убежденности. Что ж, значит сомнение и исследование могут настолько поразить наше воображение, что мы способны измениться? Кто поддается такому направлению мыслей, сам себя губит. Я очень жалею некоторых известных мне дворян, которые из-за глупости своих врачей еще в молодом возрасте и в добром здоровье стали жить, как в больнице. Лучше перенести простуду, чем, отвыкнув от жизни в обществе, навсегда отказаться от нее и от всякой нужной и полезной деятельности. Одна беда от этой науки, лишающей нас самых сладостных в жизни часов! Надо полностью использовать все предоставленные нам возможности. Упорство чаще всего закаляет и лечит, — так исцелился Цезарь от падучей тем, что не обращал на нее внимания и не поддавался ей [58]. Следует руководствоваться разумными правилами, но не подчиняться им слепо — разве что тем, если такие существуют, рабская приверженность которым благодетельна.

Короли и философы ходят по нужде, а также и дамы. Жизнь людей, находящихся на виду, связана со всяческими церемониями; моя же независима; к тому же солдату и гасконцу свойственно говорить свободно. Вот почему я и скажу: по нужде надо ходить в определенные часы, лучше ночью, приучить себя к такому порядку, как я это сделал, но не стать рабом его, как случилось со мной, когда я постарел, так что теперь мне для этого дела необходимо определенное место и сиденье, и оно связано для меня с неудобствами и проволочками из-за вялости моего кишечника. Но разве не извинительно стараться соблюдать при отправлении самых грязных функций самую тщательную чистоту? Natura homo mundum et elegans animal est *.

* Человек по своей природе — животное чистое и изящное [59] (*лат.*).

Когда я отправляю именно эту естественную потребность, всякий перерыв мне особенно неприятен. Мне приходилось встречать немало военных, которые страдали от расстройства пищеварения. Я же и мое пищеварение никогда не бываем в разладе, встречаясь как раз в тот момент, когда надо вставать с постели, разве что нам в этом помешает какое-нибудь очень важное дело или болезнь.

Как мне уже приходилось говорить, я не вижу, что лучшего может сделать больной, если не придерживаться своего обычного образа жизни, своей привычной пищи. Какое бы то ни было изменение всегда мучительно. Попробуйте доказывать, что каштаны вредны жителям Перигора или Лукки, а молоко и сыр — горцам. А им станут предписывать не только новый, но и совсем противоположный образ жизни; такой перемены не вынесет и здоровый человек. Заставьте семидесятилетнего бретонца пить одну родниковую воду, заприте моряка в ванную комнату, запретите лакею-баску гулять, лишите их движения, воздуха и света.

An vivere tanti est? *

Cogimur a suetis animum suspendere rebus,
Atque, ut vivamus, vivere desinimus.
Hos superesse reor, quibus et spirabilis aer
Et lux qua regimur redditur ipsa gravis? **

Если врачи не делают ничего хорошего, то они хоть подготовляют заблаговременно своих больных к смерти, подтачивая постепенно их здоровье и понемногу ограничивая их во всех жизненных проявлениях. И здоровый и больной, я всегда готов был поддаться обуревавшим меня влечениям. Я очень считаюсь со своими желаниями и склонностями. Я не люблю лечить одну беду с помощью другой и ненавижу лекарства, еще более докучные, чем болезнь. Страдать от колик и страдать от того, что лишаешь себя удовольствия есть устрицы, — это две беды вместо одной. Мучит нас болезнь, мучит и режим. Раз мы и так и этак вынуждены идти на печальный риск, давайте, рискуя, получать хоть какое-то удовольствие. Люди же обычно поступают наоборот, считая, что полезным может быть только неприятное: все, что не тягостно, кажется им подозрительным. Аппетит мой во многих случаях обходился без постороннего вмешательства, во всем завися от состояния моего желудка. Острые приправы и соусы я любил, когда был молод. Затем они стали вредить моему желудку, и я тотчас же потерял к ним всякий вкус. Вино вредно больным: когда я болен, первое, к чему я начинаю испытывать непреодолимое отвращение, — это именно к вину. Все, что мне противно, является и вредным для меня, как не причиняет вреда ничто из того, к чему у меня есть влечение и вкус. Никогда не приходилось мне страдать, если

* Стоит ли жизнь такой цены? [60] (*лат.*).

** Нас заставляют отучить душу от привычных вещей, и, чтобы жить, мы перестаем жить. Можно ли считать живущими тех, кого лишают и воздуха, которым мы дышим, и света, столь много значащего для нас [61]? (*лат.*).

я делал нечто для меня приятное, и я всегда смело жертвовал врачебными предписаниями ради своего удовольствия. В молодости,

Quem circumcursans huc atque huc saepe Cupido
Fulgebat, crocina splendidus in tunica *,

я предавался обуревавшему меня желанию с таким же безудержным сладострастием, как любой другой юноша,

Et militavi non sine gloria **,

но выражалось это у меня больше в длительности и непрерывности его, чем в количестве любовных приступов:

Sex me vix memini sustinuisse vices ***.

Мне даже стыдно признаться, в каком необычайно юном возрасте познал я впервые власть желания. Вышло это случайно, ибо событие совершилось задолго до того, как я вступил в возраст сознания и разума. Никаких других воспоминаний о тех годах у меня нет, и мою судьбу можно сравнить с судьбою Квартиллы, не помнившей времени, когда она была еще девственницей [65].

Inde tragus celeresque pili, mirandaque matri
Barba meae ****.

Часто врачи весьма благотворно согласуют свои предписания с теми сильными желаниями, которые возникают у больных: такая сила потребности в чем-то внушается самой природой, и в ней не может быть ничего вредного. И затем, как важно утолить свою фантазию! На мой взгляд, все зависит от этого, во всяком случае больше, чем от чего-либо другого. Самые частые и тяжкие болезни — те, которыми мы обязаны своему воображению. Мне во многих отношениях чрезвычайно нравится испанская поговорка: Defenda me dios de mi *****. Когда я болен, то очень жалею, если у меня нет желания, удовлетворив которое, я мог бы получить удовольствие, и врачам было бы нелегко отвратить меня от этого. Так же обстоит со мной, и когда я здоров: самое лучшее для меня — надеяться и хотеть. Плохо, когда и желания твои слабы и хилы.

Искусство врачевания еще не имеет столь твердо установленных правил, чтобы мы, делая что угодно, не могли сослаться на какой-либо авторитет: предписания медицины меняются в зависимости от климата, от лунных фаз, от теорий Фернеля или Скалигера [68]. Если ваш врач не дает вам спать вволю, пить вино, есть такой-то сорт мяса, не тревожь-

---

* Когда порхающий взад и вперед Купидон блистал возле меня, облаченный в великолепную пурпурную тунику [62] (*лат.*).

** И сражался не бесславно [63] (*лат.*).

*** Помню, что счет у меня едва доходил до шести [64] (*лат.*).

**** Вот почему я стал похотлив, и на теле у меня рано выросли волосы, и моя мать была поражена моей бородой [66] (*лат.*).

***** Защити меня, господи, от себя самого [67] (*исп.*).

тесь: я найду вам другого, который выскажет противоположное мнение. Различия во мнениях и доводах у врачей принимают любого рода формы. На моих глазах некий больной изнемогал и мучился от жажды, чтобы выздороветь, а после другой врач смеялся над ним, осуждая этот совет, как пагубный. На пользу ли ему пошла его мука? Недавно от камней в почках умер один человек того же ремесла, прибегнувший для борьбы со своей болезнью к самой крайней воздержанности. Сотоварищи его утверждают, что, напротив, голодовка только иссушила ему ткани, и песок у него в почках спекся.

Я заметил, что при ранениях и во время болезни говорить мне вредно, так как это возбуждает меня не меньше, чем беспорядочные движения. Голос у меня громкий, резкий, я напрягаюсь и утомляюсь, когда говорю. Доходило до того, что когда я являлся к сильным мира беседовать о важных делах, им приходилось просить меня умерить мой голос. Вот рассказ, который меня позабавил: в одной греческой школе кто-то говорил очень громко, как я; наблюдавший за порядком велел передать ему, чтобы он говорил потише. «Пусть он мне покажет, — возразил тот, — каким тоном должен я говорить». Ему ответили, чтобы он равнялся на слушающего[69]. Ответ неплохой, но при условии, что смысл его был таков: говорите так или иначе в зависимости от сути того, что хотите сказать своему собеседнику. Ибо если совет означал: достаточно, чтобы он вас услышал, — или: соразмеряйтесь с его слухом, — я не считаю его правильным. На мой взгляд, тон, высота голоса всегда что-то выражают и обозначают. Я и должен пользоваться им так, чтобы он меня представлял. Один голос поучает, другой льстит, третий бранит. Я хочу, чтобы мой голос не только дошел до слушающего, но чтобы он, когда нужно, поразил его и пронзил. Когда я распекаю своего слугу резким и язвительным голосом, ему подобает сказать мне: «Хозяин, говорите-ка потише, я вас отлично слышу». Est quaedam vox ad auditum accommodata, non magnitudine, sed proprietate *. Произнесенные слова принадлежат наполовину говорящему, наполовину слушающему. Последний должен принимать их так, как они ему брошены, подобно тому как во время игры в мяч принимающий делает те или иные движения в зависимости от движений бросающего или от характера броска.

Опыт научил меня и тому, что мы губим себя нетерпением. Беды наши имеют свою жизнь и свой предел, свои болезни и свое здоровье. Болезни обладают тем же строением, что и живые существа. Едва зародившись в нас, они следуют своей строго определенной судьбе, им тоже дается некий срок. Тот, кто хочет во что бы то ни стало насильственно сократить или прервать их течение, только удлиняет его, только усиливает недуг, вместо того чтобы его затушить. Я согласен с Крантором, что не следует ни упорно и безрассудно сопротивляться болезни, ни безвольно поддаваться ей, а надо предоставить ее естественному тече-

---

* Есть некий голос, который хорошо доходит до слушателей не потому, что он громкий, а в силу присущих ему свойств особого рода[70] (*лат.*).

нию в зависимости и от ее свойств и от наших[71]. Пусть болезни проходят сами собой, и я нахожу, что они меньше длятся у меня, не вмешивающегося в их течение. Даже от самых упорных и стойких недугов я избавлялся благодаря их естественному прекращению, без помощи врачевания и вопреки правилам медицины. Предоставим природе действовать по ее усмотрению: она лучше знает свое дело, чем мы. — Но, — говорят мне, — такой-то умер от этой болезни. — Вы тоже умрете, не от этой, так от другой. А сколько людей умерло от нее, хотя за ними и ходили три врача? Пример — зеркало довольно неясное: все в него смотрятся и все, что угодно, в нем видят. Если вам предлагают приятное лечение, соглашайтесь на него: на этом вы ничего не потеряете. Меня не смутят ни название, ни цвет лекарства, если оно приятно на вкус и вызывает аппетит.

Удовольствие — одно из главных видов пользы. Сколько раз нападали на меня и сами собою проходили простуда, флюс, подагрические и сердечные приступы, мигрени, которые оставили меня, когда я уже почти примирился с тем, что надолго буду их жертвой. С ними легче справляться, потакая им, чем сопротивляясь. Мы должны кротко подчиняться установленному для нас самой судьбой закону. Ведь мы и созданы для того, чтобы стареть, слабеть, болеть, несмотря ни на какое врачевание. Это первый урок, который мексиканцы преподают своему потомству; едва оно успеет появиться из материнского чрева, как они приветствуют его словами: «Дитя, ты явилось в мир, чтобы терпеть: терпи же, страдай и молчи».

Несправедливо жаловаться на то, что с кем-то случилось нечто такое, что может случиться с каждым, indignare si quid in te inique proprie constitutum est *. Взгляните на старика, который молит бога, чтобы он даровал ему полноту сил и здоровья, то есть вернул ему молодость.

Stulte, quid haec frustra votis puerilibus optas? **

Разве это не глупость, противная естественным условиям возраста? Подагра, почечные колики, несварение желудка — признаки пожилых лет, как зной, дождь и ветер — неизменные спутники длительных путешествий. Платон не считает, что Эскулап озабочен тем, чтобы благодаря его предписаниям сохранилась жизнь в разрушенном, ослабевшем теле, бесполезном отечеству, бесполезному делу, которым оно занималось, бесполезном и для производства здорового, крепкого потомства. Не считает он также, что божественной мудрости и справедливости, все ведущей ко благу, подобало бы об этом заботиться[74]. Милейший старик, ничего не поделаешь: тебя уже не поставить на ноги. Можно немножко починить, немножко подправить, продлить еще на несколько часов твое жалкое существование,

* Возмущайся, если несправедливость совершена только по отношению к тебе одному[72] (*лат.*).
** Глупец! Что ты тщетно предаешься ребяческим мечтам?[73] (*лат.*).

Non secus instantem cupiens fulcire ruinam,
Diversis contra nititur obicibus,
Donec certa dies, omni compage soluta,
Ipsum cum rebus subruat auxilium *.

Надо уметь переносить то, чего нельзя избежать. Наша жизнь, подобно мировой гармонии, слагается из вещей противоположных, из разнообразных музыкальных тонов, сладостных и грубых, высоких и низких, мягких и суровых. Что смог бы создать музыкант, предпочитающий лишь одни тона и отвергающий другие? Он должен уметь пользоваться всеми вместе и смешивать их. Так должно быть и у нас с радостями и бедами, составляющими нашу жизнь. Само существование наше немыслимо без этого смешения; тут необходимо звучание и той и другой струны. Пытаться восставать против естественной необходимости — значит проявлять то же безумие, что и Ктесифонт, который бил своего мула ногами, чтобы с ним справиться [76].

Я редко обращаюсь к врачам, когда чувствую себя плохо, ибо люди эти, видя, что вы в их власти, становятся заносчивыми. Они забивают вам уши своими прогнозами, а недавно, найдя меня ослабевшим от болезни, они гнуснейшим образом донимали меня своими догматами и своей ученой напыщенностью, угрожая мне то тяжкими страданиями, то близкой смертью. Я не был этим ни угнетен, ни потрясен, но меня охватили раздражение и возмущение. И хотя мысли мои не ослабели и не помутились, им все же пришлось преодолеть какие-то препоны, а это всегда означает волнение и борьбу.

Между тем я стараюсь, чтобы воображение мое ничем не омрачалось, и если бы я только мог, то избавил бы его от малейшей неприятности, малейшего смятения. Ему надо по возможности приходить на помощь, ласкать его, обманывать. Разум мой к этому весьма склонен — у него наготове любые доводы, и он оказывал бы мне большую услугу, если бы его проповеди всегда убеждали.

Хотите пример? Он говорит, что камни в почках для меня даже к лучшему; что вполне естественно в моем возрасте немного страдать от подагры (моим органам уже пришло время слабеть и портиться; это для всех неизбежно, и не могу же я рассчитывать, что ради меня произойдет чудо? Тем самым я плачу дань старости и даже довольно дешево отделываюсь); что я не один в таком положении и должен этим утешаться: болезнь эта — самая в моем возрасте обычная (повсюду вижу я людей, страдающих от того же самого, и для меня даже почетно находиться в их обществе, тем более что подагра чаще всего одолевает знатных людей и по самой природе своей обладает неким благородным достоинством); что мало кто из людей, страдающих ею, получал облегчение так легко, как я: им это стоило строгого режима и повседневной докуки

---

* Не иначе, как тот, кто старается поддержать разрушающуюся стену и для этого ставит всякого рода подпорки пока в один прекрасный день его сооружение не развалится и не рухнет со всеми своими подпорками [75] (*лат*).

принимать лекарства, мне же в данном случае просто повезло, ибо я без всякого отвращения проглотил несколько бесполезных, на мой взгляд, настоек чертополоха и грыжника исключительно ради дам, тем более любезных, чем болезнь моя жестока, которые предлагали мне половину своей порции. Для того чтобы без особых болей избавиться от большого количества песка, им приходится тысячу раз взывать к Эскулапу и выплачивать такое же количество экю своему врачу, а у меня это зачастую происходит само собой. Мне даже не трудно при этом соблюдать приличие в обществе, и я могу задерживать мочу хоть десять часов подряд и во всяком случае так же долго, как человек вполне здоровый. Страх перед этой болезнью, говорит мне разум, овладевал тобой в то время, когда ты с ней не был знаком: ужас внушали тебе отчаянные вопли тех, кто усугубляет недуг своим нетерпением. Болезнь эта поразила те твои члены, которыми ты более всего грешил. Ты ведь сознательный человек!

Quae venit indigne poena, dolenda venit *.

Кара, постигшая тебя, еще очень мягка по сравнению с тем, что терпят другие: это поистине отеческое наказание. Пришла она поздно, мучит и донимает тебя в том возрасте, который сам по себе бесплоден и никчемен, предоставив, словно по соглашению, твоей молодости предаваться всем радостям и удовольствиям. Страх этой болезни и сострадание, которое люди испытывают к пораженным ею, дают тебе право на известную гордость. Если ты в мыслях и свободен от нее, если она не проявляется в твоих речах, то друзья твои все же не могут не замечать мужества и достоинства в том, как ты держишься. Нельзя не испытывать удовлетворения, когда слышишь о себе: «Какая сила духа, какое терпение!». Люди видят, как на лбу у тебя выступает пот, как ты бледнеешь, краснеешь, дрожишь, как у тебя начинается кровавая рвота, жестокие судороги, как у тебя порою выступают слезы и то появляется густая, темная, ужасающего вида моча, то, напротив, она задерживается из-за какого-нибудь острого шероховатого камня, который режет и разрывает тебе ткани у входа в мочеиспускательный канал, но видят они также, что ты одновременно ведешь любезный разговор с посетителями, иногда даже шутишь со своими людьми, принимаешь участие в длительной беседе, стараясь словами заглушить боль и не показывать, что страдаешь. Припомни людей древности, жаждавших, чтобы их постигали бедствия и они тем самым могли непрерывно упражняться в добродетели. Подумай и о том, что в этом случае сама природа посодействовала твоему вступлению в эту славную философскую школу, приверженцем которой ты никогда не стал бы по доброй воле. Ты, может быть, скажешь мне, что болезнь эта — опасная и смертельная, но разве другие не таковы? Ибо, когда врачи уверяют, что некоторые болезни отнюдь не ведут к смерти, это с их стороны чистейший обман. Не все ли равно, наступает конец благодаря внезапному приступу или же к смертному исходу приводит нас

* Незаслуженное страдание — особенно мучительно [77] (*лат.*).

ровное течение болезни? Но ты умираешь не потому, что ты болеешь, а потому, что ты живешь. Смерть покончит с тобой и без помощи болезни. А некоторых болезнь даже избавляла от скорой смерти, и они жили дольше, думая, что вот-вот умрут. К тому же болезни, как и раны, бывают целебными и спасительными. Каменная болезнь часто бывает не менее живучей, чем ты сам. Есть люди, у которых она была с детства и до глубокой старости, и если бы некоторые не избавились от нее, она бы и дальше сопровождала их на жизненном пути. Люди убивают ее чаще, чем она их, а если бы даже она и являла тебе образ близкой смерти, то разве это не добрая услуга — внушить человеку преклонных лет помыслы о кончине? А хуже всего, что тебе-то уже незачем держаться за жизнь. Так или иначе, но в некий день и тебя постигнет неизбежная участь. Подумай, как искусно и с какой постепенностью внушает она тебе отвращение к жизни и отдаляет от мира. Она не терзает тебя своей тиранической властью, как многие другие болезни старческих лет, которые не дают своим жертвам передышки между приступами слабости и болей. Она приучает к мысли о смерти медленно, с перерывами, с длительными паузами между приступами, словно для того, чтобы ты мог сколько угодно обдумывать и повторять урок. А чтобы дать тебе возможность здраво рассудить обо всем и мужественно примириться с неизбежным, она представляет тебе твое состояние в целом, и с хорошими и с дурными сторонами, и в один и тот же день делает жизнь твою то довольно легкой, то невыносимой. Если ты и не попадаешь прямо в объятия смерти, то во всяком случае раз в месяц пожимаешь ей руку. Благодаря этому ты можешь даже надеяться, что однажды она завладеет тобою незаметно: ты так часто бывал уже почти в гавани, что и тут будешь думать, будто все обстоит как обычно, а между тем в одно прекрасное утро тебя с твоей доверчивостью переправят на ту сторону так, что ты и осознать этого не успеешь. Нечего жаловаться на болезнь, которая честно чередуется со здоровьем.

Я благодарен судьбе за то, что она так часто нападает на меня с одним и тем же оружием, так что я приучаюсь переносить его удары, закаляюсь, приобретаю навык к сопротивлению и во всяком случае знаю, чего мне ожидать. Не обладая хорошей памятью, я прибегаю к помощи бумаги и записываю каждый новый симптом моего недуга. Так как я испытал на себе почти все возможные проявления его, то, чувствуя начало приступа, я перелистываю свои записи, не связанные между собой, как изречения сивиллы, и почти всегда нахожу в своем прошлом опыте какое-нибудь утешительное для себя благоприятное предсказание. Привычка помогает мне и надеяться на будущее, ибо камни у меня выходят уже в течение долгого времени одинаковым образом и я имею основание думать, что природа ничего тут не изменит и хуже того, что я обычно ощущаю, не будет. К тому же условия, при которых протекает эта болезнь, довольно хорошо согласуются с моей склонностью к быстроте и решительности. Когда приступы болезни не очень мучительны, это меня даже тревожит, ибо в таком случае они гораздо продолжительнее.

Обычно же болезнь проявляется в сильных, но кратких приступах и дает мне в течение одного-двух дней основательную встряску. Мои почки действовали исправно столько времени, сколько в среднем живет человек; и почти столько же времени я ими страдаю.

В жизни и хорошему и дурному положен определенный срок: может быть, и эта беда подходит к концу. С возрастом ослабел жар моего желудка: он варит уже не так хорошо и передает почкам полусырой материал. Почему через некоторое время не уменьшится и жар почек, так что они уже не смогут превращать мою желчь в камень и природе придется искать какой-нибудь другой способ выведения отбросов из организма? В течение прожитых лет в нем, очевидно, иссякли источники ревматических болей. Почему не может случиться то же самое с выделениями, порождающими почечные камни?

Но есть ли на свете что-либо приятнее внезапного облегчения, когда после невыносимых болей камень, наконец, выходит и ко мне с быстротой молнии свободно и полностью возвращается сладостный свет здоровья, как это бывает после внезапных и наиболее мучительных приступов? Разве перенесенные страдания хоть в чем-то перевешивают блаженство столь быстрого улучшения? Насколько сладостнее для меня здоровье после болезни, только что миновавшей, еще совсем близкой, так что я могу противопоставить их друг другу в самом ярком их проявлении, когда они словно красуются друг перед другом, соперничают и борются! Вслед за стоиками, которые говорят, что и у пороков есть своя польза, — они придают цену добродетелям и как бы поддерживают их, — мы можем с еще большим основанием и гораздо менее дерзновенно утверждать, что природа даровала нам боль в помощь и славу наслаждению и истоме. Когда с Сократа сняли оковы и он ощутил приятный зуд там, где тяжесть их раздражала кожу его ног, он порадовался, что имеет возможность испытать, как тесно связаны страдание и удовольствие, как неизбежна эта их взаимная связь, при которой они следуют друг за другом и порождают друг друга. И он воскликнул, что доброму Эзопу следовало бы извлечь из этого наблюдения подходящий сюжет для басни[78].

На мой взгляд, в других болезнях самое худшее то, что они менее тяжелы по своим проявлениям, чем по своему исходу: целый год ты не можешь поправиться, охваченный слабостью и страхом; на путях к выздоровлению столько случайностей и оно может происходить лишь так постепенно, что никак его не завершить; прежде чем тебе позволят снять головную повязку, а затем ермолку, прежде чем тебе дадут снова подышать свежим воздухом, выпить вина, переспать с женой, поесть дыни — редко, редко, если на тебя не навалится какая-нибудь новая хворь. У моей же то преимущество, что проходит она начисто, тогда как другие оставляют в нашем теле какой-то след, какой-то изъян, из-за чего оно становится подверженным еще иным болезням, которые все время словно помогают друг другу. Мы можем извинить те недуги, что довольствуются своей властью над нами, не распространяются и не приводят за собою свою свиту, но по-настоящему любезны и милостивы те, что, посетив нас,

принесли нам и некую пользу. Заболев каменной болезнью, я, как мне кажется, стал гораздо реже подвергаться всякой другой хвори, — так, с тех пор меня никогда не лихорадит. Думается мне, что частые сильные рвоты, которыми я страдаю, очищают мои внутренности, а с другой стороны, отвращение к пище и необычное воздержание содействуют перевариванию вредных соков и сама природа выводит вместе с этими камнями все лишнее и пагубное. Пусть не говорят мне, что плата за подобное врачевание непомерно велика: а что сказать обо всех этих зловонных зельях, прижиганиях, разрезах, потогонных средствах, заволоках, диетах и других способах лечения, часто доводящих нас до смерти из-за того, что мы не можем вынести тягот и мучений, которых они нам стоят? Таким образом, когда я мучусь болями, то считаю их своего рода лекарством, когда же они меня отпускают, то полагаю, что излечен раз и навсегда.

Вот еще одно особое преимущество моего недуга: он делает свое дело и в общем не препятствует мне делать мое, вмешиваясь в него лишь настолько, насколько у меня не хватает мужества терпеть. В самый острый его период я десять часов провел верхом на коне. Надо только терпеливо переносить боль, никакого другого режима не требуется: играйте, обедайте, бегайте, делайте и то и это, если можете, — разгул вам скорей пойдет на пользу, чем повредит. То же самое можно посоветовать сифилитику, подагрику, больному грыжей. С другими болезнями приходится считаться больше: они гораздо сильнее стесняют наши действия, нарушают наш привычный распорядок, и из-за них нам приходится менять весь образ жизни. Моя же болезнь только щиплет кожу, не влияя ни на разум, ни на волю, не отнимая у больного ни языка, ни ног, ни рук и скорее возбуждая его, чем погружая в оцепенение. Душу человека потрясает лихорадочный жар, ввергает в беспамятство падучая, разрывает острая мигрень и, наконец, сокрушают другие болезни, поражающие все наше тело или самые благородные его члены. А здесь душа остается незатронутой. Если ей плохо, то по ее же вине; она сама себя предает, сама себя развинчивает, сама себя лишает мужества. Только глупцы способны поверить, что твердое и плотное вещество, образующееся у нас в почках, может раствориться от лекарств. Поэтому, как только оно сдвинулось с места, надо обеспечить ему проход, да, впрочем, оно и само это сделает.

Отмечаю еще одно преимущество: при этой болезни нам ни о чем гадать не приходится. Мы свободны от волнения, в которое повергают нас прочие недуги из-за неясности причин, обстоятельств и течения, а волнение это мучительно. Нам ни к чему советы и толкования врачей: по собственным ощущениям узнаем мы, что это и где.

Убедительны или нет эти мои доводы, подобные тем, которыми пользовался Цицерон, говоря о болезни старости[79], но ими я пытаюсь успокоить и развлечь свое воображение, пролить бальзам на его раны. Если завтра они сильнее воспалятся, постараемся найти новые уловки.

Да будет так. С тех пор, как я все это написал, у меня стала снова при малейшем движении выступать из мочевого канала кровь. И несмотря

на это, я продолжаю двигаться, как всегда, и с юношеским пылом и дерзостью скачу верхом за своими охотничьими псами. Я нахожу, что отлично справлюсь с этой крупной неприятностью, которая стоит мне лишь тупой боли и жжения в этой части тела. Наверно, крупный камень терзает и разрывает ткани моих почек, отчего понемногу с мочой и кровью вытекает из меня жизнь, как ненужные, даже вредные нечистоты, и я испытываю при этом нечто вроде приятного чувства. Есть ли у меня ощущение какого-то конца? Во всяком случае не ждите, что я стану щупать себе пульс и изучать свою мочу, для того чтобы получить какое-нибудь неприятное предсказание; я уж успею почуять беду, и не предваряя ее страхом. Кто боится страданий, тот страдает уже от своей боязни.

Добавлю, что неуверенность и невежество тех, кто притязает на истолкование законов природы и ее внутренних сил, а также их частые ошибки в предсказаниях должны убедить нас, сколько у природы неизвестных нам возможностей: и в том, что она нам сулит, и в том, чем она нам угрожает, много темного, неясного, противоречивого. Ни в каких случайностях и событиях нашей жизни, кроме старости, — несомненного признака надвигающейся кончины, — не могу я усмотреть никаких знаков, по которым мы могли бы строить догадки о своем будущем.

О себе самом я могу судить лишь по своему непосредственному чувству, а не по догадкам. Но к чему и это, раз я не призываю на помощь ничего, кроме терпеливого ожидания? Хотите знать, что я на этом выигрываю? Посмотрите на тех, кто поступает иначе, ставя себя в зависимость от стольких разнообразных советов и уговоров: как часто заболевают они в воображении, когда тело еще здорово! Нередко я, хорошо себя чувствуя после опасного приступа болезни, с удовольствием расписывал врачам его симптомы, якобы начавшие у меня появляться. Я совершенно безмятежно выслушивал их ужасные заключения и еще больше благодарил бога за его милосердие и еще глубже постигал всю суетность врачебного искусства.

Деятельность и бдительность — вот качества, которые больше всего необходимо воспитывать в молодежи. Жизнь наша в сплошном движении. Мне расшевелиться трудно, и я все делаю с запозданием: и встаю, и ложусь, и принимаю пищу. Семь часов для меня — раннее утро, и там, где я распоряжаюсь, я не обедаю раньше одиннадцати, а ужинаю всегда после шести вечера. Прежде я усматривал причину донимавших меня лихорадок и других недугов в осоловелом и дурманном состоянии, в котором находился после долгого сна, и всегда раскаивался, что сплю по утрам. Злоупотребление сном Платон считает более пагубным, чем злоупотребление вином [80]. Я люблю спать на твердом ложе и один, даже без своей жены, по-королевски и под плотным одеялом. Я не позволяю согревать мне постель, но с тех пор, как я стал стар, мне по мере необходимости кладут лишние простыни на ноги и на живот. Великого Сципиона попрекали за то, что он любил долго спать, но, по-моему, лишь потому, что людям было досадно — как это в нем самом нечего осудить. В моем жизненном обиходе важнее всего для меня, пожалуй, постель, но и тут я, как

всякий другой человек, без труда приспосабливаюсь к обстоятельствам. Много времени уделял я сну в течение всей моей жизни, да и теперь, в пожилом возрасте, сплю восемь—десять часов подряд. Однако я с пользой для себя преодолеваю эту склонность к лени и чувствую себя лучше: сперва, правда, испытываешь неприятные ощущения, но через три дня привыкаешь. Я не знаю человека, который довольствовался бы меньшим в случае необходимости, который бы так много двигался и для которого физический труд был бы менее тяжел. Тело мое может выдерживать и тяжкие усилия, если они не порывисты и не внезапны. Я избегаю слишком резких телесных упражнений, вызывающих пот. Мое тело устает еще до того, как успеет разогреться. Я могу целый день оставаться на ногах и с удовольствием гуляю, но по мостовой я еще с детских лет предпочитал ездить верхом: идя пешком, я всегда оказываюсь вымазанным в грязи. Вдобавок людей невысокого роста на улицах постоянно пинают и толкают, так как они малозаметны. Отдыхать я любил лежа или сидя, но так, чтобы ноги были выше сиденья.

Нет занятия более привлекательного, чем военное дело. Благородно оно и в своем внешнем проявлении (ибо самая мощная, самоотверженная и блистательная добродетель — отвага), и в основе своей не существует дела более правого и более важного для всех, чем защита родины и охрана ее величия. Есть нечто веселящее сердце в обществе стольких молодых, деятельных, благородных людей, в том, что трагическое зрелище становится привычным, в свободной и безыскусственной беседе, в суровой простоте образа жизни и отношений между людьми, в пестром разнообразии того, что приходится делать, в порождающих отвагу звуках военной музыки, возбуждающе действующей и на слух и на душу, в чести, связанной с воинской долей, и даже в жестоких тяготах этой доли, которую Платон ценит так мало, что в своем «Государстве» делает ее доступной даже женщинам и детям. Добровольно становясь солдатом, возлагаешь на себя те или иные задачи, подвергаешься тем или иным опасностям, смотря по тому, насколько все это на твой взгляд доблестно и значительно, и с полным основанием жертвуешь даже своей жизнью:

pulchrumque mori succurrit in armis *.

Страшиться опасностей, которым подвергается на войне столько людей, не отваживаться на то, на что отваживаются сердца столь различные, — значит проявлять крайнее, низменнейшее малодушие. В сотовариществе с другими и дети проявляют мужество. Если кто-то превзошел тебя в знаниях, изяществе, силе, удачливости, можно ссылаться и на причины, от тебя не зависящие. Но если ты уступаешь себе подобным в твердости духа, то никого, кроме себя, обвинять не можешь. Смерть более отвратительна, медленна и тягостна в постели, чем на поле битвы, лихорадочное состояние или всевозможные катары так же мучительны, как рана от аркебузного выстрела. Тот, кто способен стойко переносить

* Прекрасно, по-моему, умереть сражаясь[81] (*лат.*).

тяготы нашего повседневного существования, не имеет нужды усиливать свое мужество, берясь за оружие.

Vivere, mi Lucili, militare est *.

Не помню, чтобы у меня когда-либо была чесотка.

Чесаться — одно из самых приятных и доступных удовольствий, какие даровала нам природа. Но за удовольствием этим слишком уж быстро следует искупление. Занятию этому я предаюсь, главным образом, когда — временами у меня это бывает — ощущаю зуд в ушах.

Природа наделила меня всеми пятью чувствами без малейшего ущерба и почти в совершенстве. Желудок у меня достаточно хороший, голова ясная, и так бывает почти всегда, даже когда я болен; дышу я легко. Прошло уже шесть лет с тех пор, как я достиг пятидесятилетнего возраста, который многие народы не без основания считали пределом жизни, не допуская даже, чтобы кто-либо его переступал. У меня и теперь бывает вполне хорошее самочувствие: правда, оно продолжается недолго, но тогда мне бывает настолько хорошо, что я вспоминаю о здоровье и беззаботности моей юности. О силе и бодрости я не говорю: нет никаких причин, чтобы они оставались при мне в моем возрасте.

Non haec amplius est liminis, aut aquae
Coelestis, patiens latus **.

Лицо и глаза сразу выдают мой возраст и самочувствие. Именно в них с самого начала отражается каждая перемена в моем состоянии, и даже гораздо более резко, чем она ощущается мною на деле. Частенько мои друзья начинают выражать свою жалость ко мне до того, как я сам пойму, в чем дело. Глядясь в зеркало, я не тревожусь, так как и в молодости мне не раз случалось иметь плохой вид и цвет лица, которые могли внушить опасения, но ничего худого при этом не случалось. Врачи, не находившие в моем внутреннем состоянии ничего, что соответствовало бы внешним изменениям, приписывали их душевным волнениям или какой-либо тайной страсти, подтачивающей меня изнутри. Но они ошибались. Если бы телом можно было управлять так же, как, на мой взгляд, управляют своими чувствами и мыслями, нам было бы куда легче жить. В то время в моей душе не только не было смятения, но напротив — она полна была мира и веселья, как это ей вообще свойственно наполовину от природы, наполовину по сознательному намерению.

Nec vitiant artus aegrae contagia mentis ***.

Я убежден, что эта сила души неоднократно поднимала и слабеющее тело: оно у меня часто в упадке, она же если и не весела, то во всяком случае

---

* Жить, мой Луцилий, значит бороться [82] (*лат.*).

** Это тело больше не в силах переносить пребывание под открытым небом или терпеть ливни [83] (*лат.*).

*** Тревоги моей больной души не подтачивают здоровья моего тела [84] (*лат.*).

полна ясности и покоя. В течение четырех-пяти месяцев болел я четырехдневной лихорадкой, совершенно исказившей мой внешний облик, дух же оставался не только спокойным, но даже радостным. Если я не ощущаю никаких болей, то слабость и истома не порождают во мне уныния. Существует множество телесных страданий, их и называть-то страшно, но я опасаюсь их меньше, чем бесчисленных страстей и треволнений души, которые я вижу вокруг себя.

Я мирюсь с тем, что мне уже не бегать, — с меня довольно и того, что я влачусь, — и не стану жаловаться на естественный упадок своих телесных сил.

Quis tumidum guttur miratur in Alpibus? *

Не жалею я и о том, что проживу не столь долгой и мощной жизнью, как дуб. Нет у меня причин для жалоб и на свое воображение: в жизни я редко тревожился мыслями, способными лишить меня сна, разве что они связаны были с желанием, которое заставляло меня бодрствовать, не омрачая души. Я редко вижу сны, и большей частью то бывают фантастические образы и химеры, обычно порождаемые мыслями приятными и скорее смешными, чем грустными. По-моему, верно, что в снах хорошо проявляются наши склонности, но чтобы соединить в одно разрозненные сонные грезы и истолковать их, требуется особое искусство.

Res quae in vita usurpant homines, cogitant, curant, vident,
Quaeque agunt vigilantes, agitantque, ea sicut in somno accidunt,
Minus mirandum est **.

Платон идет еще дальше. Он полагает, что разум наш должен извлекать из снов предвещание будущего [87]. Мне на этот счет нечего сказать, могу лишь напомнить удивительные примеры, приводимые Сократом, Ксенофонтом, Аристотелем — людьми, чье свидетельство безукоризненно [88]. История говорит, что атланты [89] никогда не видят снов, они же не едят ничего, что претерпело смерть; могу добавить, что, возможно, по этой-то причине они не ведают сновидений. Ибо Пифагор советовал принимать определенную пищу для того, чтобы видеть те или иные сны [90].

У меня грезы легкие, они не выводят моего тела из состояния покоя и не заставляют меня говорить во сне. А в свое время мне приходилось видеть многих людей, которые из-за тревожных видений очень беспокойно спали. Философ Теон бродил во сне взад и вперед, а слуга Перикла ходил даже по черепицам и гребню крыши [91].

Сидя за столом, я не выбираю кусков, а беру первый попавшийся, который поближе, и редко меняю свои вкусы в пище. Чрезмерное обилие блюд и мисок на столе неприятно мне, как любая чрезмерность. Я легко довольствуюсь малым количеством яств и решительно не согласен с мне-

---

* Кто удивится, увидев в Альпах зобатого [85] (*лат.*).
** Неудивительно, что в сновидениях перед людьми проходит все то, чем они занимаются в жизни, о чем они думают и заботятся и что видят и делают и замышляют, пока бодрствуют [86] (*лат.*).

нием Фаворина, что на пиру нужно отнимать у человека блюдо, к которому он пристрастился, и подсовывать ему все время новые и что жалок тот ужин, где гостей не потчуют гузками различных птиц, ибо лишь дрозд стоит того, чтобы съесть его целиком [92]. Я охотно ем солонину, но предпочитаю хлеб без соли, и, в противоположность обычаю наших мест, булочник поставляет к моему столу только такой хлеб.

Когда я был ребенком, взрослым приходилось всячески бороться с моим нежеланием есть именно то, что дети обычно любят: сласти, варенье, пирожные. Мой воспитатель старался отучить меня от этого отвращения к тонким яствам, как от своего рода утонченности. Но это и есть изысканность вкуса, в чем бы она ни проявлялась. Тот, кто борется с особенным, упорным пристрастием ребенка к черному хлебу, салу, чесноку, лишает его лакомства. Есть люди, которые хотят прослыть простыми и неприхотливыми, вздыхая о говядине и свином окороке, когда им подают куропаток. Пусть стараются: они-то и есть самые прихотливые, у них вкус настолько изнежен, что им уже не хочется того, что они могут иметь, когда угодно, per quae luxuria divitiarum taedio ludit *. Сущность этого порока в том и состоит, чтобы отказываться от изысканной пищи, потому что она есть у кого-то другого, чтобы придумывать для своего стола нечто необычайное:

Si modica coenare times olus omne patella **.

Тут, правда, есть та особенность, что лучше уж баловать себя вещами, которые легко достать, но любое баловство — порок. Я в свое время считал изнеженным одного из моих родственников, который, служа на наших галерах, разучился пользоваться обычными постелями и раздеваться для сна.

Если бы у меня были сыновья, я пожелал бы для них своей собственной доли. Добрый отец, которого дал мне бог (и который от меня не получил ничего, кроме благодарности за свою доброту, но, правда, великой благодарности), почти из колыбели послал меня в одну из принадлежавших ему деревушек и держал меня там, пока мне нужна была кормилица, и даже еще дольше, приучая меня к самому простому и бедному образу жизни: Magna pars libertatis est bene moratus venter ***. Не берите на себя самих, а тем более не поручайте женам заботу о питании своих детей. Пусть они растут, как придется, подчиняясь общему для всех естественному закону, пусть они приучаются и привыкают к воздержанию и простоте, пусть они лучше идут от суровой жизни к легкой, чем обратно. Отец мой преследовал еще и другую цель: он хотел, чтобы я узнал народ, познакомился с участью простых людей, нуждающихся в нашей поддержке, и полагал, что мне лучше глядеть туда, откуда ко мне протягивают руки, чем туда, где мне поворачивают спину. По той же

* Это забавы пресытившейся богатством роскоши [93] (*лат.*).
** Если ты боишься отведать овощи, поданные в простой миске [94] (*лат.*).
*** Довольствующийся немногим желудок освобождает от очень многого [95] (*лат.*).

причине он избрал в качестве моих восприемников у купели людей самого скромного звания, чтобы между ними и мной возникли тесные отношения и привязанность.

В надеждах своих он не обманулся. Я люблю дружить с маленькими людьми — как потому, что в этом есть нравственная заслуга, так и по природной своей сострадательности, во многом руководящей мною. В наших гражданских распрях я склонен более резко осуждать партию победоносную и процветающую, и она сразу завоюет мое сочувствие, когда я увижу ее несчастной и угнетенной. Как по сердцу мне душевное благородство Хелониды, дочери и супруги спартанских царей [96]! Когда во время разразившейся в их городе смуты муж Хелониды Клеомброт одержал верх над ее отцом Леонидом, она показала себя хорошей дочерью и разделила участь отца в его беде и в изгнании, противостоя победителю. Но когда переменилось счастье, изменилась и ее воля, и она мужественно приняла сторону своего супруга и сопровождала его всюду, куда его бросала злая судьба, считая, видимо, что единственный для нее правильный выбор — быть с тем, кому она больше нужна и кто больше нуждается в ее сострадании. Натуре моей более свойственно следовать примеру Фламинина, которому ближе были те, кто в нем нуждался, чем те, кто мог его облагодетельствовать [97], нежели примеру Пирра, унижавшегося перед сильными и надменного со слабыми [98].

Я не люблю продолжительного застолья, и оно мне вредно. Ибо я, видимо, с детства привык, не имея за столом иного занятия, есть все время, пока длится трапеза. Однако у себя дома, где, впрочем, не засиживаются за трапезой, я люблю приходить к столу немного позже других, как это делал Август, но я не подражаю ему в привычке выходить из-за стола раньше всех [99]. Напротив, я люблю длительный отдых за столом после еды и рассказы сотрапезников, только бы мне самому не приходилось говорить, ибо я устаю и плохо себя чувствую, если говорю на полный желудок, хотя нахожу, что крики и споры перед едой очень полезны и приятны. Древние греки и римляне поступали правильнее, чем мы, посвящая, если их не отвлекало какое-нибудь другое чрезвычайное дело, принятию пищи — главному событию повседневной жизни — много часов и даже добрую половину ночи: они ели и пили не так быстро, как мы, привыкшие во всем, что нами делается, мчаться, словно на почтовых, уделяли этому естественному удовольствию больше времени и предавались ему более утонченно, сопровождая его поучительной и приятной беседой.

Те, кто обо мне заботится, легко могут не подавать мне пищи, которую считают для меня вредной: ибо я никогда не желаю и не требую ничего такого, чего не вижу на столе. Но зато они даром теряли бы время, проповедуя мне воздержание от стоящих передо мною кушаний. Так что, возымев намерение попоститься, я должен не выходить к общему столу, и мне надо подавать ровно столько, сколько в данном случае положено, ибо едва я усядусь за стол, как сразу забываю о своем намерении. Когда я отдаю распоряжение, чтобы какое-нибудь блюдо было

приготовлено по-другому, слуги мои уже знают, что я потерял к нему аппетит и не стану есть его в прежнем виде.

Мясо, если оно подходящего сорта, я люблю недоваренное, а предпочтительнее провяленное и в некоторых случаях даже с легким душком. Не переношу лишь, когда оно жесткое, что же касается всяких других свойств, то здесь я не привередлив и меня легче удовлетворить, чем любого из моих знакомых. Вопреки общему вкусу, я даже рыбу нахожу иногда чрезмерно свежей и твердой. Дело не в моих зубах — они у меня всегда были превосходные, и даже возраст мой начинает угрожать им только сейчас. С детства я приучился вытирать их салфеткой и по утрам, и перед едой, и после.

Бог милостив к тем, у кого проявления жизни он отнимает постепенно: это единственное преимущество старости. Тем менее тяжкой и мучительной будет окончательная смерть: она унесет лишь пол- или четверть человека. Вот у меня только что выпал зуб — без усилий, без боли: ему пришел естественный срок. И эта частица моего существа и многие другие уже отмерли, даже наиболее деятельные, те, что были самыми важными, когда я находился в расцвете сил. Так-то я постепенно истаиваю и исчезаю. Я опустился уже настолько низко, что было бы нелепо, если бы последнее падение ощутилось мною так, словно я упал с большой высоты. Надеюсь, что этого не будет.

По правде говоря, при мысли о смерти главное мое утешение состоит в том, что явление это естественное, справедливое и что если бы я требовал и желал от судьбы какой бы то ни было милости в этом отношении, такая милость была бы чем-то незаконным. Люди воображают, что некогда род их обладал и более высоким ростом и большим долголетием. Но Солон, живший в те древние времена, считает крайним пределом существования семьдесят лет[100]. Я, всегда безраздельно чтивший ἄριστον μέτρον* древности и считавший самой совершенной мерой золотую середину, могу ли притязать на чрезмерную, противоестественную старость? Все, что противостоит естественному течению вещей, может быть пагубным, но то, что ему соответствует, всегда должно быть приятным. Omnia quae secundum naturam fiunt, sunt habenda in bonis**. И Платон говорит в одном месте, что смерть от ран и болезней насильственна и мучительна, та же, к которой нас приводит старость, — наиболее легкая и даже восхитительная![103] Vitam adolescentibus vis aufert, senibus maturitas***.

Ко всему в нашей жизни незаметно примешивается смерть: закат начинается еще до своего часа, а отблеск его освещает даже наше победное шествие вперед. У меня есть изображения мои в возрасте двадцати пяти и тридцати пяти лет. Я сравниваю их с моим нынешним обликом: насколько эти портреты уже не я, и насколько я такой, каким стал сейчас, дальше от них, чем от того облика, который приму в миг кончины.

---

* Благодетельную умеренность[101] (*греч.*).

** Все, что делается согласно природе, должно считать хорошим[102] (*лат.*).

*** Молодых лишает жизни насилие, стариков — преклонный возраст[104] (*лат.*).

Мы слишком много требуем от природы, надоедая ей так долго, что она вынуждена лишать нас своей поддержки, оставлять наши глаза, зубы, ноги и все остальное на милость чуждых ей помощников, которых нам приходится умолять о помощи: устав от наших домогательств, природа препоручает нас искусству.

Я не очень большой любитель овощей и фруктов, за исключением дынь. Мой отец терпеть не мог соусов, я же люблю соусы всякого рода. Пресыщение для меня тягостно, но не могу сказать, чтобы какой-либо сорт мяса был мне вреден. Безразлично мне также, полная ли светит луна или ущербная, осень ли на дворе или весна. От времени до времени в нас рождаются случайные и бессознательные причуды. Так, например, редьку я сперва находил полезной для себя, потом вредной, теперь она снова приносит мне пользу. Во многом желудок мой меняет свои склонности, появляется аппетит то к одному, то к другому: от белого вина я перешел к кларету, потом опять вернулся от кларета к белому. Я охотник до рыбы и постные дни превращаю в скоромные, праздником для меня становятся посты. Я согласен с теми, кто́ считает, что рыба переваривается легче мяса. Признавшись, что в постные дни я ем мясо, добавлю, что вкус мой побуждает меня перемежать рыбные и мясные блюда: резкое различие между ними для него приятно.

С юных лет я порою нарочно лишал себя какой-либо трапезы: либо для того, чтобы с большей охотой поесть на следующий день (ибо, в противоположность Эпикуру, который постничал, чтобы отучить свой вкус от изобилия яств [105], я это делал для того, чтобы потом с особенным удовольствием излишествовать); либо для того, чтобы сохранить для какого-нибудь дела телесные или умственные силы, ибо у меня пресыщение весьма тягостно отражается и на том и на другом, и мне особенно противно недостойное совокупление богини столь бодрой и веселой с этим божком плохого пищеварения и отрыжки, раздувшимся от винных паров [106]; либо ради излечения больного желудка; либо из-за того, что у меня не было подходящего общества, ибо я согласен с тем же Эпикуром, что важно не столько то, какую пищу ты вкушаешь, сколько то, с кем ты ее вкушаешь [107], и одобряю Хилона, который не захотел обещать, что придет на пир к Периандру, пока ему не стало известно, кто будут другие сотрапезники [108]. Приятное общество для меня — самое вкусное блюдо и самый аппетитный соус.

Я полагаю, что правильнее есть зараз меньше, но вкуснее, и чаще принимать пищу. Однако я хочу удовлетворить при этом и свой аппетит и голод: мне не доставило бы никакого удовольствия поглощать унылую пищу три или четыре раза в день насильно, по предписанию врача. Кто может обещать мне, что охота к еде, которую я испытываю сегодня утром, вернется ко мне и в час ужина? Нам, старикам, надо особенно стараться не упустить времени, когда нам вдруг захотелось поесть. Предоставим составителям календарей и врачам советы и предсказания. Самый ценный плод здоровья — возможность получать удовольствие: будем же пользоваться первым попавшимся удовольствием. Я избегаю упорно сле-

довать одним и тем же правилам воздержания. Если вы хотите, чтобы привычка к тому или иному роду пищи пошла вам на пользу, не надо злоупотреблять ею. В противном случае ваша чувствительность, восприимчивость слабеет, и через каких-нибудь полгода желудок у вас до такой степени освоится с этой пищей, что достигнете вы лишь одного: он уже не способен будет переварить что-либо иное без вреда для себя.

И летом и зимою ноги и ляжки у меня одеты одинаково: на них натягиваются обыкновенные шелковые чулки. Чтобы не простуживаться, я принужден был потеплее закрывать голову, а также и живот из-за своих почечных колик. Болезни мои быстро применились к этому, и обычные меры, которые я принимал, перестали их удовлетворять. В качестве головного убора я стал носить колпак на теплой подкладке и поверх него еще и шляпу. Стеганый камзол служит мне теперь только для осанки: для тепла я должен подбивать его шкуркой зайца или пухом и перьями коршуна, а на голове постоянно носить ермолку. Продолжайте в том же духе, и вы далеко зайдете. Я этого не сделаю и даже отказался бы и от того, с чего начал, если бы только мог решиться на это. Ну, а если с вами еще что-нибудь приключится? Принятые уже меры окажутся недостаточными — вы к ним привыкли, надо выдумать новые. Так губят себя те, кто следует насильственно навязанному себе же режиму и суеверно держится за него: им нужно идти тем же путем все дальше и дальше, так что конца этому не видно.

Для наших дел и удовольствий было бы гораздо удобнее поступать, как древние, — не обедать среди дня и тем прерывать его, а основательно принимать пищу под вечер, когда наступает время отдыха. Когда-то и я так делал. В отношении здоровья я на собственном опыте убедился, что, напротив, следует обедать днем, так как пищеварение происходит лучше, когда человек бодрствует.

Жажда на меня нападает редко — и когда я здоров, и когда я болен: в последнем случае у меня нередко сохнет во рту, но пить при этом не хочется. Обычно я пью только за едой и не в начале ее. Для человека мало чем отличного от других я пью не так уж мало. Летом и за хорошей трапезой я держусь в границах, установленных для себя Августом, который пил всего три раза в день [109]. Но, не желая нарушить правило Демокрита, не советовавшего делать что-либо четыре раза [110], ибо это число несчастливое, я в зависимости от потребности пью до пяти раз и осушаю около трех стопок, так как люблю пить из небольших стаканов и притом до дна, хотя многие избегают этого, как чего-то не вполне пристойного. Вино я разбавляю на половину, иногда на треть водой. У меня дома, по старому предписанию нашего врача моего отцу и себе самому, вино мое разбавляют за два-три часа до того, как его надо подать. Говорят, что обычай разбавлять вино водой введен был Кранаем, царем Афинским [111]. Хорошо это или нет — вопрос, как я убедился, для многих спорный. Я считаю более приличным и более здоровым, чтобы дети начинали пить вино лишь после того, как им минет шестнадцать—восемнадцать лет. Самый обычный и распространенный образ жизни и есть самый прекрасный, и немец, раз-

бавляющий вино водой, был бы мне так же неприятен, как француз, пьющий вино неразбавленным. Общераспространенность обычая превращает его в закон.

Я не люблю спертого воздуха, а дым для меня — просто смерть (первое, что я привел в порядок у себя в доме, были камины и отхожие места в старых зданиях, постепенно приходящие в негодность и невыносимо отравляющие воздух), а к тяготам войны надо отнести и густую пыль, в которой мы целыми днями марширует по жаре. Дышу я вообще свободно, легко, и простуды у меня большей частью проходят без осложнений в легких и без кашля.

Невзгоды летнего времени мне более тягостны, чем зимнего. Кроме жары, от которой уберечься труднее, чем от холода, кроме возможных солнечных ударов, мучителен и яркий свет, который глаза мои плохо переносят: я, например, не мог бы обедать, сидя напротив ярко пылающего очага. Когда я еще много читал, то закрывал страницу кусками стекла, чтобы белизна бумаги не так резала мне глаза, и получал от этого облегчение. До сих пор я не употребляю очков, и зрение у меня сейчас не хуже, чем в былое время и чем у любого здорового человека. Правда, на склоне дня читать мне становится труднее, но, впрочем, чтение всегда утомляло мне глаза, особенно ночью. Это, конечно, шаг назад, однако едва заметный. Затем я отступлю еще на один шаг, второй, затем на третий, с третьего на четвертый — с такой постепенностью, что, видно, буду уже совсем слеп, когда старческая слабость моего зрения сделается для меня ощутимой. Так искусно распускают Парки пряжу нашей жизни. Я до сих пор не могу убедить себя, что становлюсь туговат на ухо, и вы увидите, что, даже наполовину потеряв слух, я буду уверен, что это собеседники недостаточно громко говорят. Чтобы душа наша почувствовала, как она истекает из тела, ей надо дать очень резкий толчок.

Шаг у меня быстрый и твердый, и я даже не знаю, чье движение мне труднее задержать — тела или мысли. Для того чтобы я до конца со вниманием выслушал речь проповедника, он должен быть очень близким моим другом. Во время торжественных церемоний, когда каждый внимателен и сосредоточен, когда, как я замечал, даже глаза дам устремлены в одну точку, я не могу справиться с собой и не делать хоть каких-нибудь телодвижений: даже когда я сижу, я непоседлив. Прислужница философа Хрисиппа говорила о своем господине, что у него только ноги хмелеют (ибо у него была привычка шевелить ими, в каком бы положении он ни находился, и она говорила это, как раз когда вино, разгорячившее сотрапезников Хрисиппа, на него самого совершенно не подействовало)[112]. Так и обо мне в детстве говорилось, что в ногах у меня бешенство или что они налиты ртутью, и доныне, куда и как бы я ни поставил или ни положил ноги, они у меня в непрерывном движении.

Ем я с большой жадностью, что и неприлично, и вредно для здоровья, и отнимает часть удовольствия: поспешность при еде у меня такая, что я нередко прикусываю себе язык и порою даже пальцы. Диоген, встретив однажды ребенка, который так ел, дал за это оплеуху его воспита-

телю[113]. В Риме были люди, обучавшие пристойно жевать, как учат пристойно ходить[114]. Эта моя привычка мешает мне принимать участие в беседе, а она является одним из приятнейших удовольствий застолья, если, конечно, речи ведутся недлинные и о вещах приятных.

Наши удовольствия частенько испытывают друг к другу зависть и вражду: между ними происходят столкновения и распри. Алкивиад, любивший хорошо поесть, не допускал за столом даже музыки, чтобы она не мешала приятной беседе; объяснял он это, по свидетельству Платона, тем, что звать на пиры певцов и музыкантов — обычай простонародья, не способного вести занимательной беседы и складно говорить: этим угощать друг друга умеют только люди просвещенные[115]. Варрон считал, что подлинный пир предполагает общество людей привлекательной внешности, умеющих приятно побеседовать, не молчаливых, но и не болтливых, отменно приготовленную вкусную пищу, красивое убранство помещения, погожее время[116]. Хорошая трапеза — празднество, требующее умелой подготовки и доставляющее немалое наслаждение: и великие полководцы, и великие философы не считали ниже своего достоинства участвовать в пирах и уметь их устраивать. В воображении моем и в памяти запечатлелись три таких празднества, доставивших мне большое наслаждение в разное время, когда я находился в более цветущем возрасте. Ибо каждый из пирующих делится с сотрапезниками лучшим, что в нем есть, в зависимости от своего телесного и душевного самочувствия. В нынешнем моем состоянии я для пира не гожусь.

Мне, преданному земной жизни, враждебна бесчеловечная мудрость, стремящаяся заставить нас презирать и ненавидеть заботу о своем теле.

Я полагаю, что пренебрегать всеми естественными наслаждениями так же неправильно, как и слишком страстно предаваться им. Ксеркс, которому доступны были все наслаждения жизни, но который обещал награду тому, кто придумает для него другие, небывалые, был просто самодовольным хлыщом[117]. Но такой же самодовольный пошляк тот, кто отвергает радости, дарованные ему природой. Не надо бежать ни за ними, ни от них, но надо их принимать. Я же принимаю их восторженней, радостней, чем многие другие, охотно предаваясь своим естественным склонностям. Незачем нам преувеличивать их суетность, она и без того все время чувствуется и сказывается. Мы можем благодарить свой дух, болезненный, унылый, внушающий нам отвращение и к ним и к себе самому: он обращается и с собой и со всем, что ему дается раньше или позже, по причудам своего ненасытного, неуверенного, вечно колеблющегося существа.

Sincerum est nisi vas, quodcunque infundis, acescit *.

Я, похваляющийся тем, что так усердно, с таким упоением тешу себя всеми прелестями жизни, даже я, приглядываясь к ним повнимательнее, нахожу, что они — всего-навсего дуновение ветра. Но и мы-то сами —

* Если сосуд недостаточно чист, скиснет все, что бы ты в него ни влил[118] (*лат.*).

всего-навсего ветер. А ветер, более мудрый, чем мы, любит шуметь, волноваться и довольствуется теми проявлениями, какие ему свойственны, не стремясь к устойчивости и прочности, которые ему чужды.

Чистые радости воображения, так же как и его страдания, по мнению некоторых, — самые для нас важные, как показали весы Критолая [119]. Это не удивительно: оно само творит их, выкраивая из целого куска. Ежедневно приходится наблюдать примеры того, как это совершается, примеры убедительные и даже достойные подражания. Но я, состоящий из вещества смешанного и грубого, не могу удовольствоваться одним воображением. Я так прост, что не могу не влечься тяжелой поступью к наслаждениям, сужденным нам общим законом, которому подвластно человечество, ощутимым для нашего разума и разумным для ощущения.

Философы киренской школы считают, что как страдания, так и радости плоти являются более сильными, как бы удвоенными и более подлинными [120].

Есть люди, которые по своей, как говорит Аристотель, дикости и тупости испытывают к ним отвращение [121]. Я же знаю людей, которые отказываются от них из честолюбия. Почему людям не отказаться и от дыхания? Почему бы им не жить лишь тем, что они могут извлечь из себя, и не отказаться также от света — ведь он дается им даром, они не изобрели его, не тратили на его приобретение никаких усилий? Посмотрим, как бы их поддерживали в жизни только Марс, Паллада или Меркурий — вместо Венеры, Цереры и Вакха [122]. Или, может быть, они станут искать квадратуру круга в объятиях своих жен? Терпеть не могу, чтобы дух наш призывали витать в облаках, в то время как наше тело сидит за столом. Я не хочу, чтобы дух был пригвожден к наслаждению, чтобы он барахтался в нем, я хочу, чтобы и там он бдил, чтобы на пирах жизни он был в сидячем, а не в лежачем положении. Аристипп выступал лишь в защиту плоти, словно у нас нет души [123]; Зенон считался только с душой, словно мы бестелесны [124]. И оба ошиблись. Говорят, что Пифагор предавался лишь созерцательной философии, Сократ учил только о нравственности и поведении человека, Платон нашел некий средний путь между этими крайностями [125]. Но все это одни сказки. Истинный путь обрел Сократ, Платон же в гораздо большей степени последователь Сократа, чем Пифагор, и это ему гораздо больше подходит.

Когда я танцую, я занят танцами, когда я сплю, я погружаюсь в сон. Когда же я одиноко прогуливаюсь в красивом саду и мысли мои некоторое время заняты бывают посторонними вещами, я затем возвращаю их к прогулке, к саду, к сладостному уединению, к самому себе. Природа с материнской заботливостью устроила так, чтобы действия, которые она предписала нам для нашей пользы, доставляли нам также и удовольствие, чтобы к ним нас влек не только разум, но и желание; и неправильно было бы искажать ее закон.

Когда я убеждаюсь, что Цезарь и Александр в самом разгаре своей великой деятельности не ограничивали себя в наслаждениях естественных и тем самым нужных и необходимых, я не считаю, что они себя баловали,

напротив, — я скажу, что они тем самым укрепляли свою душу, мужественным усилием воли подчиняя эту свою напряженную деятельность, свою пытливую мысль нуждам повседневной жизни. Они были мудрыми, если считали, что последнее является их обычной жизненной рутиной, а первое — призванием к делам чрезвычайным. Все мы — великие безумцы. «Он прожил в полной бездеятельности», — говорим мы. «Я сегодня ничего не совершил». Как? А разве ты не жил? Просто жить — не только самое главное, но и самое замечательное из твоих дел. «Если бы мне дали возможность участвовать в больших делах, я показал бы, на что способен». А сумел ты обдумать свою повседневную жизнь и пользоваться ею как следует? Если да, то ты уже совершил величайшее дело. Природа не нуждается в какой-либо особо счастливой доле, чтобы показать себя и проявиться в деяниях. Она одна и та же на любом уровне бытия, одна и та же за завесой и без нее. Надо не сочинять умные книги, а разумно вести себя в повседневности, надо не выигрывать битвы и завоевывать земли, а наводить порядок и устанавливать мир в обычных жизненных обстоятельствах. Лучшее наше творение — жить согласно разуму. Все прочее — царствовать, накоплять богатства, строить — все это, самое большее, дополнения и довески. Мне приятно видеть, как полководец под стеной, в которой его войскам сейчас предстоит совершить пролом, спокойно и с удовольствием предается трапезе и беседе с друзьями, как Брут, несмотря на то, что против него и римской свободы ополчились и земля и небо, отрывает у своего ночного бдения несколько часов, чтобы спокойно почитать Полибия и сделать из него выписки [126]. Лишь мелкие люди, которых подавляет любая деятельность, не умеют из нее выпутаться, не умеют ни отойти на время от дел, ни вернуться к ним.

O fortes peioraque passi
Mecum saepe viri, nunc vino pellite curas;
Cras ingens iterabimus aequor *.

Насмешка ли, что богословское и сорбоннское вино и пиршества ученых мужей превратились в пословицу [128], или за этим есть какая-то правда, но я считаю, что им и подобает трапезовать тем приятнее и спокойнее, чем плодотворнее и серьезнее поработали они днем со своими учениками. Сознание, что остальное время было проведено с пользой, — отличная, вкусная приправа к вечерней трапезе. Мудрые именно так и жили. И это неподражаемое рвение к добродетели, которое так изумляет нас в обоих Катонах, и почти чрезмерная строгость их нравов покорно и охотно подчинялись законам человеческого естества, законам Венеры и Вакха, согласно правилам философского учения, требовавшего, чтобы подлинный мудрец был так же опытен и искусен в пользовании естественными радостями жизни, как в любом другом жизненном деле. Cui cor sapiat, ei sapiat et palatus **.

* О храбрые мужи, часто претерпевавшие со мной бедствия, вином отгоните заботы; завтра мы пустимся в бескрайное море [127] (*лат.*).
** У кого ученое сердце, у того и нёбо ученое [129] (*лат.*),

Готовность развлечься и позабавиться весьма подобает, на мой взгляд, душам сильным и благородным и даже делает им честь. Эпаминонд не считал, что участвовать в пляске юношей его родного города, петь, играть на музыкальных инструментах и предаваться всему этому с увлечением — значит заниматься вещами, недостойными одержанных им побед и его высоких нравственных качеств[130]. Среди стольких поразительных деяний Сципиона Старшего, человека, по мнению современников, достойного происходить от небожителей[131], особенную прелесть облику его придает склонность к забавам и развлечениям: приятно представить себе, как он с ребяческой радостью собирает ракушки и играет в рожки с Лелием на морском берегу[132], как в дурную погоду он пишет комедии, где с веселым лукавством изображаются самые распространенные и низменные свойства человеческой натуры; как, занятый мыслями об африканских делах, о Ганнибале, он посещает школы Сицилии и просиживает на уроках философии так долго, что на этом оттачивает себе зубы слепая зависть его врагов в Риме[133]. А в Сократе примечательнее всего то, что уже в старости он находит время обучаться танцам и игре на музыкальных инструментах и считает, что время это отнюдь не потеряно даром[134].

Именно Сократ на глазах у всего греческого войска простоял в экстазе целый день и целую ночь, целиком охваченный и взволнованный какой-то глубокой мыслью[135]. Первый среди стольких доблестных воинов, устремился он на помощь окруженному врагами Алкивиаду, прикрыл его своим телом и силой своего оружия оттеснил врагов[136]. Первым среди всего афинского народа, возмущенного, как и он, недостойным зрелищем, попытался он спасти Ферамена, которого вели на казнь по приказу тридцати тиранов[137]. И хотя ему помогали только два человека, он отказался от своей попытки лишь после того, как его попросил об этом сам Ферамен. Некая красавица, в которую он был влюблен, стремилась в его объятия, но обстоятельства сложились так, что ему надо было отказаться от счастья, и у него хватило на это сил. Все видели, как в битве при Делии он поднял и спас Ксенофонта, сброшенного с коня[138], как на войне он постоянно ходил босой по льду, одевался зимой так же, как летом, превосходил всех своих товарищей терпением в труде и на пирах ел ту же пищу, что в обычное время[139]. Всем известно, что двадцать семь лет он с невозмутимым выражением лица переносил голод, бедность, непослушание своих детей, злобный нрав жены и под конец клевету, угнетение, темницу, оковы и яд. Но если этого же человека призывали к учтивому состязанию с чашей в руках — кто кого перепьет, — ему первому во всем войске выпадала победа. Он не отказывался ни играть в орешки с детьми, ни забавляться вместе с ними деревянной лошадкой и делал это очень охотно. Ибо, учит нас философия, всякая деятельность подобает мудрецу и делает ему честь. Образ этого человека мы должны неустанно приводить как пример всех совершенств и добродетелей. Мало существует столь целокупных примеров ничем не запятнанной жизни, и ничуть не поучительны для нас постоянно предлагаемые нам другие примеры, нелепые, неудачные, ценные, может быть, какой-нибудь отдельной чертой, которые

скорей лишь сбивают нас с толку и больше портят дело, чем помогают ему.

Народ ошибается: гораздо легче ехать по обочинам дороги, где края указывают возможную границу и как бы направляют едущего, чем по широкой и открытой середине, безразлично — природой ли она создана или настлана людьми. Но, конечно, в езде по обочинам меньше и благородства и заслуги. Величие души не столько в том, чтобы без оглядки устремляться вперед и все выше в гору, сколько в том, чтобы уметь посчитаться с обстоятельствами и обойти препятствия. Она считает подлинно великим именно достаточное и возвышенность свою проявляет в том, что средний путь предпочитает лазанью по вершинам. Нет ничего более прекрасного и достойного одобрения, чем должным образом хорошо выполнить свое человеческое назначение. Нет науки, которой было бы труднее овладеть, чем умением хорошо и согласно всем естественным законам прожить эту жизнь. А самая зверская из наших болезней — это презрение к своему естеству. Кто хочет дать душе своей независимость, пусть, если сможет, смело сделает это, когда телу придется худо, чтобы избавить ее от заразы. Но в других случаях, напротив, пусть душа помогает телу, содействует ему и не отказывается участвовать в его естественных утехах, а наслаждается вместе с ним, привнося в них, если обладает мудростью, умеренность, дабы они по опрометчивости человеческого естества не превратились в неудовольствие. Невоздержанность — чума для наслаждения, а воздержанность отнюдь не бич его, а наоборот — украшение. Евдокс, почитавший наслаждение высшим жизненным благом, и его единомышленники, так высоко ценившие это благо, вкушали его особенно сладостно благодаря своей сдержанности, которая у них была исключительной и примерной [140]. Я предписываю душе своей созерцать и страдание и наслаждение взором равно спокойным (eodem enim vitio est effusio animi in laetitia quo in dolore contractio *) и мужественным, но в одном случае радостным, а в другом суровым, и, насколько это в ее силах, приглушать одно и давать распускаться другому. Здраво смотреть на хорошее помогает и здраво рассматривать дурное. И в страдании, в его кротком начале, есть нечто, чего не следует избегать, и в наслаждении, в его крайнем пределе, есть нечто, чего избежать можно. Платон связывает их друг с другом, полагая, что сила духа должна противостоять как страданию, так и чрезмерной, чарующей прелести наслаждения [142]. Это два источника, благо тому, кто черпает из них где, когда и сколько ему надо, будь то город, человек или зверь [143]. Из первого надо пить для врачевания, по мере необходимости и не часто, из второго следует утолять жажду, однако так, чтобы не охмелеть. Страдание, наслаждение, любовь, ненависть — вот первые ощущения, доступные ребенку. Если со вступлением разума в свои права эти чувства подчиняются ему, возникает то, что мы именуем добродетелью.

* Как безмерная радость, так и безмерная скорбь в одинаковой мере заслуживают порицания [141] (*лат.*).

Есть у меня свой собственный словарь: время я провожу, когда оно неблагоприятно и тягостно. Когда же время благоприятствует, я не хочу, чтобы оно просто проходило, я хочу овладеть им, задержать его. Надо избегать дурного и утверждаться в хорошем. Этими обычными словами «времяпрепровождение» и «время проходит» обозначается поведение благоразумных людей, считающих, что от жизни можно ждать в лучшем случае, чтобы она текла, проходила мимо, что надо быть в стороне от нее и, насколько это возможно, не вникать ни во что, словом, бежать от жизни, как от чего-то докучного и презренного. Я знаю ее иной и считаю ценной и привлекательной даже на последнем отрезке, который сейчас прохожу. Природа даровала нам ее столь благосклонно обставленной, что нам приходится винить лишь самих себя, если она для нас жестока и если она бесполезно протекает у нас между пальцами. Stulti vita ingrata est, trepida est, tota in futurum fertur *. Тем не менее я готовлюсь потерять ее без сожалений, но потому, что она по сути своей является преходящей, а не потому, что она мучительна и докучна. Так что лишь тем подобает умирать без горечи, кто умеет наслаждаться жизнью, а это можно делать более или менее осмотрительно. Я наслаждаюсь ею вдвойне по сравнению с другими, ибо мера наслаждения зависит от большего или меньшего прилежания с нашей стороны. Особенно сейчас, когда мне остается так мало времени, я хотел бы сделать свою жизнь полнее и веселее. Быстроту ее бега хочу я сдержать быстротой своей хватки и тем жаднее пользоваться ею, чем быстрее она течет. Мне уже недолго предстоит обладать жизнью, и это обладание я хочу сделать как можно более глубоким и полным.

Иные ощущают сладость удовольствия — сладость благополучия. Я ощущаю то же самое, но не потому, что она проносится и ускользает. Сладость эту надо познавать, смаковать, обдумывать, чтобы ощущение наше стало достойным того, что ее породило. Есть люди, которые и другими удовольствиями пользуются так же, как сном, — не осознавая их. Для того, чтобы даже наслаждение сном не ускользало от меня столь нелепым образом, я в свое время любил, чтобы его иногда прерывали, — и это давало мне возможность оценить его. Я обсуждаю сам с собою каждое удовольствие, я не скольжу по его поверхности, а проникаю до самой сердцевины и заставляю свой унылый и уже ко всему равнодушный разум познать его до конца. Нахожусь ли я в состоянии приятной умиротворенности? Тешит ли меня какая-нибудь плотская радость? Я не растрачиваю попусту своих ощущений, но вкладываю в них душу, не для того, чтобы погружаться в эти ощущения до конца, но чтобы радость моя была полнее, не для того, чтобы раствориться в них, а для того, чтобы найти себя. Я прибегаю к помощи души, чтобы она полюбовалась собою в зеркале благоденствия, чтобы она смогла взвесить, оценить и обогатить миг блаженства. Пусть душа осознает, как должна она благодарить бога за то, что он умиротворил ее совесть и снедавшие ее страсти, за то, что она владеет телом, упорядоченно и благоразумно выполняющим все приятные и

* Жизнь глупца неблагодарна, трепетна, целиком обращена в будущее[144] (*лат.*).

сладостные отправления, которыми богу по милости его угодно было вознаградить нас за страдания, бичующие нас по его же правосудию. Пусть она ощутит, какая благость для нее пребывать в месте, где над нею повсюду ясное небо: никакое желание, никакая боязнь или сомнение не туманят воздуха, нет никаких трудностей — минувших, настоящих или будущих, — которых не пересилило бы без малейшего ущерба ее воображение. Высказанные мной мысли приобретают особую убедительность от сравнения противоположных человеческих судеб. Так возникают передо мною бесчисленные лики тех, кого несчастье или же их собственные заблуждения унесли прочь, словно порыв бури, а также и тех, более близких, кто выпадающее им счастье принимает вяло и нерадиво. Это именно те люди, которые просто проводят время. Они пренебрегают настоящим, пренебрегают тем, чем владеют, ради каких-то чаяний, ради смутных и тщетных образов, рисующихся в их воображении, —

Morte obita quales fama est volitare figuras,
Aut quae sopitos deludunt somnia sensus — *

и быстро ускользающих от преследования. Задача и цель стремления таких людей состоят в самом стремлении: так и Александр говорил, что цель трудов в том, чтобы трудиться [146],

Nil actum credens cum quid superesset agendum **.

Что до меня, то я люблю ту жизнь и действую в той жизни, которую богу угодно было нам даровать. Я не склонен желать, чтобы ей пришлось жаловаться на нужду в куске хлеба, и столь же непростительной ошибкою было бы стремиться к тому, чтобы она обладала вдвое большим, чем ей нужно (Sapiens divitiarum naturalium quaesitor acerrimus ***); не хотел бы я также поддерживать свои силы лишь небольшими дозами зелья, с помощью которого Эпименид отбивал у себя охоту к еде и необходимость принимать пищу [149], не хотел бы и того, чтобы зачатие потомства происходило без всякого чувства и смысла с помощью пальцев или пятки: пусть уж лучше, не говоря худого слова, это зачатие через пальцы и пятку тоже сопровождается сладострастным ощущением. Не хотел бы я также, чтобы плоть наша не ведала желаний и не испытывала раздражений. Требовать чего-либо подобного — неблагодарно и безбожно. Я от чистого сердца и с благодарностью принимаю то, что сделала для меня природа, радуясь ее дарам, и славлю их. Неблаговидно по отношению к столь щедрому дателю отказываться от таких даров, уничтожать их или искажать. Всеблагой, он и все содеял благим. Omnia quae secundum naturam sunt, aestimatione digna sunt ****.

---

* Похожие на призраков, которые, как говорят, витают после смерти людей или являются в сновидениях, обманывая наши уснувшие чувства [145] (*лат.*).

** Считал, что ничего не сделано, если нужно было еще что-нибудь сделать [147] (*лат.*).

*** Мудрый усердно ищет естественного богатства [148] (*лат.*).

**** Все, что согласно с природой, заслуживает уважения [150] (*лат.*).

Охотнее всего склоняюсь я к тем философским воззрениям, которые наиболее основательны, то есть наиболее человечны и свойственны нашей природе; и речи у меня в соответствии с моим нравом скромны и смиренны. Философия, на мой взгляд, ведет себя очень ребячливо, когда из кожи вон лезет, проповедуя нам, что противоестественно сочетание небесного и земного, разума и безрассудства, суровости и снисходительности, честности и бесчестья, что сладострастие есть ощущение грубое и недостойное того, чтобы его вкушал мудрец: единственное удовольствие, которое может получить философ, сочетавшись браком с красивой молодой женщиной, — это сознание того, что он совершил весьма полезное действие, как если бы он натянул на ноги ботфорты для поездки верхом по важному делу. Пусть же последователи такого философа, лишая невинности своих жен, делают это столь же хорошо, столь же мощно, столь же пылко, сколько добра, мощи и огня в его учении.

Не то говорит Сократ, его и наш наставник. Он ценит, как должно, плотское наслаждение, но предпочитает духовное, ибо в нем больше силы, постоянства, легкости, разнообразия, благородства[151]. И отнюдь не в том смысле, что оно — единственное (Сократ не такой чудак), а лишь в том, что ему отводится первое место.

По его мнению, воздержание не противостоит удовольствиям, а удерживает их в известных границах.

Природа — руководитель кроткий, но в такой же мере разумный и справедливый. Intrandum est in rerum naturam et penitus quid ea postulet pervidendum *. Я всячески стараюсь идти по ее следу, который мы запутали всевозможными искусственно протоптанными тропинками. И вот *высшее* благо академиков и перипатетиков, состоящее в том, чтобы жить согласно природе, оказывается понятием, которое трудно определить и истолковать, равно как родственное ему *высшее* благо стоиков, состоявшее в том, чтобы уступать природе. Не ошибочно ли считать некоторые действия менее достойными лишь потому, что они необходимы? У меня из головы не вышибить мысль, что весьма подходящим делом является брак между наслаждением и необходимостью, с помощью которой, как говорит один писатель древности, боги все доводят до вожделенного конца. Для чего же нам разрушать и расчленять строение, возникшее благодаря столь тесному, братскому соответствию частей? Напротив, его следует общими усилиями укреплять. Qui velut summum bonum laudat animae naturam, et tanquam malum naturam carnis accusat, profecto et animam carnaliter appetit et carnem carnaliter, fugit, quoniam id vanitate sentit humana non veritate divina **. В этом божьем даре нет ничего, что не было бы достойно наших забот. Мы должны отчитаться в нем до последнего волоска. И не по своей воле

---

* Нужно проникнуть в природу вещей и тщательно рассмотреть, чего она требует[152] (*лат.*).

** Кто восхваляет как высшее благо природу души и осуждает природу плоти, видя в ней зло, тот, конечно, и душу любит по-плотски и по-плотски бежит от плоти, потому что он судит о них, руководствуясь не божьей правдой, а человеческой суетностью[153] (*лат.*).

человек возложил на себя обязанность вести человека по жизненному пути, согласно его природе: сам создатель со всей строгостью предписал ее нам как непосредственно важную, вполне ясную и существенную. А так как разуму обыкновенного человека необходимо опереться на какое-либо авторитетное мнение, особенно действенное, если оно высказано на непонятном языке, приведем таковое: stultitiae proprium quis non dixerit, ignave et contumaciter facere quae facienda sunt, et alio corpus impellere alio animum, distrahique inter diversissimos motus *.

Так вот, попробуйте расспросить такого-то человека, ради каких мыслей и фантазий, гнездящихся у него в голове, он не желает думать о хорошей трапезе и сожалеет о времени, потраченном на еду: вы обнаружите, что за столом у вас нет ни одного яства безвкуснее содержимого его души (в большинстве случаев нам лучше крепко заснуть, чем бдеть, размышляя о том, о чем мы размышляем), вы убедитесь, что все его речи и замыслы не стоят вашей говядины в соусе. Будь это даже возвышенные построения Архимеда — что из того? Здесь мы отнюдь не затрагиваем и не смешиваем с ребячливой толпой обыкновенных людей и с развлекающими нас суетными желаниями и треволнениями высокочтимые души, поднятые жаром своего благочестия и веры в области неизменного глубокомысленного созерцания божественных вещей. Эти души, полные живого и пламенного чаяния вкушать небесные яства, души, устремленные к главной конечной цели всех желаний подлинного христианина, к единственному непресыщенному, чистейшему наслаждению, не уделяя внимания мирским нуждам, суетным и преходящим, равнодушно предоставляют телу заботу о потреблении земной материальной пищи. Это духовные занятия избранных. Говоря между нами, я всегда наблюдал удивительное совпадение двух вещей: помыслы превыше небес, нравы — ниже уровня земли.

Эзоп, этот великий человек, увидел как-то, что господин его мочится на ходу: «Неужели, — заметил он, — нам теперь придется испражняться на бегу?» [155]. Как бы мы ни старались сберечь время, какая-то часть его всегда растрачивается зря. Духу нашему не хватает часов для его занятий, и он не может расставаться с телом на тот незначительный период времени, который нужен для удовлетворения его потребностей. Есть люди, старающиеся выйти за пределы своего существа и ускользнуть от своей человеческой природы. Какое безумие: вместо того, чтобы обратиться в ангелов, они превращаются в зверей, вместо того, чтобы возвыситься, они принижают себя. Все эти потусторонние устремления внушают мне такой же страх, как недостижимые горные вершины. В жизни Сократа мне более всего чужды его экстазы и божественные озарения. В Платоне наиболее человечным было то, за что его прозвали божественным. Из наших наук самыми земными и низменными кажутся мне те, что особенно высоко метят. А в жизни Александра я нахожу самыми жалкими и свой-

* Кто не признает, что глупости свойственно вяло и против воли делать то, что следует сделать, увлекать в одну сторону тело, в другую душу, и отрывать их друг от друга, направляя в противоположные стороны? [154] (*лат.*).

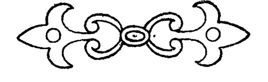
ственными его смертной природе чертами как раз укоренившиеся в нем вздорные притязания на бессмертие. Филота забавно уязвил его в своем поздравительном письме по поводу того, что оракул Юпитера-Аммона объявил Александра богоравным: «За тебя я весьма радуюсь, но мне жалко людей, которые должны будут жить под властью человека, превосходящего меру человека и не желающего ею довольствоваться» [156]. Diis te minorem quod geris imperas *. Мне очень нравится приветственная надпись, которой афиняне почтили прибытие в их город Помпея:

Себя считаешь человеком ты, —
И в этом — божества черты [158].

Действительно, уменье достойно проявить себя в своей природной сущности есть признак совершенства и качество почти божественное. Мы стремимся быть чем-то иным, не желая вникнуть в свое существо, и выходим за свои естественные границы, не зная, к чему мы по-настоящему способны. Незачем нам вставать на ходули, ибо и на ходулях надо передвигаться с помощью своих ног. И даже на самом высоком из земных престолов сидим мы на своем заду.

Самой, на мой взгляд, прекрасной жизнью живут те люди, которые равняются по общечеловеческой мерке, в духе разума, но без всяких чудес и необычайностей. Старость же нуждается в более мягком обращении. Да будет к ней милостив бог здоровья и мудрости, да поможет он ей проходить жизнерадостно и в постоянном общении с людьми:

Frui paratis et valido mihi,
Latoe, dones, et, precor, integra
Cum mente, nec turpem senectam
Degere, nec cythara carentem **.



* Ты властвуешь, потому что ведешь себя, как подвластный богам [157] (*лат.*).

** Дозволь, сын Латоны, мне, полному сил, наслаждаться тем, что я приобрел, и молю тебя, оставь мне незатуманенный разум, чтобы я достойно провел свою старость и не расставался с моею лирой [159] (*лат.*).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ф. А. Коган-Бернштейн *

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ И ЕГО „ОПЫТЫ"

«Опыты» Мишеля Монтеня — один из замечательных памятников французской культуры XVI в. «Опыты» представляют собой произведение особого рода, не имеющее ничего общего со специальным философским трактатом или сочинением на определенную социально-политическую тему. Монтень задумал написать свои «Опыты» как своего рода автохарактеристику, предназначая их для ограниченного круга читателей, способных заинтересоваться результатами его самонаблюдения и самоанализа. А вместо этого получилась книга, резюмирующая передовые устремления своей эпохи, мастерское и оригинальнейшее произведение французской и вообще мировой литературы. В одной из последних глав «Опытов» Монтень замечает: «Я пишу свою книгу для немногих и на немногие годы» [1]. Но Монтень здесь решительно ошибся: читательская аудитория «Опытов» стала огромной, и книга оказалась тем, что Фукидид называет κτῆμα εἰς ἀεί, «достоянием на века».

На Западе Монтеню посвящается множество критических работ. Уже вышедшая в 1942 г. краткая библиография трудов о Монтене [2] насчитывала 2983 названия, и число их непрерывно растет. Среди этих работ немало серьезных исследований. Таковы книги французских ученых П. Вилле [3] и Ф. Стровски [4], приложивших немало усилий для уточнения хронологии и обстоятельств создания «Опытов», для уяснения духовной и писательской эволюции их автора. Стараниями этих и других специалистов-монтеневедов (в частности, А. Арменго, Ж. Платтара) появились критические, научные издания «Опытов». В последнее время много внимания уделяется почти не разрабатывавшимся прежде вопросам собственно литературного мастерства создателя «Опытов», и здесь нередки весьма точные и интересные наблюдения.

Однако общая характеристика философских воззрений Монтеня, его

---

* При участии Ю. А. Гинзбург.

[1] III, IX (с. 188). В дальнейшем ссылки на «Опыты» даются в тексте; первая римская цифра означает книгу, вторая — главу, арабская — страницу настоящего издания.

[2] *S. Tannenbaum.* Michel de Montaigne, a Concise Bibliography. New York, 1942.

[3] *Pierre Villey.* Les sources et l'évolution des Essais de Montaigne, tt. 1, 2. P., 1908.

[4] *Fortunat Strowsky.* Montaigne. P., 1910.

сложных связей с социальной, политической и культурной жизнью современной ему Франции, определение его роли и места в литературном процессе зачастую делаются на Западе тенденциозно, с упором на самое противоречивое в наследии Монтеня — мыслителя и писателя и замалчиванием наиболее существенных сторон его творчества. Монтень предстает то истовым католиком, то отчаявшимся мизантропом, то погруженным в себя отшельником или невозмутимым наблюдателем бушующих вокруг страстей, более всего озабоченным совершенством своего сочинения. Все это достаточно далеко от действительности. Тем настоятельнее для советских ученых задача воссоздать подлинный его облик.

«Опыты» Монтеня писались в период крутой ломки общественных отношений во Франции, вызванной процессом так называемого первоначального накопления. В это время в недрах французского феодального общества происходили глубокие сдвиги, связанные с возникновением и ростом нового, капиталистического хозяйства.

В соответствии с изменениями, происходившими в экономическом строе французского общества на данном этапе его развития, изменялись и формы политического господства: во Франции в это время идет становление особой формы феодального государства — абсолютной монархии. «Абсолютная монархия, — указывает Маркс, — возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой» [5]. В эту пору, по словам Маркса, «абсолютная монархия выступает как цивилизующий центр, как объединяющее начало общества» [6]. Эту характеристику абсолютной монархии необходимо будет иметь в виду при оценке политических позиций Монтеня.

Однако укреплению абсолютной монархии во Франции во второй половине XVI в. противодействовали начавшиеся в это время гражданские войны, в которых католики в целом выступали сторонниками, а гугеноты — противниками централизованной королевской власти. По социальному составу оба лагеря были крайне неоднородны, и подлинные стремления каждой группировки далеко не всегда совпадали с лозунгами, начертанными на знамени всего стана.

Гугенотство (кальвинистская ветвь протестантства во Франции) как религиозно-идеологическое течение первоначально выражало по преимуществу настроения и запросы нарождавшейся буржуазии и ремесленных слоев, их недовольство существующим порядком вещей и потребность в обновлении этого порядка. Но буржуазия в то время была еще слишком слаба, чтобы отстаивать свои интересы в вооруженной борьбе. С обострением этой борьбы, во второй половине XVI в., ведущей политической

---

[5] *К. Маркс и Ф Энгельс.* Соч., т. 4, с. 306.
[6] Там же, т. 10, с. 431.

ESSAIS

DE MESSIRE
MICHEL SEIGNEVR DE
MONTAIGNE CHEVALIER

de l'ordre du Roy, & Gentil-homme ordinaire de sa Chambre.

LIVRE SECOND

A BOVRDEAVS.

Par S. Millanges Imprimeur ordinaire du Roy.

M. D. LXXX.

AVEC PRIVILEGE DV ROY.

Титульный лист первого издания «Опытов». 1580 г.

силой гугенотского лагеря оказалось дворянство, прежде всего крупные феодалы юга Франции во главе с сеньорами из дома Бурбонов, стремившиеся стать полномочными государями в своих владениях, наподобие немецких князей. За ними шла значительная масса оскудевавшего провинциального дворянства, вынужденного в связи с падением доходов от феодальной ренты переходить на королевское жалованье и искавшего выход из затруднительного положения. Их поддерживали и города юго-западной Франции, в основном прежние города-коммуны, которые в результате усиления королевской власти потеряли свои вольности и былую самостоятельность; города, впрочем, играли в этом движении в период религиозных войн скорее второстепенную роль.

Оплотом католического лагеря были, напротив, северные области Франции. Партия католиков опиралась на тесно связанное с королем придворное дворянство, буржуазию Парижа и других северных городов, буржуазную бюрократию, подвизавшуюся в суде и администрации и занимавшую большую часть должностей в государственном аппарате, — словом, те общественные силы, которые были особенно заинтересованы в хозяйственном и политическом единстве страны. Однако и внутри католического лагеря в ходе политической борьбы немалую роль играли аристократы-феодалы, группировавшиеся вокруг клана Гизов.

Что касается народных масс, то среди крестьянства кальвинистская «ересь» не получила особого распространения. С течением времени народ все явственнее осознавал кровопролитную смуту как дворянскую войну, несущую ему разорение и чуждую его насущным интересам. В последний период гражданской войны недовольство крестьянства и городской бедноты вылилось в открытые восстания, и вмешательство народа в политическую борьбу стало важным фактором в деле прекращения междоусобицы.

Напомним в нескольких словах ход событий в гражданских войнах (их непосредственное начало падает на 1562 г.), так как нам придется неоднократно касаться этого в дальнейшем изложении. Обострению борьбы способствовало массовое избиение гугенотов в Париже (так называемая Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г.) и во многих провинциальных городах и создание на юге Франции гугенотской федеративной республики. Возглавлявшаяся феодальной аристократией, эта республика стала «государством в государстве», имевшим свою армию, флот, свой аппарат управления. Виднейшим вождем партии гугенотов был Генрих Бурбон. Противоположный лагерь в свою очередь организовал «Католическую лигу» во главе с могущественным претендентом на французский престол Генрихом Гизом. В Париже, кроме того, была учреждена буржуазными кругами особая Парижская лига, во главе с «комитетом шестнадцати» (по числу кварталов, на которые был разделен город). В 1588 г. в Париже произошло одно из восстаний городского плебейства — мелких ремесленников, рабочих, поденщиков, захвативших городское управление в свои

руки и приступивших к выбору «коммуны». Это был так называемый «день баррикад» (12 мая 1588 г.), когда Монтень как раз находился в столице и когда король Генрих III бежал из города, направляясь к армии Генриха Бурбона, двигавшейся на Париж. Дворянство и буржуазия, напуганные движением народных масс, все теснее сплачивались вокруг Генриха Бурбона, оставшегося единственным претендентом на французскую корону (после убийства Генриха Гиза, в декабре 1588 г., а вслед за тем, 1 августа 1589 г., и самого короля Генриха III). В 1594 г. Генрих Бурбон, незадолго до этого перешедший в католичество, сделался королем Франции и приступил к умиротворению страны, разоренной многолетней гражданской войной.

Этот глубокий кризис французского общества второй половины XVI в. существенно сказался на всем творчестве Монтеня. Без преувеличения можно сказать, что происходившая на глазах у Монтеня гражданская смута непрестанно присутствовала в его сознании. Монтень не устает повторять: «В настоящее время мы охвачены распрей» (I, XXIII, 115). «Век, в который мы с вами живем, по крайней мере под нашими небесами, — настолько свинцовый...» (I, XXXVII, 210). В редкой главе своей книги Монтень обходится без упоминания о бедствиях, связанных с гражданскими войнами. И что важнее, под знаком этого кризиса формировалось мировоззрение Монтеня и складывался весь его жизненный путь.

Шестнадцатый век во Франции, век гуманизма и Реформации, — сложный и плодотворный период идеологического и культурного развития. Французский Ренессанс дал целую плеяду мыслителей, пробивших весьма основательные бреши в церковно-схоластическом мировоззрении, подготовивших почву для новой идеологии в самых различных областях человеческой мысли. Мы здесь не будем касаться специально филологической сферы, в которой французские гуманисты, благодаря работам таких ученых, как один из инициаторов создания и ведущий лектор университета Коллеж де Франс Гийом Бюде, издатели и лексикографы отец и сын Этьены и другие, заняли одно из первых мест в Европе. Отметим лишь на редкость активную деятельность переводчиков, в особенности переводчиков мало известных до того во Франции греческих классиков. Вряд ли когда-нибудь было переведено столько греческих авторов, как в это время. Венцом этих трудов явились вышедшие в 1559 г. «Жизнеописания знаменитых людей» Плутарха в переводе Жака Амио. «Жизнеописания», составившие заметную веху в развитии французской словесности, сыграли немалую роль в воспитании многих поколений французской молодежи. Они оказали большое влияние, в частности, и на Монтеня (как позднее на Ж.-Ж. Руссо и деятелей Французской революции). Монтень так оценивал заслуги Амио: «Среди всех наших французских писателей я отдаю пальму первенства — как мне кажется, с полным основанием, — Жаку Амио, и не только по причине непосредственности и чистоты его языка — в чем он превосходит всех прочих авторов, — или упорства в столь

длительном труде, или глубоких познаний, помогших ему передать так удачно мысль и стиль трудного и сложного автора... Но главным образом я ему благодарен за находку и выбор книги, столь достойной и ценной, чтобы поднести ее в подарок моему отечеству» (II, IV, 319). Позднее, в 70-х годах, Амио перевел философско-публицистические произведения Плутарха, его «Moralia».

Огромную роль в становлении национального самосознания сыграла французская литература XVI в. Она дала такие имена, как Маргарита Наваррская, Клеман Маро, Ронсар и Дю Белле, наконец, Рабле с его бессмертным романом, вместившим всю проблематику своей эпохи. Нужно отметить, что многие явления французской прозы второй половины XVI столетия перекликаются в разных отношениях с монтеневскими «Опытами» — при всей уникальности этой книги не только для своего времени, но, без преувеличения, и для мировой литературы. В 80-е годы появляется немало сборников новелл, таких, например, как трехтомные «Вечера» Гийома Буше, «Утра» и «Полудни» Никола де Шольера. Персонажи этих книг — люди преимущественно из буржуазной среды, собирающиеся, чтобы побеседовать на различные темы. Здесь можно найти и собственно новеллы, и рассказы о всякого рода «диковинах», и размышления о весьма серьезных предметах; несомненно стремление к более глубокому анализу человеческого характера и поведения. Современный английский исследователь Дж. Макфарлин так оценивает эти произведения в их связи с книгой Монтеня: «Некоторые «рассказчики» словно подхватывают замысел монтеневских «Опытов» своими куда более слабыми руками, переводят его на устную речь и распределяют между разными персонажами, которые высказывают на досуге разные точки зрения на проблемы и заботы современности» [7].

В середине и конце XVI в. во Франции создается и множество книг мемуарного характера. Впрочем, точному жанровому определению эти книги поддаются с трудом. Таковы, например, знаменитые «Мемуары» Пьера де Брантома, впервые опубликованные в 1665 г., где воспоминания о былом впавшего в немилость у короля и прикованного к постели человека перемежаются острыми портретными зарисовками, своего рода «биографическими очерками», и все это в атмосфере, воссозданной не без помощи творческого вымысла и литературных реминисценций. Брантом как бы «беллетризирует» историю. А вышедшие посмертно, в 1592 г., «Комментарии» Блеза де Монлюка — книга человека действия, храброго воина, не претендующая на глубину философских размышлений, но написанная живо и ярко и соединяющая в себе жанровые признаки автобиографии, апологии и поучительного рассказа. Почти сорок лет, начиная с 1574 г. и до конца жизни, вел свои записки парижский буржуа Пьер де Л'Этуаль; изо дня в день он отмечал в них новости, события

[7] *McFarlane I. D.* Renaissance France. London — Tornbridge, 1974, p. 257.

важные и совсем незначительные, а иногда и слухи, никогда, впрочем, не настаивая на их достоверности (публикация дневников Л'Этуаля началась лишь в 20-е годы XVII в.). Подобная жанровая, тематическая и стилистическая пестрота, зыбкость границ между различными сферами литературы и языка, которая так претила в последующие столетия, вплоть до эпохи романтиков, поборникам строгого вкуса, регулярной, сурово регламентированной словесности, была и свидетельством богатства и многообразия самой жизни и форм ее восприятия в тот неповторимо-особенный переходный период. Все это создавало редкие условия для творческой мысли, питало почву, на которой возникли создания, принадлежащие к высочайшим достижениям европейской культуры.

Семидесятые годы XVI в. во Франции (к которым относится начало работы Монтеня над «Опытами») были временем необычайного расцвета и полемической напряженности политической мысли. Достаточно назвать таких писателей, как ближайший друг Монтеня Этьен Ла Боэси или его выдающийся современник, крупнейший государствовед и политический деятель Жан Боден, о многих плодотворных концепциях которого — учении о прогрессе, о закономерности в истории (так называемой теории климата), учении о суверенитете — Монтень отзывался с похвалой. Жан Боден защищал сильную, централизованную, но терпимую и уважающую права подданных монархическую власть. Его идеи отражали позицию «политиков» — умеренной партии католического лагеря, стремившейся к выработке приемлемого для обеих сторон компромисса и умиротворению страны. Эти настроения, как мы увидим, нашли отклик и в сочинениях, и в практической деятельности Монтеня.

Публицисты гугенотского лагеря, напротив, подвергая острейшей критике принцип единовластного правления, обосновывали центробежные тенденции мятежного Юга. С одним из них, предполагаемым автором знаменитого «Иска к тиранам» (Vindiciae contra tyrannos), Филиппом Дюплесси-Морне, Монтень был хорошо знаком и состоял в переписке. В «Иске к тиранам» с большим блеском развита была теория народного суверенитета, хотя под «народом» автор понимал не народные массы, а их «представителей» — парламенты, сословные собрания и т. д. Трактат этот доказывал право магистратов провинций и даже отдельных городов выступить против тирана и призвать на помощь народ. Хорошо известен был Монтеню и другой его сверстник, Франсуа Отман, автор центрального произведения гугенотской публицистики, известной «Франко-Галлии». Это сочинение привлекло внимание как единомышленников Отмана, так и его противников, яростно обрушившихся на знаменитый памфлет. Не менее напряженной и сложной была в XVI столетии борьба различных течений и в других областях духовной жизни. Середина века во Франции проходит под знаком расшатывания основ религиозного мироощущения. Здесь, прежде всего, следует назвать имена Франсуа Рабле, филолога Этьена Доле, сожженного за атеизм на площади Мобер в Париже

в 1546 г., и Бонавентуры Деперье, автора сборника сатирических диалогов «Кимвал мира». Эти вольнодумцы, подвергнув сокрушительной критике схоластическую лженауку и ее главную покровительницу — теологию, заложили прочный фундамент того направления мысли, которое, по словам Энгельса [8], подготовило развитие французского материализма XVIII в.

40—50-е годы XVI в. во Франции отмечены нарастанием рационалистических тенденций в философии [9]. В центре ожесточенных споров различных школ было отношение к непререкаемому авторитету средневековой схоластической философии — Аристотелю. Обосновавшиеся во Франции последователи школы, сложившейся в Падуанском университете во многом под влиянием учения Аверроэса, в своем толковании Аристотеля, традиционно-апологетическом по форме, выдвигали смелые, не совпадавшие с церковными догмами теории (в частности, в столь важном вопросе, как бессмертие души). Они развивали мысль о существовании «двух истин» — истины «высшей», религиозной, и «низшей», но не тождественной ей истины, опирающейся на человеческий разум.

Оппонентом падуанской школы был самый крупный французский философ того времени, «герой и мученик науки», как назвал его Т. Н. Грановский, — Пьер де Ла Раме (в латинизированной форме — Рамус). Сын бедного пикардийского крестьянина, Рамус, проявив большую силу характера и обнаружив редкостные способности, стал одним из самых замечательных профессоров основанного Франциском I светского университета Коллеж де Франс. Его исключительный дар речи привлекал в аудиторию несметные толпы слушателей, каких Париж не видел со времен Абеляра. Решительный противник схоластизированного Аристотеля — в особенности аристотелевской логики и методов преподавания ее [10] — Рамус еще в 1536 г. на диспуте с целью соискания им степени магистра наук выставил неслыханный для тех времен тезис: «Все, сказанное Аристотелем, ложно» (Quaecunque ab Aristotele dicta essent, commentitia esse). На диспуте, длившемся целый день, оппоненты Рамуса из схоластиков тщетно пытались разбить дерзкого новатора. Искусная диалектика его справи-

---

[8] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 346.

[9] Наиболее обстоятельно этот вопрос освещен в работе: *H. Busson.* Le rationalisme dans la littérature française de la Renaissance (1553—1601). P., 1957.

[10] В этой борьбе Рамус, однако, не был свободен и от известной прямолинейной односторонности, отвергая заодно и то ценное, что содержалось в учении Аристотеля по существу. Здесь уместно будет вспомнить проницательное суждение Герцена: «Он проповедовал против Стагирита точно так же, как гугеноты проповедовали против папы. Сходство его с протестантами очень велико: он был прозаичнее, может быть, пошлее, площе своих врагов, площе многих комментаторов Аристотеля (Помпонацця [виднейший ученый падуанской школы. — *Ред.*], например), но у него были практические и своевременные требования; он гнушался формализмом и словопрением; ему хотелось приложения, пользы; он был ниже Аристотеля, так, как многие протестанты ниже католического воззрения; но он боролся с Аристотелем схоластики так, как протестанты с католицизмом XVI века» (*А. И. Герцен.* Письма об изучении природы. Собр. соч. в 30 тт., т. III. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 227).

лась со всеми их возражениями, и Рамусу была присуждена ученая степень. В 1555 г. Рамус издал первое подлинно философское произведение на французском языке — свою «Диалектику». Во время Варфоломеевской ночи этот ученый, имя которого гремело по всей Европе (последователи Рамуса имелись в университетах Германии, Англии, Швейцарии и других стран), человек, являвшийся гордостью Франции, был убит наемными убийцами, которых привел к нему его враг схоласт-обскурант Шарпантье. Труп Рамуса после надругательства был брошен в Сену.

Критикуя схоластическую философию, «богом» которой, по словам Монтеня, являлся Аристотель, Монтень не мог пройти мимо того большого дела, которое было сделано Рамусом, и, в частности, мимо выдвинутого Рамусом требования ставить разум выше всяких авторитетов.

В том же направлении действовали и другие философские течения — в частности, восходившие к различным скептическим школам древности. О сравнительно раннем развитии во Франции скептических учений мы имеем любопытное литературное свидетельство в вышедшей в 1546 г. третьей книге романа Рабле, где мы встречаем забавную фигуру Труйогана, «философа эффектического и пирронического», т. е. скептика. Не следует думать, что эпизод с Труйоганом просто игра ума великого сатирика. Рабле чутко относился к духовным веяниям времени и отражал их в своей эпопее. Это относится и к успехам скептической философии во Франции, о которой Гаргантюа здесь же замечает: «Значит самые ученые и мудрые философы принадлежат ныне к фронтистерию и школе пирронистов, апорретиков, скептиков и эффектиков»[11]. Трудно решить, кого имел в виду Рабле, говоря об ученых и мудрых философах, примкнувших к скептицизму. Возможно, что он вообще не подразумевал какого-нибудь определенного представителя скептической философии. Так или иначе, но в 1548 г., т. е. очень скоро после выхода третьей книги романа Рабле, появилась «Academia» Омера Талона, ближайшего сподвижника Рамуса[12]. В этой книге, излагающей учения различных скептических школ древности, Талон, защищая, в частности, Рамуса, ставит себе общей задачей «освободить упрямых людей, находящихся в рабстве в области философии и разных неизменных верований и доведенных, таким образом, до недостойной зависимости; дать понять им, что истинная философия свободна в своих оценках и суждениях о вещах и не прикована к какому бы то ни было мнению или автору».

Утверждение безграничных возможностей человеческого разума было важным постулатом ренессансной гуманистической доктрины. К концу XVI в., однако (во Франции — с обострением гражданской войны), европейский гуманизм вступает в новую, сложную и трудную фазу своего развития. Историческая реальность не оправдывала ожиданий гуманистов.

[11] *Франсуа Рабле.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1973, с. 389.
[12] Омер Талон даже отважился публично, в предисловии к одной из своих книг, заявить о том, что он солидарен со взглядами Рамуса.

Их безоговорочно оптимистическое восприятие жизни, не лишенное доли идилличности представление о совершенной человеческой природе уступают место более горькому и трагическому, но и более глубокому и трезвому взгляду на мир. Наиболее полное свое выражение это свойственное позднему Возрождению восприятие мира получило в «Опытах» Мишеля де Монтеня.

* * *

Мишель Монтень родился 28 февраля 1533 г. в замке Монтень, в Перигоре — области на юго-западе Франции. По отцовской линии Монтень происходил из богатой купеческой семьи Эйкемов, получившей дворянство в конце XV в. и прибавившей к своей фамилии еще фамилию Монтень, по названию приобретенного прадедом Монтеня (в 1477 г.) земельного владения. Отец Монтеня, Пьер Эйкем, был человек незаурядный. Он любил книги, много читал, писал стихи и прозу на латыни. В молодости, во время так называемых «итальянских войн», он проделал походы в Италию и, проведя здесь несколько лет, с интересом знакомился с достижениями гуманистической итальянской культуры. Он тщательно заносил свои впечатления в дневник, в котором, по словам Монтеня, отмечал все достойное внимания в личной жизни и событиях внешнего мира. В бытность в Италии Пьер Эйкем проникся таким уважением к новому гуманистическому просвещению, что решил в его духе дать воспитание своему первенцу Мишелю. По принятому в богатых французских семьях обычаю, мать Монтеня не кормила его сама. Но вместо того, чтобы поручить ребенка взятой в дом кормилице, Пьер Эйкем решил отправить его в бедную крестьянскую семью (в деревушке Падесю, близ замка Монтень), чтобы, как писал впоследствии Монтень, приучить его «к самому простому и бедному образу жизни» (III, XIII, 296). По словам автора «Опытов», называвшего своего отца «лучшим и самым снисходительным из отцов», Пьер Эйкем преследовал при этом еще другую, весьма важную цель: он хотел, чтобы его сын «... узнал народ, познакомился с участью простых людей, нуждающихся в нашей поддержке» (там же).

Когда ребенку было около двух лет, Пьер Эйкем взял его домой и, желая обучить латинскому языку простейшим образом, отдал на попечение учителя из немцев, не знавшего ни слова по-французски, но зато прекрасно владевшего латынью. К нему приставили еще двух, менее ученых помощников, которым было наказано отвечать ребенку только по-латыни. Что касается остальных, то тут соблюдалось нерушимое правило, согласно которому все — и отец, и мать, и обученные некоторым латинским фразам слуги — обращались к ребенку не иначе как по-латыни. Благодаря этой оригинальной системе обучения маленький Монтень усвоил латинский язык, как родной. «И без всяких ухищрений, — отмечает Монтень, — без книг, без грамматики и каких-либо правил, без розог и слез я постиг латынь, такую же безупречно чистую, как и та, которой владел

мой наставник, ибо я не знал ничего другого, чтобы портить и искажать ее» (I, XXVI, 163). Что же касается греческого языка, то, опять-таки по плану Пьера Эйкема, Монтеня обучали ему, используя совершенно новый прием — путем разного рода игр и упражнений. Но особенно блестящих результатов этот метод не дал; Монтень навсегда остался довольно слабым эллинистом и предпочитал пользоваться греческими классиками в латинских или французских переводах. Заслуживает внимания также то, что, следуя заветам гуманистической педагогики, Пьер Эйкем, стараясь приохотить сына к наукам и к исполнению своего долга, очень заботился, чтобы при этом не насиловали волю ребенка, а действовали лишь убеждением и вообще мягкими средствами.

Так шло воспитание Мишеля Монтеня в течение четырех-пяти лет, до тех пор, когда Пьер Эйкем, по словам его сына, «не имея больше вокруг себя тех, кто снабдил его первыми указаниями, вывезенными им из Италии», вдруг уступил «общему мнению, которое всегда отстает от людей, что идут впереди, вроде того как это бывает с журавлями, следующими за вожаком, и подчинился обычаю...» (I, XXVI, 164). Отказавшись от своей необычной системы воспитания сына, Пьер Эйкем отдал шестилетнего Мишеля Монтеня в коллеж в Бордо. Но это училище, хотя в нем преподавал ряд видных гуманистов и оно считалось лучшим во Франции, мало дало Монтеню. Благодаря своему отличному знанию латыни Монтень мог окончить учение раньше обычного срока. «Выйдя из школы, — рассказывает Монтень, — тринадцати лет и окончив, таким образом, курс наук (как это называется на их языке), я, говоря по правде, не вынес оттуда ничего такого, что представляет сейчас для меня хоть какую-либо цену» (там же).

О следующих за этим нескольких годах жизни Монтеня имеется мало сведений. Достоверно известно лишь, что он изучал право, так как отец готовил его к магистратуре. Когда Монтеню был двадцать один год, Пьер Эйкем купил одну из созданных Генрихом II, в поисках новых статей дохода, должностей — должность советника при Счетной палате в Перигё; но затем, будучи избранным мэром города Бордо, он отказался от приобретенной должности в пользу сына. В 1557 г. Счетная палата в Перигё была ликвидирована, и штат ее вошел в состав бордоского парламента. Таким образом, двадцати пяти лет Монтень стал советником бордоского парламента. В качестве члена магистратуры Монтень добросовестно исполнял свои обязанности. Ему давались иногда важные поручения, при выполнении которых Монтеню пришлось несколько раз в царствования Генриха II, Франциска II и Карла IX побывать при королевском дворе.

Однако судейская среда, в которую попал Монтень, рано стала тяготить его, как и сама служба, которая не соответствовала его склонностям. Схоластическая рутина, безраздельное господство мертвых, закоснелых догм и штампов нигде, пожалуй, не сказывались с такой силой, как в той хаотичности французского законодательства, с которой Монтеню приш-

лось столкнуться с первых шагов его юридической карьеры. С самого же начала Монтень был поражен обилием и неслаженностью французских законов. «У нас во Франции, — писал он впоследствии в «Опытах», — законов больше, чем во всем остальном мире... Наиболее подходящи для нас — и наиболее редки — самые из них простые и общие. Да и то я считаю, что лучше обходиться совсем без законов, чем иметь их в таком изобилии, как мы» (III, XIII, 264—265). Но несравненно больше Монтень был поражен продажностью, кастовым духом и полным произволом, царившими при разборе дел, которыми занимались его коллеги. То, с чем молодой Монтень столкнулся в бордоском парламенте, по-видимому, мало чем отличалось от картины «царства крючкотворов» у Рабле. Даже через много лет, давно уже не имея непосредственного соприкосновения с юридической практикой, столь сдержанный обычно Монтень все еще пылал гневом при всяком упоминании о духе тогдашнего французского законодательства. «Возможно ли что-нибудь удивительнее того, — писал Монтень, — что мы постоянно видим перед собой, а именно, что целый народ должен подчиняться законам, которые были всегда для него загадкою, что во всех своих семейных делах, браках, дарственных, завещаниях, в купле, в продаже он связан правилами, которых не в состоянии знать, поскольку они составлены и опубликованы не на его языке, вследствие чего истолкование и должное применение их он принужден покупать за деньги... Все это... вполне согласуется с теми чудовищными воззрениями, согласно которым даже человеческий разум — и тот является предметом торговли, а законы — рыночным товаром» (I, XXIII, 110). Резкое осуждение Монтеня вызывали такие методы «правосудия», как предварительная пытка на допросе и пытка в качестве дополнительного наказания по приговору. Он был и против бича тогдашнего времени — ведовских процессов, отрицая вообще существование колдовства. При таком умонастроении — хотя оно и откристаллизовывалось позднее — Монтень, естественно, исполнял свои обязанности без особого усердия и со все нарастающим отвращением. Разразившиеся в 60-х годах во Франции гражданские войны должны были сделать для Монтеня его службу еще более тягостной. И в 1570 г., через два года после смерти отца, Монтень отказался от своей должности советника бордоского парламента. Но вместе с тем годы работы в бордоском парламенте значительно расширили житейский опыт Монтеня, дали ему возможность столкнуться со множеством людей разных социальных состояний и разных убеждений. Пребывание в бордоском парламенте было отмечено для Монтеня таким крупнейшим событием в его жизни, как встреча с талантливым гуманистом — публицистом Этьеном Ла Боэси. Монтень познакомился с Ла Боэси, который тоже был советником бордоского парламента, очевидно, около 1558 г. Знакомство это вскоре перешло в тесную дружбу. Монтень и Ла Боэси стали называть друг друга братьями. В одной из глав своих «Опытов» — «О дружбе» (I, XXVIII) — Монтень несколько лет спустя воздвигнул памятник этой

дружбе, подобная которой, по его словам, встречается лишь раз в три века. Вдохновлявшийся республиканскими идеалами античного Рима, Ла Боэси искал в прошлом примеров, которые подтверждали бы справедливость его требований в настоящем, примеров, которыми он поверял современность. Ла Боэси писал латинские и французские стихи, посвящая некоторые из них Монтеню. Но главным творением Ла Боэси, увековечившим его имя для потомства, был знаменитый трактат «Рассуждение о добровольном рабстве», представляющий собой гневное обличение всякого самовластия и пронизанный страстной защитой прав порабощенных народов. Дружба с Ла Боэси оказала огромное влияние на духовное развитие Монтеня, но ей не суждено было долго длиться. В 1563 г. Ла Боэси тяжело заболел и через несколько дней умер на 33-м году жизни. Во время болезни Ла Боэси Монтень неотступно находился при нем и описал в письме к отцу последние дни своего друга, стоическое мужество, с каким он ожидал наступления конца, и его возвышенные беседы с близкими. Ла Боэси оставил Монтеню свое самое ценное достояние — все свои книги и рукописи. В течение 1570 и 1571 гг. Монтень, желая увековечить память своего покойного друга изданием его литературного наследства, опубликовал имевшиеся в его распоряжении латинские и французские стихотворения Ла Боэси, а также сделанные Ла Боэси переводы некоторых произведений древних авторов. Но Монтень оставил неизданными «Рассуждения о добровольном рабстве» и две небольшие злободневные статьи Ла Боэси, так как считал, что в такой накаленной политической атмосфере, какая была во Франции в разгар гражданских войн, опубликование их, в особенности «Рассуждения о добровольном рабстве», неминуемо будет использовано борющимися партиями и повредит памяти его покойного друга [13].

Покинув службу, Монтень поселился в унаследованном от отца замке. Своему уходу от общественных дел Монтень дал следующее объяснение в латинской надписи, выгравированной на сводах его библиотеки: «В год от Р. Х. 1571, на 38-м году жизни, в день своего рождения, накануне мартовских календ [в последний день февраля], Мишель Монтень, давно утомленный рабским пребыванием при дворе и общественными обязанностями и находясь в расцвете сил, решил скрыться в объятия муз, покровительниц мудрости; здесь, в спокойствии и безопасности, он решил провести остаток жизни, большая часть которой уже прошла — и если судьбе будет угодно, он достроит это обиталище, это любезное сердцу убежище предков, которое он посвятил свободе, покою и досугу». Итак, Монтень решил, по его словам, отдать остаток жизни «служению музам». Плодом этого служения, плодом его углубленных раздумий в сельском уединении, раздумий, подкрепленных напряженным чтением множества разнообразных книг, и стали вышедшие в 1580 г. в Бордо две первые книги «Опытов».

[13] Об этом подробнее см.: *Этьен Ла Боэси.* Рассуждение о добровольном рабстве. Серия «Литературные памятники». Изд. 2-е, М., Наука, 1962.

В том же 1580 г. Монтень предпринял большое путешествие по Европе, посетив Германию, Швейцарию и Италию, в частности Рим, где он провел несколько месяцев. В бытность Монтеня в Риме его «Опыты» подверглись цензуре римской курии, но дело закончилось для Монтеня благополучно, ибо слабо разобравшийся в «Опытах» папский цензор ограничился предложением вычеркнуть из последующего издания некоторые предосудительные места, как, например, употребление слова «судьба» вместо «провидение», упоминание «еретических» писателей, утверждение, что всякое дополнительное к смертной казни наказание есть жестокость, скептические высказывания о «чудесах». В 1582 г. Монтень выпустил второе издание своих «Опытов», в котором поместил декларацию о своем якобы подчинении требованиям римских цензоров, но в действительности ничего не изменив в своей книге по существу [14].

Путевые заметки Монтеня, написанные частью рукой его секретаря, частью рукой самого автора то на французском, то на итальянском языках, составили особый дневник, опубликованный лишь в 1774 г. Монтень заносил в него все, что ему пришлось увидеть и наблюдать на чужбине: заметки о нравах, обычаях, образе жизни и учреждениях посещенных им стран. Многое из этого перешло потом на страницы «Опытов».

Во время своего путешествия, в 1581 г., Монтень получил королевское извещение об избрании его мэром города Бордо и предписание незамедлительно приступить к исполнению новых обязанностей. Прервав свое путешествие, Монтень вернулся на родину. Таким образом, спустя десять лет после того, как Монтень предначертал себе план окончить жизнь вдали от практических дел, обстоятельства опять вынудили его выступить на поприще общественной деятельности. Монтень был уверен, что своим избранием он в значительной мере обязан был памяти отца, некогда обнаружившего на этом посту большую энергию и способности, и не счел возможным отказаться. Должность мэра, за которую не полагалось никакого вознаграждения, была почетной, но весьма хлопотливой, ибо в напряженной обстановке гражданской войны она включала в себя такие функции, как поддержание города в повиновении королю, наблюдение за тем, чтобы не допустить вступления в город какой-нибудь войсковой части, враждебной Генриху III, чтобы не дать гугенотам противопоставить себя каким-нибудь образом законным властям.

Вынужденный действовать среди враждующих партий, Монтень неизменно стоял на страже закона, но старался употребить свое влияние на то, чтобы не разжигать вражду между борющимися сторонами, а всячески смягчать ее. Терпимость Монтеня не раз ставила его в весьма затруднительное положение. Дело осложнялось еще тем, что Монтень сохранял дружеские отношения с вождем гугенотов Генрихом Бурбоном, которого он высоко ценил и которого зимой 1584 г. принимал вместе с его свитой

---

[14] Вернувшись к этой теме в III книге (XI), он не делает даже словесных уступок.

у себя в замке. Генрих Наваррский не раз делал попытки привлечь Монтеня на свою сторону. Осмотрительная позиция Монтеня не удовлетворяла ни одну из сторон: и гугеноты, и католики держали его на подозрении. Сам Монтень вспоминал: «На меня посыпались неприятности, которые при всяких общественных неустройствах выпадают на долю людей умеренных. Притесняли меня со всех сторон: гибеллин считал меня гвельфом, гвельф гибеллином» (III, XII, 246). И тем не менее после первого двухлетнего пребывания Монтеня на посту мэра, совпавшего как раз с двухгодичным перемирием в гражданской войне и прошедшего без особых событий, Монтень был избран вторично еще на одно двухлетие, что было выражением большого доверия.

Второе двухлетнее пребывание Монтеня на посту мэра протекало в более бурной и тревожной обстановке, чем первое. Монтеню пришлось столкнуться с попыткой приверженцев Лиги захватить городскую крепость и передать ее Гизам. Монтеню удалось вовремя пресечь эту попытку, высказав при этом находчивость и смелость[15]. И в других сложных и опасных обстоятельствах Монтень не раз обнаруживал те же ценные качества.

За шесть недель до истечения второго срока полномочий Монтеня в Бордо и его окрестностях разразилась жестокая вспышка чумы. Почти все члены парламента и большинство горожан покинули город. Монтень, находившийся в это время вне Бордо, не решился вернуться в зачумленный город и поддерживал связь с городскими властями с помощью писем. Дождавшись окончания срока своих полномочий, Монтень сложил с себя звание мэра и смог с облегчением сказать, что не оставил после себя ни обид, ни ненависти. Вскоре чума достигла замка Монтень, и Монтеню вместе со своими домочадцами и слугами в течение шести месяцев пришлось скитаться, переезжая с места на место, в поисках пристанища, не затронутого эпидемией. Во время этих переездов Монтень имел возможность убедиться, как чудовищно грабили страну войска враждующих партий. Солдаты-грабители были, в особенности для крестьян, пожалуй, не меньшим бедствием, чем свирепствовавшая эпидемия. Они отнимали, отмечает Монтень, у народа все «вплоть до надежды, ибо он лишался того, чем собирался жить долгие годы» (III, XII, 245). Когда Монтеню после всех этих скитаний удалось, наконец, вернуться домой, он нашел здесь ту же картину разорения и опустошения, вызванных гражданской войной. Эта картина была неотступно перед глазами Монтеня.

Водворившись в своем замке, Монтень снова отдался литературной работе. В течение 1586—1587 гг. он внес множество дополнений в ранее опубликованные части «Опытов» и написал третью книгу. Для наблюдения за выходом этого нового, переработанного и значительно расширенного издания своих «Опытов», Монтень сам поехал в Париж. Это путешествие и пребывание в Париже сопровождались необычными для Мон-

---

[15] См. прим. 13, с. 381.

теня событиями. Прежде всего, по дороге в Париж, около Орлеана, Монтень был ограблен шайкой лигистов. В самом Париже Монтень застал такую же смуту, какая царила и в провинции. «День баррикад», 12 мая 1588 г., закончился бегством королевского двора во главе с Генрихом III из столицы. Через три недели после этих событий вышли в свет монтеневские «Опыты». Это было четвертое издание за восемь лет; несомненный успех для сочинения такого рода, и Монтень вправе был отметить в предисловии «благосклонный прием, оказанный публикой» его книге[16].

Сам же Монтень после «дня баррикад» на короткое время последовал за королевским двором в Шартр и Руан и по возвращении в Париж был арестован лигистами и посажен в Бастилию. По ходатайству королевы-матери Екатерины Медичи, которая находилась в Париже и вела с лигистами переговоры, Монтень был почти тотчас же выпущен из тюрьмы. Под 10 июля 1588 г. Монтень отметил на своем календаре памятную дату освобождения из Бастилии.

Во время этого же пребывания в Париже Монтень впервые встретился с восторженной поклонницей его произведения мадемуазель Марией де Гурне, которой суждено было стать его «духовной дочерью», а впоследствии — издательницей «Опытов».

Из Парижа (побывав сначала в Пикардии) Монтень отправился в Блуа, чтобы присутствовать на созванных там Генеральных штатах 1588 г. На блуаских штатах Монтень виделся и имел продолжительные беседы о политических судьбах Франции со своими известными современниками, будущим историком де Ту и видным адвокатом и литератором Этьеном Пакье (их воспоминания содержат ценные сведения о Монтене). Здесь, в Блуа, по велению Генриха III были убиты оба брата Гизы, а вскоре после этого произошло и убийство самого Генриха III Жаком Клеманом. Монтень в это время уже вернулся к себе домой и отсюда приветствовал Генриха Наваррского как единственного законного претендента на французскую корону. Генрих Наваррский, по-видимому, не оставил мысли привлечь в свое ближайшее окружение высоко ценимого им Монтеня и предлагал ему щедрое вознаграждение. В середине XIX в. было найдено несколько писем Монтеня к Генриху Наваррскому, которые до известной степени дают возможность судить об их отношениях. Особый интерес представляют два письма Монтеня. В одном из них, от 18 января 1590 г., Монтень, приветствуя успехи Генриха Наваррского, советовал ему, особенно при вступлении в столицу, стараться привлечь на свою сторону мятежных подданных, обращаясь с ними мягче, чем их покровители, и обнаруживая по отношению к ним подлинно отеческую заботу. «При разрешении таких задач, которые сейчас стоят перед Вами,

---

[16] О восприятии «Опытов» современниками и ближайшими последующими поколениями читателей см. *P. Villey*. Montaigne devant la postérité. P., 1935.

следует пользоваться необычными путями», — писал он[17]. Великодушие и милосердие всегда были вернейшими средствами привлечь подданных на сторону правого дела, — убеждал Монтень будущего Генриха IV. При вступлении на престол Генрих Наваррский, стремясь завоевать расположение своих подданных, несомненно принял во внимание советы Монтеня. В другом письме, от 2 сентября 1590 г., Монтень обнаружил свое бескорыстие: он с достоинством отвергал сделанное ему Генрихом Наваррским предложение о щедром вознаграждении и объяснял, что не мог приехать в указанное место из-за своего нездоровья и прибудет в Париж, как только Генрих Наваррский будет там. В заключение Монтень писал: «Умоляю Вас, государь, не думать, что я стал бы жалеть деньги там, где я готов отдать жизнь. Я никогда не пользовался какой бы то ни было щедростью королей, никогда не просил, да и не заслуживал ее, никогда не получал никакой платы ни за один шаг, который мной был сделан на королевской службе, о чем вам, ваше величество, частично известно... То, что я делал для ваших предшественников, я еще с большей готовностью буду делать для вас. Я, государь, богат настолько, насколько этого желаю. И когда я исчерпаю свои средства около вас в Париже, то возьму на себя смелость сказать вам об этом и, если вы сочтете нужным удерживать меня дольше в вашем окружении, то я обойдусь вам дешевле, чем самый малый из ваших слуг»[18].

Но Монтеню не удалось осуществить свое желание и приехать в Париж к воцарению Генриха IV. Состояние здоровья Монтеня, с сорокалетнего возраста страдавшего каменной болезнью, непрерывно ухудшалось. Однако он продолжал исправлять и дополнять «Опыты» — свою главную, и, в сущности, единственную, если не считать «Дневника путешествия в Италию», книгу — для нового издания, которого ему не суждено было увидеть. 13 сентября 1592 г. Монтень умер, не достигнув шестидесяти лет. В молодости Монтенем, по его признанию, владел страх смерти, и мысль о смерти всегда занимала его. Но надвинувшуюся кончину Монтень принял так же мужественно, как и его друг Ла Боэси.

До последних своих дней Монтень продолжал работать над «Опытами», внося дополнения и поправки в экземпляр издания 1588 г. После смерти Монтеня его «названая дочь», Мария де Гурне, приехала на родину писателя и взяла на себя заботу о посмертном издании его сочинений. Стараниями мадемуазель де Гурне и других друзей Монтеня это издание, в котором были учтены сделанные автором в последние годы изменения, вышло в свет в 1595 г.[19]

---

[17] *Montaigne.* Oeuvres complètes. P., Gallimard (Bibl. de la Pléiade), 1967, p. 1398.
[18] Oeuvres complètes, p. 1400.
[19] В издании 1595 г., однако, было допущено немалое количество ошибок, что обнаружилось, когда в Муниципальной библиотеке Бордо был найден тот самый экземпляр «Опытов» издания 1588 г., куда Монтень вносил свои замечания и уточнения.

* * *

В предпосланном «Опытам» обращении к читателю Монтень заявляет, что он писал свою книгу, не ища славы и не для того, чтобы принести какую-нибудь пользу читателю, а предназначая ее для родных и друзей, чтобы после его смерти, которая уже не за горами, они могли по ней восстановить его облик, его характер. «Содержание моей книги, — говорит Монтень, — я сам».

Приведенные слова Монтеня, по-видимому, выражали его умонастроение в какой-то момент писания «Опытов», но они не раскрывали перед читателем его намерения до конца. Начать с того, что Монтень явно рассчитывал на более обширный круг читателей, не ограниченный только близкими и родными. В самом деле, для своих родных и друзей не печатают книги о себе в типографии и не переиздают ее с тщательными изменениями и дополнениями, вносимыми на протяжении двух десятилетий. В действительности замысел Монтеня был значительно сложнее и несомненно подвергся изменениям в течение двадцатилетней творческой истории «Опытов». И в «Опытах» идет речь отнюдь не только об их авторе, хотя описание характера Монтеня, его привычек, настроений, раздумий занимает в «Опытах» значительное место. «Забавная причуда, — восклицает в одном месте Монтень, — многие вещи, которые я не захотел бы сказать ни одному человеку, я сообщаю всему честно́му народу и за всеми моими самыми сокровенными тайнами и мыслями даже своих ближайших друзей отсылаю в книжную лавку» (III, IX, 186).

И действительно, чего-чего только мы не узнаем о Монтене в этой книжной лавке! Множество страниц заполнено описанием разных привычек Монтеня, его душевного склада, его мыслей и чувств. «Люди обычно разглядывают друг друга, я же устремляю мой взгляд внутрь себя; я его погружаю туда, там я всячески тешу его. Всякий всматривается в то, что перед ним; я же всматриваюсь в себя. Я имею дело только с собой: я беспрерывно созерцаю себя, проверяю, испытываю... я верчусь внутри себя самого» (II, XVII, 587). Такого тонкого и точного самоанализа, самонаблюдения до Монтеня не было ни у кого.

Если бы «Опыты» были, как сообщал в предисловии их автор, только книгой о нем самом, то и тогда они представляли бы один из интереснейших человеческих документов по полноте и правдивости изображения такой своеобразной и недюжинной фигуры, как Монтень. Но в действительности «Опыты» далеко вышли за пределы этой любопытной, но все же частной темы. Непрестанно следя за собой и изучая себя, сравнивая результаты этого самоанализа с наблюдениями над окружающими людьми,

---

После того, как этот экземпляр, получивший название «бордоского», был воспроизведен фототипическим способом (*M. de Montaigne*. Les Essais. P., Hachette, 1912), он лег в основу научных французских изданий.

над происходящими событиями, с почерпнутой из книг мудростью, Монтень пришел к выводам общего порядка, сделавшим его «Опыты» книгой о человеке — человеке поколения Монтеня, человеке нового нарождающегося общества, человеке вообще. Ибо всякий человек, заявляет Монтень, воплощает в себе всю человеческую природу. Анализ человеческой природы, раскрываемой по-новому, придает «Опытам» особую ценность.

Монтень стремится уловить самые незаметные, незримые движения души. Он словно взглянул на них сквозь линзу открытого примерно ко времени составления «Опытов» микроскопа и увидел целый, до того неизвестный, мир психических переживаний. Он заставляет себя внезапно просыпаться, чтобы лучше уразуметь, что представляет собой состояние сна. В главе «Об упражнении» (II, VI), посвященной в основном описанию падения с лошади, Монтень зорко прослеживает полусознательные впечатления, которые он замечал у себя во время подобного несчастного случая и которые воспринимал как отдаленно похожие на состояние, переживаемое умирающим. «Мне сдается, — отмечает Монтень, — что это и есть то состояние, которое мы наблюдаем у выбившихся из сил и находящихся в агонии людей...» И фиксируя свое внимание на целом ряде непроизвольных, не зависящих от нас действий, Монтень констатирует: «Ведь есть столько движений, которые совершаются без нашего ведома» (II, VI, 328—330).

Некоторые страницы «Опытов» словно написаны каким-нибудь тонким романистом XIX или XX в., вооруженным всеми достижениями современной психологии. Например, вот как Монтень говорит о шаткости, крайней субъективности человеческих суждений, их зависимости от обуревающих нас страстей: «Будучи от природы вялым и нескоропалительным, — пишет он, — я не имею обширного опыта в тех бурных увлечениях, большинство которых внезапно овладевает нашей душой, не давая ей времени опомниться и разобраться. Но та страсть, которая, как говорят, порождается в сердцах молодых людей праздностью и развивается размеренно и не спеша, являет собой для тех, кто пытался противостоять ее натиску, поучительный пример полного переворота в наших суждениях, коренной перемены в них. Желая сдержать и покорить страсть ... я когда-то пытался держать себя в узде; но я чувствовал, как она зарождается, растет и ширится, несмотря на мое сопротивление, и под конец, хотя я все видел и понимал, она захватила меня и овладела мною до такой степени, что, точно под влиянием опьянения, вещи стали представляться мне иными, чем обычно, и я ясно видел, как увеличиваются и вырастают достоинства существа, к которому устремлялись мои желания; я наблюдал, как раздувал их вихрь моего воображения, как уменьшались и сглаживались мои затруднения в этом деле, как мой разум и мое сознание отступали на задний план. Но лишь только погасло это любовное пламя, как в одно мгновение душа моя, словно при вспышке молнии, увидела все в ином свете, пришла в иное состояние и стала судить по-иному;

трудности отступления стали казаться мне огромными, непреодолимыми, и те же самые вещи приобрели совсем иной вкус, иной вид, чем они имели под влиянием пыла моего желания» (II, XII, 501—502).

Разумеется, Монтень не первый проявил интерес к индивидуальной психологии — многие занимались ею до него; но Монтень придал ей совершенно новую направленность. В отличие от своих средневековых предшественников, подчинявших психологические наблюдения религиозно-аскетическим задачам — подготовке совести к исповеди, описанию мистико-созерцательных переживаний или экстатических «воспарений» духа, Монтень «обмирщил» психологию и показал, как много она дает, будучи поставлена на службу человеку, для изучения его душевных движений.

Уже на первых страницах «Опытов» мы встречаем лейтмотив многих дальнейших рассуждений Монтеня. «Изумительно суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо — человек. Нелегко составить себе о нем устойчивое и единообразное представление» (I, I, 13). И вчитываясь в произведение Монтеня — это отражение его многоликой и вечно меняющейся мысли, — мы узнаем путь, каким она шла, узнаем эволюцию, проделанную автором «Опытов».

Известно, что Монтень в молодые годы, в пору исключительно тесных отношений с Ла Боэси, находясь под влиянием своего друга, отдал дань суровой красоте стоицизма. Это был первый этап его мировоззрения, когда он восхищался Сенекой, героическими деяниями Катона Цензора (Монтень воспринимал Катона главным образом через своего любимого учителя — Плутарха). Этот этап запечатлен в двух первых книгах «Опытов», впервые увидевших свет в 1580 г.

К тому времени труд жизни Монтеня еще не обрел своего подлинного лица: впоследствии он отмечал, что его первые писания — только скромные заметки на полях древних авторов. В дальнейшем Монтень будет перечитывать, переделывать, расширять и изменять свои «Опыты», и они, завершившись третьей книгой, обретут совершенно иной облик. Монтень отринет преклонение перед суровым, изнурительным для простых человеческих душ стоицизмом.

Наступит пора зрелости, когда будет осмыслен опыт, приобретенный знакомством с жизнью в качестве должностного лица бордоского парламента, когда сознание Монтеня будет обогащено практикой общественной деятельности подлинного французского патриота, сознающего важность сохранения достигнутого Францией национального объединения и терзаемого тревогой при виде раздирающей страну гражданской войны.

От прямолинейного и ригористического Сенеки Монтень обращается к греческим скептикам и Лукрецию, через которого воспринимает Эпикура. Вопрос об отношении между душой и телом Монтень решает теперь, ссылаясь на Демокрита и Эпикура; он доказывает (например, в упомянутой главе «Об упражнении», II, VI), что сознание возникает, изменяется и исчезает в зависимости от изменений, которым подвергается тело.

Любопытно при этом, что мысль о примате тела над душой, защищаемая Монтенем, теперь полемически отточена и острием своим направлена против волюнтаризма стоиков.

«Достаточно укуса бешеной собаки, — говорит Монтень, — чтобы потрясти душу до основания и привести все ее способности в расстройство; от действия этих случайностей ее не может избавить никакая сила разума, никакие способности, никакая добродетель, никакая философская решимость или напряжение всех сил. Слюна паршивой дворняжки, забрызгав руку Сократа, может погубить всю его мудрость, все его великие и глубокомысленные идеи, уничтожить их дотла, не оставив и следа от всего его былого знания» (II, XII, 483). Самый ученый и рафинированный мудрец, констатирует Монтень, так же страдает от боли, как самый заурядный грузчик. Физическая боль не зависит от наших суждений, от воли и сознания людей. «Если, — иронически замечает Монтень, — у его сотоварища [тела] рези, ему [духу] кажется, что они также и у него» (III, V, 56). Люди не могут отменить всеобщий закон природы, согласно которому все живые существа боятся и избегают боли. И Монтень приводит в доказательство своей мысли следующий рассказ: «Посидоний [философ-стоик], страдавший от тяжкой болезни, которая заставляла его корчиться от боли и скрежетать зубами, желая обмануть свою боль, кричал ей: «Можешь делать со мной все, что тебе угодно, но все же я не скажу, что ты — боль». Он испытывал такие же страдания, как и мой слуга, но старался, чтобы по крайней мере его язык оставался верен наставлениям его школы; однако разве это не пустые слова? ... Посидоний, боюсь, сохранял непреклонность скорее на словах, чем на деле» (II, XII, 426—427).

Как мы видим, этот пример направлен против стоиков и свидетельствует о том, что учение стоицизма («наставления школы», как выражается Монтень) больше не удовлетворяет автора «Опытов», что этот период его философского становления завершился. И действительно, Монтень ополчается теперь против аскетизма стоиков и решительно отвергает спиритуалистически-религиозный идеал жизни. Он заявляет, правда, что отказывается смешивать с обычным человеческим муравейником «высокочтимые души, поднятые жаром своего благочестия и веры в области неизменного глубокомысленного созерцания божественных вещей. Эти души, полные живого и пламенного чаяния вкушать небесные яства, души, устремленные к главной конечной цели всех желаний подлинного христианина, к единственному непресыщенному чистейшему наслаждению, не уделяя внимания мирским нуждам, суетным и преходящим, равнодушно предоставляют телу заботу о потреблении земной материальной пищи». Но, отделавшись таким пышным славословием от этой «привилегированной», как он выражается, кучки подвижников-аскетов, Монтень тут же лукаво замечает: «Говоря между нами, я всегда наблюдал удивительное совпа-

дение двух вещей: помыслы превыше небес, нравы — ниже уровня земли» (les opinions supercelestes et les moeurs soubsterreines III, XIII, 310).

На этом новом этапе осуждение стоического и религиозного аскетизма занимает важнейшее место в «Опытах»; аскетизму Монтень противопоставляет теперь эпикурейское прославление земных радостей.

Человек должен пользоваться всеми физическими и духовными наслаждениями, даруемыми ему природой, — таково одно из основных положений жизнелюбивой философии Монтеня, к которой он пришел, преодолев свое увлечение стоицизмом. Но мало того: признание примата тела над духом приводит Монтеня к далеко идущим вольнолюбивым выводам. Подхватывая идеи Эпикура, изложенные в поэме Лукреция, французский мыслитель доказывает, что дух и душа составляют часть человеческого тела. Но если дух целиком зависит от тела, то, по мнению Монтеня, он и погибнуть должен со смертью тела. Это положение Монтень повторяет неоднократно, как бы вдалбливая его в голову читателя. Он издевается над теми, кто верит в басни о наказаниях после смерти или ожидает награды в потустороннем мире за безгрешную жизнь на земле, считая, что эти наслаждения предназначены духовной части человеческого существа. «Ибо тот, — заявляет Монтень, — кто будет испытывать это наслаждение, не будет больше человеком, а следовательно, это будем не мы; ведь мы состоим из двух основных частей, разделение которых и есть смерть и разрушение нашего существа ... Не говорим же мы, что человек страдает, когда черви точат части его бывшего тела или когда оно гниет в земле» (II, XII, 454). «Признаем чистосердечно, — призывает Монтень, — что бессмертие обещают нам только бог и религия; ни природа, ни наш разум не говорят нам об этом» (там же, 487).

Но не только признание зависимости души от тела приводит Монтеня к отрицанию бессмертия души; это подтверждается, убеждает он своих противников, и изучением законов природы, согласно которым все рождающееся созревает, потом дряхлеет и под конец умирает. Признание бессмертия души равносильно требованию освободить человека от необходимости подчиняться общим законам природы, изъять его из всей системы природы и поставить его над миром. Принять это Монтень не может. Солидаризируясь с Лукрецием, он замечает: «Все сказанное мною должно подтвердить сходство в положении всех живых существ, включая в их число человека. Человек не выше и не ниже других; все, что существует в подлунном мире ... подчинено одному и тому же закону и имеет одинаковую судьбу» (II, XII, 399). Монтень не устает повторять, что законы природы существуют независимо от людей, что попытки упразднить законы природы нелепы; он постоянно высмеивает антропоцентризм, горделивое стремление человека рассматривать себя как центр вселенной. Советский ученый А. А. Вишневский замечает: «Отнимая у человека роль «царя природы» и «венца творения», Монтень порывал с ложным и грубым антропоцентризмом церковного мировоззрения, подчинял и противо-

поставлял человека только природе и тем самым по-новому обосновывал автономность человеческого бытия»[20]. С лукавой иронией Монтень обращается к приверженцам ортодоксально-католических телеологических взглядов, согласно которым мир существует для человека и человек есть центр мироздания, с таким забавным аргументом:

«Почему, например, гусенок не мог бы утверждать о себе следующее: «Внимание вселенной устремлено на меня; земля служит мне, чтобы я мог ходить по ней; солнце — чтобы мне светить; звезды — чтобы оказывать на меня свое влияние; ветры приносят мне одни блага, воды — другие; небосвод ни на кого не взирает с большей благосклонностью, чем на меня; я любимец природы. Разве человек не ухаживает за мной, не дает мне убежище и не служит мне? Для меня сеет и мелет он зерно. Если он съедает меня, то ведь то же самое делает он и со своими сотоварищами-людьми, а я поедаю червей, которые точат и пожирают его» (II, XII, 466—467).

На этом этапе своего философского развития Монтень часто цитирует основные положения материалистической философии Эпикура и Лукреция (особенно в самом «философском» своем «опыте» — «Апологии Раймунда Сабундского», II, XII) и пользуется их учением для полемики со сторонниками других философских направлений, прежде всего со стоиками. Монтень решительно высказывается за приоритет природы; и так же, как у Эпикура и его школы, воззрения Монтеня на природу определяются в первую очередь желанием исключить из мирового процесса всякое вмешательство сверхъестественных причин, освободить человека от постоянной оглядки на не подлежащие учету силы и от неотступного страха перед ними.

Но встает вопрос: как же сочетается эпикуреизм Монтеня с его пирронизмом, с тем особого рода скептицизмом, которым пронизаны «Опыты»?

Немало копий было сломано для установления подлинного смысла монтеневского пирронизма; споры и разногласия по этому поводу продолжаются и по сей день.

Многие буржуазные исследователи Монтеня стремятся истолковать его пирронизм в смысле абсолютного скептицизма, отрицающего возможность познания объективной действительности; другие идут еще дальше, придавая ему субъективно-идеалистическую форму агностицизма, т. е. форму, характерную для скептицизма в философии нового времени.

Между тем, чтобы правильно понять скептицизм Монтеня, к нему следует прежде всего подойти конкретно-исторически, и тогда станет ясным, что скептицизм выступает в «Опытах» не как гносеологическое

---

[20] История французской литературы, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, с. 326—327

учение, а как особый прием критики, острием своим направленный против догматизма средневекового мировоззрения, против религиозного фанатизма и мракобесия. Пирронизм Монтеня, получивший обобщающее выражение в знаменитой формуле «que sais-je?» (что я знаю?), становится действенным оружием в борьбе с важнейшими устоями феодально-церковной идеологии. Недаром такой знаток Монтеня, как Лансон, справедливо отмечает: «Цель его трансцендентального скептицизма — подрубить под корень метафизические основания, на которых строится наша общественная жизнь»[21].

Монтень четко и точно устанавливает границы своего скептицизма. В «Апологии Раймунда Сабундского» он предостерегает против «злоупотребления» скептицизмом и подчеркивает, что прибегать к нему следует только в крайних случаях: «...тем приемом борьбы, к которому я прибегнул здесь, следует пользоваться только как крайним средством. Это отчаянный прием, заключающийся в том, что мы отказываемся от собственного оружия, лишь бы только выбить оружие из рук противника; это тонкая уловка, которой следует пользоваться лишь изредка и осторожно» (II, XII, 491).

Монтень использовал свое скептическое оружие при решении такого острого для его времени вопроса, как вопрос о взаимоотношении разума и «откровения», знания и веры. Ополчаясь не против разума вообще, а против разума, поставленного на службу теологии, он доказывал несостоятельность всех попыток рационального объяснения сверхъестественного религиозного «откровения». Догматы религии недоказуемы с помощью разума. Поэтому разум, освобожденный от связи с верой, должен пользоваться свободой и независимостью в земных человеческих делах. Монтень ясно разграничивал области знания и веры[22]. Он раскрепощал, таким образом, философию, которая получала теперь возможность обратиться к проблемам научного познания мира.

Этими же положениями скептицизма определялась позиция Монтеня по отношению к традиционным верованиям. Внутренне Монтень был сторонником полной свободы совести, но вовне он требовал подчинения официальной государственной религии и не признавал индивидуальных отклонений от нее. Все эти сверхэмпирические вопросы — как доказывал Монтень в самой обширной главе «Опытов», «Апологии Раймунда Сабундского», — недоступны компетенции человеческого разума, и в них следует руководствоваться обычаем, тем, что принято большинством, иначе общественное спокойствие будет нарушено, как это показывает пример происходящих во Франции гражданских войн. Таким образом, государственный интерес, забота о сохранении государства, о прекращении граждан-

---

[21] *G. Lanson.* Histoire de la littérature française. P., 1910, p. 329.

[22] Среди предшественников Монтеня во Франции здесь следует вспомнить Омера Талона, который писал, что в «человеческой философии... прежде чем верить, надо знать; наоборот, в религиозных вопросах, превосходящих разум, надо сперва верить»,

ских войн, а не стимулы религиозного характера побуждали Монтеня внешне поддерживать официальную католическую церковь[23].

Подлинное отношение Монтеня к церкви лучше всего характеризуется его неустанной борьбой против господства теологии над умами людей. Весьма показательным в этом смысле является его непримиримый протест против ведовских процессов и веры в колдовство вообще. Между тем, существование колдовства признавали многие выдающиеся умы XVI и даже XVII столетия. Борясь с верой в колдовство, Монтень выступал по очень актуальному для его современников вопросу. Он ополчался против обильного потока специальной литературы, созданной писателями-«демонологами».

«У меня уши вянут от бесчисленных россказней вроде следующего, — жалуется Монтень, — такого-то человека в такой-то день трое свидетелей видели на востоке, трое других на следующий день — на западе, в такой-то час, в таком-то месте, одетым так-то. Разумеется, я и себе самому в этом не поверил бы! Насколько естественней и правдоподобней допустить, что двое из этих свидетелей лгут, чем поверить, что какой-то человек мог за двенадцать часов с быстротою ветра перенестись с востока на запад! Насколько естественнее считать, что разум наш помутился от причуд нашего же расстроенного духа, чем поверить, будто один из нас в своей телесной оболочке вылетел на метле из печной трубы по воле духа потустороннего!» (III, XI, 235). Монтень изучил процесс одной такой «ведьмы», много беседовал с ней и пришел к выводу, что подобным субъектам надо скорее давать чемерицу — средство, считавшееся лекарством против душевных болезней, — чем цикуту [яд]. И вообще, иронически замечает Монтень, «заживо поджарить человека из-за своих домыслов — значит придавать им слишком большую цену» (III, XI, 236). Если вспомнить, что Жан Боден, к которому Монтень относился с большим уважением, считал отрицание реальности ведовства кощунством, граничащим с атеизмом, и в своей «Демономании колдунов» — пространной книге о колдовстве — требовал пыток и костра для ведьм, что еще сто лет спустя Лабрюйер, «Характеры» которого были как бы зеркалом общества времен Людовика XIV, не находил возможным высказаться отрицательно о реальности колдовства, — достаточно назвать лишь эти два громких имени, — то легко представить себе, насколько прогрессивными были взгляды Монтеня в вопросе о ведовстве.

Осуждение ведовских процессов, разоблачение глубокого суеверия, лежащего в основе всякого допущения колдовства, было тесно связано с резко отрицательным отношением Монтеня к вере в чудеса. Когда бы

[23] Современный французский критик замечает: «Нельзя придумать большего унижения для религии, чем полагать ее не способной руководить человеком в его жизненном поведении; и очевидно, что он [Монтень] оценивает ее именно так и признает за ней, в конечном счете, лишь некое стабилизирующее действие того же порядка, каким обладают привычки и законы» (*Fr. Jeanson.* Montaigne par lui-même. P., 1951, p. 78).

и в какой бы связи Монтень ни затрагивал эту тему, он не устает изобличать нелепость этого предрассудка, используемого религией и церковью. «Истинным раздольем и лучшим поприщем для обмана, — пишет Монтень, — является область неизвестного. Уже сама необычайность рассказываемого внушает веру в него и, кроме того, эти рассказы, не подчиняясь обычным законам нашей логики, лишают нас возможности бороться с ними... невежество слушателей дает полнейший простор и неограниченную свободу для описания таинственного. Поэтому люди ни во что не верят так твердо, как в то, о чем они меньше всего знают, и никто не разглагольствует с такой самоуверенностью, как сочинители всяких басен...» (I, XXXII, 199).

Стремясь подорвать корни этого предрассудка, Монтень анализирует весь механизм возникновения веры в чудеса. «За свою жизнь я неоднократно видел, как рождались чудеса. Даже в том случае, если они, едва успев родиться, снова превращаются в ничто, мы имеем возможность предугадывать, что получилось бы, если бы они выжили... Те, кто первыми прослышали о некоем удивительном явлении и начинают повсюду трезвонить о нем, отлично чувствуют, встречая недоверие, где в их утверждениях слабое место, и всячески стараются заделать прореху, приводя ложные свидетельства... Спервоначалу чье-то личное заблуждение становится заблуждением общественным, а затем уж общественное заблуждение оказывает влияние на личное» (III, XI, 231) [24]. Не ограничиваясь описанием механизма распространения веры в чудеса в современном ему обществе, Монтень одновременно подчеркивает, что эта вера в чудеса насильственно внедряется и насаждается властями. «Люди обычно ни к чему так не стремятся, — пишет Монтень, — как к тому, чтобы возможно шире распространить свои убеждения. Там, где нам это не удается обычным способом, мы присовокупляем приказ, силу, железо, огонь. Беда в том, что лучшим доказательством истины мы склонны считать численность тех, кто в нее уверовал ... я же лично, если в чем-либо не поверю одному, то и сто одного не удостою веры и не стану также судить о воззрениях на основании их древности» (III, XI, 232).

С не меньшей резкостью, чем против колдовства, высказывал Монтень свое отрицательное отношение к пытке. Вразрез с этим освященным и защищаемым католической церковью обычаем Монтень решительно заявлял, что всякое дополнительное к смертной казни наказание есть жестокость. Это заявление Монтеня особенно всполошило католическую инквизицию и было осуждено в Риме при проверке «Опытов» папской цензурой.

Разоблачая веру в чудеса, Монтень подрывал один из важнейших религиозных предрассудков. Эту сторону дела особенно оценили атеисты и вольнодумцы XVII в. (например, Пьер Бейль) и более позднего времени.

[24] Это рассуждение Монтеня сочувственно цитирует в своем «Историческом словаре» Пьер Бейль, о котором Маркс писал, что «он возвестил появление атеистического общества» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, с. 141).

Так, утопический коммунист начала XVIII в. Жан Мелье в качестве лучшего опровержения веры в чудеса ссылается на приведенное рассуждение Монтеня и полностью цитирует весь этот отрывок[25]. И в ряде других случаев Мелье, борясь с религиозными предрассудками «христопоклонников» (по его выражению), широко использует аргументацию Монтеня. Воинствующий атеист и политический деятель времен Французской буржуазной революции Сильвен Марешаль отвел Монтеню видное место в своем знаменитом «Словаре атеистов», а в предисловии к новому изданию этого словаря (1802) Нежон трактовал Монтеня как предшественника Гольбаха и Гельвеция.

Впоследствии Маркс, раскрывая эту сторону дела в применении к взглядам Бейля, продолжателя скептической мысли Монтеня, указал, что этот философский метод теоретически подорвал схоластику, «подготовив тем самым почву для усвоения материализма и философии здравого смысла во Франции»[26].

Вот почему он мог спокойно уживаться с эпикурейскими убеждениями автора «Опытов», не затрагивая и ни в какой мере не колебля их. Скептицизм в сочетании с эпикуреизмом порождают новое философское умонастроение Монтеня, иное восприятие жизни. Этот последний этап в развитии философской мысли Монтеня получил наиболее яркое отражение в III книге «Опытов».

В противовес схоластическим измышлениям о греховности природы, Монтень выдвигает учение о жизни согласно природе, согласно велениям нашей физической и духовной натуры. «Аристипп [глава киренской школы] выступал лишь в защиту плоти, словно у нас нет души, — пишет Монтень, — Зенон [глава стоической школы] считался только с душой, словно мы бестелесны. И оба ошиблись» (III, XIII, 303). Природа, продолжает Монтень, по-матерински позаботилась о том, чтобы действия, к которым она понуждает нас для удовлетворения наших потребностей, сопровождались также наслаждениями, и несправедливо нарушать ее права.

Идея матери-природы играет теперь ведущую роль в философском мировосприятии Монтеня, причем понятие «природы» так тесно переплетается с понятием «бога», что не всегда ясно, где начинается одно и кончается другое, и порой кажется, что имеешь дело с предвосхищением спинозовского Deus sive Natura (бог, иначе говоря природа).

«Я от чистого сердца и с благодарностью, — заявляет Монтень, — принимаю то, что сделала для меня природа ... Неблаговидно по отношению к столь щедрому даятелю отказываться от таких даров, уничтожать их или искажать. Природа — руководитель кроткий, но в такой же мере разумный и справедливый... Я всячески стараюсь идти по ее следу, который мы запутали всевозможными искусственно протоптанными тропинками» (III, XIII, 308—309).

---

25 *Ж. Мелье.* Завещание. М., 1954, с. 139—141.
26 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, с. 141.

Примеры такой «жизни согласно природе» Монтень ищет теперь у туземцев Нового Света, которые еще не испорчены цивилизацией и живут под властью естественных законов. Однако ту же близость к матери-природе (mère-nature, как выражается Монтень) он находит не только у народов Нового Света, но и у простых людей своей страны, у крестьян, ремесленников, нравы и здравый смысл которых он не устает прославлять. Жить согласно велениям природы важно в любой обстановке, при любых жизненных обстоятельствах. «Все мы — великие безумцы! — восклицает Монтень. — «Он прожил в полной бездеятельности», — говорим мы. «Я сегодня ничего не совершил». Как! А разве ты не жил? Просто жить — не только самое главное, но и самое замечательное из твоих дел. «Если бы мне дали возможность участвовать в больших делах, я показал бы, на что я способен». А сумел ты обдумать свою повседневную жизнь и пользоваться ею как следует? Если да, то ты уже совершил величайшее дело. Природа не нуждается в какой-либо особо счастливой доле, чтобы показать себя и проявиться в деяниях. Она одна и та же на любом уровне бытия, одна и та же за завесой и без нее. Надо не сочинять умные книги, а разумно вести себя в повседневности, надо не выигрывать битвы и завоевывать земли, а наводить порядок и устанавливать мир в обычных жизненных обстоятельствах. Лучшее наше творение — жить согласно разуму. Все прочее — царствовать, накоплять богатства, строить — все это, самое большее, дополнения и довески» (III, XIII, 304).

Таков итог жизнелюбивой и оптимистической философии Монтеня. Надо жить «умело», т. е. сообразуясь с велениями природы и соблюдая предписанную ею меру, «безо всяких чудес и необычайностей». На последней странице своей книги Монтень пишет: «Мы стремимся быть чем-то иным, не желая вникнуть в свое существо, и выходим за свои естественные границы, не зная, к чему мы по-настоящему способны. Незачем нам вставать на ходули, ибо и на ходулях надо передвигаться с помощью своих ног. И даже на самом высоком из земных престолов сидим мы на своем заду» (III, XIII, 311).

Что знаменовал собой этот итог житейской философии Монтеня? Прежде всего бросается в глаза чисто светский характер диктуемых ею правил поведения человека. Монтень все время обращается к природе, а не к богу, как первопричине вселенной. Не выступая впрямую против основных догматов христианского вероучения, Монтень как бы выносит божественное провидение «за скобки» подлинного человеческого существования.

Надо жить согласно природе, а не согласно воле божьей; надо руководствоваться не мечтами о потустороннем мире, а материальными отношениями реальной действительности. Нигде у Монтеня нет ни единого упоминания о том, что «жизнь согласно природе» должна сообразовываться с какими-либо религиозными принципами. Человек должен сам выстраивать свою жизнь, быть творцом ее, пользуясь телесными и духовными наслаждениями, даруемыми ему природой. Это был протест против религи-

озно-аскетического идеала жизни, который вытесняла в «Опытах» реалистическая земная этика человека нового нарождающегося общества. В культе благой природы и призыве подчиняться ее велениям выражалось стремление Монтеня раскрепостить человека от власти небесных сил, реабилитировать природу в противовес схоластическим измышлениям о ее греховности. Тем самым Монтень подготовлял почву для учения о естественном праве, превратившегося в революционную теорию у наиболее радикальных представителей французского Просвещения XVIII в., прежде всего у Жан-Жака Руссо.

В этом культе природы и призыве повиноваться ее благим велениям Монтень — истинный сын Возрождения; он продолжает великие традиции французского гуманизма. Рабле, писавший за полвека до Монтеня, в дни первого расцвета французского Возрождения, воздал хвалу всеблагой Физис—Природе, детьми которой являются Красота и Гармония. Свободный, подчиняющийся единственно лишь законам Природы человек естественно и непроизвольно стремится к добродетели, утверждал Рабле в придуманном им уставе Телемской обители, «монастыря» гуманистов. Выступивший на закате французского гуманизма, в дни его жестокого кризиса, Монтень продолжает эту линию: он так же, как и Рабле, отвергает требования религиозной морали и ставит на их место «жизнь согласно природе».

Эта концепция, развивая которую Монтень неустанно повторял, что любит жизнь и принимает ее такою, какая она есть, была выражена им отнюдь не в скептической форме. «Отличительный признак мудрости, — пишет Монтень, — это неизменно радостное восприятие жизни...» (I, XXVI, 150—151). Могут спросить: как же это сочетается со «скептическим» отношением к человеческому разуму? Но нападки на разум, которые сам Монтень в период писания «Апологии Раймунда Сабундского» приравнивал к своего рода интеллектуальному самоубийству, в действительности относились к той искаженной схоластической выучкой разновидности человеческого разума, которая сделала его «инструментом из свинца и воска» (II, XII, 498). Монтень неизменно ополчался против схоластического лжемудрствования, против бесплодных, тлетворных умствований ученых педантов-схоластов. Он осуждал и высмеивал лишь те методы средневекового мышления, которые веками тормозили развитие знания, естественный же человеческий разум он не только признавал, но и считал единственным нашим руководителем.

Однако Монтень не ограничивается отрицанием и осуждением схоластической лженауки, покоящейся на принципе авторитета, и прежде всего авторитета препарированного и узаконенного церковью Аристотеля. Монтень открывает в себе и во всех людях способность суждения, которая, по его мнению, должна служить путеводителем разума. Суждение — результат опыта, возникающего из соприкосновения разума с действительностью. Суждение представляется Монтеню главной способностью человека. Доказательством может служить глава «О воспитании детей»

(I, XXXVI) — небольшой трактат, посвященный формированию нового человека. Монтень здесь откликается на тему первостепенной важности для его современников. Вопросами воспитания до Монтеня занимались многие гуманисты (в особенности итальянские, о которых мы упоминали в связи с воспитанием самого Монтеня). Ново и оригинально подошел к ним Рабле в первых двух книгах своей эпопеи. Рабле, в соответствии с энциклопедическими тенденциями Высокого Возрождения, делал акцент на стремлении охватить весь круг знания тогдашнего времени. Монтень, в отличие от Рабле, поставил во главу угла своей программы воспитания требования своей моральной философии; знание у него подчинено выработке способности суждения. И тем не менее, в педагогических воззрениях Монтеня и Рабле много общего. Монтень стоит за гармоническое развитие всех заложенных в человеке способностей, за воспитание безрелигиозное, в основу которого положено правило ни в чем не полагаться на авторитет, а все проверять разумом и опытом. Монтень рассматривал воспитание как могучее средство развить, укрепить, усовершенствовать человеческую природу. В этом пафос новой педагогической программы, выставляемой Монтенем, основная цель которой — воспитание людей здоровых, честных, простых, близких к природе, к естественности. «Montaigne первый ясно выразил мысль о свободе воспитания», — отметил у себя в дневнике Л. Н. Толстой [27]. Эта программа воспитания, в которой ни единым словом не упомянута религия, отвергала культивировавшиеся католической церковью схоластические штампы и тем самым отвечала передовым запросам нового времени. Многие из выдвинутых Монтенем принципов воспитания были восприняты впоследствии Фр. Бэконом, Локком, Руссо; некоторые из них сохранили свое значение до наших дней.

Догматизм средневекового мышления, исключавший всякий критический подход, всякое исследование, безмерно тормозил рост человеческого знания. Вместе с развитием в недрах феодализма нового способа производства, которому оказалась необходима наука, человеческая мысль устремилась на поиски путей, которые могли бы привести ее к овладению силами природы, к подлинному знанию.

В «Опытах» запечатлен момент этих поисков, от которого прямая дорога ведет к современной науке. Книга Монтеня представляет собой определенный этап в выработке экспериментального метода. Противопоставляя всякой умозрительной философии знание, основанное на опыте, Монтень, в сущности, предвосхищал путь Френсиса Бэкона, которого Маркс характеризовал как «настоящего родоначальника английского материализма и всей современной экспериментирующей науки» [28].

Следует, однако, помнить, что принципы эмпирического познания были

[27] *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 20 т. М., Художественная литература, 1965, т. 19, с. 241.

[28] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, с. 142.

Монтенем лишь намечены, притом главным образом в последней книге, и не получили законченной разработки.

Социально-политические воззрения Монтеня не изложены в более или менее систематическом виде, и их приходится восстанавливать по отдельным суждениям, разбросанным почти в каждой главе «Опытов».

Самым лучшим государственным устройством и лучшими законами для всякой страны Монтень считает те, которые существуют в данной стране и к которым она привыкла. «Не только предположительно, — пишет Монтень, — но и на деле лучшее государственное устройство для любого народа — это то, которое сохранило его как целое. Особенности и основные достоинства этого государственного устройства коренятся в породивших его обычаях. Мы всегда с большой охотой сетуем на условия, в которых живем. И все же я держусь того мнения, что жаждать власти немногих в государстве, где правит народ, или стремиться в монархическом государстве к иному виду правления — это преступление и безумие». И Монтень в подтверждение этих слов цитирует четверостишие своего современника Пибрака:

Уклад своей страны обязан ты любить:
Чти короля, когда он у кормила,
Республику, когда в народе сила,
Раз выпало тебе под ними жить.

(III, IX, 163)

От перемен, полагает он, бывает больше действительного зла, чем предполагаемой пользы. Монтень, по его словам, противник всяких новшеств, и он дает этому следующее выразительное объяснение: «Я разочаровался, — заявляет Монтень, — во всяческих новшествах, в каком бы обличии они нам ни являлись, и имею все основания для этого, ибо видел, сколь гибельные последствия они вызывают. То из них, которое угнетает нас в течение уже стольких лет [Монтень имеет в виду распространение гугенотства во Франции], не было, правда, непосредственною причиною всего происшедшего: но, тем не менее, можно с уверенностью сказать, что именно в нем, в силу несчастного стечения обстоятельств, первопричина и корень всего, даже тех бедствий и ужасов, которые творятся с тех пор без его участия и вопреки ему» (I, XXIII, 112). Таким образом, источник этого умонастроения Монтеня — обрушившиеся на Францию гражданские войны второй половины XVI в. и связанные с этим потрясения, под знаком которых проходила вся его сознательная жизнь. Высказываясь против «новшеств», Монтень прежде всего имел в виду свою страну и формулировал свое отношение к кипевшей вокруг него гражданской войне. Монтень решительно отвергал требования, написанные на знамени тех, кто добивался изменения политического строя в современной ему Франции. Монтень ясно отдавал себе отчет, что причины гражданских войн, которыми охвачена была Франция того времени, кроются не в религиозных разногласиях. Недаром он то и дело подчеркивает, что

религия в происходящей вокруг него борьбе служит лишь благовидным предлогом[29]. В действительности на карту поставлены были целость и единство страны. «Так как целость и единство нашей монархии, — пишет Монтень, — были нарушены упоминавшимся новшеством [т. е. гугенотством], и ее величественное здание расшаталось и начало разрушаться, и так как это произошло, к тому же, в ее преклонные годы, в ней образовалось сколько угодно трещин и брешей, представляющих собой как бы ворота для названных бедствий» (I, XXIII, 112). Побудительными стимулами, заставляющими Монтеня отвергать «новшества», т. е. изменение современного ему строя Франции, и отстаивать монархическую форму правления, были охрана целости и единства страны, которым угрожали сепаратистские притязания крупного дворянства и его союзников. Монтень, таким образом, угадывал направление исторического процесса во Франции, суть которого в то время составляло развитие и укрепление централизованной государственности.

В сущности Монтень отстаивал ту же позицию, за которую боролся глава партии «политиков» Жан Боден и в своем трактате «Шесть книг о государстве», и практически, на Генеральных штатах 1576 г.

Монтень был горячим сторонником примирения враждующих сторон (он неоднократно настаивает на этом в разных главах «Опытов»). По своим внутренним убеждениям Монтень был противником религиозных преследований: жестокости по отношению к гугенотам и такие злодеяния, как Варфоломеевская резня, вызвали в нем, судя по многим глухим намекам, разбросанным в книге, возмущение гонителями и симпатии к гонимым. Но в «новшествах» гугенотов, т. е. в их посягательствах на целость и единство страны, Монтень видел причину того, что величественное здание его страны расшаталось и стало разрушаться. Это побуждало его, извлекая уроки из опыта современной ему Франции, с тем большей настойчивостью выставлять в качестве нормы утверждение: «Правило правил и главнейший закон законов заключается в том, что всякий обязан повиноваться законам страны, в которой он живет» (I, XXIII, 111).

Однако вопрос о «новшествах» (nouvelletés) Монтень решает не схоластически прямолинейно, а применительно к обстоятельствам. Отрицание «новшеств» носит у него не принципиальный, а конкретный характер. Перемен надо опасаться, поясняет Монтень, за исключением тех случаев, когда речь идет о плохих установлениях. В соответствии с этим Монтень признает, что не всегда и не при всех условиях следует противиться нововведениям. «Бывает, однако, и так, — пишет Монтень, — что судьба... ставит нас в настолько тяжелое положение, что законам приходится не-

[29] Имея в виду принятое обозначение «религиозные войны», которое скрывало истинные причины смуты, Монтень пишет: «С нами происходит теперь то самое, о чем говорит Фукидид, повествуя о гражданских войнах своего времени; тогда, угождая порокам общества и пытаясь найти для них оправдание, давали им не их подлинные названия, но, искажая и смягчая последние, окрещивали словами новыми и менее резкими...» (I, XXIII, 113).

сколько потесниться и кое в чем уступить. И если, сопротивляясь возрастанию нового, стремящегося насильственно пробить себе путь, держать себя всегда и во всем в узде и строго соблюдать установленные правила, то подобное самоограничение ... неправильно и опасно» (I, XXIII, 115).

И в ряде случаев, имеющих важное значение для характеристики его социально-политических воззрений, Монтень сам придерживался таких взглядов, которые резко расходились с общепринятыми в современном ему обществе и представляли собой не что иное, как «новшества».

Таким совершеннейшим «новшеством» было отношение Монтеня к народам Нового Света, которые, по его словам, еще повинуются простым законам природы, а не сложным искусственным нормам и обычаям европейского общества. В «Опытах» имеются две интереснейшие главы — «О каннибалах» (I, XXXI) и «О средствах передвижения» (III, VI), специально посвященные народам незадолго до того открытого Нового Света. Их нравы и обычаи привлекали в то время — да еще и гораздо позднее, вплоть до времен Вольтера и Руссо — внимание европейских политиков, историков, писателей. Указанные главы дают нам возможность проследить эволюцию, которую проделала здесь мысль Монтеня. Прежде всего следует отметить, что, в отличие от множества своих современников и предшественников, Монтень интересовался отнюдь не экзотическими деталями из жизни индейцев. В главе «О каннибалах» Монтеня занимают прежде всего особенности их социального строя, их обычаев и нравов; цель Монтеня заключалась в том, чтобы, противопоставив туземцев Нового Света «цивилизованным» европейцам, подвергнуть критике социальное устройство последних. У Монтеня была и другая важнейшая задача. Образ жизни народов Нового Света призван был стать наглядным подтверждением идеи естественного состояния, выдвинутой Монтенем в опровержение схоластического учения о греховности и испорченности природы.

С первых же строк главы «О каннибалах» Монтень предупреждает нас, что следует остерегаться общепринятых мнений: «судить о чем бы то ни было надо, опираясь на разум, а не на общее мнение» (I, XXXI, 188). И на протяжении всей главы Монтень придерживается преподанного им правила. С самого же начала Монтень заявляет, что он не станет справляться с тем, что пишут о народах Нового Света составители разных учебников географии, ибо они ничего не понимают в этом деле. Что касается его, Монтеня, то, не имея возможности собрать сведения на месте, он по крайней мере обращался к очевидцам, к свидетелям, которым он мог доверять. Таков старый спутник французского мореплавателя и военачальника Вильганьона, проведший десять или двенадцать лет в Новом Свете, «человек простой и необразованный», который много лет прослужил у Монтеня и который по простоте своей был не в состоянии «сочинять небылицы и придавать вид достоверности выдумкам». «Я хотел бы, — подчеркивает Монтень, — чтобы не только в этой области, но и во всех

остальных каждый писал только о том, что он знает, и в меру того, насколько он знает» (I, XXXI, 190). Кроме своего слуги, Монтень опрашивал многих матросов и купцов и, наконец, он видел своими глазами трех туземцев, привезенных в Руан, «когда там находился король Карл IX».

И вот к каким заключениям пришел Монтень на основании всех полученных им сведений. «Итак, я нахожу, — заявляет он, — ...что в этих народах, согласно тому, что мне рассказали о них, нет ничего варварского и дикого, если только не считать варварством то, что нам непривычно... Они дики в том смысле, в каком дики растущие на свободе, естественным образом, плоды; в действительности скорее подобало бы назвать дикими те плоды, которые человек искусственно исказил, изменив их природные качества» (I, XXXI, 190—191). Своими искусственными выдумками, по мнению Монтеня, «мы заглушили богатство и красоту природы». Народы Нового Света живут еще под властью законов природы и мало пока затронуты и испорчены нашими законами. Эти народы не знают «никакой торговли..., никакого знакомства со счетом... никаких признаков власти или превосходства над остальными, никаких следов рабства, никакого богатства и никакой бедности, никаких наследств, никаких разделов имущества... никакого земледелия, никакого употребления металлов, вина или хлеба» (I, XXXI, 191).

В их языке нет даже слов для обозначения таких понятий, как ложь, предательство, лицемерие, скупость, зависть. И за это называть их варварами? Но, скажут, эти каннибалы убивают своих пленных, потом жарят и едят их! На это Монтень выразительно отвечает, что нечего негодовать по этому поводу и вопить о варварстве, когда кругом совершаются поступки, куда более жестокие, и, обращаясь прямо к своим соотечественникам, свидетелям и участникам происходивших в это время во Франции гражданских войн, Монтень пользуется случаем, чтобы излить свое возмущение по поводу такого варварства, как Варфоломеевская резня и другие зверства и злодеяния, совершавшиеся у них на глазах.

«Я нахожу, — заявляет Монтень, — что гораздо большее варварство пожирать человека заживо, чем пожирать его мертвым, большее варварство раздирать на части пытками и истязаниями тело, еще полное живых ощущений, поджаривать его на медленном огне, выбрасывать его на растерзание собакам и свиньям (и мы не только читали об этих ужасах, но и совсем недавно были очевидцами их, когда это проделывали не с закосневшими в старинной ненависти врагами, но с соседями, со своими согражданами и, что хуже всего, прикрываясь благочестием и религией), чем изжарить человека и съесть его после того, как он умер» (I, XXXI, 194). Как видим, это противопоставление используется Монтенем для критики современной ему политической действительности Франции, для протеста против творившихся под флагом религии насилий и злодеяний. Цель Монтеня — показать, что во всякого рода варварстве его соотечественники превзошли народы Нового Света.

Противопоставление народов Нового Света европейцам используется Монтенем также для того, чтобы обличить антагонизм между богатыми и бедными, на котором покоится современное ему общество. Но чтобы высказать своим современникам эти «опасные» истины, Монтень вкладывает их в уста тех трех туземцев, которых он видел в Руане и которые якобы отмечают, что их особенно поразило в «цивилизованной» Франции. «У них есть та особенность в языке, — пишет Монтень об этих туземцах, — что они называют людей «половинками» друг друга; они заметили, что между нами есть люди, обладающие в изобилии всем тем, чего только можно пожелать, в то время как их половинки, истощенные голодом и нуждой, выпрашивают милостыню у их дверей; и они находили странным, как это столь нуждающиеся половинки могут терпеть такую несправедливость, —почему они не хватают тех других за горло и не поджигают их дома» (I, XXXI, 198). Следует отметить, что мысли Монтеня подхватил через полтораста лет Руссо, который сделал приведенные слова Монтеня концовкой к своему «Рассуждению о происхождении и основании неравенства между людьми». Монтень еще долго останавливается на описании нравов этих живущих естественной жизнью «каннибалов», восхваляя их чистоту и простоту, и заканчивает эту главу следующим издевательским по отношению к своим современникам замечанием: «Все это не так уж плохо. Но помилуйте, они не носят штанов!» (I, XXXI, 199).

Иной характер носит глава «О средствах передвижения». Это — открытый протест, выраженный в весьма необычном для Монтеня тоне страстного негодования, протест против кровавого разбойничьего насилия европейских колонизаторов над народами Нового Света. Дело в том, что в промежутке между 1580 г. (выход в свет первой редакции «Опытов») и 1588 г. (новое издание их в трех книгах) Монтень ознакомился с работами Лас-Казаса и Гомары[30] и точнее представил себе, каковы были методы завоевания новооткрытых народов. В главе «О средствах передвижения» Монтень, касаясь методов завоевания, применявшихся Кортесом и Писарро, опирается главным образом на Гомару. На сей раз Монтень мог читать в книге, написанной испанцем и притом с явно апологетической целью, описание порабощения и массового истребления беззащитных народов, описание чудовищных злодеяний, которые превосходили самое изощренное воображение. И Монтень дал волю охватившему его возмущению. Полный негодования, Монтень сообщает, как однажды испанские колонизаторы «... решили сжечь заживо на огромном костре четыреста шестьдесят человек... самых обыкновенных военнопленных». «Мы знаем об этом от самих испанцев, — восклицает Монтень, имея в виду Гомару, — ибо они не только признаются во всех этих зверствах, но и похваляются ими и всячески их превозносят» (III, VI, 125). С беспощадным сарказмом развенчивает Монтень военную «славу» конкистадоров. Если горсти лю-

[30] См. прим. 12, с. 379.

дей было достаточно для завоевания Мексики, то не потому ли, что противостоящие конкистадорам племена были почти безоружны, не имея других средств защиты, «кроме луков, камней, кольев и деревянных щитов». Тем не менее они были гораздо храбрее своих поработителей и обнаруживали поразительное мужество, умирая в ужасных мучениях. И так как превосходства более современного оружия испанских конкистадоров оказалось все же недостаточно, — продолжает Монтень, — то были пущены в ход вероломство и коварство; их захватили врасплох под видом дружбы, используя их доверчивость. Никакое религиозное рвение, никакие законы войны, заявляет Монтень, не могут оправдать этого «истребления всех без разбора, словно перед ними — дикие звери» (III, VI, 125).

Внимание Монтеня к народам Нового Света было привлечено также тем, что они живут еще под властью простых законов природы. Но эту же близость к матери-природе, подчинение ее естественным законам, он находит не только у народов Нового Света. Эти свойства, столь им ценимые, в высшей степени присущи бедным людям, крестьянам, которые так просто и мудро относятся к жизни и смерти. «Обратим взор свой к земле, — призывает Монтень, — на бедных людей, постоянно склоненных над своей работой, не ведающих ни Аристотеля, ни Катона, никаких примеров, никаких философских поучений: вот откуда сама природа каждодневно черпает примеры твердости и терпения, более чистые и более четкие, чем те, которые мы так любознательно изучаем в школе... Человек, работающий у меня в саду, похоронил нынче утром отца или сына. Даже слова, которыми простой человек обозначает болезни, словно смягчают и ослабляют их тяжесть. О чахотке он говорит «кашель», о дизентерии — «расстройство желудка», о плеврите — «простуда», и, именуя их более мягко, он и переносит их легче. Болезнь для него по-настоящему тяжела тогда, когда из-за нее приходится прекращать работу. Эти люди ложатся в постель лишь для того, чтобы умереть» (III, XII, 242—243).

Это писалось после свирепствовавшей в 1585 г. чумы, которая выгнала Монтеня из дома и заставила его вместе со всеми домочадцами скитаться в течение шести месяцев по Гиени в поисках каждый раз нового убежища. Во время этих странствований по дорогам Франции Монтень, которого всегда занимала проблема смерти, мог наблюдать, как спокойно и мужественно умирали простые крестьяне, «не ведавшие ни Аристотеля, ни Катона». «Почему, — задает себе вопрос Монтень, — несмотря на то, что смерть везде и всюду все та же, крестьяне и люди низкого звания относятся к ней много проще, чем все остальные?» (I, XX, 91). Читая эти размышления Монтеня, невольно вспоминаешь Л. Н. Толстого, который в своем рассказе «Три смерти» с таким мастерством описал и сопоставил сложный и мучительный ритуал болезни и смерти богатой помещицы с величавой в своей простоте кончиной крестьянина-ямщика.

В характере простых людей Монтень видит ту естественность и самообладание, которые под стать истинному философу. «Сколько мы знаем людей из народа, — пишет Монтень, — которые перед лицом смерти, и притом не простой и легкой, но сопряженной с тяжким позором, а иногда и с ужаснейшими мучениями, сохраняли такое присутствие духа, — кто из упрямства, а кто и по простоте душевной, — что в них не замечалось никакой перемены по сравнению с обычным их состоянием. Они отдавали распоряжения относительно своих домашних дел, прощались с друзьями, пели, обращались с назидательными и иного рода речами к народу, примешивая к ним иногда даже шутки и, совсем как Сократ, пили за здоровье своих друзей» (I, XIV, 49). Отметим, кстати, что эту дань глубокого уважения и сочувствия, отдаваемую Монтенем народу, крестьянам, особенно ценил в Монтене Л. Н. Толстой, который в «Круге чтения» приводит следующее суждение Монтеня: «Я люблю мужиков, они недостаточно учены, чтобы рассуждать превратно» [31].

Тема мужества, сметливости, талантливости людей из народа проходит через многие главы «Опытов» Монтеня и звучит как апелляция к будущему: Монтень как бы провидит выдвижение народа на авансцену истории и постоянно подчеркивает его моральную и творческую силу. В этом пристальном внимании к судьбам и переживаниям простого человека — громадная заслуга монтеневских «Опытов».

Приравнивая народную мудрость к философской, Монтень приходит к замечательной мысли о сходстве гения и народа, подлинного художественного совершенства и естественного народного творчества. «Простые крестьяне, — пишет Монтень, — честные люди; честные люди также — философы или в наше время натуры сильные и просвещенные, обогащенные широкими познаниями в области полезных наук... Народная и чисто природная поэзия отличается непосредственной свежестью и изяществом, которые уподобляют ее основным красотам поэзии, достигшей совершенства благодаря искусству, как свидетельствуют об этом гасконские вилланели и песни народов, не ведающих никаких наук и даже не знающих письменности» (I, LIV, 277—278).

Мысли о природе литературного творчества вообще глубоко занимали Монтеня и прежде всего в связи с его собственным сочинением.

При первом же знакомстве с «Опытами» бросается в глаза необычность замысла этой книги, не подчиняющегося как будто никакому определенному плану. В масштабе всего произведения нельзя усмотреть ни хронологической последовательности в описании событий, ни последовательности логической при переходе от одной темы к другой. На уровне отдельных глав — ни строго выстроенного развития мысли, ни даже соответствия названия главы ее основному сюжету. Эта «нестройность», «неупорядоченность» книги издавна занимала комментаторов. Что стоит

---

[31] *Л. Н. Толстой.* Круг чтения. М., 1911, т. II, с. 501.

за ней — действительно литературная наивность, неумелость, которую Монтень открыто и охотно, даже настойчиво, признавал за собой? Или это сознательно избранный и тонко разработанный прием?

Дело, очевидно, обстоит сложнее. Для разрешения этой загадки многое дает определение, которое дал «Опытам» сам Монтень: «Книга, неотделимая от своего автора» (livre consubstantiel à son autheur — II, XVIII, 593). Сама ткань и строение книги органически связаны с внутренним обликом ее создателя, с его ощущением внешнего мира, человеческой жизни, самого себя как наилучшего объекта для наблюдений над всем «родом людским». «Опыты» не подводят итогов этих самонаблюдений, не призваны дать некую афористическую выжимку из них; они выступают как воплощение, запечатление в слове самого хода и метода наблюдения. Как точно сказано у немецкого ученого Э. Ауэрбаха, здесь «отражено реалистическое понимание человека, идущее от опыта, и в первую очередь от самонаблюдения: именно опыт и говорит, что человек — существо непостоянное, колеблющееся и подверженное всяческим переменам среды, судьбы, внутреннего развития; поэтому метод Монтеня, столь хорошо учитывающий все изменения самого его существа, внешне капризный и прихотливый, не подчиняющийся никакому плану, по существу своему есть строго экспериментальный метод — единственный, который соответствует подобному предмету» [32].

Форма и жанр «Опытов» были не выбраны Монтенем, а, по сути дела, им изобретены. Само слово «эссе» было введено в литературный обиход именно им. У Монтеня оно еще совершенно явственно сохраняет свое исходное значение — «опыт»: опыт, поставленный на человеческой способности суждения, на себе самом. Любая жесткая схема затемняла бы «чистоту эксперимента», мешала бы точному отчету о подлинном течении мыслей автора — одновременно наблюдателя и объекта наблюдения. А это не входит в его намерения: «Я хочу, чтобы виден был естественный и обычный ход их [мыслей], во всех зигзагах» (II, X, 356). Свобода и естественность, «натуральность», полагаемые у Монтеня важнейшими достоинствами и высочайшим благом человека, должны быть присущи и его книге, причем на всех уровнях — от композиции до языка [33]. Свобода, однако, вовсе не означает хаотичности: «Мои мысли следуют одна за другой, — правда, иногда не в затылок друг другу, а на некотором расстоянии, но они все же всегда видят друг друга хотя бы краешком глаза... И если кто теряет нить моих мыслей, так это нерадивый читатель, но вовсе не я...» (III, IX, 200).

---

[32] *Эрих Ауэрбах.* Мимесис. М., 1976, с. 292.

[33] Как пишет один из исследователей монтеневского стиля, «внутри глав несомненна связность, следование почти неощутимым поворотам мысли; но здесь нет ничего заранее предрешенного, и композиция становится постоянным поиском, как бы воспроизводящим работу монтеневского духа сомнения» (*Fl. Gray.* Le style de Montaigne. P., 1958, p. 227).

Попробуем проверить справедливость этого утверждения на одной из наиболее на первый взгляд запутанных и нестройных глав, само название которой способно как будто лишь сбить с толку читателя, — «О средствах передвижения» (III, VI). Ее «тематический каркас» выглядит приблизительно так:

1) писатели приводят разного рода *объяснения*[34] явлений (с. 110);

2) как Аристотель и Плутарх, например, *объясняют* чихание и *морскую болезнь* (стр. 110—111);

3) справедливо ли для меня объяснение *морской болезни страхом* (111);

4) «диалектика» *страха* и храбрости вообще (111);

5) моя подверженность *страху* (и другим страстям) и *выносливость* (112);

6) езду в *карете* я не *переношу* (112);

7) какие разнообразные, простые и *роскошные*, бывают *колесницы* (112—113);

8) почему *монархи* окружают себя *роскошью* (113);

9) о щедрости *государей* (113—117);

10) описание *роскошных* увеселений, устроенных для *римлян императором* Пробом (117—119);

11) мы отличаемся от *древних*, но не превосходим их *познаниями* (119);

12) мы удостоверились в ограниченности наших *познаний*, отыскав целый *мир*, неизвестный нам прежде (120);

13) жители нового *мира*, отличаясь от *нас*, ни в чем нас не ниже (121);

14) *мы* же пришли к *ним* с коварством и жестокостью (122—125);

15) между тем, *мексиканское королевство* создало *высокую цивилизацию* (126—127);

16) коснемся вопроса об их *средствах передвижения* (127). Как видим, мысли здесь сцепляются по свободной, естественной ассоциации, но плотно, «без зазоров». Внутренней стройности, целостности главы способствует и возвращение в конце ее к предмету, давшему ей название, — «средствам передвижения».

Стиль Монтеня сложился не сразу, не оставался неизменным на всем двадцатилетнем протяжении работы над «Опытами». Он претерпел эволюцию, параллельную становлению философских взглядов Монтеня. Ранние эссе еще не порывают окончательно с приемами схоластической риторики[35], они короче, отрывистей и выстроены более «однолинейно». Разница между ними и поздними, более зрелыми, главами «Опытов» прослеживается и в изменении функций тех «историй», «анекдотов», которыми изобилует книга. Если в эссе «первого периода» мысль есть зачастую комментарий к «истории» (еще сказывается родство со средневековыми сбор-

[34] Курсивом выделены опорные для движения мысли понятия.

[35] См. *R. Jasinski.* Sur la composition chez Montaigne. In: Mélanges d'histoire littéraire offerts à Henri Chamard. P., 1951.

никами назидательных рассказов), то в поздних, напротив, «история», «случай» становятся иллюстрацией мысли.

Впрочем, не просто иллюстрацией. Вглядываясь в построение избранной нами для примера главы, мы могли отметить ту непринужденность, с какой Монтень переходит от самых общих положений к реальным фактам, а то и житейским, иной раз как будто вовсе незначительным, подробностям. Это связано с важнейшей, может быть, чертой монтеневского стиля — его конкретностью. Отвлеченные рассуждения не просто подкрепляются «наглядными примерами», эти примеры составляют саму плоть рассуждения. Даже в самой «философичной» главе «Опытов», «Апологии Раймунда Сабундского», Монтень прибегает не к строгим теоретическим выкладкам, но к доказательствам «от жизни» — заимствованы ли они из древних авторов, из собственного опыта и рассказов очевидцев или рождены авторской фантазией [36]. И не столь уж важно, что с точки зрения нашего современника эти «свидетельства» зачастую оказываются вовсе не достоверными. Гораздо важнее, что здесь ощутимо проявляется сам способ ви́дения мира и размышлений о нем, неизменно тяготеющий к чувственной конкретности и апеллирующий к жизненному опыту.

Взятые же сами по себе, эти «истории» иной раз становятся у Монтеня законченной жанровой сценкой, колоритной и выразительной, как бы предвосхищающей ситуации и характеры комедий Мольера. Таковы, к примеру, рассказ о скаредном старике, которого обманывают домашние (II, VIII, 344), или эпизод с дворянами, спорящими за обедом о том, кто из них знатнее (I, XLVI, 249—250). Другие полны драматической напряженности, как случай с явившимися к Монтеню в замок грабителями (III, XII, 260—261).

У «историй» есть в «Опытах» и другое назначение. Монтеню часто приходилось прибегать к иносказанию просто по соображениям безопасности. Он сам говорит об этой многозначности — и многозначительности — «анекдотов» в своем сочинении: «... сколько я разбросал здесь всяких историй, которые сами по себе как будто не имеют существенного значения. Но тот, кто захотел бы в них основательно покопаться, нашел бы материал еще для бесконечного количества опытов. Ни эти рассказы, ни мои собственные рассуждения не служат мне только в качестве примера, авторитетной ссылки или же украшения. Я обращаюсь к ним не только потому, что они для меня полезны. В них зачастую содержатся, независимо от того, о чем я говорю, семена мыслей, более богатых

[36] Как в этом случае: «Если посадить какого-нибудь философа в клетку с решеткой из мелких петель и подвесить ее к верхушке башни собора Парижской богоматери, то, хотя он ясно будет видеть, что ему не грозит опасность из нее выпасть, он не сможет не содрогнуться при виде этой огромной высоты (если только он не кровельщик)» (526). Примечательно, что здесь говорится не просто о некоем высоком месте, но о реально существующих башнях Нотр-Дам, дается вполне осуществимый способ поместить туда человека, а оговорка — «если только он не кровельщик» — возвращает нас к самой повседневной действительности.

и смелых, и словно под сурдинку намекают о них и мне, не желающему на этот счет распространяться, и тем, кто способен улавливать те же звуки, что и я» (I, XL, 228)[37].

«Непрямой», уклончивый способ изложения, избранный Монтенем, требовал немалой изощренности[38], чтобы овладеть вниманием читателя, заставить его следовать за всеми изгибами мысли, схватывать скрытые намеки, разгадывать умолчания. Метафоры и антитезы, парадоксы, игра слов — все эти приемы щедро использует Монтень[39]. Оружием в борьбе за сотрудничество и понимание читателя и одновременно «приемами конспирации» становятся и озадачивающие названия глав, порой подчеркивающие случайные, незначительные темы и вынуждающие докапываться до истинного, основного содержания эссе (наиболее разительный пример — глава «Обычай острова Кеи», трактующая проблему самоубийства).

Фраза у Монтеня отличается особой гибкостью. Этому способствовал и сам строй современного ему французского языка. В XVI в. еще не устоявшаяся грамматика не стесняла строгими регламентациями ни свободного порядка слов во фразе, ни самого их выбора. Словарь Монтеня на редкость богат. Здесь выражения из живого повседневного языка соседствуют со специальными терминами, французское просторечие уживается со словечками из гасконского диалекта. Монтень так излагает свои соображения по этому поводу: «... там, где бессилен французский, пусть его заменит гасконский... Речь, которую я люблю, это бесхитростная, простая речь, такая же на бумаге, как на устах; речь сочная и острая, краткая и сжатая, не столько тонкая и приглаженная, сколько мощная и суровая ... скорее трудная, чем скучная; свободная от всякой напыщенности, непринужденная, нескладная, смелая; каждый ее кусок должен выполнять свое дело...» И дальше: «Почему я не могу пользоваться той же речью, какою пользуются на парижском рынке?» (I, XXVI, 160—161). Однако это словесное богатство никогда не превращается у Монтеня в самоцель, оно вызывается к жизни характером замысла книги и поставлено на службу воплощению этого замысла: «Это словам надлежит подчиняться и идти следом за мыслями, а не наоборот» (I, XXVI, 160); «вряд ли многие другие бо́льше меня заботились именно о содержании» (I, XL, 228).

В стремлении вобрать в свой словарь лексику самую разнообразную, расширить его за счет разных пластов языка Монтень перекликается со

[37] Касаясь этой манеры Монтеня, Белинский писал в «Литературных мечтаниях»: «Не могу говорить всего, что думаю. Я твердо помню благоразумное правило Монтеня и многие истины твердо держу в кулаке» (*В. Г. Белинский.* Собр. соч. в 3-х томах, т. 1. М., 1948, с. 72).

[38] Об особом «искусстве обмана» у Монтеня см.: *B. C. Bowen.* The Age of Bluff. Paradox and Ambiguity in Rabelais and Montaigne. Urbana, 1972; *M. McGowan.* Montaigne's Deceits. The Art of Persuasion in the Essays. Philadelphia, 1974.

[39] Один исследователь насчитал в «Опытах» 1263 образных выражения (*Walter Schnabel.* Montaignes Stilkunst. Breslau und Oppeln, 1930).

своими старшими современниками — поэтами «Плеяды» и противостоит строго нормативной, пуристической поэтике классицизма. Сближает Монтеня с «Плеядой» и понимание сущности поэтического творчества, при котором важнейшим свойством поэзии полагается ее эмоциональный «магнетизм» и подчеркивается роль свободного, не скованного наставлениями сухой рассудочности вдохновения: «О поэзии, не превышающей известного, весьма невысокого уровня, можно судить на основании предписаний и правил поэтического искусства. Но поэзия прекрасная, выдающаяся, божественная — выше правил и выше нашего разума. Тот, кто способен уловить ее красоту твердым и уверенным взглядом, может разглядеть ее не более, чем сверкание молнии. Она нисколько не обогащает наш ум; она пленяет и опустошает его. Восторг, охватывающий всякого, кто умеет проникнуть в тайны такой поэзии, заражает и тех, кто слушает, как рассуждают о ней или читают ее образцы; тут то же самое, что с магнитом, который не только притягивает иглу, но и передает ей способность притягивать в свою очередь другие иглы» (I, XXXVII, 212)[40].

В своих эстетических воззрениях, как и в своей художественной практике, Монтень сохраняет таким образом кровную связь с искусством и эстетикой Возрождения. Тем более неубедительными представляются нам концепции некоторых западных исследователей, пытающихся оторвать творчество Монтеня от культуры Возрождения и заключить его в рамки иных художественных систем — литературы барокко или маньеризма.

* * *

Смелые догадки Монтеня, высказанные в «Опытах», предвосхищают многие направления передовой мысли последующих веков. Противопоставляя всякого рода умозрительной философии знание, покоящееся на опыте, Монтень в сущности двигался по тому пути, по которому шли такие провозвестники опытной науки, как — до него — Леонардо да Винчи и — позднее — Френсис Бэкон. Характеризуя мировоззрение Бэкона, Маркс писал: «Согласно его учению, чувства непогрешимы и составляют источник всякого знания. Наука есть опытная наука и состоит в применении рационального метода к чувственным данным»[41]. Но если даже у Бэкона еще обнаруживаются пережитки той схоластики, против которой он сражался, что дало основание Марксу указывать на «теологическую непоследовательность» учения Бэкона, то сугубо сильны были эти пережитки у Монтеня. И тем не менее Монтень выступал в этом пункте как выразитель прогрессивных устремлений своего времени. Его «Опыты» оказали в дальнейшем значительное влияние на развитие научного мировоззрения. В «Опытах» Монтеня был выдвинут целый ряд передовых, прогрес-

---

[40] Английский литературовед Р. Сэйс отмечает, что эти суждения предвосхищают эстетику романтизма (*R. A. Sayce*. The Essays of Montaigne. Lnd., 1972, pp. 44—45).

[41] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, с. 142.

сивных положений, которые стали одним из важных факторов формирования французского материализма XVII—XVIII вв. и, в конечном счете, сыграли известную роль в идеологической подготовке Французской революции 1789 г. Велики также заслуги Монтеня в подрыве устоев религии, в разоблачении религиозных предрассудков. Идеи Монтеня во многих отношениях были отправной точкой для развития всего французского философского вольномыслия XVII в. Поздно спохватившиеся папские цензоры внесли в 1676 г. «Опыты» Монтеня в индекс запрещенных книг, но к этому времени семена вольнолюбивых мыслей, посеянные Монтенем, успели уже дать пышные всходы: Шаррон, Гассенди, Ноде, Ламот Ле Вайе и другие продолжили во Франции дело Монтеня [42].

Вообще судьба монтеневской книги и ее роль в сложной борьбе философских доктрин и литературных направлений во Франции XVII—XVIII вв. весьма примечательны. Едва ли не все выдающиеся умы того времени обращались к «Опытам» — одни за поддержкой и подтверждением собственных взглядов, другие — с упреками и возражениями, сама пылкость которых свидетельствует о непреходящей актуальности монтеневских раздумий. Но именно эта актуальность, даже злободневность Монтеня для последующих поколений зачастую затрудняла объективный, беспристрастный подход к его книге, обусловливала стремление использовать ее в качестве оружия в собственных битвах и подчас как следствие этого — односторонность восприятия и у врагов, и у друзей.

Среди французских мыслителей XVII в. особенно пристальным вниманием и живым интересом к идеям Монтеня отличался Паскаль, хотя отношение его к автору «Опытов» далеко не однозначно. Паскаль как религиозный философ, естественно, не принимал многих положений Монтеня. Прежде всего это касалось концепции человека. Паскаль был склонен сводить позицию Монтеня — достаточно гибкую, как мы видели, — к скептическому пессимизму в вопросе об интеллектуальных и нравственных способностях человека. Поэтому он видит в Монтене союзника до тех пор, пока ищет доказательств слабости человеческого разума сравнительно с абсолютной истиной божественного откровения. Но Монтень превращается в противника для Паскаля, когда тот защищает христианское разрешение антиномии «высокого» и «низкого», «ангельского» и «животного» в человеке. Трезвый, практический взгляд Монтеня на религиозные проблемы, на земную жизнь и неизбежность смерти, его мудрая

---

[42] Стоит отметить, что богословские факультеты Франции не разобрались сначала в опасных концепциях Монтеня, введенные в заблуждение хаотическим, на первый взгляд, построением его книги. Как указывает Пьер Бейль, эти цензоры «пропустили все суждения этого автора, у которого нет никакой системы, никакого метода, никакого порядка изложения и который нагромождает все, что ему приходит на память. Но когда Пьер Шаррон, священник и теолог, решил развить некоторые воззрения Монтеня в систематическом трактате о нравственности, то тут уж теологи не могли больше бездействовать» (*P. Bayle*. Dictionnaire historique, t. IV. P., 1820, p. 626).

примиренность с собой и с миром были чужды вечно неудовлетворенному, занятому поисками Абсолюта Паскалю. И вместе с тем эта позиция неудержимо притягивает к себе Паскаля, заставляет его постоянно возвращаться к аргументам «Опытов». По образному выражению Сент-Бёва, Монтень был для Паскаля «лисенком спартанского мальчика, спрятанным под одеждой; он постоянно напоминал о себе Паскалю, кусал его, пожирал»[43]. Одно из сочинений Паскаля, «Беседа с господином де Саси», целиком посвящено разбору этических концепций Монтеня и античного философа-стоика Эпиктета. В паскалевских «Мыслях» имя Монтеня встречается чаще, чем любое другое, и исследователи находят здесь не менее двухсот явных и скрытых аллюзий на различные положения «Опытов»[44]. И дело не только в упоминаниях и цитатах. В самом круге интересов, ходе и развитии мысли, стилистических приемах у Паскаля монтеневское влияние неоспоримо.

Во французской литературе XVII в. Монтень неизменно привлекал тех, кто так или иначе противостоял рационалистическим, «универсализирующим» тенденциям постепенно укрепляющегося классицизма, кто сохранял живую связь с традициями XVI в. Здесь следует назвать сатирического поэта Матюрена Ренье, перелагавшего стихами многочисленные места из «Опытов», крупнейшего поэта-«либертина» Теофиля де Вио с его лишенным всяческих иллюзий и приукрашивания представлением о человеке, с его напряженно-личностным восприятием действительности. Но было бы неверно утверждать, что художественная практика зрелого классицизма так далеко отстоит от философских воззрений и писательских принципов Монтеня, что следы его влияния здесь вовсе не различимы. Доверие к здравому смыслу, острая психологическая наблюдательность, лукавый юмор — все это роднит с «Опытами» сочинения Мольера, Лафонтена, Лабрюйера.

После внесения «Опытов» в «Индекс» они более полувека выходили во Франции только в отрывках. Первое полное издание по-французски появилось после долгого перерыва в 1724 г. в Лондоне; оно было подготовлено эмигрантом-гугенотом Пьером Котом. С тех пор «Опыты» переиздавались регулярно (хотя и не на слишком высоком научном уровне), и интерес к ним не затухал. Философы-просветители видели в Монтене своего естественного союзника; при этом каждый из них выбирал в «Опытах» то, что ближе всего соприкасалось с его собственными воззрениями. Так, Вольтер отмечает у Монтеня прежде всего религиозное вольнодумство и политическое свободомыслие. Именно в этом смысле особенно наглядно проступает преемственная связь между Монтенем и Вольтером, которую зорко уловил А. М. Горький, сказав, что Монтень «через века

---

[43] *Sainte-Beuve, Ch. A*. Port-Royal. P., Bibl. de la Pléiade, v. I, 1953, p. 826.

[44] См. *Frank M. Chambers*. Pascal's Montaigne. — Publications of Modern Language Association, September 1950, v. LXV, № 5, p. 796.

пожимает руку Вольтеру»[45]. Для Вольтера Монтень — один из первых «философов» (в том специфическом смысле, который обрело это слово во Франции начиная с XVIII в. и который означает прежде всего противостояние всякого рода обскурантизму) и ученых. Он весьма сочувственно относится и к замыслу Монтеня обрисовать самого себя со всей возможной полнотой (замыслу, возмущавшему Паскаля своей гордыней и суетностью), ибо таким образом создавался портрет человека вообще. Вольтер писал о Монтене: «Провинциальный дворянин времен Генриха III, который является ученым среди невежд своего века, философом среди фанатиков и который под видом себя изображает наши слабости и прихоти, это человек, который будет любим всегда»[46]. Но Вольтер принимал «Опыты» вовсе не безоговорочно, прежде всего, в литературном плане. Ему были не по душе «неупорядоченность», «хаотичность» композиции, отсутствие заботы о «чистоте», «правильности» и «благородстве» языка.

Дидро, напротив, это не смущало. «Недисциплинированность» монтеневской манеры письма он оправдывал природными свойствами самого человеческого разума. Но Дидро был осторожнее, чем Вольтер, в оценке монтеневского скептицизма. Он указывал на возможность такого истолкования «Опытов», при котором скептический подход распространяется не только на вопросы веры, но и на возможности познания, а следовательно, просвещения и прогресса вообще. Однако в целом Дидро ставил Монтеня очень высоко. Он писал в «Энциклопедии» об «Опытах», что «их будут читать до тех пор, пока существуют люди, любящие истину, силу и простоту»[47].

Имя Руссо уже встречалось несколько раз в данной статье. Это и неудивительно: влияние, оказанное на Руссо Монтенем, на редкость глубоко и многосторонне. Автору «Общественного договора» был особенно близок социальный критицизм Монтеня, его отношение к неравенству между людьми, установившемуся в «цивилизованных» государствах, как к извращению законов природы. Мечта Руссо о возврате к первобытной гармонии в противовес тому положению вещей, при котором благо одного означает гибель другого, находила опору во многих рассуждениях «Опытов». Идеал естественного, наделенного душевным и телесным здоровьем человека определял и педагогические воззрения Руссо. Его взгляды на проблемы воспитания соприкасались с мыслями Монтеня столь тесно, что современникам — недоброжелателям Руссо это даже давало повод к обвинениям в плагиате. Но дело здесь, разумеется, не в заимствовании той или иной идеи, а в органическом родстве основных педагогических принципов — отвращения к механической зубрежке, стремления развивать само-

---

[45] *А. М. Горький.* Об Анатоле Франсе. — Красная новь, 1927, № 5, с. 214.
[46] *Voltaire.* Oeuvres complètes, t. XL. P., 1785, p. 412.
[47] Цит. по: *M. Dréano.* La Renommée de Montaigne en France au XVIIIe siècle. Angers, 1952, p. 311.

стоятельность мышления, чистоту нравственного чувства, крепость духа и мышц.

Объективно не подлежит сомнению и связь между «Опытами» и «Исповедью» Руссо с ее углубленным, пристальным, беспощадным самоанализом. Но следует отметить, что сам Жан-Жак был склонен относиться недоверчиво к искренности и «наивности» монтеневского автопортрета. Он полагал, что Монтень сознательно приукрашивал себя, заявляя во всеуслышанье о своей готовности признаваться во всех пороках и описывая затем лишь самые простительные недостатки, в то время как он, Руссо, вскрывает на деле нечто отвратительное в глубине самого чистого из своих помыслов. Установить точное соотношение истины и самообмана в любом исповедальном сочинении вряд ли возможно, и для нас сейчас и не слишком важно, кто был прав в этом споре. Важен интерес к механизму душевных движений и обращение к самому себе как наилучшему материалу для наблюдения за работой этого механизма, а в этом смысле два великих писателя двигались безусловно в одном направлении.

Деятели Французской революции от своих наставников, философов-просветителей, унаследовали и живое, любовное отношение к Монтеню. В годы Республики бюсты и портреты Монтеня можно видеть повсеместно в официальных учреждениях. На его родине, в Бордо, в память о нем устраивается торжественная церемония. Имя Монтеня постоянно мелькает в речах членов Конвента.

В последующие два столетия восприятие «Опытов» как драгоценного национального достояния Франции не подвергалось пересмотру. Когда в середине прошлого века ревностный почитатель Монтеня, Сент-Бёв, рисовал в воображении похоронную процессию, в которой за гробом Монтеня идут все, кто так или иначе был ему обязан, критику оказалось трудно выделить специально кого-либо из своих знаменитых современников — к этому кортежу, по его мнению, должны были присоединиться они все[48]. Из тех французских писателей, что ближе к нашим дням, черты «семейного сходства» с предком-Монтенем особенно заметны в грустной иронии и эпикурейской мудрости Анатоля Франса, в стремлении Пруста запечатлеть и воскресить в памяти неуловимо изменчивые состояния души. И до сих пор, по свидетельству французского литератора, не раз обращавшегося мыслью к творчеству и судьбе великих художников разных стран и эпох, «нет писателя, который был бы нам так близок, как этот перигорский дворянин, умерший в 1592 году»[49].

Воздействие, оказанное «Опытами» Монтеня, не ограничилось только Францией. Уже в самом начале XVII в. известность Монтеня быстро распространилась за пределами Франции, в разных европейских странах. Наиболее сильное влияние «Опыты» Монтеня оказали в Англии, где они

---

[48] *Sainte-Beuve*. Port-Royal, v. I, p. 870.

[49] *Андре Моруа*. Шестьдесят лет моей литературной жизни. М., Прогресс, 1977, с. 121.

были переведены на английский язык итальянцем Флорио. Особенно близки они стали Шекспиру, чей театр во многом выражал те же умонастроения Позднего Возрождения, которыми пронизаны «Опыты»[50]. Сильнейшее впечатление «Опыты» Монтеня произвели на Френсиса Бэкона, который зачитывался «Опытами» и воспринял у Монтеня самый литературный жанр «Опытов», написав свои «Essays». После Бэкона жанр «эссе», заимствованный у Монтеня, сделался излюбленным и широко распространенным в англоязычных странах.

В России Монтень стал хорошо известен. Его труд был впервые переведен в 1762 г. (не полностью) секретарем и переводчиком Академии наук Сергеем Саввичем Волчковым, ставшим в дальнейшем директором сенатской типографии и здесь напечатавшим свой перевод «опытов». Монтеня высоко ставил и часто перечитывал Пушкин[51].

А. И. Герцен так оценивал значение Монтеня: «Во Франции... гораздо раньше Декарта образовалось особое, практически-философское воззрение на вещи, не наукообразное, не имеющее произнесенной теории, не покоренное ни одному абстрактному учению, ничьему авторитету, — воззрение, свободное, основанное на жизни, на самомышлении и на отчете о прожитых событиях, отчасти на усвоении, на долгом живом изучении древних писателей; воззрение это стало просто и прямо смотреть на жизнь, из нее брало материалы и совет; оно казалось поверхностным, потому, что оно ясно, человечно и светло... Воззрение Монтеня... имело огромное влияние; впоследствии оно развилось в Вольтера и энциклопедистов; Монтень был в некотором отношении предшественник Бэкона, а Бэкон — гений этого воззрения»[52].

Для Л. Н. Толстого «Опыты» были настольной книгой, без которой он не мог долго обходиться; после ухода из Ясной Поляны он в числе очень немногих других книг просил свою дочь прислать ему «Опыты»[53]. Ряд высказываний Монтеня Толстой поместил в своем «Круге чтения».

«Опыты» Монтеня, вместив в себя все важнейшие проблемы своей эпохи, вот уже четыреста лет служат читателям неиссякающим источником серьезных размышлений и живого наслаждения. Эта книга навсегда останется надежным союзником в борьбе с фанатизмом и косностью, за разумность и справедливость устройства мира, за свободного и счастливого человека.

---

[50] У Шекспира есть и прямая цитата из Монтеня: в последней своей драме — «Буре», он пересказывает то место «Опытов» (в главе «О каннибалах»), где говорится о счастливо не ведающих европейской цивилизации, живущих по естественным законам народах.

[51] В письме к Н. Н. Пушкиной от 21 сентября 1835 г. Пушкин просит: «...пришли мне, если можно, Essays de M. Montagne — 4 синих книги, на длинных моих полках» (*Пушкин.* Полн. собр. соч. в 16 томах, т. 16. М., Изд-во АН СССР, 1949, с. 49).

[52] *А. И. Герцен.* Письма об изучении природы. — Собр. соч. в 30 тт., т. III, с. 250—251.

[53] См. письмо Л. Н. Толстого к А. Л. Толстой от 28 октября 1910 г. — *Л. Н. Толстой.* Собр. соч в 20 тт., т. 18. М., Гослитиздат, 1965, с. 504.

ПРИМЕЧАНИЯ

Русский перевод «Опытов» М. Монтеня сделан по изданию А. Арменго: Oeuvres complètes de Michel de Montaigne. Les Essais. Texte du manuscrit de Bordeaux, étude, commentaires et notes par le Dr A. Armaingaud, tt. I—VI. Paris, 1924—1927. При составлении примечаний использовались постраничные комментарии А. Арменго к вышеуказанному изданию.

При жизни Монтеня «Опыты» выходили пять раз (1580, 1582, 1587, 1588; дата еще одного издания не установлена). В первых трех изданиях были напечатаны лишь I и II книги. Издание 1588 г. значительно отличается от предыдущих: в него Монтень внес до 600 добавлений и здесь впервые опубликовал III книгу.

В последние годы жизни Монтень вносит в экземпляр «Опытов» издания 1588 г. многочисленные поправки и дополнения. После его смерти этот экземпляр был использован одним из его ближайших друзей — Мишелем де Браком, который совместно с мадемуазель де Гурне выпустил в 1595 г. новое, дополненное издание «Опытов». Долгое время считалось, что это издание дает окончательный авторский текст. Однако после обнаружения упоминавшегося выше экземпляра «Опытов» с собственноручною правкой Монтеня (он был найден в Муниципальной библиотеке Бордо, куда попал во время революции 1789 г.) выяснилось, что в издании 1595 г. допущено большое количество ошибок и весьма существенных искажений. В 1912 г. этот экземпляр «Опытов», получивший в монтеневедении наименование «бордоского», был воспроизведен фототипическим способом в издании Ф. Стровски (F. Strowsky). С тех пор французские издания «Опытов» — а их было несколько — исходят именно из этого текста. «Бордоский» экземпляр положен и в основу издания А. Арменго — одного из крупнейших французских монтеневедов.

Источники, которыми пользовался Монтень, указаны по современным изданиям на языке оригинала.

Названия сочинений приводятся лишь в тех случаях, когда автору принадлежит несколько сочинений; если известно лишь одно произведение этого автора, его название не приводится.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I

РАЗЛИЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ МОЖНО ДОСТИЧЬ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ

1 *Эдуард, принц Уэльский* (1330—1376) — старший сын английского короля Эдуарда III, прозванный по черному цвету своих доспехов «Черным принцем». Принимал участие в Столетней войне (1337—1453), когда английские короли пытались

завладеть Францией. Назначенный в 1335 г. правителем Гиени (см. след. прим.), приобрел печальную известность грабежами и разорением юго-западной Франции и своей жестокостью по отношению к побежденным.

[2] *Гиень* — провинция на юго-западе Франции. Одной из причин Столетней войны было стремление французов вытеснить англичан из Франции и завладеть той частью Гиени, которая находилась в их руках.

[3] *Скандербег* (1414—1467, по другим данным родился в 1403 г.). Речь идет о Георгии Кастриоте, владетельном князе Албании, национальном герое албанского народа, возглавившем его борьбу за независимость против турецких захватчиков. Скандербег — прозвище, данное ему народом, т. е. Александр (Македонский), и турецкое «бег» — господин, владыка.

[4] *Конрад III* — император германский в 1138—1152 гг., первый из династии Штауфенов или Гогенштауфенов. *Вельфы* — баварские герцоги, боровшиеся в первой половине XII в. за императорскую корону с Штауфенами. Упоминаемый эпизод связывается с осадою Вейнсберга в 1140 г.

[5] *Пелопид* (IV в. до н. э.) — один из крупнейших военачальников древней Греции, родом из Фив, друг Эпаминонда.

[6] *Эпаминонд* — знаменитый фиванский полководец (род. ок. — 420—410 гг. до н. э., ум. 363 г.).

[7] *Дионисий Старший* — тиран сиракузский (431—368 гг. до н. э.), крупный полководец, изгнавший вторгшихся в Сицилию карфагенян. Древние историки изображают Дионисия жестоким и коварным правителем.

[8] *Регий* — ныне Реджо, город на юге Италии (в Калабрии).

[9] *Город мамертинцев* — ныне Мессина (Сицилия), в древности — Мессана; мамертинцы, т. е. сыны Марса, — италийские наемники, захватившие Мессану (III в. до н. э.); *Помпей* — имеется в виду Помпей Великий (см. прим. 16, с. 371).

[10] *Зенон*, у Плутарха — Стенон, а также Стенний и Стенис (*Плутарх*. Наставление тем, кто управляет государственными делами, 19).

[11] ...*проявив подобную добродетель в Перузии*... — Здесь Монтень ошибается. Следует говорить не о Перузии (ныне Перуджа), а о Пренесте (ныне Палестрина), последнем оплоте сторонников Мария, захваченном Суллой в 82 г. до н. э. Об этом эпизоде см. *Плутарх*. Наставление тем, кто управляет государственными делами, 19. Называя Перузию, Монтень повторяет ошибку французского переводчика Плутарха — Жака Амио (см. прим. 1, с. 381).

[12] *Газа* — город в Палестине, которым владели филистимляне.

[13] ...*при взятии*... *Фив*... — Фивы были взяты и разрушены Александром Македонским в 336 г. до н. э.

Глава II
О СКОРБИ

[1] *Камбиз* — второй царь древней Персии, сын Кира. Царствовал с 529 до 522 г. до н. э.; покончил самоубийством в 522 г.

[2] ...*он начал бить себя по голове*... — Монтень пересказывает здесь Геродота, III, 14.

[3] ...*произошло с одним из наших вельмож.* — Речь идет о кардинале Карле Лотарингском, одном из вождей контрреформации, бывшем в числе застрельщиков реакции на Тридентском соборе (1545—1563). Находясь в 1563 г. в Триденте, он получил известие об убийстве (гугенотом Польтро де Мере) своего старшего брата Франсуа, герцога Гиза, полководца и жестокого гонителя гугенотов, а через несколько дней узнал о смерти своего другого брата в сражении с гугенотами при Дрё.

[4] ...*того древнего живописца*... — Согласно Квинтилиану (Обучение оратора, II, 13), этого живописца звали Тимантом.

[5] *Ниобея* — дочь Тантала и жена Амфиона, похваляясь своей плодовитостью перед Латоной, возлюбленной Юпитера, у которой было лишь двое детей — Аполлон и Диана, — вызвала ее гнев. По приказанию Латоны Аполлон и Диана умертвили стрелами детей Ниобеи, после чего она превратилась в скалу.

[6] *Окаменела от горя.* — *Овидий.* Метаморфозы, VI, 303. Цитируется неточно.

[7] *...горе открыло путь голосу.* — *Вергилий.* Энеида, XI, 151.

[8] *...в битве при Буде...* — После смерти в 1540 г. венгерского короля Иоанна (Яноша) I Запольского за обладание Венгрией разгорелась борьба между вдовой Иоанна I, защищавшей права их малолетнего сына (впоследствии короля Иоанна II), эрцгерцогом австрийским Фердинандом I и турецким султаном Сулейманом II. Победа последнего в 1541 г. при Буде (ныне Будапешт) привела к временному разделу Венгрии между тремя претендентами.

[9] *...сила горя... оледенила в нем жизненных ду́хов...* — Согласно представлениям древних и средневековых физиологов, «жизненные духи» поддерживали жизнь в организме.

[10] *...тот охвачен слабым огнем.* — *Петрарка.* Сонет 137.

[11] *...тьмой заволакиваются глаза.* — Катулл, LI, 5 сл.

[12] *...малая печаль говорит, большая — безмолвна.* — *Сенека* Федра, 607.

[13] *...лишь спустя долгое время молвит.* — *Вергилий.* Энеида, III, 306 сл.

[14] *Канны* — селение в Апулии; в 216 г. до н. э. здесь произошла знаменитая битва, в которой Ганнибал наголову разбил римлян.

[15] *Тальва* (правильно Тальна) — Маний Ювенций Тальна, римский консул 163 г. до н. э., покоритель Корсики.

[16] *...папа Лев X... заболел горячкой и вскоре умер.* — Папа Лев X, состоявший в союзе с германским императором Карлом V, добивался изгнания французов из Миланского герцогства. Он умер в 1521 г., как думают, от отравления. Рассказ Монтеня основан на сообщении Гвиччардини в его «Истории Италии».

[17] *Диодор Диалектик,* по прозванию Кронос, — философ мегарской школы (IV в. до н. э.).

Глава III

НАШИ ЧУВСТВА УСТРЕМЛЯЮТСЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ НАШЕГО «Я»

[1] *...душа, исполненная забот о будущем.* — *Сенека.* Письма, 98, 6.

[2] *...познай самого себя.* — *Платон,* Протагор, 343 b.

[3] *...мудрость... никогда не досадует на себя.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 18.

[4] *...язык людей, выросших под властью монарха, исполнен угодливости...* — Монтень пересказывает здесь Тита Ливия (XXXV, 48).

[5] *...я не видел другого способа пресечь твои... злодеяния.* — *Тацит.* Анналы, XV, 67—68. *Нерон* (54—68 гг. н. э.) — римский император.

[6] *...можно ли назвать счастливым того... если потомство его презренно?* — *Аристотель.* Никомахова этика, I, 10.

[7] *...он не может... отделить себя от... трупа...* — Лукреций, III, 877 сл. Цитируется неточно.

[8] *Бертран Дю Геклен* (1320—1380) происходил из бедного бретонского рыцарского рода; впоследствии стал выдающимся полководцем и коннетаблем Франции (1370—1380); во время Столетней войны одержал ряд блестящих побед над англичанами.

[9] *Бартоломео д'Альвиано* — венецианский военачальник, известный в свое время поэт (1455—1515).

[10] *Теодоро Тривульцио* (1448—1518) — миланец знатного рода, весьма искусный в военном деле; перешел на французскую службу, получил звание маршала и участвовал в войнах, которые Людовик XII и Франциск I (1515—1547) вели в Италии.

[11] *..лишался... права на то, чтобы воздвигнуть трофей.* — Слово «трофей» первоначально означало памятник в честь победы.

[12] *Никий* — афинский полководец (V в. до н. э.).

[13] *Агесилай II* — спартанский царь и полководец (IV в. до н. э.).

[14] *Эдуард I* — английский король (1272—1307). Вел завоевательные войны в Шотландии и Уэлсе. Его попытки завоевать Шотландию вызвали восстание крестьян и горожан, продолжавшееся с перерывами до 1306 г., когда оно переросло во всеобщую войну за независимость страны. Война закончилась в 1314 г. победой шотландцев.

[15] *Роберт* I Шотландский — борец за независимость Шотландии; в 1306 г. был коронован; умер в 1329 г.

[16] *Ян Жижка* (1378—1424) — герой чешского народа и великий полководец, всегда, по словам Маркса (см. Архив Маркса и Энгельса, VI, стр. 229), остававшийся победителем на поле сражения. Возглавил созданную им народную армию, которая одерживала блестящие победы над численно превосходящими силами противника: все пять «крестовых походов», организованных с 1420 по 1431 г. папой и германским императором против чехов, окончились позорным крахом. В последние годы жизни Жижка ослеп, однако он продолжал руководить военными действиями.

[17] Джон *Уиклиф* (1320—1384) — профессор Оксфордского университета; являлся выразителем интересов английского рыцарства и горожан, враждебно смотревших на богатую феодальную церковь и стремившихся ее реформировать. По словам Ф. Энгельса. Уиклиф был ярким представителем ереси городов, главным требованием которой всегда было требование «дешевой церкви» (*Ф. Энгельс.* Крестьянская война в Германии).

[18] *...другие народы Нового Света...* — Монтень проявляет большой интерес ко всему, что относится к Новой Индии, как тогда называли Америку (см., например, кн. I, гл. XXXI). Монтень черпал свои сведения о новооткрытых странах как из рассказов моряков, купцов, путешественников, так и из книг.

[19] *Баярд* (1476—1524) — французский полководец времен итальянских войн Людовика XII и Франциска I; отличался храбростью, чувством воинской чести и другими рыцарскими качествами, соответствующими идеалу служилого дворянства его времени. Получил от современников прозвище «рыцарь без страха и упрека».

[20] *...ныне царствующего короля Филиппа.* — Имеется в виду германский *император Максимилиан I* (1493—1519) и его правнук, король испанский *Филипп II* (1556—1598).

[21] *Кир* — Кир Старший, основатель персидской монархии (VI в. до н. э.), история которого рассказана Ксенофонтом в «Киропедии».

[22] *Марк Эмилий Лепид* — сподвижник Цезаря; участник II триумвирата (43 г. до н. э.).

[23] *Ликон* — древнегреческий философ (III в. до н. э.).

[24] *Мы должны относиться с презрением ко всем этим заботам...* — *Августин.* О граде божием, I, 12.

[25] *...скорее утешение для живых, чем облегчение... мертвых.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 45.

[26] *...сражение при Аргинусских островах...* — Аргинусские острова находятся в Эгейском море, между островом Лесбосом и побережьем Малой Азии. Морское сражение, о котором здесь идет речь, произошло в 406 г. до н. э.

[27] *...где покоятся еще не рожденные.* — *Сенека* Троянки, 407—408.

[28] *...тело могло отдохнуть от невзгод.* — Энний в цитате у Цицерона: Тускуланские беседы, I, 44.

Глава IV

О ТОМ, ЧТО СТРАСТИ ДУШИ ИЗЛИВАЮТСЯ НА ВООБРАЖАЕМЫЕ ПРЕДМЕТЫ, КОГДА ЕЙ НЕДОСТАЕТ НАСТОЯЩИХ

1 *...густые леса... встанут пред ним преградой.* — Лукан, III, 362—363.

2 *...потребность любить... создает... привязанности вымышленные...* — *Плутарх* Жизнеописание Перикла, 1.

3 *...паннонская медведица... мечется вокруг древка, убегающего вместе с нею.* — Лукан. VI, 220 сл. *Паннония* — теперешняя Венгрия.

4 *...по случаю гибели... прославленных братьев...* — Имеются в виду Публий и Гней Сципионы. Оба погибли во время второй Пунической войны в Испании (212 г. до н. э.), порознь разбитые Газдрубалом.

5 *Все... принялись рыдать...* — Тит Ливий, XXV, 37.

6 *...плешь облегчит его скорбь.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, III, 26. *Бион* — греческий философ-киник (ум. в 241 г. до н. э.).

7 *Геллеспонт* — древнее название Дарданельского пролива.

8 *Калигула* — римский император (37—41), внук императора Тиберия.

9 *Император Август...* — Октавиан Август, первый римский император.

10 Публий Квинтилий *Вар* — римский полководец; потеряв три легиона в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.), куда он был завлечен восставшими против римлян германцами во главе с Арминием, вождем племени херусков, Вар покончил с собой.

11 *Ты... только воздух сотрясаешь.* — *Плутарх.* Как надлежит сдерживать гнев, 4. Прозаический текст Плутарха дан Монтенем в стихотворном переводе.

Глава V

ДОЛЖЕН ЛИ КОМЕНДАНТ ОСАЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ ВЫХОДИТЬ ИЗ НЕЕ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ С ПРОТИВНИКАМИ

1 *...к окончательному разгрому Персея.* — Согласно Титу Ливию (X, II, 37), римского легата звали не *Луций Марций*, а Квинт Марций; в той же книге (гл. 47) Тит Ливий рассказывает об осуждении сенаторами хитрости Марция. *Персей* — царь македонский, разбитый наголову римлянами в 168 г. до н. э. при Пидне.

2 *...они выдали... злонамеренного учителя.* — Врач эпирского царя *Пирра* предложил римлянам отравить своего господина. — *Фалиски* — жители города Фалерии в Этрурии; во время борьбы римлян с этрусками некий школьный учитель фалисков предложил диктатору Камиллу выдать римлянам детей именитых граждан, дабы таким образом принудить жителей сдать город римлянам.

3 *Не все ли равно, хитростью или доблестью победил ты врага?* — *Вергилий.* Энеида, II, 390.

4 *...они ценили победу... тогда, когда им удавалось сломить... сопротивление неприятеля.* — *Полибий*, XII, 3. В новейших изданиях вместо Ἀχαιοί — «ахейцы» дается ἀρχαῖοι — «древние».

5 *...честность и незапятнанное достоинство.* — *Флор*, I, 12.

6 *...что она несет.* — Энний в цитате у Цицерона: Об обязанностях, I, 12.

7 *Тернате* — один из островов Молуккского архипелага.

8 *...защищавших Музон от графа Нассауского.* — Осада Музона (Арденны) происходила в 1521 г., в начальный период многолетних войн между французским королем Франциском I (1494—1547) и испанским королем Карлом I (1500—1558) —

с 1519 г. императором г. н. «Священной Римской империи» Карлом V; *граф Нассауский* — один из военачальников Карла V.

9 *Гвиччардини*, Франческо (1482—1540) — итальянский историк; Дю Белле, Гильом (1491—1543) — крупный военачальник Франциска I, участник войн с Карлом V, автор весьма ценных мемуаров; *Реджо* — город в области Эмилии (сев. Италия). Дальнейший рассказ относится к событиям 1521 г.

10 *Антигон и Евмен* — военачальники и приближенные Александра Македонского; после смерти последнего вступили в ожесточенную борьбу между собой. Осада *Норы* происходила в 316 г. до н. э.

Глава VI

ЧАС ПЕРЕГОВОРОВ — ОПАСНЫЙ ЧАС

1 *Мюссидан* — городок в области Перигор, в нескольких километрах от замка Монтеня. Описываемое происшествие имело место в 1569 г.

2 *Казилин* — город в Кампании близ Капуи.

3 *Никто не должен извлекать выгоду из неразумия другого.* — *Цицерон*. Об обязанностях, III, 17.

4 *...не всегда... я могу согласиться с его... взглядами...* — Монтень имеет в виду жизнеописание Кира в «Киропедии» Ксенофонта.

5 *...обложив осадою Капую, подверг ее жесточайшей бомбардировке...* — Описываемый случай имел место в 1501 г. во время войны французского короля Людовика XII (1462—1515) за Неаполитанское королевство.

Ивуа (или Кариньян) — небольшой городок в Арденнах. Здесь у Монтеня ошибка: описанный им случай имел место в Динане в 1554 г.

7 *...испанцы проникли в город и стали распоряжаться в нем...* — Описанный случай имел место в 1522 г.; маркиз Пескарский был полководцем Карла V.

8 *...город Линьи в Барруа... был захвачен...* — Это произошло в 1544 г.

9 *Победа всегда заслуживает похвалы...* — *Ариосто*. Неистовый Роланд, песнь XV, 1.

10 *Хрисипп* — философ-стоик (280—ок. 208 г. до н. э.), ученик Зенона, основоположника стоицизма.

11 *Я предпочитаю сетовать на... судьбу, чем стыдиться победы.* — Квинт Курций, IV, 13.

12 *...превосходя не с помощью уловки, а смелостью в бою.* — *Вергилий*. Энеида, X, 732 сл.

Глава VII

О ТОМ, ЧТО НАШИ НАМЕРЕНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ СУДЬЯМИ НАШИХ ПОСТУПКОВ

1 *Генрих VII* — король английский (1485—1509), основатель династии Тюдоров. *Филипп I*, прозванный Красивым, — эрцгерцог австрийский, властитель Нидерландов (1478—1506); после его брака с королевой кастильской Хуаной Безумной считался номинально королем кастильским, вот почему к его имени иногда присоединяли частицу «дон». Генрих VII был связан родством с Ланкастерской ветвью предшествующей династии Плантагенетов, боровшейся с другой ее ветвью, Йоркской. Отголоском этой распри была ненависть Генриха VII к Саффолку, былому приверженцу Йорков. В гербе Ланкастеров была изображена алая роза, в гербе Йорков — белая; отсюда вошедшее в историю название: война Алой и Белой Розы (1455—1485).

2 *Граф Эгмонт* (1522—1568) — участник национально-освободительной борьбы Нидерландов против испанского ига. Представитель нидерландской крупной знати, Эгмонт принадлежал к дворянской оппозиции, добивавшейся такого политического устрой-

ства, которое обеспечило бы нидерландской аристократии и крупной буржуазии господство в стране. Заподозренный в том, что он является якобы одним из вождей начавшегося восстания против испанского владычества, Эгмонт был арестован в 1567 г. наместником Филиппа II в Нидерландах герцогом Альбой, обвинен в измене и казнен. Вместе с Эгмонтом погиб на плахе и другой представитель нидерландской знати, выступивший против испанского владычества в Нидерландах, упоминаемый Монтенем граф Горн (ок. 1520—1568).

3 *...тайну... открыл... своим детям.* — Геродот, II, 121.

Глава VIII

О ПРАЗДНОСТИ

1 *...трепещущая поверхность воды... посылает отблеск...* — *Вергилий.* Энеида, VIII, 22 сл.

2 *...создаются бессмысленные образы.* — *Гораций.* Наука поэзии, 7—8.

3 *...тот нигде не живет.* — Марциал, VII, 73.

4 *Уединившись с недавнего времени... дома...* — Монтень начал работу над «Опытами» на 39-м году жизни, в 1572 г. Первое издание «Опытов», включавшее только I и II книги, вышло в Бордо в 1580 г., первое издание III книги — в 1588 г.

5 *Праздность порождает в душе неуверенность.* — Лукан, IV, 704.

Глава IX

О ЛЖЕЦАХ

1 *...Платон... назвал ее великою... богинею...* — *Платон.* Критий, 108d.

2 *...один древний писатель...* — *Цицерон.* В защиту Лигария, 12.

3 *...идти против собственной совести.* — В латинских словарях времен Монтеня слово mentiri (лгать) имеет при себе пояснение: quasi contra mentem ire, т. е. как бы идти против совести. По-французски лгать — mentir.

4 *...чужеземец... не является человеком...* — *Плиний Старший* Естественная история, VII, 1.

5 *...некто Мервейль ..* — После захвата Милана французами (1499 г.) некоторые из них осели в миланском герцогстве и стали миланскими дворянами. Миланским дворянином был и упоминаемый Монтенем Мервейль. Подробнее об итальянских походах французов и о борьбе за миланское герцогство см. прим. 6, с. 370—371.

6 *...был тут же пойман с поличным.* — Описанное происшествие имело место в 1533 г.

7 *Папа Юлий II направил. . посла...* — Папа Юлий II (1503—1513), французский король Людовик XII (1498—1515) и *английский король* Генрих VIII (1509—1547).

Глава X

О РЕЧИ ЖИВОЙ И МЕДЛИТЕЛЬНОЙ

1 *Не всем таланты все дарованы бывают.* — Из стихотворения Ла Боэси (1530—1563), опубликованного среди прочих его произведений Монтенем.

2 *...выставить напоказ все, что в них есть... привлекательного...* — Заимствовано из Кастильоне, III, 8 (см. прим. 29, с. 401).

3 *Пуайе* — известный в свое время юрист, канцлер Франции с 1538 по 1542 г. Описанный случай имел место в 1533 г.; папа Климент VII (1523—1534) был союзником Франциска I в войнах против императора Карла V.

4 Кардинал Жан *Дю Белле* (1492—1560) — видный государственный деятель, покровительствовавший свободомыслящим ученым и писателям. Рабле дважды сопровождал Дю Белле в качестве врача во время его поездок с дипломатическими поручениями в Рим.

5 *Кассий Север* — римский оратор при императоре Августе. Подвергнутый изгнанию из Рима в 8 г. н. э., умер в изгнании в 33 г.

6 *...опасаясь, как бы гнев не удвоил его красноречия.* — *Сенека Старший.* Контроверзы, III.

7 *Если бы я пускал в ход бритву...* — т. е. если бы я попытался отсечь от себя все мои слабости и недостатки.

Глава XI

О ПРЕДСКАЗАНИЯХ

1 *...ничем не пренебрегают в такой степени, как ими?* — *Цицерон* О гадании, II, 57.

2 *...в известной мере приспособлено к этому...* — *Платон.* Тимей.

3 *...некоторые птицы предназначены для гадания.* — *Цицерон.* О природе богов, II, 64.

4 *...многое знамениями.* — *Цицерон.* О природе богов, II, 65. — *Гаруспики* — предсказатели, гадавшие по внутренностям жертвенных животных; *авгуры* — предсказатели, гадавшие по полету птиц, их крику.

5 *...позволь надеяться объятому страхом.* — Лукан, II, 4 сл.

6 *...терзаться, не будучи в силах... помочь, — жалкая доля.* — *Цицерон.* О природе богов, III, 6.

7 *Антонио де Лейва* — видный испанский военачальник Карла V.

8 *Фоссано* — город в Пьемонте. Описанное происшествие имело место в 1533 г.

9 *...хоть черной тучей, хоть ясным солнцем.* — *Гораций.* Оды, III, 29, 29 сл.

10 *Душа... не станет думать о будущем.* — *Гораций.* Оды, II, 16, 25 сл.

11 *...должно быть... гадание.* — *Цицерон.* О гадании, I, 6.

12 *...скорее должно им внимать, чем их слушаться.* — Пакувий в цитате у Цицерона: О гадании, I, 57.

13 *...искусство тосканцев...* — здесь «тосканцы» в значении «древние этруски».

14 *Тагет* — этрусское божество, будто бы обучившее этрусков искусству угадывать будущее.

15 *...толкуют... альманахи...* — Альманахами (от арабск. «аль-мана» — «время») назывались в XV—XVI вв. подобия календарей с приложенными к ним астрологическими предсказаниями на предстоящий год или несколько лет.

16 *...не попадет... в цель?* — *Цицерон.* О гадании, II, 59.

17 *Ксенофан Колофонский пытался бороться с предсказателями...* — *Цицерон.* О природе богов, I, 3. *Ксенофан Колофонский* (ок. 570—490 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт-философ.

18 *Иоахим* дель Фьоре (Иоахим Флорский) (ок. 1145—1202) — средневековый мистик. Его еретическое учение, содержавшее, хотя и в мистической форме, для своего времени прогрессивную концепцию развития всемирной истории и особый метод толкования Священного писания, оказало влияние на идеологию народных движений XIII—XIV вв. — *Лев* VI, прозванный Философом, — византийский император (с 886 по 912 г.) плодовитый писатель, которому принадлежит, между прочим, сборник из семнадцати «оракулов», написанных ямбическими стихами.

19 *«Демон» Сократа...* — Сократ ссылался на внутренний голос, якобы наставлявший его в важнейших вопросах. Этот внутренний голос он называл своим «демоном».

Глава XII
О СТОЙКОСТИ

1 *...они добились победы.* — *Платон.* Лахет, 191 с; Платеи — город в южной Беотии (Греция), близ которого греки нанесли в 479 г. н. э. поражение персам.
2 *Индатирс* (в другом чтении *Идантирс*) — полулегендарный скифский царь VI—V вв. до н. э. (Геродот, IV, 127).
3 *Кулеврина* — старинная длинноствольная пушка небольшого калибра.
4 *Лоренцо Медичи* — Лоренцо II (1492—1519); мать короля — Екатерина Медичи (1519—1589).
5 *...в области, называемой Викариатом...* — Имеются в виду папские владения.
6 *...понапрасну катятся слезы.* — *Вергилий.* Энеида, IV, 449.

Глава XIII
ЦЕРЕМОНИАЛ ПРИ ВСТРЕЧЕ ЦАРСТВУЮЩИХ ОСОБ

1 *Маргарита* Ангулемская или (после того как она вторым браком вышла за короля Наварры) *Наваррская* (1492—1549), сестра короля Франциска I, покровительница писателей, гонимых за религиозное свободомыслие, сама поэтесса, драматург и автор сборника новелл «Гептамерон», метко рисующих нравы знатного общества того времени.

Глава XIV
О ТОМ, ЧТО НАШЕ ВОСПРИЯТИЕ БЛАГА И ЗЛА В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ЗАВИСИТ ОТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, КОТОРОЕ МЫ ИМЕЕМ О НИХ

1 *Людей... мучают не... вещи, а представления... о них.* — Монтень имеет в виду «Руководство» Эпиктета, 5. Это изречение было начертано среди других греческих изречений на потолке библиотеки Монтеня.
2 *О если бы, смерть, ты не отнимала жизни...* — Лукан, IV, 580—581.
3 *..подвиг, посильный и шпанской мушке!* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 40. *Лисимах* — один из наиболее выдающихся военачальников Александра Македонского. Он отличался крайней жестокостью, чем вызвал к себе всеобщую ненависть; убит в 282 г. до н. э.
4 *В царстве Нарсингском...* — По словам Озорио (1506—1580), называемого Монтенем «лучшим латинским историком своего времени», работой которого он пользовался как в латинском оригинале (De gestis regis Emmanuelis), так и во французском переводе Симона Гулара (Histoire de Portugal, contenant les entreprises, navigations et gestes mémorables des Portugallois), царство Нарсингское граничило с португальскими владениями в Индии (Гоа).
5 *...я сам себя и вручу ему.* — Здесь Монтень подражает предисловию Бонавентуры Деперье к его сборнику «Новые забавы и веселые разговоры» (*B. Desperier.* Nouvelles récréations et joyeux devis). Деперье — крупный писатель из кружка Маргариты Наваррской (род. между 1510—1515 гг., ум. в 1544 г.); помимо названного сборника, ему принадлежит еще книга «Кимвал мира», подвергшаяся сожжению за атеистические тенденции и крайнее вольномыслие автора.
6 *Во время наших последних войн за Милан...* — Войны за обладание Миланом велись с 1499 по 1559 г. (договор в Като-Камбрези) французскими королями Людовиком XII, Франциском I и Генрихом II, которые оспаривали северную Италию

у миланских герцогов и германских императоров (последние номинально обладали суверенной властью над этой областью). В конце концов французам пришлось уйти из Италии, а Миланом завладела Испания.

7 *...при осаде Брутом города Ксанфа...* — *Плутарх.* Брут, 31. *Ксанф* — город в Ликии (Малая Азия). Плутарх сообщает, что Бруту удалось спасти лишь 150 человек.

8 *...каждый скорее сменит жизнь на смерть, чем законы своей страны на персидские.* — Таковы были первые слова торжественной клятвы, которую принесли греки перед битвою при Платеях (479 г. до н. э.; Диодор Сицилийский, XI, 29).

9 *...кастильские короли изгнали... евреев...* — Указ об изгнании евреев из Испании был издан королевской четой Фердинандом и Изабеллой в 1492 г. В Португалии в это время царствовал король *Иоанн* (Жоан) II.

10 *...историк нашего времени...* — Имеется в виду епископ Иероним Озорио, португальский историк; Монтень ссылается на упомянутое выше сочинение Озорио (см. прим. 4, с. 370).

11 В издании «Опытов» 1595 г. после этого следует еще фраза: «В городе Кастелонодари пятьдесят еретиков-альбигойцев одновременно с великою твердостью предпочли лучше подвергнуться сожжению на костре, нежели отречься от своих убеждений», альбигойцы — так называли всех еретиков юга Франции (название ведет свое начало от г. Альби). Этих еретиков отлучил от церкви 3-й Латранский собор (1179 г.). С 1209 г. против альбигойцев было предпринято три т. н. «крестовых похода», сопровождавшихся массовым истреблением приверженцев ереси.

12 *...устремлялись навстречу... смерти.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 37.

13 *...один древний писатель...* — *Сенека.* Письма, 70.

14 *Пиррон* (род. ок. 365 г., ум. ок. 275 г. до н. э.), древнегреческий философ, родоначальник античного скептицизма, оказавший значительное влияние на Монтеня.

15 *Аристипп*, философ из Кирены (г. в сев. Африке) (около 434—360 г. до н. э.); св. *Иероним* (около 343—420), перевел Библию на латинский язык. Этот перевод, принятый католической церковью, известен под названием Вульгаты.

16 *Помпей* Великий — римский полководец и политический деятель (106—48 гг. до н. э.), стремившийся. как и Цезарь, к единоличной диктатуре. — *Посидоний* (135—50 гг. до н. э.) — историк, математик и астроном, один из крупнейших пропагандистов эллинистической образованности в Риме, пользовавшийся широкой популярностью среди римских ученых и государственных деятелей.

17 *...весь наш разум окажется ложным.* — Лукреций, IV, 486.

18 *...менее мучительна... смерть, чем ее ожидание.* — Первый стих взят Монтенем из латинской сатиры его друга Этьена де Ла Боэси; второй — из Овидия (Героиды. Послания Ариадны к Тесею, 82).

19 *Смерть — зло лишь в силу того, что за ней следует.* — *Августин.* О граде божием, I, 11.

20 *Доблесть жаждет опасности.* — *Сенека.* О провидении, 4.

21 *...находят.. отраду... в твердости и постоянстве.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, II, 20.

22 *Добродетель тем приятнее, чем...* — Лукан, IX, 404.

23 *Если боль мучительна...* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, II, 29.

24 *...сильные страдания завершаются смертью...* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, I, 15. Эти слова Цицерон приписывает эпикурейцу Торквату.

25 *Платон опасается нашей склонности предаваться... страданию и наслаждению...* — *Платон.* Федон, 65 с.

26 *Они испытывают страдания... настолько, насколько поддаются им.* — *Августин.* О граде божием, I, 10.

27 *...мы... внушили ей наши мнения и... обычаи.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 27.

28 *...тот, который не пожелал прервать чтение... пока его резали?* — *Сенека.* Письма, 78, 18.

[29] *...все изощренные муки... служили к его торжеству.* — Речь идет, по-видимому, о скептике Анаксархе (IV в. до н. э.), последователе Демокрита и наставнике Пиррона; по повелению кипрского тирана Никокреона Анаксарх был истолчен в ступе. См. Диоген Лаэрций, IX, 58—59.

[30] *Кто... получив приказание принять смертельный удар, втягивал в себя шею?* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, II, 17.

[31] *Есть такие, которые стараются... возвратить лицу молодость.* — Тибулл, I, 8, 45—46.

[32] *...наш король...* — Имеется в виду Генрих III, король французский (1574—1589); в 1573 г., когда престол во Франции занимал его брат Карл IX, был избран польским королем в качестве ставленника католической партии Польши и принес присягу на верность определенным статьям, сильно ограничивавшим его власть. Год спустя, когда Карл умер, Генрих III спешно бежал во Францию, чтобы наследовать престол после брата.

[33] *Аспер* — мелкая турецкая монета.

[34] *...сам себе нанесет глубокую рану...* — Одним из важных источников сведений Монтеня о турках была книга видного французского востоковеда середины XVI в. Гильома Постеля (Histoire des Turcs, 1560).

[35] *Мы узнаем от заслуживающего доверия свидетеля...* — Имеется в виду хронист-историограф французского короля Людовика IX Жуанвилль (1224—1317), сопровождавший его в седьмом крестовом походе (1248—1254). См.: *J. de Joinville*. Mémoires ou Histoire et chronique du très chrétien roi saint Louis, t. I. Paris, 1858, с. 54.

[36] *Гильом, герцог* Аквитанский или *Гиеньский* и граф Пуатуский (ум. 1137 г.), оставил все свои земли единственной дочери — Альеноре Аквитанской. В качестве ее приданого они перешли сначала к первому ее мужу, французскому королю Людовику VII, а затем ко второму — английскому королю Генриху II.

[37] *Фульк, граф Анжуйский...* — Монтень имеет в виду Фулька III, по прозванию Черный (972—1040), своими захватами значительно расширившего владения анжуйского дома. Типичный феодал-хищник, Фульк III ради округления своих владений не брезговал никакими средствами и известен был жестокими злодеяниями и вероломством. Для искупления своих «прегрешений» Фульк III совершил паломничество в Иерусалим.

[38] *...огорчение существует не само по себе, но в нашем представлении.* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, III, 28.

[39] *Терес* — царь фракийцев (Диодор Сицилийский, XII, 50).

[40] *Дикое племя, которое не может представить себе жизнь без оружия.* — Тит Ливий, XXXIV, 17.

[41] *Кардинал* Карло *Борромео* — миланский архиепископ (1538—1584).

[42] *...тот, кто сам лишил себя зрения.* — Имеется в виду Демокрит. Предание о том, что Демокрит сам ослепил себя, недостоверно.

[43] *Фалес* (конец VII—начало VI в. до н. э.) — выдающийся древнегреческий ученый и философ; родоначальник греческой материалистической философии (Диоген Лаэрций, I, 26).

[44] *Некто... выбросил все свои деньги... в море...* — Имя этого человека — Аристипп (Диоген Лаэрций, II, 77; *Гораций*. Сатиры, II, 3, 100).

[45] *Эпикур* (341—270 гг. до н. э.) — выдающийся древнегреческий философ-материалист. Его высказывания см. *Сенека*. Письма, 17, 7.

[46] *Через столько бурных морей.* — Катулл, IV, 18.

[47] *Судьба — стекло: блестя — разбивается.* — *Публилий Сир*. Изречения.

[48] *Каждый — кузнец своей судьбы.* — *Саллюстий*. Второе письмо к Цезарю, I.

[49] *Испытывать нужду при богатстве — род нищеты...* — *Сенека*. Письма, 74, 4.

[50] *Бион* — древнегреческий философ (325—255 гг. до н. э.). До нас дошли некоторые его изречения, свидетельствующие о его остроумии. Приведенное в тексте изречение см.: *Сенека*, О душевном покое, 8.

[51] *...богатство... вовсе не слепо.. оно... прозорливо...* — *Платон*. Законы, I, 631 c.

[52] ...*Дионисий приказал возвратить ему... часть сокровищ...* — У Плутарха в «Изречениях» этот анекдот рассказывается применительно к Дионисию-отцу.
[53] *Не быть жадным — уже... богатство...* — *Цицерон.* Парадоксы, VI, 3.
[54] ...*признак обилия — довольство.* — *Цицерон.* Парадоксы, VI, 2.
[55] *Вот пример, которому я последовал бы...* — *Ксенофонт.* Киропедия, VIII, 3.
[56] *Дело в том, чтобы научиться владеть собою.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 22.

Глава XV

ЗА БЕССМЫСЛЕННОЕ УПРЯМСТВО В ОТСТАИВАНИИ КРЕПОСТИ НЕСУТ НАКАЗАНИЕ

[1] ...*при осаде Павии..* — Осада Павии французскими войсками и последовавший за этим разгром их относятся к 1525 г.; *Коннетабль* в старой Франции — главнокомандующий всеми вооруженными силами во время войны; в мирное время первый советник короля. Это звание было уничтожено в 1627 г.
[2] ... *замок Виллано был ... захвачен...* — Это произошло в 1536 г. *Дофин* Франциск — старший сын Франциска I (ум. 1536 г.).
[3] *Мартен Дю Белле* (ум 1559) — военачальник, брат кардинала Жана Дю Белле. Он оставил после себя мемуары, служащие продолжением мемуаров другого его брата — Гийома, политического деятеля, историка и памфлетиста. Монтень постоянно обращается к мемуарам братьев Дю Белле.

Глава XVI

О НАКАЗАНИИ ЗА ТРУСОСТЬ

[1] *Булонь* была сдана де Верверном королю английскому Генриху VIII в 1544 г.
[2] *Харонд* — законодатель греческих колоний в Сицилии и Калабрии (VII в. до н. э.).
[3] ...*чем чтобы она была им пролита.* — *Тертуллиан.* Апологетика, IV.
[4] ...*были.. преданы смерти.* . — Аммиан Марцеллин, XXIV, 4 и XXV, 1,

Глава XVII

ОБ ОБРАЗЕ ДЕЙСТВИЙ НЕКОТОРЫХ ПОСЛОВ

[1] *Пусть кормчий рассуждает лишь о ветрах...* — Проперций, II, 1, 43—44. В итальянском переводе Стефана Гуаццо.
[2] *Архидам III* (361—338 гг. до н. э.) — спартанский царь, сын Агесилая II, искусный полководец.
[3] ...*Цезарь... описывает... свои изобретения...* — См., например, описание моста через Рейн: *Цезарь.* Записки о галльской войне, IV, 17.
[4] *Ленивый вол хочет ходить под седлом...* — *Гораций.* Послания, I, 14, 43.
[5] *Де Ланже* — Гийом Дю Белле. «История» — его мемуары (см. прим. 3, гл. XV).
[6] *Публий* Лициний Муциан *Красс* (консул 131 г. до н. э.) — римский политический деятель и юрист, рьяный сторонник аграрной реформы Тиберия Гракха.

Глава XVIII
О СТРАХЕ

1 *...волосы... встали дыбом, и голос замер...* — *Вергилий.* Энеида, II, 774.
2 *...принимали... крест белого цвета за красный.* — На знаменах французских королевских войск времен Монтеня был изображен белый крест; на многих знаменах испанцев — красный, эмблема могущественных рыцарских орденов Испании: ордена Калатравы и ордена Сант-Яго.
3 *...когда принц Бурбонский брал Рим...* — Взятие в 1527 г. Рима войсками Карла V под командованием перешедшего к нему на службу принца Бурбонского сопровождалось необычайными жестокостями и полным разграблением города.
4 *Германик* — римский полководец, племянник императора Тиберия (ок. 16 г. до н. э.— 19 г. н. э.).
5 *Феофил* — византийский император (829—842). — *Агаряне* — библейское наименование аравитян, т. е. арабов.
6 *...страх заставляет трепетать даже перед тем, что могло бы оказать помощь.* — Квинт Курций, III, 11.
7 *Смятение и неистовства продолжались...* — Случай, о котором рассказывает Монтень, произошел в Карфагене в IV в. до н. э. Обстановка в городе была крайне напряженной. Свирепствовала моровая язва, уносившая ежедневно тысячи жизней. Ходили зловещие слухи о приближении сардинских кораблей и об африканцах, несметными толпами подступающих к Карфагену. Источник Монтеня: Диодор Сицилийский, XV, 24.

Глава XIX
О ТОМ, ЧТО НЕЛЬЗЯ СУДИТЬ, СЧАСТЛИВ ЛИ КТО-НИБУДЬ, ПОКА ОН НЕ УМЕР

1 *...никого нельзя назвать счастливым до его кончины...* — *Овидий.* Метаморфозы, III, 135 сл.
2 *Агесилай.* — См. прим. 13, с. 365.
3 *...вот чего стоило... Помпею продление его жизни.* — Монтень имеет в виду тяжелое положение, в котором оказался Помпей, когда он, разбитый Цезарем при Фарсале (48 г. до н. э.), отправился на восток искать помощи египетского царя. Царедворцы малолетнего египетского царя убили беглеца и передали прибывшему через несколько дней Цезарю его голову и перстень (*Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 35).
4 *...Лодовико Сфорца* (1452—1508), выданный швейцарцами королю Франциску I, последние семь лет своей жизни провел в заключении (по Монтеню десять лет).
5 *...разве не погибла от руки палача прекраснейшая из королев...* — имеется в виду Мария Стюарт (1542—1587) королева шотландская и вдова французского короля Франциска II.
6 *Так некая скрытая сила рушит человеческие дела...* — Лукреций. V, 1233 сл. *Фасции* — пучки прутьев, эмблема власти в древнем Риме.
7 *Лаберий* (Децим Юний) — римский всадник, автор мимов. Цезарь заставил его выступить на сцене в одном из мимов его сочинения. Макробий цитирует пролог того мима, в котором Лаберию пришлось играть перед Цезарем. В этом прологе Лаберий скорбит о своем унижении, так как лицедейство считалось позором для римского всадника.
8 *...на... день прожил я дольше, чем... следовало...* — *Макробий.* Сатурналии, II, 7, 3, 14—15.
9 *...только тогда... из глубины души вырываются искренние слова...* — Лукреций, III, 57—58.

10 *...один древний автор...* — Сенека, см.: Письма, 26 и 102.

11 Публий Корнелий *Сципион* Назика, как рассказывает Сенека (Письма, 24), после битвы при Фарсале (48 г. до н. э.) лишил себя жизни. Корабль, на котором он находился, подвергся нападению цезарианцев; видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, Сципион пронзил себя мечом. Когда подбежавшие к нему вражеские воины спросили его: «Где же военачальник?», он, умирая, ответил: «Военачальник чувствует себя превосходно».

12 *Эпаминонд* (см. прим. 6, с. 363), смертельно раненный в сражении под Мантинеей, как передают античные писатели, умирая, сказал: «Я прожил достаточно, так как умираю, не быв побежденным»; *Хабрий* — афинский военачальник, успешно сражавшийся с Агесилаем и Эпаминондом, убит в сражении (357 г. до н. э.); *Ификрат* — выдающийся афинский полководец (415—353 гг. до н. э.).

13 *Своей гибелью он приобрел больше могущества... чем мечтал... при жизни.* — Неясно, чью смерть имеет здесь в виду Монтень. Полагают, что речь идет либо о герцоге Лотарингском Генрихе Гизе, убитом по приказу короля Генриха III в 1588 г. в Блуа, либо о друге Монтеня Этьене Ла Боэси, при смерти которого он присутствовал в 1563 г.

Глава XX

О ТОМ, ЧТО ФИЛОСОФСТВОВАТЬ — ЭТО ЗНАЧИТ УЧИТЬСЯ УМИРАТЬ

1 *...философствовать — это... приуготовлять себя к смерти.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 30.

2 *...жить в свое удовольствие...* — См. Екклезиаст, III, 12.

3 *...оставим эти мелкие ухищрения.* — *Сенека.* Письма, 117, 30.

4 *...Ксенофил, умерший в возрасте ста шести лет... Валерий Максим,* VIII, 13, 3. Здесь у Монтеня неточность: Ксенофил — философ, а музыкант — Аристоксен.

5 *...нас для вечной погибели обречет...* — *Гораций.* Оды, II, 3, 25 сл.

6 *Она всегда угрожает, словно скала Тантала.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, I, 18.

7 *...пение птиц и игра на кифаре не возвратят ему сна.* — *Гораций.* Оды, III, 1, 18 сл.

8 *Он... мучим мыслями о грядущих бедствиях.* — *Клавдиан.* Против Руфина, II, 137—138.

9 *Он задумал идти, вывернув голову назад.* — Лукреций, IV, 472.

10 *...слог, обозначавший на языке римлян «смерть»...* — По-латыни смерть — mors.

11 *...по нашему нынешнему летосчислению...* — Карл IX ордонансом 1563 г. повелел считать началом года 1 января. Раньше год начинался с пасхи.

12 *...памятуя о Мафусаиле...* — Согласно библейской легенде, патриарх Мафусаил прожил 969 лет.

13 *Человек не в состоянии предусмотреть, чего ему должно избегать...* — *Гораций.* Оды, II, 13, 13—14.

14 *...кто мог... подумать, что герцог Бретонский будет раздавлен в толпе...* — Монтень имеет в виду герцога Бретонского Жана II, погибшего в 1305 г. *Климент V* до своего избрания папой был архиепископом бордоским; вот почему Монтень называет его *своим соседом.*

15 *...один из королей наших был убит... в общей забаве...* — Так окончил жизнь Генрих II, смертельно раненный в 1559 г. на турнире, который был устроен по случаю свадьбы его дочери.

16 *...скончался раненный вепрем.* — Филипп IV Красивый, гонитель тамплиеров, погиб на охоте в 1131 г.

17 *...умер, подавившись виноградной косточкой...* — По преданию, так умер древнегреческий лирик Анакреонт (VI в. до н. э.).

18 *...лишь бы мои недостатки развлекали меня...* — *Гораций.* Послания, II, 2, 126 сл.

[19] ...*она преследует и беглеца-мужа и не щадит... спины... юноши.* — *Гораций.* Оды. III, 2, 14 сл.
[20] ...*смерть... извлечет из доспехов его... голову.* — Проперций, III, 18, 25—26.
[21] *Считай всякий день... последним...* — *Гораций.* Послания I, 4, 13—14.
[22] *Когда мой цветущий возраст переживал... весну.* — Катулл, LXVIII, 16.
[23] ...*никогда уже нельзя будет призвать его назад* — Лукреций, III, 915.
[24] ...*всякий... не уверен в завтрашнем дне.* — *Сенека.* Письма. 91, 16.
[25] *К чему нам в быстротечной жизни... домогаться... многого?* — *Гораций.* Оды, II, 16, 17.
[26] *Один горестный день отнял у меня все дары жизни.* — Лукреций. III, 898—899.
[27] *Работы остаются незавершенными...* — *Вергилий.* Энеида, IV, 88 сл. Цитируется неточно. У Вергилия вместо manent — pendent.
[28] *Я хочу, чтобы смерть застигла меня посреди трудов.* — *Овидий.* Любовные стихотворения, II, 10, 36.
[29] ...*нет у тебя больше и стремления ко всему этому...* — Лукреций, III, 900—901.
[30] ...*поливая.. кровью пиршественные столы.* — *Силий Италик.* Пунические войны, XI, 51 сл.
[31] *Дикеарх* — древнегреческий философ, отрицавший существование души и утверждавший, что она только тело, находящееся «в определенном состоянии» (IV в. до н. э.).
[32] ...*малая толика жизни оставлена старцам.* — *Максимиан* Элегия, I, 16.
[33] *Ничто не в силах поколебать стойкость его души...* — *Гораций.* Оды, III, 3, 3 сл.
[34] *Ибо со смертью — конец всему.* — *Гораций.* Послания, I, 16, 76 сл.
[35] ...*Тридцать тиранов осудили тебя на смерть...* — Здесь у Монтеня неточность: Сократа приговорили к смерти не Тридцать тиранов (404 г. до н. э.), а афинский суд присяжных в 399 г. до н. э. Приводимый рассказ см.: Диоген Лаэрций, II, 35.
[36] ...*то же и с нашим веком, если мы сравним его с вечностью...* — Эта мысль Монтеня чрезвычайно важна: она доказывает, что вразрез с католическим вероучением Монтень отрицает бессмертие души (Монтень повторяет эту мысль и в других местах своих «Опытов»). Следует отметить, что во всей этой главе, как и в предыдущей, где Монтень рассматривает вопрос о смерти с самых разных точек зрения, он нигде, однако, не упоминает о соблюдении при этом католического ритуала.
[37] *Смертные перенимают жизнь одни у других...* — Лукреций, II, 76, 79.
[38] ...*час, давший нам жизнь, укоротил ее.* — *Сенека.* Неистовый Геркулес, 874.
[39] ...*конец обусловлен началом.* — *Манилий.* Астрономика, IV, 16.
[40] *Почему... ты не уходишь из жизни, как пресыщенный сотрапезник?* — Лукреций, III, 938.
[41] *Почему... ты стремишься продлить то, что погибнет...* — Лукреций, III, 941—942.
[42] ...*то, что видели наши отцы ..* — *Манилий.* Астрономика, I, 522—523.
[43] Здесь Монтень соединил два стиха — один из Лукреция, другой из Вергилия: 1) «Мы вращаемся и пребываем всегда среди одного и того же» (Лукреций, III, 1080); 2) «И к себе по своим же следам возвращается год» (*Вергилий.* Георгики, II, 402).
[44] ..*нет ничего такого, что тебе бы не понравилось...* — Лукреций, III, 944—945.
[45] ...*все равно тебе предстоит вечная смерть.* — Лукреций, III, 1090—1091.
[46] ...*после истинной смерти не будет второго тебя...* — Лукреций, III, 885 сл.
[47] ...*и... у нас нет больше печали о себе.* — Лукреций, III, 919. 922.
[48] *Нужно считать, что смерть... нечто... меньшее..* — Лукреций, III, 926—927.
[49] ...*вечность минувших времен для нас совершеннейшее ничто.* — Лукреций, III, 972—973.
[50] ...*и... все последуют за тобой.* — Лукреций, III, 968.
[51] *Не было ни одной ночи, сменившей собою день, ни одной зари, сменившей ночь...* — Лукреций, II, 578 сл.

[52] *Кентавр Хирон*, воспитавший Геркулеса и позднее Ахилла, был сыном Крона и нимфы Филлиры. Раненный отравленной стрелой, он стал молить богов о ниспослании ему смерти; тогда Зевс сжалился над ним и переселил его на небо; так возникло созвездие Стрельца (греко-римск. мифол.).

Глава XXI
О СИЛЕ НАШЕГО ВООБРАЖЕНИЯ

[1] ...*стал безумным от мудрости*. — Монтень не вполне точно передает рассказ Сенеки Старшего (Контроверзы, II, 9, 26), сообщающего, что Вибий Галл стал безумным воспроизводя с чрезмерным рвением все движения умалишенных.

[2] ...*марают свои одежды*. — Лукреций, IV, 1035—1036.

[3] ...*все же происшедшее с Циппом... примечательно*... — Согласно Валерию Максиму (V, 6), Ципп был не «царем италийским», а римским претором. Плиний Старший (Естественная история, XI, 45) считает этот рассказ басней.

[4] *Страсть одарила одного из сыновей Креза голосом*... — По словам Геродота, сын Креза был немым от рождения и заговорил под влиянием страха (Геродот, I, 85).

[5] ...*Антиох... потрясенный красотой Стратоники*... — Речь идет об *Антиохе* Сотере (Спасителе), сыне сирийского царя Селевка Никатора (Победителя). *Стратоника* — мачеха Антиоха (IV—III вв. до н. э.).

[6] Джовиано *Понтано* (1426—1503) — ученый филолог, поэт и историк; основатель Неаполитанской академии; помимо ученых трудов, оставил после себя много стихов.

[7] ...*выполнил... обеты, которые были даны им... когда он был девушкой*... — *Овидий*. Метаморфозы, IX, 794.

[8] *Дагобер* — франкский (во Франции) король из династии Меровингов (ум. в 638 г.); о нем сложилось немало баснословных преданий. — *Франциск* Ассизский (1182—1226) — итальянский религиозный деятель и писатель, основатель бродячего монашеского ордена францисканцев. По преданию, у фанатически религиозного Франциска от глубоких размышлений о страданиях Христа появились рубцы или раны («стигматы») на ладонях и ступнях.

[9] *Цельс* — знаменитый римский врач I в. н. э., автор медицинского трактата, по большей части не дошедшего до нас.

[10] ...*у него не было пульса*. — *Августин*. О граде божием, XIV, 24.

[11] *Жак Пеллетье* (1517—1582) — писатель, врач и математик; был связан с виднейшими французскими учеными и писателями своего времени. Приятель Монтеня, Пеллетье в 1572—1579 гг. жил в Бордо и часто бывал в замке Монтень, где между автором «Опытов» и Пеллетье происходили оживленные споры на философские темы.

[12] *Амасис* — царь XXVI египетской династии. Упомянутый в тексте случай рассказан у Геродота (II, 181).

[13] ...*оставляет свою золотуху у нас*... — Намек на «чудотворные» способности французских королей. Насаждая в народе суеверия, французские короли и поддерживавшая их католическая церковь внушали веру в то, что прикосновение королевских рук излечивает от разных болезней, в частности от золотухи. Вплоть до XVII в. (и даже позже) в определенные дни ко двору короля стекались сотни, а иногда и тысячи больных этой болезнью. Обходя их в сопровождении духовенства и налагая на их головы руку, король исцелял золотушных. Особенно много больных прибывало на эту церемонию из Испании.

[14] ...*приносит телам вред, передавая заразу*. — *Овидий*. Лекарства от любви, 615.

[15] *Чей-то глаз порчу навел на моих ягняток*. — *Вергилий*. Эклоги, III, 103.

[16] ...*доказательство — овны Иакова* .. — Библия. Бытие, XXX, 37—39.

[17] *Некоторые уговаривают меня описать события моего времени*... — Это сообщение Монтеня подтверждается другими источниками. Из мемуаров и работ современников Монтеня известно, что ему неоднократно делались подобного рода предложения, ибо

современники Монтеня ценили его уменье разбираться в происходящих событиях, о которых он всегда был хорошо осведомлен благодаря близости с виднейшими политическими деятелями того времени, и уважали его независимые суждения. Одно из таких свидетельств принадлежит известному французскому историку XVI в. де Ту (de Thou), который в своей «Истории» (Historia mei temporis. Базель, 1742, XI, 44) сообщает, что во время своего пребывания в Бордо в 1582 г. он с большой пользой для себя осведомлялся у Монтеня о положении дел в Гиени.

18 Гай *Саллюстий* Крисп — знаменитый римский историк (ок. 86—35 г. до н. э.), автор «Заговора Катилины» и «Войны с Югуртой».

19 *...рассуждения... подлежали бы наказанию.* — Монтень весьма прозрачно намекает здесь на то, что он не может свободно выражать мысли и вынужден высказывать свои взгляды и суждения намеками, чтобы на него не обрушились преследования со стороны властей предержащих. Такие же признания встречаются и в других главах «Опытов».

Глава XXII
ВЫГОДА ОДНОГО — УЩЕРБ ДЛЯ ДРУГОГО

1 *Дамад* (ум. в 318 г. до н. э.) — афинский государственный деятель, оратор и дипломат. Упомянутый в тексте случай см.: *Сенека.* О благодеяниях, VI, 38.

2 *...оказывается смертью того, что было прежде.* — Лукреций, II, 753—754 и III, 519—520.

Глава XXIII
О ПРИВЫЧКЕ, А ТАКЖЕ О ТОМ, ЧТО НЕ ПОДОБАЕТ БЕЗ ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ МЕНЯТЬ УКОРЕНИВШИЕСЯ ЗАКОНЫ

1 *...придумал сказку о... женщине...* — Монтень имеет в виду Квинтилиана (Обучение оратора, I, 9).

2 *Наилучший наставник во всем — привычка.* — *Плиний Старший.* Естественная история, XXVI, 6.

3 *...вспоминаю пещеру Платона в его «Государстве»...* — Монтень имеет в виду широко известное место в «Государстве» (VII, 514 а—517 b). По утверждению Платона, мир чувственных вещей не есть мир подлинно сущего. Представьте себе, — развивает свою мысль Платон, — людей, со дня их рождения заключенных в пещере, закованных и обращенных лицом к стене, противоположной выходу из пещеры. Они никогда не видели действительного мира и не имели дела с действительными, реальными предметами. Мимо отверстия пещеры люди проносят в корзинах различные предметы. Эти предметы отражаются на стене, лицом к которой обращены узники. Последние всю жизнь видят лишь тени предметов, проносимых мимо отверстия пещеры. Подобно этим узникам, утверждает Платон, люди принимают тени, т. е. мир вещей, за истинное и не видят идей, являющихся подлинными источниками происхождения видимых предметов.

4 *...приучил свой желудок питаться ядом...* — Монтень имеет в виду рассказ Плиния о том, что понтийский царь Митридат Евпатор (ок. 131—63 гг. до н. э.), стараясь закалить себя, приучался к яду (*Плиний.* Естественная история, II, XXV, 3).

5 *Альберт* из Больштедта, прозванный «Великим», — доминиканский монах, теолог и алхимик (1207—1280). В его сочинениях можно обнаружить некоторые зачатки научного естествознания.

6 *Новой Индией* Монтень называет «Новый Свет», т. е. Америку.

7 *Велика сила привычки...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 17.

8 *Ave, Maria* (Радуйся, Дева) — начало католической молитвы, мелодию которой обычно вызванивали по вечерам куранты.

9 *Привычка... не безделица.* — Об этом рассказывает Диоген Лаэрций, III, 38.

10 *Дубль* — старинная мелкая монета; *дублон* — золотая монета.

11 *...искать... истины в душах, порабощенных обычаем?* — *Цицерон.* О природе богов, I, 30.

12 *...не смотреть на того, кому хочешь засвидетельствовать почтение.* — Почти все приводимые ниже примеры заимствованы Монтенем из книги Лопеса де Гомара «Общая история Индий» (Французский перевод: *L. Gomara.* Histoire généiale des Indes. 1586).

13 *...Пиндар... назвал его «царем и повелителем мира»...* — Пиндар (ок. 518—442 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт; приводимыми Монтенем словами Пиндар характеризует закон, Геродот же распространил эту характеристику на обычай, см.: Геродот, III, 38.

14 *...поедают уголь и землю...* — *Аристотель.* Никомахова этика, VII, 5.

15 *...возненавидеть порабощение.* — В экземпляре «Опытов» 1595 г. перед абзацем, начинающимся словами «Дарий как-то спросил...», имеется следующая вставка: «В силу обычая всякий любит страну, где ему природой суждено жить: так, уроженцы Шотландии равнодушны к Турени, скифы — к Фессалии». Идея о естественной любви всякого человека к своей родине — одна из излюбленных мыслей Монтеня, к которой он неоднократно возвращается.

16 *Нет ничего... на что... не начинают смотреть с меньшим изумлением.* — Лукреций, II, 1028 сл.

17 *...закрепляют... в... детском мозгу... предостережение.* — *Платон.* Законы, VIII, 838 с. — Фиест, сын Пелопса, брат Атрея, соблазнил жену последнего. Миф рассказывает далее о мести Атрея, который накормил Фиеста кушаньями, приготовленными из мяса его собственных детей. — *Эдип* — царь Фив, с именем которого связан целый цикл легенд древнегреческой мифологии. Исходным пунктом их является сказание об Эдипе, который убил своего отца и женился на своей матери. — *Макарей*, или Макар, — сын Эола, брат Канаки, с которою он вступил в кровосмесительную связь. По одной версии мифа и он и Канака умертвили себя, по другой — Канака была убита отцом.

18 *Хрисипп* — см. прим. 10, с. 367, гл. VI.

19 *...народ должен подчиняться законам, которые... опубликованы не на его языке...* — В XVI в. в большинстве европейских стран действовали законы, текст которых существовал лишь на латинском языке.

20 *...сделать... разорительными... ссоры и распри...* — Исократ (436—338 гг. до н. э.) — выдающийся древнегреческий публицист и оратор, автор многочисленных речей и памфлетов. Монтень имеет в виду его «Слово к Никоклу», 18, посвященное вопросу об обязанностях подданных.

21 *...был... дворянин из Гаскони, мой земляк.* — Рассказ об упоминаемом в тексте гасконском дворянине встречается в «Истории Франции» Паоло Эмилио (или Эмили), итальянского историка из Вероны (ум. в 1529 г. в Париже), которого Карл VIII пригласил во Францию в качестве королевского историографа. Преемник Карла VIII, Людовик XII, предложил ему написать «Историю Франции». В 1516 г. Эмилио опубликовал первые четыре книги «De rebus gestis Francorum», а в 1519 г. еще две книги; умер он, не успев закончить свой труд, завершенный другим лицом. «История» Эмилио, пронизанная преклонением перед всем итальянским, пестрит множеством несообразностей, ошибок, вымышленных речей на манер Тита Ливия. Монтень неоднократно пользовался этим трудом как источником.

22 *...на основании... обычая судебные должности продаются...* — Такой порядок замещения судебных должностей во Франции установился с 1526 г. Его ввел канцлер Франциска I кардинал Антуан Дюпра (1463—1535). Эти высказывания Монтеня были в дальнейшем восприняты Монтескье, который критикует этот обычай в «Персидских письмах» (письмо 91).

23 *Прекрасно повиноваться законам своей страны.* — Кого из античных авторов цитирует здесь Монтень, не установлено, однако это изречение часто встречается во французских собраниях афоризмов XVI в.

24 *...выходил... с веревкой на шее... чтобы .. быть удавленным...* — Диодор Сицилийский, XII, 17. Законодателя этого звали Харонд; см. прим. 2, с. 373, гл. XVI.

25 *...законодатель лакедемонян...* — Монтень имеет в виду легендарного законодателя Спарты — Ликурга.

26 *Фринис* с острова Митилены (род. ок. 480 г. до н. э.) прибавил еще две струны к кифаре, у которой до того было семь струн.

27 *...древний заржавленный меч правосудия...* — Меч этот хранился в Марселе со времени основания города как символ нерушимости древних обычаев.

28 *...корень... бедствий и ужасов...* — Монтень имеет в виду гражданские войны, которые велись во Франции под флагом религиозных разногласий с 1562 г., неся стране ужасающее разорение, и закончились лишь после смерти Монтеня, в 1594 г.

29 *...я страдаю от ран, нанесенных моим собственным оружием.* — *Овидий.* Героиды, II, 48.

30 *Все виды новейших бесчинств...* — Намек на зверства феодалов-католиков, которые во время гражданских войн второй половины XVI в. во Франции, так же как и гугеноты, восставали против королевской власти.

31 *...о чем говорит Фукидид...* — Фукидид, III, 52; цитируется Монтенем по Плутарху: Как отличить друга от льстеца, 12.

32 *Предлог благовиден.* — *Теренций.* Девушка с Андроса, 141.

33 *Нельзя одобрить отклонение от старины* — Тит Ливий, XXXIV, 54.

34 *...и для здравого смысла?* — Последних двух фраз, начинающихся словами *И не просчитается ли тот...* нет в бордоском экземпляре «Опытов». Они написаны почерком мадемуазель де Гурне.

35 *...чтобы не подверглись осквернению их святыни.* — Тит Ливий, X, 6.

36 *...древность, засвидетельствованная... памятниками?* — *Цицерон.* О гадании, I, 40.

37 *...недобор ближе к умеренности, чем перебор.* — *Исократ.* Слово к Никоклу, 33.

38 *Когда дело касается религии, я следую за... верховными жрецами...* — *Цицерон.* О природе богов, III, 2. Гай Аврелий *Котта* — римский консул 75 г. до н. э. Цицерон выводит его в своем сочинении «Об ораторе».

39 *Доверие, оказываемое вероломному, дает ему возможность вредить.* — *Сенека.* Эдип, 686.

40 *...иной раз... благоразумнее опустить голову и стерпеть удар...* — На последних двух страницах этой главы Монтень ясно высказывается за то, что королевской власти необходимо пойти навстречу требованиям гугенотов и положить конец гражданской войне.

41 *...тот, кто... урезал... календарь на один день...* — Монтень имеет в виду спартанского царя Агесилая II, который после поражения при Левктрах (371 г. до н. э.) повелел на сутки приостановить действие законов, согласно которым бежавшие с сражения ограничивались в правах и подвергались всеобщему поношению. Все это имело целью амнистировать и вернуть в строй большое количество беглецов (*Плутарх.* Жизнеописание Агесилая, 30).

42 *...кто превратил июнь во второй май.* — Здесь Монтень имеет в виду Александра Македонского. Накануне падения Тира (332 г. до н. э.), осада которого длилась 7 месяцев, один из прорицателей Александра, Аристандр, заявил, что Тир падет до конца месяца. Так как это был последний день месяца, все встретили слова Аристандра громким смехом. Тогда Александр приказал считать этот день не 30-м числом, а 28-м. В тот же день Тир был взят, наконец, штурмом. Источник Монтеня: *Плутарх.* Жизнеописание Александра, 25.

43 *Лисандр* (ум. 395 г. до н. э.) — спартанский полководец и политический деятель.

[44] *Перикл* (494—429 гг. до н. э.) — прославленный греческий государственный деятель и полководец.

[45] *Филопемен* из Мегалополя (ок. 253—182 гг. до н. э.) — полководец и политический деятель последнего периода греческой независимости.

Глава XXIV
ПРИ ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ НАМЕРЕНИЯХ ВОСПОСЛЕДОВАТЬ МОЖЕТ РАЗНОЕ

[1] *Жак Амио* (1513—1593) — филолог; перевел на французский язык все сочинения Плутарха, роман Лонга «Дафнис и Хлоя» и многие другие античные произведения. Особенно знаменит его перевод (по тому времени весьма высокого качества) «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (1559 г.). Оценку, данную Амио Монтенем, см. кн. II, гл. IV «О любознательности».

[2] *...нашего принца...* — герцог Франсуа Гиз (1519—1563), лотарингец по происхождению (Лотарингия была самостоятельным герцогством до 1766 г.), один из выдающихся полководцев Франции; во время гражданских войн второй половины XVI в. Франсуа Гиз был вождем католической партии (см. также прим. 3, с. 363, гл. II).

[3] *...начались... смуты...* — начало гражданских войн второй половины XVI в. *Осада Руана* происходила в 1562 г. В городе засели кальвинисты; руководил осадой упомянутый Франсуа Гиз, который и захватил этот город.

[4] *...королева-мать...* — Екатерина Медичи (см. прим. 4, с. 370, гл. XII).

[5] *Коссы* (или Корнелии) и *Сервилии* — два прославленных римских рода.

[6] *...попался... в... сети предательства...* — См. прим. 3, с. 363, гл. II.

[7] *Дион* (IV в. до н. э) — знатный сиракузянин, стоявший во главе аристократической партии, стремившейся после изгнания тирана Дионисия Младшего к власти и боровшейся с демократическими кругами. В ходе этой борьбы Дион был убит своим мнимым другом и единомышленником *Каллиппом*.

[8] *Доверие... вызывает ответную честность.* — Тит Ливий. XXII, 22.

[9] *Самый недоверчивый из наших монархов... уладил свои дела...* — Речь идет о свидании французского короля Людовика XI с Карлом Смелым, герцогом Бургундским, в Перонне в 1468 г.; Людовик XI при этом рисковал быть захваченным своим давнишним врагом Карлом Смелым.

[10] *Цезарь противопоставил... легионам лишь... гордость речей...* — Речь идет о восстании 47 г. до н. э., поднятом X легионом и распространившимся затем среди войск, расположенных в Кампании.

[11] *Он... заставил бояться, не боясь ничего...* — Лукан, V, 316 сл.

[12] *...он был безжалостно убит.* — Тристан де Монен (Moneins), губернатор Гиени, был убит во время народного восстания в Бордо в 1548 г., направленного против ненавистного народу налога на соль («габель»).

[13] *...обсуждался вопрос об устройстве ...смотра... отрядов...* — Дело происходило в 1585 г., когда Монтень был мэром Бордо. Монтень здесь противопоставляет свое поведение недостаточно решительному поведению Монена. Несмотря на имевшиеся у властей сведения о том, что один из разжалованных военачальников, приверженец Католической Лиги, приурочил к этому параду возмущение войска, Монтень, которому поручено было провести смотр, решил оказать полнейшее доверие солдатам и офицерам и своей искусной тактикой предотвратил готовившееся выступление.

[14] *Герцог Афинский* — французский рыцарь Готье де Бриенн (XIV в.), один из предков которого, Жан де Бриенн, был королем Иерусалимским и Константинопольским. Герцогство Афинское, которым владел род Бриеннов, было создано в результате крестовых походов в начале XIII в. В 1342 г. Готье де Бриенн стал герцогом (тираном) Флоренции, откуда через год был изгнан восставшими горожанами.

Глава XXV
О ПЕДАНТИЗМЕ

[1] *...в итальянских комедиях педанты...* — Во время Монтеня слово «*педант*» в большинстве европейских языков означало — учитель, преподаватель. «Педант» был одним из персонажей итальянской комедии дель арте. *Магистр* (как и происходящее от него франц. maître — мэтр) также значит — учитель.

[2] Жоашен *Дю Белле* (1522—1560) — выдающийся поэт, возглавлявший вместе с Ронсаром новое направление во французской поэзии (группа «Плеяды»). Приводимый Монтенем стих взят из одного сонета Дю Белле, включенного в сборник «Сожаления» («Regrets»).

[3] *...слова «грек» и «ритор» были... бранными...* — *Плутарх.* Жизнеописание Цицерона, 5.

[4] *Magis magnos clericos...* — Эти слова на пародийно искаженной латыни (чем подчеркивается ничтожество тогдашнего школьного обучения) произносит в романе Рабле брат Жан (Гаргантюа, гл. 39). Передать их по-русски можно примерно так: более великие ученые — еще не значит более великие мудрецы, т. е. от большой школьной учености человек еще не делается умным.

[5] *Арпан* — земельная мера, приблизительно, от $1/3$ до $1/2$ га.

[6] *Что до философов. . заносчивым и надменным.* — Весь этот отрывок — довольно точный пересказ из 24 главы «Теэтета» Платона.

[7] *Я ненавижу людей, не пригодных к делу...* — Пакувий в цитате у Авла Геллия, XIII, 8.

[8] *...сиракузский геометр...* — Архимед (287—212 гг. до н. э.). Благодаря изобретениям Архимеда Сиракузы в течение трех лет успешно сопротивлялись римлянам (214—212 гг. до н. э.). См. *Плутарх.* Жизнеописание Марцелла, 17—18.

[9] *...спросил Кратеса...* — *Кратес* — греческий философ-киник, ученик Диогена (IV в. до н. э.).

[10] *Фалесу... бросили упрек...* — *Фалес* из Милета (конец VII—начало VI в. до н. э.) древнегреческий ученый и мыслитель.

[11] *Анаксагор* (500—428 гг. до н. э.) выдающийся древнегреческий философ, друг Перикла и поэта Еврипида.

[12] *Они научились говорить перед другими...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 36.

[13] *Нужно не разговаривать, а действовать.* — *Сенека.* Письма, 108, 37.

[14] *Ненавижу мудрого, который не мудр для себя* — парафраза стиха Еврипида; *Цицерон.* Письма к друзьям, XIII, 15.

[15] *...нет пользы мудрецу, если он... себе не может помочь.* — *Цицерон.* Об обязанностях, III, 15.

[16] *...купить его легче, чем... овцу.* — *Ювенал.* Сатиры, VIII, 15.

[17] *...мы должны не только копить мудрость, но и извлекать из нее пользу.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, I, 1.

[18] *...но не соблюдающими ее на деле.* — Диоген Лаэрций, VI, 27—28. Монтень здесь не совсем точен: Диоген Лаэрций называет не Дионисия, а философа Диогена.

[19] *...о которых... говорит Платон...* — Менон, 91 а—е.

[20] *...правило, предложенное Протагором...* — *Платон.* Протагор, 328 с; *Протагор* — древнегреческий философ-софист (V в. до н. э.).

[21] *Гален* — знаменитый римский врач, родом грек (131—ок. 200 г. н. э.); оставил много трудов, пользовавшихся широкой известностью. Для средневековой медицины Гален (наряду с Цельсом) — непререкаемый авторитет.

[22] *...остерегайтесь, как бы не стали потешаться над вами за... спиной.* — Персий, I, 61.

[23] *Адриан Турнеб* (1512—1565) — видный французский филолог, которому принадлежит большое количество переводов из древних авторов и комментариев к ним. Оценку, данную Турнебу Монтенем, разделяло большинство его современников.

[24] *Души которых... вылепил... Титан.* — *Ювенал.* Сатиры, XIV, 35.

25 ...*к чему наука, если нет разумения?* — *Стобей*. Антология, III, 25.
26 *Мы учимся не для жизни, а для школы.* — *Сенека*. Письма, 106, 12.
27 ...*было бы лучше совсем не учиться.* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, II, 4.
28 ...*Франциску, герцогу Бретонскому.* — Имеется в виду Франциск I, герцог Бретонский с 1442 по 1450 г.
29 ...*появились люди ученые, нет... хороших людей.* — *Сенека*. Письма, 95, 13.
30 *Из школы Аристиппа выходят распутники, из школы Зенона — брюзги.* — *Цицерон*. О природе богов, III, 31.
31 *Платон говорит...* — В «Алкивиаде I», 121 а—122 b.
32 ...*когда Антипатр потребовал у спартанцев выдачи... детей...* — Антипатр (397—319 гг. до н. э.) — один из крупнейших полководцев и государственных деятелей Македонии.
33 *Выслушав Гиппия...* — Гиппий — софист из Элиды (V в. до н. э.).
34 ...*империя турок, народа, воспитанного... в презрении к наукам.* — Этот пример, а также дальнейшие, приводимые Монтенем в сделанной им позднее вставке, начинающейся с абзаца «Весьма любопытно наблюдать Сократа...» и до конца главы, — несомненно недоказательны. Может создаться впечатление, что Монтень впадает здесь в противоречие с основным положением, доказываемым в этой главе, — о пользе истинной науки в отличие от схоластической лжеучености. Однако такие парадоксы у Монтеня не редкость, особенно, когда речь идет о добавлениях, сделанных долгое время спустя после написания основного текста. В действительности, противоречие это лишь кажущееся: Монтень остается верен своему тезису и здесь, ибо приводимые им примеры относятся к странам и народам, у которых наука находилась в зачаточном состоянии или была «в презрении», как выражается Монтень. Что же касается последнего приведенного Монтенем примера с Италией, относящегося ко времени войн французских феодалов за обладание Италией, то Монтень здесь приводит объяснение, дававшееся приближенными Карла VIII, сам же Монтень прекрасно знал и указывал в другом месте, что очень недолгий и непрочный успех Карла VIII в Италии был вызван противоречием интересов в стане других захватчиков, также зарившихся на Италию.
35 *Тамерлан, или Тимур* (1333—1405) — основатель второй монгольской империи, завоеватель обширнейших территорий в Средней и Малой Азии, Индии, Персии; совершил походы на Оттоманскую империю, Русь; умер во время похода в Китай. Орды Тамерлана производили страшные опустошения, и его имя, наряду с именами Аттилы и Чингисхана, осталось в народной памяти как олицетворение беспредельной жестокости, необузданности, бессмысленного и беспощадного истребления.
36 ...*когда наш король Карл VIII... увидел себя властелином... доброй части Тосканы...* — Речь идет о неаполитанском походе Карла VIII, который в 1495 г. с поразительной легкостью завоевал обширные территории. Впрочем, в том же году под нажимом объединенных сил папы римского, германского императора и венецианцев французам пришлось уйти из Италии.

Глава XXVI

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

1 *Диана де Фуа* — жена Луи де Фуа, графа Гюрсона. Луи де Фуа и два его брата с юных лет были близкими приятелями Монтеня.
2 ...*четырех частей математики...* — арифметики, геометрии, музыки и астрономии.
3 *Данаиды* — дочери Даная; за убийство своих мужей они были осуждены наполнять в Тартаре бездонную бочку (греч. мифол.).
4 *Клеанф* — древнегреческий философ-стоик, ученик Зенона (род. ок. 300 г. до н. э.). Диоген Лаэрций оставил его жизнеописание.

[5] *Аполлодор говорил...* — На основании одного этого упоминания об Аполлодоре нельзя определить, какого Аполлодора Монтень имеет в виду.

[6] *Центон* — произведение, составленное из отрывков, взятых у различных авторов.

[7] *Лелио Капилупи* (1498—1560) — итальянский филолог, составитель центон на разные темы, главным образом из Вергилия. Одну из его центон, посвященную монахам, и имеет в виду Монтень (Cento ex Virgilio de vita monachorum, 1541).

[8] *Юст Липсий* (1547—1606) — голландский филолог и гуманист, знаток римских древностей, издатель многих латинских авторов, в частности Тацита. Был дружен с Монтенем и находился с ним в переписке. Монтень имеет в виду его обширную компиляцию (Politica, sive civilis doctrinae libri VI, 1589), в которой Липсий защищал свободу совести. Эту книгу Липсий прислал Монтеню в дар с посвящением.

[9] *...сохранились произведения графов де Фуа...* — Монтень подразумевает здесь графа Беарнского Гастона III (1331—1391), оставившего после себя славившийся в свое время трактат об охоте под названием «Зерцало Феба».

[10] *Желающим научиться... препятствует авторитет тех, кто учит.* — *Цицерон.* О природе богов, I, 5.

[11] *...пусть... руководствуется примером Платона* — т. е. пусть берет в качестве образца последовательности в преподавании от известного к неизвестному диалоги Платона.

[12] *Они никогда не выходят из-под опеки.* — *Сенека.* Письма, 33.

[13] *Сомнение доставляет мне не меньшее наслаждение, чем знание.* — *Данте.* Ад, XI, 93.

[14] *...пусть... каждый... располагает собою.* — *Сенека.* Письма, 33, 7.

[15] *Эпихарм* — древнегреческий поэт-комедиограф (ум. ок. 450 г. до н. э.).

[16] Церковь *Санта Мария Ротонда* — купольный храм «всех богов», выстроенный Агриппой в Риме в 25 г. до н. э. и впоследствии превращенный в христианскую церковь.

[17] *Пусть он живет... среди невзгод.* — *Гораций.* Оды, III, 2, 5.

[18] *Труд притупляет боль.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 15.

[19] *Можно быть ученым без заносчивости и чванства.* — *Сенека.* Письма, 103, 5.

[20] *Если Сократ и Аристипп и делали что-нибудь вопреки... обычаям, пусть другие не считают, что и им дозволено...* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 41. *Аристипп* (V—IV в. до н. э.) — философ, ученик Сократа.

[21] *...никакая необходимость не принуждает его...* — *Цицерон.* Академические вопросы Первый набросок, II, 3.

[22] *...парусу, направлявшемуся в Италию.* — Проперций, IV, 3, 39—40.

[23] *...по словам Платона...* — Гиппий Больший, 285 с.

[24] Публий Корнелий *Сципион* Африканский — римский военачальник, победитель Ганнибала во 2-ой Пунической войне (218—201 гг. до н. э.). *...Марцелл... принял недостойную... смерть.* — Марк Клавдий Марцелл — римский полководец времен 2-ой Пунической войны; погиб в 208 г. до н. э., попав в засаду.

[25] *...его замечание... дало... Ла Боэси тему и повод к написанию «Добровольного рабства».* — Эта догадка безосновательна. Идея Ла Боэси о том, что достаточно сказать самодержцу-деспоту «нет», т. е. чтобы весь народ отказался ему служить и повиноваться, была итогом долгих размышлений Ла Боэси, а не следствием случайно вычитанной у Плутарха фразы.

[26] *...ты говоришь... не так, как должно.* — *Плутарх.* Изречения лакедемонян, Александрид, 2.

[27] *...для какой жизни мы родились?* — Персий, III, 69 сл.

[28] *...от каких трудностей... уклоняться и какие переносить.* — *Вергилий.* Энеида, III, 459. Цитируется неточно.

[29] *...ограничившись, по совету Сократа, изучением лишь бесспорно полезного.* — Диоген Лаэрций. II, 21.

[30] *Решись стать разумным, начни!..* — *Гораций.* Послания, I, 2, 40 сл.

[31] *Каково влияние созвездия Рыб...* — Проперций, IV, 1, 85—86.

[32] *Что мне до Плеяд...* — *Анакреонт.* Оды, 17.

33 *Анаксимен* (VI в. до н. э.) — древнегреческий философ, стихийный материалист. Ученик Анаксимандра.

34 Феодор *Газа* (1400—1478), родом грек — автор распространенной в XVI в. грамматики греческого языка.

35 βάλλω— 1-е лицо настоящего времени глагола «метать», 1-е лицо будущего времени — βαλῶ; χεῖρον — «хуже»; βέλτιον — «лучше», неправильное образование сравнительной степени; χείριστον и βέλτιστον — неправильные образования превосходной степени.

36 ...*лицо отражает и то и другое.* — *Ювенал.* Сатиры, IX, 18 сл.

37 ...*baroco* и *baralipton*... — термины схоластической логики, обозначающие модусы силлогизмов.

38 *Эпициклы* — круги, с помощью которых древние объясняли видимое движение планет. После открытия Кеплером законов движения планет теория эпициклов была оставлена.

39 *Брадаманта* и *Анджелика* — героини поэмы Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд».

40 ...*женоподобный фригийский пастух*... — Парис, присудивший золотое яблоко Афродите. У софиста Продика (V в. до н. э.) можно обнаружить такой рассказ: на распутье пред юношей Гераклом предстали две женщины — Изнеженность и Добродетель — и каждая склоняла его последовать за ней; Геракл избрал Добродетель. Того же хочет от юноши и Монтень.

41 *Глина влажна и мягка*... — Персий, III, 23—24. Цитируется неточно.

42 ...*Здесь ищите истинной цели*... — Персий, V, 64—65.

43 *Ни... юный не бежит философии, ни самый старый*... — Диоген Лаэрций, X, 122.

44 *Карнеад* (214—129 гг. до н. э.) — видный представитель античного скептицизма.

45 ...*явившись по приглашению Платона на его пир*... — Один из известнейших диалогов Платона носит название «Пир».

46 *Она полезна как бедняку, так и богачу*... — *Гораций.* Послания, I, 1, 25—26. Цитируется неточно.

47 ...*как если бы это была пара... коней.* — *Плутарх.* Как сохранить здоровье, 25.

48 ...*безграничная власть учителя чревата опаснейшими последствиями.* . — *Квинтилиан.* Обучение оратора, I, 3.

49 *Спевсипп* (ок. 409—339 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-платоник.

50 *Германик* — см. прим. 4, с. 374, гл. XVIII.

51 *Большая разница между нежеланием и неспособностью совершить проступок.* — *Сенека.* Письма, 90, 46.

52 *Алкивиад* (451—404 гг. до н. э.) — афинский политический деятель, отличавшийся политическим авантюризмом; в юности — один из учеников Сократа.

53 *Аристипп легко приспосабливался к любому обороту... дел.* — *Гораций.* Послания, I, 17, 23.

54 ...*я был бы... доволен, если бы он научился приспособляться к. . обстоятельствам*... — *Гораций.* Послания, I, 17, 25—26 и 29. Цитируется неточно. Здесь парафраза стихов Горация.

55 ...*из жизни... усвоили они эту науку правильно жить*... — *Цицерон.* Тускуланские беседы, IV, 3.

56 *Я не знаю ни наук, ни искусств... я — философ.* — Цицерон (Тускуланские беседы, V, 3) рассказывает то же самое не о *Гераклиде Понтийском*, а о Пифагоре.

57 *Гегесий* — философ-киник (IV—III вв. до н. э.). Сообщаемое Монтенем см.: Диоген Лаэрций, VI, 64 и 48.

58 *Надо, чтобы он... умел подчиняться себе самому*... — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 4.

59 ...*они хотят приучить ее к делам, а не к словам.* — *Плутарх.* Изречения лакедемонян. *Зевксидам* — отец спартанского царя Архидама II (V в. до н э.).

60 *Когда суть дела обдумана заранее, слова приходят сами собой* — *Гораций.* Наука поэзии, 311.

61 *Когда суть дела заполняет души, слова сопутствуют ей.* — *Сенека* Старший. Контроверзы, III.
62 *Сам предмет подсказывает слова.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, III, 5.
63 *...завитушки могут увлечь только невежд...* — *Тацит.* Диалог об ораторах, XIX.
64 *...стихи он складывал грубо.* — *Гораций.* Сатиры, I, 4, 8.
65 *...ты обнаружишь остаток даже растерзанного поэта.* — *Гораций.* Сатиры, I, 4. У Горация: «ты не обнаружишь даже остатка» (отрицание non в пропущенном у Монтеня шестидесятом стихе).
66 *Менандр* (342—292 гг. до н. э.) — знаменитый афинский комедиограф, представитель так называемой новой аттической комедии.
67 *Больше звону чем смысла.* — *Сенека.* Письма, 40, 5.
68 *Запутанные и изощренные софизмы.* — *Цицерон.* Академические вопросы. Первый набросок, II, 24.
69 *...не слова соразмеряют с предметом, но... предметы, к которым могли бы подойти... слова.* — Квинтилиан, VIII, 3.
70 *...увлекшись... словом, обращаются к тому, о чем не предполагали писать.* — *Сенека.* Письма, 59, 5.
71 *...нравится только такая речь, которая потрясает.* — Стих из эпитафии на могиле Лукана.
72 *...солдатскою речью... называет Светоний речь Цезаря...* — *Светоний.* Божественный Юлий, 55 Монтень был введен в заблуждение текстом современных ему изданий Светония, где это место, как оно печаталось, действительно давало основания говорить о каком-то особом солдатском красноречии Цезаря. В новейших изданиях мы читаем: «Eloquentia militarique re aut aequavit praestantissimorum gloriam aut excessit» («В красноречии и военном деле он был равен славою наиболее выдающимся ораторам и полководцам или превосходил их»).
73 *Речь... должна быть простой и безыскусной.* — *Сенека.* Письма, 40, 4.
74 *...тот, кто ставит... задачей говорить вычурно?* — *Сенека.* Письма, 75, 1.
75 *Аристофан* (Грамматик) Византийский — древнегреческий грамматик III—II вв. до н. э. Античная традиция приписывает ему изобретение знаков препинания и различных видов ударения.
76 *...они-то поступают правильнее всего.* — *Платон.* Законы, I, 11.
77 *...которые заботились только о языке.* — *Стобей.* Антология, XXXVI, 26. φιλόλογοι — филологи, любящие словесность; λογόφιλοι — логофилы, любящие слова. *Зенон* (ок. 360—ок. 263 гг. до н. э.) — греческий философ, основатель философской школы стоиков.
78 *...отдал меня на попечение одному немцу...* — Его фамилия была Горст (Horst), но звали его на латинский лад Горстанус; после семьи Монтеней он преподавал в том самом гиеньском коллеже в Бордо, в котором обучался Монтень.
79 *Никола́ Груши* (1520—1572) — французский филолог; преподавал греческий язык в университетах Бордо и Коимбры. Как протестант он подвергался гонениям во время так называемых религиозных войн во Франции. — *Джордж Бьюкенен* (1506—1582) — шотландский филолог, поэт, политический мыслитель и государственный деятель. Примкнул к гуманистическому движению и навлек на себя обвинение в ереси. Вынужденный бежать во Францию, Бьюкенен некоторое время преподавал в Бордо латинский язык. Впоследствии вернулся в Шотландию, где стал воспитателем шотландского короля Иакова VI (позднее английского короля Иакова I). Написал тираноборческий трактат «О королевском праве у шотландцев» (1579), в котором излагается учение о народном суверенитете и о праве народа восставать против тиранов. Трактат Бьюкенена, запрещенный в течение всего XVII в. и торжественно сожженный Оксфордским университетом, несомненно, был известен Монтеню, на всю жизнь сохранившему привязанность к своему наставнику. *Марк-Антуан Мюре* (1526—1585) — видный французский филолог, прозванный «светочем и столпом латинской школы». Мюре прославился среди современников трагедией на латинском языке «Юлий Цезарь» (опубл. в 1553 г.) и французскими комментариями

к Ронсару. Бьюкенен и Мюре стоят у истоков возрождения античной драматургической традиции во Франции. Груши, Герант, Бьюкенен и Мюре были учителями Монтеня либо в гиеньском коллеже в Бордо, либо в бордоском университете.

80 *... о ... Ланселотах Озерных, Амадисах, Гюонах Бордоских... я ... и не слыхивал...* — Имеются в виду герои поздних переделок рыцарских романов, издававшихся в огромном количестве в XVI в.

81 *Мне... едва пошел двенадцатый год.* — *Вергилий*. Эклоги, VIII, 39.

82 *Андреа де Гувеа* (1497—1548) — португальский филолог, преподававший во Франции и одно время бывший директором гиеньского коллежа в Бордо.

83 *... актерское искусство... нисколько не унижало его.* — Тит Ливий, XXIV, 24.

Глава XXVII

БЕЗУМИЕ СУДИТЬ, ЧТО ИСТИННО И ЧТО ЛОЖНО НА ОСНОВАНИИ НАШЕЙ ОСВЕДОМЛЕННОСТИ

1 *... дух... поддается воздействию очевидности.* — *Цицерон*. Академические вопросы. Первый набросок, II, 12.

2 *Сны, наваждения магов...* — *Гораций*. Послания, II, 2, 208—208.

3 *... каждый... не смотрит больше на сияющую храмину небес.* — Лукреций, II, 1038—1039.

4 *... ничего... на что бы ни дерзнуло... воображение человека.* — Лукреций, II, 1033 сл. Цитируется неточно.

5 *... все, превосходящее... предметы того же рода, мнится ему огромным.* — Лукреций, VI, 674 сл. Цитируется неточно.

6 *... они не доискиваются причин того, что у них... перед глазами.* — *Цицерон*. О природе богов, II, 38.

7 *Хилон* (VI в. до н. э.) — философ, обычно включаемый в число «семи греческих мудрецов».

8 *Фруассар* Жан (1338—1404) — французский хронист. Монтень знает цену Фруассару как историку; он отмечает, что изложение Фруассара лишено критического отношения к материалу, но ценит в нем обилие фактов и свежесть изложения. — *Беарн* — провинция на крайнем юго-западе Франции. — *Альхубаррота* — город в Португалии. Битва, о которой упоминает Монтень, произошла в 1385 г. между испанцами и португальцами.

9 *... в наших анналах...* — Монтень имеет в виду книгу Н. Жиля «Исторические анналы Франции». Речь здесь идет о папе Гонории III, умершем в 1227 г.

10 *Филипп II Август* — французский король (1180—1223). — *Мант* — город во Франции, на реке Сене, в 57 км от Парижа.

11 *... весть о поражении... мгновенно распространилась в тот же день...* — *Плутарх*. Жизнеописание Эмилия Павла, 25.

12 *... Цезарь уверяет, что молва часто упреждает события...* — *Цезарь*. О гражданской войне, III, 36.

13 Жан *Буше* (1476—1550) — французский историк и поэт, автор книги «Анналы Аквитании» (Annales d'Aquitaine, 1524), весьма популярной в свое время.

14 *... все равно сокрушили бы меня своим авторитетом.* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 21.

Глава XXVIII

О ДРУЖБЕ

1 *Сверху прекрасная женщина, снизу — рыба.* — *Гораций*. Наука поэзии, 4.

2 *... весьма удачно перекрестили в «Против единого».* — Трактат Ла Боэси был назван им самим «О добровольном рабстве» (De la servitude volontaire). Говоря о людях,

не знавших этого, Монтень имеет в виду гугенотов, напечатавших в 1576 г. трактат Ла Боэси «Рассуждение о добровольном рабстве» среди ряда других противоправительственных памфлетов в сборнике «Mémoires de l'Estat de France sous Charles IX», под боевым названием «Против единого» (Contr'Un), т. е. против деспотически-самодержавного строя.

3 *...заметки о январском эдикте...* — Имеются в виду два мемуара, написанных Ла Боэси по поводу королевского эдикта, изданного в январе 1562 г. и предоставлявшего гугенотам право открыто отправлять их богослужение везде, кроме городов. Оба эти мемуара, представляющие интерес для характеристики взглядов Ла Боэси, были найдены французским ученым П. Боннефоном и опубликованы им в 1917 г. в журнале «Revue d'Histoire littéraire de la France».

4 *...если не считать книжечки его сочинений, которую я выпустил в свет...* — Изданная Монтенем в Париже в 1571 г. небольшая книжечка произведений Ла Боэси содержала несколько переводов Ла Боэси с греческого («О домоводстве» Ксенофонта, «Правила брака» Плутарха и его же «Утешительное письмо жене»), а также латинские и французские стихи Ла Боэси.

5 *...хорошие законодатели пекутся больше о дружбе, нежели о справедливости.* — *Аристотель* Никомахова этика, VIII, 1.

6 *И сам я известен своим отеческим чувством к братьям.* — *Гораций.* Оды, II, 2, 6.

7 *...примешивают сладостную горесть к заботам любви.* — Катулл, LXVIII, 17 сл.

8 *...он... овладев своей добычей, уже мало ценит ее.* — *Ариосто.* Неистовый Роланд, X, 7.

9 *Что же представляет собой эта влюбленность друзей?* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, IV, 33.

10 *...то изображение... любви, которое.. Академия.* — *Платон.* Пир, 178а—212с. *Академия* — содружество философов во главе с Платоном. Здесь имеется в виду так называемая «Древняя Академия», в состав которой входили ближайшие ученики Платона: Спевсипп, Ксенократ, Полемон, Крантор и др.

11 *Гармодий* — афинский юноша, убивший при содействии своего друга Аристогитона в 514 г. до н. э. тирана Гиппарха. Позднее в Афинах Гармодию и Аристогитону была воздвигнута статуя и в память об их деянии учреждены публичные празднества.

12 *Любовь есть стремление добиться дружбы того, кто привлекает своей красотой.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, IV, 34.

13 *О дружбе может... судить лишь человек с уже закаленной душой...* — *Цицерон.* Лелий, 20.

14 *В написанной им... превосходной латинской сатире...* — Монтень имеет в виду адресованную ему латинскую сатиру Ла Боэси, опубликованную Монтенем среди названных выше произведений Ла Боэси (см. прим. 4, с. 388).

15 *...мы оба были уже людьми сложившимися...* — Дружба Монтеня с Ла Боэси завязалась, когда Монтеню было 25 лет, а Ла Боэси — 28.

16 *...когда-нибудь полюбить его.* — Авл Геллий, I, 3.

17 *«О друзья мои, нет больше ни одного друга!»* — Диоген Лаэрций, V, 21.

18 *...одна душа в двух телах...* — Диоген Лаэрций V, 20.

19 *Мой обычай таков, а ты поступай, как тебе нужно.* — *Теренций.* Сам себя наказующий, 80.

20 *Некий отец, застигнутый скачущим верхом на палочке...* — Имеется в виду царь спартанский Агесилай II (см. прим. 13, с. 365).

21 *Покуда я в здравом уме, ни с чем не сравню милого друга.* — *Гораций.* Сатиры, I, 5, 44.

22 *...счастлив тот, кому довелось встретить хотя бы тень настоящего друга.* — Менандр в цитате у Плутарха: О братской дружбе, 3.

[23] *...[дня], который я... буду считать самым ужасным...* — *Вергилий.* Энеида, V, 49—50.
[24] *...не должно быть больше для меня наслаждений...* — *Теренций.* Сам себя наказующий, 149—150.
[25] *Если бы смерть преждевременно унесла [тебя]...* — *Гораций.* Оды, II, 17, 5 сл.
[26] *Нужно ли стыдиться своего горя...* — *Гораций.* Оды, I, 24, 1—2.
[27] *О брат, отнятый у меня, несчастного.* — Катулл, LXVIII, 20 сл. и, начиная со слова Alloquar LXV, 9 сл. Цитируется неточно.
[28] *...я решил не помещать его на этих страницах.* — См. прим. 2, с. 388.
[29] *Сарлак*, или Сарла — городок на юге Франции, где родился Ла Боэси.
[30] *...вместо... серьезного сочинения, я помещу... более веселое и жизнерадостное.* — Вместо «Рассуждения о добровольном рабстве» Монтень поместил в следующей главе (XXIX) своих «Опытов» 29 сонетов Ла Боэси. Эти стихи печатались во всех изданиях «Опытов», вышедших при жизни Монтеня, и только незадолго до смерти, подготовляя новое издание своей книги (вышедшее в 1595 г.), Монтень изъял из нее сонеты Ла Боэси и написал: «Эти стихи можно прочесть в другом месте». Однако отдельным изданием сонеты эти нигде не были напечатаны.

Глава XXIX
ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ СОНЕТОВ ЭТЬЕНА ДЕ ЛА БОЭСИ

[1] *Коризанда Андуанская* — так на античный лад прозвали Диану де Фуа, вышедшую замуж за Граммона, графа де Гиш, или де Гиссен, и впоследствии ставшую фавориткой короля Генриха IV.
[2] *...можно прочесть в другом месте.* — См. прим. 30, с. 389. В нашем издании текст этой главы, как и всех остальных, дается по бордоскому экземпляру «Опытов» 1595 г.

Глава XXX
ОБ УМЕРЕННОСТИ

[1] Приведенные Монтенем в этой главе примеры кровавых жертвоприношений цитирует воинствующий атеист начала XVIII в. Жан Мелье в своем «Завещании», XXIV.
[2] *И мудрого могут назвать безумцем...* — *Гораций.* Послания, I, 6, 15—16.
[3] *...будьте мудрыми в меру.* — *Апостол Павел.* Послание к римлянам, XII, 3.
[4] *Я видел одного из великих мира сего...* — Монтень, по-видимому, намекает на французского короля Генриха III.
[5] *Павсаний* — спартанский полководец (V в. до н. э.), впоследствии предавшийся персам и осужденный за это своими соотечественниками на смерть: был замурован в храме Афины, где пытался найти убежище.
[6] Авл *Постумий* Туберт — римский диктатор в 431 г. до н. э. Приписываемый ему приказ об обезглавлении сына — легенда.
[7] *...крайнее увлечение философией вредно...* — *Платон.* Горгий, 484 c—d.
[8] *Фома* Аквинский (1225—1274) — один из виднейших католических богословов и представителей средневековой схоластики.
[9] *По мнению Платона, это то же, что убийство.* — *Платон.* Законы, VIII, 838e.
[10] *Зенобия* — царица Пальмиры (267—273).
[11] *...тайком от нее и своих родителей.* — *Гомер.* Илиада, XIV, 294 сл.
[12] *Мы искусственно удлинили горестные пути судьбы.* — Проперций, III, 7, 32.
[13] *Галлион* — римский сенатор, приговоренный к изгнанию императором Тиберием. Монтень не совсем точно передает рассказ о нем Тацита (Анналы, VI, 3).

14 *Мурад II* — турецкий султан (1421—1451), поработитель балканских народов.

15 *...в новых землях. подобный обычай имеет повсеместное распространение...* — Как уже отмечалось выше (см. прим. 12, с. 379), Монтень обильно черпает сведения о туземцах Америки из трудов Лопеса де Гомара (из его книги «Общая история Индий», запрещенной в 1553 г. испанским правительством: *Lopez de Gomara*. Historia general de las Indias con la conquista del Mexico y de la Nueva-España. Medina, 1553), но наряду с Гомарой Монтень использует и других авторов: Бенцони, Бельфоре, Теве и др.

Глава XXXI

О КАННИБАЛАХ

1 *Пирр* (295—272 гг. до н. э.) — царь Эпира, выдающийся полководец.

2 Тит Квинкций *Фламинин* (Монтень в соответствии с современной ему традицией называет его Фламинием) — римский полководец, консул 198 г. до н. э. Командуя римскими войсками в войне против Филиппа V, царя македонского, нанес ему решительное поражение при Киноскефалах (Фессалия), приведшее к завершению так называемой II Македонской войны.

3 *Публий Сульпиций Гальба* — военачальник в войске Фламинина во время II Македонской войны.

4 *Вильганьон* (1510—1571) — французский адмирал, мореплаватель, предложивший Генриху II отвоевать у испанцев некоторые их колонии в Америке. Вильганьон намеревался создать в Новом Свете убежище для преследуемых гугенотов и обеспечил себе поддержку адмирала Колиньи. В 1555 г. экспедиция Вильганьона высадилась в устье Рио де Жанейро Однако основанная Вильганьоном протестантская колония просуществовала очень недолго.

5 *Солон у Платона.* — *Платон* Тимей, 20 е.

6 *Большое море* — одно из древних названий Черного моря.

7 *...раньше это была единая земля* — *Вергилий* Энеида, III, 414, и 416—417.

8 *Негрепонт* — другое название Эвбеи, острова в Эгейском море.

9 *...бесплодная прежде лагуна... питает... города.* — *Гораций.* Наука поэзии, 65—66.

10 Начиная с абзаца «Солон у Платона» и до этого места, Монтень воспроизводит текст французского перевода книги Бенцони «История Нового Света» (*Benzoni*. Histoire du Nouveau Monde), изданного в Женеве в 1579 г.

11 *Медон* — провинция на юго-западе Франции.

12 *...если только... книжечка... действительно принадлежит ему.* — Монтень имеет в виду апокрифический сборник «Рассказы о чудесах», приписываемый античной традицией без достаточных оснований Аристотелю и представляющий собою компиляцию отрывков из различных сочинений Аристотеля и других авторов.

13 *...птицы поют сладостнее... певцов.* — Проперций, I, 2, 10—11 и 14.

14 *Всякая вещь... порождена либо природой, либо случайностью...* — *Платон.* Законы. X, 888 е.

15 *Вот народ, мог бы сказать я Платону...* — Шекспир в «Буре» (II, 1, 141—158, речь Гонзало) почти дословно воспроизвел отрывок из этой главы, начинающийся этими словами, кончая «...признать вымышленное им государство».

16 *...люди.. вышедшие из рук богов.* — *Сенека.* Письма, 90, 44.

17 *Таковы первичные законы, установленные природой.* — *Вергилий.* Георгики, II, 20.

18 *Суда* — предполагаемый автор одноименного византийского толкового словаря X в. н. э.

19 *Кориандр* — растение из семейства зонтичных. Извлекаемое из него масло употребляется для приготовления ликеров.

20 *...мы не только читали об этих ужасах, но... и были очевидцами...* — Монтень намекает здесь на недавнее массовое истребление протестантов в ночь на 24 августа 1572 г. (Варфоломеевская ночь) в правление Карла IX.

21 ... *во время осады... Алезии...* —Осада Алезии, в которой заперся вождь восставших против Цезаря галлов Верцингеторикс, происходила в 52 г. до н. э.

22 *Васконы... подобною пищей продлили свою жизнь.* — *Ювенал.* Сатиры, XV, 93. *Васконы* — древнее племя, населявшее провинцию Гасконь.

23 ... *врачи .. не стесняются изготовлять из трупов различные снадобья.* — Во времена Монтеня существовало мнение, что египетские мумии обладают целебными свойствами; поэтому некоторые врачи, превратив частицы мумий в порошок, изготовляли из него настойки и мази, применяя их для лечения больных.

24 *Подлинной можно считать только такую победу, когда сами враги признали себя побежденными.* — *Клавдиан.* О шестом консульстве Гонория, 248—249.

25 *Даже поверженный наземь продолжает сражаться.* — *Сенека.* О провидении, 2.

26 *Саламин* — остров и город в Греции, близ которого в сентябре 480 г. до н. э. греки под командованием Фемистокла одержали победу над персами; *Платеи* — см прим. 1, с. 370, гл. XII; *Микале* — мыс в Ионии (Греция), близ которого греки в 479 г. до н. э. одержали победу над персами; что касается победы в Сицилии, то Монтень, видимо, имеет в виду битву при Навлохе в 36 г до н. э., в которой Секст Помпей был разбит, после чего Сицилией овладел Октавиан (Август). *Фермопильское ущелье в горах Эты* (Греция) — место гибели Леонида Спартанского и его воинов, павших там в 480 г. до н. э. в борьбе с полчищами царя персидского Ксеркса.

27 *Исхолай* — военачальник спартанцев (IV в. до н. э.)

28 *Лия, Рахиль, Сарра и жены Иакова...* — Здесь у Монтеня обмолвка: согласно Библии, женами Иакова были Рахиль и Лия, Сарра же была женою Авраама.

29 *Дейотар* — тетрарх (правитель) Галатии и царь Малой Армении (ум. ок 42 г. до н. э.) союзник римлян в борьбе их с Митридатом VI Евпатором.

30 ... *это. . анакреонтическое произведение.* — Анакреонтическая поэзия - поэзия воспевающая природу, любовь и наслаждения Анакреонт — древнегреческий лирик VI в. до н. э.

31 *Трое... туземцев прибыли в Руан...* — Это было в 1562 г.

Глава XXXII

О ТОМ, ЧТО СУДИТЬ О БОЖЕСТВЕННЫХ ПРЕДНАЧЕРТАНИЯХ СЛЕДУЕТ С ВЕЛИЧАЙШЕЙ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬЮ

1 ... *легче угодить слушателям, говоря о природе богов, чем .. людей.* — *Платон.* Критий, 107 d.

2 *И все люди подобного рода.* — *Гораций.* Сатиры, I, 2, 2.

3 ... *вот... пример из происходящих .. у нас религиозных войн...* — Битва при Ларошлабейле между гугенотами и католиками произошла в мае 1569 г и закончилась победой гугенотов. Сражения при *Монконтуре* и при *Жарнаке* между католиками и гугенотами произошли также в 1569 г.

4 ... *блестящая морская победа над турками...* — Монтень имеет в виду морское сражение при Лепанто, у берегов Греции (1571). В этом сражении молодой Сервантес потерял руку.

5 *Арий* (ок. 256—336) — один из крупнейших еретиков, отрицавший божественность Христа, отсюда *ариане*; *Лев* — антипапа, выдвинутый Арием и его последователями.

6 *Гелиогабал* (Элагабал) — римский император, посаженный на императорский трон легионами в 217 г. и убитый преторианцами в 222 г.

7 *Ириней* — один из видных теологов II в.; был послан в Галлию для проповеди христианства; с 177 г. — лионский епископ.

8 ... *кто может уразуметь, что угодно господу?* — Книга премудрости Соломона, IX, 13

Глава XXXIII
О ТОМ, КАК ЦЕНОЙ ЖИЗНИ УБЕГАЮТ ОТ НАСЛАЖДЕНИЙ

[1] *Лучше не жить..., чем жить в горести.* — Монтень цитирует три изречения, принадлежащие трем анонимным греческим поэтам, заимствуя их из книги· Poètes gnomiques, 1569.

[2] *Нет человека ... который не предпочел бы упасть один.., раз, чем постоянно колебаться ..* — *Сенека.* Письма, 22, 3.

[3] *Иларий* — епископ города Пуатье, живший в IV в.

Глава XXXIV
СУДЬБА НЕРЕДКО ПОСТУПАЕТ РАЗУМНО

[1] Характерно самое название этой главы, в которой фигурирует термин «судьба» (fortuna), инкриминировавшийся Монтеню папским цензором, проверявшим «Опыты» в бытность Монтеня в Риме в 1581 г. Инквизиция в Риме, особенно рьяно ополчившаяся на крамолу, запретила употреблять в сочинениях «языческое» слово «судьба», которым Монтень очень часто пользовался. Папский цензор, просматривавший «Опыты», просил Монтеня заменить «нечестивый» термин «судьба» словом «провидение». Монтень обещал исправить, но ни в одно издание, вышедшее на протяжении его жизни, не внес никаких изменений.

[2] *Герцог Валантинуа* — Чезаре Борджа (ум. в 1507 г.), незаконный сын папы Александра VI Борджа. Семья Борджа была известна совершаемыми ею тайными убийствами и предательствами. После смерти папы Александра VI (1503) Чезаре Борджа постигли гонения со стороны папы Юлия II и Гонсальво Кордовского; его трижды заключали в темницу. Отправленный Гонсальво в Испанию, он бежал к королю Наваррскому; в 1507 г. был убит в сражении. Маккиавелли изображает Чезаре Борджа как законченного тирана.

[3] *... раньше, чем... ночи... могли бы насытить алчность их любви.* — Катулл, LXVIII, 81.

[4] *Константин... основал... империю.. Константином... завершилось ее многовековое существование.* — Имеется в виду Константин I (Великий), который перенес столицу Римской империи в Константинополь (306—337); *Константин* XII Палеолог (1448—1453) погиб при взятии Константинополя турками.

[5] *Хлодвиг* — король германского племени франков из династии Меровингов; в 508 г. перенес свою столицу в Париж и первым из франкских королей принял христианство. *Жан Буше* — см. прим. 13, с. 387, гл. XXVII.

[6] *Ясон Ферский* — т. е. из Феры в Фессалии.

[7] *Изабелла... благополучно высадилась.* — Описанный случай произошел в 1326 г. — *Изабелла* — дочь французского короля Филиппа IV Красивого, жена английского короля Эдуарда II.

[8] *...судьба лучше нас знает, что надо делать.* — Изречение анонимного греческого поэта, заимствованное Монтенем из сборника, названного в прим. 1, гл. XXXIII.

[9] *Икет* — тиран сицилийский (IV в. до н. э.), долгое время боровшийся с коринфским полководцем Тимолеоном, который в конце концов все же свергнул его с престола, освободив сицилийцев.

Глава XXXV
ОБ ОДНОМ УПУЩЕНИИ В НАШИХ ПОРЯДКАХ

1 *Лилио Грегорио Джиральди* (1479—1552) — итальянский филолог и поэт. *Себастиан Касталион* (1515—1563), уроженец Дофине, во Франции, — выдающийся проповедник религиозной терпимости в XVI в., известный своей ожесточенной борьбой с Кальвином и, в частности, резким протестом против сожжения Сервета. Несмотря на преследования и нищенское существование, Касталион оставил после себя ряд работ, среди которых особенно выделяется его латинский трактат «О еретиках» — страстный протест против всякого мракобесия. Монтеню, несомненно, было известно это сочинение, и он не только сочувствовал бедствиям Касталиона, но и ощущал свою идейную близость к нему.

Глава XXXVI
ОБ ОБЫЧАЕ НОСИТЬ ОДЕЖДУ

1 *...как говорит Писание...* — «Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем...» (Книга Екклесиаста, IX, 3).

2 *...почти все живое покрыто...* — Лукреций, IV, 935—936.

3 *Масинисса* — нумидийский царь (II в. до н. э.).

4 Септимий *Север* — римский император (II—III вв. н. э.).

5 *...головы убитых египтян... крепче, чем головы персов...* — Геродот, III, 12.

6 *Цезарь... выступал всегда впереди своего войска...* — *Светоний*. Божественный Юлий, 58.

7 *...переносил ужасные ливни и грозы...* — *Силий Италик*. Пунические войны, I, 250—251.

8 *Царство Пегу* — Бирма. Монтень имеет в виду книгу венецианского купца Каспаро Бальби «Путешествие в восточную Индию» (*Casparo Balbi*. Viaggio dell'Indie Orientale. Venezia, 1590), которую он читал на итальянском языке незадолго до смерти.

9 *...Платон... советует... не давать ни ногам, ни голове... покрова...* — *Платон*. Законы. XII, 942 d.

10 *Король, которого поляки избрали себе после нашего...* — Речь идет о Стефане Батории, короле Польши с 1575 г. До него в течение года польским королем был принц Анжуйский, впоследствии французский король Генрих III.

11 *...он носит у себя дома.* — Грамматически у Монтеня тут двусмысленность, так как неясно, к которому из двух королей относится «он». Однако нет сомнения, что Монтень имеет в виду Стефана Батория.

12 *...предписавшие римлянам обнажать голову... сделали это... имея в виду здоровье граждан...* — *Плиний Старший*. Естественная история, XXVIII, 17.

13 *...Дю Белле... во время похода в Люксембург...* — Это происходило в 1543 г.

14 *...[замерзшее] вино... разбивают на куски.* — *Овидий*. Скорбные песни, III, 10, 23 сл.

15 *Меотийское озеро* — древнее название Азовского моря. — *Митридат* — Митридат VII Евпатор, царь понтийский (123—63 гг. до н. э.).

16 *...во время сражения... близ Плаценции...* — *Плаценция* — *Пьяченца* (город в Италии). Монтень имеет в виду сражение близ Плаценции в 217 г. до н. э. во время II Пунической войны, закончившейся победой карфагенян над римлянами.

Глава XXXVII
О КАТОНЕ МЛАДШЕМ

1 *Фельянтинцы*, или фельяны, — члены католического монашеского ордена, выделившегося из цистерцианского. Орден был основан в 1577 г. и назван по имени аббатства Фельян (в Лангедоке); вопреки аскетическим обетам, владел огромными богатствами. Генрих III пригласил фельянтинцев в Париж (1588), где выстроил для ордена роскошный монастырь. Во время Французской буржуазной революции орден был уничтожен — *Капуцины* — члены монашеского ордена нищей братии (ветвь францисканцев), созданного в Италии в 1525 г. для борьбы с идеями реформации и допущенного во Францию в 1572 г. Названы так по капюшону, который был обязательной принадлежностью их одеяния. Создание в XVI в. новых аскетических орденов для ревностной службы папскому престолу было связано со стремлением католической церкви удержать свою власть над верующими, с так называемой контрреформацией.

2 *...люди, которые хвалят... то, чему... в состоянии подражать.* — *Цицерон.* Оратор, 7; *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, I. Цитируется неточно.

3 *Для них добродетель.. слово. .* — *Гораций.* Послания, I, 6, 31—32.

4 *Они должны были бы ее* [добродетель] *чтить...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 2.

5 *После великой битвы при Потидее...* — Монтень здесь допустил ошибку; факт, о котором он сообщает, имел место не после битвы при Потидее, а после битвы при Платеях (479 г. до н. э.); *Павсаний* — правитель Спарты, начальствовавший греческим войском в битве при Платеях; *Мардоний* — персидский полководец, павший в той же битве.

6 *...некоторые считали причиной самоубийства Катона Младшего его мнимый страх перед Цезарем. .* — *Плутарх.* О злокозненности Геродота, 6.

7 *Этот человек был, поистине, образцом...* — Монтень превозносит здесь Катона и оправдывает его самоубийство. Но в гл. III книги II, написанной восемь лет спустя, он изменил свое суждение о Катоне и резко осудил его самоубийство.

8 *...Катон, пока жил, был более велик, чем сам Цезарь.* — *Марциал.* Эпиграммы, VI, 32.

9 *И непобедимого, победившего смерть, Катона.* — *Манилий.* Астрономика, IV, 87.

10 *...на стороне побежденных — Катон* — Лукан, I, 128.

11 *И все на земле подчинилось, кроме суровой души Катона.* — *Гораций.* Оды, II, 1, 23.

12 *Творящего над ними суд Катона.* — *Вергилий.* Энеида, VIII, 670.

Глава XXXVIII
О ТОМ, ЧТО МЫ СМЕЕМСЯ И ПЛАЧЕМ ОТ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ

1 *...Антигон разгневался на... сына, когда тот поднес ему голову... Пирра...* — Рассказ этот приводится у Плутарха, см. Жизнеописание Пирра, 34.

2 *Карл Бургундский* — последний герцог Бургундии (1467—1477), пытавшийся завладеть Эльзасом и Лотарингией и постоянно воевавший с герцогом *Рене Лотарингским*; погиб при Нанси в битве с лотарингцами и швейцарцами.

3 *Битва при Оре* произошла в правление французского короля Карла V в 1364 г.

4 *...прикрывает душа... чувства противоположной личиной...* — *Петрарка,* сонет 81.

5 *...когда Цезарю поднесли голову Помпея, он отвратил от нее...* — *Плутарх* Жизнеописание Цезаря, 48.

6 *...он стал проливать притворные слезы...* — Лукан, IX, 1037 сл.

[7] *Плач наследника — это смех под маской.* — Публилий Сир в цитате у Авла Геллия XVII, 14.
[8] *...они плачут неискренно.* — Катулл, LXVI, 15 сл.
[9] *...он содрогнулся и пожалел ее!* — Монтень имеет в виду рассказ Тацита (Анналы, XIV, 4).
[10] *...чередой шлет луч за лучом* — Лукреций, V, 281 сл.
[11] *...душа движется быстрее, чем... другая вещь...* — Лукреций, III, 182.
[12] *...Тимолеон... оплакивает брата.* — Тимолеон (см. прим. 9, с. 392) из любви к законности и свободе позволил двум друзьям убить своего родного брата Тимофана, пытавшегося стать тираном в Коринфе.

Глава XXXIX
ОБ УЕДИНЕНИИ

[1] *...большая часть — это всегда наихудшая...* — *Биант* (VI в. до н. э.) — древнегреческий философ, один из «семи мудрецов». Слова Бианта, приводимые Монтенем, взяты у Диогена Лаэрция: Жизнеописание Бианта, I, 86.
[2] *Хорошие люди редки их столько же, сколько... ворот в Фивах...* (т. е. семь; намек на «семь мудрецов» античности). — *Ювенал* Сатиры, XIII, 26—27.
[3] Альфонсо *Альбукерке* (1453—1515) — португальский мореплаватель и конкистадор, положивший начало португальскому владычеству в Индии.
[4] *Отгоняют заботы разум и мудрость* — *Гораций*. Послания, I, 11, 25—26.
[5] *И позади всадника сидит мрачная забота.* — *Гораций* Оды, III, 1, 40.
[6] *В бок впилась смертоносная стрела.* — *Вергилий* Энеида: IV, 73.
[7] *Кто... сможет убежать от себя?* — *Гораций*. Оды, II, 16, 18 сл.
[8] *Ты скажешь, что избавился от оков?* — *Персий*. Сатиры, V, 158 сл.
[9] *Если наша душа не очистилась...* — Лукреций, V, 43 сл.
[10] Перевод дан Монтенем непосредственно перед цитатой (*Гораций*. Послания, I, 14, 13).
[11] *Стильпон* — древнегреческий философ (380—300 гг. до н. э.); *Деметрий Полиоркет* — царь македонский
[12] *Человек должен запасать только то, что держится на воде...* — Диоген Лаэрций, VI 6.
[13] *Когда ты в одиночестве, будь себе сам толпой.* — Тибулл, IV, 13, 12. Цитируется неточно.
[14] *Привязаться к кому-нибудь .. что он может оказаться тебе дороже, чем ты сам для себя?* — *Теренций*. Братья 37—39.
[15] *Ведь не часто бывает, чтобы кто-нибудь в достаточной мере боялся себя.* — *Квинтилиан* Обучение оратора. X, 7.
[16] *...юношам подобает учиться,... старикам — отстраняться от.. дел...* — *Стобей*. Антология XLIII, 48—49. Приписывая эти слова Сократу, Монтень допускает неточность; Стобей приводит их как изречение пифагорейцев.
[17] *Когда я в бедности...* — *Гораций* Послания, I, 15, 41 сл.
[18] *Аркесилай* (III в. до н э.) — древнегреческий философ-скептик.
[19] *Пусть они постараются подчинить себе обстоятельства...* — *Гораций*. Послания, I, 1, 13. Здесь парафраза стихов Горация.
[20] *...увлечение хозяйственными делами. . своего рода рабство...* — *Саллюстий*. Заговор Катилины. 4.
[21] *...плодоводство, пристрастие к которому Ксенофонт приписывал Киру.* — *Ксенофонт*. О домоводстве, IV.
[22] *Скот объедал поля .. Демокрита..* — *Гораций*. Послания, I, 12 19—20.
[23] *...Я советую. . поручить своим людям... хлопоты по хозяйству...* — *Плиний Младший* Письма, I, 3. Монтень допускает неточность: эти советы Плиний дает не Корнелию, а Каннинию Руфу.

[24] *...он хочет использовать... уход от людей... дабы обеспечить себе... творениями вечную жизнь...* — *Цицерон.* Оратор, 43; и во вступлениях ко многим другим философским трактатам.
[25] *Разве твое знание не имеет цены...* — *Персий.* Сатиры, I, 26—27.
[26] *...должен избрать... путь... больше всего по душе...* — Проперций. II, 25, 38 Перевод дан Монтенем непосредственно перед цитатой.
[27] *...устремляя взор на то, что достойно... человека.* — *Гораций.* Послания. I, 4, 4—5.
[28] *Нынешний день — наш; а после ты станешь прахом...* — *Персий.* Сатиры, V, 151—152.
[29] *Не о том ли хлопочешь, старик, как бы потешить уши других?* — *Персий.* Сатиры. I, 22.
[30] *Сопоставим мнения двух философов...* — т. е. Эпикура и Сенеки. Приводимые в дальнейшем рассуждения взяты у Сенеки (Письма, 21).
[31] *Пусть они запечатлеют в своей душе образцы добродетели.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 22.
[32] *Фокион* (ок. 417—300 гг. до н. э.) — выдающийся афинский полководец и государственный деятель. Сохранились его жизнеописания, составленные Плутархом и Корнелием Непотом.

Глава XL

РАССУЖДЕНИЕ О ЦИЦЕРОНЕ

[1] *...Сципион и Лелий не уступили бы... рабу родом из Африки...* — Современная наука решительно отвергает распространенное во времена Теренция мнение, будто авторами комедий, носящих его имя, являются его знатные покровители Сципион и Лелий. Серьезные и осведомленные римские авторы также пренебрегали этими слухами, считая их ни на чем не основанным вымыслом. Теренций, действительно, не опровергал их, но он поступал так, очевидно, по тактическим соображениям.
[2] *Пусть он будет беспощаден в бою и щадит поверженного врага.* — *Гораций.* Юбилейный гимн, 51 сл.
[3] *...уделом... будет... властвовать над народами.* — *Вергилий.* Энеида, VI, 849 сл.
[4] *...ты... недостаточно изучал вещи, более нужные...* — *Плутарх.* Жизнеописание Перикла, 1.
[5] *Ификрат* — см. прим. 12, с. 375, гл. XIX. *Антисфен* — древнегреческий философ, основатель школы киников (VI—V вв. до н. э.); *Исмений* — некий фиванец.
[6] *В них... содержатся... семена мыслей, более богатых...* — Монтень намекает на то, что он не может открыто выражать свои мысли, опасаясь преследований.
[7] *Изящество не является украшением достойного мужа.* — *Сенека.* Письма, 115, 2.
[8] *...они... обещают вечность... письмам, которые писали своим друзьям.* — Эпикур в письме к Идоменею и Сенека в письме к Луцилию.
[9] *Аннибале Каро* (1507—1566) — итальянский поэт-филолог, переводчик «Энеиды» и произведений многих других античных авторов. Его письма (1572—1574) были опубликованы посмертно.

Глава XLI

О НЕЖЕЛАНИИ УСТУПАТЬ СВОЮ СЛАВУ

[1] *Молва... исчезает при малейшем дуновении...* — *Тассо.* Освобожденный Иерусалим, XIV, 63.
[2] *...[дьявол] не перестает искушать души...* — *Августин.* О граде божием, V, 14.
[3] *...хотят прославить себя тем, что презрели славу.* — *Цицерон.* В защиту поэта Архия. 11.

[4] *...Карл V в 1537 г. вторгся в Прованс...* — Здесь неточность: вторжение войск Карла V в Прованс произошло в 1536 г. *Антонио де Лейва* — см. прим. 7, с. 369, гл. XI.
[5] *Брасид* — выдающийся спартанский военачальник (V в. до н. э.).
[6] *Битва при Креси* — произошла в 1346 г. во время Столетней войны; закончилась решительной победой англичан над французами.
[7] *...отряды, последними вступившие в бой, решили исход...* — Тит Ливий, XXVII, 45.
[8] *Гай Лелий*, прозванный «Мудрым» — друг Сципиона Африканского (Младшего) и его легат в Африке и Испании; консул 140 г. до н. э.
[9] *Битва при Бувине* — произошла в 1214 г. между французами и войсками германского императора и его союзниками-англичанами; она закончилась победой французов.

Глава XLII

О СУЩЕСТВУЮЩЕМ СРЕДИ НАС НЕРАВЕНСТВЕ

[1] Нарисованный Монтенем портрет государя почти дословно совпадает с тем, как характеризует тирана друг Монтеня Ла Боэси в своем «Рассуждении о добровольном рабстве». Мысль о том, что короли и дворяне ничем, кроме платья, не отличаются от других людей, — одна из излюбленных идей Монтеня.
[2] *...животное от животного не отличается так сильно, как человек от человека.* — *Плутарх*. О том, что дикие звери имеют разум, 10.
[3] *Насколько же один человек превосходит другого!* — *Теренций*. Евнух, 232.
[4] *...восхищаемся мы быстротой коня...* — *Ювенал*. Сатиры, VIII, 57 сл.
[5] *...когда... покупают коней... осматривают их покрытыми...* — *Гораций*. Сатиры, I, 2, 86 сл.
[6] *Вас обманывает высота его каблуков.* — *Сенека*. Письма, 76, 31.
[7] *...если он мудр... властны ли над ним превратности судьбы?* — *Гораций*. Сатиры, II, 7, 83 сл.
[8] *Мудрец... сам кует свое счастье...* — *Плавт*. Трехгрошовик, акт II, сц. 2.
[9] *...природа наша требует... одного...* — Лукреций, II, 16 сл.
[10] *...он носит... огромные изумруды...* — Лукреций, IV, 1126.
[11] *...счастье же этого... наружное.* — *Сенека*. Письма, 115.
[12] *...ни высокий сан консула не отгонят... тревог...* — *Гораций*. Оды, II, 16, 9 сл.
[13] *...страхи и... заботы не боятся... оружия...* — Лукреций, II, 48 сл.
[14] *...лихорадка не скорее отстает...* — Лукреций, II, 34 сл.
[15] *...Тот, кто выносит мое судно... знает, что это неправда.* — *Плутарх*. Изречения древних царей. — *Антигон* — царь македонский (III в. до н. э.).
[16] *Пусть девы отнимают его одна у другой...* — *Персий*. Сатиры, II, 37—38.
[17] *...все вещи таковы, каков дух того, кто ими владеет...* — *Теренций*. Сам себя наказующий, 195—196.
[18] *Ни дом, ни поместье... не изгонят... горячку...* — *Гораций*. Послания, I, 2, 47 сл.
[19] *...все, что называется благом, для неразумного .. плохо...* — *Платон*. Законы, II, 661 b.
[20] *Весь обряженный в серебро...* — Тибулл, I, 2, 69.
[21] *Если у тебя все в порядке с желудком...* — *Гораций*. Послания, I, 12, 5—6.
[22] *...согласится с мнением царя Селевка...* — *Плутарх*. Должен ли старец вмешиваться в государственные дела, II; *Селевк* — Селевк I Никатор (Победитель), царь сирийский (IV в. до н. э.).
[23] *...лучше... подчиняться, чем... властвовать...* — Лукреций, V, 1127—1128.
[24] *...Гиерон у Ксенофонта...* — Имеется в виду диалог Ксенофонта «Гиерон, или О положении царей», 2—3. *Гиерон* Старший (V в. до н. э.) — сиракузский тиран.

25 *Слишком горячая... любовь нагоняет... скуку...* — *Овидий.* Любовные стихотворения, II, 19, 25—26.
26 *Люба изысканность великим мира сего...* — *Гораций.* Оды, III, 29, 13 сл.
27 *...Платон в «Горгии» определяет...* — *Платон.* Горгий, 484 d.
28 *Король Альфонс говорил...* — имеется в виду Альфонс XI (1311—1350) — король Кастилии и Леона с 1312 г.
29 *Казале* — крепость в Италии, неоднократно переходившая из рук в руки во время войн за миланское герцогство (1499—1547). Осада Сиены войсками Карла V происходила в 1554 г.
30 *...люди сами держатся за рабскую долю.* — *Сенека.* Письма, 22.
31 *...народам приходится... терпеть... и прославлять... властителей.* — *Сенека.* Фиест, 205.
32 *По мнению Анахарсиса...* — *Плутарх.* Пир семи мудрецов, 11. — *Анахарсис* — философ, родом из Скифии, друг Солона (VI в. до н. э.).
33 *Когда царь Пирр намеревался двинуться на Италию...* — *Плутарх.* Жизнеописание Пирра, 14.
34 *...он не знал точно, где следует остановиться...* — Лукреций, V, 1432—1433. Цитируется неточно.
35 *Наша судьба зависит от наших нравов.* — *Корнелий Непот.* Жизнеописание Аттика, 11.

Глава XLIII
О ЗАКОНАХ ПРОТИВ РОСКОШИ

1 *Генрих II* — французский король с 1547 по 1559 г.
2 *Залевк* — древнейший греческий законодатель (VII в. до н. э.), составивший законы для города Локры (греческой колонии в Италии).
3 *Что бы ни делали государи, кажется, будто они это предписывают... остальным.* — *Квинтилиан* Упражнения в красноречии, 3.
4 *Платон в своих «Законах» считает...* — *Платон.* Законы, VII, 796 а—979 а.

Глава XLIV
О СНЕ

1 *Отон* (Марк Сальвий) был провозглашен преторианцами римским императором в 69 г. В том же году, потерпев поражение от Вителлия, одновременно провозглашенного императором нижнегерманскими легионами, Отон лишил себя жизни.
2 *Секст Помпей*, сын Гнея Помпея (Великого), потерпев в 36 г. до н. э. решительное поражение в морских сражениях при Милах и затем Навлохе (Сицилия), бежал в Азию и в 35 г. до н. э. был убит приближенными Антония.
3 *Марий Младший*, приемный сын Гая Мария. Разбитый Суллою в 82 г. до н. э. в сражении при Пренесте, Марий Младший покончил с собой.
4 *Персей* — последний македонский царь. Будучи разбит римским полководцем Эмилием Павлом при Пидне (168 г. до н. э.), он в следующем году был захвачен в плен римлянами и вскоре умер.
5 *...люди полгода спят и полгода бодрствуют.* — Геродот, IV, 25.
6 *...проспал... пятьдесят семь лет.* — Диоген Лаэрций, I, 109; *Плиний Старший.* Естественная история, VII, 53. — *Эпименид* — уроженец о. Крита (V в. до н. э.); о нем сохранились различные легенды, помимо той, о которой упоминает Монтень; ему приписывали легендарное долголетие; утверждали, что он прожил свыше 300 лет.

Глава XLV
О БИТВЕ ПРИ ДРЁ

1 *Битва при Дрё.* — Произошла в 1562 г. между католиками и протестантами; закончилась победой католиков.
2 *Франсуа де Гиз* вместе с коннетаблем Монморанси (1492—1567) в битве при Дрё командовал войсками католиков.
3 *Филопемен* — см. прим. 45, с. 380, гл. XXIII; *Маханид* — спартанский тиран, разгромленный Филопеменом в битве при Мантинее (206 г. до н. э.).

Глава XLVI
ОБ ИМЕНАХ

1 *...даже у Платона не встречались столь... грубые... образчики...* — Имеется в виду диалог Платона «Кратил», значительная часть которого посвящена довольно фантастическому, с теперешней точки зрения, словотолкованию.
2 *Гета* (Луций Септимий Гета) — римский император (211—212), занимавший престол вместе со своим братом Каракаллой и убитый по его наущению.
3 *Валлемонтанус* — латинизированная форма французского имени Водемон.
4 *...кому... принадлежит... Гекену, Глекену или Геакену?* — Монтень имеет в виду Бертрана Дю Геклена (см. о нем прим. 8, с. 364, гл. III), имя которого писалось и произносилось на разные лады.
5 *...здесь речь... не о дешевой... награде.* — *Вергилий.* Энеида, XII, 764.
6 *Николá Денизо* (1515—1559) — французский поэт и художник.
7 *...Светонию было дорого только значение его имени...* — Здесь идет речь о знаменитом римском писателе, авторе «Жизни двенадцати цезарей» — *Гае Светонии Транквилле*, родовое имя которого было *Ленис* (Lenis), что означает по-латыни «медлительный», «спокойный». Tranquillus (Транквилл) — имя, которым он называл сам себя, — также по-латыни — «спокойный». Таким образом, латинские слова tranquillus и lenis почти синонимы, на что и указывает Монтень.
8 *Пьер Террайль* — подлинное имя французского полководца *Баярда* (см. прим. 19, с. 365, гл. III).
9 *Антуан Эскален* (ок. 1498—1578) называл себя также капитаном *Пуленом* и *бароном де Ла-Гард.* Это был французский офицер, отличившийся на военной службе и на дипломатическом поприще.
10 *Неужели ты думаешь, что прах и души покойников пекутся об этом?* — *Вергилий.* Энеида, IV, 34.
11 *Нашими стараниями поубавилась слава спартанцев.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 17.
12 *...нет никого, кто мог бы сравниться... со мною?* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 17.
13 *...люди более жадны к славе, чем к добродетели.* — *Ювенал.* Сатиры, X, 138 сл.

Глава XLVII
О НЕНАДЕЖНОСТИ НАШИХ СУЖДЕНИЙ

1 *Мы можем обо всем... говорить и за и против.* — Перевод стиха Гомера (Илиада, XX, 249).
2 *Ганнибал победил, но... не сумел.. воспользоваться плодами победы.* — *Петрарка.* Сонет, 82.

[3] *Битва при Монконтуре* произошла в 1569 г. во время религиозных войн во Франции; герцог Анжуйский (будущий король Генрих III) одержал в ней победу над вождем протестантов адмиралом Колиньи. *...не использовал победы... при Сен-Кантене...* — В битве при Сен-Кантене (1557) испанская армия, подкрепленная английскими отрядами, разбила французскую под командованием Монморанси и Колиньи. Но взятие этой крепости не повело к решительному разгрому французов. *Испанский король*, о котором говорит Монтень, — Филипп II.

[4] *...когда враг охвачен ужасом...* — Лукан, VII, 734.

[5] *...разбившие марсов во время Союзнической войны...* — *Марсы* — италийская народность, обитавшая в средней и южной Италии. Марсы отчаянно боролись с римлянами во время *Союзнической войны* (90—88 гг. до н. э.).

[6] Гастон *де Фуа* (1489—1512) — французский полководец, одержавший в Италии ряд побед.

[7] *Битва при Серизоле* (Черезоле, Италия) произошла в 1544 г. между французами и имперскими войсками; Франсуа *д'Ангиен* (1519—1545) — французский полководец.

[8] *Укусы разъяренной необходимости наиболее опасны.* — Слова Порция Латрона в его речи о Катилине. *Саллюстий* (?). Фрагменты, 11.

[9] *...сражается, будучи готов умереть.* — Лукан, IV, 275.

[10] *...азиатские народы брали... в походы... жен...* — *Ксенофонт*. Киропедия, IV, 3.

[11] *...одевшись в доспехи Демогакла...* — *Плутарх*. Жизнеописание Пирра, 17. Называя Мегакла Демогаклом, Монтень повторяет ошибку современных ему французских переводов Плутарха.

[12] *Агис* — Агис IV (III в. до н. э.), спартанский царь, убит за попытку восстановить законы Ликурга; *Агесилай* (см. прим. 13, с. 365, гл. III); *Гилипп* — знаменитый спартанский полководец (V в. до н. э.).

[13] *Фарсал* — город в Фессалии, в окрестностях которого Цезарь одержал решительную победу над Помпеем (48 г. до н. э.).

[14] *...он умерил силу...* — *Плутарх*. Жизнеописание Помпея, 69.

[15] *В злосчастной битве между двумя братьями персами...* — *Ксенофонт*. Анабасис, I, 8. Монтень имеет в виду борьбу за персидский престол, происходившую между братьями — Киром Младшим и Артаксерксом II (Мнемоном) и закончившуюся победой Артаксеркса и гибелью Кира в 401 г. до н. э.

[16] *...вторгнуться в Прованс...* — См. прим. 4, с. 397, гл. XLI.

[17] *Сципион предпочел напасть на врага...* — Речь идет о II Пунической войне. Сципион высадился в Африке в 204 г. до н. э.

[18] *...они... напали на Сицилию...* — Речь идет о попытке афинян захватить Сицилию (415—413) во время Пелопоннесской войны.

[19] *Агафокл* — тиран Сицилии; в 310 г., освободив Сицилию от карфагенян, он перенес театр военных действий в Африку. В дальнейшем он призвал в Сицилию карфагенян и отдал им большую часть их прежних владений, дабы подавить с их помощью народное восстание.

[20] *И на долю неблагоразумия выпадает успех...* — *Манилий*, Астрономика, IV, 95 сл.

Глава XLVIII
О БОЕВЫХ КОНЯХ

[1] *Equus funalis* — пристяжная лошадь; equus dextrior, или, в поздней латыни, *dextrarius* — то же самое (dexter — правый, находящийся по правую руку). По-романски (т. е. на провансальском языке) adostrer значит — быть по правую руку, иначе говоря, сопровождать — ст. франц. accompagnier. *Equus desultorius* — лошадь, приученная к вольтижировке наездника.

2 *У них в обычае... иметь... запасного коня...* — Тит Ливий. XXIII, 29.
3 *...беда постигла Артибия...* — Монтень опирается на рассказ Геродота (V, 111—112). — *Саламин* — остров в Эгейском море у берегов Аттики; в древнейшие времена был независимым от Афин.
4 *Форнуово* — город в Италии, недалеко от Пармы. Битва, о которой говорит Монтень, произошла между французами и миланцами в 1495 г.
5 *...а также видеть и различать...* — Поля страницы, на которой Монтень вписал этот абзац, были обрезаны при переплете таким образом, что конец фразы не сохранился.
6 *...считает верховую езду очень полезной...* — *Платон*. Законы, VII, 794 с; *Плиний Старший*. Естественная история, XXVIII, 14.
7 *...закон запрещал путешествовать пешком... имеющему лошадь.* — *Ксенофонт*. Киропедия, IV, 3.
8 *...парфяне имели обыкновение не только воевать верхом...* — *Юстин*. Извлечение из Трога Помпея, XLI, 3.
9 *...Светоний отмечает это... о Цезаре...* — *Светоний*. Божественный Юлий, 60.
10 *...в котором... римляне были сильнее.* — Тит Ливий, IX, 22.
11 *Приказывает... дать заложников.* — *Цезарь*. Записки о Галльской войне, VII, 11.
12 *...Хрисанф у Ксенофонта..* — *Ксенофонт*. Киропедия, IV, 3.
13 *...и тем и другим... неведомо бегство.* — *Вергилий*. Энеида, X, 756.
14 *...первые крики решают дело.* — Тит Ливий, XXV, 41.
15 *...они препоручают... ветру наносить удары...* — Лукан, VIII, 384 сл.
16 *...со свистом несется... фаларика.* — *Вергилий*. Энеида, IX, 705.
17 *Привыкнув метать пращой...* — Тит Ливий, XXXVIII, 29.
18 *Страх и трепет охватили осажденных...* — Тит Ливий, XXXVIII, 5.
19 *Они не боятся огромных ран.* — Тит Ливий, XXXVIII, 21.
20 *Дионисий Сиракузский* — см. прим. 7, с. 363.
21 *Машины... схожи с нашими изобретениями.* — Речь идет о катапультах.
22 *...непривычно им было видеть подобное.* — *Monstrellet*. Chronique. Ed. Douët d' Arcq., t. I, 349.
23 *...горстка свевов осмеливается нападать на крупные... отряды.* — *Цезарь*. Записки о Галльской войне, IV, 2.
24 *...управляют... с помощью... хлыста вместо уздечки.* — Лукан, IV, 682—683.
25 *И нумидийцы управляют невзнузданными конями.* — *Вергилий*. Энеида, IV, 41.
26 *...невзнузданные кони бегут некрасиво...* — Тит Ливий, XXXV, 11
27 *Альфонс XI* — см. прим. 28, с. 398.
28 Антонио де *Гевара* (ум. в 1545 г.) — видный испанский писатель-моралист, ученость и стиль которого весьма ценились в Испании и за ее пределами. Кроме других сочинений, оставил два тома «Домашних писем», касающихся самых разнообразных предметов (изд. 1539—1545 гг.), пользовавшихся большим успехом и неоднократно переиздававшихся во второй половине XVI в. Монтень, как и все его поколение, зачитывался произведениями Гевары, фигурирующими в каталоге книг его библиотеки, хотя и относился к ним критически.
29 *«Придворный»* — книга итальянца Бальдасаре Кастильоне (изд. 1528 г.), содержащая беседы представителей придворного общества на тему о том, какими качествами должен обладать человек высокой и тонкой культуры. Книга эта вскоре приобрела большую известность и за пределами Италии. В 1537 г. она была переведена на французский язык. Монтень часто заимствовал из нее примеры различного рода.

...абиссинцы, наиболее высокопоставленные и приближенные к пресвитеру Иоанну... — В средние века и в XVI в. было довольно широко распространено сказание, что на Востоке, среди мусульманских земель, не то в Абиссинии, не то в Индии или еще дальше в Азии — существует христианское царство, которым управляет *священник Иоанн*. В основе этого сказания лежали вполне достоверные

сведения о сохранившихся до XII—XIII вв. в центральной Азии общинах христиан несторианского толка.

[31] *Ксенофонт рассказывает..* — *Ксенофонт.* Киропедия, III, 3.
[32] *Вот и сармат, вскормленный конской кровью.* — *Марциал.* Книга зрелищ, 3, 4.
[33] *Критяне, осажденные Метеллом... страдали от отсутствия воды...* — Монтень опирается на сообщение Валерия Максима, VII, 6, ext. 1.
[34] *Недавно обнаруженные народы Индии...* — Монтень имеет в виду Америку, которая тогда называлась Новой Индией. Несколько ниже Монтень говорит об Индии ближней, т. е. об Индии в собственном смысле.
[35] *Фабий Максим Рутилиан* (или Руллиан) — римский политический деятель и полководец (IV—III вв. до н. э.).
[36] ..*Натиск ваших коней будет сильнее, если вы разнуздаете их...* — Тит Ливий, XL, 40.
[37] *Баязет* I (Баязид) — турецкий султан (с 1390 по 1403 г.), завоеватель Болгарии, Македонии, Фессалии и обширных территорий в Малой Азии; ...*вспарывали... животы, залезали туда...* — Источник Монтеня — во многом недостоверный — «О происхождении и деяниях поляков» Яна Гербурта Фульстинского (*Jan Herburt z Fulsztyna* De origine et rebus gestis Polonorum), польского историка XVI в. Французский перевод («Histoire de rois et princes de Pologne») вышел в 1573 г. Сохранилась пометка Монтеня на экземпляре этой книги из его библиотеки: «Закончил чтение ее в феврале 1586 г. Это краткая и простая история Польши, без прикрас».

Об интересе Монтеня к России см. статью М. П. Алексеева «Эпизоды из русской истории» в книге «Романо-германская филология», сборник статей в честь академика В. Ф. Шишмарева, Л., 1957.

[38] ..*говорит Геродот...* — Геродот, I, 78.
[39] *Даги* — племя, обитавшее в нынешнем Дагестане и в Средней Азии.
[40] *Реал* — мелкая испанская монета.

Глава XLIX
О СТАРИННЫХ ОБЫЧАЯХ

[1] Гай *Фабриций* Лусцин — римский консул в 282 г. до н. э., славившийся своей неподкупностью и простотой нравов. *Лелий* Непот — римский полководец (III—II вв. до н. э.), друг Сципиона Африканского.
[2] *Они... обнажают меч.* — *Цезарь.* Записки о гражданской войне, I, 75.
[3] ...*дурное обыкновение останавливать... прохожих...* — *Цезарь.* Записки о Галльской войне, IV, 5.
[4] *Ты выщипываешь у себя волосы...* — Марциал, II, 62, 1.
[5] *Она... обсыпает себя... мелом.* — Марциал, VI, 93, 9.
[6] ...*Эней так начал с высокого ложа.* — *Вергилий.* Энеида, II, 2.
[7] *Я поцеловал бы* [тебя]... — *Овидий.* Письма с Понта, IV, 9, 13.
[8] ...*засунул .. палку... в горло и задохся.* — *Сенека.* Письма, 70, 20.
[9] Монтень дает приблизительный перевод этого стиха перед тем, как процитировать его (Марциал, XI, 58, 11).
[10] *Маленькие дети часто видят во сне...* — Лукреций, IV, 1026—1027.
[11] *Пусть лакомятся модники...* — Марциал, VII, 48, 4—5.
[12] *Раб с прикрытыми... чреслами...* — Марциал, VII, 35, 1—2.
[13] ...*свидетельствует Сидоний Аполлинарий...* — Сидоний Аполлинарий, VII, 239 сл.
[14] ...*пока уплатили... прошел целый час.* — *Гораций.* Сатиры, I, 5, 13—14.
[15] ...*краем ложа царя Никомеда.* — *Светоний.* Божественный Юлий, 49.
[16] ...*какой другой мальчик скорее охладит чаши...* — *Гораций.* Оды, II, 11, 18 сл.
[17] *О Янус! Тебе никто не мог бы показать... кукиш...* — *Персий.* Сатиры, I, 58 сл.

Глава L
О ДЕМОКРИТЕ И ГЕРАКЛИТЕ

[1] *...один смеялся, другой же... плакал.* — *Ювенал.* Сатиры, X, 28.
[2] *...Тимон, прозванный человеконенавистником.* — Афинянин (V в до н. э.). В античных источниках мы находим множество рассказов о его отвращении к роду человеческому. Образ Тимона отражен Шекспиром в его трагедии «Тимон Афинский».
[3] *Гегесий* — см. прим. 57, с. 385.
[4] *Феодор* — древнегреческий философ (IV в. до н. э.), проповедовавший неверие в богов.

Глава LI
О СУЕТНОСТИ СЛОВ

[1] *...выслушал ответ Фукидида...* — Речь идет не о Фукидиде, сыне Олора, — историке, а о *Фукидиде*, сыне Мелесия, — афинском политическом деятеле, вожде аристократической партии, яром противнике Перикла, подвергшемся остракизму в 443 г. до н. э.
[2] *Аристон* — древнегреческий философ-стоик (III в. до н. э.).
[3] *...искусство льстить и обманывать...* — *Платон.* Горгий, 465 b.
[4] Публий *Лентул* Сура — римский консул 71 г. до н. э., участник заговора Катилины, казненный вместе с другими заговорщиками Цицероном (63 г.); Квинт *Метелл* Непот — народный трибун 63 г., консул 57 г. до н. э.
[5] *...у кардинала Караффы...* — Монтень имеет в виду, надо полагать, кардинала Карло Караффу, осужденного на смерть папой Пием IV и казненного в 1561 г. *Караффа* — знаменитая в XVI в. неаполитанская фамилия.
[6] *...не безразлично, каким образом... разрезать курицу...* — *Ювенал.* Сатиры, V, 123.
[7] *...я велю им смотреть в кастрюли, словно в веркало...* — *Теренций.* Братья, 439.
[8] Луций *Эмилий* Павл (*Павел*) римский полководец, нанесший поражение Персею в битве при Пидне (3-я Македонская война 168 г. до н. э.), завоеватель Македонии.
[9] *...дворец Аполидона...* — роскошный, воздвигнутый при помощи волшебства дворец, описанный в «Амадисе Галльском» — позднерыцарском испанском романе, переведенном в XVI в. на французский язык.
[10] Пьетро *Аретино* (1492—1554) — выдающийся итальянский сатирик, публицист и драматург эпохи Возрождения. В произведениях Аретино, проникнутых духом вызывающего свободомыслия, встречаются эпизоды, отмеченные цинизмом, непристойностью. Этим, а также неряшливостью слога Аретино и объясняется строгий отзыв о нем Монтеня.

Глава LII
О БЕРЕЖЛИВОСТИ ДРЕВНИХ

[1] Марк *Аттилий Регул* — римский полководец III в. до н. э., успешно воевавший с карфагенянами, принудивший их начать переговоры о мире, но, в конце концов, предательски захваченный ими в плен.
[2] Публий Корнелий *Сципион Эмилиан* Африканский Младший — знаменитый римский полководец, взявший и разрушивший Карфаген (146 г. до н. э.) и Нуманцию (133 г. до н. э.).

Глава LIII
ОБ ОДНОМ ИЗРЕЧЕНИИ ЦЕЗАРЯ

1 *...получив... мы начинаем... желать... другого.* — Лукреций, III, 1082 сл.
2 *...все зло — в самом сосуде...* — Лукреций, VI, 9 сл.
3 *Таков порок, присущий нашей природе...* — *Цезарь.* Записки о гражданской войне, II, 4.

Глава LIV
О СУЕТНЫХ УХИЩРЕНИЯХ

1 *...как рассказывает... Плутарх...* — *Плутарх.* Застольные беседы, VIII, 9.
2 *...он отдал забавное и... правильное приказание...* — Согласно Квинтилиану (Обучение оратора, II, 20), это приказание было отдано Александром Македонским.
3 *Демокрит утверждал...* — Источник Монтеня — Плутарх (Мнения философов, IV, 10).
4 *...слитки свинца... плавятся от холода...* — *Аристотель.* Проблемы, 50.
5 *Вилланель* — лирическое стихотворение из шести строф по три стиха и одной заключительной строчки, всего на две рифмы.

Глава LV
О ЗАПАХАХ

1 *Причину этого пытались выяснить Плутарх и другие.* — *Плутарх.* Жизнеописание Александра, 4.
2 *Женщина пахнет хорошо, когда... ничем не пахнет.* — *Плавт.* Привидение, I, 3.
3 *...я предпочитаю ничем не пахнуть, чем благоухать.* — Марциал, VI, 55, 4.
4 *...нехорошо пахнет тот, кто... благоухает.* — Марциал, II, 12, 4.
5 *Мое обоняние... различает... запах... лучше, чем пес...* — *Гораций.* Эподы, XII, 4 сл.
6 *...он один ни разу ею не заразился.* — Диоген Лаэрций, II, 25.
7 *...во время трапез короля тунисского...* — Имеется в виду Мулей Гасан, тунисский султан, который в 1543 г. прибыл в Неаполь, надеясь встретить там Карла V, чтобы обратиться к нему за помощью против своих восставших подданных.

Глава LVI
О МОЛИТВАХ

1 Эта глава, как и глава LIV, показательна для отношения Монтеня к католической церкви. Весь первый абзац — вставка, сделанная Монтенем в 1582 г., по возвращении из Италии, после того как его «Опыты» были проверены папским цензором, которому Монтень обещал изменить инкриминировавшиеся ему в разных главах места.
2 *Платон... указывает на три ошибочных суждения о богах...* — *Платон.* Законы, X, 888 c—d.
3 *...ты... скрываешь... лицо под... плащом...* — *Ювенал.* Сатиры, VIII, 144 сл.
4 *Benedicite* («Благословите») — латинская католическая молитва, читаемая перед принятием пищи.
5 *Sursum corda* («Ввысь да стремятся сердца») — первые слова латинской католической молитвы.

[6] *...император Андроник, встретив... двух вельмож...* — Монтень, по-видимому, имеет в виду византийского императора *Андроника* II Палеолога (1258—1322); имя *Лопадий* введено Монтенем по недоразумению: такое историческое лицо не известно.

[7] *Некий епископ...* — Имеется в виду епископ Озорио (см. прим. 10 к гл. XIV). — *Диоскорида* — древнее название острова Сокотра, находящегося в Индийском океане, в 180 км от мыса Гвардафуй.

[8] *О Юпитер! Ибо ничего не знаю я о тебе...* — Монтень цитирует здесь французский перевод Амио (см. прим. 1, с. 381) трактата Плутарха «О любви» XII.

[9] *Словами грубыми и простыми.* — *Августин.* О граде божием, X, 29.

[10] *...у Ксенофонта есть одно место...* — Монтень, по-видимому, допускает ошибку. Подобные рассуждения можно встретить в «Алкивиаде II» Платона.

[11] *Ты спросишь у богов такое, о чем можешь сказать им только тайком.* — *Персий.* Сатиры, II, 4.

[12] *...Юпитер... не удержится от... восклицания.* — *Персий.* Сатиры, II, 21 сл.

[13] *...Маргарита Наваррская рассказывает о... принце...* — *Маргарита Наваррская* Гептамерон, III, 25; *Маргарита Наваррская* (1492—1549) — королева Наварры, сестра французского короля Франциска I, даровитая писательница XVI в. (сборник новелл «Гептамерон», поэтический сборник «Перлы перлов принцессы» и проч.). Комментаторы полагают, что в своем рассказе о молодом принце она имеет в виду будущего короля Франциска I.

[14] *...мы... бормочем преступные молитвы.* — Лукан, V, 104.

[15] *Не всякий... открыто вознесет свои молитвы...* — *Персий.* Сатиры, II, 6—7.

[16] *Прикрой мои прегрешения... тьмою..* — *Гораций.* Послания, I, 16, 59 сл.

[17] *Ни боги, ни... люди... не принимают даров от злых* — *Платон.* Законы, IV, 716 е—717 а.

[18] *Если коснуться алтаря чистой рукой, то можно смягчить суровость пенатов... горсткой полбы...* — *Гораций.* Оды, III, 23, 17 сл.

Глава LVII

О ВОЗРАСТЕ

[1] *...сказал Катон... тем, кто хотел помешать ему покончить с собой ..* — Монтень опирается здесь на рассказ Плутарха (Жизнеописание Катона Утического, 69).

[2] *...разум... начинает прихрамывать...* — Лукреций, III, 451 сл.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава I

О НЕПОСТОЯНСТВЕ НАШИХ ПОСТУПКОВ

[1] *Марий Младший* — см. прим. 3, с. 398. — Указанное в тексте сообщение см. *Плутарх.* Жизнеописание Гая Мария, XVI.

[2] *Бонифаций VIII* — папа римский (1294—1303). До избрания папой Бонифаций успел проделать при римской курии весьма разнообразную карьеру и разбогатеть; он был посвящен во все интриги папского двора («вел себя лисой», как выражается Монтень). Став папой, вступил в борьбу за верховенство папской власти над светской властью государей («выказал себя львом», иронизирует Монтень) и потерпел сокрушительное поражение в конфликте с французским королем Филиппом IV

Красивым, эмиссары которого нанесли папе тяжкие физические оскорбления, в результате которых Бонифаций умер («умер как собака», констатирует Монтень).

3 *Нерон* — см. прим. 5, с. 364, гл. III. — Указанное в тексте сообщение см. *Сенека.* О милосердии, II, 1.

4 *Публилий Сир* — римский мимический поэт при Цезаре и Августе, произведения которого пользовались большим успехом. Сборник приписываемых Публилию Сиру изречений носит название: Publilii Syri mimi sententiae. — «Плохо то решение, которого нельзя изменить» (Публилий Сир в цитате у Авла Геллия, XVII, 14).

5 *Август* — Октавиан Август — см. прим. 9, с. 366.

6 *...как говорит один древний автор...* — Имеется в виду Сенека. См. *Сенека.* Письма, 20, 5.

7 *...Демосфен говорил...* — Приводимое в тексте высказывание взято из речи Демосфена (384—322 до н. э.) в честь павших при Херонее.

8 *...он мечется, нарушая... порядок своей жизни.* — *Гораций.* Послания, I, 1, 98.

9 *...кукла, которую за ниточку движут другие.* — *Гораций.* Сатиры, II, 7, 83.

10 *...человек сам не знает, чего... хочет.* — Лукреций, III, 1071.

11 *Мысли людей меняются...* — «Одиссея», XVIII, 136—137, в латинском переводе Цицерона.

12 *Эмпедокл.* — Сообщаемый Монтенем эпизод приводится у Диогена Лаэрция, VIII, 63.

13 *Катон Младший* — см. I, гл. XXXVII.

14 *Лукреция* — легендарная древнеримская героиня. По преданию, была обесчещена сыном царя Тарквиния Гордого (VI в. до н. э.), Секстом, и лишила себя жизни. Согласно легенде, это событие послужило поводом к изгнанию Тарквиния восставшим римским народом и к основанию республики (509 г. до н. э.).

15 *Антигон* — см. прим 10, с. 367, гл. V.

16 *Лукулл* — Луций Лициний Лукулл (117—56 гг. до н. э.), римский политический деятель и известный полководец, приверженец аристократии и сторонник диктатора Суллы.

17 *Со словами, которые и трусу могли бы прибавить духу.* — *Гораций.* Послания, II, 2, 36.

18 *...тот, кто потерял свой кушак с деньгами.* — *Гораций.* Послания, II, 2, 39.

19 *Мехмед* — турецкий султан Мехмед II (1451—1481), при котором произошло завоевание Константинополя. В 1456 г. венгерский полководец Янош Хуньяди нанес при Белграде сокрушительное поражение войскам Мехмеда II, пытавшимся овладеть Сербией. — Сообщаемое в тексте см. Халкондил, VIII, 13.

20 *...у кимвров и кельтиберов.* — *Кимвры* — германское племя, жившее сначала на Ютландском полуострове; в 113 г. до н. э. кимвры, переселившиеся в римскую провинцию Норик, одержали ряд побед над римлянами, но в 101 г. потерпели поражение от римского консула Гая Мария и были частью уничтожены, частью взяты в плен и обращены в рабство. — *Кельтиберы* — древние племена, жившие в центральной части Пиренейского полуострова и образовавшиеся в результате смешения коренного населения — иберов — с кельтами. Кельтиберы упорно отстаивали свою независимость от римлян, которым с трудом удалось покорить их только в 72 г. до н. э. Указанное место см. *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 27.

21 *Не может быть...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II 27.

22 *Клит* (380—327 гг. до н. э.) — приближенный и один из военачальников Александра Македонского, убитый им во время попойки.

23 *Тот, кто размышлял над своим образом жизни и предусмотрел его.* — *Цицерон* Парадоксы, V, 1.

24 *Тальбот* (ум. в 1453 г.) — английский полководец, которого Монтень называет «нашим», так как Тальбот прославился своими военными подвигами в родной Монтеню Гаскони.

25 *...говорит один древний автор...* — Имеется в виду Сенека (Письма, 72).

26 *Я не согласен с... решением... относительно Софокла...* — Приводимое в тексте сообщение см. *Цицерон*. О старости, 7.
27 *...как. . заботились о своем собственном.* — Указанный эпизод см. Геродот, V, 29,
28 *...великое дело играть одну и ту же роль.* — *Сенека*. Письма, 120, 22.
29 *...юная девушка... одна пробирается к... возлюбленному.* — Тибулл, II, 1, 75.

Глава II

О ПЬЯНСТВЕ

1 *...ближе которых не может быть справедливого...* — *Гораций*. Сатиры, I, 1, 107.
2 *Разумом нельзя доказать...* — *Гораций*. Сатиры, I, 3, 115.
3 *...поднимутся... крики, брань, икота.* — Лукреций, III, 475.
4 *...вино... раскроет. . зреющие втайне замыслы.* — *Гораций*. Оды, III, 21, 14.
5 *Иосиф* — имеется в виду иудейский историк и военачальник Иосиф Флавий (37—95 г. н. э.). — Приводимое в тексте сообщение см. в его «Автобиографии», 44.
6 *Тиберий* — римский император (14—37), пасынок Августа. — Оба приводимых Монтенем примера почерпнуты у Сенеки (Письма, 83).
7 *Вены его... вздуты вчерашним вином.* — *Вергилий*. Эклоги, VI, 15.
8 Луций Тиллий *Цимбр* (I в. до н. э.) — первоначально сторонник Цезаря, в дальнейшем принимавший активное участие в заговоре против Цезаря и его убийстве. По словам Сенеки, у которого Монтень заимствует это сообщение, Цимбр был любитель выпить и очень болтлив (см. Письма, 83). — Гай *Кассий* Лонгин (I в. до н. э.) — римский политический деятель, один из инициаторов заговора против Цезаря, принимавший непосредственное участие в его убийстве.
9 *Хотя они захмелели... их нелегко одолеть.* — Ювенал, XV, 47.
10 *...прочел у одного историка...* — Имеется в виду Диодор Сицилийский, у которого почерпнут приводимый в тексте эпизод (кн. XVI, 26). — *Павсаний* — один из придворных того же царя, славившийся своей красотой и являвшийся царским любимцем; в 366 г. он заколол Филиппа II. — *Эпаминонд* — см. прим. 6, с. 363.
11 *...в этом состязании... пальма первенства досталась... Сократу.* — Максимиан, I, 47.
12 *Катон* Старший — известный римский политический деятель.
13 *...доблесть... Катона часто подогревалась вином.* — *Гораций*. Оды, III, 21, 1.
14 *Кир* — см. прим. 15, с. 400. — Указанное в тексте сообщение см *Плутарх*. Жизнеописание Артаксеркса, 2.
15 *Сильвий* — имеется в виду Жак Дюбуа (1478—1555), в латинизированной форме Сильвий, известный парижский врач и ученый.
16 *...они совещались... под хмельком.* — Геродот, I, 133.
17 *...сочинение... именуемое... «Марком Аврелием».* — Имеется в виду произведение испанского писателя Антонио де Гевары, известное под названием «Золотая книга Марка Аврелия» и впервые переведенное на французский язык в 1537 г. Сочинения Гевары, как уже говорилось выше (с. 401), пользовались большим успехом во Франции и неоднократно издавались в XVI в. Упоминаемый в тексте «Марк Аврелий», наряду с другими произведениями Гевары, фигурирует в каталоге книг библиотеки Монтеня.
18 *Анахарсис* — см. прим. 32, с. 398. — Приводимое сообщение см. Диоген Лаэрций, I, 104.
19 *В своих «Законах»...* — *Платон*. Законы, I, 637 b—652 b.
20 *Стильпон* — см. прим. 11, с. 395, гл. XXIX. — Приводимое сообщение см. Диоген Лаэрций, II, 120.

[21] *Аркесилай* — см. прим. 18, с. 395, гл. XXIX. — Приводимое сообщение см. Диоген Лаэрций, IV, 44
[22] *Не придаст ли оно.. мудрости большую мощь.* — *Гораций.* Оды, III, 28, 4.
[23] *Если душа охвачена страхом... человек валится с ног.* — Лукреций, III, 155.
[24] *...ничто человеческое. не... чуждо.* — *Теренций.* Сам себя наказующий, 77.
[25] *...он .. замедляет ход кораблей.* — *Вергилий.* Энеида, VI, 1.
[26] *Брут.* — Имеется в виду Луций Юний Брут. — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Жизнеописание Публиколы, 3.
[27] *Торкват* — Манлий Торкват (IV в. до н. э.), римский политический деятель. Согласно легенде, явил пример суровой воинской дисциплины, казнив во время своего третьего консульства собственного сына, который вопреки запрету вступил в единоборство с неприятельским воином.
[28] *...среди представителей философской школы, которая считается наиболее гибкой...* — Имеются в виду эпикурейцы.
[29] *Метродор* Хиосский (330—278 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, один из виднейших учеников и продолжателей философии Эпикура, часто упоминающего его в своих сочинениях. Это место цит. по *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 9.
[30] *Анаксарх* (IV в. до н. э.) — философ-скептик из Абдеры, учитель Пиррона. Был приговорен к мучительной смерти тираном Кипра Никокреоном. — Приводимое сообщение см. Диоген Лаэрций, IX, 58—59.
[31] *..у Иосифа мы читаем...* — См. прим. 5, с. 407. Приводимое в тексте см. в гл. VIII «О Маккавеях» Монтень очень неточно передает рассказ Иосифа Флавия.
[32] *Антисфен* — см. прим 5, с. 396. — Монтень дает перевод этого изречения Антисфена прежде чем его привести (см. Диоген Лаэрций, VI, 3).
[33] *...когда Секст...* — Приводимые Монтенем примеры см. *Сенека* Письма, 66, 18, 45—48; 67, 15; 92, 25. — *Секст* — имеется в виду Секст Эмпирик, философ-скептик.
[34] *Он жаждет, чтобы. . спустился... рыжий лев...* — *Вергилий.* Энеида, IV, 158.
[35] *...выдающаяся душа не чужда... безумия.* — Монтень приводит эти примеры по Сенеке (Письма, 64).
[36] *Платон... обосновывает утверждение...* — В диалоге «Тимей», 71 е.

Глава III

ОБЫЧАЙ ОСТРОВА КЕИ

[1] *Остров Кея* (в древности Кеос) — один из Кикладских островов.
[2] *Филипп* — Македонский царь Филипп II (359—356 гг. до н. э.) — *Дамид* (у Плутарха — Даминд) — спартанец, ничем более не известный. — Приводимый в тексте эпизод и четыре следующих примера почерпнуты Монтенем у Плутарха (Изречения лакедемонян).
[3] *Агис* — имеется в виду спартанский царь Агис II (427—401 гг. до н. э.).
[4] *Антигон* — см. прим. 10, с. 367, гл. V.
[5] *Антипатр* — см. прим. 32, с. 383.
[6] *Филипп* — см. прим. 2. — Приводимое в тексте почерпнуто у Цицерона (Тускуланские беседы, V, 14).
[7] *Байокал* — вождь племени ампсивариев, боровшегося с римлянами (I в. н. э.). — Приводимый ответ почерпнут Монтенем у Тацита (Анналы, XIII, 56).
[8] *Всюду — смерть... тысячи путей ведут к ней.* — *Сенека.* Финикиянки, 151.
[9] *Сервий* — римский грамматик и комментатор (IV в. н. э.). — Сообщаемое Монтенем почерпнуто у Плиния Старшего (Естественная история, XXV, 7).
[10] *Гегесий* — см прим. 57, с. 385. — Сообщаемое Монтенем приводится у Сенеки (Письма, 58, 29—33).
[11] *Диоген* Синопский (404—323 гг. до н. э.) — древнегреческий философ. *Спевсипп* — см прим 49 с. 385 Приводимое Монтенем сообщение см. Диоген Лаэрций. IV, 3.

[12] ...*несчастные... возненавидев мир, лишили себя жизни.* — *Вергилий* Энеида, VI. 434.

[13] *Регул* — см. прим. 1, с. 403, гл. LII. — *Катон* — Катон Младший, см. прим. 13, с. 406. Это один из случаев, когда Монтень, обычно превозносящий Катона Утического, решительно расходится с Плутархом в характеристике Катона и осуждает Катона за самоубийство. Монтень усматривает в этом неумение на деле противостоять ударам судьбы и считает это отступлением от стоических принципов.

[14] ...*дуб... закаляется от... ударов и черпает в них силу.* — *Гораций.* Оды, IV, 4, 57.

[15] *Доблесть... в том, чтобы уметь противостоять... несчастью...* — *Сенека.* Финикиянки, 190.

[16] ...*больше мужества проявляет тот, кто умеет быть несчастным.* — Марциал XI, 56, 16.

[17] *Пусть рушится... мир: его обломки поразят бесстрашного.* — *Гораций* Оды. III, 3, 7.

[18] *Разве не безумие... умереть от страха смерти?* — Марциал, II, 80, 2.

[19] ...*страх перед... бедой ставил... людей в... опасные положения...* — Лукан, VII, 104.

[20] *Из-за страха перед смертью... они... лишают себя жизни...* — Лукреций, III, 79.

[21] *Платон в своих «Законах»...* — Законы, IX, 873 d.

[22] ...*должен быть в живых... когда... невзгоды могут обрушиться.* — Лукреций, III, 861.

[23] ...*разумным выходом.* — См. Диоген Лаэрций, VIII, 130.

[24] *Выше я уже приводил... примеры...* — См. «Опыты», кн. I, гл. XIV.

[25] ...*будут волочить голыми по всему городу.* — Приводимое в тексте почерпнуто Монтенем у Плутарха (О доблестных деяниях женщин, гл. «О милетянках», XI).

[26] *Клеомен* III — Спартанский царь (235—221 гг. до н. э.). — *Терикион* — один из друзей Клеомена, славившийся, по словам Плутарха, своим красноречием и искусством в ведении государственных дел. — Приводимый Монтенем рассказ см. *Плутарх.* Жизнеописание Клеомена, 14.

[27] ...*гладиатор надеется, хотя толпа... требует его смерти.* — Пентадий в цитате у Юста Липсия: Сатурналии, т. III, стр. 541, изд. 1637.

[28] ...*она ничего не может сделать тому, кто сумел умереть?* — *Сенека.* Письма, 70, 13.

[29] *Иосиф* — см. прим. 5, с. 407. Приведенное место см. в его «Автобиографии».

[30] *Есть и такие, что пережили своего палача.* — *Сенека.* Письма, 13, 11.

[31] ...*нередко время и... труды... века...* — *Вергилий.* Энеида, XI, 425.

[32] *Плиний утверждает...* — *Плиний Старший.* Естественная история, XXV, 3.

[33] *Сенека же считает...* — Письма, 58, 33—34.

[34] ...*он закололся мечом...* — Тит Ливий, XXXVII, 46.

[35] ...*когда их город... доведен был... до последней крайности...* — В 168 г. до н. э. римляне, завоевывая Эпир, разрушили 70 городов и местечек. — Приводимое сообщение см. Тит Ливий, XLV, 26.

[36] *Гоцо* — остров в Средиземном море, в 6 км к северо-западу от Мальты. — Приводимый Монтенем эпизод почерпнут им из книги: *G. Paradin.* Continuation de l'histoire de notre temps. Paris, 1575.

[37] *Антиох* IV Эпифан — царь Сирии (175—164 гг. до н. э.). — Приводимое сообщение Монтень заимствует у Иосифа Флавия, у которого, однако, говорится лишь о том, что Антиох приказал истязать обрезанных детей (см. Иудейские древности, XII, 5).

[38] *Скрибония* — в 40 г. до н. э. жена (в третьем браке) Августа; была теткой Марка Скрибония Либона Друза, который, будучи предан суду сената (16 г. н. э.) по подозрению в посягательстве на жизнь императора Тиберия, покончил с собой. — Приводимое сообщение см. *Сенека.* Письма, 70, 10, а также *Тацит* Анналы, II, 27 и сл.

[39] ...*призывая на их головы божью кару.* — Книга Маккавеев, II, XIV, 37—46.

[40] *Максенций* — Марк Аврелий Валерий, римский император (306—312).

[41] *...ученый автор наших дней...* — гуманист Анри Этьен Младший (1528—1598), выдающийся эллинист и эрудит, принадлежавший к известной семье французских типографов XVI в. В своей «Апологии Геродота» (гл. XV, 22) Анри Этьен утверждал, что в его время случаи неверности жен своим мужьям были в Париже широко распространенным явлением.

[42] Клеман *Маро* (1496—1544) — крупнейший поэт раннего французского Возрождения; Монтень имеет в виду его эпиграмму «Да и нет».

[43] *Луций Арунций* — римский политический деятель, при императоре Тиберии был долгое время наместником Испании; преследуемый фаворитом Тиберия Макроном, Арунций покончил с собой. — Приводимое сообщение см. *Тацит*. Анналы, VI, 48

[44] *Граний* (у Тацита — Гавий) *Сильван* и *Стаций Проксим* — военные трибуны; преследуемые Нероном, покончили с собой (*Тацит*. Анналы, XV, 71).

[45] *Спаргаписес* — вождь племени массагетов, населявших приаральские степи. Персидский царь Кир Старший в 529 г. до н. э. погиб в войне с массагетами. — Приводимое сообщение см. Геродот, I, 213.

[46] *...сам кинулся в пламя.* — Приводимый Монтенем рассказ почерпнут у Геродота (VII, 107).

[47] *...он бросился в огонь.* — Приводимое в тексте описание заимствовано у португальского историка, епископа Иеронима Озорио, сочинением которого «De gestis regis Emmanuelis» Монтень, как было уже сказано выше (с. 370), пользовался как в латинском оригинале, так и во французском переводе. В данном случае Монтень приводит рассказ Озорио по французскому переводу (кн. IX, 27).

[48] *Секстилия* — жена Мамерка Скавра (из знатного рода Эмилиев), который обвинен был в злых умыслах против императора Тиберия и стремлении к личному возвышению. — *Паксея* — жена правителя Мезии Помпония Лабеона, который был обвинен при Тиберии в дурном управлении провинцией и других преступлениях и покончил с собой. Паксея последовала его примеру. — Приводимое в тексте см. *Тацит* Анналы, VI, 29.

[49] Марк *Кокцей Нерва* — римский юрист первых десятилетий нашей эры, дед императора Нервы (96—98); был одним из ближайших советников императора Тиберия и в 32 г. покончил с собой, удрученный, по словам Тацита, «бедствиями государства» (см. *Тацит*. Анналы, VI, 26).

[50] *Вибий Вирий* — сенатор города Капуи, временно перешедшего на сторону Ганнибала (одним из инициаторов этого отпадения от римлян был Вибий Вирий) и вскоре вновь завоеванного римлянами. — Приводимое сообщение см. Тит Ливий, XXVI, 13 и сл.

[51] *Таврей Юбеллий...* — Приводимый эпизод почерпнут у Тита Ливия (XXVI, 14—15).

[52] *Астапа* — древнее название города Эстепа в области Севильи. — Приводимое в тексте см. Тит Ливий, XXVIII, 22—23.

[53] *Такое же решение приняли и жители Абидоса...* — Абидос был завоеван Филиппом V (220—179 гг. до н. э.) в 200 г. до н. э. — Приводимое сообщение см. Тит Ливий, XXXI, 17.

[54] *...они могли составлять завещания.* — В приводимом сообщении Монтень опирается на Тацита (Анналы, VI, 29).

[55] *Имею желание... быть со Христом...* — Послание к филиппийцам, I, 23; Послание к римлянам, VII, 24.

[56] *...участник крестового похода Людовика Святого...* — Имеется в виду 7-й крестовый поход, предпринятый французским королем Людовиком IX Святым (1226—1270). — Сообщаемый эпизод приводится в хронике историографа Людовика IX Жуанвиля, который сам был участником этого похода. См. *J. de Joinville*. Mémoires ou Histoire et chronique de très chrétien roi saint Louis, t. I. Paris, 1858.

[57] *В одном из царств новооткрытых земель...* — Сообщаемое Монтенем приводится в кн.: *Gonçalez de Mendoza*. Histoire du royaume de la Chine, франц. пер. 1585.

[58] *Негропонт* — другое название Эвбеи, острова в Эгейском море. — Приводимое в тексте сообщение см. Валерий Максим, II, 6, 8.
[59] *Плиний сообщает...* — Естественная история, IV, 26.

Глава IV
ДЕЛА — ДО ЗАВТРА!

[1] *Жак Амио* — см. прим. 1, с. 381.
[2] *Ксенофонт* (445—355 гг. до н. э.) — греческий философ и историк.
[3] *Все присутствующие хвалили... выдержку Рустика.* — *Плутарх.* О любознательности, 14. — *Рустик* — Арулен Фабий (I в. н. э.) — римский политический деятель, друг Тацита и Плиния Младшего; около 93 г. был приговорен императором Домицианом к смерти за панегирик Тразее Пету, осужденному на смерть Нероном.
[4] *Из того же Плутарха я узнал...* — *Плутарх.* Жизнеописание Юлия Цезаря, 65.
[5] *Дела — до завтра!* — *Плутарх.* О демоне Сократа, 27. — *Пелопид* — см. прим. 5, с. 363.

Глава V
О СОВЕСТИ

[1] *Душа... терзает их скрытым бичеванием.* — Ювенал, XIII, 195.
[2] *...кто должен был понести... наказание.* — Монтень приводит этот рассказ по Плутарху (Почему божественное правосудие иногда не сразу наказывает виновных, VIII, 7).
[3] *Гесиод... утверждал...* — Гесиод (конец VIII—середина VII в. до н. э.) — древнегреческий поэт, основатель дидактического эпоса. Монтень и это сообщение приводит по Плутарху (Почему божественное правосудие иногда не сразу наказывает виновных, 9).
[4] *Дурной совет более всего вредит советчику.* — Приводится у Авла Геллия, IV, 5.
[5] *...свою жизнь они оставляют в ране...* — *Вергилий.* Георгики, IV, 233.
[6] *...многие выдавали себя, говоря во сне или в бреду...* — Лукреций, V, 1160.
[7] *...это я причина всех этих зол.* — Приводимый Монтенем рассказ заимствован им у Плутарха (Почему божественное правосудие иногда не сразу наказывает виновных, 9) в источнике нет никаких указаний, кто такой упоминаемый в нем Аполлодор.
[8] *...злодеям нигде нельзя укрыться...* — Монтень цитирует приводимое высказывание Эпикура по Сенеке (Письма, 97, 16).
[9] *...он не может оправдаться перед собственным судом.* — Ювенал, XIII, 2.
[10] *Наши действия порождают в нас надежды или страх...* — *Овидий.* Фасты, I, 485.
[11] *Сципион* — Нижеследующий рассказ заимствован Монтенем у Плутарха (Как можно восхвалять самого себя, 5).
[12] *...вся толпа и... обвинитель последовали за ним.* — Валерий Максим, III, 7, 1; Авл Геллий, IV, 18.
[13] *Петилий* — народный трибун, выступивший в 187 г. до н. э. с нападками на младшего брата Сципиона Африканского — Луция Корнелия Сципиона Азиатского, обвиняя его в утайке денег, полученных на ведение войны с Антиохом III Сирийским. Сципион Африканский сопровождал своего брата во время этого похода в Азию и фактически руководил им. По возвращении обоих Сципионов в Рим обвинение в присвоении денег было в действительности выдвинуто против Луция Сципиона Азиатского. Монтень же, как явствует из текста, при изложении этого эпизода следует за Ливием, который ошибочно утверждал, будто указанное обвинение было выдвинуто против Сципиона Африканского. — Упоминаемый дальше

Марк Порций *Катон* Цензор (см. прим. 12, с. 407) возглавлял партию, которая боролась против Сципиона Африканского (приводится у Авла Геллия, IV, 18).

14 *Тит Ливий говорит...* — Тит Ливий, XXXVIII, 54—55.

15 *Беда заставляет лгать даже невинных.* — *Публилий Сир.* Изречения, 236.

16 *Филота* (360—330 гг. до н. э.) — друг детства и паж Александра Македонского, впоследствии начальник отборной конницы гетеров; был обвинен в соучастии в заговоре на жизнь Александра и по приговору македонского войска побит камнями. По словам биографа Александра, Клитарха, Филота был подвергнут пытке и во всем сознался. — Приводимое сообщение см. Квинт Курций, VI, 7 и сл.

17 *Не помню, откуда я взял этот рассказ...* — Приводимый эпизод Монтень мог почерпнуть либо из хроники Фруассара (IV, гл. 87), либо у своего современника, Анри Этьена Младшего (см. прим. 41, с. 410); в «Апологии Геродота» которого также приводится этот рассказ. — Полководец, о котором идет речь, — турецкий султан Баязид I Молниеносный (1389—1402).

Глава VI

ОБ УПРАЖНЕНИИ

1 *Тому не пробудиться, в ком оборвалась... жизнь.* — Лукреций, III, 929.

2 *Калигула* — римский император (37—41). — Приводимый в тексте рассказ см. *Сенека.* О душевном спокойствии, 14.

3 *Такую власть он имел над своей... душой.* — Лукан, VIII, 636.

4 *Во время нашей второй или третьей гражданской войны...* — Вторая и третья гражданские войны во Франции происходили в 1567—1570 гг.

5 *...потрясенный ум не уверен в себе.* — *Тассо.* Освобожденный Иерусалим, XII, 74.

6 *...кто, одолеваемый сном... открывает глаза.* — *Тассо.* Освобожденный Иерусалим, VIII, 26.

7 *Этьен Ла Боэси* — см. прим кн. I, гл. XXIX.

8 *...он дышит порывисто и... изнуряет свои члены.* — Лукреций, III, 485.

9 *Он жив, но не сознает этого.* — *Овидий.* Скорбные песни, I, 3, 12.

10 *...я явилась, чтобы освободить тебя от этого тела.* — Слова Ириды над телом убившей себя Дидоны. — *Вергилий* Энеида, IV, 702.

11 *...пальцы дрожат и опять хватаются за меч.* — *Вергилий.* Энеида, X, 396.

12 *...снабженные косами колесницы...* — Лукреций, III, 643.

13 *Когда наконец я пришел в себя.* — *Овидий.* Скорбные песни, I, 3, 14.

14 *...по словам Плиния...* — *Плиний Старший* Естественная история, XXII, 51.

15 *Стремление избегнуть ошибки ведет к промаху.* — *Гораций.* Наука поэзии, 31.

16 *...наши соседи исповедуются публично.* — Имеются в виду протестанты.

17 Квинт *Гортензий* (114—50 гг. до н. э.) — знаменитый римский оратор, соперник Цицерона в красноречии.

18 *Расценивать себя ниже .. трусость и малодушие.* — *Аристотель.* Никомахова этика, IV, 7

19 В конце данной главы Монтень восстает против лицемерно-ханжеского запрета католической церкви говорить и писать о себе. «Это узда для коров, — с возмущением отмечает Монтень, — которой не связывали себя ни святые, так красноречиво говорившие о себе, ни философы, ни теологи. Не делаю этого и я, хотя я и не принадлежу к числу ни тех, ни других».

Глава VII
О ПОЧЕТНЫХ НАГРАДАХ

1 *Описывающие жизнь Цезаря Августа...* — *Светоний.* Божественный Август, 25.
2 *...он получил множество... наград от... дяди...* — Имеется в виду Гай Юлий Цезарь, усыновивший Августа по завещанию.
3 *...прославленный . орден святого Михаила...* — Орден св. Михаила был учрежден в 1469 г. французским королем Людовиком XI и пользовался среди французского дворянства большим почетом до середины XVI в. Начавшиеся с этого времени многочисленные награждения этим орденом самых случайных лиц привели к тому, что он утратил всякое значение в глазах французского дворянства.
4 *Кто может казаться добрым тому, кому никто не кажется злым?* — Марциал, XII, 82.
5 *У солдата и у полководца не одно и то же искусство.* — Тит Ливий, XXV, 19.
6 *...новый, недавно учрежденный орден...* — Имеется в виду орден св. Духа, учрежденный во второй половине XVI в.

Глава VIII
О РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ

1 *Госпожа д'Этиссак* — близкая приятельница Монтеня, одна из высокопоставленных придворных дам. От брака с бароном д'Этиссаком, умершим в 1565 г., у нее был сын Шарль д'Эттисак (о котором речь идет в тексте), сопровождавший Монтеня во время его поездки в Италию в 1580 г.
2 *Это, вероятно, единственная... книга с таким странным и несуразным замыслом.* — Ср. примерно такое же высказывание Монтеня выше, гл. VI, с. 331.
3 *...надо... добавить наблюдение Аристотеля...* — Никомахова этика, IX, 7.
4 *...по словам Аристотеля...* — Никомахова этика, IV, 3.
5 *...глубоко заблуждается тот...* — *Теренций.* Братья, 65.
6 *...нельзя добиться силой.* — Свои передовые и пронизанные глубокой гуманностью взгляды на воспитание Монтень изложил в особой главе «Опытов» (см. гл. «О воспитании детей»).
7 *Леонор* — иногда употреблявшаяся на юге Франции испанская форма имени дочери Монтеня Элеоноры (1571—1616).
8 *Никакое преступление не может иметь законного основания.* — Тит Ливий, XXVIII, 28.
9 *...поддерживаю приписываемое Аристотелю мнение...* — *Аристотель.* Политика, VII, 16. — Аристотель говорит, что «в 35 лет и немногим раньше».
10 *Платон требует...* — Государство, VI, 460 e.
11 *Фалес* из Милета — см. прим. 43, с. 372. — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, I, 26.
12 *...близость с женщинами ослабляет мужество.* — Буквально то же самое Цезарь говорит о древних германцах. Монтень, по-видимому по ошибке, перенес это на древних галлов (см. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о галльской войне, VI, 21).
13 *...отцовские и супружеские чувства изнежили его.* — *Тассо.* Освобожденный Иерусалим, X, 39.
14 *Из истории Греции мы знаем...* — Приводимое в тексте Монтень заимствует у Платона. — *Икк Тарентский* — гимнаст, упоминается также в диалоге Платона «Протагор» 316 e. — *Крисон* — скороход, также упоминается в Платоновом «Протагоре» 335 d. — *Астил* — победитель на играх в 73-ю олимпиаду. — *Диопомп* (у Платона — Диополис) — упоминается Платоном в числе известных древних атлетов в «Законах» VIII, 840 a.

15 *Мулей Гасан* — см. прим. 7, с. 404. — Приводится: *Паоло Джовио*. История моего времени, XXXIII.

16 *В некоторых областях Америки...* — Монтень опирается на сочинение Лопеса де Гомара «Общая история Индий» (французский перевод: *L. Gomara*. Histoire générale des Indes. 1586).

17 *...он отказался от своих богатств... в пользу сына.* — Имеется в виду отречение императора Карла V от престола в 1555 г., когда он передал престол Филиппу II.

18 *Вовремя... выпрягай стареющего коня...* — *Гораций*. Послания, I, 1, 8.

19 *...я... предпочел бы, чтобы меня любили, чем боялись.* — Монтень неоднократно настаивает на этой мысли и, по-видимому, противопоставляет ее известным словам Калигулы — «Пусть ненавидят, лишь бы боялись» (Светоний, 29, IV), повторенным позднее Макиавелли в «Государе»: «Лучше, чтобы тебя боялись, чем любили».

20 *Один только он ни о чем не знает.* — *Теренций*. Братья, 550.

21 *Катон Старший говорил...* — Монтень цитирует приводимое изречение по Сенеке (Письма, 47, 5). Но Сенека не называет при этом Катона.

22 Блез де *Монлюк* (1502—1577) — один из видных французских полководцев, мемуары которого были прозваны «библией солдата». Сын его, Пьер-Бертран Монлюк, умер в 1566 г.

23 *у... древних галлов, по словам Цезаря...* — Записки о галльской войне. VI, 18.

24 *...диалог между законодателем Платоном и его согражданами...* — Законы, XI, 923 а—с.

25 *...дельфийская надпись* — знаменитая надпись: «Познай самого себя», начертанная у входа в дельфийский храм Аполлона.

26 *...тот самый закон...* — Имеется в виду «Салический закон», постановление «Салической Правды» (судебник древних франков), в силу которого женщины исключались из наследования земельных владений. В некоторых государствах это послужило основанием к устранению женщин от престолонаследия; так было, например, во Франции перед началом Столетней войны; ссылались на него и в других государствах.

27 *Геродот рассказывает...* — Геродот, IV, 180. Монтень неточно передает рассказ Геродота, сообщающего, что отцом ребенка считается тот мужчина, на которого ребенок походит лицом.

28 *Платон замечает...* — Федр, 258 с. — *Ликург* — легендарный законодатель Спарты. — *Солон* — см. прим. 32, с. 398. — *Минос* — легендарный царь древнего Крита. В греческой мифологии Минос — сын Зевса и Европы; с его именем связан ряд мифов.

29 *Гелиодор* — древнегреческий писатель второй половины III в. н. э. из Эмесы (в Сирии), автор любовно-авантюрного романа «Эфиопика», где рассказывается история эфиопской царевны Хариклеи и фессалийского юноши Феагена. Роман этот получил на Западе в эпоху Возрождения широкую известность и был переведен на многие европейские языки. Монтень принимает легенду, будто Гелиодору предлагали епископский сан в городе Трикке (в Фессалии), если он отречется от своего романа (который Монтень называет его «дочерью») и сожжет его, но Гелиодор отказался сделать это.

30 Тит *Лабиен* — оратор и историк, современник Августа. За страстные нападки на современные ему порядки получил прозвание «бешеного» (Rabies). Его сочинения были сожжены при императоре Тиберии. — Упоминаемый дальше другой Лабиен — Тит Атий Лабиен, во время галльской войны легат Цезаря.

31 Тит *Кассий Север* — Его сочинения, так же как и сочинения Лабиена, были публично сожжены

32 *Кремуций Корд* (ум. 25 г. н. э.) — историк времени Августа и Тиберия. В своей истории он назвал убийц Цезаря — Брута и Кассия — «последними римлянами». По приказу Тиберия сочинения его были сожжены, сам Корд покончил с собой (*Тацит*. Анналы, VI, 34—35).

33 Марк Анней *Лукан* — (39—65) — древнеримский поэт. — *Фарсал* — город в Фессалии; в битве при Фарсале в 48 г. до н. э. Цезарь одержал решительную победу над войсками Помпея.
34 *Августин* (354—430) — христианский богослов.
35 *...этому духовному созданию...* — Монтень имеет в виду свои «Опыты».
36 *...по словам Аристотеля...* — Никомахова этика, IX, 7.
37 *Эпаминонд* — см. прим. 6, с. 363.
38 *Фидий* — знаменитый древнегреческий скульптор V в. до н. э.
39 *Пигмалион* — в античной мифологии художник или, по другой версии, царь Кипра. Согласно мифу, Пигмалион загорелся страстью к созданной им прекрасной статуе, которая превратилась в женщину и стала его женой.
40 *Слоновая кость... подается под пальцами...* — *Овидий*. Метаморфозы, X. 283.

Глава IX
О ПАРФЯНСКОМ ВООРУЖЕНИИ

1 *...они с трудом влачили на себе доспехи.* — Тит Ливий, X, 28.
2 *Головы их защищены шлемами из коры...* — *Вергилий*. Энеида, VII, 742.
3 *Тацит забавно описывает...* — Анналы, III, 43.
4 *Лукулл* — см. прим. 16, с. 406. — Приводимое в тексте сообщение см. *Плутарх*. Жизнеописание Лукулла, 13. — *Тигран* (94—56 гг. до н. э.) — царь Армении; борьба его с Римом (походы Лукулла, а затем Помпея) закончилась поражением Тиграна (65 г.).
5 *Сципион Младший* — см. прим. 2, с. 403, гл. LII. — Указанное в тексте сообщение почерпнуто у Валерия Максима (III, 7, 2), у которого, однако, говорится, что такая тактика была предложена Сципиону, но он отказался применить ее.
6 *...воин должен больше полагаться на свою правую руку...* — *Плутарх*. Изречения Сципиона Младшего, 18.
7 *...носили ее как обыкновенную одежду.* — *Ариосто*. Неистовый Роланд, XII, 3.
8 *Каракалла* — Марк Аврелий Антонин, прозванный Каракаллой, римский император (211—217).
9 *Вооружение... руки и ноги солдата.* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, II, 16.
10 *Марий* — см. прим. 3, с. 398, гл. XLIV. — Указанное в тексте заимствовано у Плутарха (Жизнеописание Мария, 4).
11 *Аммиан Марцеллин* (ок. 330—400) — римский историк. — Указанное в тексте сообщение см. Аммиан Марцеллин, XIV, 6.
12 *В другом месте...* — Аммиан Марцеллин, XXV, 1.
13 *При взгляде на гибкий металл.. становится страшно...* — *Клавдиан*. Против Руфина, II, 358.
14 *Деметрий* Полиоркет — см. прим. 11, с. 395. — Указанное в тексте см. *Плутарх*. Жизнеописание Деметрия, 6.

Глава X
О КНИГАХ

1 *Надо, чтобы мой конь напряг все силы...* — Проперций, IV, 1, 70.
2 *Иоанн Секунд* (Jan Everaerts, 1511—1536) — нидерландский поэт, писавший по-латыни, любовные стихи которого (сборник «Поцелуи») высоко ценились современниками и были впервые изданы в 1539 г.
3 *«Амадис»* — поздний испанский рыцарский роман, переведенный на большинство европейских языков. Несмотря на свои экстравагантности, гениально высмеянные

в романе Сервантеса «Дон Кихот Ламанчский», обладал безусловными литературными достоинствами, которых были лишены его бездарные подражания.

4 *«Аксиох»* — диалог, ошибочно приписывавшийся Платону. Любопытно отметить проницательность Монтеня, справедливо усомнившегося в принадлежности этого диалога Платону.

5 *О, неразумный и грубый век!* — Катулл, XLIII, 8.

6 ...*отец римского красноречия*... — Имеется в виду Цицерон.

7 ...*первый судья среди римских поэтов.* — Имеется в виду Гораций, который в своей «Науке поэзии» дает высокую оценку творчеству Теренция.

8 *Ясен, подобен чистому ручью.* — *Гораций.* Послания, II, 2, 120.

9 ...*где ум заменен был сюжетом.* — *Марциал.* Предисловие к VIII книге.

10 *Решаясь только на короткие перелеты.* — *Вергилий.* Георгики, IV, 194.

11 ...*оба были наставниками двух... императоров*... — Сенека (родом из Испании) был воспитателем императора Нерона, но принимаемое Монтенем на веру сведение, будто Плутарх (родом из Греции) был наставником императоров Траяна и Адриана, не имеет серьезного основания.

12 *Делай это!* — Смысл этого выражения, которое Монтень связывает с последующим (прим. 13): «Снизойди к нам, о господи!»

13 *Ввысь да стремятся сердца!* — Начальные слова латинской католической молитвы.

14 ...*«Письма к Аттику» Цицерона*... — Охватывают период с 61 по 44 г. до н. э. Тит Помпоний *Аттик* — крупный финансовый деятель, ближайший друг Цицерона и издатель его произведений. Судя по откровенности, с которой Цицерон высказывается в письмах к Аттику, переписка эта не предназначалась к опубликованию.

15 ...*указывал... в другом месте*... — См. «Опыты», кн. II, гл. XXXI.

16 ...*сожалел... что... не дошла книга Брута о добродетели*.. — Имеется в виду несохранившееся произведение Марка Юния Брута, одного из убийц Цезаря, «О добродетели» (De virtute), против которого полемизировал Цицерон в V кн. «Тускуланских бесед» и в своем сочинении «О высшем благе и высшем зле».

17 Марк Туллий *Цицерон Младший* (род. 65 г. до н. э.) — сын Цицерона, в 28—29 гг. был проконсулом в Азии. — Луций *Цестий* Пий — популярный во времена Августа ритор, известен был своей антипатией к Цицерону, на многие речи которого им были написаны ответы. — Приводимое сообщение см. *Сенека Старший.* Контроверзы, 7.

18 Луций *Цестий* Пий — см. прим. 17. — Приводимое сообщение см. *Сенека Старший.* Контроверзы, 7.

19 ...*«волочащееся и спотыкающееся» красноречие*... — Имеется в виду Марк Юний Брут (см. прим. 32, с. 414). — Приводимое сообщение см. *Тацит.* Диалог об ораторах, 18.

20 *Я предпочитаю лучше недолго быть старым*... — *Цицерон.* О старости, 10.

21 *Историки... мое излюбленное чтение*... — О любви Монтеня к чтению исторических сочинений свидетельствуют многочисленные замечания, сохранившиеся на его экземплярах «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря, на «Истории» Квинта Курция и в особенности на «Анналах» Николя Жиля.

22 *Диоген Лаэрций* — древнегреческий ученый III в. до н. э., один из первых историков философии. Его сочинение «Жизнь и учения людей, прославившихся в философии» (10 книг), несмотря на компилятивный характер, является ценным источником для знакомства с древнегреческой философией.

23 Гай *Саллюстий* Крисп — см. прим. 18, с. 378.

24 ...*он... превзошел... всех историков... и... Цицерона.* — *Цицерон.* Брут, 75.

25 *Фруассар* — см. прим. 8, с. 387.

26 ...*направлять ход истории по своему усмотрению*... — Приводимое суждение Монтеня, как и некоторые другие оценки историков, почерпнуты у знаменитого его современника, Жана Бодена (1530—1596), которого Монтень высоко ценил. В другом месте настоящей главы Монтень прямо отсылает читателя к «Методу легкого изучения истории» Жана Бодена, с основными идеями которого он солидарен,

27 Гай *Азиний Поллион* (76 г. до н. э.—5 г. н. э.) — римский государственный деятель, некоторое время близкий к Марку Антонию, оратор и историк.
28 Франческо *Гвиччардини* (1483—1540) — итальянский историк.
29 *Климент VII* — папа (1523—1534). В своей «Истории Италии» Гвиччардини действительно позволил себе не раболепствовать перед Климентом VII, которому он был обязан многими своими важными постами, и высказывал независимые суждения о других представителях дома Медичи, к которому принадлежал Климент VII.
30 *Филипп де Коммин* (1445—1509) — французский историк и политический деятель, находившийся сначала на службе у герцога бургундского Карла Смелого, а потом у французского короля Людовика XI. В конце жизни написал «Мемуары», являющиеся ценным историческим источником по истории Франции конца XV в.
31 *...мемуарах братьев Дю Белле...* — Гийома и Мартена Дю Белле — см. прим. 3, с. 373, гл. XV.
32 Жан *Жуанвиль* (1224—1317) — хронист и историограф французского короля Людовика IX.
33 *Эгингард* (770—840) — приближенный и биограф Карла Великого, один из главных деятелей «Каролингского Возрождения».
34 *Франциск I* — см. прим. 10, с. 364, гл. III.
35 *Монморанси* — см. прим. 2, с. 399, гл. XLV.
36 *Брион* (1480—1543) — Филипп де Шабо, известный под именем адмирала Бриона, один из сподвижников и военачальников Франциска I.
37 *Госпожа д'Этамп* — одна из фавориток Франциска I.
38 *Де Ланже* — Гийом Дю Белле — см. прим. 3, с. 373, гл. XV.

Глава XI

О ЖЕСТОКОСТИ

1 *Я объединяю и тех и других...* — Весь пассаж, заключенный в оригинале текста в квадратные скобки, изложен у Монтеня настолько темно, что пришлось дать перевод некоторых мест его по догадке.
2 *Аркесилай* — см. прим. 18, с. 395. — Приводимое сообщение см. Диоген Лаэрций, IV, 43.
3 *...они чтут и блюдут все добродетели.* — *Цицерон*. Письма к близким, XV, 19, 536.
4 *Добродетель возрастает, если ее подвергают испытаниям.* — *Сенека.* Письма, 13, 3.
5 *Эпаминонд* — см. прим. 6, с. 363. *...к третьей школе...* — Эпаминонд принадлежал к пифагорейской школе.
6 Квинт Цецилий *Метелл* Нумидийский (II—I вв. до н. э.). — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Жизнеописание Мария, 10.
7 Апулей *Сатурнин* — римский политический деятель, квестор 103 г. до н. э., в 100 г. избран народным трибуном. Цицерон считал Сатурнина замечательным оратором.
8 *Катон Младший* — см. прим. 13, с. 406.
9 *Он ушел из жизни, радуясь...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 30.
10 *...«этому разбойнику»...* — Монтень имеет в виду Юлия Цезаря, которого Цицерон в одном из своих писем к Аттику (VII, 18) называет душителем римской свободы. «разбойником с большой дороги» (perditus latro).
11 *Она неустрашима, так как решила умереть.* — *Гораций.* Оды, I, 37, 29.
12 *...должен был... умереть, чем увидеть тирана.* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 31.
13 *Аристипп* — см. прим. 44, с. 372. — Приводимое сообщение см. Диоген Лаэрций, II, 76.
14 *...знал я, как много значат... слава и... почет.* — *Вергилий.* Энеида, XI, 154—155.
15 *Если моя природа, наделенная... недостатками...* — *Гораций.* Сатиры, I, 6, 65.
16 *Преобладало ли... влияние... Весов или... Скорпиона...* — *Гораций.* Оды, II, 17, 17.
17 *Антисфен* — см. прим. 5, с. 396. — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, VI, 17.

[18] *Дионисий* — см. прим. 7, с. 363. — Приводимое сообщение см. Диоген Лаэрций, II, 67.
[19] ...*Аристипп приказал ему бросить все...* — Диоген Лаэрций, II, 17.
[20] ...*просит прислать немного сыра...* — Приводимое сообщение см. Диоген Лаэрций, X, 11.
[21] *И не потакаю другим слабостям.* — Ювенал, VIII, 164.
[22] ...*Аристотель считает...* — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, V, 31.
[23] ...*благодаря самообладанию ему удалось обуздать ее.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, IV, 37.
[24] ...*близкие Стильпону люди утверждали...* — *Стильпон* — см. прим. 11, с. 395, гл. XXXIX. — Приводимое сообщение см. *Цицерон.* О судьбе. 5.
[25] *Когда тело уже предчувствует наслаждения...* — Лукреций, IV, 1106.
[26] *Королева Наваррская* Маргарита — см. прим. 1, с. 370, гл. XIII. — Упоминаемую Монтенем новеллу см. Гептамерон, III, 30.
[27] *Кто среди этих радостей не позабудет жестоких мук любви?* — *Гораций.* Эподы, 2, 37.
[28] *Некто... сообщает...* — Имеется в виду Светоний (Божественный Юлий, 74).
[29] ...*всякое дополнительное наказание сверх... смерти... чистейшая жестокость...* — Это и есть один из тех пяти тезисов, который коллегия Индекса инкриминировала «Опытам» Монтеня в 1581 г. и который Монтеню предложено было вычеркнуть в последующих изданиях «Опытов», чего он, как известно, не выполнил.
[30] *Убивающих тело и... не могущих ничего более сделать.* — Евангелие от Луки, XII, 4.
[31] ...*пусть не влачат... останки... царя!* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 44.
[32] *Я находился... в Риме...* — Этот рассказ подробнее дан Монтенем в «Дневнике» его путешествия по Италии.
[33] *Артаксеркс* — см. прим. 15, с. 400. — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Изречения древних царей, Артаксеркс, 3.
[34] ...*египтяне считали, что... угождают... правосудию...* — Геродот, II, 47.
[35] ...*вокруг нас хоть отбавляй примеров... жестокости...* — С этого абзаца начинается страстный протест Монтеня против кровавых расправ французского двора, в частности против Варфоломеевской резни. С исключительной смелостью Монтень бросает обвинения вдохновителям этой резни, Екатерине Медичи и Карлу IX, называя их «чудовищами в образе людей» и напоминая об издевательствах и поруганиях над трупом адмирала Колиньи и других жертв католического мракобесия.
[36] ...*человек... убивал другого, только чтобы полюбоваться этим.* — *Сенека.* Письма, 90, 45.
[37] ...*мне... тягостно наблюдать, как... убивают невинное животное...* — Достойна внимания любовь и жалость гуманиста Монтеня к животным и даже растениям. Ни у кого из французских мыслителей XVI—XVII вв. мы не встречаем подобных идей. Любопытно, что те же мысли развивал в своем замечательном «Завещании» революционный коммунист-утопист XVIII в. Жан Мелье, для которого «Опыты» Монтеня были настольной книгой.
[38] *Обливаясь кровью и словно моля о пощаде.* — *Вергилий.* Энеида, VII, 501.
[39] *Пифагор покупал у рыбаков рыб, а у птицеловов — птиц...* — Приводимое сообщение см. *Плутарх.* Застольные беседы, VIII, 8.
[40] ...*меч был впервые раскален убийством диких зверей.* — *Овидий.* Метаморфозы, XV, 106.
[41] *Пифагор заимствовал идею метемпсихоза...* — *Метемпсихоз* — доктрина о переселении душ. — *Друиды* — жрецы у древних кельтов.
[42] *Души... живут вечно, поселяясь в новых обителях.* — *Овидий.* Метаморфозы, XV, 158.
[43] ...*очистив в летейском потоке, он вновь заставляет их родиться...* — *Клавдиан.* Против Руфина, II, 482.
[44] ...*помню, что... я был Эвфорбом...* — *Овидий.* Метаморфозы, XV, 168. Это слова Пифагора о самом себе.

[45] *Варвары обожествляли животных за... услуги...* — *Цицерон.* О природе богов, I, 36.

[46] *Одни почитают крокодилов, другие... ибиса...* — Ювенал, XV, 2.

[47] *Для животных почетно... истолкование... которое дано Плутархом...* — *Плутарх.* Застольные беседы, VII, 4, 3; Изида и Озирис, 39.

[48] *...я охотно отказываюсь от... владычества над... другими созданиями.* — Заявляя здесь о близком сходстве между человеком и животными, Монтень подготовляет читателя к тем положениям, которые он подробно будет развивать в следующей, XII главе данной книги, где он будет доказывать, что животные, так же как и люди, наделены разумом и что разница между ними и людьми весьма невелика.

[49] *Капитолий* — один из семи холмов, на которых расположен Рим, главная святыня Рима и его древнейшая крепость.

[50] *У агригентцев существовал обычай...* — Приводимое сообщение см. Диодор Сицилийский, XIII, 17.

[51] *Египтяне хоронили волков, медведей...* — Приводимое в тексте см. Геродот, II, 67.

[52] *Кимон.* — Согласно Геродоту, у которого Монтень, по-видимому, почерпнул это сообщение, лошади, доставившие Кимону победу, были похоронены после его смерти против его гробницы (Геродот, VI, 103).

[53] *Ксантипп* — афинский полководец (V в. до н. э.), отец знаменитого Перикла. — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Жизнеописание Катона Цензора, 3.

[54] *Плутарх рассказывает...* — Жизнеописание Катона Цензора, 3.

Глава XII
АПОЛОГИЯ РАЙМУНДА САБУНДСКОГО

[1] *Раймунд Сабундский* (ум. 1432) — испанский богослов, автор сочинения «Естественная теология», которую Монтень по просьбе своего отца перевел в 1569 г. на французский язык.

[2] *...те, кто презирают ее...* — Приводимое в тексте суждение Монтеня отражает его подлинное отношение к науке, которую Монтень очень ценил.

[3] *Герилл* — древнегреческий философ, родом из Карфагена, ученик Зенона и основатель особой стоической школы. — Сообщаемое в тексте см. Диоген Лаэрций, VII, 165.

[4] *Франциск I* — см. прим. 10, с. 364, гл. III.

[5] *Пьер Бюнель* (1449—1546) — гуманист, родом из Тулузы.

[6] *«Естественная теология...»* — Книга Раймунда Сабундского впервые была издана в 1487 г.

[7] *...новшества Лютера стали находить последователей...* — Мартин *Лютер* (1483—1546) — крупнейший деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии. — Имеются в виду успехи Реформации во Франции.

[8] *...топчут то, что некогда внушало ужас.* — Лукреций, V, 1139.

[9] *...он распорядился его напечатать.* — Это издание, вышедшее в Париже в 1569 г., изобиловало множеством ошибок и неточностей.

[10] *...Вряд ли кто-нибудь может сравниться с ним...* — Расточаемые здесь похвалы по адресу Раймунда Сабундского, как и самое название главы — «Апология» («Оправдание», «Защита»), не что иное, как уловка, к которой Монтень прибегает для отвода глаз цензуры. В действительности Монтень не оставляет камня на камне от аргументации Раймунда Сабундского и в дальнейшем изложении совершенно забывает о той задаче, которую якобы поставил перед собой в начале главы. Монтень не только доказывает безнадежность попытки Раймунда Сабундского обосновать положения религии с помощью разума, но и принципиальную невозможность этого. Свои убийственные для церкви разоблачения Монтень, однако, время от времени сопровождает чисто словесными признаниями своего подчинения ей.

11 *Адриан Турнеб* — см. прим. 23, с. 382.
12 *Фома Аквинский* — см. прим. 8, с. 389.
13 *...если бы мы познавали его через него самого...* — Начиная отсюда (и до конца абзаца) Монтень явно отрицает божественное откровение. К этой мысли Монтень не раз возвращается на протяжении данной главы.
14 *Как мощный утес... разбивает... волны.* — Эти написанные в подражание «Энеиде» Вергилия (VII, 517) стихи сочинены были в честь Ронсара; их можно найти в изданиях его произведений.
15 *Святой Людовик* — Людовик IX (см. прим. 35, с. 372). — Приводимый эпизод сообщает в своей хронике биограф Людовика Жуанвиль (см. *J. de Joinville*. Mémoires ou Histoire et chronique du très chrétien roi saint Louis, t. I. Paris, 1858, p. 19).
16 *...увидев здесь разврат прелатов... еще более укрепился в нашей вере...* — Подобный эпизод содержится в «Декамероне» (I, 2) Боккаччо, где это рассказывается о еврее Аврааме.
17 *...мы... способны были бы двигать горами...* — Евангелие от Матфея, XVII, 19.
18 *Если ты веруешь, тебя недолго наставить к честной... жизни.* — Квинтилиан, XII, 11.
19 *...среди войн, которые сейчас терзают наше отечество...* — Монтень выражает протест против так называемых религиозных войн, разоблачая их подлинный характер. Обе борющиеся стороны — доказывает он — одинаково преследуют корыстные, далекие от благочестия цели, и религия служит им лишь прикрытием.
20 *...«имеет ли подданный, ради защиты веры, право... восстать против своего государя».* — Монтень намекает на тот поворот, который произошел в католическом лагере после смерти Генриха III в 1589 г. Католическая партия, отстаивавшая до этого времени недопустимость восстания против законного государя, подняла знамя восстания и открыто выступила против протестанта Генриха IV, который после смерти Генриха III стал законным наследником престола.
21 *Будем правдивы...* — Начиная отсюда и до конца абзаца Монтень подчеркивает хищнический характер так называемых религиозных войн, участники которых «движимы своими частными, своекорыстными побуждениями, подчиняя им все остальное».
22 *Наша религия создана для искоренения пороков, а на деле она их покрывает, питает и возбуждает.* — К этому обличению христианской религии, которая лишь прикрывает и разжигает пороки, постоянно возвращались идейные преемники Монтеня. Сочувственно приводит эти слова в своем «Завещании» Жан Мелье; встречаем мы их и у Вольтера и у Руссо.
23 *Антисфен* — см. прим. 5, с. 396. — Приводимое сообщение см. Диоген Лаэрций, VI, 4.
24 *Диоген* из Синопа — см. прим. 11, с. 408. — В приводимом эпизоде, почерпнутом у Диогена Лаэртского, речь идет не о жреце, а о каких-то «ничтожествах». Произведя эту замену, Монтень явно издевается над христианским раем, в который нет доступа для язычников.
25 *Мы... не жаловались бы... но... с радостью оставляли бы нашу телесную оболочку...* — Лукреций, III, 612.
26 *«Имею желание разрешиться... и быть со Христом».* — *Апостол Павел*. Послание к филиппийцам, I, 23.
27 *...убедительность рассуждений Платона... побуждала... его учеников кончать с собой...* — Приводимое сообщение см. *Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 34; *Августин*. О граде божием, I, 22.
28 *Все это... доказывает...* — См. прим. 13 к данной главе.
29 *Утверждение Платона...* — *Платон*. Законы, X, 888 с.
30 *Что это за вера...* — См. прим. 22 к данной главе.
31 *...говорит Платон...* — Государство, I, 330 d—e.
32 *...Платон в своих законах восстает против... угроз...* — Государство, III, в начале.
33 *Бион* — см. прим. 50, с. 372. — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, IV, 54.

[34] *Ибо невидимое Его... чрез рассматривание творений видимы...* — *Апостол Павел.* Послание к римлянам, I, 20.

[35] *...он запечатлевает и обнаруживает себя самого...* — *Манилий.* Астрономика, IV, 907.

[36] *Если есть у тебя... лучшее, предложи...* — *Гораций.* Послания, I, 5, 6.

[37] *Божество не терпит, чтобы кто-нибудь... мнил о себе высоко...* — Это говорит у Геродота, обращаясь к царю Ксерксу, его дядя Артабан (VII, 10).

[38] *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.* — I послание Петра, V, 5.

[39] *Все боги обладают разумом...* — *Платон.* Тимей, 51 е.

[40] *...Августин... изобличает...* — О граде божием, XXI, 5.

[41] *...вера... проповедует остерегаться светской философии...* — *Апостол Павел.* Послание к колоссянам, II, 8.

[42] *...наша мудрость... безумие перед лицом бога...* — *Апостол Павел.* I послание к коринфянам, III, 19.

[43] *...кичащийся своим знанием... не знает... что такое знание...* — *Апостол Павел.* I послание к коринфянам, VIII, 2.

[44] *...человек... обольщает и обманывает сам себя.* — *Апостол Павел.* Послание к галатам, VI, 3.

[45] *Кто уверил человека, ...что все это сотворено... только для него...* — Здесь Монтень как бы забывает взятую им на себя роль защитника Раймунда Сабундского, что являлось с его стороны только уловкой, предназначенной для отвода глаз блюстителей ортодоксии. Вразрез с финалистской, телеологической концепцией Раймунда Сабундского, полагавшего, что мир создан для человека, Монтень обрушивается на этот тезис, доказывает его несостоятельность.

[46] *...кто скажет, для кого же создан мир?..* — Слова стоика Бальба в диалоге Цицерона (О природе богов, II, 53).

[47] *Когда мы устремляем взор к... небесным пространствам...* — Лукреций, V, 1203.

[48] *Жизнь... он... ставит в зависимость от ...светил.* — *Манилий.* Астрономика, III, 58.

[49] *Человек понимает, что... светила властвуют над ним...* — *Манилий.* Астрономика, I, 60.

[50] *Столь малые движения порождают такие различия...* — *Манилий.* Астрономика, I, 55 и IV, 93.

[51] *Неизбежно... что... судьба должна оцениваться под этим углом зрения...* — *Манилий.* Астрономика, IV, 79 и 118.

[52] *Какие приготовления... потребовались для постройки такого... здания?* — *Цицерон.* О природе богов, I, 8.

[53] *К чему заключать наш разум в такие теснины?* — *Цицерон.* О природе богов, I, 31.

[54] *Анаксагор* (500—428 до н. э.) — древнегреческий философ. — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, II, 8.

[55] *Среди множества недостатков нашей... природы есть... и любовь к ошибкам.* — *Сенека.* О гневе, II, 9.

[56] *...земная храмина подавляет многозаботливый ум.* — Книга премудрости Соломона, IX, 13—15.

[57] *Человек самое злополучное... создание и... самое высокомерное.* — Приводимое высказывание принадлежит Плинию Старшему. Оно настолько пришлось Монтеню по душе, что было выгравировано в числе других изречений на потолке его библиотеки. Монтень цитирует его и в других главах своей книги.

[58] *Человек... находится... вместе с животными... из трех видов...* — т. е. наземных животных, ибо Монтень считает, что два других вида их — птицы и рыбы — находятся в лучшем, более благоприятном положении.

[59] *На основании какого сопоставления... он приписывает им глупость?* — Дальше Монтень будет доказывать, вопреки Раймунду Сабундскому, что человек не выше животных. Страстная защита животных, с которой выступил Монтень, произвела огромное впечатление не только на умы его современников, но и на последующие поколения. Монтень сделал популярным смелое изречение, что звери так же умны, как

и люди, а нередко даже умнее людей. Век Декарта проявил живейший интерес к психологии животных, и хотя Декарт и Мальбранш отвергли тезис Монтеня, проблема психологии животных оставалась предметом горячих споров в ученых кругах. В 1648 г. Габриэль Ноде, друг крупнейшего философа-материалиста Гассенди, издал сочинение Иеронима Popapия на эту тему: «О том, что неразумные животные часто лучше пользуются разумом, чем человек» (Quod animalia bruta saepe ratione utantur melius homine). Смелый тезис Монтеня несомненно сыграл свою роль в решении папской цензуры в 1676 г. внести «Опыты» в Индекс запрещенных книг, ибо вопрос о природе животных был очень актуален в эти времена и являлся предметом ожесточенных споров между защитниками католической ортодоксии и представителями передовой науки. Из просветителей XVIII в., которые все в известной мере испытали на себе влияние Монтеня, особенно широко использовал аргументацию Монтеня о разуме животных Ламетри.

60 *Платон в своем изображении золотого века Сатурна...* — С именем Сатурна было связано представление о «золотом веке», когда люди жили в достатке и вечном мире, не зная собственности, сословного неравенства, рабства. У Платона этот миф подробно излагается в диалоге «Политик», 271 а—274 а, где Платон исходит из того, что в век Сатурна-Кроноса животные были одарены умом, умели говорить и общались с людьми.

61 *Этот выдающийся автор полагал...* — *Платон.* Тимей, 72 b.

62 *Аполлоний Тианский* (I в. н. э.) — философ неопифагорейской школы, странствующий пророк и «чудотворец», родом из малоазийского города Тианы. Почти единственным источником сведений о нем является жизнеописание, составленное в начале III в. софистом Филостратом, — источник крайне ненадежный и полный фантастических рассказов. Приводимое в тексте см. *Филострат.* Жизнеописание Аполлония Тианского. I, 20. — *Мелами* — упоминаемый у Гомера («Одиссея») прорицатель в Пилосе, понимавший язык всех созданий. — *Тиресий* — легендарный фиванский слепец-предсказатель, играющий видную роль в сказаниях о царе Эдипе. — *Фалес* — см. прим. 43, с. 372.

63 *...есть народы, которые... выбирают себе в цари собаку...* — Монтень здесь опирается на Плиния Старшего (Естественная история, VI, 35).

64 *...животные и... звери издают различные звуки...* — Лукреций, V, 1058.

65 *В силу... причин, какие... и детей... вынуждают жестикулировать.* — Лукреций, V, 1029.

66 *Само молчание наполнено словами и просьбами.* — *Тассо.* Аминта, II, 34.

67 *...по словам Плиния...* — *Плиний Старший.* Естественная история, VI, 35.

68 *...я позволил тебе... сказать все, что ты хотел...* — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Изречения лакедемонян, Агис, 3.

69 *...некоторые утверждали, что в пчелах есть доля божественного ума...* — *Вергилий.* Георгики, IV, 219—220.

70 *...младенец... лежит... совсем беспомощный...* — Лукреций, V, 223.

71 *...воспитывали детей, не завязывая и не пеленая их...* — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Жизнеописание Ликурга, 13.

72 *Каждый чувствует, каковы его силы...* — Лукреций, V, 1032.

73 *Вначале земля сама создала... много... хлебов и... виноградников...* — Лукреций, II, 1157.

74 *...у слонов имеются... особые зубы...* — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 10.

75 *...словно для того, чтобы следить друг за другом...* — *Данте.* Чистилище, XXVI, 34.

76 *Лактанций* — христианский писатель-апологет IV в., первоначально язычник. Монтень имеет в виду сообщение Лактанция в его богословском трактате «Божественные установления», III, 10.

77 *Аристотель... упоминает куропаток...* — Приводимое в тексте см. *Аристотель.* О происхождении животных, IV, 9.

[78] *Многие птицы в разное время поют... по-разному...* — Лукреций, V, 1082.

[79] *...как утверждает мудрец...* — Екклезиаст, 9. Это изречение было в числе других написано на потолке библиотеки Монтеня.

[80] *Все связано неизбежными узами судьбы.* — Лукреций, I, 877.

[81] *...все вещи твердо блюдут законы природы...* — Лукреций, V, 923.

[82] *Возьмем, к примеру, лисицу...* — Этот пример почерпнут Монтенем у Плутарха (Какие животные самые умные, 13).

[83] *...пример сирийских климакид...* — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Как отличить друга от льстеца, 3. — *Климакида* по-гречески значит «лесенка».

[84] *Жены и наложницы... спорили... кому... быть убитой...* — Монтень имеет в виду соответствующее сообщение Геродота, V, 5.

[85] *Целые армии давали такие клятвы...* — Приводимое в тексте см. *Цезарь.* Записки о галльской войне, III, 22.

[86] *Формула присяги, которую приносили бойцы в... гладиаторских школах...* — Текст этой клятвы приводится у Петрония (Сатирикон, 113).

[87] *Сожги... мою голову...* — Тибулл, I, 9, 21.

[88] *...таких всадников они выставляли напоказ...* — Приводимое в тексте см. Геродот, IV, 71.

[89] *...Диоген, узнав, что его... стараются выкупить...* — Имеется в виду Диоген из Синопа (см. прим. 11, с. 408). — Приводимое сообщение см. Диоген Лаэрций, VI, 75.

[90] *Аист кормит... птенцов...* — Ювенал, XIV, 74—81.

[91] *Амфиполь* — город во Фракии. — *Меотийское озеро* — древнее название Азовского моря. Приводимое сообщение заимствовано у Плиния Старшего (Естественная история, X, 10).

[92] *Аристотель рассказывает...* — Монтень приводит сообщение Аристотеля по Плутарху (Какие животные самые умные, 28).

[93] *...вши смогли положить конец диктатуре Суллы...* — Намек на кожную болезнь, от которой умер Сулла.

[94] *...царь Пор...* — В 327 г. до н. э. Александру Македонскому удалось, переправившись через Инд, одержать победу над мидийским царьком Пором в битве на берегах Джелама, но после того как Александр вынужден был покинуть Индию, Пор вернул себе независимость. — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* О трудолюбии животных, 13.

[95] *Хрисипп* — см. прим. 10, с. 367, гл. VI. — Приводимый пример заимствован Монтенем у Секста Эмпирика (Три книги Пирроновых положений, I, 14).

[96] *Георгий Трапезундский* (1396—1484) — греческий ученый и писатель, последователь Аристотеля; после взятия Константинополя (1453 г.) поселился в Италии и преподавал в разных городах риторику и философию.

[97] *...рассказ Плутарха...* — Какие животные самые умные, 19.

[98] Тит Флавий *Веспасиан* — римский император с 69 по 79 г. — Рассказ об этом см. у Плутарха (Какие животные самые умные, 19—20).

[99] *...можно разобрать упреки наставника.* — Приводимое в тексте см. *Плиний Старший.* Естественная история, X, 29.

[100] *Арриан* (96—180) — греческий писатель римской эпохи, историк и географ, ученик Эпиктета. — Приводимое в тексте см *Арриан.* Индия, 14.

[101] *На зрелищах в Риме...* — Об этом рассказывает Плутарх (Какие животные самые умные, 12).

[102] *Встречались... слоны...* — Приводимое в тексте см. *Плиний Старший.* Естественная история, VIII, 3.

[103] *...история сороки, о которой сообщает Плутарх...* — Какие животные самые умные, 18.

[104] *Не могу не привести... и другого примера...* — *Плутарх.* Какие животные самые умные, 12.

105 *Юба.* — Имеется в виду *Юба II* (50 г. до н. э.—23 г. н. э.) — сын нумидийского царя Юбы I, воспитанный в Риме и сделавшийся ученым писателем. — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 17.

106 *Однажды хозяин сам захотел накормить... слона...* — Указанный пример см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 12.

107 *...предки... слонов служили... Ганнибалу...* — Ювенал, XII, 107.

108 *...собаки, которым платили жалованье...* — Монтень опирается здесь на Гомару (Общая история Индии, II, 9).

109 *...угри в источнике Аретусы.* — *Мурена* — рыба из отряда угреобразных. — Приводимый пример см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 23. — *Аретуса* — так назывались в древности несколько источников, из которых наибольшей известностью пользовался источник в Сиракузах.

110 *...каждая... является на зов своего господина.* — Марциал, IV, 30, 6.

111 *...у слонов есть нечто вроде религии...* — Приводимое в тексте см. *Плиний Старший.* Естественная история, VIII, 1.

112 *...в ... явлении, которое наблюдал ... Клеанф.* — *Клеанф* — см. прим. 4, с. 383. — Приводимый пример см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 15.

113 *...в ... сражении, в котором Антоний был разбит Августом...* — Имеется в виду битва при мысе Акции (в Акарнании, северная Греция). Здесь в 31 г. до н. э. Октавиан Август одержал победу над Антонием и Клеопатрой. — Приводимый пример, а равно и следующий с императором Калигулой сообщает Плиний Старший (Естественная история, XXII, 1).

114 *Кизик* — милетская колония, основанная в 756 г. до н. э. на южном берегу Пропонтиды (ныне Мраморное море). — Приводимый пример см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 16.

115 *...пример ската...* — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 27.

116 *Многие полагают...* — Лукреций, IV, 1260.

117 *...мешает семени попасть в должное место.* — Лукреций, IV, 1265.

118 *Лисимах* (361—281 гг. до н. э.) — полководец Александра Македонского, получивший после его смерти в управление Фракию и принявший (в 306 г.) царский титул. — Приводимый пример см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 13.

119 *Ей не требуется дочь великого консула.* — *Гораций.* Сатиры, I, 2, 69.

120 *Аристофан Грамматик,* или Аристофан Византийский — см. прим. 75, с. 386. — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 18, откуда взяты и следующие примеры.

121 *Оппиан* (конец II в. н. э.) — греческий дидактический поэт, известный своей «Поэмой об охоте», которую имеет здесь в виду Монтень. — Приводимое в тексте см. *Оппиан.* Поэма об охоте, I, 254.

122 *Телка... отдается своему отцу...* — *Овидий.* Метаморфозы, X, 325.

123 *Фалес* — см. прим. 43, с. 372. — Пример этот приводится у Плутарха (Какие животные самые умные, 16).

124 *...муравьи... отгрызают кончик зерна...* — Сообщаемое в тексте см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 11.

125 *Животным... неизвестна эта наука уничтожать... друг друга...* — Страстное осуждение войны характерно для гуманистического мировоззрения Монтеня. Он не упускает случая заклеймить эту людскую «науку уничтожать и убивать друг друга» и неоднократно возвращается к этой теме.

126 *Разве более сильный лев убивал когда-нибудь льва послабее?* — Ювенал, XV, 160.

127 *Часто между двумя царями возникает... распря...* —*Вергилий.* Георгики, IV, 68—70.

128 *...картина человеческой глупости и суетности.* — Аналогичные высказывания и нетерпимость Монтеня к войнам, особенно гражданским, проходит через все книги «Опытов».

129 *...потрясенные... горы отбрасывают голоса к... светилам.* — Лукреций, II, 325.

[130] ...*из-за страсти Париса греки столкнулись... с варварами.* — *Гораций.* Послания, I, 2, 6.

[131] ...*выслушаем... самого могущественного... из всех... императоров...* — Имеется в виду Октавиан Август.

[132] *Трубите, трубы!* — Слова Августа, приводимые в эпиграмме Марциала (XI, 20, 3). *Фульвия* — жена Марка Антония. Во время отсутствия мужа принимала участие в военных действиях против Октавиана Августа.

[133] *Пользуясь Вашим любезным разрешением...* — Эти слова Монтеня обращены к некоей высокопоставленной особе, которой Монтень посвятил «Апологию Раймунда Сабундского». Очень возможно, однако, что это «посвящение» — лишь мистификация со стороны Монтеня.

[134] ...*стонут щиты и земля сотрясается под топотом ног.* — *Вергилий.* Энеида, VII, 718—722.

[135] *Черный строй идет полем.* — *Вергилий.* Энеида, IV, 404.

[136] ...*как мы читаем у нашего поэта...* — Монтень имеет в виду Вергилия.

[137] Квинт *Серторий*.— Военная хитрость, о которой идет речь в тексте, была применена Серторием против одного из туземных племен, жившего в глубоких пещерах, к которому трудно было подступиться. См. *Плутарх.* Жизнеописание Сертория, 6. — *Антигон* — см. прим. 10, с. 367, гл. 5. Монтень имеет в виду упорную борьбу Антигона с наместником Каппадокии *Евменом,* закончившуюся в 316 г. до н. э. пленением и казнью Эвмена. — Говоря о борьбе *Сурены* против *Красса,* Монтень имеет в виду войну парфян под командованием молодого военачальника Сурены против 40-тысячного войска римского полководца Марка Красса, вторгшегося в Месопотамию в 53 г. до н. э. Руководимая Суреной борьба парфян против завоевателей римлян закончилась полным разгромом легионов Красса и его гибелью.

[138] *Эти... волнения... стихают, подавленные горстью пыли.* — *Вергилий.* Георгики, IV, 86—87.

[139] ...*город Тамли в княжестве Шьятиме...* — На крайнем северо-западе Индии, у границ Афганистана.

[140] *Души императоров и сапожников скроены на один и тот же манер.* — Это изречение Монтеня во время французской революции в 1792 г. послужило эпиграфом для «Газеты санкюлотов». Весь этот абзац, содержащий весьма смелую критику «священной особы» государей, усиленно использовался накануне французской буржуазной революции для критики королевской власти.

[141] *Пирр* Эпирский — см. прим. 1, с. 390. — Приводимый пример почерпнут у Плутарха (Какие животные самые умные, 13).

[142] *Гесиод* — см. прим. 3, с. 411. гл. V.

[143] ...*сообщает Плутарх.* — О трудолюбии животных, 13.

[144] *Апион* — грамматик из Александрии, живший при Тиберии и Клавдии в Риме. — Сообщаемый эпизод см. у Авла Геллия, V, 14. — Согласно Элиану (О природе животных, VIII, 48), упоминаемый дальше раб назывался Андроклом.

[145] ...*плача, идет... боевой конь, Этон...* — *Вергилий.* Энеида, VI, 89—90.

[146] *Антикир* — остров в Эгейском море. — Сообщаемое см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 31.

[147] ...*они съедают свою добычу.* — Сообщаемый пример почерпнут у Плиния Старшего (Естественная история, VIII, 27).

[148] ...*они всегда составляют косяк кубической формы...* — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 29.

[149] ...*история... с... псом, присланным... Александру...* — Имеется в виду Александр Македонский. — Сообщаемое см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 15.

[150] ...*он перестал принимать пищу и... уморил себя.* — Приводимый пример см. *Арриан.* Индия, 14.

[151] ...*отправился искать себе другую добычу...* — Сообщаемое в тексте см. *Плутарх.* Какие животные самые умные, 20.

152 *Латона* — богиня (титанида), у которой от Зевса было двое детей — Аполлон и Артемида.
153 *Плутарх... полагает...* — Приводимый в тексте пример см. *Плутарх* Какие животные самые умные, 35, а также *Плиний Старший*. Естественная история, X, 47.
154 *...кони... начинают... напрягать все силы...* — Лукреций, IV, 980 сл.
155 *...они продолжают преследовать призрак...* — Лукреций, IV, 992 сл.
156 *...щенята... внезапно поднимаются с земли...* — Лукреций, IV, 909 сл.
157 *Цвет лица белгов постыден для римлянина...* — *Проперций*, II, 18, 26.
158 *Индийцы изображают красавиц...* — Приводимый пример, а также следующий, касающийся Перу, почерпнуты у Гомары (Всеобщая история Индий, II, 20 и V, 12).
159 *...некий наш современник сообщает...* — Имеется в виду венецианский купец Гаспаро Бальби. Приводимое в тексте см. в его «Путешествии по восточной Индии» (*Casparo Balbi*. Viaggio dell'India Orientale. Venezia, 1590).
160 *...красят зубы в черный цвет...* — Сообщаемое в тексте приводится у Гомары (Всеобщая история Индий, IV, 3).
161 *...как утверждает Плиний...* — *Плиний Старший*. Естественная история, VI, 14.
162 *...у них... ценятся большие груди...* — Приводимый пример см. *Гомара*. Всеобщая история Индий, II, 84.
163 *Платон считал...* — Тимей, 33 b.
164 *Многие животные превосходят нас красотой.* — *Сенека*. Письма, 124, 22.
165 *...бог дал человеку высокое чело...* — *Овидий*. Метаморфозы, I, 84.
166 *Разве... наши... свойства не присущи... тысячам... животных?* — *Платон*. Тимей, 91 a—92 b; *Цицерон*. О природе богов, II, 54.
167 *Как похожа на нас обезьяна...* — Энний, приводится у Цицерона: О природе богов, I, 35.
168 *...вдруг остывает в своей... страсти.* — *Овидий*. Лекарства от любви, 429.
169 *...они усиленно прячут закулисную сторону своей жизни...* — Лукреций, IV, 1181.
170 *Ферекид* Сиросский (VII в. до н. э.) — учитель Пифагора, причисляемый к «семи греческим мудрецам», автор «Учения о богах», религиозно-мифологической системы, в которой мифологические образы богов получали отвлеченное истолкование.
171 *Цирцея* (Кирка) — дочь Гелиоса и океаниды Персы, волшебница, жившая на острове Эя, куда занесен был во время своих странствий Одиссей со своими спутниками.
172 *...как... указывает Сократ...* — *Ксенофонт* Воспоминания о Сократе, I, 4, 12.
173 *...эти качества... большинству... идут во вред.* — *Цицерон*. О природе богов, III, 27.
174 Марк Теренций *Варрон* (116—27 гг. до н. э.) — выдающийся римский ученый, труды которого по самым различным отраслям знания пользовались в древности всеобщим признанием.
175 *Разве мускулы невежды сокращаются хуже?* — *Гораций*. Эподы, 8, 17.
176 *...рок наградит тебя долголетней жизнью.* — Ювенал, XIV, 156.
177 *Я... предпочел бы походить на... простых людей.* — Это изречение Монтеня неоднократно цитирует Л. Н. Толстой (в «Круге чтения» и др.).
178 *...как выражается Эпикур...* — Монтень цитирует по Плутарху (против Колота, 27), но передает слова Плутарха очень неточно.
179 *И вы будете, как боги, знающие добро и зло.* — Бытие, III, 5.
180 *...согласно Гомеру...* — Одиссея, XII, 188.
181 *Смотрите... чтобы кто не увлек вас философиею...* — *Апостол Павел*. Послание к колоссянам, II, 8.
182 *...он здоров... если только не схватит насморк...* — *Гораций*. Послания, I, 1, 105—108.
183 *Эпиктет* (50—138) — философ-стоик, учение которого было записано Флавием Аррианом (Руководство Эпиктета, I, 1).
184 *...Заявляет Цицерон...* — Тускуланские беседы, V, 36 и I, 26.
185 *...богом... был тот... кто впервые открыл... разумную основу жизни...* — Лукреций, V, 8 сл.

186 *...разум этого человека померк...* — Монтень имеет в виду весьма сомнительное сообщение блаженного Иеронима (см. прим. 84, с. 454), будто Лукреций, выпив любовный напиток, поднесенный ему его возлюбленной, впал в помешательство, а свою поэму «О природе вещей» писал в часы просветления.

187 *Демокрит* — см. прим. 29, с. 372. — Сообщаемое в тексте см. *Цицерон*. Академические вопросы, II, 23. Приводимое высказывание Аристотеля см. *Цицерон*. О высшем благе и высшем зле, II, 13. — *Хрисипп* — см. прим. 10, с. 367, гл. VI.

188 *Мы по праву гордимся добродетелью...* — *Цицерон*. О природе богов, III, 36.

189 *...суждение Сенеки...* — Письма, 53, 11.

190 *Посидоний* — см. прим. 16, с. 371. — Приводимое в тексте см. *Цицерон*. Тускуланские беседы, II, 25.

191 *Не следовало сдаваться на деле, если на словах был героем.* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, II, 13.

192 *Аркесилай* — см. прим. 18, с. 395. *Карнеад* — см. прим. 44, с. 385. — Приводимое в тексте см. *Цицерон*. О высшем благе и высшем зле, V, 31.

193 *Дионисий Гераклейский* (328—248 гг. до н. э.) — один из самых плодовитых писателей стоической школы. — Монтень опирается на Цицерона (О высшем благе и высшем зле, V, 31).

194 *Пиррон* — см. прим. 14, с. 371. — Сообщаемое в тексте см. Диоген Лаэрций, IX, 69.

195 *...туземцы Бразилии умирают только от старости...* — Монтень опирается здесь на работу Озорио (История Португалии, II, 15, во французском переводе Симона Гулара) и развивает одну из своих излюбленных идей о воздействии нашего психического состояния на физическое, на здоровье. К этой мысли Монтень возвращается неоднократно.

196 *...у того великого итальянского поэта...* — Монтень имеет в виду Торквато Тассо, который с 1574 по 1586 г. находился на излечении в Ферраре в больнице для душевнобольных. — Первое издание «Освобожденного Иерусалима» вышло в 1590 г., а в 1581 г. в Венеции вышел II том произведений Тассо, содержавший его стихи и прозу.

197 *Люди более чувствительны к боли, чем к наслаждению.* — Тит Ливий, XXX, 21.

198 *...мы почти не отдаем себе отчета в том, что здоровы...* — *Ла Боэси*. Сатира (на латинском языке).

199 Квинт *Энний* (239—169 гг. до н. э.) — древнейший римский поэт. — Монтень дает перевод этого изречения перед тем, как привести его в латинском оригинале (Энний в цитате у Цицерона: О высшем благе и высшем зле, II, 13).

200 *Крантор* (335—275 гг. до н. э.) — греческий философ, родом из Киликии, один из представителей Древней Академии. — Приводимое в тексте см. *Цицерон*. Тускуланские беседы, III, 6.

201 *...бесчувствие достигается немалой ценой...* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, III, 6.

202 *Для облегчения... страданий... следует избегать тягостных мыслей...* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, III, 15.

203 *Воспоминание о былом счастье усугубляет горе.* — Стих из «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо.

204 *...даваемый философами совет...* — Монтень имеет в виду Цицерона (Тускуланские беседы, III, 15).

205 *Сладостна память о минувших трудностях.* — Стих Еврипида в цитате у Цицерона (О высшем благе и высшем зле, II, 32).

206 *В нашей власти ... вытравить из памяти... злоключения....* — *Цицерон*. О высшем благе и высшем зле, I, 17.

207 *...я не в состоянии забыть того, о чем желал бы не помнить.* — *Цицерон*. О высшем благе и высшем зле, II, 32.

208 *Единственному человеку, который осмелился назвать себя мудрецом.* — Имеется в виду Эпикур: см. *Цицерон*. О высшем благе и высшем зле, II, 3.

209 ...*превзошедший .. дарованием людей*...— Лукреций, III, 1044.
210 *Незнание — негодное средство избавиться от беды*.— *Сенека*. Эдип, 515.
211 *Начну пить и рассыпать цветы*...— *Гораций*. Послания, I, 5, 14.
212 ...*не спасли вы меня, а убили*...— *Гораций*. Послания, II, 2, 138—140.
213 *Когда же его брат... исцелил его*...— Эти примеры почерпнуты Монтенем у Эразма Роттердамского, см. Adagia, Fortunata Stultitia.
214 ...*не в мудрости заключается сладость жизни*...— Перевод дан Монтенем перед греческой цитатой (см. *Софокл*. Аякс, 554).
215 ...*кто умножает познания, умножает скорбь*.— Екклезиаст, I, 18.
216 *Мила тебе она? В таком случае терпи!* — Парафраза одного места из Сенеки: Письма, 70, 15.
217 ...*если же ты прикрыт щитом Вулкана... сопротивляйся!* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, II, 14.
218 *Пусть либо пьет, либо уходит*.— *Цицерон*. Тускуланские беседы, V, 4; Монтень хочет сказать, что у гасконца получается «Vivat» — «пусть живет».
219 *Если ты не умеешь... пользоваться жизнью, уступи... тем, кто умеет*.— *Гораций*. Послания, II, 2, 213—216.
220 *Когда... старость... предупредила Демокрита... он сам... пошел навстречу смерти*.— Лукреций, III, 1039.
221 *Антисфен* — см. прим. 5, с. 396.— Монтень приводит это высказывание по Плутарху (Противоречия философов-стоиков, 14).
222 *Тиртей* (VII—VI вв. до н. э.) — спартанский поэт, известный своими патриотическими элегиями, пользовавшимися большой популярностью и за пределами Спарты.
223 *Кратет*.— Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, VI, 86.
224 Квинт *Секстий* — римский философ времен Августа, последователь стоицизма и пифагореизма, основатель философской школы в Риме, пользовавшейся одно время большой популярностью. Отзывы Сенеки и Плутарха о нем см. *Сенека*. Письма, 59, 64, 67, 73, 98, 108; *Плутарх*. Как можно заметить, совершенствуемся ли мы...
225 *Простые и бесхитростные... возвысятся и обретут небо*...— Апостол Павел в цитате у Корнелия Агриппы (О недостоверности и тщетности наук, I).
226 *Не буду распространяться ни о Валентиане*...— Приводимые в тексте также почерпнуто из вышеуказанного сочинения Корнелия Агриппы. Под именем *Валентиниана* (как он назван и у Агриппы) разумеется, видимо, император Валентиниан (невозможно, однако, установить, которого из трех римских императоров, носивших это имя, Монтень имеет в виду).— *Лициний* — Валерий Лициниан (263—324), римский император.
227 *Повесток, исков, вызовов на суд*...— *Ариосто*. Неистовый Роланд, XIV, 84 (перевод А. Курошевой).
228 ...*сенатор времен упадка Рима*...— Варрон в цитате Нония Марцелла (*Nonius Marcellus*. De indiscretis generibus).
229 ...*суеверие следует за гордыней*...— Согласно Стобею (Антология, изреч. 22), это изречение Сократа.
230 *Сократ был изумлен, узнав, что бог мудрости присвоил ему прозвание мудреца*...— *Платон*. Апология Сократа, 21 а.
231 *Чем ты кичишься?* — Книга Иисуса, сына Сирахова, X, 9.
232 *Бог сделал человека подобным тени*...— Это изречение, как и предыдущее, было вырезано на потолке библиотеки Монтеня с ошибочной ссылкой на Книгу Иисуса, сына Сирахова, VII. Монтень либо сам сочинил это изречение, либо почерпнул его у какого-нибудь автора, введшего его в заблуждение.
233 *Бог лучше познается неведением*.— *Августин*. De ordine, II, 16.
234 *Относительно деяний богов благочестивее... верить, нежели знать*.— *Тацит*. Германия, 34.
235 *Платон полагает*...— Законы, VII, 821 а.
236 ...*описывать его... нечестиво*.— *Цицерон*. Тимей, 2, 6.
237 *Выражая смертными словами бессмертные вещи*.— Лукреций, V, 122.

238 *...может ли это слово иметь отношение к нему...* — Монтень здесь пересказывает Цицерона (О природе богов, III, 15).

239 *...бог... свободен... от добродетели... и от порока.* — *Аристотель.* Никомахова этика, VII, 1.

240 *Ни гнев, ни милость ему неведомы...* — Мысль Эпикура в изложении Цицерона: О природе богов, I, 17.

241 *...погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну.* — Апостол Павел. I послание к коринфянам, 1, 19.

242 *Веллей* и *Котта* — собеседники в диалоге Цицерона «О природе богов». — *Филон* из Лариссы (в Фессалии) — греческий философ-скептик (159—80 гг. до н. э.), поселившийся в 88 г. в Риме, где его преподавание пользовалось громкой известностью и где в числе его учеников был Цицерон. — Приводимое в тексте см. *Цицерон.* О природе богов, I, 7.

243 *Ферекид* — см. прим. 170, с. 426. — *Фалес* — см. прим. 43, с. 372. — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, I, 122.

244 *...знает только то, что ничего не знает.* — Сократ в цитате у Цицерона (Академические вопросы, I, 4).

245 *«Мы... в действительности ничего не знаем».* — *Платон.* Политик, 277 d.

246 *...философы утверждали, что нельзя ничего постигнуть...* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 12.

247 *...Цицерон... на старости лет стал проникаться презрением к науке.* — Приводится по Корнелию Агриппе (О недостоверности и тщетности наук, I), который неверно толкует высказывание Валерия Максима (II, 2, 12).

248 *Академия* — содружество философов во главе с Платоном. Здесь имеется в виду так называемая четвертая академия, основанная Филоном (см. прим. 242, с. 429), у которого учился Цицерон.

249 *Я буду говорить, ничего... не утверждая...* — *Цицерон.* О гадании, II, 3.

250 *...чья жизнь... подобна смерти.* — Лукреций, III, 1048 и 1047.

251 *Вся философия делится на... три направления.* — Этими словами начинается сочинение Секста Эмпирика (Три книги Пирроновых положений, I, 1).

252 *Клитомах* (186—110 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-скептик, ученик Карнеада (см. прим. 44, с. 385.).

253 *Эпехисты* (от греческого слова ἐπέχω — «воздерживаюсь») — «воздерживающиеся от суждения»; так обычно называли себя последователи скептика Пиррона. Воздержание от суждения, по словам Пиррона, есть такое состояние ума, при котором мы ничего не отрицаем и ничего не утверждаем. — *Архилох* (середина VII в. до н. э.) — крупнейший представитель древнеионийской лирики. — *Ксенофан* Колофонский (см. 17, с. 369). — Монтень опирается в своем изложении на Диогена Лаэрция (Жизнеописание Пиррона).

254 *...кто полагает, что нельзя ничего знать...* — Лукреций, IV, 470.

255 *Атараксия* — невозмутимость духа, душевный покой. Понятие атараксии, впервые встречающееся у Демокрита, который считает ее наивысшим благом в жизни, было подробно разработано Пирроном (см. *Секст Эмпирик.* Три книги Пирроновых положений, I, 12).

256 *Они цепляются за первое попавшееся учение...* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 3.

257 *...их способность суждения остается... незатронутой.* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 3.

258 *...лишь бы был сделан выбор.* — Монтень здесь пересказывает Цицерона (Академические вопросы, II, 33).

259 *Панэций* (185—109 гг. до н. э.) — философ, считающийся основателем так называемой «средней Стои». Эклектическая философская система Панэция, представлявшая собой объединение стоицизма с положениями Платона и Аристотеля, содержала значительные расхождения с учением древних стоиков. — Приводимое в тексте см. *Цицерон.* Академические вопросы, II, 33.

[260] *...легче воздержаться от всякого суждения.* — *Цицерон.* Академические вопросы, I, 12.

[261] *Нет ничего истинного, что не могло бы казаться ложным.* — Все эти положения почерпнуты у Секста Эмпирика (Три книги Пирроновых положений, I, 19, 22, 23).

[262] ἐπέχω.—См. прим. 253, с. 429. Это слово было вырезано на потолке библиотеки Монтеня.

[263] *В обыденной жизни пирронисты ведут себя, как все люди.* — Монтень основывается на Сексте Эмпирике (Три книги Пирроновых положений, I, 6).

[264] *Бог наделил нас не знанием... вещей, а умением пользоваться ими.* — *Цицерон.* О гадании, I, 18.

[265] *...простые... умы более послушны... законам...* — Весь этот абзац почерпнут у Цицерона (Академические вопросы, II, 31, 33, 34).

[266] *Принимай... вещи такими, как они представляются тебе...* — Екклезиаст, V, 17.

[267] *Господь знает мысли человеческие...* — Псалом XCIII, 11.

[268] *...ученые скорее предполагают, чем знают.* — Откуда взята цитата, неизвестно.

[269] *...он не имеет точных доказательств, как не имеет их ни один смертный.* — *Платон.* Тимей, 29 d.

[270] *...один из последователей Платона...* — Имеется в виду Цицерон.

[271] *...не буду говорить ничего... определенного...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 9.

[272] *...если наши соображения... правдоподобны, не следует стремиться... к... большему.* — *Цицерон.* Тимей, 3, 8.

[273] *...чем больше знаешь, тем больше... поводов к сомнению.* — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Застольные беседы, VIII, 10.

[274] *Те, кто хотят узнать, что мы думаем о всякой вещи, более любопытны, чем нужно.* — *Цицерон.* О природе богов, I, 5.

[275] *Клитомах утверждал, что... не в состоянии был понять... сочинений Карнеада...* — *Клитомах* — см. прим. 252, с. 429. Карнеад не оставил никаких сочинений; его учение изложил Клитомах. — Приводимое в тексте см. *Цицерон.* Академические вопросы, II, 45.

[276] *...а Гераклит был прозван...* — Об этом см. *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, II, 5.

[277] *...стяжавший себе славу... темнотой...* — Лукреций, I, 640.

[278] *Цицерон упрекает... друзей за то, что они... пренебрегали... важными обязанностями...* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 6.

[279] *...философы-киренаики не придавали цены физике и диалектике.* — Монтень опирается здесь на Диогена Лаэрция, II, 92.

[280] *Зенон... объявлял бесполезными все свободные науки...* — Это приводится у Диогена Лаэрция, VIII, 32.

[281] *Хрисипп утверждал, что все написанное Платоном и Аристотелем о логике писалось ими в шутку...* — Монтень почерпнул это у Плутарха (Противоречия философов-стоиков, 25), но, вследствие ошибки памяти, приписал Хрисиппу как раз обратное тому, что говорится о нем у Плутарха.

[282] *Плутарх утверждает то же... относительно метафизики.* — Жизнеописание Александра Македонского, 2.

[283] *Я мало ценю те науки, которые ничего не сделали для добродетели ученых.* — *Саллюстий.* Югуртинская война, 85, речь Мария.

[284] *Одни называли Платона догматиком, другие... скептиком...* — Приводимое в тексте см. *Секст Эмпирик.* Три книги Пирроновых положений, I, 33. Монтень придает слову «догматик» (dogmatiste) тот смысловой оттенок, каким оно обладало в древности. Приверженцы античного скептицизма называли догматиком любого мыслителя, развивавшего положительное учение о мире.

[285] *...Гомер... заложил основания всех философских школ...* — Монтень опирается здесь на Сенеку (Письма, 88, 5).

286 ...*Платон был родоначальником десяти... философских школ...* — Монтень имеет в виду утверждение Диогена Лаэрция в его жизнеописании Сократа (в конце).

287 *Сократ говорил...* — *Платон*. Теэтет, 149 b.

288 ...*так же обстоит дело и с сочинениями... философов третьего направления...* — Монтень имеет в виду Цицерона (Академические вопросы, II, 5).

289 ...*творения бога различным образом смущают нас...* — Еврипид в цитате у Плутарха: Об упадке оракулов, 50 (во французском переводе Амио).

290 *Эмпедокл.* — Это изречение Эмпедокла приводится у Цицерона (Академические вопросы, II, 5), а также у Секста Эмпирика (Против математиков).

291 *Помышления смертных нетверды, и мысли наши ошибочны.* — Книга премудрости Соломона, IX, 14.

292 ...*стоики... считают невоздержанностью стремление слишком много знать.* — Приводимое в тексте см. *Сенека*. Письма, 88, 45.

293 ...*я все же буду искать причину этого явления...* — Этот случай приводится у Плутарха (Застольные беседы, I, 10).

294 *Лучше изучить лишнее, чем ничего не изучить.* — *Сенека*. Письма, 88, 45.

295 ...*исследование вещей... увлекательное занятие...* — *Цицерон*. Академические вопросы, II, 41.

296 *Евдокс* Книдский (408—355 гг. до н. э.) — известный древнегреческий математик и астроном; основал в своем родном городке Книде (Малая Азия) школу математиков и астрономов, сыгравшую крупную роль в истории греческой науки. — Приводимое в тексте см. *Плутарх*. О том, что, придерживаясь учения Эпикура, нельзя было бы жить безмятежно, 8.

297 *Каждый сообразует... [учения] с требованиями своего ума...* — *Сенека Старший*. Контроверзы, IV, 3.

298 *Платон... как законодатель...* — Монтень опирается на Диогена Лаэрция, III, 80.

299 ...*он тщательно предусматривает...* — *Платон*. Законы, VII, 817 d.

300 *для пользы людей... бывает необходимо их обманывать.* — *Платон*. Государство, V, 549 e.

301 ...*приверженцы Новой Академии...* — Так называемая «Новая» Академия — все четыре послеплатоновские академии (см. прим. 248, с. 429).

302 *Они... хотели поупражнять свой ум...* — Неизвестно, кому принадлежит это изречение.

303 ...*бог... принимает... поклонение людей... под каким бы именем... люди их ни выражали.* — Здесь и на последующих страницах Монтень раскрывает свое подлинное отношение к религии, ясно показывающее, что он решительно отошел от католической ортодоксии.

304 ...*Юпитер, отец и... мать вещей...* — Валерий Сориан в цитате у Августина: О граде божием, VII, 9.

305 *Все правительства извлекали пользу из благочестия верующих...* — Достойно внимания смелое замечание Монтеня о том, что все правительства эксплуатируют благочестие верующих. Весь этот абзац цитирует в своем «Завещании» Жан Мелье.

306 ...*Неведомому и невидимому богу.* — Деяния апостолов, XVII, 23.

307 ...*Нума решил приспособить к такому пониманию религию...* — Монтень опирается здесь на Плутарха (Жизнеописание Нумы, II). *Нума* Помпилий (715—673 гг. до н. э.) — согласно преданиям, второй царь древнего Рима; ему приписывается установление гражданских и религиозных законов древнего Рима. Чтобы связать греческие культы южной Италии с ранней римской религией, Нуму, вопреки хронологии, объявили учеником Пифагора.

308 ...*воспламеняют души народов религиозной страстью...* — Монтень здесь вновь подчеркивает одурманивающее действие религии и то, что ее используют в своих целях все правительства.

309 *О солнце... отец существ живых.* — *Ронсар*. Увещевание французского народа (перевод Н. Я. Рыковой).

810 *...устройство и мера всех вещей определяются... прозорливостью бесконечного разума.* — При рассмотрении излагаемых здесь вопросов, касающихся языческой теологии, Монтень опирается на Цицерона (О природе богов, I, 10—12). — *Анаксимандр* Милетский (610—547 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и ученый, система которого является одной из первых попыток научно, без помощи религии, объяснить возникновение мира. Согласно Анаксимандру, возникновение не только нашего мира, но и бесчисленных других, одновременно существующих миров, и их разрушение чередуются между собой до бесконечности, возникновение и разрушение мира все время повторяются, чередуясь между собой. Анаксимандр утверждал также существование бесчисленных миров. — *Анаксимен* Милетский — см. прим. 33, с. 485. — *Анаксагор* — см. прим. 54, с. 421.

811 *Алкмеон* Кротонский (VI в. до н. э.) — древнегреческий врач и философ, основатель анатомии и физиологии.

812 *Парменид* (VI—V вв. до н. э.) — древнегреческий философ, виднейший представитель элейской школы; свое философское учение, направленное против диалектических взглядов Гераклита, изложил в дидактической поэме «О природе». Изменчивым и многообразным явлениям природы Парменид противопоставлял единое, однородное, неподвижное и неизменное бытие, которое безначально и вечно.

813 *Протагор* — см. прим. 20, с. 382.

814 *...боги — это «образы»...* — *«Образы»* — особый термин в учении Демокрита. Для объяснения ощущений и мышления Демокрит развил намеченную Эмпедоклом теорию эманаций, согласно которой от всех сложных тел непрерывно отделяются тончайшие слои атомов, несущиеся с величайшей скоростью во всех направлениях. Эти постоянно исходящие от вещей их «образы» проникают в человеческий организм и вызывают деятельность его органов чувств и мышления, порождая зрительные, слуховые и другие ощущения, а также представления и мысли.

815 *Спевсипп* — см. прим. 49, с. 385.

816 *Ксенократ* из Халкедона (I в. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Платона и его преемник в Академии (339—314 гг. до н. э.).

817 *Гераклид Понтийский* (IV в. до н. э.) — древнегреческий философ и историк из Гераклеи на Понте (Черном море), был учеником Платона и Спевсиппа. Наиболее ценным вкладом в науку является его атомистическая теория и его астрономические идеи.

818 *Феофраст* (371—285 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и ученый, возглавлявший после смерти Аристотеля перипатетическую школу в Афинах. Из его многочисленных сочинений по разным отраслям знания наибольшее значение имеют его работы по ботанике.

819 *Стратон* Лампсакский (ум. 270 г. до н. э.) — древнегреческий философ аристотелевской школы; разрабатывал главным образом физическое учение Аристотеля (за что был прозван «физиком») и его учение о душе в материалистическом направлении.

820 *Диоген Аполлонийский* (V в. до н. э.) — древнегреческий философ, эклектик, пытавшийся сочетать учение Анаксимена с атомистикой Левкиппа и некоторыми идеями Анаксагора, младшим современником которого он был.

821 *Ксенофан* — см. прим. 17, с. 369.

822 *Аристон* Хиосский — см. прим. 2, с. 403, гл. LI.

823 *Клеанф* — см. прим. 4, с. 383.

824 *Персей* (306—243 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-стоик, ученик основателя стоической школы — Зенона.

825 *Диагор* (V в. до н. э.) — лирический поэт, уроженец острова Мелоса; был приговорен за безбожие к смертной казни, но бежал. — *Феодор* — см. прим. 4, с. 403. — Монтень опирается здесь на Цицерона (О природе богов, I, 23).

826 *...боги... обитают между двумя небосводами...* — Приводимое в тексте см. *Цицерон*. О природе богов, II, 17.

827 *Я говорил всегда...* — Энний в цитате у Цицерона: О гадании, II, 50.

[328] *...что мы меньше всего знаем, лучше всего годится для обожествления...* — Критикуя античные религии, Монтень явно направляет свои стрелы и против христианского вероучения.

[329] *Вещи... недостойные... чтобы их приписывали богам.* — Лукреций, V, 123.

[330] *...все... перенесено на них по аналогии с человеческой немощью...* — *Цицерон,* О природе богов, II, 28.

[331] *К чему вводить в храм наши дурные нравы?* — Персий, II, 61.

[332] *...иначе они неминуемо лишились бы... почитания.* — Это приводится у Августина (О граде божием, XVIII, 5).

[333] *...говорит Цицерон...* — Тускуланские беседы, I, 26.

[334] *Когда Платон говорит о... наградах и наказаниях...* — *Платон.* Горгий 524 b—526 d; Государство, X, 614 a—616 a.

[335] *...смерть не избавляет их от забот.* — *Вергилий.* Энеида, VI, 443—444.

[336] *...что приготовил Бог любящим Его.* — *Апостол Павел.* I послание к коринфянам, II, 9.

[337] *...тот, кого влекли кони Ахиллеса, не был больше Гектором.* — *Овидий.* Скорбные песни, III, 11, 27.

[338] *Что меняется, то разрушается и, следовательно, гибнет...* — Лукреций, III, 756.

[339] *...были бы правы те, кто, оспаривая эти мнения Платона...* — Монтень имеет в виду неоплатоника Порфирия (233—305), в своих комментариях к Платону исправлявшего в этом месте Платона. — См. *Августин.* О граде божием, X, 30.

[340] *...из пепла феникса рождается червь, а потом другой феникс...* — *Плиний Старший.* Естественная история, X, 2.

[341] *...что однажды прекратило существование, того больше нет.* — В приводимой на этих страницах полемике с Платоном Монтень отвергает, вразрез с католическим вероучением, бессмертие души. Это было большой смелостью со стороны Монтеня; достаточно вспомнить, что за подобное высказывание («После смерти ты не будешь больше ничем»), которое здесь почти в тех же выражениях повторяет Монтень, Этьен Доле был обвинен в атеизме и сожжен в Париже на костре в 1546 г.

[342] *...память о прошлом была бы у нас уже прервана.* — Лукреций, III, 859 сл.

[343] *...когда в другом месте... Платон...* — Это приводит Плутарх (О лице, видимом на диске луны, 28).

[344] *Вырванный из орбиты... глаз не в состоянии узреть...* — Лукреций, III, 563.

[345] *Тут наступил перерыв бытия...* — Лукреций, III, 859.

[346] *Это не имело бы значения для нас...* — Лукреций, III, 845 сл.

[347] *Человек может быть только тем, что он есть...* — *Плутарх.* Почему божественное правосудие иногда не сразу наказывает виновных, 4

[348] *Тиберий Семпроний* Гракх — отец народных трибунов.

[349] *Павел* (Павл) *Эмилий* — см. прим. 4, с. 398, гл. XLIV.

[350] *Александр, придя к Индийскому океану...* — Имеется в виду поход Александра Македонского в 327 г. до н. э. в западную Индию. — *Фетида* — божество водной стихии, супруга Океана. — Монтень опирается на Диодора Сицилийского (XVII, 104), хотя у последнего ничего не говорится о человеческих жертвоприношениях.

[351] *[Эней] схватил четырех юношей... чтобы принести их живыми в жертву...* — *Вергилий.* Энеида, X, 517—519.

[352] *Геты* — древнее племя, жившее во Фракии. — *Салмоксис* — божество гетов. — Приводимое сообщение о гетах почерпнуто Монтенем у Геродота, IV, 94.

[353] *Аместрида, мать Ксеркса...* — Здесь у Монтеня неточность: Аместрида была женой, а не матерью Ксеркса. — Приводимое сообщение см. Геродот, VII, 114.

[354] *Вот к каким злодеяниям побуждала религия!* — Лукреций, I, 102.

[355] *Карфагеняне приносили в жертву... собственных детей...* — Приводится у Плутарха (О суеверии, 13).

[356] *...которых они в угоду ей часто бичевали до смерти.* — Этот пример почерпнут у Плутарха. Изречения лакедемонян.

357 ...*заклание и смерть... Ифигении...* — *Ифигения* — дочь легендарного царя Агамемнона, верховного вождя греков в Троянской войне, и Клитемнестры. По преданию, была обречена на заклание, чтобы умилостивить богов и ниспослать успех греческому войску, но богиня Артемида сжалилась над ней и заменила ее ланью, а Ифигению перенесла в Тавриду, где она стала жрицей.

358 *Ее влекут к алтарю, чтобы ей... печальною жертвой пасть...* — Лукреций, I, 98.

359 *Деции* — имеются в виду отец и сын: и тот и другой назывались Публий Деций Мус. Согласно легенде, оба они, будучи в разное время консулами (IV в. до н. э.), добровольно пожертвовали жизнью в сражениях ради отечества.

360 ...*их нельзя было умилостивить... иначе, как убийством столь добродетельных мужей.* — *Цицерон.* О природе богов, III, 6.

361 *Поликрат* — правитель острова Самоса в Греции (527—522 гг. до н. э.). — Приводимое в тексте см. Геродот, III, 41—42.

362 ...*кому нужны... мучения... которые причиняли себе корибанты и менады?* — *Корибанты* — жрецы богини Кибелы во Фригии, предававшиеся экстатическому культу, связанному с самоистязанием. — *Менады* (т. е. неистовствующие) — другое название вакханок, служительниц бога Вакха (Диониса) и участниц празднеств в его честь (вакханалий).

363 ...*в угоду богам они совершают... зверства...* — *Августин.* О граде божием, VI, 10.

364 ...*никто по приказу... не брал... нож, чтобы перестать быть мужчиной.* — *Августин.* О граде божием, VI, 10.

365 *Религия нередко порождала преступные и нечестивые деяния.* — Лукреций, I, 83.

366 *Немудрое божие премудрее человеков...* — *Апостол Павел.* I послание к коринфянам, I, 25.

367 *Стильпон* — см. прим. 11, с. 395, гл. XXXIX. — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, II, 117.

368 *Все сущее... ничто по сравнению с... вселенной.* — Лукреций, VI, 679.

369 *Земля, солнце... существуют... в неисчислимом множестве.* — Лукреций, II, 1085.

370 *Нет... вещи, которая могла бы возникнуть и расти одна.* — Лукреций, II, 1077.

371 ...*где-то должны существовать другие скопления материи...* — Лукреций, II, 1064.

372 ...*как уверяет Платон...* — Тимей, 30 b.

373 ...*некоторые наши ученые...* — В том числе христианский богослов и философ Ориген (185—245). — См. *Августин.* О граде божием, X, 29 и XIII, 16.

374 *Эти миры, может быть, имеют... другое устройство?* — Монтень опирается здесь на Диогена Лаэрция, IX, 44.

375 *Эпикур представлял их себе то сходными... то несходными.* — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, X, 85.

376 ...*не имели представления ни о Вакхе, ни о Церере?* — Т. е. не знали употребления ни вина, ни хлеба.

377 *Если верить Плинию и Геродоту...* — Приводимые ниже примеры почерпнуты из III и IV книг Геродота, а также из VII и VIII книг Плиния Старшего (Естественная история). Но и Геродот и Плиний ставят под сомнение большинство этих сообщений.

378 ...*если верно утверждение Плутарха...* — *Плутарх.* О лице, видимом на диске луны; *Плиний Старший.* Естественная история, VII, 2.

379 *А сколько мы наблюдаем... квинтэссенций?* — Древнейшие греческие философы учили, что материальный мир состоит из четырех стихий, или элементов, — воды, земли, воздуха и огня. Пифагорейцы присоединили к ним еще пятую стихию (по-латыни quinta essentia) — эфир, как особенно тонкий вид материи. В средние века слово «квинтэссенция» стало означать вообще всякий неведомый вид материи, более духовный, чем материальный, и обладающий необычайными свойствами.

380 ...*Анаксагор заявлял, что он черен.* — Анаксагор, опровергая положение «снег бел», указывал на то, что «снег есть затвердевшая вода, а вода черна, следовательно, и снег черен». См. *Секст Эмпирик.* Три книги Пирроновых положений, I, 13.

381 *Метродор Хиосский* — см. прим. 29, с. 408. — Приводимое в тексте *см. Цицерон*. Академические вопросы, II, 23.

382 ...*является ли наша жизнь жизнью*... — Это изречение Еврипида приводит Секст Эмпирик (Три книги Пирроновых положений, III, 24), а также Диоген Лаэрций (IX, 73) и другие авторы. Перевод (приблизительный) двустишия Еврипида Монтень дает перед тем, как процитировать его в подлиннике.

383 *Мелисс* Самосский (V в. до н. э.) — древнегреческий философ, последний из значительных представителей элейской школы, известный также и как политический деятель.

384 ...*как это доказывает Платон*... — Теэтет. Парменид, 137 е—138 с.

385 *Навсифан* (род. 360 г. д н. э.) — древнегреческий философ, учитель Эпикура. Навсифан был последователем Демокрита, и через него существенные части учения Демокрита перешли к Эпикуру. — *Парменид* — см. прим. 312, с. 432.

386 ...*существует только единое*... — Приводимое в тексте см. *Сенека*. Письма, 88, 44.

387 *Природа вещей*... *ложная или пустая тень*. — См. *Сенека*. Письма, 88, 46; *Цицерон*. Академические вопросы, II, 37.

388 ...*сколько препирательств*... *было вызвано сомнением в истолковании слога* «hoc». — Hoc est corpus meum — «сие есть тело мое» — сакральная формула, произносимая во время католической литургии в момент, когда кусочек освященного хлеба превращается якобы в тело Иисуса Христа («евхаристия»). По поводу смысла и характера этого таинства между католиками и протестантами велись ожесточенные споры. Иронические замечания Маркса по поводу этих препирательств см.: *К. Маркс*. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», VII, стр. 191—192.

389 *Если вы говорите «я лгу»*... — Это так называемый софизм «лжеца», гласящий: «Если кто лжет и сам утверждает, что лжет, то лжет ли он в этом случае или говорит правду?»

390 ...*они*... *знают, что сомневаются*. — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, IX, 76.

391 ...*это утверждение само себя уничтожает*... — См. *Секст Эмпирик*. Три книги Пирроновых положений, I, 28.

392 «*Что знаю я?*» — Этот знаменитый девиз Монтеня был взят в качестве эпиграфа к изданию «Опытов», выпущенному в 1635 г. госпожой де Гурне; так называется также выходящая в современной Франции обширная серия научно-популярной литературы по различным областям знания.

393 *Если в происходящих*... *религиозных спорах*... — Имеются в виду споры католиков с протестантами по поводу «евхаристии» (см. прим. 388).

394 ...*наш древний насмешник!* — Имеется в виду Плиний Старший (Естественная история, II, 7).

395 ...*не в его власти повернуть назад то, что свершилось*... — *Гораций*. Оды, III, 29, 43.

396 *Поразительно видеть, до чего доходит бесстыдство*... *сердца*... — *Плиний Старший*. Естественная история, II, 21.

397 ...*он только бога считал*... *благим*... *существом*... — Приводимое в тексте см. *Сенека*. Письма, 85, 18—19.

398 ...*одного из*... *великих христиан*... — Имеется в виду древнехристианский апологет Тертуллиан (160—225).

399 *Боги заботятся о важных делах и не пекутся о малых*. — *Цицерон*. О природе богов, II, 66.

400 *Государи не вдаются во все незначительные дела* .. — *Августин*. О граде божием, XI, 22.

401 *Бог*... *мастер*... *в большом*... *и в малом*. — *Цицерон*. О природе богов, III, 35.

402 *Стратон* — см. прим. 319, с. 432. — Приводимое в тексте см. *Цицерон*. Академические вопросы, II, 38.

403 ...*вечное существо... не имеет никаких обязанностей...* *Цицерон.* О природе богов, I, 17. Эти слова принадлежат Эпикуру.

404 ...*души людей, когда они... оторваны от тела... предсказывают и предвидят...* — Приводимое в тексте см. *Цицерон.* О гадании, I, 57.

405 ...*славу нетленного Бога изменили в образ подобный тленному человеку.* — *Апостол Павел.* Послание к римлянам, 1, 22—23.

406 ...*каким шарлатанством было обставлено обожествление у древних.* — Следующие за этим примеры Монтень почерпнул у Геродиана (Римская история, кн. IV, во французском переводе Бюшона).

407 ...*в память благонравной супруги Фаустины...* — Явная ирония со стороны Монтеня: Фаустина, жена императора Марка Аврелия, была известна своим распутством.

408 *Боятся того, что сами выдумали.* — Лукан, I, 486.

409 *Есть ли кто несчастнее человека...* — Источник приводимой Монтенем цитаты не установлен.

410 *Жители Тасоса, желая отблагодарить Агесилая...* — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Изречения лакедемонян, Агесилай, 25.

411 *Трисмегист* — «трижды величайший». В эллинистическом Египте греческий бог Гермес (вестник богов) был отождествлен с египетским богом науки и магии Тотом и стал называться «Гермесом Трисмегистом». Ему приписывалось авторство так называемых «герметических сочинений», т. е. «книг по тайным наукам», созданных в начале нашей эры в эллинистическом Египте. — Приводимое в тексте см. *Августин.* О граде божием, VIII, 24.

412 ...*лишь одному дано познать богов...* — Лукан, I, 452.

413 *Если бог есть, то он живое существо...* — Все приводимые ниже аргументы почерпнуты у Цицерона (О природе богов, II, 6—12 и III, 13—14).

414 *Нет, хоть лопни! — ответил.* — *Гораций.* Сатиры, II, 3, 319.

415 *Когда они думают о боге... то... думают о самих себе...* — *Августин.* О граде божием, XII, 15.

416 *Монсенис* — одна из горных вершин в Альпах.

417 ...*было подстроено жрецами...* — Случай, описанный у Иосифа Флавия (Иудейские древности, XVIII, 4).

418 *Варрон... сообщает...* — Это сообщение приводится у Августина (О граде божием, VI, 7).

419 *Аристон* — имя отца Платона, происходившего из знатного афинского рода; *Периктиона* — имя матери Платона. Приводимая Монтенем версия происхождения Платона почерпнута у Диогена Лаэрция, III, 1.

420 ...*ради детей?* — т. е. чтобы дети могли хвалиться своим «божественным» происхождением.

421 *Мерлин* — легендарный волшебник и пророк древних бриттов, герой рыцарских романов т. н. «Артуровского цикла». По преданию, был рожден без отца.

422 *У магометан народ верит...* — Монтень опирается здесь на труд своего современника Гильома Постеля, путешествовавшего по восточным странам (см.: *G. Postel.* Histoires orientales. Paris, 1560).

423 ...*для всякого существа нет ничего прекраснее... его самого...* — Приводится у Цицерона (О природе богов, I, 27).

424 ...*бог имеет человеческий облик.* — Приводится у Цицерона (О природе богов, I, 18).

425 ...*человек... представляет... его в виде человека.* — *Цицерон.* О природе богов, I, 27.

426 *Ксенофан* — см. прим. 17, с. 369.

427 ...*почему... гусенок не мог бы утверждать...* — Монтень здесь и дальше осмеивает антропоморфизм и антропоцентризм (согласно которому человек есть конечная цель мироздания) как религиозно-идеалистические предрассудки.

428 *Насколько природа... благоприятствует тому, что ею создано!* — *Цицерон.* О природе богов, I, 27.

429 *Сыновья Земли... были укрощены рукой Геракла...* — *Гораций.* Оды, II, 12, 6.

430 *...Нептун потрясает стены и основания...* — *Вергилий.* Энеида, II, 610 сл.

431 *...чтобы поразить и изгнать... чужеземных богов.* — *Кавнии* — одно из критских племен. — Это сообщение приводит Геродот (I, 172).

432 *Так суеверие связывает богов с самыми ничтожными делами.* — Тит Ливий, XXVII, 23.

433 *...ее... оружие и колесница.* — *Вергилий.* Энеида, I, 16.

434 *...Аполлон, обитающий в... центре земли.* — *Цицерон.* О гадании, II, 56.

435 *Афиняне чтят Палладу...* — *Овидий.* Фасты, III, 81.

436 *Храм внука соединен с храмом... предка.* — *Овидий.* Фасты, I, 294.

437 *...число их очень велико, достигая тридцати шести тысяч...* — Приводится у Гесиода: Труды и дни, 252, где говорится о тридцати тысячах богов. Дальнейшее почерпнуто Монтенем у Августина (О граде божием, IV, 27), цитирующего Варрона.

438 *...позволим им... обитать на... землях.* — *Овидий.* Метаморфозы, I, 194.

439 *Хрисипп полагал, что... все боги погибнут, кроме Юпитера.* — Приводится у Плутарха (О распространенных взглядах, 27).

440 *Крит — колыбель Громовержца.* — *Овидий.* Метаморфозы, VIII, 99.

441 Публий Муций *Сцевола* — римский правовед, консул 133 г. до н. э., в том же году — верховный понтифик; Цицерон называет Сцеволу основателем науки гражданского права. — Приводимые высказывания Сцеволы и Варрона приводятся у Августина (О граде божием, IV, 27 и 31).

442 *...мы считаем, что ему лучше обманываться.* — *Августин.* О граде божием, IV, 31.

443 *Фаэтон* — сын бога солнца Гелиоса и океаниды Климены. Не справившись с конями огненной колесницы своего отца, он упал на землю и разбился насмерть.

444 *...небо и солнце... из камня...* — *Анаксагор* — см. прим. 54, с. 421

445 *...природа... изумительный огонь, способный порождать...* — Приводится у Цицерона (О природе богов, II, 22).

446 *Архимед* — величайший древнегреческий математик и механик, которого Энгельс называет одним из представителей «точного и систематического исследования» в древности.

447 *...Сократ считал...* — Это приводится у Ксенофонта (Воспоминания о Сократе, IV, 7, 2). *Полион* Лампсакский — один из виднейших учеников Эпикура. Говоря о «сладких плодах», которые Полион вкусил, познакомившись с учением Эпикура, Монтень имеет в виду отношение Эпикура к чувственному познанию. Эпикур не отрицал его, но ограничивал, считая, что вследствие своей неточности оно не может дать истинного познания.

448 *Как рассказывает Ксенофонт...* — Воспоминания о Сократе, IV, 7, 7.

449 *...по поводу природы демонов...* — *Демоны* здесь в смысле духи, гении, руководящие действиями людей, хранителями которых они являются.

450 *Дышло и ободья .. были золотые, а спицы — серебряные.* — *Овидий* Метаморфозы. II, 107.

451 *...вращающихся вокруг веретена необходимости, о коем писал Платон.* — Государство, 616—617. Употребляемый Платоном образ «веретена необходимости» — эмблема «мировой оси», вокруг которой обращается все сущее; *отливающие разными цветами небесные тела* представляют собой, по объяснению комментаторов Платона, различные отблески планет.

452 *Мир — это гигантский дом...* — Стихи Варрона, приводимые Валерием Пробом в его комментариях к VI эклоге Вергилия.

453 *...природа... не что иное, как загадочная поэзия!* — *Платон.* Алкивиад второй. Монтень, введенный в заблуждение Марсилио Фичино, в переводе которого он пользовался Платоном, неточно передает мысль Платона.

454 *...нет... человеческого ума, который смог бы проникнуть в тайны неба и земли.* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 39.

455 *Тимон* Флиунтский (320—230 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-скептик, ученик Пиррона. Тимон писал не только философские трактаты, но и ямбы, и эпические поэмы, и комедии. Приводимое в тексте содержится в его сатире («Силлы») на разных философов, встреченных им в загробном мире. У Тимона говорится о «фантастических измышлениях» Платона (см. Диоген Лаэрций, III).

456 *...Платон... говорит...* — Тимей, 72 d.

457 *...мы довольствуемся неясными и обманчивыми очертаниями...* — Это сравнение приводится у Платона (Критий 107 b—d).

458 *...подбросила... какой-то предмет, чтобы он споткнулся...* — Приводится у Платона в «Теэтете» (174 a—b). По Платону, однако, служанка Фалеса была не из Милета, а из Фракии; к тому же в рассказе Платона не говорится ничего о том, будто она бросила что-то под ноги Фалесу, чтобы он споткнулся.

459 *Никто из исследующих... не смотрит на то, что у него под ногами.* — *Цицерон.* О гадании, II, 18. Приведенные слова выражают мысль не Демокрита, а самого Цицерона и направлены как раз против Демокрита.

460 *Как говорит Сократ у Платона...* — *Платон.* Теэтет (см. прим. 458).

461 *...людям, которые находят доводы Раймунда Сабундского слишком слабыми...* — Здесь явная ирония со стороны Монтеня, ибо на несостоятельность доводов Раймунда Сабундского указывает прежде всего он сам, разоблачая их на протяжении всей этой обширной главы.

462 *Что укрощает море и регулирует год...* — *Гораций.* Послания, I, 12, 16.

463 *Все эти вещи сокрыты от нас...* — *Плиний Старший.* Естественная история, II, 37.

464 *...способ, каким соединяются души с телами... решительно непонятен для человека...* — *Августин.* О граде божием, XXI, 10.

465 Клавдий *Гален* (129—200) — римский врач и естествоиспытатель, величайший теоретик античной медицины.

466 *...Аристотель... бог схоластической науки...* — Для мировоззрения Монтеня характерно его отрицательное отношение к Аристотелю, но не к подлинному Аристотелю, а к искаженному католической церковью, «Аристотелю с тонзурой», как остроумно называет его Герцен. Борьба с аристотелизмом была для Монтеня борьбой со схоластикой; недаром Монтень называет Аристотеля *богом схоластической науки.* В этой борьбе Монтень имел сподвижником и соратником своего выдающегося современника, Петра Рамуса, аргументацию которого против Аристотеля он использует и продолжает.

467 *...идеи Платона...* — Согласно идеалистическому учению Платона, *идеи* — это прообразы чувственных вещей, вечные, неизменные и не зависящие от условий пространства и времени, в то время как чувственные вещи непрерывно изменяются, возникают и погибают, а потому лишены истинного существования. — Основатель древнегреческой атомистики *Левкипп* и его гениальный ученик *Демокрит* (см. прим. 29, с. 372) признавали наряду с материей (бытием) самостоятельное существование пустого пространства (небытия). Бытие — *полное,* небытие — *пустое.* — Согласно Фалесу, *вода* есть начало всего; из нее возникают все вещи и в нее они в конце концов разрешаются. — Об *Анаксимандре* см. прим. 310, с. 432 — О *Диогене* Аполлонийском см. прим. 320, с. 432. *Мусей* — невозможно определить, какого Мусея Монтень имел в виду. — На основании одного этого упоминания об Аполлодоре нельзя определить, какого Аполлодора Монтень имел в виду. Согласно учению *Эмпедокла,* вещества периодически соединяются и разъединяются под действием двух основных сил: любви, как принципа соединения, и раздора, как принципа разъединения веществ. В соответствии с этим возникают и распадаются образующие мир тела-вещества. — Согласно учению *Гераклита,* первоосновой мира является огонь.

468 *...учение Аристотеля об основах природных вещей...* — Ср. *Аристотель*. Физика, I, 7.

469 *...нет людей более легкомысленных, чем... филодоксы...* — Термин *филодоксы* («любители мнений») Платон применяет в «Государстве» (V, 480 а), обозначая им людей, которые «обо всем мнят, не зная того, о чем имеют мнение», в отличие от истинных любителей мудрости — философов. Последние любят то, что знают, филодоксы же — то, о чем имеют мнение.

470 *...подобно Палладе, вышедшей из головы своего отца...* — Согласно мифу, богиня мудрости и наук Афина Паллада родилась, выйдя в полном вооружении из головы Зевса.

471 *Природа души неизвестна...* — Лукреций, I, 113 сл.

472 *Кратет* — см. прим. 223; с. 428. — *Дикеарх* Мессенский — см. прим. 31, с. 376. — *Асклепиад* Вифинский (I в. до н. э.) — знаменитый врач и естествоиспытатель.

473 *Он изрыгнул свою кровавую душу.* — *Вергилий*. Энеида, IX, 349.

474 *...[душа] обладает огненной силой...* — *Вергилий*. Энеида, VI, 730. *Гиппократ* (460—ок. 377 гг. до н. э.) — прославленный врач, прозванный отцом медицины.

475 *Телу присуще некое жизненное состояние...* — Лукреций, III, 100.

476 *...что он называет энтелехией...* — *Энтелехией* Аристотель называет осуществление в противоположность возможности. Душу Аристотель называет первой энтелехией организма.

477 *Какое из... мнений истинно, ведомо... только богу.* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 11.

478 *Бернард* Клервоский (1091—1153) — французский церковный деятель, вождь воинствующей католической партии, враг Абеляра; Монтень имеет в виду его «Книгу о душе», гл. I.

479 *Гераклит... утверждал...* — Приводится у Диогена Лаэрция, IX. 7.

480 *Герофил* — выдающийся анатом древности; жил в Александрии в первой половине III в. до н. э.

481 *...здоровье... не составляет у... человека отдельной части.* — Лукреций, III, 103.

482 *...в этом же месте бурлят радости.* — Лукреций, III, 142.

483 *Стоики помещают душу в сердце...* — Это приводится у Плутарха (Мнения философов, IV, 5)

484 *Эрасистрат* — выдающийся врач древности, живший в Александрии в первой половине III в. до н. э., младший современник Герофила. — См. Бытие, IX, 4.

485 *Не следует... доискиваться, какой вид имеет душа...* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 28.

486 *...душа... старается вырваться...* — Приводится у Сенеки (Письма, 57, 7).

487 *...в предисловии к... жизнеописаниям...* — *Плутарх*. Жизнеописание Тесея, вступление.

488 *...о чем он думал, определяя человека как двуногое бесперое животное!* — Приводится у Диогена Лаэрция (VI, 40).

489 *...мысль, которая ставит эпикурейцев в... затруднительное положение.* — Приводимая здесь и ниже критика эпикурейской физики взята у Цицерона (О природе богов, II, 12 и 37 и III, 9).

490 *...Платон... в другом месте...* — Алкивиад I, 129 а.

491 *Нет величайшей нелепости, которая не была бы сказана кем-либо из философов.* — *Цицерон*. О гадании, II, 58.

492 *Когда Платон помещал...* — При рассмотрении здесь учения Платона Монтень опирается на вторую часть его диалога «Тимей» и еще в большей степени на Диогена Лаэрция (III, 67).

493 *Солнце... лучами... освещает все.* — *Клавдиан*. На шестое консульство Гонория, 411.

494 *Остальная часть души рассеяна по всему телу...* — Лукреций, III, 144.

495 *...под конец... возвращается туда же...* — *Вергилий*. Георгики, IV, 221 сл.

496 *Доблесть... отца передалась тебе.* — Неизвестно, откуда Монтень почерпнул эту цитату.
497 *Храбрых рождают... храбрые...* — *Гораций.* Оды, IV, 4, 27.
498 *...вместе с ростом... тела развиваются и душевные свойства.* — Лукреций, III, 741 и 746.
499 *...божественное правосудие, карающее детей за грехи отцов...* — См. *Плутарх.* Почему божественное правосудие иногда не сразу наказывает виновных, 19.
500 *...почему не сохраняем никаких воспоминаний...* — Лукреций, III, 671.
501 *Если... душа... утрачивает память обо всем минувшем...* — Лукреций, III, 671.
502 *Платон... считал...* — О государстве, X, 615 b.
503 *...душа рождается вместе с телом...* — Лукреций, III, 446.
504 *...душу можно... врачевать, как и... тело...* — Лукреций, III, 509.
505 *...природа души должна быть телесна...* — Лукреций, III, 176.
506 *Способности души... надломлены действием... яда.* — Лукреций, III, 498.
507 *Душа поражена силой болезни...* — Лукреций, III, 491.
508 *...при болезнях тела душа блуждает...* — Лукреций, III, 464.
509 *Какое безумие — сочетать смертное с бессмертным...* — Лукреций, III, 801 сл.
510 *Она погибает... под бременем старости.* — Лукреций, III, 459.
511 *...во сне душа сжимается... обмякает и угасает* — *Цицерон.* О гадании, II, 58.
512 *..может болеть... нога, между тем как голова может не испытывать... страдания.* — Лукреций, III, 111.
513 *Как говорит Аристотель...* — Метафизика, II, 1.
514 *...по словам Цицерона.* — Тускуланские беседы, I, 16. — *Ферекид Сиросский* — см. прим. 176, с. 426. — *Тулл* — имеется в виду Тулл Гостилий, по преданию, третий римский царь (673—642 гг. до н. э.).
515 *Нам скорее обещают, чем доказывают столь приятную вещь.* — *Сенека.* Письма, 102, 2.
516 *...как утверждает Платон...* — Законы, X, 888 a—890 b.
517 *Это мечты человека желающего, а не доказывающего.* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 38.
518 *Нимврод* — упоминаемый в Библии легендарный вавилонский царь, будто бы стремившийся подчинить себе всю землю и небо.
519 *Погублю мудрость мудрецов...* — *Апостол Павел.* I послание к коринфянам, I, 1, 19.
520 *Само сокрытие пользы... испытание... смирения, или уничижение гордости.* — *Августин.* О граде божием, XI, 22. Монтень цитирует свой источник не вполне точно. У Августина сказано: не *сокрытие пользы,* а *сокрытие истины.*
521 *Я использую это всеобщее мнение.* — *Сенека.* Письма, 117, 6.
522 *Они признают, что наши души... долговечны, но не бессмертны.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 31.
523 *О... себе Пифагор говорил...* — Сообщаемая в тексте легендарная генеалогия Пифагора приводится у Диогена Лаэрция (VIII, 4, 5), а также у Плутарха (О лице, видимом на диске луны, 28—30). — *Эталид* — один из сыновей Гермеса. — *Эвфорб* — один из участников Троянской войны.
524 *Верно ли... что некоторые... души возносятся на небо, а затем... возвращаются в... тела?..* — *Вергилий.* Энеида, VI, 719.
525 *Ориген* — см. прим. 373, с. 434.
526 *Варрон высказал мнение...* — *Варрон* — см. прим. 174, с. 426. — Приводимое в тексте см. *Августин.* О граде божием, XXI, 28.
527 *Платон говорит...* — Менон, 81 b—d. — *Пиндар* (518—438 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий лирический поэт.
528 *Вот как... он развивает свое учение.* — *Платон.* Тимей, 42 b.
529 *Не смешно ли думать, что... души стоят наготове...* — Лукреций, III, 778.
530 *...это мнение разделяют и некоторые из новейших писателей...* — *Луис Вивес.* Комментарий к «Граду божиему», IX, 11.

531 *Следует считать, говорит он...* — *Плутарх.* Жизнеописание Ромула, 14.

532 *Архелай* (V в. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик и последователь Анаксагора — *Аристоксен* (род. ок. 360 г. до н. э.) — древнегреческий философ и теоретик музыки, ученик Аристотеля. — Сообщаемая здесь теория Архелая приводится у Диогена Лаэрция (II, 17).

533 *...тот, кто не знает собственной меры...* — *Плиний Старший.* Естественная история, II, 1.

534 *...познание... вещи для человека невозможно.* — См. Диоген Лаэрций, I, 36.

535 *Вы, для которой я... взялся написать...* — Монтень здесь обращается к той высокопоставленной особе, для которой он якобы взялся написать весь этот обширный «опыт». В действительности же это была со стороны Монтеня мистификация. Огромный интерес в этом абзаце и в последующих представляют усиленно подчеркиваемые Монтенем предостережения против скептицизма, ясно показывающие, что скептицизм являлся для Монтеня лишь оружием в борьбе с церковно-феодальным мировоззрением.

536 *Не следует идти на смерть, как сделал Гобрий..* — Этот эпизод приводится у Геродота, III, 78. — *Гобрий* — знатный перс; *Дарий* — Дарий I Гистасп (521—486 гг. до н. э.) — древнеперсидский царь из династии Ахеменидов. Вступление Дария на престол связано было с низложением самозванца (Лже-Смердиса), что имеется в виду в приводимом Монтенем примере.

537 *Когда однажды португальцы... взяли в плен... турок...* — Приводимый Монтенем пример почерпнут у Озорио «История Португалии (в переводе Гулара)», XII, 23.

538 Приводимая Монтенем пословица может быть соотнесена с русской: «Умный, умный, аж дурной».

539 *...людям необходимы даже самые дурные законы, ибо, не будь их, люди пожрали бы друг друга.* — Это недостоверное высказывание, приписываемое Эпикуру, приводится у Плутарха (Против Колота, 27).

540 *...без законов мы жили бы как дикие звери.* — *Платон.* Законы, IX, 874 e.

541 *...если кто-нибудь из... новых учителей...* — Имеются в виду протестантские теологи.

542 *...вынуждены... защищать то, чего не одобряют.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 2.

543 *Так размягчается на солнце гиметский воск...* — *Овидий.* Метаморфозы, X, 284.

544 *...человеческий разум никогда не может ничего решить.* — Здесь перед нами одно из намеренных противоречий Монтеня, часто встречающихся на протяжении его «Опытов». Вначале, от слов «Феофраст утверждал...» и до слов «Человек столь же способен познать все...», Монтень высказывает свою подлинную мысль — убеждение в неуклонном развитии наук и искусств, в успехах человеческого разума В дальнейшем же Монтень, чтобы отвлечь внимание блюстителей ортодоксии, нагромождает несколько чисто словесных оговорок.

545 *...есть только одно определение понимания всякой вещи.* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 41.

546 *Мульцибер ополчился на Трою...* — *Овидий.* Скорбные песни, I, 2, 5. *Мульцибер* — одно из имен Вулкана.

547 *...истина скрыта на дне глубокой пропасти...* — Это образное сравнение, примененное Демокритом, было повторено Цицероном (Академические вопросы, I, 12 и II, 10).

548 *Разуму нечего выбирать... между истинной и ложной видимостью.* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 28.

549 *Новое мнение губит предшествующее...* — Лукреций, V, 1413.

550 *Сапфо* (род. 612 г. до н. э.) — выдающаяся древнегреческая лирическая поэтесса.

551 *Клеомен* — имеется в виду спартанский царь Клеомен I (519—487 гг. до н. э.). — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Изречения лакедемонян. Клеотен, сын Анаксарида, 11.

552 *Мысли... меняются так же, как... и свет...* — Монтень приводит этот известный стих из «Одиссеи» (XVIII, 136—137) в латинском переводе Цезаря.

553 *...разум, обладающий способностью иметь сто противоположных мнений об одном и том же предмете...* — Из этих слов видно, что Монтень на всем протяжении данной главы нападает не на человеческий разум вообще, а на ту искаженную схоластической выучкой разновидность его, которая сделала его «инструментом из свинца и воска». Естественный же человеческий разум, не испорченный предрассудками, Монтень не только признает, но и считает единственным нашим руководителем.

554 *Меня... не заботит, какого владыки... следует опасаться...* — *Гораций*. Оды, I, 26, 3.

555 *Подобно... суденышку, застигнутому... ветром.* — Катулл. XXV, 12.

556 *Аякс был... храбрее в ярости.* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, IV, 23.

557 *Фемистокл* — выдающийся афинский политический деятель V в. до н. э. — *Демосфен* — см. прим. 7, с. 406.

558 *...спокойствие и невозмутимость... узнаются по тому, что никакое волнение не в состоянии их нарушить.* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, V, 6.

559 *Так море... то... обрушивается на землю... то... убегает назад...* — *Вергилий*. Энеида, XI, 624.

560 *...весь мир верил в это, пока Клеанф Самосский...* — Здесь, по-видимому, у Монтеня описка: вместо *Клеанф Самосский* следует читать — *Аристарх Самосский*. — *Аристарх Самосский* (310—230 гг. до н. э.) — математик и астроном, учивший, что Земля вращается вокруг своей оси и движется вокруг Солнца, за что его в XVI в. прозвали «Коперником древности». Он был обвинен в безбожии, и одним из его обвинителей был стоик Клеанф. Вероятно, этим объясняется сочетание этих имен у Монтеня.

561 *...вместе с ходом времени меняется значение вещей...* — Лукреций, V, 1275.

562 Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст *Парацельс* фон Гугенхейм (1493—1541) — немецкий врач, гуманист и естествоиспытатель. Ярый враг схоластики и слепого подчинения авторитету древних, Парацельс стремился создать медицинскую науку, основанную на прочных эмипирических данных. Однако в его системе к весьма здравым мыслям примешивалось немало астрологических и магических суеверий.

563 *...две линии... не могут встретиться.* — Речь идет о гиперболе и ее асимптотах. — *Жак Пелетье* (см. прим. 11, с. 377).

564 *Птолемей* (II в. н. э.) — знаменитый древнегреческий ученый, работы которого дали плодотворные результаты в области многих наук, в особенности в астрономии, географии и оптике. В своем основном сочинении по астрономии, известном в переводе на арабский язык под названием «Альмагест», Птолемей дал превосходную сводку всех астрономических знаний, остававшуюся непревзойденной до появления труда Коперника (XVI в.). «Альмагест» имел огромное практическое значение для мореплавания и определения географических координат.

565 *Считалось ересью признавать существование антиподов...* — Из церковных авторитетов с особой решительностью против возможности существования людей на другой стороне Земли (*антиподов*) высказывались Августин (О граде божием, XVI, 9) и Лактанций. — Под новым *континентом* разумеется Америка.

566 *...то, что у нас под рукой, нравится нам...* — Лукреций, V, 1411.

567 *...мир меняет свой облик во всех смыслах...* — *Платон*. Политик, 268 d—269 a.

568 *Египетские жрецы говорили Геродоту...* — Геродот, II, 142.

569 *Иные из христианских авторов считают...* — Имеется в виду Ориген. — Указанное в тексте приводится у Августина (О граде божием, XII, 13 и 17).

570 *...самой знаменитой из греческих философских школ...* — Имеется в виду школа Платона. Приводимая в тексте концепция изложена главным образом в платоновском «Тимее». — *Платон*. Тимей, 92 c.

571 *Гераклит считал...* — Это приводится у Диогена Лаэрция (IX, 8).

572 *... в своей совокупности люди вечны.* — *Апулей* (II в. н. э.) — римский писатель, философ-платоник. Цитата из Апулея содержится в его рассуждении «О демоне Сократа».

573 *Александр в письме к... матери...* — Содержание этого очень популярного в средневековой литературе подложного письма Александра Македонского приводится у Августина (О граде божием, XII, 10).

574 *...халдеи имели летописи, охватывавшие свыше четырехсот тысяч лет...* — Согласно утверждению Библии, принятому христианской церковью, мир был создан богом примерно семь тысяч лет тому назад. Поэтому огромные цифры, приводимые Монтенем как нечто вполне возможное, свидетельствуют о его весьма дерзком свободомыслии.

575 *Зороастр* — греческая форма имени полулегендарного древнеиранского вероучителя Заратуштры (VII—VI вв. до н. э.), основателя особой религиозной системы — маздеизма.

576 *Платон сообщает...* — Тимей: 21 e, 23 d—e.

577 *...существовали народы...* — Приводимые здесь сообщения об американских народах почерпнуты Монтенем из сочинения Гомары (Всеобщая история Индий). Монтень нагромождает целый ворох таких сведений, без всякого критического разбора их.

578 *...крестом святого Андрея...* — По преданию, апостол Андрей был распят на кресте, водруженном косо в виде знака умножения. Отсюда термин — «андреевский крест».

579 *Климат придает силу не только нашему телу, но и духу.* — *Вегеций*, I, 2. — Флавий Ренат *Вегеций* — римский писатель IV в. н. э., занимавшийся главным образом военными вопросами; большой интерес представляет и разделявшееся Вегецием учение о влиянии климата, т. е. географической среды, на человека, учение, которое до Вегеция развивали в своих сочинениях Гиппократ, Гален и Аристотель. Из современников Монтеня особенно обстоятельно учение о влиянии географического фактора было обосновано у Жана Бодена (см. прим. 26, с. 416), суждения которого Монтень высоко ценил.

580 *В Афинах воздух легкий и чистый...* — *Цицерон*. О судьбе, 4.

581 *...плодородная земля делает умы бесплодными.* — Приводимое в тексте см. *Геродот*, IX, 121.

582 *Чего мы разумно боимся или хотим?..* — Ювенал, X, 4.

583 *...Сократ просил богов дать ему... то, что они... считают полезным...* — См. *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе, I, 3, 2.

584 *...лакедемоняне... выбор... предоставляли... богам...* — См. *Платон*. Алкивиад второй (в начале).

585 *...богу известно, каковы будут... дети... и... жена...* — Ювенал, X, 352.

586 *Мидас* —легендарный фригийский царь.

587 *...он жаждет бежать от своих сокровищ...* — *Овидий*. Метаморфозы, XI, 128.

588 *Клеобис и Битон* — согласно аргосской легенде, двое братьев, считавшихся счастливейшими из смертных. Сыновья жрицы, Клеобис и Битон, повезли на себе колесницу матери. Восхищенная их подвигом, мать их молила, чтобы божество ниспослало им наилучшую человеческую участь, и они после жертвоприношения заснули в храме и больше не пробудились. Эту легенду Геродот влагает в уста Солона при описании его свидания с Крезом (см. Геродот, I, 31). — *Трофоний* у древних греков — божество, тождественное с подземным Зевсом. Культ Трофония и вера в его оракулы были широко распространены в Греции. — *Агамед* — брат Трофония.

589 *Твой жезл и твой посох — они успокаивают.* — Псалтырь, XXII, 4.

590 *...предоставь... богам выбрать, что подобает тебе...* — Ювенал, X, 346.

591 *...существовало... двести восемьдесят школ...* — См. *Августин*. О граде божием, XIX, 2.

592 *Кто поднимает вопрос о высшем благе, тот перебирает все философские учения.* — *Цицерон*. О высшем благе и высшем зле, V, 5.

593 *...я вижу трех гостей... и каждый требует разных блюд...* — *Гораций.* Послания, II, 2, 61.

594 *Ничему не удивляться... вот почти единственное средство сделать себя счастливым...* — *Гораций.* Послания, I, 6, 1.

595 *Аристотель считает проявлением величия... ничему не удивляться.* — Никомахова этика, IV, 3.

596 *Аркесилай утверждал...* — Это приводится у Секста Эмпирика (Три книги Пирроновых положений, I, 33).

597 *Юст Липсий* (1574—1606) — известный филолог-гуманист, с которым Монтень находился в дружеской переписке. — Адриан *Турнеб* — см. прим. 23, с. 382.

598 *...англичане три или четыре раза меняли... свои убеждения...* — Монтень имеет в виду следующие перемены в области религии, происшедшие в Англии: 1) реформу 1534 г., когда король Генрих VIII объявил себя главой англиканской церкви; 2) возврат к католичеству в 1553 г., когда к власти пришла Мария Тюдор; 3) снова переход к англиканству в 1558 г., когда на престол вступила Елизавета.

599 *...древний бог...* — Имеется в виду Аполлон. — См. *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе, I, 3, 1.

600 *...истинной религией... является та, которая охраняется обычаем... страны, где он родился?* — Влагая в уста Аполлона слова о том, что религия есть не что иное, как человеческое измышление, необходимое для поддержания человеческого общества, Монтень явно выражал свое собственное убеждение; но, чтобы замаскировать свое смелое суждение, Монтень прибегает к обычному своему приему и сопровождает свое высказывание о «религии откровения» ни к чему не обязывающей фразой, носящей чисто декларативный характер.

601 *Что́ это за истина... которая становится ложью для людей по ту сторону этих гор?* — Это ставшее знаменитым изречение Монтеня воспринял Паскаль, который перефразировал его следующим образом: «Истина по сю сторону Пиренеев становится ложью по ту сторону их» (*Паскаль.* Мысли, 394).

602 *Фрасимах* (V в. до н. э.) — софист и ритор, сыгравший важную роль в развитии греческого красноречия; известен также своей защитой (в «Государстве» Платона, I, 338 с) тезиса о том, что понятие справедливость всюду определяется интересами сильнейших. *Аристон* — см. прим. 2, с. 403, гл. LI.

603 *...есть народы, у которых дочь сочетается с отцом, а мать с сыном...* — *Овидий,* Метаморфозы, X, 331.

604 *...то, что я называю нашим... ухищрение.* — Приводимое высказывание представляет собой сильно измененные слова Цицерона (О высшем благе и высшем зле, V, 21).

605 *Ликург считал...* — См. *Плутарх.* Жизнеописание Ликурга, 14.

606 *Дионисий* — см. прим. 7, с. 381. Сообщаемый в тексте эпизод приводится у Секста Эмпирика (Три книги Пирроновых положений, III, 24), а также у Диогена Лаэрция (II, 78).

607 *...когда Диоген мыл... зелень к обеду...* — См. Диоген Лаэрций, II, 68.

608 *Будем же надеяться на мир.* — *Вергилий.* Энеида, III, 539—543.

609 *Потому-то... и проливаю их, что они... бессильны.* — См. Диоген Лаэрций, I, 63.

610 *...ты предпочла бы, чтобы они осудили меня заслуженно?..* — См. Диоген Лаэрций, II, 35.

611 *...находят, что должны быть только те боги, которых почитают они сами.* — Ювенал, XV, 26.

612 *Бартоло* да Сассоферрато (1313—1356), *Бальдо* дельи Убальди (1327—1400) — два знаменитых итальянских юриста XIV в., толкователи римского права.

613 *...о... видах наслаждения... следует судить... по возрасту, степени красоты...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 33.

614 *...чистые способы любви не возбраняются мудрецу.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, III, 20.

615 *...до какого возраста отроков можно их любить.* — *Сенека.* Письма, 123, 15.

616 *...за десяток маслин философ готов десять раз перекувырнуться...* — См. *Плутарх.* Противоречия философов-стоиков, 22.
617 *Клисфен* (665—565 гг. до н. э.) — сикионский тиран. Вся история о выдаче Клисфеном замуж его дочери, представляющая народную побасенку, приводится у Геродота (VI, 129).
618 *Метрокл* (III в. до н. э.) — древнегреческий философ. — Сообщаемое в тексте см. Диоген Лаэрций, VI, 94.
619 *Не потому ли, что ты теряешь мужскую силу, когда тебе нечего опасаться.* — Марциал, III, 70.
620 *...с тех пор, как ты приставил к ней стражу, толпы охотников осаждают ее.* — Марциал, I, 74.
621 *...нисколько не покраснев, как если бы его застали за посадкой чеснока.* — Этот эпизод приводится в «Историческом словаре» Пьера Бейля под словом «Гиппархия»; но у древних писателей он нигде не встречается.
622 *...великий писатель-богослов...* — Имеется в виду Августин (О граде божием, XIV, 20).
623 *...выражал... готовность... удовлетворить и другую свою потребность.* — Диоген Лаэрций, VI, 69.
624 *Я на улице почувствовал голод, потому и ем на улице.* — Диоген Лаэрций, VII, 58.
625 *Гиппархия* — сестра философа Метрокла, упомянутого выше.
626 *...все вещи заключают в себе причины таких явлений...* — Эти примеры приводятся у Секста Эмпирика (Три книги Пирроновых положений, I, 29 и 32).
627 *...как это и делают с сивиллами.* — *Сивиллы* — прорицательницы, получившие якобы от Аполлона дар провидения. Предсказания Сивилл часто бывали очень туманны и допускали ряд различных толкований.
628 *...подобно учителям, в день ярмарки Сен-Дени.* — В день открытия ярмарки Сен-Дени ученики преподносили учителям подарки.
629 *...мед не сладок и не горек.* — Этот пример приводится у Секста Эмпирика (Три книги Пирроновых положений, I, 30).
630 *Всякое познание пролагает себе путь в нас через чувства...* — Это положение, несмотря на все оговорки, которыми Монтень сопровождает его, является для него ведущим при определении роли чувств. Утверждая далее, что «чувства являются началом и венцом человеческого познания», Монтень лишь подчеркивает свою основную мысль.
631 *Это... путь, по которому убеждение проникает в... сознание человека.* — Лукреций, V, 103.
632 *...знание есть не что иное, как чувство.* — *Платон.* Теэтет, 151 d—e.
633 *...познание истины порождается в нас чувствами...* — Лукреций, IV, 479 и 483.
634 *Цицерон сообщает...* — Академические вопросы, II, 27.
635 *...твоя собственная сила погубила тебя!* — См. *Плутарх.* Противоречия философов-стоиков, 10.
636 *Смогут ли зрение и осязание опровергнуть его?* — Лукреций, IV, 487.
637 *Всякому чувству дана своя область...* — Лукреций, IV, 490.
638 *...чем оно представляется... взору.* — Приблизительный перевод этого стиха (Лукреций, V, 577) дан непосредственно перед латинской цитатой.
639 *Мы не допускаем ...чтобы глаза... ошибались.* — Лукреций, IV, 380 и 387.
640 *Тимагор* (VI в. до н. э.) — древнегреческий политический деятель. Этот пример приводится у Цицерона (Академические вопросы, II, 25).
641 *...показания чувств всегда верны...* — Лукреций, IV, 499—510.
642 *Горы... издали кажутся слившимися...* — Лукреций, IV, 397, 389, 390 и 421.
643 *...тех, кто входит в церковь с некоторым пренебрежением...* — Монтень имеет в виду протестантов, когда они заходят в католический храм.
644 *...голос — это цвет красоты.* — См. Диоген Лаэрций, IV, 23.

645 *Филоксен* (436—380 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт, живший при дворе сиракузского тирана Дионисия. — Сообщаемое в тексте приводится у Диогена Лаэрция (IV, 36).

646 *Украшения соблазняют нас... Пышно наряженная любовь ослепляет... глаз...* — *Овидий.* Средства от любви, 343.

647 *...так разжигает он пламя, в котором сам же сгорает.* — *Овидий.* Метаморфозы, III, 424.

648 *...ему чудится, что она отвечает...* — *Овидий.* Метаморфозы, X, 256.

649 *...нельзя смотреть вниз, не испытывая... головокружения...* — Тит Ливий, XI, 4, 6.

650 *...великий философ выколол себе глаза, чтобы освободить душу...* — Имеется в виду Демокрит. Однако предание это не соответствует действительности, как указывает Плутарх (О любознательности, 11).

651 *...впечатления, способные... потрясти нашу душу...* — См. *Плутарх.* Как надо слушать, 2.

652 *...нередко такое же действие производят заботы или страх...* — *Цицерон.* О гадании, I, 37.

653 *...переходы изодного тона в другой... способны трогать слушателей...* — См. *Плутарх* Как надо сдерживать гнев, 6.

654 *Видит двойное солнце и удвоившиеся Фивы.* — *Вергилий.* Энеида, IV, 470.

655 *...порочные женщины удерживают нашу любовь...* — Лукреций, IV, 1151.

656 *...они кажутся принадлежащими к давнему прошлому...* — Лукреций, IV, 812.

657 *Те, кто сравнивал нашу жизнь со сном, были... правы...* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 17 и 19.

658 *..потемки, киммерийские сумерки.* — В «Одиссее» Гомера киммерийцы изображаются живущими в стране, окутанной вечным туманом, куда не проникают лучи солнца (Одиссея, XI, 14).

659 *..боги и животные обладают... более совершенными чувствами, чем люди.* — См. *Плутарх.* Мнения философов, IV, 10.

660 *...если слюна человека коснется змеи, она погибает...* — Лукреций, IV, 638.

661 *Плиний сообщает...* — *Плиний Старший.* Естественная история, XXII, 3.

662 *На что ни посмотрит больной желтухою, все кажется ему желтоватым.* — Лукреций, IV, 307.

663 *...подкожное кровоизлияние...* — Этот пример, так же как и некоторые другие, приводимые далее, заимствованы у Секста Эмпирика (Три книги Пирроновых положений, I, 14).

664 *..эти жидкости...* — Во времена Монтеня было сильно распространено восходящее еще к древности учение о «жидкостях», или «соках» (humores), циркулирующих в человеческом организме и определяющих главные происходящие в теле процессы, болезни, а также различные «темпераменты» человека.

665 *...станут двоиться лица. .* — Лукреций, IV, 450.

666 *Если у нас заложены уши... мы воспринимаем звук иначе, чем обычно...* — См. *Секст Эмпирик.* Три книги Пирроновых положений, I, 14.

667 *...полотнища эти... все заливают цветовой волной...* — Лукреций, IV, 75 сл.

668 *...пища... разложившись, образует совсем иную природу.* — Лукреций, IV, 514 сл.

669 *...суждение о вещах окажется ложным и пустым, если оно исходит из заведомо ложного чувства.* — Лукреций, III, 703.

670 *Мы не имеем никакого общения с бытием...* — Начиная с этого абзаца и кончая словами «ни начала, ни конца» (с. 534), Монтень почти дословно пересказывает Плутарха. Этот благочестивый на первый взгляд пересказ нужен Монтеню для прикрытия его вольнодумных суждений о религии, которыми так богата данная глава. Ср. прим. 303, с. 431.

671 *Платон утверждал...* — *Платон.* Теэтет, 152 d.

672 *...стоики утверждали... что то, что мы называем настоящим, является лишь связью между прошедшим и будущим.* — Приводится у Плутарха (Ходячие возражения против стоиков, 41).
673 *Эпихарм* — см. прим. 15, с. 384.
674 *...все преходяще, природа все претворяет...* — Лукреций, V, 826.
675 *...благочестивому выводу писателя-язычника...* — Монтень имеет в виду Плутарха.
676 *...другого писателя, тоже язычника...* — Т. е. Сенеки, Имеется в виду его сочинение «Естественные вопросы», I, предисловие.

Глава XIII
О ТОМ, КАК НАДО СУДИТЬ О ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

1 *...города и земли скрываются из виду.* — *Вергилий.* Энеида, III, 72.
2 *Старик-пахарь... восхваляет благоденствие отцов...* — Лукреций, II, 1165.
3 *Столько богов, суетящихся вокруг одного человека.* — *Сенека Старший.* Контроверзы, IV, 3.
4 *Ты боишься... потому, что не знаешь, кого... везешь...* — Лукан, V, 579.
5 *Цезарь счел тогда, что эти опасности достойны его судьбы...* — Лукан, V, 653.
6 *Когда Цезарь угас, само солнце скорбело...* — *Вергилий.* Георгики, I, 466.
7 *Нет... неразрывной связи между небом и нами...* — *Плиний Старший.* Естественная история, II, 6.
8 *...известный своею жестокостью император...* — Калигула. См. *Светоний.* Калигула, 30. Слова же по поводу обвиняемого (по имени Карнул), предвосхитившего смерть неожиданным самоубийством, принадлежат, согласно сообщению Светония, императору Тиберию (14—37 гг. н. э.), воскликнувшему: «Карнул ускользнул из моих рук!» (*Светоний.* Тиберий, 61).
9 *...смертельный удар еще не нанесен...* — Лукан, II, 178.
10 *Элагабал,* или Гелиогабал, — см. прим. 6, с. 391.
11 *...ретивый и смелый по необходимости.* — Лукан, IV, 798.
12 *Луций Домиций* Агенобарб — римский политический деятель, друг Цицерона, консул 54 г. до н. э., непримиримый противник Цезаря; погиб в сражении при Фарсале. — Сообщаемое в тексте см. *Плутарх.* Жизнеописание Цезаря, 34.
13 *Плавций Сильван* — претор времен императора Тиберия. — Сообщаемый в тексте эпизод приводится у Тацита (Анналы, IV, 22).
14 *Альбуцилла* — знатная римлянка времен императора Тиберия (I в. н. э.), известная своими многочисленными любовными похождениями; была обвинена в оскорблении императора. — Приводимое в тексте см. *Тацит.* Анналы, VI, 48.
15 *Демосфен* (ум. 413 г. до н. э.) — афинский полководец; не смешивать со знаменитым оратором Демосфеном (384—322 гг. до н. э.). — Сообщаемый в тексте эпизод см. *Плутарх.* Жизнеописание Никия, 10.
16 *Гай* Флавий *Фимбрия* (ум. 85 г. до н. э.) — римский политический деятель, ярый сторонник народной партии. С успехом воевал в Азии против Митридата, но с появлением в Азии Суллы был оставлен своими войсками и покончил самоубийством.
17 *Осторий* Скапула (I в. н. э.) — римский политический деятель, отличившийся на войне в Британии, наместником которой был его отец, полководец Публий Осторий Скапула. Обвиненный по доносу в замыслах против Нерона, Осторий покончил с собой. Историю этого самоубийства подробно излагает Тацит (Анналы, XVI, 14—15).
18 *Ту, которой меньше... ожидаешь...* — Приводимый ответ Цезаря см. *Светоний.* Божественный Юлий, 87. Публий Элий *Адриан* (117—138) римский император из династии Антонинов.

[19] *Мгновенная смерть... высшее счастье человеческой жизни...* — *Плиний Старший.* Естественная история, VII, 54.

[20] *...меня страшит умирание.* — Этот стих Эпихарма Цицерон приводит в «Тускуланских беседах» (I, 8).

[21] Тит *Помпоний Аттик* (109—32 гг. до н. э.) — Образованный человек и крупный делец, был другом Цицерона. — Приводимое в тексте сообщение см. *Корнелий Непот.* Жизнеописание Аттика, 22.

[22] *Клеанф* — см. прим. 4, с. 383. — Сообщаемое в тексте см. Диоген Лаэрций, VIII, 176.

[23] *...хотя врачи... обещали... исцеление.* — Приводимый рассказ о Туллии Марцеллине см. *Сенека.* Письма, 77, 5—9.

[24] *Спасти человека против воли — все равно что совершить убийство.* — *Гораций.* Наука поэзии, 467.

[25] *Катон* — имеется в виду Марк Порций Катон Младший; см. прим. 13, с. 386. О различных суждениях Монтеня о Катоне см. также кн. I, гл. XXVII.

Глава XIV

О ТОМ, ЧТО НАШ ДУХ ПРЕПЯТСТВУЕТ СЕБЕ САМОМУ

[1] *...человек... жалкое и вместе с тем превосходящее всех существо.* — *Плиний Старший.* Естественная история, II, 5.

Глава XV

О ТОМ, ЧТО ТРУДНОСТИ РАСПАЛЯЮТ НАШИ ЖЕЛАНИЯ

[1] *Нет... положения, которому не противостояло бы противоречащее...* — См. *Секст Эмпирик.* Три книги Пирроновых положений, I, 6.

[2] *...одного древнего мыслителя...* — Имеется в виду Сенека. — Приводимое высказывание см. *Сенека.* Письма, 4.

[3] *Страшиться потерять... все равно что горевать о... утрате.* — *Сенека.* Письма, 98, 6.

[4] *...она не родила бы... сына.* — *Овидий.* Любовные элегии, II, 19, 27.

[5] *Всякое удовольствие усиливается от... опасности...* — *Сенека.* О благодеянии, VII, 9.

[6] *...если к радости не примешивается страдание, наступает пресыщение любовью.* — Марциал, IV, 38.

[7] *...Ликург повелел спартанцам посещать... жен... тайком...* — Монтень опирается здесь на Плутарха (Жизнеописание Ликурга, 11).

[8] *...и томность, и молчание, и вздох...* — *Гораций.* Эподы, 11, 11.

[9] *Сколько... забав порождается... скромными... рассуждениями о делах любви.* — Монтень имеет в виду некоторых церковных писателей, которые, обличая излишества в любви, вдавались в такие подробности, что их описания оказывали на читателей обратное действие.

[10] *Куртизанка Флора рассказывала...* — *Плутарх.* Жизнеописание Помпея, 1.

[11] *...заставляет их терзать то, чем и вызвано их неистовство.* — Лукреций, IV, 1075.

[12] *...Иакову Компостельскому... богоматери Лоретской...* — Монтень называет два знаменитых места паломничества, из которых первое находится на северо-западе Испании, а второе — в средней Италии.

[13] *...начал жаждать ее, когда ею стал обладать другой.* — См. *Плутарх.* Жизнеописание Катона Утического, 7.

[14] *...пренебрегает тем, что доступно, и гонится за тем, что... ускользает.* — *Гораций.* Сатиры, I, 2, 108.

[15] *Если ты перестанешь стеречь... дочь, она... перестанет быть моею.* — *Овидий.* Любовные элегии, II, 19, 47.

[16] *Ты жалуешься на обилие, я — на скудость.* — *Теренций.* Формион, 163.

[17] *...кто хочет... сохранить... власть над возлюбленным, пусть презирает его.* — *Овидий.* Любовные элегии, II, 19, 33.

[18] *...та, что вчера отвергла... сегодня будет... навязываться.* — Проперций, II, 14, 19.

[19] *Поппея* — имеется в виду Поппея Сабина, вторая жена императора Нерона, по преданию убитая им (65 г. н. э.). О притворной скромности Поппеи и ее обыкновении показываться с полузакрытым лицом сообщает Тацит (Анналы, XIII, 45).

[20] *Убегает... но жаждет, чтобы я... ее увидел.* — *Вергилий.* Эклоги, III, 65.

[21] *...закрытая туника привлекает внимание.* — Проперций, II, 15, 6.

[22] *...недозволенное распаляет сильнее.* — *Овидий.* Любовные элегии, II, 19, 3.

[23] *Зло... исподволь распространяется.* — *Рутилий.* Путешествие, I 397. Поэт имеет в виду распространение иудейства.

[24] *Агриппеи* (буквально «белоконные всадники») — одно из скифских племен. — См. *Геродот,* IV, 23.

[25] *Существуют народы...* — Монтень опирается здесь на сочинение Лопеса Гомары (Общая история Индий, III, 30).

[26] *Двери на запоре привлекают вора...* — *Сенека.* Письма, 68, 4.

[27] *...Да, вот уже добрых тридцать лет!* — Этот абзац был написан Монтенем около 1590 г., примерно тридцать лет спустя после резни в Васси 1562 г., положившей начало гражданским войнам во Франции.

Глава XVI

О СЛАВЕ

[1] *...и на земле мир, в человеках благоволение.* — Евангелие от Луки, II, 14.

[2] *Хрисипп* — см. прим. 10, с. 367, гл. VI. *Диоген* — см. прим. 11, с. 408. — Приводимое в тексте см. *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, III, 17.

[3] *...Одиссей... великая слава ахеян...* — *Гомер.* Одиссея, XII, 184.

[4] *Что им в славе...* — Ювенал, VII, 81.

[5] *Идоменей* Лампсакский (325—270 гг. до н. э.) — писатель и политический деятель, друг Эпикура.

[6] *Гермарх* Митиленский (III в. до н. э.) — последователь Эпикура, ставший после его смерти во главе школы. Эпикур завещал Гермарху свою библиотеку и средства на содержание школы.

[7] *Метродор* — см. прим. 29, с. 408.

[8] *Карнеад* — см. прим. 44, с. 385.

[9] *...избегай... неумеренности и в стремлении к славе, и в уклонении от нее.* — *Аристотель.* Никомахова этика, II, 7.

[10] *Скрытая доблесть мало отличается от безвестной бездарности.* — *Гораций.* Оды IV, 19, 29.

[11] *...говорит Карнеад...* — Монтень цитирует по Цицерону (О высшем благе и высшем зле, II, 18).

[12] *Гай Плоций* — знатный римский всадник из Нурсии. — Приведенный эпизод см. *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, II, 18.

[13] *...вспомнить... о Секстилии Руфе...* — Как на пример недобросовестного присвоения наследства Цицерон ссылается на происшедший на его глазах случай, когда Секстилий Руф объявил себя наследником Квинта Фадия Галла и завладел его огромным состоянием (см. *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, II, 17).

[14] *Красс,* Марк Лициний — см. прим. 137, с. 425. — Квинт *Гортензий* — см. прим. 17, с. 412, гл. VI. — Приводимый в тексте эпизод подробно излагается у Цицерона (Об обязанностях, III, 18).

15 *...свидетелем нашим является бог, то есть... наша совесть.* — *Цицерон.* Об обязанностях, III, 10.

16 *...случай... одни события покрывает славой, другие — мраком забвения.* — *Саллюстий.* Заговор Катилины, 8.

17 *...как если бы достохвальным было только то, что пользуется известностью.* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 4.

18 *Человек... благородный... считает доблестью то, что... заключается... в действиях.* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 19.

19 *Метродор* — см. прим. 29, с. 408.; *Аркесилай* — см. прим. 18, с. 395; *Аристипп* — см. прим. 44, с. 372.

20 *...похвала наша... свидетельство совести нашей.* — *Апостол Павел.* II послание к коринфянам, 1, 12.

21 *...из его подвигов... известны лишь те, у которых были... свидетели.* — *Ариосто.* Неистовый Роланд, XI, стр. 81.

22 *Доблесть сияет неоспоримыми почестями...* — *Гораций.* Оды, III, 2, 17.

23 *Не из... корысти, а ради... добродетели.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, I, 10.

24 *...кого презираешь каждого в отдельности.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 36.

25 *Нет ничего презреннее, нежели мнение толпы.* — Тит Ливий, XXXI, 34.

26 *Деметрий* — см. прим. 11, с. 395. — Приводимое в тексте см. *Сенека.* Письма, 91, 19.

27 *...вещь... не постыдная... становится постыдной, когда ее прославляет толпа.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, II, 15.

28 *...то, что служит к чести, есть... и самое полезное для человека.* — *Квинтилиан.* Образование оратора, I, 12.

29 *...я... буду... держать мой руль.* — Монтень здесь перефразирует слова Сенеки (Письма, 85, 33—35).

30 *Смеялся над тем, что... расчет оказывается безуспешным.* — *Овидий.* Героиды, I, 18. Монтень неточно передает текст Овидия.

31 *Павел Эмилий* — см. прим. 4, с. 398, гл. XLIV. — Приводимое в тексте см. Тит Ливий, XLIV, 22.

32 *Фабий* — имеется в виду Фабий Максим (ум. 203 г. до н. э.), известный римский полководец, вызывавший у многих недовольство своей чрезвычайной осторожностью в ведении войны с Ганнибалом и прозванный за это Кунктатором (Медлитель).

33 *...я не приму за... смысл... честных поступков... восторги и восхваления.* — Персий, I, 47.

34 *...располагай они платоновским перстнем...* — Имеется в виду перстень лидийского царя Гигеса, будто бы обладавший указанным в тексте чудесным свойством. О кольце Гигеса Платон рассказывает в «Государстве», II 359 d—360 a; см. также Геродот, I, 8 и сл.

35 *Кто, кроме... негодяев, гордится ложной почестью...* — *Гораций.* Послания, I, 16, 39.

36 *...не ищи себя нигде, кроме как в себе самом.* — *Персий*, I, 5.

37 *...они жаждали скорей громкого, чем доброго имени.* — *Трог Помпей* — римский историк. — *Герострат* — эфесец, сжегший в 356 г. до н. э. великолепный храм Артемиды Эфесской, по преданию для того, чтобы таким образом обессмертить свое имя; впоследствии имя его стало именем нарицательным. — *Манлий Капитолийский* (IV в. до н. э.) — римский полководец, спасший Рим от нашествия галлов. Враждовал с патрициями и в позднейшей римской исторической традиции изображался защитником плебеев. — Выражение, что Манлий стяжал себе «громкую, но не добрую славу», принадлежит Титу Ливию (VI, 11).

38 *...то же имя носит... известный род в Англии.* — Монтень хочет затушевать свое буржуазное происхождение и изобразить дело так, будто его родовым именем является де Монтень, а не Эйкем. В действительности же Монтень происходил из купеческой семьи Эйкемов, которая лишь в XV в. получила дворянство и при-

бавила к своему родовому имени Эйкем еще фамилию Монтень, по названию приобретенной прадедом Монтеня (в 1496 г.) сеньории Монтень.

39 *...потомство хвалит умершего...* — Персий, I, 26.

40 *...я говорил уже в другом месте.* — См. Опыты, I, гл. XLVI.

41 *...одна из многих превратностей судьбы.* — Ювенал, XIII, 9.

42 *Слабый отзвук их славы едва донесся до нашего слуха.* — *Вергилий.* Энеида, VII, 646.

43 *...те, кто умерли в безвестности.* — *Вергилий.* Энеида, V, 302.

44 *Наградой за доброе дело служит свершение его.* — *Сенека.* Письма, 81, 19.

45 *Вознаграждением за... услугу является сама услуга.* — Источник Монтеня установить не удалось; возможно, что это пересказ мыслей Сенеки (Письма, 81).

46 Марк Ульпий *Траян* — римский император (98—117).

47 *Платон... советует...* — Законы, XII, 950 b—c.

48 *По примеру... поэтов, которые... прибегают к богу.* — *Цицерон.* О природе богов, I, 20. Речь идет об окончании трагедии появлением бога, который и разрешает все конфликты.

49 *Тимон* — см. прим. 455, с. 438.

50 *Нума* — см. прим. 307, с. 431. — *Серторий* — см. прим. 307, с. 431.

51 *Зороастр* — см. прим. 575, с. 443. — *Трисмегист* — см. прим. 411, с. 436. — *Залмоксис* — см. прим. 352, с. 433. — *Харонд* — см. прим. 2, с. 373, гл. XVI. — *Минос* — см. прим. 28, с. 414. — *Ликург и Солон* — см. там же. — *Драконт* (VII в. до н. э.) — полулегендарный древнеафинский законодатель, суровость законодательства которого вошла в поговорку. — Монтень не верил в истинность законов Моисея, как это явствует из нижеследующего замечания его о том, что «у каждого народа можно встретить похожие вещи», а также из многих мест «Апологии Раймунда Сабундского» (гл. XII).

52 *Жуанвиль* — см. прим. 52, с. 417. — Приводимое в тексте см.: *J. de Joinville.* Mémoires ou Histoire et chronique du très chrétien roi saint Louis, t. I, ch. 51. Paris, 1858.

53 *...воин... с готовностью приемлет смерть...* — Лукан, I, 461.

54 *...честью... называется... то, что признает славным... молва.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, II, 15.

55 *Та, которая отказывает лишь потому, что ей нельзя уступить, уступает.* — *Овидий.* Любовные элегии, III, 44.

Глава XVII
О САМОМНЕНИИ

1 *Луцилий* — римский сатирик конца II в. до н. э.

2 *...старик начертал в... сочинениях всю свою жизнь...* — *Гораций.* Сатиры, II, 1, 30.

3 *Это... не вызвало ни недоверия... ни порицания...* — *Тацит.* Жизнь Агриколы.

4 *Констанций* Хлор — с 305 г. н. э. римский император. — Приводимое в тексте см. Аммиан Марцеллин, XXI, 16.

5 *Эпициклы* — круги, с помощью которых древние объясняли видимое петлеобразное движение планет. Теория эпициклов окончательно была оставлена после открытия Кеплером его трех законов движения планет.

6 *Стремление познать сущность вещей дано человеку... как бич наказующий.* — Екклезиаст, I.

7 *Оно... окропляет меня, но... не окрашивает.* — Сравнение, заимствованное у Сенеки. Письма, 36, 3.

8 *Ни боги, ни люди... не прощают поэту посредственности.* — *Гораций.* Наука поэзии, 372.

9 *Нет никого наглее бездарного поэта.* — Марциал, XII, 63, 13.

10 *Дионисий-отец* — см. прим. 7, с. 363. — Приводимый в тексте эпизод излагается у Диодора Сицилийского (XVI, 64).

11 *Перечитывая, я стыжусь написанного...* — *Овидий.* Письма с Понта, I, 5, 15.

12 *...как говорит Плутарх об одном человеке...* — О Ксенократе (см. о нем прим. 316, с. 432) в «Наставлениях к браку», 26.

13 *Если что-нибудь нравится... то... этим мы обязаны... грациям.* — Неизвестно, откуда Монтень взял эту цитату.

14 *Дефиниция* (термин риторики) — определение темы речи, постановка вопроса. — *Амафаний и Рабирий* — два персонажа, которых Цицерон в «Академических вопросах» обвиняет в отсутствии вкуса и критического чутья.

15 *...наиболее трудная часть — вступление.* — Цицерон говорит об этом во вступлении к своему переводу платоновского «Тимея».

16 *Стараясь быть кратким, я становлюсь непонятным.* — *Гораций.* Наука поэзии, 25.

17 *Платон говорит...* — О государстве, X; Федон (в последней части).

18 *Саллюстий* — см. прим. 18, с. 378.

19 Марк Валерий *Мессала* Корвин. — Сообщение см. *Тацит.* Диалог об ораторах, 39.

20 *Что до латыни, которая в детстве была для меня родным языком...* — См. Опыты, кн. I, гл. XXVI.

21 *...ему принадлежит... важное место.* — Реабилитация плоти и критика христианского ханжества в этом вопросе — тема, к которой Монтень постоянно возвращается в своих «Опытах».

22 *...красота тогда много значила и сила ценилась.* — Лукреций, V, 1109.

23 *Гай Марий* Старший. — Приводимое в тексте см. Вегеций, I, 5.

24 *«Придворный».* — Монтень имеет в виду книгу итальянца Бальдассаре Кастильоне «Придворный» (изд. в 1528 г.), содержащую беседы придворных о том, какими качествами должен обладать человек тонкой культуры. В 1537 г. книга была переведена на французский язык. Монтень часто заимствует из нее примеры. Приводимое в тексте см. I, 20.

25 *...говорит Аристотель...* — Никомахова этика, IV, 7.

26 *...говорит тот же автор...* — *Аристотель.* Политика, IV, 44.

27 *...величавый с виду и на.. голову выше. других... Турн.* — *Вергилий.* Энеида, VII, 783.

28 *Ты прекраснее сынов человеческих.* — Псалтырь, XLIV, 3.

29 *...требует, чтобы правители... обладали красивой наружностью.* — *Платон.* Государство, VII.

30 *Филопемен* Мегалопольский — см. прим. 45, с. 380. — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Жизнеописание Филопемена, I.

31 *У меня волосатые ноги и грудь.* — Марциал, XII, 56, 5.

32 *...вся жизнь приходит в упадок.* — Лукреций, XII, 1131.

33 *Годы идут, похищая у нас одно за другим.* — *Гораций.* Послания, II, 2, 55.

34 *Рвение, заставляющее забывать тяжкий труд.* — *Гораций.* Сатиры, II, 2, 12.

35 *Не настолько ценю я пески... Тага...* — Ювенал, III, 54.

36 *...мы последние среди первых...* — *Гораций.* Послания, II, 2, 201

37 *Немало... такого, что... идет на пользу ворам.* — *Гораций.* Послания, I, 6, 45.

38 *...мучительнее всего неизвестность.* — *Сенека.* Агамемнон, 480.

39 *За деньги я надежды не покупаю.* — *Теренций.* Братья, 220.

40 *Одно весло... загребает воду, другое — песок.* — Проперций, III, 3, 23.

41 *В беде следует принимать опасные решения.* — *Сенека.* Агамемнон, 154.

42 *...я... готов оправдать младшего сына...* — После смерти отца семейства основная часть имущества отходила, как правило, — особенно в дворянских семьях — к старшему сыну, остальные же получали очень незначительную долю.

43 *...кому суждена. . участь победителя.* — *Гораций.* Послания, I, 1, 51.

44 *...с дрожью в поджилках отступать.* — Проперций, III, 9, 5.

45 *...тот уже человек порядочный...* — Монтень в этом месте и на последующих страницах до известной степени раскрывает причины, побудившие его отказаться от блестящей политической карьеры при дворе Генриха III; он разоблачает царившие там жестокость и вероломство.

46 *...если друг... не откажется, что... взял... деньги... такая честность — просто чудо...* — Ювенал, XIII, 60.

47 *Купцы... судьи, ремесленники... нисколько не уступают дворянам...* — Монтень здесь повторяет свою излюбленную мысль, что простые люди нисколько не уступают знати в доблести и нередко даже превосходят ее. — В данном абзаце и дальше можно обнаружить также скрытую полемику Монтеня с макиавеллизмом, — т. е. не с подлинными доктринами самого Макиавелли, а с их искажением в сознании правящих кругов, стремившихся воспользоваться макиавеллизмом для оправдания творимых ими жестокостей и преступлений.

48 *Ничто так не ценится народом, как доброта.* — *Цицерон.* В защиту Лигария, X.

49 *Аристотель считает...* —Никомахова этика, IV, 8.

50 *Аполлоний* — имеется в виду Аполлоний Тианский, см. прим. 62, с. 422. — Приводимое в тексте см. *Филострат.* Жизнеописание Аполлония Тианского.

51 *...как это делают иные из наших властителей...* — Имеется в виду французский король Карл VIII (1483—1498). — См. *Gilles Corrozet.* Propos mémorables, éd. 1557.

52 Квинт *Метелл Македонский* — выдающийся римский полководец и политический деятель; в 131 г. до н. э. был первым цензором из плебеев.

53 *...кто не умеет... притворяться, тот не умеет и царствовать...* — Изречение это приводится в биографиях Секста Аврелия Виктора (IV в. н. э.), собранных в его обзоре истории Рима: «О достославных римских мужах».

54 *Чем человек изворотливее, тем больше в нем ненависти и подозрительности...* — *Цицерон.* Об обязанностях, II, 9.

55 *...подобно Тиберию...* — Монтень опирается здесь на характеристику императора Тиберия, даваемую Тацитом (Анналы, I, 11).

56 *Те, кто... в своих рассуждениях об обязанностях монарха...* — Намек на Макиавелли и сторонников его учения.

57 *Сулейман* — турецкий султан Сулейман II (1494—1566), правление которого (с 1520 г.) считается временем наибольшего военного могущества Турции.

58 *...в дни моего детства...* — Монтень имеет в виду события 1537 г., когда ему было четыре года.

59 *...он полагал, что... бесчестность... может навлечь на него дурную славу...* — Весь эпизод о Сулеймане представляет позднейшую рукописную вставку, сделанную Монтенем и прерывающую первоначальную нить его изложения.

60 *...он научился говорить свободно и откровенно со всяким.* — Это высказывание Аристиппа приводится у Диогена Лаэрция, II, 68.

61 *...не располагая записной дощечкой.* — Костяной, аспидный или какой-либо другой складень, которым пользовались как записной книжкой.

62 *Мессала Корвин* — см. прим. 19, с. 452. Приводимое в тексте см. *Плиний Старший.* Естественная история VII, 24. — *Георгий Трапезундский* — см. прим. 96, с. 423.

63 *Память объемлет не только философию...* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 7.

64 *Кругом в дырах я и повсюду протекаю.* — *Теренций.* Евнух, 105.

65 *...что бы ни говорил на этот счет Цицерон.* — О старости, 7.

66 *Плиний Младший мог бы поведать...* — Монтень, по-видимому, имеет в виду письмо Плиния Младшего (III, 5), в котором последний, описывая своему другу чрезвычайное трудолюбие своего дяди Плиния Старшего и его умение использовать каждую минуту для занятий, сообщает, между прочим, следующее. Однажды кто-то из друзей Плиния Старшего, присутствовавший при чтении за столом книги, прервал чтеца, когда тот неправильно произнес какое-то слово, и заставил его повторить прочитанное. «Но ведь ты понял?» — обратился к нему Плиний Старший и,

когда тот ответил утвердительно, сказал: «Зачем же ты его прервал? Из-за твоего вмешательства мы потеряли больше десяти строк».

67 *В древних Афинах считали...* — Монтень несомненно цитирует здесь по памяти и потому не вполне точно. Приводимый им случай имел место не в Афинах, а в Абдере, где Протагор, по словам Диогена Лаэрция, был носильщиком. Демокрит проникся к Протагору глубочайшим уважением, увидев однажды, как искусно тот укладывает вязанку хвороста, из чего Демокрит сделал вывод, что Протагор способен к самым сложным наукам. См. Диоген Лаэрций. IX, 53. Об этом же эпизоде рассказывает и Авл Геллий (V, 3), сообщающий, что Протагор возвращался, нагруженный хворостом, из деревушки неподалеку от Абдеры.

68 *...я знаю, что все это — ничто.* — Марциал, XIII, 11, 1.

69 *Франциск II* — французский король (1559—1560), сын Генриха II и Екатерины Медичи. Сообщаемый в тексте эпизод имел место в сентябре 1559 г. — *Король Рене* — Рене Анжуйский (1408—1480), король Неаполя и Сицилии, граф Прованский; жил большей частью в Провансе; занимался поэзией, рисованием и другими искусствами.

70 *Сердце не говорит мне решительно ни да, ни нет.* — Петрарка, сонет CXVI.

71 *...философ Хрисипп говорил...* — Сообщаемое высказывание Хрисиппа приводится у Диогена Лаэрция (VII, 179).

72 *Душе... достаточно... мелочи, чтобы склонить ее... в другую сторону.* — *Теренций.* Девушка с Андроса, 266.

73 *...и выпал жребий Матфею.* — Деяния апостолов, I, 26.

74 *Это обыкновение... соглашаться кажется мне опасным...* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 21.

75 *...обе чаши весов нагружены одинаково...* — Тибулл, IV, 1, 41.

76 *Рассуждения Макиавелли...* — Имеются в виду «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия» Макиавелли.

77 *...опровергнуть их не составляет... труда...* — Намек на направленное против Макиавелли сочинение Джентиле «Рассуждение о способах хорошего управления» (1576), получившее широкую известность под названием «Анти-Макиавелли».

78 *Мы бьемся и... выматываем противника.* — *Гораций.* Послания, II, 2, 97.

79 *Никогда не привести столь гнусных... примеров, чтобы не осталось еще худших.* — Ювенал, VIII, 183.

80 *Моя наука — это жить и здравствовать.* — Неточная цитата из Лукреция: V, 980.

81 *Никто не пытается углубиться в себя.* — Персий, IV, 23.

82 *...я придерживаюсь моих воззрений более сознательно и с большей твердостью.* — В этом абзаце Монтень корректирует сделанное им выше в этой главе заявление, будто он не способен усвоить себе твердые воззрения, и подчеркивает независимость своих суждений.

83 *Если вообще есть что-либо почтенное, то это... цельность всей жизни...* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 31.

84 *Ульпиан* — выдающийся римский юрист и политический деятель III в. н. э. — *Святой Иероним* (340—420) — один из так называемых «отцов церкви», переводчик Библии на латинский язык.

85 *...характер его... изменился и нрав исправился.* — *Полемон* Афинский — глава Академии после смерти Ксенократа (313 г. до н. э.), под влиянием которого он в корне изменил свой характер и стал вести добродетельную жизнь. — Приведенный эпизод см. Диоген Лаэрций, IV, а также Валерий Максим, VI, 9 и *Гораций.* Сатиры, II, 3, 253.

86 *...Полемон... сорвал... украшения, настолько он был захвачен словами учителя.* — *Гораций.* Сатиры, II, 3, 253.

87 *...нравы и речи крестьян я... нахожу более отвечающими... истинной философии...* — Здесь перед нами еще один яркий пример высокой оценки, которую Монтень дает людям из народа, в частности крестьянам. Во многих местах своих «Опытов» он отмечает чистоту нравов и здравый смысл простых людей, ставя народную

мудрость не ниже, а в некоторых случаях даже выше учености философски образованных людей.

88 *Народ мудрее, ибо он мудр настолько, насколько нужно.* — *Лактанций*. Божественные установления, III, 5.

89 *Герцог Гиз* — Франсуа Гиз, см. прим. 3, с. 363.

90 Франсуа *Оливье* (1487—1560) — канцлер Франции с 1545 г.; его либеральная политика натолкнулась на ожесточенное сопротивление Гизов. — Мишель *Л'Опиталь* (1507—1573) — канцлер Франции с 1560 до 1568 г., проводивший ту же умеренную, примирительную политику, что и Оливье.

91 Жан *Дора* (1508—1588) — один из поэтов группы «Плеяда», иаставник Ронсара. — Теодор де *Без* (1519—1605) — видный деятель Реформации во Франции и Женеве, сподвижник Кальвина, посредственный поэт. — Джордж *Бьюкенен* — см. прим. 79, с. 386. — Пьер *Мондоре* (ум. 1571) — французский поэт и ученый, королевский библиотекарь. — *Турнеб* — см. прим. 23, с. 382.

92 Пьер *Ронсар* — см. прим. 2, с. 382. — Жоашен *Дю Белле* — см. прим. 2, с. 382.

93 *Герцог Альба* — см. прим. 2, с. 367. — Анн де *Монморанси* — см. прим. 2, с. 399, гл. XLV. Монтень имеет в виду эпизод из так называемой второй гугенотской войны (1567—1568), когда 67-летний Монморанси был смертельно ранен в битве при Сен-Дени, где одержал победу над гугенотами.

94 Франсуа *Ла Ну* (1531—1591), по прозванию «Железная рука», — ревностный гугенот, историк и политический мыслитель; Ла Ну был блестящим полководцем, пользовавшимся за свою верность гуманным принципам репутацией гугенотского «рыцаря без страха и упрека».

95 ...*школе предательства, бесчеловечности и разбоя.* — После этих слов в издании «Опытов» 1595 г., осуществленном одним из ближайших друзей Монтеня, Мишелем де Браком, и восторженной поклонницей Монтеня, мадемуазель Марией де Гурне, был помещен длинный абзац, содержащий пламенное восхваление мадемуазель де Гурне. В бордоском экземпляре «Опытов» Монтеня с его собственноручными поправками и дополнениями этот абзац отсутствует. Многие французские исследователи текста «Опытов» считают крайне сомнительным, чтобы этот панегирик являлся последним абзацем данной главы, и помещают его в вариантах. Вот текст этого варианта: «Я не раз имел удовольствие печатно сообщать о надеждах, которые я возлагаю на Марию де Гурне де Жар, мою духовную дочь, любимую мною бесспорно не только отечески, но и много сильнее. Она незримо присутствует в моем уединенном затворничестве, как лучшая часть моего существа, и ничто в целом мире не привлекает меня, помимо нее. Если по юности можно предугадывать будущее, то эта исключительная душа созреет когда-нибудь для прекраснейших дел и, среди прочего, для совершенной и священнейшей дружбы, до которой не возвышалась еще (по крайней мере, ни о чем подобном мы еще не читали) ни одна представительница женского пола. Искренность и устойчивость ее душевного склада и сейчас уже достаточны для такой дружбы; ее чувство ко мне более чем достаточно, так что тут нечего и желать, кроме разве того, чтобы страх, который она испытывает перед моим близким концом (ведь я встретился с нею в возрасте пятидесяти пяти лет), меньше мучил ее. Ее суждения о первых моих «Опытах», суждения женщины, и притом принадлежащей нашему веку, особы столь юной и столь одинокой в ее захолустье, а также поразительная горячность, с какою она полюбила меня и долгое время влеклась ко мне, движимая исключительно восхищением, внушенным ей задолго до того, как она увидела меня, — все это обстоятельства, достойные глубочайшего уважения».

96 *Прочие...* — Здесь возобновляется бесспорный текст Монтеня.

Глава XVIII
ОБ ИЗОБЛИЧЕНИИ ВО ЛЖИ

1 *Я читаю... стихи не всякому, а только друзьям...* — *Гораций.* Сатиры, I, 4, 72.
2 *Говорю только в тесном кружке.* — Персий, V, 19.
3 *Отцовская одежда и кольцо тем дороже детям, чем сильнее они любили своего отца.* — *Августин.* О граде божием, I, 13.
4 *...я предохраню... когда-нибудь кусок масла... на солнцепеке...* — Монтень хочет сказать, что страницы его «Опытов» послужат оберточной бумагой. — *Орудия воспроизведения мысли,* о которых он говорит выше, — книгопечатание.
5 *Чтобы тунцы и оливки не оставались без прикрытия.* — Марциал, XIII, 1, 1.
6 *...часто будут служить... покровом макрелям.* — Катулл, XCIV, 8.
7 *...я облегчал... душу... не без тайной мысли о поучительности всего этого для других.* — Как и в некоторых других местах «Опытов», Монтень признает здесь, что написал свою книгу для пользы общества.
8 *...трах в спину грязнуху.* — Цитата из сатирического послания Клемана Маро «Фрепелип, лакей Маро, Сагону».
9 *...как говорил Пиндар...* — Приводится у Плутарха (Жизнеописание Мария, 51).
10 *...требованием, какое предъявлял Платон к правителю его государства.* — *Платон.* Государство, III.
11 *Сальвиан* — известный христианский проповедник в Галлии (V в. н. э.); был священником в Массилии (Марселе) и составил по поручению местного собора, для общего употребления, сборник проповедей «Об управлении божием, или О провидении». — Приводимое в тексте см. «Об управлении божием», I, 14. — *Валентиниан* — имеется в виду Валентиниан III, римский император (425—455).
12 *...один древний писатель...* — Имеется в виду Плутарх (Жизнеописание Лисандра, 4).
13 *...никто их больше не знает...* — Для гуманиста Монтеня характерно, что он не упускает случая выразить открыто свой протест против кровавого порабощения и массового истребления народов так называемого Нового Света, против чудовищных опустошений, произведенных европейскими колонизаторами (специально этой теме посвящены две другие главы «Опытов» «О каннибалах» и «О средствах передвижения»). — В приводимом сообщении Монтень опирается на Гомару (Общая история Индий, II, 28).
14 *Один древний грек...* — Имеется в виду спартанский полководец Лисандр. — См. *Плутарх.* Жизнеописание Лисандра, 4.
15 *Цезаря нередко честили... то вором, то пьяницей.* — Это приводится у Плутарха (Жизнеописание Помпея, 16).

Глава XIX
О СВОБОДЕ СОВЕСТИ

1 В этой главе Монтень, под видом прославления высоких качеств Юлиана Отступника, высказывает свои передовые взгляды по вопросу о свободе совести. Самая попытка восхваления Юлиана, ярого врага христианской церкви, была со стороны Монтеня, в обстановке кипевших вокруг него «религиозных войн», весьма смелым шагом. — Порицание тех, кто из-за так называемого отступничества Юлиана не сумел оценить его выдающихся достоинств, явно направлено в адрес католической церкви. Именно потому при просмотре «Опытов» папской цензурой в Риме в 1580 г. Монтеню было предложено внести исправления в данную главу, но Монтень для следующего издания не изменил в ней ничего. Высказанные в этой главе мысли Монтень развил более широко в следующей, XX главе.

[2] *...лучшая... партия... та, что отстаивает... древнее государственное устройство...* — Монтень ясно отдавал себе отчет в том, что причины гражданских войн, которыми охвачена была Франция его времени, кроются отнюдь не в религиозных разногласиях и что в действительности дело идет о целостности и единстве страны, существование которой было поставлено под угрозу сепаратистскими устремлениями крупного дворянства и его союзников. Поэтому Монтень был против изменения современного ему политического строя Франции и отстаивал существование абсолютной монархии. Такая позиция Монтеня в тех конкретных исторических условиях была прогрессивной.

[3] *...эти бесчинства причинили науке гораздо больше вреда...* — Здесь содержится явное осуждение рьяных приверженцев католической ортодоксии, занимавшихся уничтожением языческих книг, о гибели которых Монтень не переставал сокрушаться.

[4] Марк Клавдий *Тацит* — римский император (275—278); сведения о его родстве со знаменитым историком, *Корнелием Тацитом* (55—120), сомнительны. Приводимое в тексте сообщение о заботах императора Тацита о сочинениях Тацита-историка содержится у римского историка Вописка, оставившего жизнеописание императора Тацита (*Вописк*. Тацит, 10).

[5] Флавий Клавдий *Юлиан* — выдающийся римский император (361—363), прозванный его врагами, христианскими писателями, *Отступником* за попытку восстановить язычество как государственную религию.

[6] *...был убит парфянами...* — Об этом сообщает Аммиан Марцеллин (XXIV, 8 и XXV, 3).

[7] *Один из них... сетует...* — Аммиан Марцеллин, XXII, 10.

[8] *...даже люди нашей веры рассказывают о нем...* — Этот эпизод приводится в хронике византийского историка Зонары, которой Монтень часто пользовался во французском переводе.

[9] *Евтропий* (ум. 370) — римский историк, написавший около 367 г. «Краткую историю Рима» в десяти книгах, носящую компилятивный характер, но ценную содержащимися в ней сведениями по истории III и IV вв. — Приводимое в тексте см. *Евтропий*. История, X, 16.

[10] *Констанций* — имеется в виду Констанций II, римский император с 317 по 361 г., который вел ожесточенную борьбу со своим двоюродным братом Юлианом, оспаривая у него престол.

[11] *...он... вел солдатский образ жизни...* — Это сообщение, равно как и следующее — о пристрастии Юлиана к литературе, почерпнуто у Аммиана Марцеллина (XXV, 4).

[12] *...Александр Великий... приказывал ставить... чашу...* — Приводимый пример содержится у Аммиана Марцеллина (XVI, 5).

[13] *...по большей части в союзе с нами...* — Т. е. поддерживая галлов, населявших в древности Францию, против теснивших их германских племен.

[14] *...они .. дрались... до того мгновения, когда ночь разъединила противников.* — При описании смерти Юлиана Монтень опять-таки опирается на Аммиана Марцеллина (XXV, 3, 6).

[15] *Ему явился призрак... как Марку Бруту.* — Рассказывали, что перед первой битвой при Филиппах Марку Юнию Бруту ночью явился страшный призрак, который на вопрос Брута, кто он, ответил: «Я — твой злой гений. Мы увидимся при Филиппах». И снова будто бы этот призрак явился Бруту перед вторым сражением при Филиппах, завершившимся полным разгромом войск Брута и его смертью от собственной руки. Подробнее см. *Плутарх*. Жизнеописание Цезаря, 69.

[16] *...едва ли были бы забыты... свидетелями...* — Приписываемое Юлиану восклицание является, возможно, вымыслом враждебных ему христианских писателей.

[17] *Как говорит Марцеллин...* — XXI, 2.

[18] *...обратился... с... увещанием... свободно служить своей вере.* — Это сообщение приводится у Аммиана Марцеллина (XXII, 5).

[19] *...не достигнув желаемого, они сделали вид, будто желали достигнутого.* — Последние строки главы содержат намек на льготы, полученные гугенотами по условиям религиозного мира 1576 г.; им были предоставлены свобода совести, почти повсеместное свободное исповедание своей веры, право занимать государственные должности и в качестве гарантии выполнения всего этого восемь крепостей.

Монтень метко определяет здесь политику французских правящих кругов, заявляя, что, *не достигнув желаемого* (т. е. полной победы над гугенотами), *они сделали вид, будто желали достигнутого.* Сходные идеи высказывал также Боден (см. «Methodus», 1566, с. 87), взгляды которого по вопросу о свободе совести совпадали с монтеневскими.

Глава XX
МЫ НЕСПОСОБНЫ К БЕСПРИМЕСНОМУ НАСЛАЖДЕНИЮ

[1] *Из источника наслаждений исходит нечто горькое...* — Лукреций, IV, 1129.

[2] *Morbidezza...* — Итальянское слово Монтень считал, вероятно, более точно передающим, выразительным, чем соответствующий французский синоним.

[3] *Слишком неумеренная радость угнетает нас.* — *Сенека.* Письма, 74, 18.

[4] *...один... древнегреческий стих...* — Намек на стих Эпихарма, сохраненный Ксенофонтом (Воспоминания о Сократе, II, 1, 20).

[5] *..страдание и наслаждение... он придумал связать друг с другом...* — *Платон.* Федон 60 b—с.

[6] *...не бывает печали без примеси удовольствия.* — Это изречение Метродора приводится у Сенеки (Письма, 99, 25).

[7] *Есть некое удовольствие и в плаче.* — *Овидий.* Скорбные песни, IV, 3, 37.

[8] *...Аттал заявляет у Сенеки...* — *Сенека.* Письма, 63, 4.

[9] *...мальчик, наполни мне чаши самым горьким...* — Катулл, XXVII, 1.

[10] *Нет горя без услады.* — *Сенека.* Письма, 99, 25.

[11] *Платон замечает...* — Государство, IV, 5.

[12] *...наказание заключает... несправедливое по отношению к... лицам, что... вознаграждается общественной пользой.* — *Тацит.* Анналы, XIV, 44.

[13] *...разум терялся при размышлении о... противоречиях.* — Тит Ливий, XXXII, 20.

[14] *Симонид* — имеется в виду Симонид Младший (556—469 гг. до н. э.), древнегреческий поэт, находившийся в числе других поэтов и философов при дворе сиракузского тирана Гиерона, о котором речь идет в тексте. Сообщаемый Монтенем эпизод о вопросах, предложенных Симониду, приводится у Цицерона (О природе богов, I, 22).

Глава XXI
ПРОТИВ БЕЗДЕЛЬЯ

[1] Тит Флавий *Веспасиан* — римский император (69—79). — Это сообщение приводится у Светония (Божественный Веспасиан, 24).

[2] Публий Элий *Адриан* — римский император (117—138).

[3] *...заботиться о его благополучии, в то время как он равнодушен к нашему.* — Монтень намекает здесь на трусость и неспособность к управлению страной тогдашнего французского короля Генриха III Валуа, которому он несколькими строками ниже противопоставляет Генриха IV Наваррского, глухо называя его *одним государем.* Подобное обличение Генриха III и противопоставление ему Генриха IV было большой смелостью со стороны Монтеня.

[4] *Я... знаю одного государя...* — Имеется в виду Генрих IV Наваррский.

[5] *Селим I* — турецкий султан (1512—1520).

[6] *Сыном* турецкого султана *Баязида II* (1481—1512) был Селим I (см. предыдущее примечание). — *Мурад III* — турецкий султан (1574—1595).

[7] *Эдуард III* — английский король (1327—1377). — *Карл V* — французский король (1364—1380). — Приводимое сообщение содержится в «Хрониках» Фруассара (I, 125) и повторяется у многих авторов того времени.

[8] *Император Юлиан настаивал на... большем...* — Это высказывание Юлиана приводится в хронике Зонары (см. изд. Миня, т. I, стлб. 1155).

[9] *...о молодежи... персидской...* — *Ксенофонт.* Киропедия, I, 2, 16.

[10] *...о чем говорит Сенека...* — Письма, 88, 19.

[11] *...и нашу память.* — После этих слов издание «Опытов» 1595 г. содержит следующую вставку: «Судьба не соблаговолила пойти навстречу тщеславию римского войска, связавшего себя клятвой либо умереть, либо вернуться с победой: Victor, Marce Fabi, revertar ex acie: si fallo, Iovem partem, gravidumque Martem, aliosque iratos invoco deos *. Португальцы рассказывают, что в одной из завоеванных ими областей Индии им пришлось встретиться с воинами, которые дали зарок, подкрепленный страшными клятвами, никоим образом не сдаваться, но либо погибнуть от руки победителей, либо самим одержать победу, и в знак своего обета они ходили с обритыми головой и лицом. Сколько бы мы ни упорствовали, подвергая себя всевозможным опасностям, надо думать, что удары избегают того, кто слишком рьяно устремляется им навстречу, и с большой неохотой обрушиваются на тех, кто слишком усиленно их ищет, тем самым препятствуя намерениям судьбы. Один воин, не достигнув задуманного, а именно потерять жизнь в столкновении с неприятелем, и испытав ради этого все доступные ему средства, дабы выполнить принятое им решение уйти с поля битвы со славой или вовсе не уходить, вынужден был в самый разгар сражения наложить на себя руки. Можно было бы привести и другие примеры, но ограничусь еще одним: Филист, начальник морских сил Дионисия Младшего в его борьбе с сиракузянами, дал им сражение, протекавшее с исключительной ожесточенностью, так как силы противников были равны. Вначале он благодаря личной храбрости добился некоторого перевеса, но затем, когда сиракузяне окружили его галеру, чтобы отрезать ее от других и овладеть ею, Филист, показав образец воинской доблести и сделав безуспешную попытку пробиться, после того как понял, что надеяться на помощь бессмысленно, собственноручно отнял у себя ту самую жизнь, которую так щедро и так безуспешно предлагал раньше врагам». Дальше идет абзац, начинающийся словами *Молей Молук.*

[12] *Себастьян* — португальский король (1557—1578), предпринявший в 1578 г. завоевательный поход в Марокко против султана Мулей Мухаммеда (которого Монтень называет Молей Молук). Португальская армия была разгромлена под Эль-Ксар-эль-Кебиром, где Себастьян погиб. Эта битва положила конец португальской экспансии в Марокко. — Говоря об объединении португальской короны с кастильской, Монтень имеет в виду события, последовавшие за смертью бездетного Себастьяна, когда Португалия была оккупирована войсками испанского короля Филиппа II, который в 1581 г. провозгласил себя королем Португалии.

Глава XXII
О ПОЧТОВОЙ ГОНЬБЕ

[1] *...царь Кир... повелел...* — Это сообщение приводится у Ксенофонта (Киропедия, VIII, 6—10).

[2] *Цезарь рассказывает...* — Записки о гражданской войне, III, 11. — *Луций Вибуллий Руф* — префект Помпея.

---

* «Я вернусь с поля битвы победителем, Марк Фабий. В противном случае пусть падет на меня гнев отца Юпитера, сурового Марса и других богов» (Тит Ливий, II, 45).

3 ...*по словам Светония*... — Божественный Юлий, 57.
4 *Тиберий* Клавдий *Нерон* (ум. 33 г. до н. э.) — отец императора Тиберия. — Сообщаемое в тексте приводится у Плиния Старшего (Естественная история, VII, 20). — Юлий *Друз* (38—9 гг. до н. э.) — римский военачальник, отец Германика и императора Клавдия.
5 *Антиох* — см. прим. 37, с. 409. — *Тиберий Семпроний Гракх* — народный трибун.
6 ...*он*... *прибыл на третий день*... — *Тит Ливий*, XXXVII, 7.
7 *Цецина* — знатный римлянин, родом из города Волатерр; никаких других сведений о нем не сохранилось. Приводимый эпизод, равно как и следующий сообщаемый в тексте, содержится у Плиния Старшего (Естественная история, X, 34).
8 *Децим* Юний *Брут* (84—43 гг. до н. э.) — сподвижник Цезаря в междоусобной войне, а впоследствии участник заговора против него: в 44 г. отказался сдать Антонию свою провинцию, Цизальпийскую Галлию, и был осажден им в *Мутине* (нынешней Модене, в северной Италии).
9 ...*один носильщик*... *перебрасывал свою ношу другому*... — Это сообщение приводится у Лопеса Гомары (Общая история Индий, V, 7).
10 ...*они*... *накрепко стягивают себе тело широким ремнем*. — Приводимое сообщение содержится у Халкондила (XIII, 657). — После этих слов в издании «Опытов» 1595 г. были еще следующие слова: «как поступают, впрочем, довольно многие. Что до меня, то я не нахожу никакого облегчения от такого способа».

Глава XXIII

О ДУРНЫХ СРЕДСТВАХ, СЛУЖАЩИХ БЛАГОЙ ЦЕЛИ

1 ...*предписывают*... *кровопускания с целью избавить*... *от*... *избытка здоровья*... — Таково мнение Гиппократа, почерпнутое Монтенем у Бодена (Шесть книг о государстве, IV, 3).
2 *Бренн* — вождь галлов, вторгшихся в 390 г. до н. э. в Италию и взявших Рим. Предание приписывает Бренну знаменитое изречение: «Горе побежденным!»
3 ...*иногда они*... *сознательно затевали войны*... — В приводимых здесь сведениях Монтень опирается на Бодена (Шесть книг о государстве, V, 5).
4 ...*изнеженность действует*... *хуже войны*... — Ювенал, VI, 291.
5 *При переговорах в Бретиньи*... — Мир в Бретиньи был заключен в 1360 г. между английским королем Эдуардом III и французским королем Иоанном II Добрым. Взамен огромных территориальных приобретений Эдуард III должен был, согласно одному из пунктов этого мира, отказаться от сюзеренитета над герцогством Бретонским и Фландрией. — Приводимое в тексте сообщение содержится в «Хрониках» Фруассара, I, 213.
6 ...*отпустить*... *сына Жана на войну за морем*... — У Монтеня здесь явная неточность: только у Филиппа VI (1328—1350), родоначальника династии Валуа на французском престоле, был сын по имени Иоанн, который, однако, не совершал никакого заморского похода. Поход в Англию был предпринят в 1215 г. сыном Филиппа II Августа, но его звали Людовиком.
7 ...*как бы вредоносные соки*... *не привели*... *к нашей полной гибели*. — Такие идеи фигурировали и в гугенотских программах. Так, например, вождь гугенотов адмирал Колиньи в докладной записке королю Карлу IX старался убедить его в необходимости активной внешней политики в интересах внутреннего мира, ибо «характер французов таков, — писал он, — что они, взяв в свои руки оружие, не желают его выпускать и обращают его против собственных граждан в том случае, если не могут обратить его против внешнего врага». Исходя из этого, Колиньи настаивал на войне с испанским королем, которого следует теснить в Нидерландах.
8 *О Немезида, сделай так, чтобы я ничем не соблазнился*... — Катулл, XVIII, 77.
9 ...*Ликург*... *заставлял илотов*... *напиваться*... *до*... *отупения*... — Это сообщение приводится у Плутарха (Жизнеописание Ликурга, 21).

10 *...каков смысл этого нечестивого искусства жестоких игр...* — *Пруденций*. Против Симмаха, II, 672.
11 *Феодосий* — римский император (379—395).
12 *Пусть не погибнет более никто в Риме...* — *Пруденций*. Против Симмаха, II, 643.
13 *...опустив вниз большой палец, отдает... приказ о смерти...* — *Пруденций*. Против Симмаха, II, 617.
14 *...хотя царит мир, каждый выбирает себе врага.* — *Манилий*. Астрономика, IV, 225.
15 *...слабый... пол позорит себя, давая сражения.* — *Стаций*. Сильвы, I, 6, 51.

Глава XXIV
О ВЕЛИЧИИ РИМЛЯН

1 *«Письма к близким»* (Ad familiares) Цицерона — один из наиболее выдающихся памятников эпистолярного наследия.
2 *...что... сообщает Светоний...* — Божественный Юлий, 56.
3 *Марк Фурий* — римский всадник. — Сообщаемое в тексте см. *Цицерон*. Письма к близким, VII, 5, 134.
4 *Дейотар* — см. прим. 29, с. 391.
5 *...Светоний рассказывает...* — Божественный Юлий, 54. — *Птолемей* — имеется в виду Птолемей XI Авлет (81—51 гг. до н. э.), египетский царь, отец Клеопатры.
6 *За такую-то сумму Галатию...* — *Клавдиан*. Против Евтропия, I, 203.
7 *...не столько в том, что... взял, сколько... что́... роздал.* — Сообщаемое в тексте приводится у Плутарха (Жизнеописание Антония, 8).
8 *Антиох* — см. прим. 37, с. 409. *Гай Попилий* — консул 172 г. до н. э. Сообщаемый в тексте эпизод имел место в 168 г. до н. э., когда Попилий явился в качестве римского посла в Египет и принудил Антиоха Эпифана немедленно увести свои войска из Египта. Приводимое в тексте подробно излагается у Тита Ливия (XV, 12 и 13).
9 *...дабы располагать... царями в качестве орудий.* — См. *Тацит*. Жизнеописание Агриколы, 14; перевод латинской цитаты дан Монтенем.
10 *Сулейман.* — Имеется в виду турецкий султан Сулейман II — см. прим. 57, с. 453.

Глава XXV
О ТОМ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ ПРИКИДЫВАТЬСЯ БОЛЬНЫМИ

1 *Целию незачем... притворяться подагриком.* — Марциал, VII, 39, 8.
2 *Аппиан* (конец I в.—70-е годы II в.) — выдающийся историк древнего Рима, которого высоко ценил К. Маркс. — Приводимое в тексте см. *Аппиан*. Гражданские войны, IV, 6.
3 *Фруассар* — см. прим. 8, с. 387. — Приводимое в тексте см. «Хроники», I, 29.
4 *Плиний сообщает...* — *Плиний Старший*. Естественная история, VII, 51.
5 *...как я утверждал в другом месте...* — Опыты, кн. I, гл. XXI.
6 *...пишет Сенека...* — Письма, 50, 2—3.

Глава XXVI
О БОЛЬШОМ ПАЛЬЦЕ РУКИ

1 *Тацит сообщает...* — Анналы, XII, 47.
2 *О происхождении названия большого пальца от глагола pollere говорит Макробий.* — Сатурналии, VII, 13.

3 ...не могли пробудить его угасший пыл. — Марциал, XII, 98, 8.
4 ...будет одобрять тебя... большими пальцами. — *Гораций*. Послания, I, 18, 66.
5 *Убивают... кого народ укажет большим пальцем.* — Ювенал, III, 36.
6 *Август конфисковал... имущество... римского всадника...* — *Светоний*. Божественный Август, 24.
7 *...сенат осудил Гая Ватиена... за то, что он умышленно отрубил себе большой палец...* — Об этом случае сообщает Валерий Максим (V, 3, 3), который, однако, говорит о всех пальцах левой руки, а не об одном лишь большом пальце.
8 *Какой-то полководец...* — Речь идет о Филоклесе, афинском полководце во время Пелопоннесской войны. — Сообщаемое см. *Плутарх*. Лисандр, 5.
9 *Эгиняне* — жители древнегреческого города Эгина (на одноименном острове), который до середины V в. до н. э. был важным политическим, торговым и культурным центром. Эгиняне соперничали с Афинами в морской торговле; в V в. до н. э. Эгина была захвачена Афинами и все жители ее выселены. — Приводимое в тексте сообщается у Валерия Максима (XII, 2).
10 *...учитель наказывал детей, кусая у них большой палец.* — Монтень заимствует это сведение у Плутарха (Ликург, 14).

Глава XXVII
ТРУСОСТЬ — МАТЬ ЖЕСТОКОСТИ

1 *...казнил ежедневно множество людей.* — Приводимое сообщение см. *Плутарх*. Пелопид, 5.
2 *Он рад прикончить... быка ...если он сопротивляется.* — *Клавдиан*. Послание к Адриану, 30.
3 *...жестокости... творятся... кучкой черни...* — Говоря о *кучке черни*, Монтень имел в виду тех шкурников и мародеров, которые являлись неотъемлемой составной частью большинства тогдашних армий. В данном опыте, как и в ряде других, Монтень к тому же клеймит жестокости, чинимые господствующей верхушкой, и, бросая ей вызов, утверждает, что трусость — родная мать жестокости.
4 *...неблагородные животные набрасываются на умирающих.* — *Овидий*. Скорбные песни, III, 5, 35.
5 *Биант...* — Приводимое в тексте см. *Плутарх*. Почему божественное правосудие иногда не сразу наказывает виновных, 2. У Монтеня неточность: речь идет не о Бианте, а о Патрокле, другом участнике диалога, сожалеющем о жителях Орхомена (города в Аркадии, существовавшего в догомеровскую эпоху). В 367 г. Орхомен был разрушен фиванцами и все жители его перебиты или проданы в рабство.
6 *В Нарсингском царстве...* — см. прим. 4, с. 370, гл. XIV.
7 *Азиний Поллион* — см. прим. 27, с. 417. — Сообщаемый эпизод приводится у Плиния Старшего: Естественная история, Предисловие к Веспасиану (в конце). Согласно Плинию, ответ Поллиону был дан самим Планком.
8 *...пусть бичует меня, лишь бы меня там не было.* — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, V, 18.
9 *...это стычки или маленькие сражения.* — В XVI в. во Франции нередко на дуэлях бились между собой не только сами зачинщики поединка, но также и одна, две или три пары секундантов.
10 *Никто не полагался на самого себя.* — Откуда взята эта цитата, неизвестно.
11 *Герцог Орлеанский* — имеется в виду Людовик Орлеанский, брат французского короля Карла VI (1380—1422). — *Английский король Генрих* — Генрих IV (1399—1413). — Сражение, о котором идет речь в тексте, произошло в 1402 г. и описано в «Хронике» Монтреле (см. Monstrelet, I, 9). — Упоминаемое в тексте *сражение аргивян со спартанцами*, являвшихся союзниками лидийского царя Креза, происходило в VI в. до н. э. Подробнее о нем см. Геродот, I, 82. — *Горации* — три брата,

которые, согласно преданию, во время войны Рима с соседней Альбой Лонгой при царе Тулле Гостилии были выставлены борцами против трех братьев Куриациев из Альбы, причем было условлено, что исход борьбы решит судьбу войны. Двое Горациев пали в бою, но третий сумел победить своих противников, после чего побежденная Альба Лонга была разрушена римлянами. — Сообщаемое см. Тит Ливий, I, 24.

12 *Матекулон* — один из пяти братьев Монтеня, сопровождавший его во время путешествия по Италии и обучавшийся там фехтованию. Однако в дневнике своего путешествия Монтень нигде не упоминает об описываемой им в тексте дуэли, которая, по-видимому, имела место после отъезда Монтеня из Италии.

13 ...*первая проба грядущей войны.* — *Вергилий.* Энеида, XI, 156.

14 ...*по словам Тита Ливия...* — Тит Ливий, XXVIII, 21.

15 ...*здесь колют и трубят не зря.* — *Тассо.* Освобожденный Иерусалим, XII, 55.

16 *Рутилий* — Публий Рутилий Руф, выдающийся римский полководец, проводивший военные реформы в римском войске; консул в 105 г. до н. э. — Сообщаемое в тексте приводится у Валерия Максима, II, 3, 2.

17 ...*отдавшего... приказ... целиться воинам... прямо в лицо...* — Об этом сообщает Плутарх (Жизнеописание Цезаря, 12).

18 ...*Филопемен осудил кулачный бой...* — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Филопемен, 12.

19 ...*платоновский Лахес...* — *Платон.* Лахес, 183 е.

20 Легендарный *Амик*, сын бога Посейдона, якобы первый применил в кулачном бою ремни, которыми с тех пор бойцы стали обвязывать кулаки. — *Эпей* — победитель в кулачном бою на состязаниях в честь Патрокла (Илиада, XXIII, 668 и сл.). — *Антей* — сын Посейдона, великан из Ливии, был непобедим в борьбе, пока касался своей матери Геи (богини земли); Геракл одолел его, приподняв над землей. — *Керкион* — изобретатель того вида борьбы, при котором применяются также и ноги. Керкион в Элевсине заставлял всех прохожих бороться с ним и умерщвлял их, но был побежден Фесеем, изобретателем рукопашной борьбы. — Приводимое в тексте см. *Платон.* Законы, VII, 796 а.

21 *Маврикий* — византийский император (539—602); в 602 г. был убит вместе со своими сыновьями и братьями по приказанию Фоки, захватившего с помощью возмутившегося войска столицу и объявившего себя императором.

22 *Он все разит, так как всего боится.* — *Клавдиан.* Против Евтропия, 182.

23 ...*решил арестовать детей... убитых и... приканчивать их...* — Приводимое в тексте см. Тит Ливий, XL, 3.

24 ...*одно замечательное происшествие...* — Этот эпизод почерпнут Монтенем у Тита Ливия, XL, 4.

25 ...*им нужно не упустить возможность насладиться местью.* — Намек на слова императора Калигулы: «Хочу заставить его [обвиняемого] почувствовать смерть». См. об этом гл. XIII, кн. II.

26 *Все, что выходит за пределы обычной смерти, я считаю... жестокостью...* — Вразрез с освященным католической церковью обычаем Монтень решительно заявляет, что всякое дополнительное к смертной казни наказание есть жестокость. Страстное осуждение Монтенем пыток всполошило ищеек католической инквизиции. При просмотре «Опытов» папской цензурой в Риме в 1580 г. эта фраза, почти буквально повторяющая одно место из гл. XI, была поставлена Монтеню в вину. Однако Монтень и не подумал вычеркнуть или смягчить ее в следующем издании. См. также прим. 29, с. 418.

27 *Иосиф...* — Имеется в виду Иосиф Флавий (см. о нем прим. 5, с. 407). — Приводимое в тексте см. в его «Автобиографии» (в конце).

28 *Халкондил* Лаоник — византийский историк XV в.; написал историю турок и историю падения Византийской империи (1298—1453), переведенную с греческого на латинский язык (1556 г.). — Приводимое в тексте см. «Историю турок» Халкондила, X, 2.

[29] *...по словам некоторых историков...* — Монтень имеет в виду сочинение Жака Лавардена (*Jacques de Lavardin*. Histoire de Georges Castriot... Paris, 1576), посвященное национальному герою албанского народа — Георгию Кастриоту (1414—1467), возглавившему его борьбу за независимость против турок и прозванному народом Скандербегом. — *Мехмед* — см. прим. 19, с. 406.

[30] *...Крез... велел отвести пленника в мастерскую валяльщика...* — Сообщаемый эпизод приводится у Геродота (I, 92).

[31] *Георгий Секей* — так Монтень называет (вслед за Паоло Джовио) народного вождя крестьянского восстания 1514 г. Георгия (Дьердь) Дожу (1475—1514), который был по происхождению секей (секеи, или секлеры, — часть венгерского населения, осевшая в восточной части Трансильвании. В 1514 г. Дожа был назначен предводителем крестьянского ополчения, которое было создано для участия в крестовом походе против турок и состояло главным образом из венгерских и трансильванских (в тексте ошибочно *польских*, по-видимому вместо *паннонских)* крестьян. Собравшиеся крестьяне обратили оружие против знати. Это крупное антифеодальное восстание было подавлено сильной дворянской армией, существенную помощь которой оказал воевода Трансильвании — Иоанн Заполья. Дожа был взят в плен вместе со своим братом и другими руководителями восстания и казнен после страшных пыток. Приводимое в тексте описание казни Дожи, фигурирующее во многих источниках, почерпнуто Монтенем у итальянского историка Паоло Джовио (во французском переводе: *Paul Jove* Histoire de son temps. Paris, 1553, I, XIII).

Глава XXVIII

ВСЯКОМУ ОВОЩУ СВОЕ ВРЕМЯ

[1] *Катон Цензор* — см. прим. 12, с. 407. — *Катон Младший* — см. прим. 13, с. 406.

[2] *...как сообщают...* — Монтень имеет в виду Плутарха (Жизнеописание Катона Цензора, 1).

[3] *Тит Квинкций Фламинин* — см. прим. 2, 390. — Приводимое в тексте см. *Плутарх*. Сравнение Фламинина с Филопеменом, 2.

[4] *Разумный человек ставит себе предел даже и в добрых делах.* — Ювенал, VI, 444.

[5] *Евдамид* — спартанский царь с 331 г. до н. э., брат Агиса III. — *Ксенократ* — см. прим. 316, с. 432. — Приводимое в тексте см. *Плутарх*. Изречения лакедемонян Евдамид, 1.

[6] *Птолемей* — имеется в виду Птолемей V Эпифан (210—180 гг. до н. э.). — Сообщаемое в тексте приводится у Плутарха (Жизнеописание Филопемена, 19).

[7] *...учиться надо смолоду, на старости же лет — наслаждаться знаниями.* — *Сенека*. Письма, 36,4.

[8] *Ты готовишь мраморы... забыв о могиле.* — *Гораций*. Оды, II, 18, 17.

[9] *У меня... больше запасов на дорогу, чем оставшегося мне пути.* — *Сенека*. Письма, 77, 3.

[10] *Я прожила жизнь...* — *Вергилий*. Энеида, IV, 653.

[11] *...нелепо, когда старец садится за букварь.* — Приводится у Сенеки. Письма, 36, 4.

[12] *...не всё подходит всем возрастам.* — Максимиан, I, 104.

[13] *...чтобы я мог лучше и легче уйти отсюда.* — Приводится у Сенеки. Письма, 36, 8—9.

Глава XXIX

О ДОБРОДЕТЕЛИ

[1] *...как выразился некий автор...* — *Сенека*. Письма, 73, 14.

[2] *Пиррон... старался... сообразовать свою жизнь со своим учением.* — Монтень опирается на рассказ Диогена Лаэрция (IX, 63).

[3] ...*Очень трудно освободиться от всего человеческого...* — См. Диоген Лаэрций, IX, 66.

[4] *Плоть его остается дряблой...* — Приапеи, 84.

[5] ...*они бросаются в огонь и припадают к мужьям.* — Проперций, III, 13, 17.

[6] *Один современный... автор пишет...* — Описание подобных обычаев встречается у венецианского купца-путешественника Каспаро Бальби, из сочинения которого Монтень черпает примеры и в других главах.

[7] *Гимнософистами* (греч. «нагие мудрецы») греки называли индийских философов, строгих аскетов, проводивших жизнь в созерцании.

[8] *Калан* — индийский брахман по имени Спхинас (у классических писателей — Sphines), прозванный Каланом, или Кальяном; сопровождал одно время Александра Македонского во время его похода в Индию. О его самосожжении сообщает Арриан. — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Жизнеописание Александра, 21.

[9] *Жуанвиль* — см. прим. 32, с. 417. Приводимое в тексте см. Жуанвиль, гл. 30.

[10] ...*только неожиданная случайность помешала этому.* — Этот эпизод приводится в мемуарах Филиппа Коммина (VIII, 9), а также у Гвиччардини (III, 6).

[11] *Мурад* — см. прим. 14, с. 390. — *Хуньяди Янош* — см. прим. 19, с. 406. — Сообщаемый эпизод приводится у Халкондила (VII, 8).

[12] ...*придает им уверенность в опасных случаях.* — Приводимое в тексте см. Халкондил, VII.

[13] *Я знаю одного великого государя...* — Монтень, по-видимому, имеет в виду Генриха IV Наваррского, вокруг которого создана была легенда о его неуязвимости.

[14] *Принц Оранский* — имеется в виду Вильгельм Оранский (1553—1584) штатгальтер Голландии, один из руководителей национально-освободительного движения Нидерландов против испанского владычества. Первое покушение на него было совершено в Антверпене в 1582 г. испанцем Хауреги и окончилось неудачей. Через два года после этого Бальтазар Жерар, француз-католик, служивший Вильгельму Оранскому и выдававший себя за ревностного протестанта, повторил покушение на Вильгельма и выстрелом из пистолета убил его (1584).

[15] *Покушение... около Орлеана...* — Монтень имеет в виду убийство ярого врага гугенотов, герцога Франсуа Гиза (см. прим. 3, с. 363), совершенное гугенотом Польтро де Мере в 1563 г.

[16] *Ассасины* — мусульманская шиитская секта, основанная в XI в. для борьбы с крестоносцами и распространенная главным образом в Сирии и Персии. Членов секты, опьянявшихся для поддержания религиозного рвения гашишем, называли «хашишин»; это слово было переделано средневековыми писателями в «ассасин». В XIII в. слово «ассасин» было занесено в Европу крестоносцами и стало употребляться для обозначения наемных убийц (у французов — assasin, у итальянцев — assassino).

[17] *Граф Раймунд Триполитанский* — имеется в виду Раймунд I, убитый в 1151 г. в Триполи в результате той ожесточенной борьбы, которую укрепившиеся в Ливанских горах ассасины вели с крестоносцами.

Глава XXX

ОБ ОДНОМ УРОДЦЕ

[1] *Об одном уродце.* — Данная глава весьма характерна для взглядов Монтеня. В ней, как и в других главах (например часть I, гл. XXI «О силе нашего воображения»), ярко проявляется критическое отношение Монтеня ко всяким сверхъестественным явлениям. Монтень доказывает, что явления эти принимаются за сверхъестественные причины. Даваемая Монтенем в данной главе трактовка вопроса об уродах свидетельствует о том, что в этих вопросах он ушел далеко вперед по сравнению с большинством своих современников. Ведь даже такой передовой и просвещенный врач XVI в., как Амбруаз Паре, считал, что уроды являются дурными предзнаменова-

ниями, т. е. явлениями сверхъестественными. Монтень решительно отвергает подобного рода объяснения и утверждает, что если наука его времени еще не сумела показать естественное происхождение этих явлений, то со временем это будет сделано.

2 *Так... что произошло согласуется с тем, что предсказывалось.* — *Цицерон.* О гадании, II, 31.

3 *Эпименид* — см. прим. 6, с. 363. Аристотель говорил об Эпимениде, что он не предсказывает будущее, а разъясняет темное прошлое; это и имеет в виду приводимое в тексте высказывание (см. *Аристотель.* Риторика, III, 12).

4 *...чего он... никогда не видел, он считает это чудом.* — *Цицерон.* О гадании, II, 22.

Глава XXXI
О ГНЕВЕ

1 *...как указывает Аристотель...* — Никомахова этика, X, 9.

2 *Пылая бешенством... несутся стремглав...* — Ювенал, VI, 647.

3 *...согласно Гиппократу...* — Монтень опирается на Плутарха (Как следует сдерживать гнев, 6).

4 *Хорошо, что ты дал гражданина стране и народу...* — Ювенал, XIV, 70.

5 *Лицо его пышет гневом...* — *Овидий.* Искусство любви, III, 503.

6 *...он ссылался на вражду и неприязнь Цезаря...* — *Светоний.* Жизнеописание двенадцати цезарей. Божественный Юлий, 12. — *Луций* Апулей *Сатурнин* — римский политический деятель, народный трибун в 103 и 100 гг. до н. э.

7 *...его уши не привыкли к звуку военной трубы.* — *Евдамид* — см. прим. 5, с. 464. — Сообщаемое в тексте см. *Плутарх.* Изречения лакедемонян, Евдамид, 2.

8 *Клеомен* — см. прим. 551, с. 441. — Приводимый эпизод см. *Плутарх.* Изречения лакедемонян, Клеомен.

9 *Эфоры* — коллегия из пяти ежегодно избиравшихся должностных лиц, осуществлявших контроль над царской властью и игравших руководящую роль в спартанском государстве. — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Как надо слушать, 7.

10 *Авл Геллий* (123—165) — римский писатель, сборник которого «Аттические ночи» представляет собой собрание выписок на разные темы из греческих и римских авторов. — Излагаемый Монтенем рассказ см. Авл Геллий, I, 26.

11 *Архит Тарентский* — выдающийся математик первой половины IV в. до н. э., известный также как государственный деятель, полководец и философ пифагорейской школы. — Сообщаемый эпизод см. Валерий Максим, IV, I, 1.

12 *Харилл* — спартанский царь, согласно преданию живший во времена Ликурга. — *Илоты* — земледельцы древней Спарты, порабощенные в результате покорения дорянами древней Лаконии и Мессении; фактически они были на положении рабов. — Приводимый Монтенем рассказ см. *Плутарх.* Изречения лакедемонян, Харилл.

13 *Пизон* — имеется в виду Гней Кальпурний Пизон, современник Тиберия, консул 7 г. до н. э., в 17 г. н. э. — правитель Сирии. — Излагаемый Монтенем эпизод см. *Сенека.* О гневе, I, 16.

14 *Целий* — имеется в виду Марк Целий Руф, современник и друг Цицерона, известный оратор и политический деятель. — Сообщаемый рассказ приводится у Сенеки (О гневе, III, 8).

15 *Фокион* — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Наставление занимающимся государственными делами, 10.

16 *...густой пар поднимается в воздух.* — *Вергилий.* Энеида, VII, 462 сл.

17 *...однажды Диоген крикнул Демосфену...* — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, VI, 34.

18 *...самыми страшными являются те, что скрываются под личиной здоровья.* — *Сенека.* Письма, 56, 10.

19 *...в своем безумии... спорит сам с собой.* — *Клавдиан.* Против Евтропия, I, 237.

20 ...*он то поражает... воздух, то... разбрасывает песок.* — *Вергилий.* Энеида, XII, 103 сл.

21 ...*гнев служит оружием для добродетели и доблести.* — *Аристотель.* Никомахова этика, III, 8.

22 ...*те, кто с этим не согласны...* — Монтень имеет в виду Сенеку (О гневе, I, 16).

Глава XXXII
В ЗАЩИТУ СЕНЕКИ И ПЛУТАРХА

1 ...*Сенека... Плутарх... близкие мне авторы...* — Наряду с Лукрецием Плутарх и Сенека были самыми любимыми авторами Монтеня; он часто их перечитывал и постоянно цитировал. Если на Лукреция Монтень опирался главным образом в своей трактовке естественно-научных вопросов и в особенности в борьбе с религиозными предрассудками, то Плутарх и Сенека были для него кладезем наставлений морального порядка. Пожалуй, первый из этих двух авторов оказал на моральную философию Монтеня еще больше влияния, чем Сенека.

2 ...*Мне пришлось натолкнуться на...памфлет.* — *Реформированной религией* Монтень называет исповедание веры французских протестантов, или гугенотов. Невозможно установить, какую именно книгу Монтень здесь имеет в виду.

3 *Карл IX* — французский король (1560—1574). — *Кардинал Лотарингский* — один из виднейших представителей дома Гизов, Карл Гиз (1525—1574), пользовавшийся большим влиянием при Карле IX (как и при его отце, Генрихе II). Ярый католик, ожесточенный враг гугенотов, Карл Лотарингский стремился ввести во Франции инквизицию.

4 *Дион* Кассий (155—235) — римский историк, написавший «Историю Рима». Представитель сенаторской аристократии Дион идеализировал республиканское прошлое Рима, хотя и считал переход к монархии неизбежным. В этом и упрекает Диона Монтень, говоря (немного ниже), что «он защищал дело Юлия Цезаря против Помпея».

5 *Жан Боден* (1530—1596) — выдающийся французский юрист, политик и историк, которого, как это явствует из текста, Монтень высоко ценил и внимательно изучал. «Метод легкого изучения истории» (Methodus ad facilem historiarum cognitionem, 1566) — основная работа Бодена, посвященная проблемам истории.

6 ...*лишь бы не сознаться в краже.* — Этот эпизод приводится у Плутарха (Жизнеописание Ликурга, 14).

7 ...*вроде... случая с Пирром.* — *Плутарх.* Жизнеописание Пирра, 12.

8 ...*Плутарх... в другом месте.* — Приводится после рассказа о спартанском мальчике и лисенке в «Жизнеописании Ликурга» (14).

9 ...*Цицерон сообщил...* — Тускуланские беседы, II, 14 и V, 27.

10 ...*сообщает Плутарх...* — Жизнеописание Ликурга. Валерий Максим (III, 3, 1) называет героя рассказа *македонским мальчиком.*

11 *Марцеллин сообщает...* — Аммиан Марцеллин, XXII, 16.

12 ...*размозжил себе череп и пал мертвый...* — Этот эпизод приводится у Тацита (Анналы, IV, 45).

13 *Эпихарида* — вольноотпущенница, которая по доносу находилась в заключении. По приказанию Нерона ее подвергли пыткам, добиваясь от нее показаний относительно заговора против Нерона, организованного Гаем Пизоном в 65 г. Подробнее об этом см. *Тацит.* Анналы, XV, 57.

14 *Автор, сочинивший рассказ о женщине...* — Имеется в виду рассказ-анекдот итальянского писателя-гуманиста Поджо Браччолини (XV в.) в его «Фацетиях» (русский перевод с предисловием Луначарского. М.—Л., 1934).

15 ...*в другом месте...* — Опыты, кн. I, гл. XXVII.

16 *Остракизм* — практиковавшийся в Афинах (начиная с VI в. до н. э.) способ изгнания из государства путем народного голосования черепками (греч. ὄστρακον),

на которых писалось имя подлежащего изгнанию. Остракизм в Сиракузах назывался *петализмом*, так как здесь голосование производилось не черепками, а оливковыми листьями (греч. πέταλον — листок). Отмечаемое Монтенем расхождение между Боденом и Плутархом объясняется тем, что Боден в данном случае недостаточно внимательно прочитал текст Плутарха.

17 *Лабиен* — по-видимому, имеется в виду Тит Атий Лабиен, см. прим. 30, с. 414. — Публий *Вентидий* — консул 43 г. до н. э.; стяжал известность тремя блестящими победами, одержанными над парфянами (в 42—38 гг. до н. э.). — Понтий *Телесин* — самнитский полководец во время союзнической войны, павший в сражении в 82 г. до н. э.

18 Марк Фурий *Камилл* (ум. 365 г. до н. э.) — римский полководец и политический деятель в период борьбы Рима за преобладание в Италии.

19 ...*Плутарх заявляет*... — Сравнение Помпея с Агесилаем.

20 *Плутарх пишет*... — Сравнение Лисандра с Суллой.

Глава XXXIII
ИСТОРИЯ СПУРИНЫ

1 *Франциск I* — см. прим. 10, с. 364, гл. III.

2 *Ксенократ поступил более решительно*... — *Ксенократ* — см. прим. 316 к гл. XII. — Этот эпизод приводится у Диогена Лаэрция (IV, 7); *Лаиса* — знаменитая греческая куртизанка (IV в. до н. э.), славившаяся своей красотой и умом.

3 ...*не было человека, который предавался... любовным наслаждениям с большей яростью*... — Монтень опирается здесь на Светония (Божественный Юлий, 45).

4 *Евноя* — жена мавританского царя Богуда (с 49 г. до н. э.), союзника Цезаря в его войнах в Испании и Африке. — *Сервий Сульпиций* — Сервий Сульпиций Руф (ум. 43 г. до н. э.), консул 51 г. до н. э., приверженец Цезаря, оратор и писатель. — *Габиний* — Авл Габиний (ум. 47 г. до н. э.), сторонник Помпея, консул 58 г. до н. э. — *Красс* — Марк Лициний Красс — см. прим. 137, с. 425.

5 ...*оба Куриона*... — Имеются в виду отец и сын, оба называвшиеся Гай Скрибоний Курион. Курион Старший — консул 76 г. до н. э., противник Цезаря, опубликовавший в 55 г. до н. э. диалог против Цезаря. Курион Младший — сначала республиканец, потом сторонник Цезаря, блестящий оратор, которого называли «беспутным гением». — *Эгисф* — излюбленный герой греческих трагедий; по Гомеру, Эгисф соблазнил жену своего двоюродного брата Агамемнона — Клитемнестру, а Агамемнона убил; сам был убит сыном Агамемнона — Орестом.

6 *Мехмед* — см. прим. 19, с. 406. *Владислав*, или Ланчелотт, — король неаполитанский, иерусалимский и венгерский; наследовал своему отцу, Карлу III, в Неаполе в 1386 г.; строил планы покорения всей Италии и Венгрии; умер среди оргий в Неаполе в 1414 г. Этот эпизод в различных версиях, отличающихся от монтеневской, приводится во многих источниках; см. например, Халкондил (История падения Византийской империи, V, 11).

7 Гай *Оппий* — друг Цезаря из всаднического сословия, написавший несколько биографий, в том числе и Цезаря. — Приводимое в тексте см. *Светоний*. Божественный Юлий, 53.

8 ...*Цезарь велел наказать... пекаря*... — См. *Светоний*. Божественный Юлий, 48.

9 ...*Катон говаривал*... — См. *Светоний*. Божественный Юлий, 53.

10 *Луций* Сергий *Катилина* — см. прим. 4, с. 403, гл. LI.

11 ...*будет считать друзьями... тех, кто не примкнет*... — *Цезарь*. О гражданской войне, I, 24 и III, 10.

12 ...*он отсылал... их оружие, лошадей*... — Это приводится у Плутарха (Жизнеописание Цезаря, 10).

[13] ...*он приказал щадить римских граждан...* — Монтень опирается здесь на Светония (Божественный Юлий, 75).
[14] ...*даже в... весьма... беззаконном деле.* — Монтень, выражаясь с нарочитой неясностью, имеет здесь в виду гражданские войны, которыми Юлий Цезарь подготовил свою диктатуру и низвержение республики.
[15] *Гай Меммий* — народный трибун в 66 г. до н. э.; в 60 г. выступил в сенате с разоблачением Цезаря; позднее примирился с Цезарем, поддержавшим его кандидатуру в консулы в 53 г. — Приводимое в тексте см. *Светоний.* Божественный Юлий, 73.
[16] *Гай* Лициний *Кальв* (82—47 гг. до н. э.) — римский оратор и поэт. — Приводимое сообщение, а равно и дальнейшие примеры, почерпнуты Монтенем у Светония (Божественный Юлий, 48, 72, 73, 77, 78).
[17] *Сверкает, как драгоценный перл...* — *Вергилий.* Энеида, X, 134—136.
[18] ...*изуродовал себе лицо, нанеся... множество ран и шрамов...* — Этот эпизод сообщается у Валерия Максима (IV, 5, 1).

Глава XXXIV

ЗАМЕЧАНИЯ О СПОСОБАХ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

[1] Пьетро *Строцци* — см. прим. 89, с. 455.
[2] *Цезарь последовал... совету...* — Сообщаемое в тексте см. *Светоний.* Божественный Юлий, 66.
[3] ... *продолжал идти вперед, удлиняя переход...* — *Светоний.* Божественный Юлий, 65.
[4] ...*притворился сговорчивым... чтобы выиграть время...* — См *Цезарь.* Записки о галльской войне, I, 7.
[5] ...*налагал наказания только за неповиновение...* — Приводимое в тексте см. *Светоний.* Божественный Юлий, 67.
[6] ...*даже надушенные.. они яростно кидаются в бой.* — *Светоний.* Божественный Юлий, 67.
[7] ...*Цезарь... здесь... товарищ...* — Лукан, I, 289.
[8] ...*Август восстановил прежний обычай...* — Приводится у Светония (Божественный Август, 25).
[9] ...*девятый легион Цезарь... распустил с позором...* — *Светоний.* Божественный Юлий, 69.
[10] *Цезарь заявляет...* — Записки о галльской войне, IV, 17.
[11] ...*сообщает Цезарь...* — Записки о галльской войне, II, 21.
[12] ...*отдельные фразы и... слова, ему... не принадлежавшие.* — Сообщаемое в тексте см. *Светоний.* Божественный Юлий, 55.
[13] ...*воин, который держал его меч.* — Приводится у Плутарха (Жизнеописание Цезаря, 12).
[14] Луций *Афраний* и Марк *Петрей* — полководцы армий Помпея в Испании.
[15] *Фарнак* — имеется в виду Фарнак II, царь Понта, сын Митридата Великого; был разбит Цезарем и умер в 48 г. до н. э.
[16] ...*одержал победу над сыновьями Помпея.* — Цезарь закончил борьбу с помпеянцами победой при Мунде (в Испании) в 45 г. до н. э. — Описание приводимых здесь походов Цезаря см. *Светоний.* Божественный Юлий, 34—35.
[17] *Быстрей... чем тигрица с детенышами.* — Лукан, V, 405.
[18] *Как мчится обломок горы...* — *Вергилий.* Энеида, XII, 684 сл.
[19] ...*Цезарь сообщает...* — Записки о галльской войне, VII, 24.
[20] ...*сначала сам обследовал... как лучше высадиться.* — *Светоний.* Божественный Юлий, 58.

21 ...*надеется доконать... врагов... с меньшим риском.* — *Цезарь.* Записки о галльской войне, I, 72.

22 ...*он согревает тело, вновь хватаясь за оружие...* — Лукан, IV, 151.

23 ...*наводнением затопить пашни.* — *Гораций.* Оды, IV, 14, 25. *Авфид* — река в Апулии. *Давн* — легендарный царь Апулии.

24 ...*Цезарь... пробрался в первые ряды... без щита...* — Приводится у Цезаря (Записки о галльской войне, II, 25).

25 ...*чтобы ободрить их своим присутствием.* — Сообщаемое в тексте см. *Светоний.* Божественный Юлий, 58.

26 ...*он решил... еще раз пересечь море...* — *Светоний.* Божественный Юлий, 58.

27 ...*Цезарь добился своего.* — *Светоний.* Божественный Юлий, 53.

28 *Алесия* — твердыня племени мандубиев в Галлии. — Сообщаемое в тексте приводится у Цезаря (Записки о галльской войне, VII, 76).

29 *Лукулл* — см. прим. 16, с. 406. — Приводимое в тексте см. *Плутарх.* Жизнеописание Лукулла, 13.

30 ...*изречение Кира...* — *Ксенофонт.* Киропедия, II, 2.

31 *Баязид* — имеется в виду турецкий султан Баязид (1347—1403), которому монголы Тамерлана нанесли сокрушительное поражение в Ангорской битве (1402). Тамерлан, или Тимур (1333—1405) — основатель второй монгольской империи, завоеватель обширнейших территорий в Средней и Малой Азии, Индии, Персии; совершал походы на Оттоманскую империю, Русь; умер во время похода в Китай. — Монтень опирается в этом сообщении на Халкондила (III, 11).

32 ...*опытный воин... Скандербег...* — Сведения о Скандербеге Монтень обильно черпает из книги *Jacques de Lavardin.* Histoire de Georges Castriot. Paris, 1576.

33 *Верцингеториг* (ум. 46 г. до н. э.) — вождь галльского племени арвернов, возглавивший всеобщее восстание галлов в 52—51 гг. Вынужден был под угрозой голодной смерти гарнизона Алесии (об осаде которой идет речь в тексте) сдаться Цезарю и был казнен. — Приводимое в тексте см. *Цезарь.* Записки о галльской войне, VII, 68.

34 ...*с годами он стал более осмотрителен...* — Приводимое в тексте см. *Светоний.* Божественный Юлий, 60.

35 *Ариовист* (I в. до н. э.) — предводитель отряда германцев, пытавшегося покорить галлов, что вызвало выступление против него Юлия Цезаря. В 58 г. Ариовист был разбит и бежал за Рейн. — Сообщаемое в тексте см. *Цезарь.* Записки о галльской войне, I, 46.

36 ...*будучи уже не юношей...* — Это приводится у Светония (Божественный Юлий, 57, 64).

37 ...*пехотинцы предложили служить ему бесплатно...* — *Светоний.* Божественный Юлий, 68.

38 Адмирал *Шатийон* — адмирал Гаспар де Колиньи, известный политический деятель, глава гугенотов; был убит во время Варфоломеевской резни (1572).

39 Марк Клавдий *Марцелл* — см. прим. 24, с. 384. — Приводимое в тексте см. Тит Ливий, XXIV, 18.

40 ...*солдаты... сами потребовали для себя наказания...* — Сообщаемое в тексте см. *Светоний.* Божественный Юлий, 68.

41 *Одна... его когорта... выдерживала натиск четырех легионов Помпея...* — *Светоний.* Божественный Юлий, 68.

42 ...*щит пробит ста двадцатью ударами.* — Приводится у Цезаря (Записки о галльской войне, III, 53).

43 *Граний Петроний* — квестор в войсках Цезаря. — Сообщаемое в тексте см. *Плутарх.* Жизнеописание Цезаря, 16.

44 *Салоны* (Salonae) — далматский город с гаванью, ныне Спалатто. — Марк Октавий — эдил 50 г. до н. э., помпеянец. — Приводимое в тексте *см. Цезарь.* Записки о галльской войне, III, 9.

Глава XXXV

О ТРЕХ ИСТИННО ХОРОШИХ ЖЕНЩИНАХ

1 *...кто меньше... огорчены... будут выказывать... большую скорбь...* — *Тацит.* Анналы, II, 77.

2 *У Плиния Младшего... был сосед...* — Этот эпизод приводится у Плиния Младшего (Письма, VI, 24).

3 *На них справедливость... оставила последние следы.* — *Вергилий.* Георгики, II, 473.

4 *Цецина Пет* — консул 37 г. н. э.; принимал участие в восстании, которое поднял Скрибониан (см. сл. прим.), был приговорен к смертной казни и покончил с собой, следуя примеру жены. — *Фанния* — дочь Тразеи Пета и Аррии, жена Гельвидия Приска, которого она дважды сопровождала в ссылку.

5 *Клавдий* — римский император (41—54). — Марк Фурий Камилл *Скрибониан* — римский консул 32 г. н. э. В 42 г., будучи легатом в Иллирии, поднял неудачное восстание против императора Клавдия, закончившееся убийством Скрибониана. Вслед за тем начались преследования его сообщников, в числе которых была вдова Скрибониана Юния, которая ради своего спасения была готова признаться во всем.

6 *Paete, non dolet.* — Приведя эти слова по-латыни, Монтень в следующей фразе дает их перевод.

7 *...это вовсе не больно.* — Весь этот эпизод приводится у Плиния Младшего (Письма, III, 16).

8 *...страдаю от той... которую ты нанесешь себе.* — Марциал, I, 14.

9 *...вышла замуж за Сенеку...* — Об этом подробно рассказывает Тацит (Анналы, XV, 61—65).

10 *В одном из своих писем...* — *Сенека.* Письма, 104, 1—2.

Глава XXXVI

О ТРЕХ САМЫХ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЯХ

1 *Он слагает на... лире песни...* — Проперций, II, 34, 79.

2 *Что прекрасно и что постыдно... он учит об этом...* — *Гораций.* Послания, I, 2, 3.

3 *...источник, из которого поэты пьют пиэрийскую влагу...* — *Овидий.* Любовные песни, III, 9, 25.

4 *...один лишь Гомер поднялся до светил.* — Лукреций, III, 1050. У Лукреция сказано не astra, как ошибочно пишет Монтень, а sceptra: «Гомер один овладел скипетром».

5 *Все... наполнили... песни влагой из этого... источника...* — *Манилий.* Астрономическая поэма, II, 8.

6 *По мнению Аристотеля...* — Поэтика, 24.

7 *...лучший и вернейший советчик...* — Приводится у Плутарха (Жизнеописание Александра Великого, 2).

8 *...Гомер... наилучший наставник в военном деле.* — Приводится у Плутарха (Изречения лакедемонян, Клеомен), сын Анаксарха, 1.

9 *Беспутный Алкивиад...* — Сообщаемое в тексте см. *Плутарх.* Жизнеописание Алкивиада, 3.

10 *Гиерон* — см. прим. 24, с. 397. — Приводимый эпизод сообщается у Плутарха (Изречения древних царей, Гиерон, 4).

11 *...слова Панэция...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 32.

12 *Мехмед II* — см. прим. 19, с. 406. — Пий II (Эней Сильвий Пикколомини, 1405—1464) — писатель и дипломат, затем римский папа (1458—1464). — Приводимое в тексте сообщается у Джентиле (Рассуждения о способах хорошего управления, III, 1).

13 *Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Хиос, Аргос, Афины.* — Приводимое в одном древнегреческом стихотворении и цитируемое Авлом Геллием (III, 11) перечисление семи городов, оспаривавших друг у друга честь считаться местом рождения Гомера.
14 *...с ликованием пролагал... путь среди развалин.* — Лукан, I, 149.
15 *Клит* — см. прим. 22, с. 406. — В приводимых суждениях об Александре Македонском Монтень опирается на Квинта Курция (книги VIII и X), на Плутарха (Жизнеописание Александра Великого) и на предисловие Витарда к его переводу Арриана (1581).
16 *...поднимает... священный лик к небу и рассеивает мрак.* — *Вергилий.* Энеида, VIII, 589.
17 *...магометане... почитают... историю его жизни...* — В приводимых сведениях о магометанах Монтень опирается на сочинение своего современника, Гильома Постеля (*G. Postel.* Histoire de l'Orient. Paris, 1575).
18 *...потоки... производящие... на... пути опустошения.* — *Вергилий.* Энеида, XII, 521 сл.
19 *...выдающимся человеком является Эпаминонд.* — В конце этой главы Монтень дает очень высокую оценку Эпаминонду, которой он придерживается и в ряде других опытов. Но если по отношению к Эпаминонду Монтень от издания к изданию все более оттенял достоинства Эпаминонда, то по отношению к Александру Македонскому он, наоборот, ослаблял их.
20 *...ему принадлежит первое место...* — Такая оценка дается у Диодора Сицилийского (XV, 88). Того же мнения держался и Цицерон (Тускуланские беседы, I, 2 и Оратор, III, 34).
21 *...он был... пифагорейцем.* — Об этом сообщает Плутарх (О демоне Сократа, 23).
22 *Древние считали...* — Имеется в виду Диодор Сицилийский (XV, 24).
23 *...я нахожу чрезмерным его пристрастие к бедности...* — Монтень опирается на Плутарха (О демоне Сократа, 17).
24 *...радость, которую он доставил отцу и матери...* — Приводится у Плутарха (Жизнеописание Кориолана, 2).
25 *Он не считал возможным допустить убийство... невинного человека...* — Об этом сообщает Плутарх (О демоне Сократа, 4).
26 *Человечность Эпаминонда... по отношению к врагам...* — Этот эпизод приводится у Диодора Сицилийского (XV, 88) и у Корнелия Непота (Эпаминонд, 10),

Глава XXXVII
О СХОДСТВЕ ДЕТЕЙ С РОДИТЕЛЯМИ

1 *...я никогда не исправляю написанного...* —Это не совсем точно, ибо уже в издании 1588 г. Монтень сам признает, что часто исправляет свои первоначальные мысли.
2 *...я постарел на семь или восемь лет...* — Монтень начал писать свои «Опыты» в 1572 г., следовательно, данная глава или данная часть главы была написана в 1579 г. или 1580 г., что подтверждается и другими указаниями, рассеянными в этой главе.
3 Гай Цильний *Меценат* (64—8 гг. до н. э.) — один из сподвижников императора Августа, крупный рабовладелец, покровительствовал кружку поэтов, в который входили Вергилий, Гораций, Проперций и др.
4 *...пока у меня остается жизнь, все обстоит благополучно.* — Это стихотворение Мецената, сохраненное Сенекой, последний приводит в своих «Письмах» (101, 11).
5 *...приказал прикончить всех прокаженных...* — Об этом сообщает Халкондил (III, 10).
6 *Когда стоик Антисфен... заболел...* — Приводимое в тексте см. Диоген Лаэрций, VI, 18.
7 *Не бойся последнего дня и не желай его.* — Марциал, X, 47, 13.

[8] *...кулачные бойцы, нанося удары... вскрикивают...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 23.

[9] *Он... дрожит и испускает... вопли.* — Цитата из «Филоктета» Аттия, которую Цицерон приводит дважды: О высшем благе и высшем зле, II, 29 и Тускуланские беседы, II, 14.

[10] *...почему я не в силах уподобиться... фантазеру...* — Приводится у Цицерона (О гадании, II, 69). — «Фантазер» относится к тому лицу, о котором говорит Цицерон.

[11] *Нет для меня... неожиданного вида страданий...* — *Вергилий.* Энеида, VI, 103.

[12] *...один и тот же глаз был прикрыт хрящом.* — Приводится у Плиния Старшего (Естественная история, VII, 10).

[13] *...род, у всех представителей которого была родинка...* — Это сообщение приводится у Плутарха (Почему божественное правосудие не сразу наказывает виновных, 19); однако Плутарх не говорит о том, что не имевшие такой родинки считались незаконнорожденными.

[14] *Аристотель сообщает...* — Политика, II, 2 (Аристотель почерпнул это у Геродота, IV, 180).

[15] *...говорил же Солон...* — Приводится у Плутарха (Пир семи мудрецов, 19).

[16] *...шестьсот лет спустя...* — Плиний Старший в своей «Естественной истории» (XXIV, 1), действительно утверждает, что медицина появилась у римлян через 600 лет после основания Рима, но сообщает, что римляне изгнали врачей лишь много лет спустя после смерти Катона Цензора.

[17] *По словам Плутарха...* — Жизнеописание Катона Цензора, 12.

[18] *...по утверждению Плиния...* — *Плиний Старший.* Естественная история, XXV, 53.

[19] *...по словам Геродота...* — Геродот, IV, 187.

[20] *...я вычитал у... Платона...* — Тимей.

[21] *...«Не прибегая к медицине», — ответил он.* — Приводится у Корнелия Агриппы (О недостоверности и тщетности наук, 83).

[22] *Адриан* — см. прим. 2, с. 458, гл. XXI. — Этот пример также приводится у Корнелия Агриппы (О недостоверности и тщетности наук, 83).

[23] *...незадачливый борец заделался врачом...* — Приводимый эпизод см. Диоген Лаэрций, VI, 62.

[24] *Никокл* — кипрский тиран IV в. до н. э., с которым афинский государственный деятель и оратор Исократ (436—338) будто бы вел переписку, опубликованную им затем в форме трактата об обязанностях и добродетелях государей. Возможно, однако, что это произведение апокрифическое и подлинны только сохранившиеся три письма Исократа к Никоклу, без ответов последнего. В цитатах других авторов до нас дошли некоторые высказывания Никокла, вроде приводимого у Монтеня, но их подлинность довольно сомнительна.

[25] *Проезд повозок по узким поворотам улиц.* — Ювенал, III, 236.

[26] *Платон... говорил...* — Государство, III.

[27] *...он рассказывает...* — Эзоп, 13 («Больной и врач»).

[28] *...низринул Фебова сына в воды Стикса.* — *Вергилий.* Энеида, VII, 770.

[29] *...может безнаказанно губить столько людей.* — Этот анекдот содержится в приложениях к «Извлечениям» Стобея.

[30] *...врач предписал больному принять...* — О гадании, II, 64.

[31] *...никто... не должен был... иметь... доступа... к таинственным обрядам, посвященным Эскулапу.* — Об этом сообщает Плиний Старший (Естественная история, XXIX, 1).

[32] *Один из доброжелателей медицины...* — Имеется в виду Плиний Старший (Естественная история, XXIX, 1).

[33] *...медицина находилась в зачаточном состоянии.* — В приводимых далее сведениях по истории медицины Монтень опирается на Плиния Старшего (Естественная история, XXIX, 1—5).

[34] *Мессалина* — римская императрица, жена императора Клавдия, убита по его повелению в 48 г. н. э. Историю Мессалины см.: Тацит, XI, 26—38.

[35] *Парацельс* — см. прим. 562, с. 442. — Леонардо *Фьораванти* (1518—1588) — известный врач-хирург из Болоньи. — Жан *Аржантье* (1513—1572) — врач из Пьемонта, преподававший в разных городах Италии и прославившийся главным образом критикой медицинских теорий своих предшественников.

[36] ...*Эзоп рассказывает*... — *Эзоп*, басня 76 («Эфиоп»).

[37] ...*один из... наших врачей*... — Монтень, по-видимому, имеет в виду своего знаменитого современника, врача Амбруаза Паре, выпустившего в 1568 г. «Трактат о чуме», в котором особая глава (26) посвящена была вопросу: «Необходимы ли кровопускания и клизмы в начале заболевания чумой».

[38] Название медицинского инструмента (speculum matricis) Монтень использует метафорически.

[39] ...*не должны ли мы предположить, что... действие лекарства... зависит... от... внешнего распорядителя*... — Чрезвычайно показательно свободомыслие в этом вопросе Монтеня, отвергающего руку провидения. Монтень здесь опирается на Корнелия Агриппу (О недостоверности и тщетности наук, 83, 84, 85).

[40] ...*для каждой болезни... существовали свои специалисты*... — Приводится у Геродота (II, 94).

[41] ...*врачи погубили... друга*... — Монтень несомненно имеет в виду своего ближайшего друга, Этьена Ла Боэси, погибшего от дизентерии.

[42] ...*тело и душа заняты кипучей деятельностью.* — Монтень имеет здесь в виду те противоречивые указания, которые давались ему врачами во время его пребывания на водах в Лукке и которые он отметил в своем «Дневнике путешествия».

[43] ...*стал прибегать к водолечению*... — Монтень побывал на водах в Пломбьере, Бадене (Швейцария), Альбано, Сан-Пьетро, Баталье, Лукке, Пизе и Витербо.

[44] *Мне не приходилось видеть... чудодейственных... последствий*... — Такого же мнения относительно действия водолечения Монтень придерживался и в своем «Дневнике путешествия».

[45] ...*его... хотя он бог и из камня, похоронят.* — Авсоний, Эпигр. 74.

[46] ...*какова причина... смерти? Он увидел во сне врача*... — Марциал, VI, 53.

[47] *Шалосс* — небольшая область в Гасконии, главным городом которой является Эрсюр-Адур.

[48] ...*в силу библейского предписания, повелевающего чтить врача по мере надобности в нем*... — Книга Иисуса, сына Сирахова, XXXVIII, 1.

[49] ...*изречение другого пророка*... — Паралипоменон, II, 16, 12.

[50] *Вавилоняне выносили... больных на площадь*... — Приводится у Геродота (I, 197).

[51] *Гомер и Платон говорили о египтянах*... — *Гомер.* Одиссея, IV, 231; аналогичное высказывание Платона приводится у Плутарха (О том, что дикие звери пользуются разумом, 6).

[52] *Госпожа де Дюра* — Маргарита де Грамон, приятельница Монтеня.

[53] *Плиний, издеваясь над измышлениями врачей*... — *Плиний Старший.* Естественная история, XXIX, 1.

[54] ...*насквозь «грамонтуазны».* — Слово, сочиненное Монтенем по аналогии со словом «куртуазность». Образовано от фамилии его приятельницы — Грамон (Gramont).

[55] ...*был с Периклом такой случай*... — Приводится у Плутарха (Жизнеописание Перикла, 24).

[56] *Сыновей Эмона* (или Аймона) — герои средневекового французского эпоса, повествующего о борьбе герцога Эмона и его четырех сыновей с Карлом Великим. Из французских эпических сказаний эта поэма пользовалась особенной популярностью и в XVI в. была обработана в форме прозаической народной книги. История одного из сыновей Эмона, Рене де Монтобана, получила широкую известность за пределами Франции и была воспета в народных испанских романах (упоминаемых, между прочим, в «Дон Кихоте»), в поэмах Боярдо, Ариосто, Тассо (где он называется Ринальдо) и др. Советскому читателю эта поэма знакома по вольному пере-

ложению отрывка из нее, сделанному О. Э. Мандельштамом («Стихотворения», Л., 1973, с. 233—235) и по навеянной ее мотивами пьесе Э. Клоссона «Действо о четырех сыновьях Аймона» («Восемь бельгийских пьес», перевод Ю. Н. Стефанова. М., 1975, с. 267—358).

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава I

О ПОЛЕЗНОМ И ЧЕСТНОМ

1 *...собирается сказать... глупости.* — *Теренций.* Сам себя наказующий, IV, 8.

2 *Тиберий* — см. прим. 6, с. 407.

3 *Арминий* или Герман (см. следующее примечание).

4 *Вар,* Публий Квинтилий — см. прим. 10, с. 366. *Постыдное поражение,* упоминаемое Монтенем, — это поражение римлян в Тевтобургском лесу.

5 *Сладостно наблюдать с берега за бедствиями...* — Лукреций, II, 1—2.

6 *...когда мне доводилось... посредничать между нашими государями...* — Известно, что в 1574—1576 гг. при посредстве Монтеня происходили переговоры между Генрихом Наваррским, будущим французским королем Генрихом IV, и герцогом Гизом, вождем Лиги, а также между тем же Генрихом Наваррским и Генрихом III, королем Франции, и т. д.

7 *Гиперид* — афинский оратор IV в. до н. э., ученик Исократа и Платона, соперник Демосфена. Рассказанное Монтенем см.: *Плутарх.* Как отличить друга от льстеца, 26.

8 *Аттик,* Тит Помпоний — римский всадник, ближайший друг Цицерона (110—53 гг. до н. э.). Упоминаемое здесь *всеобщее крушение* — убийство Цезаря в 44 г. до н. э. и приход к власти триумвиров (так называемый второй триумвират) Октавиана, Антония и Лепида (43 г. до н. э.), обрушивших беспощадные репрессии против лиц, причастных к убийству Цезаря, и своих личных врагов; в числе жертв триумвиров оказался и Цицерон.

9 *...это — никакой путь...* — Тит Ливий, XXXII, 21.

10 *Гелон* — тиран Сиракузский (с 484 по 478 г. до н. э.), крупный полководец, разбивший в 480 г. вторгшихся на Сицилию карфагенян. Война варваров с греками, о которой говорит Монтень, — поход персидского царя Ксеркса на Грецию (480 г. до н. э.).

11 *Жан де Морвилье* (1506—1577) — *епископ Орлеанский,* крупный государственный деятель; неоднократно принимал участие в переговорах между католиками и протестантами, неизменно проявляя при этом умеренность.

12 *Филиппид... ответил Лисимаху...* — Переданное Монтенем см.: *Плутарх.* О любознательности, 4. Лисимах — один из наиболее выдающихся военачальников Александра Македонского. После смерти Александра Лисимах получил во владение Фракию и некоторые другие земли на берегах Черного моря (323 г. до н. э.); отличаясь крайней жестокостью, вызвал к себе всеобщую ненависть; убит в 282 г. до н. э.

13 *...напоминает... осла Эзоповой басни...* — Речь идет о басне Эзопа № 331.

14 *Всякому... подобает то, что больше... ему свойственно.* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 34.

15 *...мы довольствуемся... призраками.* — *Цицерон.* Об обязанностях, II, 17.

16 *...мудрец Дандамис, выслушав... жизнеописания...* — Сообщаемое Монтенем см.: *Плутарх.* Жизнеописание Александра, 65.

17 *На основании постановлений сената... творятся преступления.* — *Сенека.* Письма, 95, 30.

18 *...Помпоний Флакк... завлек преступника... и отослал в Рим.* — Речь идет о Рескупориде, завлекшем в западню и убившем при императоре Тиберии своего племянника Котиса. Рассказ об этом см.: *Тацит.* Анналы, II, 64—67.

19 *...говорили лакедемоняне с... Антипатром...* — Передаваемое Монтенем см.: *Плутарх.* Как отличить друга от льстеца, 23. *Антипатр* — см. прим. 32, с. 383.

20 *...клятву, какую египетским царям... давали... судьи...* — Источник Монтеня: *Плутарх.* Изречения древних царей.

21 Гай *Фабриций* Лусцин — см. прим. 1, с. 402. Источник Монтеня: *Плутарх.* Изречения древних царей.

22 *Ярополк... подкупил... венгерского дворянина...* — Этот рассказ заимствован Монтенем у Гербурта Фульстинского (*Jan Herburt z Fulsztyna.* De origine et rebus gestis Polonorum), польского историка XVI в.; французский перевод этой книги (Histoire des rois et princes de Pologne) вышел в 1573 г. *Ярополк* Владимирович — сын Владимира Мономаха, киевский князь с 1132 по 1139 г.; *Болеслав* III — польский король с 1102 по 1138 г.

23 *Антигон убедил... предать в его руки Евмена...* — Рассказ об этом содержится у Плутарха, см.: Жизнеописание Евмена, 19. Описанное Монтенем произошло в 315 г. до н. э.; *аргираспиды* (среброщитные) — отборные воины в войске Александра Македонского, щиты которых были отделаны серебром; *Антигон* — см. прим. 10, с. 367, гл. V; *Евмен* — также военачальник Александра, участвовавший после смерти последнего в разделе его владений. Захваченный в междоусобной борьбе Антигоном, Евмен был им умерщвлен в 315 г. до н. э.

24 *Раб... получил свободу... но... был... сброшен с Тарпейской скалы...* — Источник Монтеня: Валерий Максим, VI, 5, 7. *Публий Сульпиций* Руф — римский консул 88 г. до н. э., непримиримый враг Суллы, казненный после захвата Суллой власти (82 г. до н. э.); *Тарпейская скала* — обрывистая скала на Капитолийском холме Рима, с которой сбрасывали осужденных на смерть преступников.

25 *Махмуд... выдал убийцу...* — Этот эпизод приведен в книге *Lavardin.* Histoire de Georges Castriot... Paris, 1576. *Махмуд* (Магомет) *II* — см. прим. 19, с. 406.

26 *Хлодвиг* — см. прим. 5, с. 392.

27 *Дочь Сеяна... была... удавлена...* — Источник Монтеня: *Тацит*, Анналы, V, 9. Элий *Сеян* — начальник преторианской гвардии, всесильный временщик при Тиберии. В 31 г. Сеян был уличен Тиберием в заговоре с целью захвата императорской власти и тотчас после ареста казнен. Были также умерщвлены его сын и дочь.

28 *Мурад I* — турецкий султан с 1360 по 1389 г.; завоевал значительную часть Балканского полуострова; в 1362 г. перенес свою столицу в Адрианополь. Монтень позаимствовал это сообщение у Халкондила, I, 10. Халкондил — обычный источник Монтеня, когда речь заходит о Турции.

29 *Витовт* — великий князь Литовский (1386—1430). Эти сведения почерпнуты Монтенем у Кромера (De rebus Poloniae, XVI).

30 *...пусть... не ищет оправданий... клятвопреступления.* — *Цицерон.* Об обязанностях, III, 29. Монтень несколько изменяет слова Цицерона.

31 *Что же... может совершить государь?..* — Этот абзац, как считают комментаторы «Опытов», добавлен Монтенем между 1588 и 1592 гг. Здесь Монтень окончательно осуждает «маккиавеллизм», и здесь им выражена его точка зрения на соотношение этики и политики.

32 *Тимолеон* — коринфский военачальник (410—337 гг. до н. э.). Узнав, что его брат Тимофан намерен захватить власть в Коринфе, Тимолеон, после тщетных попыток убедить Тимофана отказаться от этого замысла, лишил его жизни. Источник Монтеня: Диодор Сицилийский, XVI, 65.

33 *...сенат объявил, что они должны вносить налоги...* — Это сообщение приводится у Цицерона (Об обязанностях, III, 22), который выражает свое глубокое возмущение постановлением сената.

34 *Словно насилие может повлиять на подлинно храброго человека.* — *Цицерон.* Об обязанностях, III, 30.

35 *Эпаминонд* — см. прим. 6, с. 363.
36 *...сокрушая... мощь народа, непобедимого в схватке со всеми, кроме него...* — Монтень имеет в виду спартанцев.
37 *...один полководец сказал мамертинцам...* — Монтень подразумевает Помпея; см.: *Плутарх.* Жизнеописание Помпея, 10.
38 *...одно время для правосудия, а другое для войны...* — Это было сказано Цезарем; см.: *Плутарх.* Жизнеописание Цезаря, 36.
39 *...звон оружия мешает ему слышать голос законов...* — Монтень имеет в виду Мария; см.: *Плутарх.* Жизнеописание Мария, 28.
40 *...памятуя о правах частных лиц.* — Тит Ливий, XXV, 18.
41 *...чтобы... друг не совершил... проступка.* — *Овидий.* Письма с Понта, I, 7, 36—37.
42 *...родина не заслоняет... всех остальных... обязанностей...* — *Цицерон.* Об обязанностях, III, 23. Монтень несколько изменил слова Цицерона, чтобы теснее связать их со своим текстом.
43 *...отгоняйте... мечом лица, внушающие вам... почтительность.* — Лукан, VII, 320—323. Эти слова вложены Луканом в уста Цезаря.
44 *Цинна,* Луций Корнелий — римский консул с 87 по 84 г. до н. э., сторонник Мария. Изгнанный из Рима, он в 87 г. собрал войско, двинул его на Рим и, овладев Римом, провозгласил возвращение Мария к власти. Помпей — см. прим. 16, с. 371.
45 *...некий воин... убил... брата, не узнав его...* — Об этом рассказывает Тацит: История, III, 51.
46 *...другой солдат... потребовал... награду за это.* — Этот факт сообщает Тацит: История, III, 51.
47 *Не все одинаково пригодно для всех.* — Проперций, III, 9, 7.

Глава II
О РАСКАЯНИИ

1 *Демад* — афинский оратор (ум. в 318 г. до н. э.), непримиримый враг Демосфена. О словах Демада, приводимых Монтенем, рассказывает Плутарх: Жизнеописание Демосфена, 13.
2 *Что было пороками, то теперь нравы.* — *Сенека.* Письма, 39, 6.
3 *Тебе надлежит руководствоваться собственным разумом.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 26
4 *Собственное понимание добродетели... самое главное.* — *Цицерон.* О природе богов, III, 35.
5 *...почему... мои щеки не становятся снова гладкими?* — *Гораций.* Оды, IV, 10, 7—8.
6 *Биант* — греческий философ (род. ок. 570 г. до н. э.), один из семи прославленных древних мудрецов. Слова Бианта приводит Плутарх (Пир семи мудрецов, 12).
7 *...Юлий Друз... ответил...* — Об ответе Друза рассказывает Плутарх (Наставление занимающимся государственными делами, 4). *Юлий Друз* (38—9 гг. до н. э.) — римский военачальник, отец Германика и императора Клавдия.
8 *...чтобы... боги наблюдали его частную жизнь.* — Об этом рассказывает Плутарх: Жизнеописание Агесилая, 14. *Агесилай* — см. прим. 13, с. 365.
9 *...говорит Аристотель...* — «Никомахова этика», X, 8.
10 *Тамерлан,* или Тимур — см. прим. 35, с. 383.
11 *Эразм* Роттердамский (1467—1536) — знаменитый нидерландский гуманист, автор большого числа сочинений по философии, морали, религиозным вопросам и т. д. и, в частности, прославленного «Похвального слова глупости» — острой сатиры на невежество и косность. Эразм писал на отличной латыни и пользовался у современников славой «самого ученого, самого изящного и самого мудрого» писателя своего века. Одно из сочинений Эразма носит название «Афоризмы», другое — «Апофтегмы», что по-гречески означает «Изречения».

[12] *Дикие звери... в неволе смиряются...* — Лукан, IV, 237—242.

[13] *...раскаяние... в заранее предписанный для этого час.* — т. е. на исповеди.

[14] *...люди обретают новую душу...* — О взглядах приверженцев Пифагора сообщает Сенека: Письма, 94, 42.

[15] *Катон*, Марк Порций Утический — см. прим. 13, с. 406. Монтень постоянно вспоминает о Катоне как о человеке непревзойденной твердости духа; в первой книге «Опытов» он его именем назвал одну из очень важных и содержательных глав (XXXVII).

[16] *что касается переговоров...* — см. прим. 6, с. 475.

[17] *Фокион* — см. прим. 15, с. 466. Слова Фокиона приводятся у Плутарха: Изречения древних царей.

[18] *Тот, кто заявил в древности...* — Намек на Катона Старшего, в уста которого Цицерон (О старости, XIV) вкладывает близкие мысли. Катон Старший, Марк Порций — см. прим. 12, с. 407.

[19] *...чтобы слабость стала его лучшим свойством.* — *Квинтилиан.* Обучение оратора, V, 12.

[20] *Антисфен* — см. прим. 5, с. 396. Слова Антисфена приводятся у Диогена Лаэрция: VI, 5.

[21] *Принимая во внимание мудрость Сократа...* — Обвиненный в развращении молодежи и в насаждении культа новых богов, Сократ не пожелал защищаться и был приговорен к смерти: ему было приказано выпить настой цикуты. Во время пребывания в тюрьме Сократу представлялась возможность бежать, но он решительно отказался от этого.

Глава III

О ТРЕХ ВИДАХ ОБЩЕНИЯ

[1] *Его гибкий ум был... разносторонен...* — Тит Ливий, XXXIX, 40.

[2] *Пороки праздности необходимо преодолевать трудом.* — *Сенека.* Письма, 56, 9. Монтень незначительно изменил слова Сенеки.

[3] *Те, для кого жить — значит размышлять.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 38. Монтень незначительно изменил слова Цицерона.

[4] *...говорит Аристотель...* — Никомахова этика, X, 8.

[5] *«По мере сил» было... присловьем Сократа...* — *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе, I, 3.

[6] *...обласкав меня... дружбой неповторимой...* — Намек на дружбу Монтеня с Этьеном де Ла Боэси; Монтень подробно рассказывает об этой дружбе, см.: Опыты, I, XXVIII (О дружбе).

[7] *...как сказал один древний...* — *Плутарх.* О многочисленности друзей, 2.

[8] *...я... не одобряю совета Платона...* — Законы, VI, 777e—778a.

[9] *...чтобы я мог избавиться от холода, что ведом пелигнам.* — *Гораций.* Оды, III, 19, 3—8. *Пелигны* — горное сабинское племя в Апеннинах.

[10] *...доблесть лакедемонян нуждалась в... нежном... звучании флейт...* — об этом рассказывает Плутарх: Как надлежит сдерживать гнев, 10.

[11] *Говорить на кончике вилки...* — Приводимое Монтенем выражение употребляется при характеристике вычурной, изысканной речи.

[12] *...они и в обморок падают по-ученому.* — Ювенал, VI, 189—191. Ювенал говорит, что женщины падают в обморок graece, т. е. «по-гречески»; Монтень заменяет graece на docte, от чего, в сущности, смысл не меняется, т. к. эти слова у Ювенала почти равнозначны.

[13] *...ссылаются на святого Фому...* — Имеется в виду Фома Аквинский — см. прим. 12, с. 420.

[14] *...они [женщины] целиком из шкатулки...* — Приведенное Монтенем латинское выражение соответствует русскому выражению «одеты с иголочки».

[15] *В Лувре и среди толпы* — т. е. в королевском дворце. Лувр 1367 г. стал королевской резиденцией, и большинство королей до Людовика XIV, который поселился в Версале, обитало в Лувре. Музеем Лувр стал в царствование Наполеона I.

[16] *...узнавал их... по походке.* — Об этом рассказывает Плутарх: Жизнеописание Диона, I. *Гиппомах,* по Плутарху, — руководитель гимнасия.

[17] *Ибо и глаза у нас также ученые.* — *Цицерон.* Парадоксы, V, 2.

[18] *Кто... избежал... скал, тот... направляет... паруса прочь...* — *Овидий.* Скорбные песни, I, 1, 83. *Кафарей* — мыс на юго-востоке острова Эвбеи, у побережья Аттики и Беотии (ныне мыс Негропонт), у которого, согласно античной традиции, потерпел крушение возвращавшийся после взятия Трои греческий флот.

[19] *...ни отзываясь на чувство другого.* — *Тацит.* Анналы, XIII, 45; Монтень обобщает слова Тацита, который говорит об определенной женщине, а именно о некоей Сабине Поппее.

[20] *...согласно утверждению Лисия у Платона...* — *Платон.* Федр, 231 а—234 с.

[21] *...Венера без Купидона...* — т. е. обладание без любви.

[22] *...подобно императору Тиберию...* — Об этом сообщает Тацит: Анналы, VI, 1.

[23] *...я одобрял разборчивость куртизанки Флоры...* — Источник Монтеня: Антонио де Гевара (*A. de Guevara.* Epitres dorées. Французский перевод с испанского, изданный в 1505 г.).

[24] *...наложницы... султана... получают отставку... в двадцать два года.* — Источник Монтеня (как почти всегда, когда речь заходит о современной ему Турции): *Guillaume Postel.* Histoire des Turcs, 1560.

[25] *...король... заставлявший носить себя... на носилках...* — Об этом рассказывается в «Mémoires» Оливье де ла Марша; речь идет об Иакове, графе лимузинской марки из рода французских Бурбонов, который в 1415 г. женился на Иоанне, королеве Неаполя и Сицилии. Монтень не совсем точно называет его королем, так как королевского титула он не имел.

[26] *мой дом; как подсказывает его название, стоит на юру...* — Montaigne (в современном французском языке montagne) — гора.

[27] *Великая судьба — великое рабство.* — *Сенека.* Утешительное письмо к Полибию, 26,

Глава IV

ОБ ОТВЛЕЧЕНИИ

[1] *...проливает...: слезы, которые у нее всегда наготове...* — Ювенал, IV, 273—275.

[2] *Клеанф* — см. прим. 4, с. 383.

[3] *Перипатетики* — ученики и последователи Аристотеля.

[4] *Хрисипп* — см. прим. 10, с. 367, гл. VI.

[5] *Пелопоннесская война* между Афинами и Спартой, в которой приняли участие все города — государства Греции, продолжалась с 431 по 404 г. до н. э. и закончилась победой Спарты и установлением ее гегемонии над всей Грецией.

[6] *...герцог Бургундский... принял город...* — Источник Монтеня: *Commines.* Mémoires, II, 3.

[7] *...она поднимает катящееся золото.* — *Овидий.* Метаморфозы, I, 666—667. Все предыдущее — изложение мифа, обработанного Овидием.

[8] *...следует развлекать душу необычными... занятиями...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, IV, 35.

[9] *Гегесий* — см. прим. 57, с. 385. *Птолемей* Сотер — один из сподвижников Александра Македонского, с 323 по 305 г. до н. э. сатрап Египта, с 305 по 285 г. до н. э. египетский царь.

[10] *Субрий Флав был осужден... на смерть...* — Об этом рассказывает Тацит: Анналы, XV, 67. Как передает Тацит, Субрий Флав, спрошенный Нероном, по какой при-

чине он нарушил присягу и примкнул к заговорщикам, ответил: «Я ненавидел тебя, и никто из людей военных не станет хранить тебе верность, пока ты не заслужишь, чтобы тебя полюбили; а ненавидеть тебя я стал с тех пор, как ты убил мать и жену и сделался возницею, лицедеем и поджигателем».

11 *Большую услугу оказал Луцию Силану...* — Источник Монтеня: *Тацит.* Анналы, XVI, 9.

12 *...слух... дойдет и до меня в обиталище теней.* — *Вергилий.* Энеида, IV, 382—384, 387.

13 *Ксенофонт.* — О поведении в этом случае Ксенофонта рассказывают Диоген Лаэрций (Жизнеописание Ксенофонта, II, 54) и Валерий Максим (V, 10, ext. 2).

14 *...Эпикур... утешал себя... мыслями о вечности... написанных им сочинений.* — Об этом рассказывается у Диогена Лаэрция: Жизнеописание Эпикура, X, 22.

15 *Трудности, доставляющие... славу, переносятся с легкостью.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 26. Монтень не вполне точно цитирует Цицерона.

16 *...лишения тяготят полководца... меньше, чем воина.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 26.

17 *Эпаминонд... принял смерть с поразительной твердостью.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 24.

18 *В этом утешение... при величайших страданиях.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 24.

19 *Ни одно зло не заслуживает уважения...* — Эти слова Зенона приводит Сенека (Письма, 83, 9). Зенон (ок. 360—ок. 263 гг. до н. э.) — греческий философ, основатель философской школы стоиков.

20 *...чтобы отвлечь... одного юного государя...* — Монтень имеет в виду Генриха Наваррского, будущего французского короля Генриха IV. После победы при Кутра, одержанной им в октябре 1587 г. над французским королем Генрихом III, Генрих Наваррский провел в замке Монтеня целые сутки. Как установлено монтеневедами, настоящая IV глава третьей книги была написана вскоре после посещения им Монтеня.

21 *Когда в тебе воспылает... желание...* — Первый из приводимых Монтенем стихов: Персий, VI, 73; второй, с некоторыми изменениями: Лукреций, IV, 1065.

22 *Если ты не заглушишь... первые раны. новыми...* — Лукреций, IV, 1070—1071.

23 *...согласно объяснению Эпикура...* — Это объяснение приводится Цицероном: Тускуланские беседы, III, 15.

24 *...Алкивиад отсек... собаке уши и хвост...* — Этот эпизод рассказан Плутархом: Жизнеописание Алкивиада, 9. *Алкивиад* — см. прим. 52, с. 385.

25 *...цикады, сбрасывающие... кожицу.* — Лукреций, V, 803—804.

26 *...Плутарх... распространяется о ее детских проказах.* — *Плутарх.* Самоутешение по случаю смерти дочери.

27 *Тога Цезаря взволновала весь Рим...* — Об этом рассказывает Плутарх: Жизнеописание Антония, 14. По рассказу Плутарха, Антоний показал народу окровавленную тогу Цезаря и этим вызвал в нем неподдельную скорбь.

28 *Этими уколами скорбь сама себе не дает покоя.* — Лукан, II, 42.

29 *...великим докой в искусстве мучительства... был... тот император...* — Имеется в виду император — Тиберий (Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей. Тиберий, 62).

30 *...собака, вырвавшая у него на ноге кусок мяса.* — Этот рассказ содержится у Диогена Лаэрция: IV, 17.

31 Филибер *де Граммон* — муж Коризанды Андуанской (Дианы де Фуа), которой Монтень посвятил главу XXIX первой книги «Опытов» («Двадцать девять сонетов Этьена де Ла Боэси»).

32 *Квинтилиан говорит...* — Обучение оратора, VI, 2.

33 *Камбиз велел умертвить... брата...* — Геродот, III, 30.

34 *...испуганный... сном, который ему привиделся.* — Оба рассказа — Об Аристодеме и о царе Мидасе — содержатся у Плутарха: О суевериях, 8.
35 *...начать ему подобало с души.* — Проперций, III, 5, 7—10.

Глава V
О СТИХАХ ВЕРГИЛИЯ

1 *Чтобы душа не была... поглощена... несчастьями.* — *Овидий.* Скорбные песни, IV, I, 4.
2 *Душа жаждет того, что утратила...* — *Петроний.* Сатирикон, CXXVIII.
3 *...наслаждаться прожитой жизнью означает жить дважды.* — Марциал, X, 23, 8.
4 *...наберет... большинство голосов.* — *Платон.* Законы, II, 657 d.
5 *...лучше я буду менее... стариком...* — Эти слова представляют собой перевод из Цицерона: О старости, 10.
6 *Мы отходим от природы...* — *Сенека.* Письма, 99, 17.
7 *Он не ставил толки народные выше спасения.* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 24; эти слова — цитата из Энния.
8 *Пусть для них будет оружие...* — *Цицерон.* О старости, 16.
9 *Примешивай к благоразумию немного глупости.* — *Гораций.* Оды, IV; 12, 27.
10 *Для хрупкого тела болезненно даже легкое прикосновение.* — *Цицерон.* О старости, 18.
11 *Больная душа не может вынести ничего тягостного.* — *Овидий.* Письма с Понта, I, 6, 18.
12 *И небольшой силы достаточно, чтобы разбить надломленное.* — *Овидий.* Скорбные песни, III, 11, 22.
13 *Он не берется ни за какое дело, когда его тело утомлено.* — Максимиан, или Псевдо-Галл, I, 125.
14 *...следует изгонять... старческую угрюмость.* — *Гораций.* Эподы, XIII, 5.
15 *Печальное нужно услащать шутками.* — *Сидоний Аполлинарий.* Письма, I, 9.
16 *Печальная надменность мрачного лица.* — *Бьюкенен.* Иоанн Креститель, пролог, стих 31.
17 *И в этой печальной толпе есть развратники.* — Марциал, VII, 58, 9.
18 *...простота или надменность... признак... доброты или злобности.* — *Платон.* Законы, VI, 12.
19 *...Красса... никто не видел с улыбкой...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, III, 15.
20 *...умалчивать о... предосудительных отношениях...* — Упоминание об этом — у Диогена Лаэрция (III, 29—30).
21 *Да не будет стыдно говорить то, о чем не стыдно думать.* — Откуда взяты эти слова, не установлено; возможно, что они принадлежат самому Монтеню.
22 *...чтобы рассказать о своем сновидении, нужно проснуться.* — *Сенека.* Письма, 53, 8.
23 *...дабы скрыть больший порок при помощи меньшего.* — Источник Монтеня: *Диоген Лаэрций*, I, 36.
24 *Он... поступил дурно.* — Источник Монтеня: *Nicéphore Calliste.* Histoire ecclésiastique, V, 32. *Ориген* — знаменитый богослов III в. н. э. (185—253), учение которого было осуждено церковью.
25 *...решительные дамы... предпочли бы обременить... совесть...* — Речь идет о гугенотах; в эпоху религиозных войн обе стороны — и католики и гугеноты — отличались крайним фанатизмом. Монтень, чуждый всякого фанатизма, что он неоднократно подчеркивает в своих «Опытах», пользуется любым случаем, чтобы высмеять его и осудить.
26 *...люди... боятся... ветров, которые их выдают...* — *Плутарх.* О любознательности, 3. *Аристон* — древнегреческий философ-стоик (III в. до н. э.).

27 *Августин* — см. прим. 34, с. 415. Здесь Монтень имеет в виду его «Исповедь», в которой Августин рассказывает о заблуждениях своей юности. *Ориген* — см. прим. 373, с. 434. В своих сочинениях Ориген и Гиппократ обличают в заблуждениях.
28 *...ведь он лил воду не на меня...* — Источник Монтеня: *Плутарх*. Изречения древних царей. *Архелай* — царь Македонии, захвативший царскую власть около 425 г., убитый в 405 г. до н. э.
29 *И Сократ заметил...* — Рассказ об этом содержится у Диогена Лаэрция, II, 36.
30 *...стыдливость украшает юношу...* — *Аристотель*. Никомахова этика, IV, 9.
31 *И от Венеры кто бежит стремглав...* — *Плутарх*. О том, что философу нужно общаться с царями, 2. Монтень приводит эти слова в стихотворном переводе Амио.
32 *Ты, богиня, одна правишь природою..* .— Лукреций, I, 23; Монтень внес незначительные изменения в текст Лукреция.
33 *Паллада*, или Афина, — дочь Зевса, богиня мудрости, покровительница искусств, наук и ремесел (греческая мифология).
34 *Я ощущаю в себе следы былого пламени.* — *Вергилий*. Энеида, IV, 23.
35 *И в зиму моей жизни...* — *Иоанн Секунд*. Элегии, I, 3, 20.
36 *...не успокаивается, но шумит и катит... волны.* — *Тассо*. Освобожденный Иерусалим, XII, 63. *Аквилон* — северный ветер; *Нот* — южный.
37 *И у стиха есть пальцы, [чтобы ласкать].* — Ювенал, VI, 197. Монтень несколько изменил текст Ювенала.
38 *...он... погрузился в сладостный сон.* — *Вергилий*. Энеида, VIII, 387—393 и 404—406.
39 *Чтобы... она пылко отдавалась... наслаждению...* — *Вергилий*. Георгики, III, 137.
40 *...без истоков... как река Нил...* — Истоки Нила были открыты лишь в конце XIX в.
41 *Антигон ответил... юноше...* — Источник Монтеня: *Плутарх*. О ложном стыде, 14. У Плутарха речь идет, видимо, об Антигоне, одном из военачальников Александра Македонского.
42 *...негоже поступать по примеру спартанцев...* — Источник Монтеня: Геродот, VI, 60.
43 *...родители обязаны обучать детей ремеслу, которым занимаются сами...* — Сведения об индийцах, сообщаемые в этом месте Монтенем, почерпнуты им из книги: *Goulard*. Histoire de Portugal, II, 3. Здесь Монтень говорит о кастах, не вполне разбираясь в сущности этого еще до недавнего времени принятого в Индии общественного деления, что объясняется недостаточностью и неточностью имевшихся в его распоряжении сведений.
44 *...брачный факел соединил с любимым.* — Катулл, XVI, 79.
45 *...все равно придется раскаиваться.* — Диоген Лаэрций, II, 33.
46 *Человек человеку или бог или волк* — слова, приписываемые комическому актеру Цецилию и сохраненные Симахом (Письма, IX, 114); Lupus est homo homini (человек человеку волк) — слова Плавта (Пьеса об ослах, II, 4, 88).
47 *И мне много сладостнее жить без ярма на шее.* — Максимиан, или Псевдо-Галл, I, 61.
48 *Судьба властвует над теми частями... тела...* — Ювенал, IX, 32—35.
49 *До чего же скверная пара вышла из Юпитера и его жены...* — т. е. Юноны.
50 *...никто не любил его настолько, чтобы сочетаться с ним браком...* — *Элиан*. Пестрые истории, XII, 52. *Исократ* — см. прим. 20, с. 379.
51 *Ликург* — см. прим. 25, с. 380.
52 *По мнению нашего автора...* — т. е. Исократа в изложении Элиана.
53 *Ему была ведома любовь и та и другая.* — *Овидий*. Метаморфозы, III, 323. Речь идет о Тиресии.
54 *...мы слышали... отзывы об императоре...* — *Флавий Вописк*. Фирм Сатурнин, Прокул и Бонос, 12 (Scriptores Historiae Augustae, XXIX, 12, 7). Прокул — римский военачальник, провозгласивший себя императором в царствование императора Проба; казнен в 280 г.
55 *Пока... она не покинула ложа.* — Ювенал, VI, 129—130.

[56] *...последовал... приговор, вынесенный королевой Арагонской...* — Рассказ об этом приводят многие авторы: Никола Бойе (Bohier), Дю Верде, Буше и др.
[57] *...Солон допускал...* — Источник Монтеня: *Плутарх*. О любви, 23. Солон — см. прим. 32, с. 398.
[58] *...купила я твою силу... она не твоя...* — Марциал, XII, 97, 10, 7, 11.
[59] *...к ней приблизился Калигула...* — Монтень ошибается — Дион Кассий, у которого он почерпнул этот рассказ, называет не Калигулу, а Каракаллу: *Дион Кассий*. Жизнеописание Каракаллы.
[60] *...король Болеслав и его жена... дали... обет целомудрия...* — Источник Монтеня: *Гербурт Фульстинский*. История польских королей. Упоминаемый Монтенем польский король *Болеслав* — Болеслав V, по прозванию Целомудренный (1220—1289).
[61] *Девушка... с... детства грезит о бесстыдной любви.* — *Гораций*. Оды, III, 6, 21—24.
[62] *...как объясняет Платон...* — Платон говорит об этом в «Тимее», 42 b.
[63] *Амадис* — главный герой исключительно популярного в конце средних веков и в начале нового времени испано-португальского романа «Амадис Галльский». *Аретино*, Пьетро — см. прим. 10, с. 403.
[64] *Сама Венера их просветила.* — *Вергилий*. Георгики, III, 267.
[65] *...женщина, отдавшаяся страсти.* — Катулл, XVIII, 125—128.
[66] *Книгам стоиков приятно нежиться посреди шелковых подушек.* — *Гораций*. Эподы, VIII, 15—16. Монтень несколько изменил текст Горация, что повлекло за собой и изменение смысла.
[67] *Не стану называть сочинения...* — Источники Монтеня: *Плутарх*. Застольные беседы; *Диоген Лаэрций*. Жизнеописания Стратона, Феофраста, Аристиппа, Деметрия, Гераклида, Антисфена, Зенона, Клеанфа, Хрисиппа; Геродот; Страбон; *Евсевий*. Жизнеописание Константина.
[68] *...пожар гасится огнем...* — Чье это изречение, неизвестно.
[69] *Тот простак...* — Возможно, что Монтень имеет в виду папу Павла IV (1555—1559).
[70] *Обнажать тело... есть начало развращения.* — Энний, цитируемый Цицероном: Тускуланские беседы, IV, 33.
[71] *...на таинствах Доброй богини...* — Т. е. Кибелы, праматери богов, богини плодородия.
[72] *...все живущее... жаждет любовного пламени...* — *Вергилий*. Георгики, III, 242—244.
[73] *...Платон... предписал...* — Государство, V, 452 b.
[74] *Женщины великого царства Пегу...* — Источник Монтеня: *Бальби*. Путешествие в восточную Индию (Viaggio dell'Indie orientali...). Венеция, 1590.
[75] *Говорила же Ливия...* — Речь идет о римской императрице Ливии, второй жене Августа, матери Тиберия.
[76] *...как говорит Платон...* — Государство, V, 457a.
[77] *...говорит... Августин...* — О граде божием, XXII, 17.
[78] *Разве ты согласишься отдать...* — *Гораций*. Оды, II, 12, 21—29. *Ахемен* — легендарный родоначальник персидской династии Ахеменидов.
[79] *Опора дьявола — в чреслах.* — *Иероним*. Против Иовиниана.
[80] *Некто сказал Платону...* — *Антоний и Максим*. Сборник изречений, прозванный «Мелисса» («Пчела»), кн. II, разд. 59 (О злословящих и о клевете). Ссылка дается по изданию Миня Patrologia graeca, т. 199. Первое издание этого сборника вышло в 1546 г.
[81] *...ничего от этого не убудет.* — *Овидий*. Наука любви, III, 93; второй стих представляет собой перифразу Овидия.
[82] *...козел... боднул его в голову...* — Источник Монтеня: *Элиан*. О природе животных, VI, 42.
[83] *Ни один прелюбодей... не окрасил... кровью воды Стикса.* — *Иоанн Секунд*. Элегии. I, 7, 71.
[84] *Лукулл*, Луций Лициний — см. прим. 16, с. 406. *Лепид*, Марк Эмилий — римский государственный деятель, консул в 78 г. до н. э. Источник Монтеня: *Плутарх*. Жизнеописания Лукулла, Цезаря, Помпея, Антония, Катона Утического.

[85] *Берегись, негодяй! Конец твой страшен!..* — Катулл, XV, 17—19. Эти стихи Монтень цитирует здесь, видимо, по ошибке; они никак не связаны с контекстом, так как в них содержится угроза расправы с неким распутником.
[86] *И один из веселых богов не прочь покрыть себя позором...* — *Овидий*. Метаморфозы, IV, 187—188.
[87] *...Почему у тебя, богиня, иссякло ко мне доверие?* — *Вергилий*. Энеида, VIII, 395—396.
[88] *Я — мать, и прошу оружие для моего сына.* — *Вергилий*. Энеида, VIII, 441.
[89] *Нужно выковать оружие для этого доблестного мужа.* — *Вергилий*. Энеида, VIII, 441.
[90] *Не подобает сравнивать людей и богов.* — Катулл, XVIII, 141.
[91] *Часто сама Юнона... досадовала на... провинности... супруга.* — Катулл, XVIII, 138.
[92] *Нет вражды более злобной...* — Проперций, II, 8, 3.
[93] *Прелюбопытная вещь произошла с одним римлянином...* — Источник Монтеня: *Тацит*. История, IV, 44.
[94] *Известно, на что способна разъяренная женщина.* — *Вергилий*. Энеида, V, 6.
[95] *Скифские женщины выкалывали глаза своим рабам...* — Об этом рассказывает Геродот: IV, 2; Монтень произвольно толкует Геродота.
[96] *...проявления... застенчивости, о которой вспоминает Плутарх...* — См.: *Плутарх*. О ложном стыде.
[97] *...стыдливость для бедняка — нелепая добродетель...* — См.: *Гомер*. Одиссея, XVII, 347.
[98] *Чей бессильный кинжальчик свисал...* — Катулл, XVII, 21—22.
[99] *Она часто делает то, что делается без свидетелей.* — Марциал, VII, 62, 6.
[100] *Меня меньше возмущает более бесхитростное распутство.* — Марциал, VI, 7, 6.
[101] *Повивальная бабка, исследуя некую девушку...* — *Августин*. О граде божием, I, 18.
[102] *...Фатуа... не дала взглянуть на себя ни одному мужчине...* — Рассказ об этом содержится у Лактанция: Божественные установления, I, 22.
[103] *...жена Гиерона, не ощущавшая зловония...* — Источник Монтеня: *Плутарх*. Как можно извлечь пользу из своих врагов, 7.
[104] *Неужели ты не видишь... что я сплю..?* — Рассказы о Флавии и о Гальбе приводятся Плутархом: О любви, 16.
[105] *В Восточных Индиях... обычай... допускает, чтобы замужняя женщина отдалась всякому, кто подарит ей... слона...* — *Ариан*. Об Индии, 17.
[106] *Философ Федон... стал... продавать свою юность и красоту...* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций, II, 105; *Авл Геллий*. Аттические ночи, II, 18.
[107] *Солон... был... первым законодателем, предоставившим женщинам... добывать... средства к существованию...* — Об этом говорит Корнелий Агриппа: О недостоверности и тщете наук, 68.
[108] *...по словам Геродота...* — См.: Геродот, I, 93—94.
[109] *...кто устережет самих сторожей?..* — Ювенал, VI, 347—348.
[110] *...в день свадьбы жрец лишает новобрачную девственности...* — Источник Монтеня: *Лопес де Гомара*. Общая история Индий.
[111] *Кто повелевал... легионами и был лучше тебя...* — Лукреций, III, 1028, 1026. Текст Лукреция Монтенем значительно изменен.
[112] *Судьба отказывает даже в ушах, которые могли бы выслушать наши жалобы.* — Катулл, XIV, 170.
[113] *Питтак говорил, что у всякого... своя напасть...* — *Плутарх*. О спокойствии души, II. *Питтак* (ок. 650—579 гг. до н. э.) — греческий полководец, государственный деятель; один из так называемых «семи мудрецов» Греции.
[114] *Сенат Марселя был... прав...* — Источник Монтеня: *Кастильоне*. Придворный, III, 25.

[115] *...удачные браки заключаются только между слепою женой и глухим мужем...* — *Эразм Роттердамский.* Апофтегмы (во франц. издании 1564 г.).

[116] *...как говорил хозяин Фламиния.* — Об этом рассказывают Плутарх (Изречения древних царей) и Тит Ливий (XXXV, 49).

[117] *Он ищет случая согрешить.* — *Овидий.* Скорбные песни, IV, 1, 34.

[118] *Когда хочешь, они не хотят...* — *Теренций.* Евнух, IV, 43.

[119] *Они стыдятся идти дозволенным путем.* — Лукан, II, 446.

[120] *Мессалина.* — История Мессалины рассказана Тацитом; Анналы, XI, 26—38.

[121] *Он снял узду со своего гнева.* — *Вергилий.* Энеида, XII, 499.

[122] *...излей из своих сладостных уст обращенную к нему речь.* — Лукреций, I, 32—40, с пропуском 35-го стиха.

[123] *...infusus...* — Все перечисленные Монтенем слова взяты из Лукреция и Вергилия (см. только что приведенный отрывок из Лукреция и на стр. 61—62 отрывок из Вергилия): *reiicit* — склоняется; *pascit* — насыщает; *inhians* — не сводя глаз; *molli* — мягким, нежным (этого слова в названных отрывках нет); *medullas* — букв. до мозга костей, недра, сердца; *labefacta* — обомлевшие; *pendet* — нисходит; *percurrit* — пробегает, проскакивает; *circumfusa* — прильнув; *infusus* — прильнув, обняв.

[124] *Вся речь мужественна; они не занимаются украшательством.* — *Сенека.* Письма, 33, 1. — Монтень нарушает порядок слов, — видимо, он цитирует Сенеку по памяти.

[125] *Дух — вот что придает красноречие.* — Квинтилиан, X, 7, 15.

[126] *Галл,* Гай Корнелий (69—26 гг. до н. э.) — римский поэт и военачальник; написал 4 книги элегий, которые до нас не дошли. Долгое время ему приписывали 6 элегий, автором которых ныне считают Максимиана, поэта VI в. н. э. Монтень, говоря о Галле, имеет в виду упомянутые элегии.

[127] *Как редок подобный дар, можно убедиться на примере многих французских писателей...* — эти намеки направлены, видимо, против поэтов Плеяды, возглавлявшихся Ронсаром и Дю Белле. Деятельность этих поэтов, стремившихся придать родному языку выразительность и гибкость, обогатить его словарь, боровшихся за признание его полноценным и литературным языком, способным заменить латынь, на протяжении многих веков царившую в науке и в высоких родах литературы, была глубоко прогрессивной и представляет собой очень важный этап в истории французской литературы и языка. И Монтень, надо сказать, относился с большой симпатией к некоторым поэтам этой группы; в частности, он очень высоко ставил творчество Дю Белле и Ронсара; так, например, он причисляет Дю Белле к «самым тонким умам» (I, XXV, с. 124), в другом месте говорит следующее: «...что до пишущих по-французски, то я полагаю, что они подняли это искусство на такую ступень, на какой оно еще никогда у нас не было и, если вспомнить тот род его, в котором блистают Ронсар и Дю Белле, то я никоим образом не считаю, что им далеко до совершенства древних поэтов» (см. II, XVII, с. 590). Таким образом, критика Монтеня имеет в виду не Плеяду в целом, а отдельные языковые излишества, встречающиеся в творчестве некоторых ее представителей.

[128] *Леон Еврей* (Эбрео) — португальский раввин (начало XVI в.), автор любовных диалогов в духе Платона. Марсилио *Фичино* (1433—1499) — итальянский гуманист, знаменитый переводчик Платона и неоплатоников, один из членов созданной Козимо Медичи Платоновской Академии во Флоренции.

[129] *Бембо,* Пьетро (1470—1547) — кардинал, писатель-гуманист; Монтень имеет в виду его любовные диалоги «gli Azzolani», получившие это название, потому что он их сочинял в замке Адзола. *Эквикола,* Марио (1460—1539) — итальянский писатель, автор трактата «О природе любви» (Della natura d'amore).

[130] *...мне надлежало бы прибегнуть к уловке музыканта Антинонида...* — Монтень имеет в виду древнегреческого музыканта *Антигенида,* ошибочно названного им *Антинонидом* (*Плутарх.* Жизнеописание Деметрия, I).

131 *..обезьяньи повадки обрекли этих... тварей на гибель...* — Источники Монтеня: Диодор Сицилийский, XVII, 90; *Элиан*. О природе животных, XVII, 25; Страбон, XV.

132 *Говорят, что... Зенон... прибегал к... выражению... «Capparil»...* — Об излюбленной клятве Зенона сообщает Диоген Лаэрций в «Жизнеописании Зенона» (VII, 32); об излюбленной клятве Пифагора — он же в «Жизнеописании Пифагора» (VIII, 6).

133 *Кратипп* — греческий философ-перипатетик I в. до н. э., преподававший в Афинах. У него учились сын Цицерона и сын Брута.

134 *...человек — игрушка богов...* — *Платон*. Законы, VII, 804 b. В этом абзаце Монтень еще раз предстает перед нами как вольнодумец, не разделяющий христианского представления о заботливом провидении, неустанно пекущемся о благе людей.

135 *Какая злая насмешка!* — *Клавдиан*. Против Евтропия, I, 24.

136 *Что мешает, смеясь, говорить правду?* — *Гораций*. Сатиры, I, 1, 24—25.

137 *Ессеи* — иудейская секта, отличавшаяся большой строгостью нравов (II в. до н. э.). Ессеи жили вдали от городов общинами наподобие монастырских, проповедовали всеобщее равенство и не знали частной собственности. Их учению в большой мере присуще стремление к социальному реформаторству. Учение ессеев оставило заметный след в раннем христианстве.

138 *...как сообщает Плиний...* — Естественная история, V, 15.

139 *...Зенон лишь... раз имел дело с женщиной...* — Диоген Лаэрций, VII, 13.

140 *... стремясь освятить остров Делос... воспретили в пределах... острова и роды и погребения.* — Источник Монтеня: Диодор Сицилийский, XII, 58.

141 *Мы стыдимся самих себя.* — *Теренций*. Формион, II, 20.

142 *...народы, у которых принято есть, накрывшись...* — Источник Монтеня: *Жоан Леон*. Описание Африки. Франц. перевод 1556 г.

143 *...они воздают честь своему естеству, лишая его естественности...* — Источник Монтеня: *Гильом Постель*. История Востока (Histoires orientales). Изд. 1575 г.

144 *Меняют дома и милый порог на изгнание.* — *Вергилий*. Георгики, II, 511.

145 *Есть... народ... который поклоняется мраку.* — Геродот, IV, 184; Плиний Старший, V, 8.

146 *...В радости видят они преступление.* — Максимиан, или Псевдо-Галл, I, 180.

147 *Стихи двух поэтов...* — т. е. Вергилия и Лукреция.

148 *Один египтянин... ответил...* — Это рассказано у Плутарха (О любопытстве, 3).

149 *Я прижал ее... к моему телу.* — *Овидий*. Любовные стихотворения, I, 5, 24.

150 *...эти двое...* — т. е. те же Вергилий и Лукреций.

151 *...мы не боимся нарушать свое слово...* — Катулл, XIV, 147—148; Монтень не вполне точно цитирует эти стихи Катулла.

152 *...завоевав сердце возлюбленной, не пожелал насладиться...* — Источник Монтеня: *Диоген Лаэрций*, VII, 130.

153 *...Сократ говорит...* — *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе, I, 3.

154 *У кого из собачьих ноздрей свисает .. лед...* — Марциал, VII, 95, 10—11, 14.

155 *...вожделение... юноши, набросившегося... на... изваяние...* — Об этом рассказывает Валерий Максим (VIII, 11, ext. 4).

156 *...повод к обнародованию закона, введенного... в Египте...* — Источник Монтеня: Геродот, II, 89.

157 *А Периандр — его поступок еще чудовищнее...* — Источник Монтеня: Геродот, V, 92.

158 *...не имея возможности наслаждаться с Эндимионом...* — *Эндимион*, элидский пастух, юноша поразительной красоты, был взят на небо Юпитером, но после того как он покусился на честь Юноны, Юпитер изгнал его обратно на землю и погрузил в беспробудный сон. Диана, воспылав страстью к Эндимиону, перенесла его в пещеру на горе Латм и там часто наслаждалась со спящим. Изложение Монтеня несколько отличается от точного пересказа этого мифа. Его источник: *Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 38.

159 *...иная кажется тебе... мраморным изваянием.* — Марциал, XI, 104, 12 и XI, 60, 8. Монтень цитирует не вполне точно.

160 ...*она... отмечает этот день.* — Катулл, XVIII, 147—148; стихи цитируются неточно.
161 *Обнимает тебя, но вздыхает от любви к кому-то...* — Тибулл, I, 6, 35.
162 *Сладострастие подобно дикому зверю...* — Тит Ливий, XXXIV, 4.
163 ...*летел словно молния.* — *Овидий.* Любовные стихотворения, III, 4, 13.
164 *Это пристало каким-нибудь савроматам...* —Источник Монтеня: Геродот, IV, 117.
165 ...*в рассказе об Аристиппе...* — Об этом рассказывает Диоген Лаэрций, II, 69.
166 ...*доступность и готовность не приличествуют...* — *Платон,* Пир, 182а.
167 *Рожденные для подчинения.* — *Сенека.* Письма, 95, 21.
168 *Александр поблагодарил ее...* — Источник Монтеня: Диодор Сицилийский, XVII, 77; Квинт Курций.
169 ...*на примере той самой богини...* — т. е. Венеры.
170 *Иоанна... повелела удавить своего... мужа...* — Об этом рассказано у Лавардена: (Histoire de Georges Castriot), лист 383, оборотная сторона.
171 ...*Платоновы законы... повелевают...* — *Платон.* Законы, XI; 925 а.
172 ...*она покидает безрадостное брачное ложе...* — Марциал, VII, 58, 3—5. Цитируемые стихи, вследствие чрезмерной их откровенности, в переводе несколько смягчены.
173 ...*приходится искать кого-то более мужественного...* — Катулл, XVII, 27—28. Стихи процитированы Монтенем не совсем точно.
174 *Если он не в силах справиться...* — *Вергилий.* Георгики, III, 127.
175 *Едва способному сойтись с женщиной...* — *Гораций.* Эподы, XII, 15.
176 *Не нужно остерегаться того, чей возраст близится к пятидесяти пяти годам.* — *Гораций.* Оды, II, 4, 22. Монтень изменил текст Горация, который говорит о сорока годах.
177 *Словно индийская слоновая кость...* — *Вергилий.* Энеида, XII, 67—69.
178 *И на ее лице был безмолвный укор.* — *Овидий.* Любовные стихотворения, I, 7, 21.
179 ...*обошлась со мной... нелюбезно.* — В этих стихах, оставленных без перевода (сборник «Veterum poetarum catalecta»), речь идет о размерах мужского органа.
180 *Быть человеком, приспособленным к... многообразию нравов...* — *Квинт Цицерон.* О домогательстве консульства, 14.
181 ...*и нежит ее и ласкает...* — Первый из этих стихов взят Монтенем из «Juvenilia» («Юношеские стихотворения») Теодора де Беза, изд. 1578 г. *Теодор де Без* — см. прим. 91, с. 455. Второй стих взят Монтенем у Сен-Желе, сочинения которого были изданы в Лионе, 1574 г.
182 *Если... ночью она подарила тебе... милости.* — Катулл, XVIII, 145.
183 ...*я посвятил мои влажные одежды... богу моря.* — *Гораций.* Оды, I, 5, 13—16. У древних существовал обычай, согласно которому спасшийся во время бури приносил свою одежду в храм Нептуна и на вотивной табличке — благодарность за спасение. Монтень, приводя Горация, хочет сказать, что буря, именуемая любовью, — позади; осознание этого, впрочем, не мешает ему мысленно воспроизводить подробности пережитых злоключений и размышлять о них.
184 ...*ты... будешь обдуманно безумствовать.* — *Теренций.* Евнух, 16—18.
185 *Ничто не является пороком само по себе.* — *Сенека.* Письма, 95, 43.
186 ...*лучше остережемся столь беспокойной и буйной страсти...* — Здесь Монтень пересказывает Сенеку (Письма, 116, 5). *Панэций* — см. прим. 259, с. 429.
187 ...*благоразумие и любовь несовместимы.* — Источник Монтеня: *Плутарх.* Изречения лакедемонян.
188 *Пока седина лишь начинает у меня проступать...* — Ювенал, III, 26—28. *Лахезис* — вторая из трех сестер Парок, которые, согласно греческой мифологии, пряли нить жизни каждого человека.
189 ...*сколько молодости... вернула она... Анакреонту!* — Комментаторы усматривают в этих словах Монтеня намек на 52-ю оду Анакреонта.
190 ...*Сократ... рассказывает...* — Здесь Монтень пересказывает Ксенофонта: Пир, IV.
191 *Философия... не ополчается против страстей естественных.* — Источник Монтеня: *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе, I, 3.

192 Эти стихи Горация (Эподы, XII, 19—20) на современный взгляд непристойны; в них говорится о мужской силе молодежи.
193 *Могут ли пылкие... юноши видеть...* — *Гораций*. Оды, IV, 13, 26—28.
194 *...некий древний философ...* — Монтень пересказывает Диогена Лаэрция (Жизнеописание Биона, IV, 47). *Бион Борисфенский* — см. прим. 6, с. 366.
195 *Сделайте доброе дело...* — Превербиальное выражение, широко распространенное у итальянских нищих.
196 *Кто хочет себе добра, пусть идет за мной.* — *Ксенофонт*, Киропедия, VII, 1.
197 *Я не хочу дергать за бороду мертвого льва.* — Марциал, X, 90, 10. *Дергать за бороду* — провербиальное выражение, означающее «оскорблять».
198 *Ксенофонт, понося и обвиняя Менона...* — *Ксенофонт*. Анабасис, II, 6.
199 *Я уступлю эту .. дикую склонность... Гальбе...* — Об этом рассказывает Светоний: Жизнеописание Гальбы, 22.
200 *О, если бы боги дозволили мне...* — т. е. Овидию, чьи стихи (Письма с Понта, I, 5, 49—51) Монтень цитирует. Эти стихи написаны Овидием в ссылке, в разлуке с женой, к которой они обращены.
201 *..юноша с Хиоса... пришел к философу Аркесилаю...* — Рассказ этот позаимствован Монтенем у Диогена Лаэрция (Жизнеописание Аркесилая, IV, 34). *Аркесилай* — см. прим. 18, с. 395.
202 *...его .. неопределившиеся черты... обманут проницательность...* — *Гораций*. Оды, II, 5, 21—24.
203 *Хорошо известна причина...* — *Плутарх*. О любви, 24. *Аристогитон* и *Гармодий* — см. прим. 11, с. 388. Называя в этом месте Диона, Монтень ошибается; правильно — Бион.
204 *Он... пролетает мимо иссохших дубов.* — *Гораций*. Оды, IV, 13, 9—10.
205 *Маргарита... Наваррская... преувеличивает... продолжительность женского века...* — *Маргарита Наваррская*. Гептамерон, IV, 35.
206 *Любовь не знает порядка.* — *Иероним*. Письмо к Хромацию.
207 *Платон... велит...* — Государство, V, 468 b—c.
208 *...впустую неистовствует... бессильный огонь...* — *Вергилий*. Георгики, III, 98—100.
209 *Словно яблоко, тайный дар милого...* — Катулл, XV, 25—30.
210 *...в своем «Государстве».* — Платон. Государство, V, 451 d—457 c.
211 *...Антисфен не делает различия...* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций, VI, 12.

Глава VI
О СРЕДСТВАХ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

1 *...указать одну... причину недостаточно...* — Лукреций, VI, 703—704.
2 *...говорят... они принадлежат Аристотелю.* — *Аристотель*. Проблемы XXXIII, 9.
3 *...я прочел у Плутарха...* — *Плутарх*. Естественные причины, II.
4 *Я слишком мучился, чтобы мне приходила в голову мысль об опасности.* — *Сенека* Письма, 53, 3.
5 *Приведем рассказ... о бегстве Сократа...* — Источник Монтеня: *Платон*. Пир, 221 a—c.
6 *...чем меньше испытываешь страх, тем меньше опасности.* — Тит Ливий, XXII, 5.
7 *...мудрый не может превратиться в безмозглого.* — Эти слова Эпикура приводятся у Диогена Лаэрция, X, 117.
8 *...укрепляя полевой лагерь.* — Это описание боевых колесниц, применявшихся венграми в войне против турок, позаимствовано Монтенем у Халкондила: VII, 11.
9 *Элагабал* (Гелиогабал) — см. прим. 6, с. 391. *Лампридий*. Элагабал, 28—29 (Scriptores Historiae Augustae, XVII, 28, 1—2, 29, 1).

[10] *Фирм*, Марк — римский полководец, провозгласивший себя в 273 г. императором и в том же году распятый на кресте по повелению императора Аврелиана. Источник Монтеня: *Вописк.* Фирм Сатурнин, Прокул и Бонос, 6 (Scriptores Historiae Augustae, XXIX, 6, 2).

[11] ...*пусть... избегает расходов на... роскошества, которые... улетучиваются из памяти.* — *Исократ.* Слово к Никоклу, 19.

[12] *Демосфен... нападает...* — В третьей Олинфской речи.

[13] ...*Феофраста... порицают...* — Феофраста порицает Цицерон в своем сочинении «Об обязанностях» (II, 16). *Феофраст* — см. прим. 318, с. 432.

[14] ...*ни один... здравомыслящий человек не придает им... цены.* — Эти слова Аристотеля передает *Цицерон.* Об обязанностях, II, 16.

[15] *Григорий XIII* — римский папа с 1572 по 1585 г.

[16] ...*наша королева Екатерина...* — Монтень имеет в виду Екатерину Медичи (см. прим. 4, с. 370).

[17] ...*прервав работы над сооружением... Нового Моста...* — Постройка Нового Моста была начата в 1578 г.; прерванная вследствие затруднений, вызванных гражданской войной она была закончена в 1607 г. Новый Мост существует и посейчас и является самым старым из парижских мостов.

[18] ...*император Гальба .. сказал...* — Об этом рассказывает Плутарх: Жизнеописание Гальбы, 16.

[19] *Ни одно искусство не замыкается в себе самом.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, V, 6. Монтень приспосабливает слова Цицерона к своему контексту.

[20] ...*от щедрости мало проку...* — Источник Монтеня: *Плутарх.* Изречения древних царей. *Дионисий Старший* — см. прим. 7, с. 363.

[21] *Я бы... научил... присловью...* — Греческий стих переведен самим Монтенем.

[22] *Чем большему числу людей ты ее расточаешь, тем меньшему числу сможешь ее расточать...* — *Цицерон.* Об обязанностях, II, 15.

[23] ...*в нашем языке слова для обозначения щедрости и свободы образованы от одного корня.* — Щедрость по-французски — libéralité; свобода — liberté.

[24] ...*что некогда сделал Кир...* — Этот рассказ позаимствован Монтенем у Ксенофонта: Киропедия, VIII, 2.

[25] *Раздача другим лицам отнятого у... владельцев...* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 14.

[26] ...*привлекай... благодеяниями твоих добродетелей, а не... твоего сундука...* — Речь идет о Филиппе Македонском, написавшем письмо своему сыну, юноше Александру. Источник Монтеня: *Цицерон.* Об обязанностях, II, 15.

[27] ...*как это было устроено императором Пробом.* — *Проб* Марк Аврелий — римский император с 276 по 282 г.; убит взбунтовавшимися легионерами. Источник Монтеня: *Кринит.* О честном и поучительном (De honesta disciplina), XII, 7.

[28] ...*вот портик, сверкающий золотом.* — *Кальпурний.* Эклоги, VII, 47.

[29] *Пусть тот... кому это не полагается, встанет со всаднической подушки...* — Ювенал, III, 153—155.

[30] ...*это четвертая и последняя перемена...* — Источник Монтеня: *Юст Липсий.* Об амфитеатре, 10.

[31] *Сколько раз мы смотрели, как опускаются... части арены...* — *Кальпурний.* Эклоги, VII, 64. Монтень цитирует по Юсту Липсию: Об амфитеатре, 10.

[32] ...*навес тотчас раздвинули.* — Марциал, XII, 29, 15—16.

[33] *Даже сетка блестит кручеными золотыми нитями.* — *Кальпурний.* Эклоги, VII, 53—54.

[34] ...*они... скрыты от нас в непроглядном мраке забвения.* — *Гораций.* Оды, IV, 9, 25—28. *Агамемнон* — предводитель греков, осаждавших Трою.

[35] ...*много других поэтов воспевали другие подвиги.* — Лукреций, V, 326—327. У Лукреция эти стихи выражают вопрос.

[36] *И рассказ Солона...* — Речь идет о рассказе Солона в диалоге Платона «Тимей» 21 a—25 d.

37 *...перед нами... предстало бы бесчисленное множество форм.* — Цицерон. О природе богов, I, 20. Этот отрывок крайне неточно воспроизведен Монтенем.

38 *...настолько обессилен век и истощена земля.* — Лукреций, II, 1150. Монтень незначительно изменяет текст Лукреция.

39 *...вселенная еще совсем новая, и мир только-только возник...* — Лукреций, V, 330—334.

40 *...они нисколько не уступают нам в ясности... ума и в сообразительности.* — Следует отметить, что никто из современников Монтеня, писавших о жестокости испанцев-завоевателей, не говорит об этом с такой ясностью и определенностью, никто не ставит этого вопроса так широко и с таким пониманием проблемы во всех ее аспектах: политическом, религиозном, философском. Монтень видит в угнетаемых туземцах не «меньших братьев», нуждающихся в покровительстве и защите, а носителей иной культуры, которая во многом могла бы оплодотворить и обогатить культуру Старого Света. Глава «О каннибалах» (I, XXXI) и настоящая глава «О средствах передвижения» с достаточной полнотой характеризуют отношение Монтеня к американским туземцам, и его протест против чинимых за океаном зверств звучит в них с такой силой, какой достигают наиболее смелые публицисты лишь в XVIII в. Источник Монтеня во всем, что он рассказывает о жителях Нового Света, — не раз упоминавшаяся книга Лопеса де Гомара «Общая история Индий» (Historia general de las Indias, 1553).

41 *...свидетели этому — мои каннибалы.* — См. I, XXXI.

42 *Безам* (точнее безант) — золотая или серебряная монета византийского чекана, имевшая широкое хождение в Европе на протяжении многих веков после крестовых походов и в различное время имевшая различную ценность.

43 *...несколько испанских военачальников... были преданы смерти...* — Монтень имеет в виду Гонсалеса Писарро, осужденного на смерть Педро де ла Каско, которого Карл V отправил в 1548 г. для пресечения произвола, царившего во вновь обретенных испанских колониях; та же участь постигла и обоих Диего Альмагро, отца и сына, в 1538 и 1542 гг.

44 *...столь бережливого и благоразумного государя...* — т. е. Филиппа II.

Глава VII
О СТЕСНИТЕЛЬНОСТИ ВЫСОКОГО ПОЛОЖЕНИЯ

1 *...одному великому человеку...* — Намек на Юлия Цезаря.

2 *Луций Торий Бальб* — римский народный трибун III в. до н. э., о котором говорит Цицерон (О высшем благе и высшем зле, II, 20), в изображении Цицерона законченный эпикуреец; это человек отважный, твердый, свободомыслящий, ведущий честную и здоровую жизнь.

3 *Марк Регул* — см. прим. 1, с. 403, гл. LII.

4 *Отан, один из семи, имевших право притязать на трон Персии...* — Здесь Монтень пересказывает Геродота (III, 83).

5 *...я просмотрел две книги шотландских авторов...* — Первая из упоминаемых Монтенем книг — «О королевском праве у шотландцев» (1579) Джорджа Бьюкенена, бывшего когда-то учителем Монтеня в гиеньском коллеже или Бордоском университете. (В главе «О воспитании детей» — с. 163 — Монтень называет Бьюкенена «великим шотландским поэтом»). Трактат Бьюкенена, запрещенный в течение всего XVII в., был торжественно сожжен Оксфордским университетом. Вторая книга — ответ Блеквуда Бьюкенену, озаглавленный «Против диалога Джорджа Бьюкенена «О королевском праве у шотландцев», в защиту королей» (1581).

6 *...Брисон, состязавшийся в беге с Александром, поддался...* — Об этом рассказывает Плутарх: О спокойствии души, 12. Монтень ошибочно называет Крисона Брисоном.

[7] *Карнеад говорил...* — Об этом рассказывает Плутарх: Как отличить друга от льстеца. *Карнеад* — см. прим. 44, с. 385.
[8] *...Гомер вынужден был изобразить...* — Илиада, V, 345—347.
[9] *Римский сенат присудил Тиберию... награду... тот отказался...* — Об этом рассказывает Тацит: Анналы, II, 83.
[10] *...Плутарх рассказывает...* — Как отличить друга от льстеца, 9.
[11] *...льстецы Митридата... давали... владыке... резать и прижигать их члены...* — Источник Монтеня: *Плутарх*. Как отличить друга от льстеца, 14.
[12] *...Адриан спорил с философом Фаворином...* — Об этом рассказывает Спартиан: Адриан, 15 (Scriptores Historiae Augustae).
[13] *Август писал эпиграммы на Азиния Поллиона...* — Рассказ об этом содержится у Макробия: Сатурналии, II, 4.
[14] *...Дионисий, не будучи в состоянии сравняться в искусстве поэзии с Филоксеном...* — Источник Монтеня: *Плутарх*. О спокойствии души. 12; Диодор Сицилийский, XV, 6 и 7; Диоген Лаэрций, III, 18 и 19; *Филоксен* — см. прим. 645, с. 446. О Филоксене рассказывают, что после его освобождения из каменоломен Дионисий снова обратился к нему с вопросом о том, нравится ли ему новое стихотворение Дионисия, на что Филоксен ответил: «Отправь меня обратно в каменоломни».

Глава VIII
ОБ ИСКУССТВЕ БЕСЕДЫ

[1] *...как говорит Платон...* — Законы. IX, 862 b—e.
[2] *Разве ты не видишь...* — *Гораций*. Сатиры, I, 4, 109—111. — В современном издании сатир имя Барр читается как Бай (Baius).
[3] *...мудрец большему научится от безумца, чем безумец от мудреца...* — Эти слова Катона приводит Плутарх. Жизнеописание Катона Цензора, 9.
[4] *Ведь нельзя спорить, не опровергая противника.* — *Цицерон*. О высшем благе и высшем зле, I, 8.
[5] *Антисфен наставлял своих детей...* — Об этом рассказывается у Плутарха: О ложном стыде, 18.
[6] *...Платон... лишал права на спор людей с умом ущербным...* — *Платон*. Государство, VII, 539 d.
[7] *Ничего не исцеляющих наук.* — *Сенека*. Письма, 59, 15.
[8] *Ни лучше жить, ни толковее рассуждать.* — *Цицерон*. О высшем благе и высшем зле, I, 19.
[9] *Скрывающиеся в чужой тени.* — *Сенека*. Письма, 33, 8.
[10] *Эвтидем и Протагор* — персонажи диалогов Платона, которые имеет в виду Монтень.
[11] *Истина вовсе не скрыта, как... утверждал Демокрит...* — *Лактанций*. Божественные установления, III, 28.
[12] *Мисон... ответил...* — Об этом рассказывает Диоген Лаэрций: Жизнеописание Мисона, I, 108.
[13] *Будем... помнить изречение Платона...* — Источник Монтеня: *Плутарх*. Как надо слушать, 5.
[14] *Свое дерьмо не воняет...* — *Эразм Роттердамский*. Афоризмы, III, 4, 2.
[15] *Валяй... подстегни ее.* — *Теренций*. Девушка с Андроса, IV, 9. У Теренция речь идет о нем, а не о ней.
[16] *Сократ полагал...* — Источник Монтеня: *Платон*. Горгий, 480 b—d.
[17] *...те, кто... стремились утвердить религию созерцательную и безобрядную...* — Т. е. протестанты.
[18] *Спинет* — щипковый инструмент, один из предков фортепиано.
[19] *При... высокой судьбе редко... встречается простой здравый смысл.* — Ювенал, VIII, 72—73.

20 ...*по словам Сократа...* — Эти слова приводит Платон: Государство, VI, 490 d—e.
21 *Как обезьяна с подобием человеческого лица...* — *Клавдиан.* Против Евтропия, I. 303—306.
22 ...*Мегабиз... получил... резкую отповедь...* — Рассказ об этом содержится у Плутарха: Как отличить друга от льстеца, 15. *Апеллес* — знаменитый греческий художник IV в.; расцвет его творчества приходится на 30-е годы указанного столетия, даты рождения и смерти не установлены.
23 *Величайшая добродетель государя — знать подвластных ему людей.* — Марциал, VIII, 158.
24 ...*перс Сирам... сказал...* — Об этом передает Плутарх: Изречения древних царей, введение. Монтень называет Сирамна Сирамом.
25 *Судьбы находят путь.* — *Вергилий.* Энеида, III, 395.
26 *Предоставь остальное богам.* — *Гораций.* Оды, I, 9, 9.
27 *Меняется облик души...* — *Вергилий* Георгики, I, 420—422.
28 *грубым умам дело управления давалось лучше, чем утонченным.* — Фукидид, III, 37.
29 *Каждый возвышается в меру того, как ему благоволит судьба...* — *Плавт.* Псевдол, II, 3, 13—14.
30 *Когда Мелантия спросили...* — Об этом рассказывает Плутарх: Как нужно слушать, 7. *Дионисий Старший* — см. прим. 7, с. 363 *Мелантий* — речь идет, надо полагать, об афинском трагическом актере IV в. до н. э.
31 *Антисфен... возразил...* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций VI, 8. *Антисфен* — см. прим. 5, с. 396.
32 *Жители Мексики после коронования своего владыки...* — Источник Монтеня: *Гомара.* Всеобщая история Индии, II, 77.
33 *Нужно обращать внимание не только на то, что каждый говорит...* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 41.
34 *Гегесий говорил... надо лишь учить...* — Слова Гегесия приведены у Диогена Лаэрция: II, 95.
35 ...*царь Кир ответил...* — Об этом рассказывает Ксенофонт: Киропедия, III, 3.
36 ...*это полагал и Ликург.* — *Плутарх.* Жизнеописание Ликурга, 20.
37 ...*погибли два принца нашего королевского дома.* — Возможно, что Монтень здесь имеет в виду герцога Энгиенского, убитого в 1546 г. во время грубой забавы, и короля Генриха II, погибшего в 1559 г. на турнире.
38 *Это произведение было взято... в разгар работы над ним.* — *Овидий.* Скорбные песни, I, 7, 29.
39 *Благодеяния приятны... тогда, когда знаешь, что можешь за них отплатить...* — *Тацит.* Анналы, IV, 18.
40 *Кто считает, что позорно не отплачивать...* — *Сенека.* Письма, 81, 32.
41 *Кто считает, что он перед тобой в долгу...* — *Квинт Цицерон.* О домогательстве консульства, 9.
42 *Я... пристально вникал в суждения Тацита...* — *Тацит.* Анналы, VI, 6.
43 ...*мелким представляется мне Тацит и в том месте...* — *Тацит.* Анналы, XI, 11.
44 ...*рассказ о солдате, который нес вязанку дров...* — *Тацит.* Анналы, XIII, 35.
45 ...*рассказ... о том, что Веспасиан... исцелил...* — *Тацит.* История, IV, 81. У Монтеня ошибка: по Тациту, Веспасиан исцелил не слепую, а слепого.
46 ...*я... не хочу умалчивать о том, что мне известно.* — Квинт Курций, IX, 1.
47 ...*нужно придерживаться традиции.* — Тит Ливий, I, введение и VII, 6.

Глава IX

О СУЕТНОСТИ

1 ...*божественно было высказано... самим божеством.* — Монтень имеет в виду слова Екклезиаста, I, 2; «Суета сует — все суета».

2 *Диомед* — греческий грамматик, I в. до н. э. (в точности годы его жизни не установлены), составивший комментарии к грамматике Дионисия Фракийского, от которых сохранились лишь незначительные отрывки.

3 ...*что же ты не заклял эту бурю!* — Пифагор, так же, как и его последователи (пифагорейцы) сыграли большую роль в развитии античной математики, астрономии, небесной механики. Высшим законом, которому подчиняется все сущее (весь «космос»), по мнению пифагорейцев, является гармония. О самом Пифагоре до нас дошло очень мало достоверных сведений; у пифагорейцев была тенденция видеть в нем воплощение божества, которое имеет власть над силами природы и способно творить чудеса. На этом основано шутливое обращение к Пифагору Монтеня, укоряющего его за то, что он не восстановил нарушенной Диомедом гармонии и не заклял поднятой Диомедом словесной бури.

4 *Некогда Гальбу осуждали...* — Источник Монтеня: *Светоний.* Жизнеописание Гальбы, 9.

5 ...*до того, как начались наши беды?* — Т. е. религиозные войны XVI в. во Франции.

6 ...*прав был врач Филотим...* —Об этом рассказывает Плутарх: Как нужно слушать, 10.

7 ...*спартанцам было по плечу... прихорашиваться перед тем, как броситься навстречу... опасностям...* — Об этом сообщает Геродот: VII, 209.

8 ...*следуя... наставлениям Ксенофонта...* — Эти «наставления» изложены Ксенофонтом: Киропедия, I, 6.

9 ...*свет... каждый час прилетает к нам, сменив коней.* — *Петроний.* Сатирикон. «Сменив коней», т. е. в новом облике. В изданиях XVI, XVII и XVIII вв. после текста приводится много стихотворных отрывков и эти стихи.

10 *Или виноградники, побитые градом...* — *Гораций.* Оды, III, 1. 29—32.

11 ...*опустошают... порывы ветров.* — Лукреций, V, 215—217.

12 ...*башмак... немилосердно жмущий вам ногу...* — У Плутарха (Жизнеописание Эмилия Павла, 5) приводится рассказ об одном римлянине, который развелся со своей женой, за что его порицали друзья, обращаясь к нему со следующими вопросами: «Что ты можешь вменить ей в упрек? Разве она не хороша собой и у нее не красивый стан? Разве она не рожает тебе здоровых детей?» — на что этот римлянин, выставив вперед ногу и показывая на свой башмак, ответил: «Разве этот башмак не красив? Разве он плохо сшит? Разве он не совсем новый? И все же среди вас нет ни одного, никого, кто имел бы хоть малейшее представление о том, как ужасно он жмет мне ногу».

13 *Размеры состояния определяются не величиной доходов, а привычками и образом жизни.* — *Цицерон.* Парадоксы, VI, 3.

14 ...*кто по примеру Фокиона обеспечивает... детей...* — Источник Монтеня: *Корнелий Непот.* Фокион, I.

15 *Я... не одобряю поступка Кратеса.* — Об этом рассказывает Диоген Лаэрций: VI, 88. *Кратес* — см. прим. 9, с. 382.

16 *Кто начал тревожиться, тому себя не сдержать.* — *Сенека.* Письма, 13, 13.

17 *Капля точит камень.* — Лукреций, I, 313.

18 *Тогда мы ввергаем нашу душу в заботы.* — *Вергилий.* Энеида, V, 720. Монтень несколько изменил слова Вергилия, приспособив их к своему контексту.

19 ...*когда Диогена спросили...* — Об этом рассказывается у Диогена Лаэрция: VI, 54.

20 *Почему ты не предпочтешь заняться тем, что полезно?..* — *Вергилий.* Эклоги, II, 71—72.

21 ...*если бы мне... обрести, наконец, покой!* — *Гораций.* Оды, II, 6, 6—8.

22 *Плоды... нашего дарования кажутся нам.. сладкими, когда... приносят пользу...* — *Цицерон.* О дружбе, 19.

23 ...*даже Платон... не преминул... уклониться...* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций, III, 23.

[24] *Многие подали мысль обмануть их...* — *Сенека.* Письма, 3, 3. Монтень незначительно изменил текст Сенеки.
[25] *Экю* — серебряная монета ценностью в 3 ливра или франка.
[26] *Рабство — это покорность души слабой и низменной...* — *Цицерон.* Парадоксы, V, 1.
[27] *Чувства, о всевышние боги, чувства.* — Откуда взяты эти слова, не установлено.
[28] *И чаша и кубок мне показывают меня.* — *Гораций.* Послания, I, 5, 23—24. Монтень перефразирует Горация, который говорит: «...тебе показывают тебя».
[29] *...самое счастливое занятие человека — ...праведно делать свои дела.* — *Платон.* Письма, 9, 357 d.
[30] *Лиар* — мелкая медная монета.
[31] *Времена хуже железного века...* — Ювенал, XIII, 28—30.
[32] *...понятия о дозволенном и запретном извращены.* — *Вергилий.* Георгики, I, 505.
[33] *Они... жаждут жить награбленным.* — *Вергилий.* Энеида, VII, 748—749.
[34] *Царь Филипп собрал... толпу самых дурных... людей...* — Источник Монтеня: *Плутарх.* О любознательности, 10. Этот город, по Плутарху, был назван Понерополис, т. е. город дурных людей.
[35] *Пирра* — жена Девкалиона, сына Прометея, царя Фтии в Фесалии. Оставшись после всемирного потопа единственными обитателями земли, Девкалион и Пирра вновь заселили землю, бросая себе за спину камни: те, что были брошены Девкалионом, превратились в мужчин, брошенные Пиррой — в женщин. *Кадм* — легендарный основатель города Фив; прибыв в Беотию, он убил дракона, который пожрал его спутников и товарищей, и по повелению Афины посеял его зубы, а из них выросли вооруженные люди, истребившие друг друга, за исключением пяти воинов, от которых и произошла фиванская знать.
[36] *Солона как-то спросили...* — Об этом рассказывает Плутарх: Жизнеописание Солона, 15.
[37] *Варрон приводит... следующее...* — Эти слова Варрона приводит Августин: О граде божием, VI, 4. *Варрон,* Марк Теренций — см. прим. 174, с. 426.
[38] *Пибрак,* Ги (1529—1584) — французский государственный деятель и писатель, ревностный католик, в своих писаниях превозносивший Варфоломеевскую ночь. Монтень ценил его широкую эрудицию и литературный талант. Цитируемые стихи из «Четверостиший» Пибрака (Quatrains contenant preceptes...) даны в переводе Н. Я. Рыковой.
[39] *Де Фуа,* Поль — французский государственный деятель, архиепископ тулузский (ум. в 1584 г.). В 1575 г. де Фуа произнес перед возвратившимся из Польши Генрихом III и королевским советом речь, в которой призывал к веротерпимости. Монтень высоко ценил де Фуа, видя в нем своего единомышленника в ряде вопросов и особенно в вопросе об отношении к гугенотам.
[40] *Стремясь не столько к изменению... порядка, сколько к... извращению.* — *Цицерон.* Об обязанностях, II, 1. Монтень несколько изменил слова Цицерона, приспособляя их к своему контексту.
[41] *...как это случилось с убийцами Цезаря...* — Цезарь был убит 15 марта 44 г. до н. э. Вскоре после этого Марк Антоний со своими сторонниками поднял восстание против республиканцев, составлявших в то время сенатское большинство. Началась междоусобная война, во время которой Марк Антоний, Лепид и Октавиан Август составили триумвират и в 42 г., в битве при Филиппах, окончательно разгромили республиканцев. Придя к власти, триумвиры жестоко расправились со своими противниками; в числе жертв триумвиров был и Цицерон, убитый по их приказанию в 43 г. до н. э.
[42] *Пакувий Колавий покончил с... попытками этого рода...* — Об этом рассказывает Тит Ливий: XXIII, 3; *Пакувий Колавий* (III в. до н. э.) — капуанский сенатор; во время 2-й Пунической войны, после разгрома римлян при Каннах (216 г. до н. э.), примкнул к Ганнибалу и принимал его в своем доме; его сын, приверженец Рима, намеревался убить Ганнибала во время его пребывания в доме отца, чему, однако, тот помешал.

43 *...Наши... братоубийственные войны покрывают нас позором...* — *Гораций.* Оды, I, 35, 33—38.

44 *...сама богиня Спасения... не смогла б это сделать.* — *Теренций.* Братья, IV, 244—245.

45 *...как утверждает Платон...* — Государство, VIII, 546 а.

46 *...лишь бы... не получить своей доли.* — Источник Монтеня: *Плутарх.* Утешительное слово к Аполлонию, 9. Плутарх приписывает эти слова Сократу.

47 *Ведь боги обращаются с людьми словно с мячами.* — *Плавт.* Пленники, 34.

48 *...слова Исократа... не завидовать государям, владеющим обширными царствами...* — *Исократ.* Слово к Никоклу, 26.

49 *...народ, властвующий над сушей и морем.* — Лукан, I, 82—84.

50 *Этот дуб... держится благодаря своему весу.* — Лукан, I, 138—139.

51 *...над всеми бушует одинаково сильная буря.* — *Вергилий.* Энеида, XI, 422—423. Монтень несколько изменил текст Вергилия.

52 *Быть может, бог восстановит...* — *Гораций.* Эподы, XIII, 7—8.

53 *Словно, погибая от жажды, я выпил чашу с водою из Леты.* — *Гораций.* Эподы, XIV, 3—4. Лета — подземная река, испив воду которой, умерший забывает свою предыдущую жизнь.

54 *...некоего линкеста... поставили... перед войском...* — Источник Монтеня: Квинт Курций, VII, 1. *Линкесты* — племя в западной Македонии.

55 *Ничто так не вредит... как возлагаемые... надежды.* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 4.

56 *...письменное свидетельство об ораторе Курионе...* — Об этом рассказывает Цицерон: Брут, 60. *Курион,* Гай Скрибоний — народный трибун 49 г. до н. э.

57 *Военным людям к лицу простота.* — *Квинтилиан.* Обучение оратора, XI, 1.

58 *Антиох... превозносил Академию...* — Источник Монтеня: *Цицерон.* Академические вопросы, II, 22. *Антиох* Аскалонский (ум. в 69 г. до н. э.) — философ, поддерживал дружеские отношения с Цицероном, Брутом, Лукуллом. Стремился примирить учения академиков, перипатетиков и стоиков, считая, что расхождения между ними — скорее на словах, чем по существу.

59 *...был у... сограждан чем-то вроде главного казначея...* — Об этом рассказывает Плутарх (Жизнеописание десяти ораторов. Ликург, I). *Ликург* — см. прим. 25, с. 380.

60 *Праведный поступок... только тогда, когда он доброволен.* — *Цицерон* Об обязанностях, I, 9.

61 *Едва ли я стал бы... заниматься делами, которые вменяются мне в обязанность.* — *Теренций.* Братья, III, 202.

62 *...приказание доставляет больше удовольствия тому, кто его отдает, чем тому, кто его выполняет.* — Валерий Максим, II, 2, 6.

63 *Мудрому надлежит сдерживать порывы... приязни...* — *Цицерон.* О дружбе, 17.

64 *И мне неведомы дары могущественных.* — *Вергилий.* Энеида, XII, 519—520. Монтень приспособляет слова Вергилия к своему контексту.

65 *Вся моя надежда только на себя.* — *Теренций.* Братья, III, 168. Цицерон несколько изменяет слова Теренция.

66 *Гиппий... научился... изготовлять все необходимые ему вещи, дабы... избавиться от посторонней помощи.* — Источники Монтеня: *Платон.* Гиппий Меньший; *Цицерон.* Об ораторе, III, 32. *Гиппий* (V в. до н. э.) — софист. Платон высмеял его в двух диалогах: «Гиппий Больший» и «Гиппий Меньший».

67 *...отказ Баязида от присланных ему Тимуром подарков.* — Источник Монтеня: Халкондил, II, 12, *Баязид I* — см. прим. 17, с. 412.

68 *...он... бросил в... темницу послов...* — Сообщение об этом содержится у Гулара: История Португалии, XIX, 6., *Сулейман* II Великий (1520—1566) — завоеватель обширнейших территорий в Азии и Африке; при нем Оттоманская империя достигла вершины своего могущества.

69 *...вспоминают благодеяния, которые те оказали им самим.* — Аристотель говорит об этом в «Никомаховой этике» (IV, 3), ссылаясь на речь Фетиды: Илиада, I, 503.
70 *...давать... по Аристотелю... гораздо приятнее.* — *Аристотель*. Никомахова этика, IX, 7.
71 *Кир устами своего... полководца...* — Этот полководец — Ксенофонт. Слова Кира приводятся Ксенофонтом в «Киропедии» (VIII, 4).
72 *...Сципион Старший... ставит свою мягкость... выше своей храбрости...* — Об этом передает Тит Ливий, XXXVII, 6.
73 *...эти... пашни захватит... нечестивый воин!* — *Вергилий*. Эклоги, I, 70.
74 *Какая жалкая участь оберегать свою жизнь с помощью стен...* — *Овидий*. Скорбные песни, IV, 1, 69—70.
75 *Даже когда царит мир, люди дрожат от страха перед войной.* — Лукан, I, 256 и 251—253.
76 *Эос* — богиня зари; *в стране Эос* — на востоке; *под студеной Медведицей* — т. е. на севере.
77 *...розы и фиалки... поблизости от лука и чеснока... пахнут приятнее...* — Об этом говорится у Плутарха: Как можно извлечь пользу из своих врагов, 10.
78 *Столь многочисленные лики преступлений.* — *Вергилий*. Георгики, I, 506.
79 *...чем приукрашенным чужеземною пышностью.* — Намек на итальянские моды и итальянскую пышность, культивировавшиеся при французском дворе королевою Екатериною Медичи, прибывшей во Францию в 1533 г. По повелению Екатерины Медичи были построены дворец Тюильри, замок Монсо и продолжены работы в Лувре.
80 *...уподобляясь... персидским царям, давшим обет не пить никакой воды, кроме, как из реки Хоасп...* — Об этом сообщает Плутарх: Об изгнании, 6.
81 *...он... отказался выйти... из темницы...* — Этому посвящен у Платона диалог «Критон». Ср. также: Апология Сократа, 38 b—e.
82 *Сверх сил и удела старости.* — *Вергилий*. Энеида, VI, 114.
83 *...персы умели поднимать по желанию свежий ветер...* — Ксенофонт рассказывает об этом: Киропедия, VIII, 8.
84 *...все мудрецы... ощущают от этого помощь.* — Источник Монтеня: *Плутарх*. Ходячие возражения против стоиков, 8:
85 *Перед моими глазами. . витают образы покинутых мест.* — *Овидий*. Скорбные песни, III, 4, 57.
86 *Пусть установленный предел исключит споры...* — *Гораций*. Послания, II, 1, 39 и 45—47.
87 *Природа не дала нам познания предела вещей.* — *Цицерон*. Академические вопросы, II, 29.
88 *...бесноватые из Карентии...* — Источник Монтеня: *Саксон Грамматик*. История датских королей, кн. XIV. *Карентия* — замок с прилежащим к нему городом на о. Рюген.
89 *Твоя жена... полагает... что тебе одному хорошо...* — *Теренций*. Братья, I, 1, 7—9.
90 *В истинной дружбе...* — Здесь Монтень намекает на свою дружбу с Этьеном де Ла Боэси (см. XXVIII «О дружбе»).
91 *...столько... мудрецов... покинули... родину...* — Все перечисленные философы — стоики; *Хрисипп* — см. прим. 10, с. 367, гл. VI; *Клеанф* — см. прим. 4, с. 383; *Диоген* из Селевкии — греческий философ II в. до н. э.; *Зенон* — см. прим. 77, с. 386; *Антипатр* из Тарса — греческий философ II в. до н. э. Источник Монтеня: *Плутарх*. Противоречия философов-стоиков и Об изгнании, 14.
92 *Я бы... последовал примеру... Диона.* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций, IV, 46—47.
93 *Мы даем исследовать глубины нашего сердца.* — Персий, V, 22.
94 *...дружба... сладостнее, чем вода и огонь!* — Это изречение приводится Плутархом (Как отличить друга от льстеца, 5) и Цицероном (О дружбе, 6).

95 *...индусы... считали... справедливым умерщвлять всякого...* — Источник Монтеня: Геродот, III, 99—100.

96 *...тот, кто велел зарезать младенцев, чтобы исцелиться... их кровью.* — Возможно, что Монтень здесь имеет в виду французского короля Людовика XI, который, как передает Гаген (Анналы, X, 33), пил взятую у детей кровь.

97 *...тот... которому приводили молодых девушек, чтобы они согревали... его... тело...* — Монтень имеет в виду царя Давида (Библия, Третья книга Царств, 1, 1—4).

98 *...достаточно... следов, чтобы... узнать остальное.* — Лукреций, I, 402—403.

99 *...если бы я не отстаивал... одного моего умершего друга...* — Монтень намекает на свои старания оградить память Этьена де Ла Боэси от нападок со стороны реакционных кругов в связи с опубликованием гугенотами в 1576 г. трактата Ла Боэси «О добровольном рабстве» (см. I, XXVIII («О дружбе» с. 171); за пять лет до этого Монтень (в 1571 г.) издал томик сочинений и переводы Ла Боэси, снабдив книжку «Обращением к читателю», несколькими письмами и отрывками из своего письма к отцу об обстоятельствах болезни и смерти Ла Боэси.

100 *Я скорее проглотил бы питье Сократа...* — Сократ выпил яд по приговору афинского суда. Катон закололся мечом, и смерть его была особенно мучительна

101 *...приближенные Антония и Клеопатры, пожелавшие умереть вместе с ними?* — Источник Монтеня: *Плутарх.* Жизнеописание Антония, 71. Приближенные Антония и Клеопатры, согласно рассказу Плутарха, образовали кружок, который поставил себе целью умереть всем вместе; они проводили целые дни в пирах, приглашая к себе друг друга.

102 *...смерть Петрония и Тигеллина...* — Об этом рассказывает Тацит: Анналы, XVI, 19; История, I, 72.

103 *Жизнью управляет не мудрость, но судьба.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 9. *Феофраст* — см. прим. 318, с. 432.

104 *Пир не роскошный, но вполне пристойный.* — Сатурналии, I, 6. Эти слова цитируют Нонний Марцелл (XI) и Юст Липсий (Сатурналии, I, 6); кто их автор, не установлено.

105 *Больше веселья, чем роскоши.* — *Корнелий Непот.* Жизнеописание Аттика, 13.

106 *Если бы мудрость дарилась... с... условием держать ее про себя... я бы от нее отказался.* — *Сенека.* Письма, 6, 4.

107 *Если бы мудрецу досталось... не... повидать хотя бы одного человека...* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 43.

108 *...мнение, высказанное Архитом...* — Источник Монтеня: *Цицерон.* О дружбе, 23. *Архит* (ок. 440—360 гг. до н. э.) — греческий философ-пифагореец, математик, астроном, государственный деятель, полководец.

109 *Аристипп любил жить, чувствуя себя всегда... чужим* — Об этом передает Ксенофонт: Воспоминания о Сократе, II, 1.

110 *Если бы судьба разрешила мне жить по моему усмотрению.* — *Вергилий.* Энеида, IV, 340—341.

111 *Охваченный жаждой повидать... места...* — *Гораций.* Оды, III, 3, 55—56.

112 *...пышность... обстановки удовлетворяла... короля.* — Монтень имеет в виду двукратное посещение его замка Генрихом Наваррским в 1584 и 1587 гг.

113 *.. которая тебя терзает и мучит...* — Энний, в цитате у Цицерона; О старости, I. Эти слова Энния незначительно изменены Монтенем.

114 *Судьба никогда не благоволит открыто* — Квинт Курций, IV, 14.

115 *...только разум может обеспечить... покой.* — *Сенека.* Письма, 56, 6.

116 *Пусть одно весло... задевает воду, а другое песок.* — Проперций, III, 3, 23. У Проперция сказано не «у меня», а «у тебя».

117 *...умствования мудрецов... суетны.* — Послание к коринфянам, I, 3, 20; Псалтирь, 93, 11.

118 *Каждый из нас претерпевает... страдания.* — *Вергилий.* Энеида, VI, 743.

119 *Мы должны... не идти наперекор... законам природы...* — *Цицерон*. Об обязанностях, I, 31.

120 *Порция* — дочь Катона Утического, добродетельная и преданная жена Юния Брута, лишившая себя жизни, узнав о гибели своего мужа, покончившего самоубийством вскоре после битвы при Филиппах (42 г. до н. э.); так как окружающие отобрали у нее оружие, она проглотила раскаленные угли. О конце Порции рассказывает Плутарх. Жизнеописание Брута, 14.

121 *...некий дворянин...* — Комментаторы Монтеня высказывают предположение, что он намекает на Теодора де Беза, опубликовавшего в течение короткого времени свои «Юношеские стихотворения» и сочинение, оправдывавшее сожжение Михаила Сервета (Михаил Сервет был сожжен на костре как безбожник в 1555 г.); впрочем, возможно, что Монтень имел в виду не де Беза, а Мюре, произнесшего в 1552 г. речь «О высоких достоинствах теологии», а вскоре издавшего свои малопристойные «Юношеские стихотворения».

122 *Аристон говорил...* — Об этом рассказывает Плутарх: Как нужно слушать, 8. *Аристон* — греческий философ-стоик (III в. до н. э.).

123 *И Ксенофонт... написал против аристиппова учения...* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций, II, 48.

124 *Пусть опасно больные лечатся у лучших врачей.* — Ювенал, XIII, 124.

125 *Антисфен разрешает мудрому любить...* — Об этом передает Диоген Лаэрций, VI, 11.

126 *...Диоген говорил...* — Об этом см. у Диогена Лаэрция: VI, 38.

127 *...говорила... Лаиса...* — Источник Монтеня: *Гевара*. Золотые письма (франц. перевод: Epitres dorées, 1559), т. I, с. 256.

128 *Никто не считает, что он грешит сверх... дозволенного.* — Ювенал, XIV, 233—234.

129 *Что тебе, Олл, до того...* — Марциал, VII, 10, 1—2.

130 *Одного из... королей упрекают...* — Возможно, что Монтень имеет в виду французского короля Карла VIII, якобы по настоянию своего исповедника возвратившего Испании провинцию Руссильон.

131 *Кто хочет остаться честным, тот должен покинуть двор.* — Лукан, VIII, 493—494.

132 *Платон говорит..* — Государство, VI, 493 а.

133 *...он имеет в виду не... государство вроде Афин...* — Государство, VII, 521 b—e.

134 *Но ты, Катулл, продолжай упорствовать.* — Катулл, VIII, 19.

135 *...Сократ... не умел правильно сосчитать черепки при голосовании...* — Об этом свойстве Сократа рассказывается у Платона в «Горгии», 474а.

136 *Сатурнин заявил...* — Источник Монтеня: *Требеллий Полион*. Тридцать тиранов, 23 (Scriptores Historiae Augustae). *Сатурнин* — римский военачальник, провозглашенный в 280 г., вопреки его желанию, императором. Монтень ошибочно переводит латинское imperator, которое имеет два значения («император» и «полководец», «главнокомандующий»), как «главнокомандующий», хотя здесь это слово следовало перевести как «император».

137 *Агесилай... ничем его не обидел.* — Здесь Монтень не вполне точно пересказывает Ксенофонта (Агесилай, 3). *Агесилай* — см. прим. 13, с. 365.

138 *Если я замечаю... непорочного мужа, я сравниваю это чудо с двухголовым ребенком...* — Ювенал, XIII, 64—66. *Мул* — животное, не способное к размножению.

139 *...при тех трех мошенниках...* — т. е. при 2-м триумвирате, который был составлен в 43 г. до н. э. Марком Антонием, Октавианом и Лепидом.

140 *Куда же ты отклоняешься?* — *Вергилий*. Энеида, V, 166

141 *«Девушка с Андроса»* и *«Евнух»* — комедии Теренция.

142 *...как говорит Платон...* — Ион, 534 b.

143 *...он рассказывает о сократовом «демоне»!* — *Плутарх*. О демоне Сократа.

144 *...по словам Платона...* — Законы, IV, 719 c.

145 *Что приносит нам пользу походя, не так уж полезно.* — *Сенека*. Письма, 2, 3.

146 *Не так уж плохо.* — Неоднократно посещавший Италию Монтень использует в этом месте ходячее итальянское выражение.

147 *Аристотель где-то похваляется...* — Источник Монтеня: Авл Гелий, XX, 4; *Плутарх.* Жизнеописание Александра, 9.
148 *Лукулл* — см. прим. 16, с. 406; *Метелл,* Квинт Цецилий Македонский — см. прим. 52, с. 453 (впрочем, Монтень мог иметь в виду и другого Метелла, а именно Квинта Цецилия *Метелла* Нумидийского, консула 109 г. до н. э.): *Сципион*: вероятнее всего, Монтень имеет в виду Публия Корнелия Сципиона Африканского; Сципионы — прославленный римский род, многие представители которого сыграли видную роль в истории Рима.
149 *За восемнадцать лет...* — Отец Монтеня, Пьер Эйкем, скончался в 1568 г.
150 *Аркесилай, посетив больного Ктесибия...* — Об этом рассказывает Плутарх (Как отличить друга от льстеца, 22) и Диоген Лаэрций (IV, 37). Плутарх называет не Ктесибия, а Апеллеса Хиосского.
151 *Я... затевал споры... вступаясь за Брута.* — Монтень имеет в виду Марка Юния Брута (86—42 гг. до н. э.), римского государственного деятеля, одного из убийц Цезаря, который был весьма расположен к Бруту и, как некоторые полагали, был, к тому же, его отцом.
152 *...куда бы мы ни направились, мы повсюду вступаем в какое-либо место, отмеченное молвой.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, V, 1—2.
153 *Я благоговею перед ними...* — *Сенека.* Письма, 64, 10.
154 *Еще более драгоценный благодаря своим достославным развалинам.* — *Сидоний Аполлинарий.* Песни, XX, 62.
155 *Только в... этом месте природа... осталась довольна своим творением.* — *Плиний.* Естественная история, III, 6.
156 *...Кто стремится ко многому, у того и многого недостает.* — *Гораций.* Оды, III, 16, 21—23 и 42—43.
157 *Ни о чем больше я не прошу богов.* — *Гораций.* Оды, II, 18, 11—12.
158 *Прочее я препоручаю судьбе.* — *Овидий.* Метаморфозы, II, 140.
159 *Уже не может родиться ничто хорошее...* — *Тертуллиан.* Апологетика.

Глава X

О ТОМ, ЧТО НУЖНО ВЛАДЕТЬ СВОЕЙ ВОЛЕЙ

1 *Платон советует...* — Законы, VII, 792.
2 *...рожденный для безмятежного досуга.* — *Овидий.* Скорбные песни, III, 2, 9.
3 *Занятия ради занятия.* — *Сенека.* Письма, 22, 8. Монтень несколько изменил слова Сенеки.
4 *Ты ступаешь по огню, прикрытому обманчивым пеплом.* — *Гораций.* Оды, II, 1, 7—8
5 *Горожане Бордо избрали меня мэром...* — Это избрание состоялось в августе 1581 г., когда Монтень был на водах в Лукке (Италия).
6 *Бирон,* Арман (1524—1592).
7 *Матиньон,* Жак (1525—1597).
8 *Оба — выдающиеся деятели в мирное и в военное время.* — *Вергилий.* Энеида, XI, 658. Монтень изменяет слова Вергилия, приспособляя их к своему контексту.
9 *Александр с пренебрежением выслушал коринфских послов...* — Об этом сообщает Плутарх (О трех формах правления, 3) и Сенека (О благодеяниях, I, 13). Плутарх о Вакхе не упоминает.
10 *...он управлял ими...* — Отец Монтеня, Пьер Эйкем, был избран мэром Бордо 1 августа 1554 г.
11 *...часто их нужно обманывать, чтобы они не заблуждались.* — *Квинтилиан.* Обучение оратора, II, 17.
12 *...кто друг себе, тот друг и всем.* — *Сенека.* Письма, 6, 7. Монтень несколько изменяет слова Сенеки.
13 *Он не боится умереть... за родину.* — *Гораций.* Оды, IV, 9, 51.
14 *Страсть всегда плохо руководит делами.* — *Стаций.* Фиваида, X, 704—705.

15 *Торопливость задерживает.* — Квинт Курций, IX, 9.
16 *Поспешность сама себе препятствует.* — *Сенека.* Письма, 44, 7.
17 *...как мы можем поверить, что... богатство способно насытить мои желания?* — Луцилий, V, цитированный Нонием Марцеллом, V. См. Multum et satis.
18 *Сократ... воскликнул...* — Об этом сообщает Цицерон: Тускуланские беседы, V, 32.
19 *...паек Метродора весил двенадцать унций...* — Источник Монтеня: *Сенека.* Письма, 18, 9. *Метродор* из Лампсака (ум. в 277 г. до н. э.) — любимый ученик Эпикура.
20 *...Метрокл...ночевал вместе с овцами...* — Это сообщает Плутарх: О том, что порок делает человека несчастным, 3. *Метрокл* — см. прим. 618, с. 445.
21 *Природа дает достаточно, чтобы удовлетворить природные потребности.* — *Сенека.* Письма, 90, 16.
22 *Клеанф жил трудом своих рук...* — Диоген Лаэрций, VII, 170. *Клеанф* — см. прим. 4, с. 383.
23 *К чему мне удача, если я не могу ею воспользоваться.* — *Гораций.* Послания, I, 5, 12.
24 *...недавнее исчезновение десяти дней, исключенных из календаря повелением папы...* — Речь идет о реформе календаря, проведенной папою Григорием XIII, который повелел 5 октября 1582 г. считать 15 октября. Календарь, введенный папой Григорием XIII, получил название «григорианского» и был принят в большинстве христианских стран (так называемый «новый стиль»). Монтень говорит о реформе календаря и в другом месте настоящей книги «Опытов» (III, XI).
25 *Весь мир занимается лицедейством.* — Стих Петрония, сохраненный Иоанном Салисберийским: Поликратик, III, 8.
26 *Они настолько упоены своим счастьем, что забывают даже природу.* — Квинт Курций, III, 2. Монтень перефразирует Квинта Курция.
27 *Я не питаю ненависти сверх той, которую требует от меня война.* — Чьи это слова, не установлено.
28 *Кто не может следовать велениям разума, тот пусть следует за движениями души.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, IV, 25. Монтень приспособил слова Цицерона к своему контексту.
29 *Каждый нападал на то, что имело к нему прямое отношение.* — Тит Ливий, XXXIV, 36.
30 *Аполлоний Тианский* — см. прим. 62, с. 422.
31 *...на примере той из... партий, которая сложилась... раньше других.* — Т. е. партии протестантов.
32 *...вторая партия... во многом ее превзошла.* — Т. е. партия воинствующих и непримиримых католиков.
33 *...некто... насмеялся над Диогеном...* — Об этом передает Плутарх: Изречения лакедемонян.
34 *Он... заплатил... за... роскошный сосуд... но... разбил его вдребезги...* — Это рассказывает Плутарх: Изречения древних царей. *Котис* — так звали нескольких фракийских и боспорских царей. Плутарх рассказывает, видимо, о Котисе II, царе фракийского племени одрисов (II в. до н. э.).
35 *Им легче не начинать, чем остановиться на полпути.* — *Сенека.* Письма, 72, 11.
36 *Словно утес, выступающий в открытое море...* — *Вергилий.* Энеида, X, 693—696.
37 *Зенон... внезапно поднялся со своего места...* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций, VII, 17.
38 *Сократ не говорил...* — *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе, I, 3.
39 *...он не считал себя достаточно сильным, чтобы устоять перед соблазнами...* — Об отношении Кира к Панфее рассказывается у Ксенофонта: Киропедия, V, 1 и др.
40 *И не введи нас во искушение.* — Евангелие от Матфея, VI, 13.
41 *Несчастный корабль...* — Эти стихи (Бьюкенен, начало «Францисканца») даны Монтенем в переводе перед тем, как он их цитирует.
42 *...страсти сами себя возбуждают...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, IV, 18.

[43] *Душа, прежде чем поддаться страстям, содрогается.* — Чьи эти слова, не установлено.
[44] *...носятся... шумы, возвещающие... что идет буря.* — *Вергилий.* Энеида, X, 97—99.
[45] *Нужно сделать все... чтобы избежать тяжбы...* — *Цицерон.* Об обязанностях, II, 18.
[46] *...последний герцог Бургундский...* — Карл Смелый (см. прим. 2, с. 394, гл. XXXVIII). Источник Монтеня: Коммин, V, 1.
[47] *...Помпей и Цезарь... отпрыски своих двух предшественников...* — Т. е. Суллы и Мария; Плутарх (Жизнеописание Мария, 10) сообщает, что Сулла, повелев изготовить печать в память своей победы над нумидийским царем Югуртой, возбудил зависть в Марии, что и явилось причиною ссоры между ними.
[48] *...из-за одного яблока...* — намек на спор трех богинь, приведший к Троянской войне.
[49] *Плутарх говорит...* — О ложном стыде, 9.
[50] *Начинайте с прохладцей... продолжайте с горячностью.* — Об этом передает Диоген Лаэрций: I, 87.
[51] *Их легче вырвать из души, чем умерить.* — Чьи это слова, не установлено.
[52] *Счастлив, кто мог познать причины вещей...* — *Вергилий.* Георгики, II, 490—494. *Ахерон* — подземная река в царстве мертвых; *Пан* — бог лесов, покровитель пастухов и стад; *Сильван* — бог лесов, полей и стад.
[53] *Я... опасаюсь... обращать на себя внимание.* — *Гораций.* Оды, III, 16, 18—19.
[54] *Всегда спокойный...* — *Квинт Цицерон.* О домогательстве консульства, 2.
[55] *...не бросающийся в глаза.* — *Цицерон.* Об обязанностях, I, 34. Монтень незначительно изменяет слова Цицерона, приспособляя их к своему контексту.
[56] *Так... поступали греческие хирурги...* — Источник Монтеня: *Плутарх.* Как отличить друга от льстеца, 32.
[57] *...мальчик завидовал победам... отца...* — Об этом передает *Плутарх.* Жизнеописание Александра, 12.
[58] *Алкивиад... предпочитает умереть...* — *Платон.* Первый Алкивиад.
[59] *...чванился перед служанкой...* — *Плутарх.* Как заметить, приносят ли упражнение и добродетели пользу, 10; Монтень не вполне точно пересказывает Плутарха.
[60] *Не нам, господи... но имени твоему дай славу.* — Псалтырь, 113, 9.
[61] *...уважения... заслуживают... не все добросовестные поступки...* — *Плутарх.* Ходячие возражения против стоиков.
[62] *...отнимают у него похвалы...* — *Цицерон.* Об обязанностях, II, 22.
[63] *Чего стоит слава, которая... приобретена на рынке?* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, II, 15.
[64] *...представляется более похвальным все то, что совершается... не на глазах...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, II, 26.
[65] *...самый прославленный человек на свете.* — Т. е. Цицерон. Для людей Возрождения Цицерон и в самом деле был величайшим, не имеющим соперников авторитетом.
[66] *Мне ли верить в подобное чудо?..* — *Вергилий.* Энеида, V, 849 и 848. Монтень не только переставляет стихи, но и вносит изменения в слова Вергилия, приспособляя их к своему контексту.

Глава XI
О ХРОМЫХ

[1] *Еще Плутарх говорил...* — Римские дела, 24.
[2] *Способное придать тяжесть дыму.* — Персий, V, 20.
[3] *Ложное... близко соседствует с истиной...* — *Цицерон.* Академические вопросы, II, 21.
[4] *Из-за свойственной людям страсти... распространять слухи.* — Тит Ливий, XXVIII, 24.
[5] *Словно есть что-то несомненнее, чем невежество толпы.* — *Цицерон.* О гадании, II, 39.

6 *Благоразумию должно руководить...* — *Августин*. О граде божием, VI, 10.
7 *Смотря на обманчивую вещь...* — *Сенека*. Письма, 118, 7.
8 *Слава никогда не склоняется к бесспорному...* — Квинт Курций, IX, 2.
9 *Ирида — дочь Фавманта.* — Слова Платона (Теэтет, 155 d), приводимые Цицероном в его трактате «О природе богов» (III, 20), *Ирида* — дочь кентавра *Фавманта* — радуга и вечно любопытствующая вестница богов, т. е. любопытство есть порождение чуда (Thauma — по-гречески — чудо).
10 *Корас*, Жан (1513—1572) — в 1561 г. выпустил брошюру о процессе, упоминаемом Монтенем (дело мнимого Мартина Герра); неясности в этом деле Корас объяснял колдовством.
11 *...постановили... чтобы обе стороны явились... через сто лет.* — Об этом рассказывает Валерий Максим (VIII, 1, amb. 2) и Авл Геллий (XII, 7); использовал этот рассказ и Рабле (III, 44).
12 *Люди... верят тому, чего... не могут понять.* — Чьи это слова, не установлено.
13 *...уму свойственно... верить непостижимому.* — *Тацит*. История, I, 22. Монтень несколько изменяет слова Тацита, приспособляя их к своему контексту.
14 *Допустим, что это правдоподобно...* — *Цицерон*. Академические вопросы, II, 27.
15 *...следует предпочитать сомнение.* — *Августин*. О граде божием, XIX, 18.
16 *...я прописал бы скорее чемерицу, чем цикуту.* — *Чемерица* — растение, некогда применявшееся для лечения душевных болезней.
17 *...это — дело тронувшихся умом, а не преступников.* — Тит Ливий, VIII, 18.
18 *...я... разрубаю, как Александр — Гордиев узел.* — *Гордий* — фригийский крестьянин, ставший царем. Ярмо на плуге Гордия было прикреплено к дышлу столь искусным узлом, что никто не мог его развязать. Между тем, оракулом была обещана власть над всей Азией тому, кто развяжет Гордиев узел. Александр Македонский после бесплодных попыток проделать это разрубил его ударом меча, откуда и пошло выражение «разрубить Гордиев узел», т. е. покончить с затруднительным делом.
19 *...которому... пригрезилось, будто он вьючная лошадь...* — Об этом рассказывает Августин: О граде божием, XVIII, 18.
20 *Я не стыжусь... признаваться в незнании...* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 25.
21 *...царица амазонок... ответила скифу...* — Процитировав эти слова, Монтень тут же дал их перевод. Источник Монтеня — Схолиаст в комментариях к «Идиллиям» Феокрита (IV, 5, 62) или Эразм Роттердамский (Афоризмы, II, 9, 49).
22 *...философия древних разрешила этот вопрос...* — *Аристотель*. Проблемы, X, 24.
23 *...Тассо утверждает...* — Стихи и проза (Rime e prose). Феррара, 1585.
24 *Светоний... говорит...* — Калигула, 3. *Германик* (15 г. до н. э.—19 г. н. э.) — римский военачальник, племянник Тиберия, отравленный, как считают, по его приказанию.
25 *...туфля Ферамена...* — Речь идет о следующем: Ферамен, афинский государственный деятель и оратор V в. до н. э., был прозван «туфлей» или, точнее, «котурном» (*Плутарх*. Жизнеописание Никия, 2). Это прозвище было дано ему за его беспринципность и готовность примкнуть к любой партии, которая могла бы ему доставить власть и влияние, что и уподобляло его в некотором смысле котурну, так как этот вид обуви изготовлялся независимо от размеров ноги и был впору каждому.
26 *...сказал некий философ-киник Антигону...* — Об этом рассказывает Плутарх: О ложном стыде, 7.
27 *...это тепло открывает... скрытые поры...* — *Вергилий*. Георгики, I, 89—93. Борей, или Аквилон, — бог северного ветра.
28 *Всякая медаль имеет оборотную сторону* — итальянская пословица.
29 *...Клитомах говорил...* — Источник Монтеня: Цицерон. Академические вопросы, II, 34. *Клитомах* (см. прим. 252, с. 429).
30 *...Эзоп ответил...* — Об этом рассказывает Плануд: Жизнеописание Эзопа.

Глава XII
О ФИЗИОГНОМИИ

1 *Поучения Сократа, сохраненные в писаниях его друзей...* — Учение Сократа изложено главным образом его учениками Ксенофонтом и Платоном.

2 *Сохранять меру, исполнять свой долг, следовать природе.* — Лукан, II, 381—382. В этих словах Лукан характеризует основные житейские правила Катона Утического.

3 *...Сократ вернул разум... с неба... на землю...* — В этой фразе пересказываются знаменитые, прославляющие Сократа слова Цицерона в «Академических вопросах» (I, 4).

4 *...воспитывает в себе терпенье перед лицом... смерти...* — Мысли Сократа о смерти изложены Плутархом в «Утешительном слове Аполлонию».

5 *В изучении наук мы отличаемся... невоздержанностью...* — *Сенека.* Письма. 106, 12.

6 *...мать Агриколы... обуздывала у. . сына... жажду знания.* — *Тацит.* Жизнеописание Агриколы, 4. Агрикола, Гней Юлий (37—93) — римский военачальник, тесть Тацита.

7 *Для хорошей души не требуется много науки.* — *Сенека.* Письма, 106, 12. Монтень неточно цитирует Сенеку, не изменяя, однако, смысла его высказывания.

8 *«Тускуланские беседы»* — философское сочинение Цицерона, из которого Монтень очень часто черпает цитаты для «Опытов».

9 *...что приятнее отведать, чем выпить.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 5.

10 *...важен не ум, а душа.* — *Сенека.* Письма, 106. Монтень приспосабливает слова Сенеки к своему контексту.

11 *...в смертный час он... не оправдал ее. .. блистательно.* — В 65 г. н. э. Нерон приказал Сенеке, своему воспитателю, а затем министру, покончить с собой, избрав для себя смерть по своему выбору. Сенека приказал вскрыть себе вены. О последних днях и часах Сенеки см.: *Тацит.* Анналы, XV, 60—63.

12 *Великая душа изъясняется спокойнее и увереннее.* — *Сенека.* Письма, 115, 2.

13 *И ум и душа окрашены одинаково.* — *Сенека.* Письма, 114, 3.

14 *...простая... добродетель превратилась в... науку.* — *Сенека.* Письма, 95, 13.

15 *Сражаются не оружием, а пороками.* — Чьи это слова, не выяснено.

16 *...близкая беда угрожает...* — *Овидий.* Письма с Понта, I, 4, 57—58.

17 *Мы помираем от леченья.* — Чьи это стихи, не установлено.

18 *От лечения болезнь только усиливается.* — *Вергилий.* Энеида, XII, 46.

19 *...боги отвратили от нас свою благосклонность.* — Катулл, XIV. Свадьба Пелея и Фетиды, 405—406.

20 *...не мешайте этому юноше прийти на помощь...* — *Вергилий,* Георгики, I, 500—501. Вергилий имел в виду Октавиана Августа, которому во время написания этих строк было двадцать семь лет. Монтень, приводя эту цитату, думал, надо полагать, о Генрихе Наваррском, надеясь, что он положит конец гражданской смуте во Франции. Надежды Монтеня, как известно, оправдались.

21 *...примером яблони... возвращенной со всеми... плодами.* — Об этом рассказывает Фронтин: Стратегия, IV, 3.

22 *...под началом... командора родосских рыцарей...* — В 1310 г. Родос был захвачен рыцарским орденом иоаннитов; разбитые в 1522 г. турецким султаном Сулейманом II, родосские рыцари в 1530 г. обосновались на острове Мальта и с этого времени стали называться мальтийскими рыцарями, а их орден — Мальтийским орденом. Флот Мальтийского ордена, закаленный в непрерывной борьбе с турками, во времена Монтеня пользовался славой.

23 *...сады... остались не тронутыми... воинами...* — Источники Монтеня: *Гильом Постель.* История турок (Histoire des Turcs); *Паоло Джовьо.* Современная история (Historia sui temporis).

24 *...говорит Фавоний...* — Об этом сообщает Плутарх: Жизнеописание Брута, 13. *Фавоний*, Марк — римский сенатор; за связь с Брутом и Кассием казнен Октавианом после битвы при Филиппах (42 г. до н. э.).
25 *...Платон... не соглашается...* — *Платон*. Письма, VII, 324 с—326 b.
26 *...не одобрял... своего... друга Диона...* — Т. е. свержения Дионом сиракузского тирана Дионисия Младшего (357 г. до н. э.).
27 *Нет ничего более лживого, чем порочное суеверие...* — Тит Ливий, XXIX, 16.
28 *По Платону, неправда достигает предела...* — Государство, II, 361 a—b.
29 *Повсюду разоряют поля.* — *Вергилий*. Эклоги, I, 11—12.
30 *...преступная толпа сжигает... не повинные хижины...* — *Овидий*. Скорбные песни, III, 10, 65—66.
31 *Стены не дают... защиты...* — *Клавдиан*. Против Евтропия, I, 244.
32 *Гвельфы* и *гибеллины* — две могущественные партии, разделявшие Италию в XII, XIII и XIV вв. на два враждующих стана. Монтень называет гвельфами и гибеллинами католиков и протестантов, постоянно враждовавших между собой в те времена во Франции.
33 *Очевидность умаляется доказательствами...* — *Цицерон*. О природе богов, III, 4.
34 *Пусть я располагаю тем, чем... сейчас...* — *Гораций*. Послания, I, 18, 107—108.
35 *Наиболее могуществен тот...* — *Сенека*. Письма, 90, 34.
36 *Мы ощущаем общественные бедствия...* — Тит Ливий, XXX, 44.
37 *...стал я жертвой чумы...* — Эта эпидемия чумы началась летом 1585 г., за две недели до истечения срока пребывания на посту мэра Бордо. Сложив с себя обязанности мэра, Монтень с семьей в течение шести месяцев скитался по югу Франции, переезжая с места на место в поисках пристанища, не затронутого эпидемией.
38 *...никому не убежать от безжалостной Прозерпины.* — *Гораций*. Оды, I, 28, 19—20. *Прозерпина* — дочь Цереры и Юпитера, супруга Плутона, богиня подземного царства.
39 *Ты мог бы увидеть покинутые... земли...* — *Вергилий*. Георгики, III, 476—477.
40 *Неориты... бросали тела мертвецов в... глубь лесной чащи...* — Источник Монтеня: Диодор Сицилийский, XVII, 105. В современных изданиях Диодора Сицилийского этот народ именуется орнетами.
41 *...римские воины после битвы при Каннах... вырыли ямы...* — Об этом рассказывает Тит Ливий: XXII, 51.
42 *Размышляй об изгнании, пытках, войнах...* — *Сенека* Письма, 107, 4.
43 *Предчувствие страдания повергает... в... скорбь...* — *Сенека*. Письма, 74, 32.
44 *Иванов день* — 24 июня.
45 *...говорит один из мудрецов...* — т. е. Сенека (Письма, 13, 10).
46 *...совершенствуя заботами человеческие сердца.* — *Вергилий*. Георгики, I, 123.
47 *Усталость изнуряет чувства меньше, чем размышление.* — *Квинтилиан*. Обучение оратора, I, 12.
48 *Напрасно... хотите вы узнать час своих похорон...* — Проперций, II, 27. Монтень не вполне точно цитирует Проперция.
49 *Менее мучительно претерпеть внезапную гибель...* — *Максимиан, или Псевдо-Галл*. Элегии, I, 278—279.
50 *Вся жизнь философов есть приготовление к смерти.* — *Цицерон*. Тускуланские беседы, I, 30. В I книге «Опытов» (начало гл. XX) Монтень уже цитировал эти слова Цицерона; однако там он комментировал их в совершенно противоположном смысле. Таких противоречий в «Опытах» довольно много, и отчасти они объясняются длительностью срока, в течение которого писалась книга.
51 *...я тот же самый повсюду.* — *Гораций*. Послания, I, 1, 15.
52 *...Цезарь высказывал мнение...* — См.: *Светоний*. Божественный Юлий, 37. Мнение Цезаря Монтень уже приводил во II книге «Опытов» (гл. XIII).
53 *Кто страдает раньше... тот страдает больше...* — *Сенека*. Письма, 98, 8.
54 *...он... говорил своим судьям...* — Приводимая Монтенем речь Сократа представляет собой парафразу платоновой «Апологии Сократа» в латинском переводе Мар-

силио Фичино. *Пританей* — правительственное здание, в котором заседали пританы (высшие должностные лица в греческих полисах); афинский Пританей находился в Акрополе: в одном из его зданий помещалась трапезная, в которой неимущие граждане кормились на общественный счет.

55 *Лисий* (459—378 гг. до н. э.) — знаменитый афинский оратор.

56 *...виновники его гибели... повесились.* — Источник Монтеня: *Плутарх.* О зависти и ненависти, 6.

57 *Так обновляется совокупность вещей.* — Лукреций, II, 75.

58 *Одна пресекшаяся жизнь породила тысячу других.* — *Овидий.* Фасты, I, 380.

59 *...использован Сократом против Эвтидема.* — См.: *Платон.* Эвтидем.

60 *Для... душ... важно, в каком теле они заключены...* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 33.

61 *Сократ говорил о своем безобразии...* — Источник Монтеня: *Цицерон.* Тускуланские беседы, IV, 37.

62 *Сократ назвал ее благостной тиранией...* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций, V, 19.

63 *...преимуществом, которым может наделить природа.* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций, V, 19.

64 *Фрина проиграла бы свое дело...* — Источник Монтеня: *Квинтилиан.* Обучение оратора, II, 15. *Фрина* — знаменитая греческая куртизанка, жила в IV в. до н. э.; обвиненная в безбожии, она была привлечена к суду.

65 *По-гречески... обозначается одним словом.* — καλοκἀγαθία — красота, благородство и честность, соединенные вместе.

66 *...здоровье, красота, богатство.* — *Платон.* Горгий, 451 е.

67 *...красивым принадлежит право повелевать...* — *Аристотель.* Политика, I, 3.

68 *Аристотель ответил...* — Диоген Лаэрций, V, 20.

69 *Что я сказал?..* — *Теренций.* Сам себя наказующий, I, 42.

70 *...Ты видишь лишь кости изнуренного тела.* — Максимиан, или Псевдо-Галл, I, 238.

71 *...нужна отвага и душевная твердость.* — *Вергилий.* Энеида, VI, 261.

72 *...воззвав... к Кастору и Поллуксу.* — Катулл, XIII, 65. *Кастор* и *Поллукс* — братья-близнецы, сыновья Леды, первый от ее мужа Тиндара, второй от Юпитера, явившегося ей в образе лебедя; Кастор и Поллукс считались покровителями странников и моряков.

73 *...насколько у меня хватит духу их покарать.* — Тит Ливий, XXIX, 21. Монтень цитирует эти слова Ливия, приспособляя их к своему контексту.

74 *...Аристотеля как-то упрекали за... мягкосердечие...* — Об этом рассказывает Диоген Лаэрций: V, 17.

75 *...хоть я... всего-навсего трефовый валет...* — т. е. человек незначительный.

76 *...говорилось о... царе Харилае...* — Источник Монтеня: *Плутарх* О зависти и ненависти, 5.

77 *...Плутарх дает оба варианта...* — См.: *Плутарх.* Жизнеописание Ликурга, 5.

Глава XIII

ОБ ОПЫТЕ

1 *...опыт создал искусство...* — *Манилий.* Астрономика, 61—62.

2 *...умел разбираться, какое яйцо снесено...* — Об этом рассказывает Цицерон: Академические вопросы, II, 18. Цицерон говорит, однако, не о некоем человеке из Дельф, а о человеке с острова Делос.

3 *...во всех мирах Эпикура...* — По учению Эпикура, вселенная бесконечна, и в ней существуют бесчисленные миры, сходные с нашим и несходные.

4 *...мы... страдаем теперь от законов.* — *Тацит.* Анналы, III, 25.

5 *...любая страна только терпит от юристов и медиков.* — *Платон.* Государство, III, 405 а—с.

6 *Все... перемешано.* — *Сенека.* Письма, 89, 3. Монтень несколько изменил текст Сенеки.
7 *Ученость создает трудности.* — *Квинтилиан.* Обучение оратора, X, 3.
8 *Ульпиан Домиций* — см. прим. 84, с. 454. *Бартоло* — см. прим. 612, с. 444; *Бальдо дельи Убальди* — см. прим. 612, с. 444.
9 *Мышь в смоле* — латинская поговорка.
10 *...слова Кратеса о произведениях Гераклита...* — Диоген Лаэрций, IX, 12.
11 *Так видим мы, склонившись у ручья...* — Это стихи Ла Боэси, обращенные им к Маргарите де Карль, его будущей жене.
12 *...порождены одною и тою же гордыней.* — *Аристотель.* Никомахова этика, IV, 7.
13 Лернейская *гидра* — девятиглавое чудовище, у которого на месте каждой отрубленной головы вырастали две новые; чтобы убить чудовище, надо было отрубить все головы сразу, что и сделал Геракл.
14 *Сократ спросил у Мемнона...* — Источник Монтеня: *Плутарх.* О многочисленности друзей, I.
15 *Филипп... разрешил подобную... задачу...* — Источник Монтеня: *Плутарх.* Изречения древних царей.
16 *...вызывает... в памяти мнение древних...* — Источник Монтеня: *Плутарх.* Наставление занимающимся государственными делами, 21.
17 *...правосудие... действует на манер медицины...* — Источник Монтеня: *Плутарх.* Почему божественное правосудие не сразу наказывает виновных, 16.
18 *...правосудие создают обычаи и законы...* — См. Диоген Лаэрций, II, 93.
19 *...для мудрого воровство... и всякого рода разврат... допустимы...* — См.: Диоген Лаэрций, II, 99.
20 *Я, подобно Алкивиаду...* — *Плутарх.* Жизнеописание Алкивиада, 22.
21 *Люди являются к этим посланцам... за подарком.* — Источник Монтеня: *Гонсалес де Мендоса.* История Китая. Франц. перевод. Париж, 1588.
22 *Каким образом бог управляет мирозданием...* — Проперций, III, 5, 26—31. *Эвр* — юго-восточный ветер.
23 *...вы, кого занимает устройство мира.* — Лукан, I, 417.
24 *море постепенно вздувается и вздымает все выше волны... Вергилий.* Энеида, VII, 528—530.
25 *«Познай самого себя»* — эти слова были начертаны на фронтоне храма Аполлона в Дельфах.
26 *Платон говорит...* — Хармид.
27 *...Сократ... подтверждает это... примерами.* — *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе, IV, 2.
28 *...хитроумное платоновское положение...* — *Платон.* Менон, 89 b—d.
29 *...как показал Сократ Эвтидему...* — *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе, IV, 2.
30 *Нет ничего постыднее, чем предварять утверждением... познание...* — *Цицерон.* Академические вопросы, I, 12.
31 *Аристарх сказал...* — Об этом передает Плутарх: О братской дружбе, I.
32 *...то же, что с древним сыном земли...* — т. е. Антеем, сыном Посейдона и Геи (богини земли), которого задушил Геракл. Увидев, что Антей набирается сил, прикоснувшись к земле, Геракл поднял его на воздух и благодаря этому одолел его.
33 *...у которого... исполнялись новою силою... мышцы.* — Лукан, IV, 599—600.
34 *...Антисфен сказал своим ученикам...* — Диоген Лаэрций, VI, 2.
35 *...одной добродетели достаточно, чтобы сделать жизнь счастливой...* — Диоген Лаэрций, VI, 11.
36 *Но невозможно исчислить...* — *Вергилий.* Георгики, II, 103—104.
37 *Лишь одна мудрость полностью обращена на себя.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, III, 7.
38 *Персей* (178—167 гг. до н. э.) — царь македонский, разгромленный под Пидной римским полководцем Эмилием Павлом, взятый им в плен и умерший в заключении. Передаваемое Монтенем см.: Тит Ливий, XLI, 20.

[39] *Платон говорит...* — Горгий, 487 а.
[40] *Пока... быстрая кровь давала мне силы...* — *Вергилий*. Энеида, V, 415—416.
[41] *...который... не хочет ничего другого.* — Марциал, X, 47, 12. Этот стих процитирован Монтенем не вполне точно.
[42] *...каждый... должен... уметь обходиться без врачей.* — *Тацит*. Анналы, VI, 46; *Светоний*. Жизнеописание Тиберия, 68; *Плутарх*. Как сохранять здоровье, 23.
[43] *Эту мысль он мог позаимствовать у Сократа...* — Источник Монтеня: *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе, IV, 7.
[44] *...Платон был прав...* — Государство, III, 408 d—e.
[45] *Наконец-то я подаю руку этой могущественной науке.* — *Гораций*. Эподы, XVII, 1.
[46] *Цирцея* (Кирка) — волшебница, властительница острова, на который попал Одиссей со своими спутниками (*Гомер*. Одиссея, X); дав им волшебный напиток, Цирцея превратила их в свиней. Позднее, по настоянию Одиссея, она их расколдовала.
[47] *...об этом... говорится где-то у Сенеки.* — *Сенека*. Письма, 90, 25.
[48] *...лучшая утеха жизни — огонь...* — *Плутарх*. Проблемы платоновой философии, 10.
[49] *Васкосан*, Мишель (ок. 1500—1576) и *Плантен*, *Кристоф* (1514—1589) — известные французские печатники, современники Монтеня.
[50] *...Аристотель говорит об Андроне аргийце...* — Диоген Лаэрций, IX, 81.
[51] *...хочу упомянуть об одном дворянине...* — Известно, что Монтень имеет в виду Жана де Вивонна, французского посла в Испании с 1572 по 1583 г.
[52] *...это говорил и Сенека...* — Письма, 56, 5.
[53] *Когда Алкивиад спрашивал Сократа...* — Этот ответ Сократа приводит Диоген Лаэрций, II, 36.
[54] *Секстий* — см. прим. 224, с. 428. О том, что Секстий не употреблял в пищу мяса, Сенека сообщает в письме 108.
[55] *Аттал* — философ-стоик, у которого обучался Сенека, часто вспоминающий его в своих письмах. О том, что Аттал советовал спать на жестком ложе, Сенека сообщает в письме 108.
[56] *...она не приложит примочки, пока не заглянет в... гороскоп.* — Ювенал, VI, 577—579.
[57] *...по словам Филопемена...* — *Плутарх*. Жизнеописание Филопемена, 3. *Филопемен* (ок. 252—183 гг. до н. э.) — греческий полководец.
[58] *...так исцелился Цезарь от падучей... и не поддавался ей.* — *Плутарх*. Жизнеописание Цезаря, 17.
[59] *Человек... животное чистое...* — *Сенека*. Письма, 92, 12.
[60] *Стоит ли жизнь такой цены?* — Чьи это слова, не установлено.
[61] *Нас заставляют отучить душу от привычных вещей...* — Максимиан, или Псевдо-Галл, I, 155—156 и I, 247—248.
[62] *Когда порхающий... Купидон блистал возле меня..* — Катулл, XVIII, 133—134.
[63] *И сражался не бесславно.* — *Гораций*. Оды, III, 26, 2.
[64] *Помню, что счет у меня едва доходил до шести.* — *Овидий*. Любовные песни, III, 7, 26. Монтень несколько изменил слова Овидия.
[65] *Квартилла* — персонаж из «Сатирикона» Петрония.
[66] *Вот почему я стал похотлив...* — Марциал, XI, 27, 7.
[67] *Защити меня, господи...* — Монтень приводит здесь испанскую поговорку, встречающуюся в различных вариантах у многих народов Европы.
[68] *Фернель*, Жан (1497—1558) — знаменитый французский врач, автор большого количества трудов, прозванный современниками «Галеном нового времени»; *Скалигер*, Юлий Цезарь (1484—1558), — прославленный французский эрудит, автор трудов по филологии и медицине.
[69] *...в одной греческой школе кто-то говорил очень громко...* — Об этом рассказывает Плутарх: О велеречивости, 21.
[70] *Есть некий голос, который хорошо доходит до слушателей...* — *Квинтилиан*, Обучение оратора, XI, 3.

71 *Я согласен с Крантором...* — *Платон.* Тимей, 89 b—с. *Крантор* — см. прим. 200, с. 427.

72 *Возмущайся, если несправедливость совершена только по отношению к тебе одному.* — *Сенека.* Письма, 91, 15.

73 *...Что ты тщетно предаешься ребяческим мечтам?* — *Овидий.* Скорбные песни, III, 8, 11.

74 *Платон не считает...* — Государство, III, 406 с.

75 *...в один прекрасный день... сооружение... развалится и... рухнет...* — Максимиан, или Псевдо-Галл, I, 171—174.

76 *...Ктесифонт... бил своего мула ногами...* — Об этом рассказывает Плутарх: Как надлежит сдерживать гнев, 8.

77 *Незаслуженное страдание — особенно мучительно.* — *Овидий.* Героиды, V, 8.

78 *Когда с Сократа сняли оковы...* — Об этом передает Платон в «Федоне», 60 b—с.

79 *...Цицерон, говоря о болезни старости...* — *Цицерон.* О старости.

80 *Злоупотребление сном Платон считает более пагубным, чем злоупотребление вином.* — *Платон.* Законы, VII, 807 е, 808 а—b.

81 *Прекрасно, по-моему, умереть сражаясь.* — *Вергилий.* Энеида, II, 317.

82 *Жить... значит бороться.* — *Сенека.* Письма, 96, 5.

83 *Это тело больше не в силах... терпеть ливни.* — *Гораций.* Оды, III, 10, 19—20.

84 *Тревоги моей... души не подтачивают... моего тела.* — *Овидий.* Скорбные песни, III, 8, 25.

85 *Кто удивится, увидев в Альпах зобатого.* — Ювенал, XIII, 162. Альпийские жители часто страдают так называемым эндемическим зобом; считают, что это заболевание вызывается недостаточным количеством иода в питьевой воде.

86 *...в сновидениях перед людьми проходит все то, чем они занимаются в жизни...* — Стихи из трагедии Аттика, процитированные Цицероном в его трактате «О гадании»: I, 22.

87 *...разум... должен извлекать из снов предвещание будущего.* — *Платон.* Тимей, 71 е.

88 *...примеры, приводимые Сократом, Ксенофонтом, Аристотелем...* — Эти свидетельства приводятся Цицероном: О гадании, I, 25.

89 *...атланты никогда не видят снов...* — Источник Монтеня: Геродот, IV, 184. *Атланты* — легендарный народ, живший, по мнению античных историков, на севере Африки, в горах Атласа. По Диодору Сицилийскому, атланты достигли высокого уровня цивилизации, но были побеждены и истреблены другим легендарным народом — троглодитами.

90 *...Пифагор советовал принимать определенную пищу...* — О советах Пифагора по этому поводу см.: *Цицерон.* О гадании, II, 58.

91 *...слуга Перикла ходил по... гребню крыши.* — Об этом рассказывает Диоген Лаэрций, IX, 82.

92 *...не согласен с мнением Фаворина...* — Авл Геллий, XV, 8. Авл Геллий говорит не о Фаворине, а о Фавонии. Монтень ошибочно приписывает Фаворину те суждения, которые Фавоний, по Авлу Геллию, подвергал критике.

93 *Это забавы пресытившейся богатством роскоши.* — *Сенека.* Письма, 18, 7.

94 *Если ты боишься отведать овощи, поданные в простой миске.* — *Гораций.* Послания, I, 5, 2. Монтень приспособил стих Горация к своему контексту.

95 *Довольствующийся немногим желудок освобождает от очень многого.* — *Сенека.* Письма, 123, 3.

96 *Как по сердцу мне душевное благородство Хелониды...* — См.: *Плутарх.* Жизнеописание Агиса и Клеомена, 17.

97 *Натуре моей более свойственно следовать примеру Фламинина...* — См.: *Плутарх.* Жизнеописание Фламинина, I.

98 *...примеру Пирра, унижавшегося перед сильными...* — См.: *Плутарх.* Жизнеописание Пирра, 3.

[99] *...приходить к столу... позже других, как это делал Август...* — Об этом сообщает Светоний: Жизнеописание Августа, 74.

[100] *...Солон... считает крайним пределом... семьдесят лет.* — Об этом сообщает Геродот: I, 32.

[101] ''Αριστον μέτρον (Благодетельную умеренность). — Здесь Монтень, как обычно, выражает свою приверженность к известному латинскому изречению Sapienti sat... (мудрому довольно).

[102] *Все, что делается согласно природе, должно считать хорошим.* — *Цицерон.* О старости, 19.

[103] *...смерть... к которой нас приводит старость, — наиболее легкая...* — Платон говорит от этом в «Тимее», 81 е.

[104] *Молодых лишает жизни насилие...* — *Цицерон.* О старости, 19.

[105] *...постничал, чтобы отучить свой вкус от изобилия яств...* — Об этом передает Сенека: Письма, 18, 9.

[106] *...с... божком... раздувшимся от винных паров...* — т. е. богини разума Афины и Диониса — бога вина.

[107] *...согласен с... Эпикуром...* — Источник Монтеня: *Сенека.* Письма, 19, 10.

[108] *...одобряю Хилона...* — См.: *Плутарх.* Пир семи мудрецов, 2.

[109] *...пил всего три раза в день.* — Об этом рассказывает Светоний: Жизнеописание Августа, 77.

[110] *...не желая нарушать правило Демокрита...* — Это передает Плиний Старший: Естественная история, XXVIII, 17. Впрочем, Плиний Старший говорит о Деметрии, а не о Демокрите. Монтень позаимствовал свой пример у Эразма Роттердамского (Афоризмы, II, 3, 1), который и допустил эту ошибку.

[111] *...обычай разбавлять вино водой введен был Кранаем...* — Об этом рассказывает Атеней: II, 2. *Кранай* — легендарный афинский царь.

[112] *Прислужница... Хрисиппа говорила... что у него только ноги хмелеют...* — Об этом рассказано у Диогена Лаэрция: VII, 183.

[113] *Диоген... дал... оплеуху... воспитателю.* — См.: *Плутарх.* О том, что добродетель можно преподать и ей можно научиться, 2.

[114] *В Риме были люди, обучавшие пристойно жевать...* — Источник Монтеня: *Сенека.* Письма, 15, 7.

[115] *Алкивиад... не допускал за столом даже музыки...* — Источник Монтеня: *Платон.* Протагор, 347 с—е.

[116] *Варрон считал...* — Об этом рассказывает Авл Геллий: XIII, 11.

[117] *Ксеркс... был просто самодовольным хлыщом...* — См.: *Цицерон.* Тускуланские беседы, V, 7.

[118] *Если сосуд недостаточно чист, скиснет все, что бы ты в него ни влил.* — *Гораций.* Послания, I, 2, 54.

[119] *...как показали весы Критолая.* — О весах Критолая сообщает Цицерон: Тускуланские беседы, V, 17. *Критолай* — греческий философ-перипатетик (II в. до н. э.), считавший, что если положить на чаши весов духовные и телесные радости, то духовные радости перевесят.

[120] *Философы киренской школы считают...* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций, II, 90.

[121] *...как говорит Аристотель...* — Никомахова этика, II, 7 и III, 11.

[122] *...как бы их поддержали... только Марс, Паллада или Меркурий — вместо Венеры, Цереры и Вакха.* — Т. е. бог войны, богиня мудрости и бог торговли, с одной стороны, и с другой — богиня любви, богиня плодородия и бог вина и веселья.

[123] *Аристипп выступал лишь в защиту плоти...* — Источник Монтеня: *Цицерон.* Академические вопросы, II, 45.

[124] *...Зенон считался только с душой...* — Источник Монтеня: *Цицерон.* Академические вопросы, II, 45.

[125] *...Платон нашел некий средний путь...* — Источник Монтеня: *Августин.* О граде божием, VIII, 4.

126 *...предается трапезе и беседе... как Брут...* — Об этом передает Плутарх: Жизнеописание Брута, 14. Полибий (около 210—215 гг. до н. э.) — греческий историк.
127 *О храбрые мужи... отгоните заботы...* — *Гораций.* Оды, I, 7, 30—33.
128 *...богословское и сорбоннское вино... превратились в пословицу...* — Эразм Роттердамский отмечает в своих «Афоризмах», что в Париже «богословским вином» называли вино, отличавшееся своей крепостью.
129 *У кого ученое сердце, у того и нёбо ученое.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, II, 8. Монтень изменил текст Цицерона.
130 *Эпаминонд не считал...* — Об этом сообщает Корнелий Непот: Жизнеописание Эпаминонда, 2.
131 *Среди стольких... деяний Сципиона Старшего.* — Об этом говорят: Тит Ливий, XXVI, 19; Авл Геллий, VI, 1; Валерий Максим, III, 7, 3.
132 *...он... собирает ракушки и играет в рожки...* — Источник Монтеня: *Цицерон.* Об ораторе, II, 6. Впрочем, Цицерон говорит о Сципионе Эмилиане, а не о Сципионе Старшем, так что тут ошибка Монтеня.
133 *...посещает... школы Сицилии и просиживает на уроках философии.* — Источник Монтеня: Тит Ливий, XIX, 19. Тит Ливий, однако, говорит о Сципионе Африканском, так что и здесь, как и в предыдущем случае, Монтень допустил ошибку.
134 *...в старости находит время обучаться танцам...* — Об этом передает Ксенофонт: Пир, 2.
135 *...Сократ... простоял в экстазе целый день и целую ночь...* — Об этом рассказывает Платон: Пир, 220 d—e.
136 *Первый... устремился... на помощь... Алкивиаду...* — Об этом рассказывает Платон: Пир, 220 d. Это случилось в битве при Потидее (429 г. до н. э.).
137 *Первым... попытался он спасти Ферамена...* — Источник Монтеня: Диодор Сицилийский, XIV, 5.
138 *...он поднял и спас Ксенофонта, сброшенного с коня...* — Об этом передает Диоген Лаэрций, II, 22.
139 *...превосходил всех своих товарищей терпением...* — См.: *Платон,* Пир, 220 b.
140 *Евдокс, почитавший наслаждение высшим жизненным благом...* — Источник Монтеня: Диоген Лаэрций, VIII, 87; Евдокс (ок. 409—ок. 356 гг. до н. э.) — греческий математик, астроном и географ, ученик Платона.
141 *Как безмерная радость, так и безмерная скорбь в одинаковой мере заслуживают порицания.* — *Цицерон.* Тускуланские беседы, IV, 31.
142 *...сила духа должна противостоять как страданию, так и... прелести наслаждения.* — *Платон.* Федон, 64 d—65 d.
143 *Это два источника...* — *Платон.* Законы, I, 636 d—e.
144 *Жизнь глупца неблагодарна, трепетна, целиком обращена в будущее.* — *Сенека.* Письма, 15, 9. Монтень незначительно изменил слова Сенеки.
145 *Похожие на призраков, которые... витают после смерти людей...* — *Вергилий.* Энеида, X, 641—642.
146 *...Александр говорил, что цель трудов в том, чтобы трудиться...* — Об этом передает Ариан: Анабасис, V, 26.
147 *...ничего не сделано, если нужно... еще что-нибудь сделать.* — Лукан, II, 657.
148 *Мудрый усердно ищет естественного богатства.* — *Сенека.* Письма, 119, 5.
149 *Эпименид отбивал у себя охоту к еде...* — Об этом сообщают: *Плутарх.* Пир семи мудрецов, 14; Диоген Лаэрций, I, 114. *Эпименид* — см. прим. 6, 398.
150 *Все, что согласно с природой, заслуживает уважения.* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, III, 6. Монтень скорее излагает, чем цитирует Цицерона.
151 *...Сократ... ценит... плотское наслаждение, но предпочитает духовное...* — См. *Платон.* Государство, IX, 586 d—587 a.
152 *Нужно проникнуть в природу вещей...* — *Цицерон.* О высшем благе и высшем зле, V, 16.
153 *Кто... осуждает природу плоти... тот... и душу любит по-плотски...* — *Августин.* О граде божием, XIV, 5.

154 *...глупости свойственно вяло и против воли делать то, что следует сделать...* — *Сенека.* Письма, 74, 32. Монтень не вполне точно цитирует Сенеку, приспособляя его слова к своему контексту.
155 *Эзоп... увидел как-то...* — *Плануд.* Жизнеописание Эзопа.
156 *Филота забавно уязвил его...* — Источник Монтеня: Квинт Курций, VI, 9, 18. *Филота* — см. прим. 16, с. 412.
157 *Ты властвуешь, потому что ведешь себя, как подвластный богам.* — *Гораций.* Оды, III, 6, 5.
158 *Себя считаешь человеком ты...* — *Плутарх.* Жизнеописание Помпея, 27. Монтень приводит эти слова в стихотворном переводе Амио.
159 *Дозволь, сын Латоны, мне... наслаждаться тем, что я приобрел...* — *Гораций.* Оды, I, 31, 17—20. *Сын Латоны* — т. е. Аполлон, бог солнца и искусств.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Составлен Р. М. Романовой. Указатель (не аннотированный) включает имена исторических лиц, встречающихся в тексте «Опытов» и в Примечаниях, не претендуя на полноту охвата всех упоминаемых Монтенем имен. Римские цифры означают тома, арабские — страницы нашего издания.

СОДЕРЖАНИЕ

(Главы I—VI, IX—X переведены А. С. Бобовичем, главы VII—VIII, XI—XIII переведены Н. Я. Рыковой)

ОПЫТЫ
КНИГА ТРЕТЬЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ

ОПЫТЫ

Книга третья

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор издательства
О. К. Логинова

Художник
В. Г Виноградов

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
В. Д. Прилепская

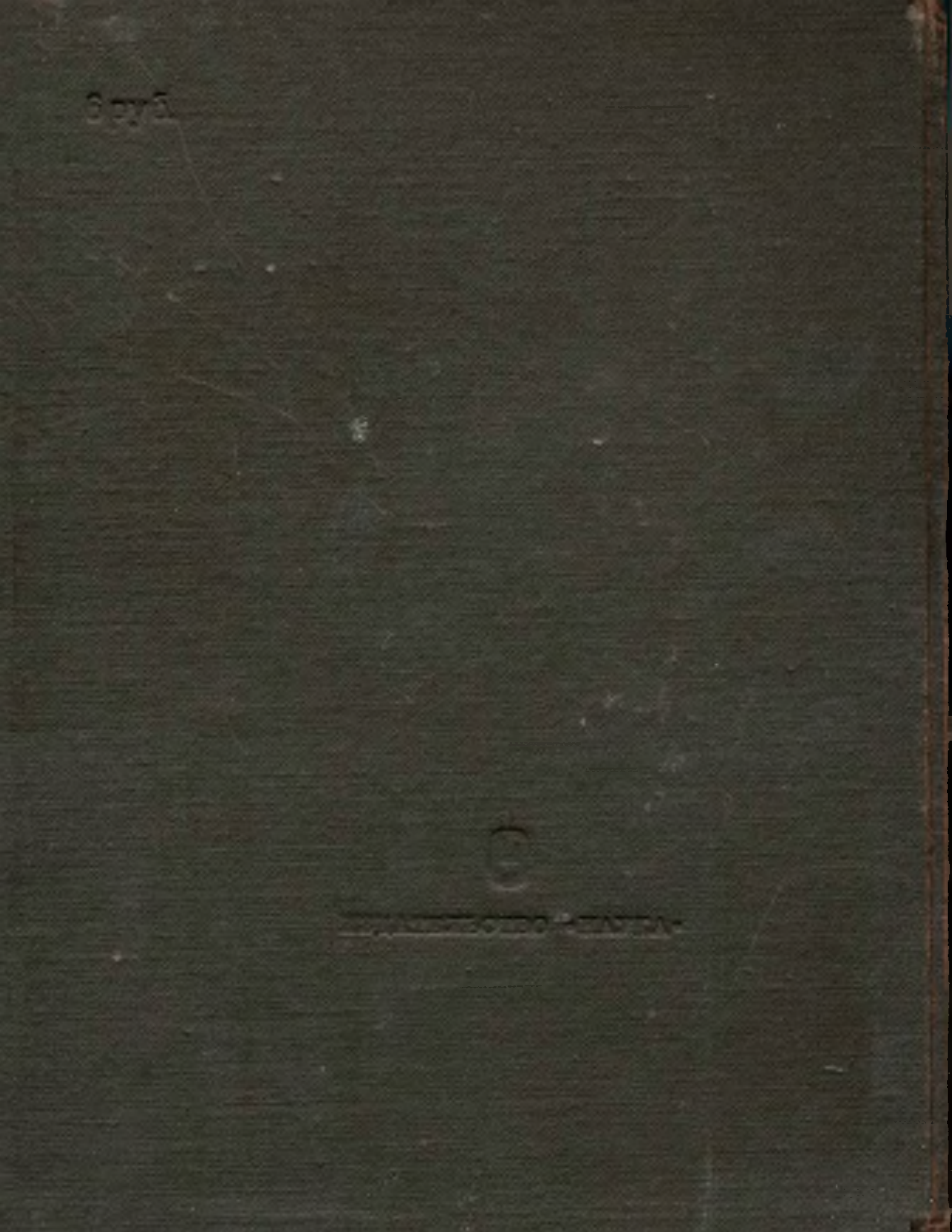
Корректоры
Л. С. Агапова, В. А. Бобров

ИБ № 5219

Сдано в набор 20.04.79.
Подписано к печати 11.09.79
Формат 70×90[1]/[16]
Бумага типографская № 1
Гарнитура академическая
Печать высокая
Усл. печ. л. 39.62. Уч.-изд. л. 45,7.
Тираж 200.000 экз 1-й завод (1—50 000) Тип зак. 313
Цена 6 руб

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7 Москва, В-864, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12


3 руб.